МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Самарский филиал

Исследования зарубежной истории

Выпуск 3

Проект реализован при поддержке Правительства Самарской области

Самара
2023

Moscow City University
Samara Branch

Issledovaniya zarubezhnoy istorii
[Studies in Foreign History]

Volume 3

The project has been implemented
with the support of the Government of the Samara region

Samara
2023

УДК 94
ББК 63.3
И88

Печатается по решению Ученого совета СФ ГАОУ ВО МГПУ

Под редакцией
д. и. н., проф. *Е. П. Бариновой*, д. и. н., проф. *Г. Е. Козловской*,
к. и. н., доц. *Е. А. Гуськова*

И88 Исследования зарубежной истории: сборник статей. Вып. 3 / под ред. Е. П. Бариновой, Г. Е. Козловской, Е. А. Гуськова. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2023. – 470 с.

ISBN 978-5-6045664-9-7

DOI: 10.55000/SemConf.2023.3.3

В сборник вошли избранные статьи участников конференции, посвящённой памяти С. Б. Семёнова, проходившей 18–19 мая 2023 года в Самарском филиале Московского городского педагогического университета. В центре внимания публикуемых статей находятся проблемы развития социальной структуры общества и политических институтов.

Для специалистов и всех интересующихся социально-политической историей зарубежных стран.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-6045664-9-7

© СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ		**CONTENTS**
Первые империи: политические и социальные практики держав древности	**8–42**	*The First Empires: Political and Social Practices of Ancient Powers*
Бутов А. А. Фемистокл как государственный деятель (στρατηγός) и основатель морской мощи Афин: взгляд Плутарха	8–15	***Butov A. A.*** Themistocles as a Statesman (στρατηγός) and the Founder of the Naval Power of Athens: The View of Plutarch
Макарова О. М. Датировка декрета Клиния (*IG* I³ 34): аргументы от просопографии	16–26	***Makarova O. M.*** The Dating of the Decree of Kleinias (*IG* I³ 34): Prosopographical Arguments
Миролюбов И. А. Совместное правление императоров Константина Великого и Лициния (311–316 гг.)	27–42	***Mirolyubov I. A.*** Joint Rule of Emperors Constantine the Great and Licinius (311–316 AD)
Обретение империи: европейская политическая культура в эпоху Средневековья и раннего Нового времени	**43–166**	*The Acquisition of Empire: European Political Culture in the Middle Ages and the Early Modern Era*
Фогель А. С. Первая и вторая междоусобные войны между князьями-Рюриковичами в Древней Руси X–XI вв.: общее и различное	43–59	***Fogel A. S.*** The First and Second Internecine Wars between the Rurik Princes in Ancient Russia of the X–XI Centuries: General and Different
Чернова Л. Н. На пути к власти: злоключения лондонского ремесленника XV века	60–83	***Chernova L. N.*** On the Way to Power: The Misadventures of a XVth-Century London Artisan
Бельцер А. А. Ричард Фокс, епископ Даремский, и англо-шотландское пограничье на рубеже XV–XVI вв.	84–94	***Beltser A. A.*** Richard Fox, Bishop of Durham, and the Anglo-Scottish Border at the Turn of the XV–XVI Centuries
Денисова А. Д. Проблема исследования религиозной идентичности представителей английского католического сообщества второй половины XVI века	95–102	***Denisova A. D.*** The Problem of Exploring the Religious Identity of the English Catholic Community in the Second Half of the XVIth Century
Гордиенко Д. О. *Enfant terrible* империи Трех Королевств: герцог Монмут и режим Реставрации	103–117	***Gordienko D. O.*** *Enfant Terrible* of The Three Kingdoms' Empire: The Duke of Monmouth and The Restoration Regime

Князев П. Ю. Нидерландский дипломат и государственный деятель Ханс-Виллем Бентинк (1649–1709) в изображении современников	118–132	***Knyazev P. Yu.*** The Dutch Diplomat and Statesman Hans-Willem Bentinck (1649–1709) Through the Eyes of His Contemporaries
Станков К. Н. Россия на Брауншвейгском конгрессе (в первой половине 1714 г.)	133–144	***Stankov K. N.*** Russia at the Brunswick Congress (in the First Half of 1714)
Макаров Е. П. Политические и религиозные свободы в британских колониях Северной Америки XVIII века	145–151	***Makarov E. P.*** Political and Religious Freedom in the American Colonies of the Great Britain in the XVIIIth Century
Куцева Е. А. Деятельность Ломени де Бриенна, главы королевского совета финансов Франции, летом 1787 г.	152–166	***Kutseva E. A.*** Activities of Loménie de Brienne, Head of The Royal Council of Finance of France, in the summer of 1787
Интеграционные проекты европейских держав и идея империи в эпоху Нового времени	**167–311**	*Integration Projects of European Powers and the Idea of Empire in the Modern Era*
Ковалёв М. А. Дебаты в британском парламенте о военном положении в Ирландии в 1803 г.	167–180	***Kovalyov M. A.*** Debates in the British Parliament about Martial Law in Ireland in 1803
Сабитова Л. Р. Противостояние через пролив: англичане и французы в южной Италии в 1805–1808 гг.	181–192	***Sabitova L. R.*** Confrontation across the Strait: The English and the French in South Italy in 1805–1808
Шмелев Д. В. Имперская идея Наполеона Бонапарта: ее характеристики и реализация	193–215	***Shmelev D. V.*** The Imperial Idea of Napoleon Bonaparte: Its Characteristics and Implementation
Гелла Т. Н. Европейские монархи в оценке британцев в конце 50-х и 60-е годы XIX века	216–232	***Gella T. N.*** European Monarchs in the Assessment of the British in the Late 50s and 60s of the XIXth Century
Осипов Н. И. Постколониалистские аспекты антирабовладельческого дискурса дебатов в Конгрессе США по Орегонскому территориальному биллю в мае – августе 1848 года	233–247	***Osipov N. I.*** Postcolonial aspects of the antislavery discourse of the debate in the US Congress on the Oregon Territorial Bill in May – August 1848

Андросова Т. В. Финляндия в составе Российской империи (1809–1917): государство в государстве	248–267	***Androsova T. V.*** Finland as a Part of the Russian Empire 1809–1917: A State within a State
Яблонская О. В. Британские дети-мигранты: от депортированных беспризорников до строителей «Великой Британии»	268–279	***Yablonskaya O. V.*** British Migrant Children: From Deported Street Children to the Builders of "Great Britain"
Жолудов М. В. Либеральная партия в политической системе Великобритании XIX века: формы и особенности развития	280–296	***Zholudov M. V.*** The Liberal Party in the Political System of the Great Britain in the XIXth Century: Forms and Features of Development
Науменкова Е. О. Лондон в сочинениях российских путешественников второй половины XIX в.	297–311	***Naumenkova E. O.*** London in the of Russian Travelers' Writings of the Second Half of the XIXth Century
От империй к сверхдержавам: международные отношения в эпоху Старого мирового порядка (1856–1956 гг.)	**312–395**	*From Global Empires to Superpowers: International Relations in the Era of the Old-World Order (1856–1956)*
Чернов О. А. Присоединение Мерва и пограничные вопросы в записке Н. В. Чарыкова о поездке по берегам реки Теджен	312–319	***Chernov O. A.*** Accession of Merv and Border Issues in N. V. Tcharykow Note about the Trip Along the Bank of the Tejen
Тагирова Н. Ф. Геополитические «правила» и организация международной торговли зерном в начале XX века	320–338	***Tagirova N. F.*** Geopolitical "Rules" and the Organization of International Grain Trade in the Early XXth Century
Жердева Ю. А. Демобилизация русского фронта Первой мировой войны: понятие и масштабы	339–350	***Zherdeva Yu. A.*** Demobilization of the Russian Front of the First World War: Concept and Scope
Шацилло В. К. Британская империя и США: от имперских амбиций к стратегическому союзу	351–364	***Shatsillo V. K.*** The British Empire and the USA: From Imperial Ambitions to Strategic Alliance
Сергеев Е. Ю. «Военная тревога» в советско-британских отношениях 1923 г.	365–378	***Sergeev E. Yu.*** War Scare in Soviet-British Relations of 1923
Малкин С. Г. Контролируемая эскалация и колониальный контроль в Британской империи в эпоху интербеллума	379–385	***Malkin S. G.*** Escalation and Colonial Control in the British Empire during the Interbellum

Нестеров Д. А. Британский опыт использования ВВС в антиповстанческих операциях межвоенного периода в оценках экспертов корпорации РЭНД	386–395	***Nesterov D. A.*** The British Experience of Using the Air Force in Counterinsurgency Operations of the Interwar Period in the Estimates of Experts of the RAND Corporation
После империй: политические процессы XX–XXI вв.	**396–468**	*After Empires: Political Processes of the XX–XXI Centuries*
Сквозников А. Н. О правовом содержании понятия «империя»	396–402	***Skvoznikov A. N.*** On the Legal Content of the Concept "Empire"
Быстрюков В. Ю. От империи к Евразии: исторические взгляды П. Н. Савицкого	403–411	***Bystryukov V. Yu.*** From empire to Eurasia: historical views of P. N. Savitsky
Кукушкина И. А. Австрия 1918–1920 гг.: от империи к федерации	412–425	***Kukushkina I. A.*** Austria 1918–1920: From Empire to Federation
Левин Я. А. США в борьбе с «внутренним врагом» (по материалам ФБР, 1941–1945 гг.)	426–434	***Levin Ya. A.*** The USA in the Fight against the "Internal Enemy" (Based on the FBI Materials, 1941–1945)
Водякова А. О. Криминал в американской глубинке в период сухого закона	435–438	***Vodyakova A. O.*** Criminal in the American Outback during the Prohibition Period
Степанов И. В. Критика имперского мировоззрения в постпозитивистской и постструктуралистской философии XX в.	439–448	***Stepanov I. V.*** Criticism of the Imperial Worldview in the Post-Positivist and Post-Structuralist Philosophy of the XX Century
Афанасьева Д. А. Проблема классификации городских мемориальных объектов Северной Ирландии (1969–1998 гг.)	449–456	***Afanasieva D. A.*** The Classification Problem of Urban Memorial Objects in Northern Ireland (1969–1998)
Ананьева Е. В. Влияние Б. Джонсона на британский парламентаризм после отставки	457–468	***Ananieva E. V.*** Impact of Boris Johnson on UK Parliamentarism after His Resignation

ФЕМИСТОКЛ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ (ΣΤΡΑΤΗΓΌΣ) И ОСНОВАТЕЛЬ МОРСКОЙ МОЩИ АФИН: ВЗГЛЯД ПЛУТАРХА

Артем Андреевич Бутов

Об авторе:

аспирант

Аффилиация:

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Электронная почта:
species3@yandex.ru

В статье рассматриваются основные черты характера героя в главном произведении Плутарха «Сравнительные жизнеописания». Во-первых, основываясь на идее Аристотеля о душе, в статье освещаются характеристики Фемистокла и то, как они могут развиваться в дальнейшем. Во-вторых, используя биографию Фемистокла, статья исследует его двустороннюю природу и мнение Плутарха по этому вопросу. В-третьих, в ней анализируется значение анекдотов и метафор в образе героя, созданном херонейским философом. В статье раскрывается образ Фемистокла, переданный Плутархом, через наиболее важные черты его характера. Она показывает, как мнение автора о его герое меняется на протяжении всего повествования, и утверждает, что те же самые качества, которые привели героя к успеху, в итоге приведут его к отвержению и изгнанию. С точки зрения Плутарха неоднозначный, но выдающийся человек способен быть настоящим героем. В статье делается вывод о том, что именно Фемистокл заложил одну из основ для создания Афинской державы, поскольку сумел провести инициативу по созданию военного флота, а также возглавил греков в победе над персидскими силами в ключевом сражении при Саламине. Делается акцент на возможности сравнения между героем и его родным полисом, которое проявляется как в свойственных им чертах, так и в сходстве их судеб. Фемистокл уходит с арены истории именно в тот момент, когда это необходимо. Таким образом, можно говорить о том, как образ героя у Плутарха связан с государством, которое он представляет.

Ключевые слова: античная биография, человеческий характер, Плутарх, герои, Фемистокл, греческая культура, Афинская держава.

Для цитирования:
Бутов А. А. Фемистокл как государственный деятель (στρατηγός) и основатель морской мощи Афин: взгляд Плутарха // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 8–15.
DOI: 10.55000/SemConf.2023.3.3.001

THEMISTOCLES AS A STATESMAN (ΣΤΡΑΤΗΓΌΣ) AND THE FOUNDER OF THE NAVAL POWER OF ATHENS: THE VIEW OF PLUTARCH

Artyom A. Butov

About the author:

The article deals with the main traits of hero's character in Plutarch's primary work "Parallel Lives". Firstly, based upon Aristotle's idea of the soul the article

Postgraduate student

Affiliation:

Saratov State University

Email:
species3@yandex.ru

highlights Themistocles' characteristics and how they can develop later. Secondly, using the "Life of Themistocles" it explores the hero's double-sided nature and Plutarch's opinion on it. Thirdly, the author analyzes the importance of anecdotes and metaphors in the image of the hero, created by the Chaeronean philosopher. The article reveals Plutarch's image of Themistocles through an analysis of the most important features of his character. It presents how Plutarch's opinion about Themistocles changes throughout the narration and argues that the same qualities, that led him to success, eventually led him to rejection and exile. The author draws a conclusion that, from Plutarch's point of view, an ambiguous, but outstanding person is able to be a real hero. The article concludes that it was Themistocles who laid one of the foundations for the creation of the Athenian Empire: he managed to carry out the initiative to create a military fleet and he also led the Greeks in defeating the Persians in the key battle of the war, Salamis. Emphasis is placed on the possibility of making a comparison between the hero and his city. The similarities appear both in their characteristics and their destinies. Themistocles leaves the historical arena precisely at the moment when it is necessary. Thus, we can discuss the way in which the image of the hero in Plutarch's "Parallel Lives" can be connected with the state that he represents.

Keywords: ancient biography, human character, Plutarch, hero, Themistocles, Greek culture, Athenian Empire.

For citation:
Butov A. A. Themistocles as a Statesman (στρατηγός) and the Founder of the Naval Power of Athens: The View of Plutarch // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 8–15. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.001

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть взгляд Плутарха на государственную деятельность Фемистокла – афинского стратега (στρατηγός) эпохи греко-персидских войн. Существует немало работ на эту тему, поэтому полезно будет проследить такие аспекты его личности, как умение «видеть» будущее, способность использовать суеверия в своих целях, мастерство полемики, проявление «культуры соперничества», которая побуждала в нем стремление к славе, а также его роль в основании морского могущества Афин.

Известный исследователь А. И. Зайцев в своей книге «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.» пишет: «Преимущественная ориентация грека на одобрение и порицание <…> давно отмечена. Гомеровский эпос, отражающий в целом аристократическую систему ценностей, демонстрирует нам эту ориентацию с полной четкостью. Стыд (*αιδώς*) и нежелание вызвать неодобрение к себе (*νέμεσιν*) со стороны равных себе регулируют поведение гомеровского героя. В центре системы ценностей гомеровского героя стоит *αρετή* – доблесть, которая должна быть оценена окружающими, в

первую очередь равными ему по общественному положению. Оценка эта обеспечивает герою добрую славу, к которой он больше всего стремится»[1].

«<…> в Древней Греции, <…> оценка коллектива, к которому принадлежал человек, <…> была *важнейшим регулятором* поведения индивида во всех его конкретных проявлениях <…>. Стремление к *αρετή* носит отчетливо *соревновательный* характер»[2].

То, что Фемистокл с детства развивал в себе склонность к подвигам и общественной деятельности (Plut. *Them.* II), наглядно подтверждает его нацеленность на ту сферу древнегреческой жизни, которая оказывает существенное влияние на весь полис. Стоит заметить, что вообще для афинского политика той эпохи соперничество является одним из основных способов существования и стяжания славы.

В той же главе Плутарх указывает на то, что Фемистокл учился у Мнесифила, который обучал «тому, что затем стали называть мудростью, но на деле было умением заниматься общественными делами и практическим смыслом» (Plut. *Them.* II. 4). Важно то, что херонейский писатель делает акцент на преемственности Мнесифила по отношению к Солону, великому афинскому законодателю, таким образом наделяя Фемистокла «мудростью предков».

Далее используется *забавная история* из детства Фемистокла, в которой описывается, как его отец, Неокл, предостерегал сына от политической деятельности, указывая на старые триеры, выброшенные на берег (Plut. *Them.* II. 6). Плутарх использует метафорический образ судна неслучайно: это связано как с будущими подвигами афинского стратега, так и с тем, что государство уместно сравнивать с кораблем (Plat. *Resp.* 488a – 489b).

Фемистокл принимал участие в Марафонской битве, однако, несмотря на победу, трофеи Мильтиада не давали ему покоя. Как пишет Плутарх, участники сражения с размахом отмечали это событие и были удивлены тем, что сын Неокла отказывался разделить с ними этот триумф (Plut. *Them.* III. 2). Здесь, помимо честолюбия Фемистокла, о котором херонейский биограф подробно повествует в пятой главе его биографии (*«в честолюбии он всех превзошел»*), он делает акцент на том, что афинский политик был необыкновенно дальновиден, поскольку знал, что война только начинается, и готовился к ней загодя, а также старался подготовить к ней сограждан. Радость победы не отвлекла афинянина от деятельности на благо родного полиса (Plut. *Them.* III. 2).

Соперник Фемистокла, Аристид, описывается как «человек, занимающийся государственными делами не затем, чтобы угождать кому-либо, и не ради собственной славы» (Plut. *Them.* III. 2). Контрастно противопоставляется

[1] Зайцев 2001, 107.
[2] Зайцев 2001, 113.

ему сын Неокла, наделенный чертами, присущими демагогу. Он «побуждал людей ко многим радикальным изменениям» и «навязывал великие новшества». Тон повествования об этих делах Фемистокла скорее негативный, но фактически он передает двойственное описание героя Плутархом: новшества, к которым стратег побуждал афинян, как Плутарх поясняет в следующей главе (Plut. *Them.* IV. 1–3), включают в себя дележ серебра с рудников с целью постройки флота, который мог их спасти. Действительно, буквальное значение καινοτομία – это открытие новой шахты или новой жилы в ней; следовательно, само слово предвкушает этот, величайший и наиболее полезный из новых планов Фемистокла[3].

В самом деле, можно представить, насколько нелегко было убедить афинян разделить доходы с рудников Лавриона и пустить их на строительство флота. Но и здесь не обошлось без хитрости: зная, что угроза нового персидского вторжения не казалась гражданам реальной, он осуществил свою затею под предлогом войны с Эгиной, давним соперником Афин (Plut. *Them.* IV). Впоследствии опасения его оказались подтверждены – персы отправились в новый опустошительный поход на Элладу, и ни о какой войне с Эгиной не было уже и речи.

Платон считает, что Фемистокл превратил греков из стойких гоплитов в матросов. В его понимании это не развитие, а деградация, даже позор: «отнял у сограждан копье и щит и унизил афинский народ до гребной скамейки и весла» (Plut. *Them.* IV. 3). Впрочем, консервативные и идеалистические взгляды афинского мыслителя на государство известны, так что подобная реакция с его стороны не вызывает удивления. Плутарх же, полемизируя с ним на тему вредности морской политики Фемистокла для общественного строя афинян, использует мощный риторический прием: он приписывает Ксерксу фразу о том, что именно флот, созданный благодаря деяниям афинского стратега, спас город (Plut. *Them.* IV. 4).

Следует обратить особое внимание на то, что Фемистокл, согласно Плутарху, направил развитие афинян в сторону моря (т. е. флота), мотивируя это как неспособностью противостоять на суше не только Варвару, но и ближайшим соперникам-грекам, так и стремлением властвовать над Элладой, которое, судя по всему, афиняне были рады поддержать (не стоит забывать об арете и желании быть во всем первыми). Здесь Плутарх указывает на то, что фундамент будущего афинского могущества был заложен уже тогда (Plut. *Them.* IV. 3).

Херонейский биограф передает, что народу Фемистокл нравился, в частности потому, что он был тем, кто решал спорные ситуации. Такую речь в ад-

[3] Duff 2010, 49-50.

рес Симонида Кеосского Плутарх вложил в уста стратега: «Как не был бы ты хорошим поэтом, если бы нарушал законы стихосложения, так и я не был бы хорошим государственным деятелем, если бы нарушал законы общественные» (Plut. *Them.* V).

Заботился фреаррием о благе полиса и в мирных делах (которые, однако, тоже тесно были связаны с военной угрозой). По Плутарху он купил у жадного и трусливого Эпикида право занять должность верховного стратега именно из заботы о благе государства (Plut. *Them.* VI). Однако не стоит забывать о честолюбии каждого грека, в особенности того, кто стремился доказать свою *арете* особенно сильно: ведь был он знатным лишь наполовину.

Стоит заметить, что во всех государственных делах, которые были тесно связаны с подготовкой к отражению персидского нападения, беотиец приукрашивает поступки героя (а также и его слова; в связи с этим следует вспомнить отрывок из девятой песни «Илиады», в котором Феникс говорит Ахиллу: «Должен ты уметь говорить слова, и делать дела») и придает им благородную окраску, тогда как истинные его мотивы можно назвать как минимум неоднозначными. Однако факт остается фактом: некоторые греческие полисы сумели объединиться, что для них было весьма непростым решением. В подобной ситуации хитрый и дальновидный политик, чьи интересы идут борт о борт с общегосударственными – большая находка и удача.

Сразу после вступления в должность стратег убеждает афинян дать бой на море, однако, как передает Плутарх, «ввиду сопротивления многих граждан» он вынужден отправиться вместе с объединенным войском союзников в Фессалию, которая к тому моменту уже перешла на сторону противника. После этого афиняне стали больше доверять советам Фемистокла и направили его к Артемисию, где он хитростью и подкупом пытался сохранить строй эллинского флота (Plut. *Them.* VII). Бой при проливе все-таки состоялся, однако значение он имел в большей степени лишь как важный опыт для греков, согласно Плутарху (Plut. *Them.* VIII). Однако после того, как стало известно о гибели греков во главе со спартанским царем Леонидом в Фермопильском ущелье, союзному флоту пришлось отступать к внутренним областям страны. Фемистокл же во время этого отступления пытался посеять раздор в стане персов (перед тем примирив между собой эллинов!) тем, что оставлял на пути наступления противника надписи на камнях с воззваниями к родственным и патриотическим чувствам ионян, которые шли в составе Ахеменидской армады, прося тех примкнуть к своим отцам – афинянам, либо вредить всеми возможными способами продвижению персидского войска. Тем самым он надеялся если не увеличить количество кораблей в составе эллинского флота, то хотя бы сделать персов более подозрительными по отношению к союзникам

(Plut. *Them.* IX). Стоит отметить, что сеять раздоры Фемистокл умел как в мирной жизни, так и на войне: ярко это показывает серия остракофорий 80-х годов V века до н. э. Однако, если верить Геродоту, успехом замысел о раздувании противоречий внутри ахеменидского воинства не увенчался (Hdt. VII. 85).

Древние греки были, как и любой древний народ, людьми религиозными и богобоязненными. Но все же им было присуще рациональное начало, и тот, в ком в трудный час оно возобладает над началом суеверным, имеет хорошую возможность направить окружающих в нужное русло. Примерно так, по Плутарху, и поступал Фемистокл в то время, когда Афины были в опасности. Важно отметить тот факт, что сам беотийский философ имел непосредственное отношение к храму в Дельфах, так что его внимание к вопросам религии совсем не случайно. Он пишет, что Фемистокл, узнав о том, что дракон из храма Афины исчез (как об этом говорили жрецы народу, видя, что оставленная ему пища оставалась нетронутой), связал данные рассказы с тем, что богиня оставила город и указывает им путь к морю (Plut. *Them.* X. 1–2). О подобном гласил и оракул, текст которого приведен у Геродота в седьмой книге его «Истории» (Hdt. VII. 141).

Мнения афинян после получения ответа оракула разделились: одни считали, что речь идет о древней стене Акрополя, другие – что спасением станет флот. Однако против второй точки зрения встало толкование последних двух строк предсказания, и тогда Фемистокл заявил, что они направлены к их врагам, и в таком случае все встает на свои места – грекам нужно садиться на корабли и следовать к спасительному Саламину (Hdt. VII. 142, 143). Впоследствии, пока среди некоторых греков были еще сомнения о том, прав ли афинский стратег, по правому борту от корабля пролетела сова и села на мачту, что было расценено в качестве доброго знака и окончательно убедило эллинов согласиться с сыном Неокла (Plut. *Them.* X; XII).

Согласно Плутарху, Фемистокл был способен ставить дела полиса выше собственных амбиций – подтверждением того может служить его постановление о возвращении изгнанников на родину (в частности, Аристида, главного соперника Фемистокла, который был одним из тех, кого он изгнал посредством остракизма). Диалог с Эврибиадом, который был человеком «слабовольным и боявшимся опасности», ярко показывает мастерство Фемистокла в полемическом искусстве, а также готовность идти на риск и хорошее знание психологии людей (Plut. *Them.* XI).

Беотийский биограф неоднократно повествует о хитрости героя – особо примечательно то, что он решил направить пленного перса, который был дядькой его детей и был ему предан, с посланием к Ксерксу; целью этого действия было не дать грекам возможности ночью незаметно скрыться из Сала-

минской бухты, в которой, по замыслу Фемистокла, эллинам предстояло сразиться с флотом противника за свою свободу. Судя по всему, иного выбора у героя не было, поскольку многие греки все еще хотели сбежать посреди ночи, к чему особенно их склоняли лакедемоняне, переживавшие за Пелопоннес и надеявшиеся отсидеться за истмийской стеной. В продолжение о хитрости и благоразумии афинского полководца стоит сказать, что в результате его законодательной инициативы бывший соперник Фемистокла, Аристид, становится ему идеальным союзником и, используя свою безупречную репутацию, пытается уговорить других стратегов согласиться принять бой на условиях сына Неокла (Plut. *Them.* XII).

Продолжая тему о влиянии религии на успехи эллинов необходимо отметить, что стратег участвует в жертвоприношении в качестве должностного лица – Плутарх показывает в данном эпизоде тесную связь государственных деятелей с религией. Характерно то, что Фемистокл ужаснулся человеческому жертвоприношению, но ради блага родного полиса переступил через свои чувства (Plut. *Them.* XIII).

На Эсхила Плутарх ссылается не только потому, что он великий поэт, но в первую очередь потому, что он участвовал в битве при Саламине. Удачно выбранные Фемистоклом время и место сражения, его личное руководство, а также умелое использование природных и погодных условий оказали существенное влияние на ход битвы (Plut. *Them.* XIV).

Великий свет из Элевсина – предзнаменование, которое по описанию херонейца несло собой божественное благословение афинскому флоту. Некоторые, по его словам, видели призраков вооруженных воинов (героев Эакидов) – будто сами боги помогали афинянам. Симонид воспел эту славную победу, как величайшую; по Плутарху победа была одержана общими усилиями, однако замысел и искусство принадлежали Фемистоклу (Plut. *Them.* XV).

Можно многое сказать о взгляде Плутарха на *стратега* Фемистокла, однако среди главного необходимо подчеркнуть, что его мнение о своем герое является неоднозначным: оно колеблется в зависимости от конкретной ситуации. В частности, основная линия повествования ведет афинского стратега к высшей точке его успеха – победе при Саламине, в течение которой его образ «ослепляет» в хорошем смысле слова. Затем же следует неуклонное и закономерное падение, но и в этой ситуации фреарриец, согласно образу, созданному беотийским биографом, не растерялся, и лучшие его качества все же позволили ему вновь возвыситься, пусть и на чужбине.

Согласно Плутарху, Фемистокл был человеком великой души; великим стратегом и деятелем. То есть, несмотря на все недостатки сына Неокла, херонейский писатель делает акцент на его положительных качествах и признает его

величие. Таким образом, можно уверенно заявить, что Плутарх считает Фемистокла выдающимся государственным деятелем эпохи полисной классики, образ которого способен научить молодых людей быть истинными Героями.

Инициативы деятельного и амбициозного афинского политика открыли его родному городу путь к владычеству над многими полисами Эллады. Орудием, которое позволило установить и поддерживать подобные взаимоотношения, стал тот самый флот, создателем которого смело можно назвать Фемистокла. Не он один участвовал в этом процессе, но именно его усилия сдвинули дело с мертвой точки. Судя по всему, афинский стратег именно «продавил» морскую программу: на сопротивление сограждан указывают, помимо античных историков и писателей, также и философы, например Платон. Неизвестно точно, понимал ли сын Неокла, к каким последствиям приведут подобные инициативы в далекой перспективе. По мнению Плутарха, Фемистокл способен был это предвидеть.

В созданном им образе героя раскрывается также и город Афины, и в какой-то степени деятель сливается с полисом: им присущи схожие черты. Оба амбициозны, честолюбивы, одерживают победу. Исключением является их судьба, но так кажется лишь на первый взгляд, ведь владычество Афин в исторической перспективе не длилось слишком долго, так что и в этом город и гражданин подобны друг другу.

В заключение следует сказать о том, что на примере образа, созданного Плутархом из Херонеи, можно проследить становление Афинской ἀρχή. Ее фундамент закладывается под руководством Фемистокла, а завершается строительство государства нового типа уже после его изгнания. Можно сказать, что герой выполняет свою задачу и затем покидает историческую арену, чтобы уступить место своему детищу, впереди у которого еще долгая история.

Литература / References

Duff 2010 = *Duff T.* Plutarch's Themistocles and Camillus // Plutarch's lives: parallelism and purpose. Swansea, 2010. P. 45–86. **DOI:** 10.2307/j.ctvvnbtz.8

Зайцев 2001 = *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. *Л. Я. Жмудя*. СПб., 2001. 318 с.
Zaytsev A. I. Kul'turnyy perevorot v Drevney Gretsii VIII–V vv. do n. e. [The Cultural Revolution in Ancient Greece VIII–V Centuries BC]. 2nd ed. / Ed. by *L. Ya. Zhmud'*. St. Petersburg, 2001. 318 p.

ДАТИРОВКА ДЕКРЕТА КЛИНИЯ (*IG* I³ 34): АРГУМЕНТЫ ОТ ПРОСОПОГРАФИИ[1]

Ольга Михайловна Макарова

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

РИНЦ AuthorID: 792162

Аффилиация:

Самарский национальный исследовательский университет имени акад. С. П. Королева

Электронная почта:
alalkomena@mail.ru

Декрет Клиния (*IG* I³ 34) является одним из знаковых свидетельств усиления контроля афинян по отношению к их союзникам по Первому афинскому морскому союзу. Данный эпиграфический памятник связан с обеспечением регулярного поступления фороса союзных полисов в Афины. По духу своему он очень близок знаменитому Монетному декрету. Имя предложившего его политика, Клиний, является наиболее сильным аргументом для датировки декрета 448/47 г. до н. э. Он был отождествлен с погибшим в битве при Коронее в 447 г. до н. э. отцом Алкивиада, что и привело к установлению традиционной даты декрета. Однако не может быть абсолютной уверенности, что автор декрета – отец прославленного Алкивиада. Анализ данных источников показывает, что остальные представители знаменитой семьи из дема Скамбониды, носившие это имя, действительно не подходят по возрасту и не могут претендовать на роль инициатора декрета Клиния во второй половине V в. до н. э. Тем не менее косвенные данные источников демонстрируют, что среди высших слоев афинского общества могут быть обнаружены еще две семьи, в которых также было употребительно это не самое распространенное имя. Попытки установить возраст упоминаемых в источниках лиц с именем Клиний позволяют утверждать, что время их жизни вполне согласуется с периодом от начала 430-х до середины 420-х гг. до н. э., т. е. периодом, на который указывают эпиграфические характеристики надписи. Отнесение мер, описанных в декрете Клиния, к комплексу мероприятий «периклова империализма» 440-х гг. до н. э. следует подвергать сомнению.

Ключевые слова: Афины, классическая эпоха, V в. до н. э., Афинская архэ, надписи, декрет Клиния, датировка, просопография.

Для цитирования:
Макарова О. М. Датировка декрета Клиния (*IG* I³ 34): аргументы от просопографии // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 16–26. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.002

THE DATING OF THE DECREE OF KLEINIAS (*IG* I³ 34): PROSOPOGRAPHICAL ARGUMENTS

Olga M. Makarova

About the author:

PhD in History, Associate Professor

РИНЦ AuthorID: 792162

The Decree of Kleinias (*IG* I³ 34) is one of the landmark testimonies of the Athenian increasing control in relation to their allies in the Delian League. This epigraphic document deals with ensuring the regular tribute supply of allied cities to Athens. In spirit, it is very close to the famous Coinage Decree. The name of the politician who proposed it, Kleinias, is the strongest argument for dating the decree 448/47 BC. He was identified

[1] Автор выражает признательность Юрию Николаевичу Кузьмину и Карине Сергеевне Лазаревой за помощь и поддержку, оказанную при проведении данного исследования.

with the father of Alcibiades, who died at the Battle of Coronea in 447 BC, which led to the establishment of the traditional date of the decree. Yet there can be no absolute certainty that the author of the decree is the father of the famous Alcibiades. The analysis of our data shows that the rest of the representatives of the famous family from the Scambonides deme, who bore this name, are indeed not suitable because of their age and cannot apply for the role of the initiator of the decree of Kleinias in the second half of the 5th century BC. However, indirect evidence shows that two more families can be found among the upper strata of Athenian society, in which this not the most common name was also used. Attempts to establish the age of persons mentioned with the name of Kleinias allow to assert that the time of their life is consistent with the period from the beginning of the 430s to the middle of the 420s. BC, i. e. the period indicated by the epigraphic characteristics of the inscription. Attributing the initiatives described in the decree of Kleinias to the complex of measures of «periclean imperialism» of the 440s BC should be questioned.

Affiliation:

Samara National Research University

Email:
alalkomena@mail.ru

Keywords: Athens, The Classical period, the 5th century BC, Athenian arche, inscriptions, the Decree of Kleinias, dating, prosopography.

For citation:
Makarova O. M. The Dating of the Decree of Kleinias (*IG* I³ 34): Prosopographical Arguments // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 16–26. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.002

Декрет Клиния (*IG* I³ 34)[2], традиционно называемый так по имени предложившего его оратора, без сомнения является одним из знаковых свидетельств усиления контроля афинян по отношению к их союзникам по Первому афинскому морскому союзу. Основное содержание данного эпиграфического памятника связано с обеспечением регулярного поступления фороса и предотвращением злоупотреблений при перевозке средств в Афины. Важность этого декрета увеличивается еще и потому, что вот уже более полувека исследователи, имеющие совершенно разные взгляды на его место в ряду мероприятий гегемона Афинской морской державы по отношению к союзным полисам, соглашаются в одном: по духу своему он очень близок знаменитому Монетному декрету[3] (иначе – «декрету о мерах и весах» или «декрету о стандартах»).

В строках 22–28 (*IG* I³, 34, 22–28) предписывается, чтобы ежегодно два афинских представителя были отправлены в Островной и Ионийский округа, а два других – в полисы Геллеспонтского и Фракийского округов, их задачей являлось потребовать с полисов-должников неуплаченные средства. Отсутствие самостоятельного Карийского округа, как представляется, автоматически

[2] Перевод декрета на русский язык см.: Строгецкий 1991, 219–220; Маринович (сост.) 1996, 257.
[3] См., например: Mattingly 1970, 133; Паршиков 1972, 73; Meiggs 1989, 120–121; Hatzopoulos 2013–2014, 251; Суриков 2017, 47.

определяет два вероятных периода для принятия декрета Клиния: с 450 по 446 гг. до н. э. или после упразднения данного округа в 438 г. до н. э.[4]

Первоначально, временем принятия декрета считался год или годы, непосредственно предстоявшие 426/25 г. до н. э.[5], однако в 1940 г. на основании эпиграфических характеристик надписи Антон Раубичек произвел его редатировку. Он высказал мнение, что временем принятия псефисмы Клиния должен был быть период с середины V в. до н. э. и не позднее 445 г. до н. э.[6] Вскоре после этого был опубликован пересмотренный текст декрета, включавший найденный в 1938 г. фрагмент, в котором частично содержалось имя оратора. Это имя, Клиний, и было восстановлено в строке 5 (*IG* I³. 34, 5). В этой публикации Берт Хилл и Бенджамин Меррит предположили[7], что этот Клиний принадлежал к знаменитой семье из дема Скамбониды филы Леонтиды и отождествили его с погибшим в битве при Коронее в 447 г. до н. э. отцом Алкивиада, что привело к установлению даты декрета 448/47 г. до н. э. Рассел Мейггз и Девид Льюис в своем фундаментальном труде замечают, что с эпиграфической точки зрения двадцатые годы V в. до н. э., по их мнению, все же слишком поздняя дата, но не исключают датировки текста на основании одних лишь эпиграфических данных 430-ми годами до н. э.[8] Однако и они не отрицают, что для датировки декрета 448/47 г. до н. э. наиболее сильным аргументом является как раз имя предложившего его политика.

Клиний[9], отец знаменитого Алкивиада, безусловно «принадлежал к ближайшему окружению Перикла»[10]. Об этом не оставляют сомнения наши источники (Plut. *Alc.* 1.1; Plat. *Alc.* I. 104b), в которых именно Перикл вместе с братом Арифроном названы опекунами детей погибшего Клиния. В случае принятия датировки декрета 448/47 г. до н. э. и отождествления предложившего его политика с отцом Алкивиада Клинием, этот декрет являет нам один из важнейших шагов по установлению афинского контроля над союзниками вскоре после переноса казны союза в 454/53 г. до н. э. в Афины и практически сразу после заключения Каллиева мира в 449 г. до н. э. В этом случае декрет должен рассматриваться как ключевой элемент трансформации Делосской симмахии в державу в период, который уже получил устойчивое наименование «периклова империализма».

---

[4] Hill 1944, 8.
[5] Meritt 1937, 39, 59–60. Принятая в 426/25 г. псефисма Клеонима (*IG* I³ 68), также касавшаяся мер по контролю за сбором и доставкой фороса в Афины, была сочтена Б. Д. Мериттом дальнейшим развитием положений декрета Клиния (*IG* I³, 34).
[6] Raubitschek 1940, 477–479. Кстати говоря, авторы ATL сами датировали декрет между 430/29 и 426/25 гг. до н. э. См.: Meritt 1962, 68.
[7] Hill 1944, 8–9.
[8] Meiggs 1989, 121.
[9] PA 1901, 8510; APF 1971, 16–17 (600.VI); LGPN 1994, 263 (s.v. **Κλεινίας**, 22).
[10] Суриков 2011, 176.

Впоследствии, однако, датировка декрета 448/47 г. до н. э. была подвергнута критике в статьях Х. Мэттингли, выдвигавшего аргументы в пользу отнесения надписи к 424 г. до н. э.[11] По его мнению, исследователи слишком полагаются на одни только критерии буквенных форм, оставляя в стороне одинаково весомые факторы. Х. Мэттингли, в частности замечает, что распространение имени Клиний не должно было ограничиваться одной семьей, предлагая в связи с этим вспомнить целый ряд людей с именем Каллий[12].

Шрифт, которым высечен декрет, увы, не может быть признан решающим аргументом в споре о датировке[13]. Оставляя на данный момент в стороне другие свидетельства, попытаемся выяснить, можем ли мы считать таким аргументом имя Клиния. Нам представляется это также не вполне верным. Не может быть абсолютной уверенности, что это именно отец прославленного Алкивиада. Даже среди явных сторонников ранней датировки декрета с самого начала дискуссии были сомневающиеся в этом[14]. И нам действительно известны и другие личности с этим именем.

Сначала сосредоточим свое внимание на других представителях знаменитой семьи из дема Скамбониды. Один из известных нам во второй половине V в. до н. э. Клиниев был младшим братом Алкивиада[15], сыном погибшего в битве при Коронее Клиния (Plat. *Protag.* 320a; Plat. *Alc.* I. 104b, 118e). Он описывается в источниках как очень нестабильный человек (Plat. *Alc.* I. 118e; Athen. XI. 114, 506d: μαινόμενον – беснующийся, бешеный, безумный?), так что возможно, что Арифрон не смог с ним справится и отослал его обратно в дом Перикла именно по этой причине. Но более важно другое. Сам Алкивиад стал стратегом впервые в 420/19 г. до н. э. (Plut. *Alc.* 15.1.) и, скорее всего, поспешил занять должность при первой же возможности, как только достиг 30 лет[16]. Таким образом, его младший брат, время рождения которого приходится на период от 449 до 446 г. до н. э.[17], безотносительно его интеллектуальных способностей[18] и

---

[11] Mattingly 1961, 151; Mattingly 1967, 196–203; Mattingly 1970, 129–131.

[12] Mattingly 1961, 151 n. 17. Но Р. Мейггз замечает об имени Клиний: «not a common name». См.: Meiggs 1963, 22.

[13] Выше были приведены мнения А. Раубичека (не позднее 445 г. до н. э.) и Б. Д. Меритта (между 430/29 и 426/25 гг. до н. э.) Г. А. Марк (Mark 1974, 4, 42, 85) в своей магистерской диссертации также отрицала возможность помещения декрета Клиния ко времени после принятия в 426/25 г. до н. э. декрета Клеонима (IG I^3 68). На основании всестороннего анализа буквенных форм надписи она заключила, что сугубо эпиграфические характеристики этого памятника делают наиболее вероятным периодом его создания временной промежуток в пределах 430-х гг. до н. э. Р. Мейггз и Д. Льюис полагали невозможным отнесение памятника на основании буквенных форм к 420-м гг. до н. э., но не отрицали возможности его создания в 430-х гг. до н. э. См.: Meiggs 1989, 121. П. Родс в 2008 г. (Rhodes 2008, 503) принял датировку 425/24 г. до н. э., отстаивавшуюся Х. Мэттингли. Такой же датировки придерживался А. Е. Паршиков в неопубликованной рукописи своей незащищенной докторской диссертации.

[14] Wade-Gery 1945, 216, n. 10.

[15] PA 1901, 8512; APF 1971, 18 (600.VII); LGPN 1994, 263 (s.v. **Κλεινίας**, 23).

[16] Суриков 2011, 184. Ч. Форнара с осторожностью относится к этой стратегии, но уверен в стратегии Алкивиада в следующем, 419/18 г. до н. э.: Fornara 1971, 62. То же мнение: Develin 1989, 142.

[17] APF 1971, 18.

черт характера был действительно слишком молод для участия в политических делах середины 420-х, и уж тем более – в 430-е гг. до н. э.

Также имя Клиния появляется в произведениях Платона и Ксенофонта в связи с другой личностью[19]. У Платона (Plat. *Euthyd.* 275a-b) он назван кузеном Алкивиада и сыном его дяди Аксиоха, сына Алкивиада Старшего. Не будем заострять свое внимание на дискуссии о родственных отношениях Аксиоха и знаменитого Алкивиада, т. к. в данном случае решающее значение имеет возраст упомянутого Клиния. А он описывается у Платона следующими словами: νέος (Plat. *Euthyd*. 275b), ὁ νεανίσκος (Plat. *Euthyd*. 275c) и τὸ μειράκιον (Plat. *Euthyd*. 275b, 275d). Также он назван по отношению к Ктесиппу τὰ παιδικά (Plat. *Euthyd*. 274c). Это характеризует его как совсем юного молодого человека явно менее 30 лет от роду (см.: Xen. *Mem.* I. 2. 35) на тот момент, когда происходит действие диалога, т. е. на период после 411 г. до н. э. Очевидно, что этот Клиний также никак не подходит на роль автора декрета по соображениям возраста. Время около 424 г. до н. э. скорее может считаться датой его рождения[20].

Однако, отождествление этого Клиния с упоминаемым Ксенофонтом в «Пире» (Xen. *Symp.* 4. 12–25) Клинием, которого в другом месте (Xen. *Mem.* 1. 3, 8–10) он называет сыном Алкивиада, не безусловно. Дж. Дэвис[21] предположил, что Ксенофонт просто перепутал имя отца, т. к. его могла подвела память, и отождествил этого Клиния с описанным выше сыном Аксиоха. Ф. Стэнли предлагает считать его кузеном знаменитого Алкивиада, но не сыном, а братом Аксиоха и сыном вводимого им Алкивиада (V), сына Алкивиада Старшего[22]. Правда, против этой концепции имеются и возражения[23].

Действие диалога Ксенофонта «Пир» происходит, по-видимому, в 422 г. до н. э. и в этом произведении Клиний, как кажется поначалу, описывается как уже вполне взрослый человек. Так, Критобул, рассуждая о красоте (Xen. *Symp.* 4.16) отмечает, что зря красавцев не избирают на должность стратега, ведь он с Клинием-красавцем пошел бы и в огонь: μαίνονται δὲ καὶ οἱ μὴ τοὺς καλοὺς στρατηγοὺς αἱρούμενοι. ἐγὼ γοῦν μετὰ Κλεινίου κἂν διὰ πυρὸς ἰοίην. Таким образом, он, видимо, не исключает возможности избрания Клиния стратегом на момент беседы. Но если этот Клиний в 422 г. до н. э. был уже достаточно взрослым, чтобы вообще можно было обсуждать вопрос о занятии им стратегии, то это значит, что он никак не может быть отождествлен с Клинием, сы-

[18] И. Е. Суриков характеризует его словом «слабоумный»: Суриков 2017, 47.
[19] PA 1901, 8511; APF 1971, 17 (600.VI); LGPN 1994, 263 (s.v. **Κλεινίας**, 20).
[20] Nails 2002, 100. Вывод сделан на основании того, что Протагор, скончавшийся в 411 г., в диалоге представлен как уже почивший. Д. Нэйлс дает для диалога дату 407 г. и считает, что данному Клинию в этом году – около 17 лет.
[21] APF 1971, 17.
[22] Stanley 1986, 178–179; Суриков 2000, 251.
[23] Nails 2002, 12, 64–66.

ном Аксиоха у Платона (Plat. *Euthyd*. 275a-d) в силу его явно более существенного возраста. Не мог ли в таком случае именно этот Клиний быть автором интересующего нас декрета? К сожалению, уверенности в этом быть не может.

В обоих произведениях Ксенофонта связаны между собой имена интересующего нас Клиния и Критобула, сына Критона. Обратим свое внимание на последнего. В «Пире» восхищающийся Клинием Критобул совсем недавно женился (Xen. *Symp*. 2. 3) и подбородок его еще не полностью покрыт бородой (Xen. *Symp.* 4. 28). Также Критобул сам продолжает еще внушать влечение, хотя и испытывает уже подобные чувства к другим: Κριτόβουλός γε μὴν ἔτι καὶ νῦν ἐρώμενος ὢν ἤδη ἄλλων ἐπιθυμεῖ (Xen. *Symp.* 8. 2). Таким образом, Критобул в «Пире» предстает как человек, находящийся в возрасте переходном из возраста юноши в возраст мужчины. С учетом упомянутого выше замечания о вероятности занятия Клинием должности стратега, не мог ли Критобул быть младшим из этой пары? Это, следует признать, не слишком согласуется с текстом Ксенофонта, т. к. Клиний-красавец в нем предстает как объект активного внимания Критобула. В этом случае замечание о гипотетической стратегии Клиния необходимо счесть не более чем риторическим. Особенно, если принять во внимание, что в другом месте предмет яркого чувства Критобула, здесь обозначенный Ксенофонтом только как сын Алкивиада, описан как красавец, находящийся в расцвете юности: εὐπροσωπότατον καὶ ὡραιότατον (Xen. *Mem.* I. 3. 8–10). Эти эпитеты, как представляется, никак не согласуются с возрастом близким или приближающимся к 30 годам. К сожалению, приходится констатировать, что противоречивые данные Ксенофонта не позволяют с удовлетворительной уверенностью установить возраст упоминаемого им Клиния.

Кроме этих личностей, которые все относятся к одной знаменитой семье, есть еще кандидаты на роль инициатора интересующего нас декрета, хоть и крайне немногочисленные.

Для знакомства со следующим Клинием[24] обратимся к такому источнику, как надписи на вазах, а именно к надписям типа καλός. Это явление характерно практически исключительно для Афин, причем период его широкого распространения начинается во второй половине VI в. до н. э. и окончательно завершается около 420 г. до н. э.[25] На вазах такого типа, число которых насчитывает не одну сотню, прорисованы художником имена, в большинстве случаев – мужские, изредка женские, снабженные эпитетом καλός (καλή). При этом изображения на вазах могут быть совершенно разного характера и вовсе не быть изображениями молодых мужчин или мальчиков, соответственно надписи никак не могут быть сочтены простыми подписями-лейблами.

[24] PA 1901, 8502; LGPN 1994, 263 (s.v. **Κλεινίας**, 6).
[25] Lissarague 1999, 362.

Назначение этих надписей является предметом дискуссий. Предлагалось считать, и что эти надписи были сделаны самим художником для прославления юношей – объектов их собственного восхищения, и что художник просто выполнял заказ обожателя или обожателей, желавших прославить красоту конкретного «красавца». Однако исследователи соглашаются в том, что практика надписей типа καλός связана с аристократическим симпосием и юноши-καλός явно принадлежали к семьям, входившим в элиту афинского общества или близким к ней. Надпись же на вазе должна была служить восхвалению их красоты с целью, противоположной, скажем, остракизму: привлечению позитивного внимания к юноше и прославлению его имени в определенной среде[26]. Итогом такого прославления должна была стать известность и слава, а значит, и связи, которые помогли бы молодому человеку в его политической карьере.

Итак, на аттических краснофигурных вазах второй четверти V в. появляется некий Клиний, сын Педия, который характеризуется как καλός. Стоит упомянуть, что на четырех из семи ваз с именем Клиния это имя написано в форме Κλενίας[27]. Именно так написано имя в интересующем нас декрете: Κλενί[ας εἶπε (*IG* I³. 34. 5). Больше такое написание имени в аттической эпиграфике V в. до н. э. не встречается[28]. Правда, в трех остальных случаях на вазах имя того же человека написано иначе: дважды Κλινίας и один раз Κλειν̣ίας[29]. Большинство ваз принадлежит кругу мастера Ахилла. Что касается отца данного персонажа, то нам известен Педий (или Пэдиэй)[30], бывший архонтом эпонимом 449/48 г. до н. э. (Diod. XII. 4. 1), который может быть отождествлен с Педиэм (тоже καλός) аттических ваз последнего десятилетия VI в. до н. э. Также имя Пэдией упомянуто в двух надписях-списках, которые оба датируются первой половиной V в. до н. э. (*IG* I³ 1146, 3 – возможно 465 г.[31]; 1150, 87).

Таким образом, мы имеем семью, которая явно придерживалась аристократических традиций, отец и сын которой участвовали в социальной жизни высших кругов афинского общества и в целом были не чужды политике. По-видимому, время юношества отца, Педиэя, приходится на первую четверть V в. до н. э., а такой же возраст его сына Клиния падает на период в промежут-

[26] Lissarague 1999, 365–366; Slater 1999, 149–150, 157–159.

[27] **Κλενιας | κ(α)λος | Πηδιος**: около 460–450 гг. до н. э., мастер Ахилла – ARV² 1963, 1590; около 450–445 гг., мастер Ахилла – Oakley 2020, 194 fig. 9.4. **Κλενιας καλως**: 1) около 460 г. до н. э., мастер Ахилла – ARV² 1963, 988; 2) до 450 г. до н. э., мастер Ахилла – ARV² 1963, 988; 3) вторая четверть V в. до н. э., мастер Алкимаха – ARV² 1963, 530.

[28] Mark 1974, 51.

[29] **Κλινιας καλως**: 1) ок. 460 г. до н. э., мастер Ахилла – ARV² 1963, 988; 2) около 460 г. до н. э., круг мастера Ахилла – ARV² 19636 1002. **Κλειν̣ιας**: около 470–460 гг. до н. э. – ARV² 1963, 788. О написании имени Клиний см.: Threatte 1980, 192.

[30] PA 1903, 11747–11748; LGPN 1994, 364 (s.v. Πεδιεύς 1–5).

[31] По предположению Б. Д. Меритта, надпись представляет собой список погибших в 465 г.: Meritt 1956, 375–377.

ке от 460 г. до 445 гг. до н. э. Клиний, сын Педиэя, бывший юным «красавцем» около 460–450 гг. до н. э. должен был быть вполне взрослым человеком к 430-м, и уж точно достиг 30 с лишним лет к середине 420-х гг. до н. э. На взгляд автора данной статьи, у нас нет никаких оснований исключить Клиния, сына Педиэя, из списка возможных инициаторов декрета во второй половине V в. до н. э.

Еще один Клиний известен из текста Фукидида (Thuc. II. 26. 1; 58. 1, см. также Diod. XII. 44. 1). Это отец Клеопомпа, стратега 431/30 г. до н. э. и 430/29 г. до н. э.[32] Высказывалось предположение, что этот Клеопомп происходил из обсуждавшейся выше прославленной семьи и был связан родственными узами с Алкивиадом[33]. Однако Дж. Девис[34] замечает, что имя Клеопомп крайне редкое, а с указанием дема встречается в классический период только в двух надписях IV в. (*IG* II² 1745, 31; 1697, 12). Одна из них, представляющая собой список пританов филы Энеиды, надежно датирована 360/59 г. до н. э. (Καλλιμήδους ἄρχ[οντος] – *IG* II² 1745, 2), вторая датируется около 370 г. до н. э., и обе они содержат наименование дема Фрия. Заметим также, что декрет Клиния был принят как раз в пританию филы Энеиды (*IG* I³ 34, 3). Стратег Клеопомп, сын Клиния, действительно вероятнее всего происходил из дема Фрии, относившегося к филе Энеиде, и Клеопомп – притан 360/59 г. – являлся его потомком. Таким образом, стратег Клеопомп, сын Клиния, не имеет отношения к семье Алкивиада и происходит из иного дема. Следовательно, имя Клиний было употребительно во второй половине V в. до н. э. в еще одной семье. Один из ее представителей был стратегом в конце 430-х гг. до н. э., а второй – пританом в 360/59 г. до н. э. Памятуя о традиции называть сына по имени его деда, предположим, что сын стратега Клеопомпа мог вполне носить такое же имя, как его дед, Клиний. В 430-е или даже в 424 г. до н. э. внук Клиний мог вполне достигнуть возраста активного участия в политических делах. Но даже и дед Клиний, отец стратега, не может быть исключен из кандидатов на роль инициатора нашего декрета.

К сожалению, делать выводы о политических пристрастиях данного лица не представляется возможным. Сторонники датировки декрета Клиния 424 г. до н. э. связывают его с декретом Фудиппа 425/24 г. до н. э. и с так называемым «империализмом Клеона». Фудипп – вероятно, зять Клеона[35]. О Клеопомпе же мы знаем только то, что он занимал вместе с Периклом и Гагноном, сыном Никия, должность стратега в 431/30 и 430/29 гг. до н. э. С учетом того, что Гагнон может быть назван скорее соперником Перикла (Plut. *Per.* 32. 3), по-

[32] Develin 1989, 117.
[33] PA 1901, 8613.
[34] APF 1971, 16.
[35] Ibid., 228–229.

литические пристрастия Клеопомпа остаются неясны. Клеопомп, по-видимому, умер от чумы немногим ранее Перикла (Thuc. II. 58. 3).

Повторяя слова Игоря Евгеньевича Сурикова заметим, что «аргументы от просопографии и ономастики не имеют абсолютной силы»[36]. Однако, поиск кандидатов на роль автора декрета Клиния показывает, что датировка его именно 448/47 г. до н. э., основанная на имени предложившего его оратора, вовсе не является безусловной. В наших источниках есть упоминание как минимум двух (а, возможно, и трех) лиц с таким именем, время жизни и социальное положение которых позволяет счесть любого из них автором данного декрета. Желание видеть в трансформации Делосского союза в Афинскую архэ комплекс осознанных мер, связанный с именем Перикла и явившийся результатом предумышленной политики, упрощает и искажает понимание реальных процессов, определявших отношения Афин с их союзниками. Изучение декрета Клиния показывает, что в настоящее время представить непротиворечивую линейную картину развития «афинского империализма», несмотря на 80 с лишним лет, прошедших со времени публикации в 1939 году первого тома “The Athenian Tribute Lists”, все еще не представляется возможным. Но это не повод для пессимизма, а стимул для дальнейших исследований.

Литература / References

Маринович, Кошеленко (сост.) 1996 = Античная демократия в свидетельствах современников / изд. подг. *Л. П. Маринович*, *Г. А. Кошеленко*. М., 1996. 383 с.
Antichnaya demokratiya v svidetel'stvah sovremennikov [Ancient Democracy in the Testimonies of Contemporaries] / ed. by *L. P. Marinovich*, *G. A. Koshelenko*. Moscow, 1996. 383 p.

Паршиков 1972 = *Паршиков А. Е.* О времени монополизации чеканки серебра в Афинской державе // Нумизматика и эпиграфика. 1972. Т. 10. С. 64–73.
Parshikov A. E. O vremeni monopolizatsii chekanki serebra v Afinskoy derzhave [The Time of Monopolization of Silver Coinage in the Athenian Arche] // Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]. 1972. Vol. 10. P. 64–73.

Строгецкий 1991 = *Строгецкий В. М.* Полис и империя в классической Греции: учебное пособие. Н. Новгород, 1991. 244 с.
Strogetsky V. M. Polis i imperiya v klassicheskoy Gretsii. Uchebnoe posobie [Polis and Empire in Classical Greece. Textbook]. Nizhny Novgorod, 1991. 244 p.

Суриков 2000 = *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. 284 с.
Surikov I. E. Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearhaicheskoy i ranneklassicheskoy epoh: Rod Alkmeonidov v politicheskoy zhizni Afin VII–

[36] Суриков 2017, 47.

V vv. do n. e. [From the History of the Greek Aristocracy of the Late Archaic and Early Classical Period: The Alcmaeonid Family in the Political Life of Athens in the VII–V centuries BC]. Moscow, 2000. 284 p.

Суриков 2011 = *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. 328 с.
Surikov I. E. Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epohi. Godina mezhdousobits [Ancient Greece: Politics in the Context of the Era. Years of Civil Strife]. Moscow, 2011. 328 p.

Суриков 2017 = *Суриков И. Е.* Новый фрагмент афинского монетного декрета из Афитиса (Халкидика) и его значение// Аристей. 2017. Т. 15. С. 35–54.
Surikov I. E. Novyy fragment afinskogo monetnogo dekreta iz Afitisa (Halkidika) i ego znachenie [A New Fragment of the Athenian Coinage Decree from Aphytis (Chalcidice) and Its Significance] // Aristey [Aristeas]. 2017. Vol. 15. P. 35–54.

APF 1971 = *Davies J. K.* Athenian Propertied Families, 600–300 BC. Oxford, 1971. XXXI, 653 p., 6 tbl.

ARV² 1963 = *Beazley J. D.* Attic Red-Figure Vase-Painters. 3 vols. 2nd ed. Oxford, 1963. LVI, 2036 p.

Develin 1989 = *Develin R.* Athenian Officials 684–321 BC. Cambridge, 1989. XIX, 556 p.

Fornara 1971 = *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. XI, 84 p.

Hatzopoulos 2013–2014 = *Hatzopoulos M. B.* The Athenian Standards Decree: The Aphytis Fragments // Τεκμήρια. Vol. 12. 2013–2014. P. 235–269. **DOI:** 10.12681/tekmeria.324

Hill 1944 = *Hill B. H., Meritt B. D.* An Early Athenian Decree Concerning Tribute // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1944. Vol. 13, No. 1. P. 1–15. **DOI:** 10.2307/146891

LGPN 1994 = A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by *P. M. Fraser* and *E. Matthews*. Vol. 2. Attica / Ed. by *J. M. Osborne* and *S. G. Byrn*. Oxford, 1994. XX 510 p.

Lissarague 1999 = *Lissarague Fr.* Publicity and Performance: *kalos* inscriptions in Attic vase-painting// Performance culture and Athenian democracy / Ed. by *S. Goldhill* and *R. Osborn*. Cambridge, 1999. P. 359–373.

Mark 1974 = *Mark G. A.* The Decree of Kleinias. Master's thesis. The University of British Columbia. Vancouver, 1974. IV, 93 p.

Mattingly 1961 = *Mattingly H. B.* The Athenian Coinage Decree // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1961. Bd. 10. Hft. 2. P. 148–188.

Mattingly 1967 = *Mattingly H. B.* Periclean Imperialism // Ancient Society and Institutions: Studies presented to Victor Ehrenberg on his 75th birthday. New York, 1967. P. 193–223.

Mattingly 1970 = *Mattingly H. B.* «Epigraphically the Twenties Are Too Late…» // The Annual of the British School at Athens. 1970. Vol. 65. P. 129–149.

Meiggs 1963 = *Meiggs R.* The Crisis of Athenian Imperialism // Harvard Studies in Classical Philology. 1963. Vol. 67. P. 1–36. **DOI:** 10.2307/310817

Meiggs 1989 = *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century. 2nd ed. Oxford, 1989. XIX, 345 p.

Meritt 1937 = *Meritt B. D.* Documents on Athenian Tribute. Cambridge, Mass., 1937. XI, 135 p.

Meritt 1956 = *Meritt B. D.* An Athenian Casualty List // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1956. Vol. 25, No. 4. P. 375–377. **DOI:** 10.2307/147094

Meritt 1962 = *Meritt B. D., Wade-Gery H. T.* The Dating of Documents to the Mid-Fifth Century-I // The Journal of Hellenic Studies. 1962. Vol. 82. P. 67–74. **DOI:** 10.2307/628544

Nails 2002 = *Nails D.* The People of Plato. A Prosopography of Plato and other Socratics. Indianapolis, 2002. XLVIII, 414 p.

Oakley 2020 = *Oakley J. H.* A guide to scenes of daily life on Athenian vases. Madison, 2020. XXI, 248 p.

PA 1901 = *Kirchner J. E.* Prosopographia Attica. Vol. 1. Berolini, 1901. 603 p.

PA 1903 = *Kirchner J. E.* Prosopographia Attica. Vol. 2. Berolini, 1903. 660 p.

Raubitschek 1940 = *Raubitschek A. E.* A New Fragment of ATL, D 8 // The American Journal of Philology. 1940. Vol. 61, no 4. P. 475–479. **DOI:** 10.2307/291386

Rhodes 2008 = *Rhodes P. J.* After the Three-Bar "Sigma" Controversy: The History of Athenian Imperialism Reassessed // The Classical Quarterly. 2008. Vol. 58, No. 2. P. 500–506. **DOI:** 10.1017/S000983880800058X

Slater 1999 = *Slater N. W.* The Vase as Ventriloquist. Kalos-inscription and the Culture of Fame // Signs of Orality: the oral tradition and its influence in the Greek and Roman world / Ed. by *E. A. Mackay*. Leiden, 1999. P. 143–161.

Stanley 1986 = *Stanley P. V.* The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1986. Vol. 27, No. 2. P. 173–181.

Threatte 1980 = *Threatte L.* The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. 1. Phonology. Berlin – New York, 1980. XI, 737 p.

Wade-Gery 1945 = *Wade-Gery T. H.* The Question of Tribute in 449/8 BC // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1945. Vol. 14, No. 3. P. 212–229. **DOI:** 10.2307/146708

СОВМЕСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРОВ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ЛИЦИНИЯ (311–316 гг.)

Иван Андреевич Миролюбов

Об авторе:

кандидат исторических наук

ORCID: 0000-0001-5904-1147
ScopusID: 57219404473
РИНЦ AuthorID: 1114048

Аффилиация:

Российский государственный аграрный университет – МСХА
имени К. А. Тимирязева

Электронная почта:
peter-herzog@yandex.ru

Тринадцати годам единоличной власти (324–337 гг.) императора Константина Великого предшествовал период борьбы с многочисленными претендентами. В 311–312 гг. Константин вступил в союз с императором Лицинием, который контролировал Подунавье и Фракию. Союз был подкреплен женитьбой Лициния на сестре Константина. Договор позволил Константину сосредоточиться на установлении контроля над западной частью империи, а Лицинию – над восточной. Несмотря на декларируемое официальными источниками информации (монетные легенды, надписи) единство императоров, взаимоотношения их были куда сложнее. Претендуя на единоличную власть, Константин опробовал определенные идеологические установки. К примеру, родственная связь позволила Константину рассматривать и самого Лициния, и его детей как членов своего дома. Кроме того, контроль Константина над Римом и сенатом позволял ему объявлять консулов и контролировать провинцию Азия, которая управлялась проконсулом. Кроме того, Константин претендовал на статус *senior Augustus*, который давал ему единоличное право возводить в императорское достоинство. Декларируя это право и обозначив кандидатуру возможного императора (еще одного своего зятя, Бассиана), Константин вынудил Лициния на открытый конфликт. Итогом этого противостояния стала неполная победа Константина: Лициний не был низложен, но отказался от ряда территорий и признал право своего соправителя на императорскую инвеституру. Таким образом, несмотря на отсутствие открытого конфликта, период 311–316 гг. являет любопытный пример дипломатического и идейного противостояния двух римских императоров, готовящихся к столкновению.

Ключевые слова: Константин Великий, Лициний, Диоклетиан, Поздняя Римская империи, римские императоры.

Для цитирования:
Миролюбов И. А. Совместное правление императоров Константина Великого и Лициния (311–316 гг.) // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 27–42. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.003

JOINT RULE OF EMPERORS CONSTANTINE THE GREAT AND LICINIUS (311–316 AD)

Ivan A. Mirolyubov

About the author:

PhD in History

ORCID: 0000-0001-5904-1147
ScopusID: 57219404473

Thirteen years of Constantine's the Great sole power (324–337 AD) was preceded by a period of a struggle with numerous claimants. In 311–312 AD Constantine entered into an alliance with the emperor Licinius, who controlled the Danube border and Thrace. The alliance was reinforced by the marriage of Licinius to Constantine's sister. The treaty allowed Constantine to focus on establishing control over the

РИНЦ AuthorID: 1114048

Affiliation:

Russian State
Agrarian University –
Moscow Timiryazev
Agricultural Academy

Email:
peter-herzog@yandex.ru

western part of the empire, and Licinius did the same over the eastern one. Despite the unity of the emperors declared by official sources of information (coins, inscriptions), their relationship was much more complicated. Claiming sole power, Constantine tested certain ideological attitudes. For example, kinship allowed Constantine to consider both Licinius himself and his children as members of his house. In addition, Constantine's control of Rome and the Senate allowed him to appoint consuls and control the province of Asia, ruled by a proconsul. In addition, Constantine claimed the status of senior Augustus, which gave him the sole right to raise to imperial dignity. Designating the candidacy of a possible co-emperor (another brother-in-law, Bassianus), Constantine forced Licinius into an open conflict. The result of this confrontation was the incomplete victory of Constantine: Licinius was not deposed, but had to renounce a number of territories and recognize the right of his co-ruler to imperial investiture. Thus, despite the absence of open conflict, the period 311–316 AD is a curious example of a diplomatic and ideological confrontation between two emperors preparing for a clash.

Keywords: Constantine the Great, Licinius, Diocletian, Later Roman Empire, Roman Emperors.

For citation:
Mirolyubov I. A. Joint Rule of Emperors Constantine the Great and Licinius (311–316 AD) // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 27–42. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.003

Уход из политики императора Диоклетиана в 305 г. привел Римскую империю к политическому кризису, основными чертами которого стала неустойчивость власти новых императоров, а также целый ряд узурпаций. К 311 г. число императоров сократилось до четырех, и в рамках подготовки к очередной битве за единоличную власть сформировалось два альянса. Император Константин (Галлия, Британия, Испания) заключил союз с императором Лицинием (Подунавье, Балканы, Малая Азия). Император Максенций (Италия, Северная Африка) наладил контакт с императором Максимином Дазой (Египет, Ближний Восток). Константин и Лициний будут соправителями вплоть до полной победы первого в 324 г. Период их совместного правления имеет свою внутреннюю хронологию. Вплоть до 316 г. они буду находиться в союзнических отношениях, которые затем сменятся враждой и открытым военным противостоянием. Таким образом, период совместного правления императоров можно разделить на две фазы: совместное правление (311–316 гг.) и конфликт (316–324 гг.).

Период союзнических отношений Константина и Лициния интересен по нескольким причинам. Во-первых, это время дает возможность изучить поведение Константина – признанного в науке монократа[1] – в необычных для него

[1] Удачный термин К. Криста: Крист 1997, 433.

обстоятельствах разделения власти. Во-вторых, сам по себе пример совместного правления двух равноправных императоров необычен. В отличие от Марка Аврелия и Луция Вера, Константин и Лициний не были «братьями»[2]. Их не связывала дружба, как это было в случае с Диоклетианом и Максимианом Геркулием. Напротив, оба императора, с учетом кризиса политической системы, имели все основания быть соперниками и претендовать на единоличную власть.

После ухода Диоклетиана из политики в 305 г. формальным гарантом установленной им политической системы[3] оставался император Галерий, его младший соправитель и – с 305 г. – преемник. С Галерием у Константина были достаточно натянутые отношения. Желая укрепить свой статус, Константин в 307 г. женится на дочери Максимиана Геркулия, соправителя Диоклетиана. Тесть, однако, не желал только гарантировать статус своего зятя[4]; ведя самостоятельную игру, он в 310 г. поднял против Константина мятеж. Выступление это было подавлено Константином, однако гибель Максимиана нанесла его репутации и статусу серьезный урон. В сложившейся ситуации Константину необходимо было искать союзников. Еще в 308 г. император Галерий провозглашает императором (в статусе августа) своего старого друга и советника Лициния. С середины 310 г. на монетных дворах Константина (в Лондинии и Августе Треверов[5]) чеканятся монеты с портретом Лициния. Ответная реакция Лициния нам неизвестна: монетных дворов под его контролем в тот момент не было[6]. Впрочем, статус его серьезно повышается в мае 311 г., после смерти Галерия. Соответственно, частично сфера контроля Галерия перешла к нему[7]. Современник событий, ритор и христианский апологет Лактанций отмечает, что союз Константина и Лициния был оформлен ими после смерти Галерия (начало мая 311 г.[8]), но до конфликтов со своими региональными соперниками (*De mort. pers.* 42–43[9]). Можем предполагать, что союз был согласован до декабря 311 г., т. к. в январе 312 г. Константин и Лициний вступили в совместное кон-

[2] Марк Аврелий и Луций Вер были братьями по усыновлению (их приемным отцом был император Антонин Пий), однако они принадлежали к одному кругу и были знакомы с раннего возраста.

[3] В 280–290-е гг. император Диоклетиан утвердил систему тетрархии. Во главе империи стояло два равноправных императора-августа, которым помогали младшие соправители, цезари, будущие преемники. Каждый император имел свою сферу контроля, однако официальные источники подчеркивали единство императоров посредством их совместного изображения, а также указания всех четырех имен в преамбуле законодательных документов. Диоклетиан был первенствующим по степени и влиянию императором. О тетрархиальной коллегии Диоклетиана: Kolb 1987, 10–87.

[4] Женитьба на дочери Максимиана принесла Константину титул августа: Kienast 2004, 298 (с вариантами дат принятия титула). Титул этот был подкреплен авторитетом тестя, соправителя императора Диоклетиана.

[5] Sutherland 1967, 132 (Лондиний); 219–225 (Августа Треверов).

[6] Лициний действовал на территории, подконтрольной Галерию (Подунавье, Балканы).

[7] За Лицинием были закреплены европейские территории, подконтрольные Галерию (Подунавье, Балканы). Малая Азия стала сферой контроля Максимина: Коптелов 2008, 39.

[8] Лактанций определенно указывает на первые дни мая (De mort. pers. 35.3–4). Датировка у исследователей: Barnes 1982, 302 («конец апреля или начало мая»); Kienast 2004, 284 («начало мая»).

[9] Оригинальный текст Лактанция с комментарием и немецким переводом: Städele 2003.

сульство[10]. Одним из пунктов договора стала помолвка сестры Константина, Констанции, и Лициния. Свадьба состоялась в Медиолане, зимой 312/313 гг., после победы Константина над Максенцием. Несколько обстоятельств указывало на первенствующую роль в этом тандеме Константина. Во-первых, сразу после победы над Максенцием и вступления в Рим, Константин удостоился от римского сената статуса первенствующего среди императоров (Lact. *De mort. pers.* 44. 11) и титула "*optimus princeps*"[11]. Во-вторых, невеста, а равно и шурин в рамках структуры римского общества превосходили Лициния положением. Константин и его сестра Констанция была детьми императора Констанция Хлора (правил в 293–305 гг.), при этом Констанция была порфирородной дочерью, а ее мать, Флавия Максима Феодора, приходилась падчерицей императору Максимиану Геркулию (правил в 285–305 гг. и также носил титул в 306–310 гг.). В 310 г. при дворе Константина было объявлено о том, что по отцовской линии его род восходит к императору Клавдию Готскому (правил в 268–270 гг.)[12]. Соответственно, Константин и его сестра располагали и знатностью, и августейшими предками, тогда как Лициний не имел ни того, ни другого. Характерно, что источники ничего не сообщают о его семье и происхождении[13]. В римской политической терминологии он был «новым человеком» (*homo novus*). В-третьих, свадьба прошла в Медиолане, на территории, подконтрольной Константину, куда Лициний должен был прибыть. Стоит попутно отметить, что положение Лициния пока продолжало оставаться несколько шатким: на востоке еще был активен его соперник, Максимин Даза, тогда как Константин был бесспорным властителем западной части империи вместе с городом Римом. Как мы уже отмечали, в 312 г. Константин и Лициний были консулами-коллегами, но в наступающем 313 г. был провозглашен совместный консулат Константина и Максимина Дазы[14]. Отношения Константина и Максимина нельзя назвать теплыми: второй завидовал первому (Lact. *De mort. pers.* 44. 12) и рассматривал его союз с Лицинием как направленный против себя (Lact. *De mort. pers.* 43. 2). Более того, на фоне свадебных торжеств в Медиолане Максимин начинает подготовку к военным действиям против Лициния и еще до наступления весны 313 г. вводит армию в Вифинию, где готовится к переправе в Европу (Lact. *De mort. pers.* 45. 2). Совместный консулат Константина и Мак-

[10] Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 158–159.
[11] Титул Константина фиксируется на монетах, отчеканенных в Риме: Sutherland 1967, 390. Титул этот в римской исторической традиции прочно ассоциировался с Траяном – одним из самых популярных римских императоров. В этом смысле характерно известие историка Евтропия (Brev. VIII. 5), что сенаторы желали новым императорам превзойти счастьем Августа и личными качествами – Траяна.
[12] Миролюбов 2021, 86–95.
[13] Сведения о жизни Лициния до провозглашения императором собраны в издании: Коптелов 2008, 30–37.
[14] Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 160–161.

симина, однако, признавался на территории, подконтрольной Константину. Так, некий жрец Митры Гай Магий Донат Севериан сообщает в надписи из Рима о проведении им тавроболия 15 апреля 313 года, «в консульство господ наших Константина и Максимина третье» (*CIL* VI. 507). Поведение Константина, таким образом, можно объяснить стремлением подать Лицинию сигнал. Став единоличным правителем западной части Римской империи и будучи первенствующим среди императоров, он хотя и находится в союзе с Лицинием, но все же предоставляет ему самостоятельно укрепить свои позиции на востоке, а в случае его поражения он вполне найдет общий контакт с Максимином, которого не считает своим врагом. Этот момент не был лишним, так как призван был остудить пока что необоснованные амбиции Лициния. В «Кодексе Феодосия» мы встречаем указ Константина, адресованный императором викарию города Рима Филиппу и датированный 5 марта 313 г. (*CTh.* 10. 4. 1). В документе указано, что издан он в Гераклее (Перинфе) – городе на побережье Пропонтиды, который в тот момент времени был подконтролен Лицинию. Вероятно, что издан указ был Лицинием (возможно, от лица себя и Константина), однако в этом случае документ был своеобразной претензией Лициния на контроль над Римом. Это обстоятельство вряд ли могло понравиться Константину. Дата и место публикации указа дает своеобразный *terminus post quem* для кампании Лициния против Максимина. Она пришлась на теплое время 313 г. Гераклея была последним крупным городом, до которого Максимин смог дойти (Lact. *De mort. pers.* 45. 5). 30 апреля состоялась битва при Адрианополе, по итогам которой Лициний изгнал Максимина из Европы и уже в мае переправился в Малую Азию[15]. 13 июня 313 г. в Никомедии он публикует документ, выработанный им с Константином в ходе встречи в Медиолане. Документ этот, известный под названием Медиоланского эдикта и обозначивший включение христианства в число дозволенных на территории империи религиозный культов, дошел до нас в составе трактатов Лактанция (*De mort. pers.* 48) и Евсевия (*Hist. Eccl.* X. 5. 1–14[16]). В преамбуле оба императора упомянуты вместе, без выделения чьего-то превосходного положения (хотя Константин упомянут первым). Однако важно отметить, что сам документ был сформулирован скорее под влиянием Константина, коль скоро к этому времени он четко обозначил свое покровительство христианам. Характерно и то, что в преамбуле документа Лициний напоминал о факте встречи в Медиолане (Lact. *De mort. pers.* 48.2; Euseb. *Hist. Eccl.* X. 5. 4). Тем самым он одновременно и показывает свою верность союзу, и напоминает о нем Константину. Кроме того, Лициний, датируя документ, указал консулом года вместо Максимина самого себя (Lact. De

[15] Barnes 1982, 81.
[16] Комментированный перевод «Церковной истории» Евсевия на русский язык: Кривушин 2013.

mort. pers. 48. 1). Тем временем Константин, пребывая в Галлии, спокойно дожидался исхода столкновения, победу в котором летом 313 г. одержал Лициний. После этого он был включен в консульский тандем вместо Максимина (при этом Константин сохранил свое первенствующее положение).

На рубеже 313–314 гг. создается важное историческое сочинение о ситуации в империи – трактат Лактанция «О смертях гонителей» (опубликован он был в 315 гг.[17]). Сочинение, написанное в форме послания к некоему Донату, было посвящено истории гонений на христиан в правление Диоклетиана, его соправителей и преемников. Изложение было доведено до установления совместного правления Константина и Лициния. Его автор, латинский ритор и христианский апологет, входил в окружение Константина. В этой связи интересно рассмотреть образ Лициния в этом сочинении. Как и Константин, Лициний накануне битвы со своим оппонентом переживает во сне видение (*De mort. pers.* 46). Им был получен от явившегося ангела текст молитвы, которую он разучивает вместе со своим войском, тогда как его противник дает обеты Юпитеру. На этом, пожалуй, сходство их и заканчивается. Вместе с тем Лактанций отмечает, что Лициний был другом и советником императора Галерия, одного из главных антагонистов сочинения (*De mort. pers.* 20. 3). Константин после победы над Максенцием был с радостью встречен сенатом и населением Рима (*De mort. pers.* 44. 10–11). Лициний после победы над Максимином Дазой изображен истребляющим семьи императоров-гонителей (*De mort. pers.* 50). Несмотря на то, что трактат завершен патетическим восклицанием о воздании императорам-гонителям за их поступки, нельзя избавиться от ощущения, что жестокость Лициния чрезмерна. Совершенно верно замечание М. фон Альбрехта, что трактат Лактанция до некоторой степени предостережение Лицинию[18].

В декабре 313 г. умирает бывший император Диоклетиан[19]. Лактанций представляет его смерть результатом общего упадка сил на фоне депрессии, вызванной гибелью его политической системы (*De mort. pers.* 42. 2–3). Впрочем, один анонимный автор рубежа IV–V вв. сообщает следующее: «Когда Диоклетиан был вызван Константином и Лицинием на свадебный пир, он отказался, извинившись старостью, из-за которой не имел сил посетить церемонию; после он получил грозные письма, в которых его упрекали в том, что он благоволил к Максенцию и ныне благоволит Максимину. Подозревая, что ему готовится позорная погибель, он, говорят, принял яд» (*Epit. de Caes.* 39. 7[20]). Из тек-

[17] Последнее упоминаемое событие – гибель жены и дочери императора Диоклетиана (Lact. De mort. pers. 50). Исследователи датируют ее рубежом 314/315 гг.: Kienast 2004, 269; 286.
[18] Альбрехт 2005, 1735.
[19] Источники сообщают различные даты. Опираемся на точку зрения Т. Д. Барнса: Barnes 1982, 32.
[20] Перевод наш по изданию оригинального текста сочинения: Pichlmayr, Guendel 1970.

ста неясно, кто именно из императоров отправлял Диоклетиану письма. Из трех упреков, озвученных в письмах, пожалуй, только мнимое благоволение к Максенцию могло представлять интерес для Константина. Впрочем, к моменту написания писем Максенций уже погиб, и напоминание о нем было лишь проявлением злопамятности, которая не очень соотносится к снисходительно-пренебрежительным отношением Константина к Диоклетиану[21]. Посещение Диоклетианом свадьбы в Медиолане могло быть выгодно, в первую очередь, Лицинию, так как при возведении его в императорское достоинство в 308 г. Галерий потребовал санкции именно Диоклетиана[22]. Присутствие auctoris imperii на свадьбе могло уравновесить статус Лициния, который получал более знатных жену и шурина. Упрек же в поддержке Максимина явно исходил от Лициния. Их соперничество стоит рассматривать еще и в контексте того, что Максимин, как и Лициний, считался членом дома Диоклетиана[23]. Стоит также отметить, что Диоклетиан проживал в Салоне, т. е. на территории, подконтрольной Лицинию. После его смерти Лициний повелел казнить его жену и дочь – это обстоятельство было зафиксировано Лактанцием (*De mort. pers.* 51), который уже начал создавать негативный образ Лициния.

В наступившем 314 г. консулами были объявлены Гай Цейоний Руфий Волузиан и Петроний Анниан[24] – оба представители римской сенатской аристократии и, соответственно, креатуры Константина. Первый консул в надписи этого года именуется «комитом господина нашего Константина, непобедимого и навсегда вечного августа» (*ILS* 1213). Кодексы Феодосия и Юстиниана указывают, что в этот год издается немало предписаний. Можно предположить, что издавались они от лица обоих императоров, так как подобный прием мы наблюдаем в некоторых документах из «Кодекса Юстиниана» (*CJ* 3. 1. 8: письмо о превосходстве принципов справедливости и равенства над строгостью законов; *CJ* 7. 16. 41: указ по частным вопросам Эвтихию, наместнику Каппадокии, которая находилась под контролем Лициния). Наместник Сицилии Домиций Латрониан в этом же году ставит в своей провинции статуи императоров: в Лилибее – Константину, в Панорме – Лицинию. Константин в надписи назван «правителем круга земного и утвердителем общественной безопасности» (*AE* 1966, 166); Лициний – «восстановителем свободы и утвердителем обще-

[21] Позже Константин называл Диоклетиана жалким человеком (apud Euseb. Vita Const. II.51). О диалоге Константина и Диоклетиана см. Миролюбов 2019, 106–115.

[22] Галерий провозгласил Лициния императором-августом в Карнунте 11 ноября 308 г.: Kienast 2004, 294. Диоклетиан, уже после отречения, был приглашен Галерием ко двору для придания веса провозглашению Лициния (Lact. De mort. pers. 29.2). Характерно, что Галерий в тот год объявил Диоклетиана своим старшим коллегой по консулату: Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 150–151.

[23] Максимин был провозглашен цезарем (младшим соправителем в системе тетрархии) Диоклетианом в день своего отречения, 1 мая 305 г. Об этом сообщает Лактанций (De mort. pers. 19.4–5). Надписи фиксируют наличие у Максимина династической фамилии Диоклетиана – «Иовий» (AE 2007, 1221).

[24] Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 162–163.

ственной безопасности» (*CIL* X. 7284). Внятные сведения о контактах двух императоров отсутствуют. По всей видимости, во второй половине года было согласовано, что в следующем, 315 г., оба императора будут консулами. Константин, который весь год провел в Галлии, вступает в консульство в Августе Треверов[25].

В июле/августе 315 г. у Лициния и Констанции появляется сын, который получает имя в честь отца – Валерий Лициниан Лициний[26]. Обстоятельство это не могло не смутить Константина. У него уже был сын Крисп, рожденный, однако, еще до прихода к власти от женщины неясного статуса, а значит, уступавший Лицинию-мл. статусом. В браке с Фаустой, порфирородной дочерью Максимиана Геркулия, сыновей у Константина пока не было[27], хотя их появление было ожидаемым событием при дворе. Реакцию Константина можно попробовать определить по маршруту его передвижения. 2 июня 315 г. датируется содержащийся в «Кодексе Феодосия» указ Константина, который был опубликован в Сирмии (*CTh*. 2. 30. 1). Адресован он «всем провинциалам», т. е. мог исходить от Константина и Лициния совместно. Поскольку Сирмий, важнейший опорный пункт на Дунае, находился под контролем Лициния, мы можем предполагать, что Константин все же решил нанести визит ко двору соправителя, где мог увидеть беременную сестру. Впрочем, мысль эта основана только на предположениии, что при внесении указа Константина в «Кодекс Феодосия» не была допущена ошибка в указании места его издания. Появления племянника на свет Константин, даже если он и был при дворе соправителя, вряд ли мог дождаться, так как уже 21 июля он вступает в Рим. Здесь должны были состояться торжества по случаю десятилетия его правления[28]. Торжества эти были отмечены открытием триумфальной арки[29]. Еще один интересный памятник находим мы в провинции Мёзия, в поселении при памятнике победам Траяна (*Tropaeum Traiani*). Здесь на городских воротах была помещена почетная надпись в честь императоров Константина и Лициния. В тексте отмечены заслуги императоров, названных «защитниками римской безопасности и свободы», по обороне границ (*CIL* XIII. 13734). Надпись посвящена от имени Петрония Анниана и Юлия Юлиана. Обе персоналии примечательны тем, что по ситуации на 315 г. находились в должности префектов претория при Констан-

[25] Barnes 1982, 71–72.
[26] Kienast 2004, 296.
[27] Первым ребенком Константина и Фаусты, вероятно, была дочь Константина. Поздние авторы назовут ее старшей сестрой Констанция, который был третьим сыном Константина и родился 7 августа 317 г. Годом ранее, летом 316 г., у Константина и Фаусты родился сын Константин-мл. Соответственно, Константина должна была появиться на свет самое позднее осенью 315 г.
[28] Kienast 2004, 299; Barnes 1982, 72.
[29] Richardson 1992, 24–25.

тине и Лицинии соответственно[30]. Возможно, что встреча префектов претория состоялась в рамках торжеств по случаю юбилея правления Константина и успехов Лициния в кампаниях на Дунайском рубеже. Датировать надпись 315 г. позволяет то, что в 316 г. отношения императоров испортятся. Поводом к этому послужила свадьба второй сестры Константина, Анастасии, с неким Бассианом, братом близкого советника Лициния Сенециона. Сюжет этот изложен только в анонимном латинском жизнеописании Константина (*Origo Const. imp.* 5. 14–15[31]), потому никаких иных данных об этих персоналиях в нашем распоряжении нет. Ф. Шоссон на основании данных ономастики предполагает, что Бассиан и Сенецион были представителями сенаторской аристократии[32]. Если допустить сенаторский статус Бассиана, то выбор его в качестве жениха и свадьбу можно синхронизировать с пребыванием Константина в Риме как раз летом 315 г. Обзаведясь вторым зятем, Константин направляет к Лицинию некоего Констанция с предложением возвести Бассиана в достоинство цезаря и передать ему в управление Италию. В посланнике принято видеть Флавия Констанция, консула 327 г.[33]; само его имя предполагает родственные связи с домом Константина. Выбор фигуры посланника в таком случае имел показательное значение: Лицинию указывали на обширность дома Константина, членом которого сам правитель римского востока был через брак. Предложение Константина возвести второго зятя в императорское достоинство побудило исследователей угадывать планы императора по организации новой тетрархии, однако в своей статье, посвященной Анастасии, нам уже довелось отметить, что целью императора было единовластие, тогда как само посольство носило провокационный характер[34]. Основной сигнал, направленный Константином Лицинию, указывал ему на его подчиненное положение: он был лишь одним из зятьев Константина, который был волен возводить в императорское достоинство всякого другого члена своего дома. Согласие со стороны Лициния означало бы факт признания им своего второстепенного статуса, отказ же дал бы Константину повод к военным действиям. Маршрут перемещений Константина позволяет предполагать продолжительность переговоров и вызванных ими событий. Выехав из Рима 27 сентября, Константин проводит октябрь в Медиолане, а зимой уезжает в Галлию[35]. Характерно, что на 316 г. консулами были

[30] Barnes 1982, 127–128.
[31] Наш перевод сообщения автора: Миролюбов 2021, 137.
[32] Chausson 2007, 127–129.
[33] Barnes 1982, 103; Barnes 2014, 212; Chausson 2007, 121; Wienand 2013, 31. Стоит отметить, что Ф. Шоссон считает этого Констанция тождественным Юлию Констанцию, брату Константина Великого. Впрочем, данных источников для этого отождествления недостаточно.
[34] Миролюбов 2017, 90–98.
[35] Barnes 1982, 72–73.

провозглашены Антоний Цецина Сабин и Гай Веттий Коссиний Руфин[36], представители римской сенаторской аристократии. Их выдвижение обеспечивало консенсус по поддержке Константина внутри его территории. Это обстоятельство, вероятно, было вызвано ответными действиями Лициния, который отказал Константину и стал через Сенециона подстрекать Бассиана к мятежу. Константин, подавив выступление Бассиана, обозначил себя потерпевшей стороной и стал требовать выдачи Сенециона. Консульство двух сенаторов, в случае принадлежности Бассиана и Сенециона к этой же социальной группе, означало приверженность элит именно Константину, а не Лицинию. Ответом Лициния был отказ, а также разрушение статуй своего соправителя в городе Эмоне, обозначавшим границу между сферами контроля двух императоров. Союз был разорван, – и произошло это, по всей видимостью, на рубеже лета и осени 316 г.

7 августа 316 г. супруга Константина, Фауста, рождает в Арелате сына[37], названного в честь отца Константином-младшим. Вскоре после его рождения Константин должен был выступить против Лициния в поход, так как 8 октября 316 г. состоялась битва при Кибалах[38], по результатам которой победивший Константин взял под свой контроль Подунавье. 4 декабря его присутствие фиксируется в Сердике (*CTh.* 9. 1. 1). Лициний обозначил свой полный разрыв с Константином провозглашением своим соправителем некоего Аврелия Валерия Валента, dux limitis в провинции Дакия Прибрежная[39]. Боевые действия продолжились в январе. Эпизод из переговоров Константина и Лициния зафиксирован у позднейшего историка, Петра Патрикия. Приведем его сообщение: «Ликиний отправил к Константину посланником комита Местриана. Когда Местриан прибыл, царь несколько времени не принимал его, но впоследствии, рассуждая о неизвестности военного счастья, равно и о том, что войско Ликинния тайным нападением отбило вьючный скот с царским прибором, принял Местриана. Посланник, стараясь о примирении двух царей, говорил, что тому, кто одержит победу над единоплеменниками, не должно на них вымещать свой гнев, ибо то, что гибнет, гибнет уже для победителя, а не для побежденных; что отказывающий одному в мире бывает виновником многих междоусобных войн. Царь, движением лица и всего тела изъявляя великость своего гнева и едва будучи в состоянии говорить, произнес: «Не так мы до сих

[36] Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 166–167.
[37] Barnes 1982, 43; Kienast 2004, 310.
[38] Barnes 1982, 73; Kienast 2004, 299; Barnes 2014, 103. Отметим, что источник – Consularia Constantinopolitana – указывает 314 г., однако подобная датировка невозможна с учетом всей хронологии событий. Датировка битвы 316 г. – исследовательская реконструкция, принятая в науке.
[39] Barnes 1982, 15; Kienast 2004, 296–297. Примечательно, что источники, словно соглашаясь с некой сглаженной версией событий, представляют его цезарем, т. е. младшим соправителем, тогда как монеты титулуют его августом, т. е. императором, равным по статусу Константину.

пор поступали и не для того от океана дошли до этого места, сражаясь и побеждая, чтобы не хотеть иметь товарищем в правлении своего зятя за его злодейства и тем отказываться от родства, а вместе с ним принять подлого раба в участники царской власти». Потом он сказал Местриану, чтобы тот прекратил этот разговор и говорил о другом, если хочет о чем попросить. Решено было Валента отрешить от царства» (Petr. Patric. *Hist.* fr. 14 в переводе С. Ю. Дестуниса[40]). Из отрывка видно, что ход кампании складывался в целом в пользу Константина, однако Лициний все же оказался способен нанести удар[41]. В этой ситуации обе стороны приняли решение остановить конфликт[42]. Переговоры, вероятно, начались в феврале, коль скоро только 17 февраля 317 г. консулы текущего года вступили в должность. Ими вновь стали сенаторы, Овиний Галликан и Цезоний Басс[43]. Во время переговоров Константин обозначил, что наибольшее раздражение у него вызывает провозглашение Валента императором. Петр Патрикий вкладывает в уста Константина, гордившегося своей знатностью, эффектную, но оскорбительную характеристику Валента. Причины неприязни к Валенту, однако, существовали и вне плоскости боевых действий и надменности самого Константина. Статус первенствующего императора давал Константину формальное право возводить в императорское достоинство, каковым он и попытался воспользоваться в ситуации с Бассианом. Лициний в рамках этой структуры императорской коллегии признавался одним из членов дома Константина – он был его зятем; соответственно, и его сын был племянником Константина. Характерно, что Константин через Местриана в изложении Петра Патрикия напоминает Лицинию об их родственной связи: здесь не столько попытка воззвать к родственному чувству, сколько напоминание Лицинию о его позиции. Валент же был в еще большей, нежели Лициний, степени «новый человек» (*homo novus*). Кроме того, его титул августа ставил его на равную ступень не только с Лицинием, но и с Константином. Претенциозно выглядит его набор фамилий – Аврелий Валерий, т. е. те же фамилии, что носил император Диоклетиан. В случае, если бы Константин признал его притязания, его двор мог бы стать альтернативной точкой противодействия Константину. Кроме того, факт принятия им титула августа из рук Лициния позволял этому второму императору также претендовать на право возводить в императорское достоинство. Отсюда понятно, почему в итоге Валент по условиям мирного договора был низложен. Анонимный автор сочинения "*Epitome*

[40] Пользуемся изданием: Дестунис 1860.
[41] Это подтверждает и анонимный автор латинского жизнеописания Константина (Origo Const. imp. 5. 18).
[42] Из текста Петра Патрикия видно, что инициатором переговоров был Лициний, который захватом обоза Константина смог понудить принять его посла. Анонимный автор латинского жизнеописания Константина указывает, что Лициний просил мира и был готов на любые условия своего оппонента (Origo Const. imp. 5. 18).
[43] Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 168–169.

de Caesaribus" отмечает, что Валент был казнен Лицинием (*Epit. de Caes.* 40. 9). Неизвестно, была ли казнь Валента требованием Константина, однако она может рассматриваться как его ответ Лицинию на вынужденную казнь Бассиана. Вместо Валента 1 марта 317 г. Константин в Сердике[44] провозгласил цезарями двух своих сыновей, Криспа и Константина-младшего, а также сына Лициния и своего племянника, Лициния-младшего. Анонимный автор жизнеописания Константина особенно отмечает, что Константин провозгласил цезарей «в отсутствие Лициния»[45] (*Origo Const. imp.* 5. 19). Сама логика этих действий позволяет говорить, что в числе условий мирного договора было признание Лицинием исключительного права Константина на возведение в императорское достоинство. Его собственная попытка провозгласить соправителя была признана ничтожной. Более того, он вынужден был сам дезавуировать свое решение. Даже если необходимость казни Валента была проговорена Константином, все равно осуществил ее Лициний. Подобный поступок не мог не послужить примером для амбициозных лиц из его ближайшего окружения.

Итак, был согласован шаткий мир. Историк Аврелий Виктор, писавший спустя 50 лет после событий, сообщает о солнечном затмении, которое будто бы предвещало недолговечность и хрупкость этого мирного договора (*De Caes.* 41. 7[46]). Сообщение это похоже на своеобразное пророчество *post factum*, которое подчеркивает, что союзнические отношения соправителей остались в прошлом. Впереди было еще несколько лет совместного правления, однако все это время обе стороны будут готовиться к продолжению конфликта. Характерно, что императоры более ни разу не вступят в совместное консульство. Вместо этого в качестве компромисса будет объявляться консульство одного из императоров с сыном другого (318, 319 гг.). В 320 г. это равновесие будет нарушено: Константин объявит коллегой своего сына, Константина-младшего. С 321 г. императоры будут предлагать альтернативные консульские тандемы, не признавая заявлений друг друга[47]. Ярким событием стало и отражение Константином нашествия готов, в ходе которого он затронул подконтрольные Лицинию территории в Европе – Лициний выразил ему возмущение (*Origo Const. imp.* 5. 21). Таким образом, совместное правление после 316 г. носило уже характер тлеющего конфликта.

Подведем итоги. Союз Константина с Лицинием имел для них разную ценность. Константин, контролировавший в ранний период своего правления

[44] Barnes 1982, 73; Kienast 2004, 299; Barnes 2014, 103.
[45] Вероятно, сами сыновья Константина присутствовали при этом. Остается открытым вопрос, присутствовал ли на церемонии племянник Константина, Лициний-мл. Нарочитое указание на отсутствие его отца может указывать, что юный цезарь находился при дворе дяди вместе с матерью, Констанцией.
[46] Пользуемся изданием: Pichlmayr, Guendel 1970.
[47] Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 170–183.

Британию и Галлию, решил сосредоточить свои усилия на установлении контроля над Италией и Африкой, где правил Максенций. Лициний же, став августом без внятно определенной сферы контроля, испытывал необходимость в поддержке – особенно после смерти Галерия[48]. Таким образом, вначале союз представлялся для обеих сторон равнозначным. Династический брак позволял подкрепить его, так как обоих императоров не связывало ни родство, ни старинная дружба. После победы Константина над Максенцием союз стал более ценен для Лициния. Константин, напротив, напоминал ему о второстепенности его положения, тогда как себя самого он ставил в ранг первенствующего императора. Контроль над Римом и сенатом не только давал ему преимущество в сфере идеологии, но и позволял оказывать определенное влияние на жизнь всей империи. Так, к примеру, под его контролем объявлялись консулаты: консулами становился либо он сам с персоной императорского ранга (Максимин Даза, Лициний), либо представители сенаторской аристократии. Стоит отметить, что под контролем Лициния находилась провинция Азия, управлявшаяся проконсулом, – как правило, это был знатный римский сенатор[49]. Жена Лициния из связующего звена между двумя императорами превратилась в символ подконтрольности его Константину. Ее собственное возможное участие во взаимоотношениях между братом и мужем мы оставляем за скобками, так как данных о ней применительно к 311–317 гг. у нас нет. Однако для Константина вполне было достаточно самого факта брака. Основываясь на нем, он дважды напомнил Лицинию о его положении в рамках своего дома – через Флавия Констанция в 315 г. и через Местриана в 317 г. В этих напоминаниях вряд ли можно усмотреть только надменность императора. Политический смысл их был в том, чтобы закрепить императорское достоинство за представителями своей семьи – и не только прославить ее, но и обеспечить Римскому государству единственный источник императоров во избежание усобиц, произошедших после отречения Диоклетиана. Для Лициния же союз с Константином был важен вплоть до победы над Максимином Дазой. После этого, а также после рождения у него сына он, вероятно, должен был начать тяготиться им. Соименность Лициния-мл. отцу указывает на его попытку построить свою династию. Здесь же уместно вспомнить об указании одного позднего автора (SHA. *Gord. Tres.* 34. 5) на стремление Лициния обозначить своим предком императора Филиппа, правившего в III в. Впрочем, для противодействия Кон-

[48] На статус преемника Галерия претендовал и Максимин Даза. Лактанций говорит о зависти Максимина к Лицинию, которого Галерий объявил соправителем в статусе августа (*De mort. pers.* 43. 2).

[49] Проконсулы Азии неизвестны с начала IV в. вплоть до 320-х гг., однако и при Диоклетиане, и при Константине среди них встречаются хорошо известные по данным источников римские аристократы: Barnes 1982, 158. Возможно, что в период совместного правления Константина и Лициния сенат, находившийся под контролем первого, присылал проконсула.

стантину Лициний обладал слабыми ресурсами. Нахождение Италии под контролем союзника-оппонента разделяло Лициния с аристократией. Единственной фигурой, претендующей на знатность в окружении Лициния, был упомянутый Сенецион. В критический момент наиболее достойным претендентом стал Валент, *dux limitis* в Дакии. Характеристика, данная ему Константином у Петра Патрикия, указывает, что высоким положением в обществе этот человек не обладал. Богатые провинции Римского Востока (Ближний Восток, Египет) перешли под его власть недавно. Масштабные казни членов императорских семейств вряд ли могли создать ему положительную репутацию, тогда как Константин позиционировал себя в Италии победителем «тирана» Максенция. Сама фиксация этого момента у Лактанция показывает, что при дворе большое значение придавали и публичному образу императора. Здесь Константин также располагал преимуществом: кроме традиционно красноречивых римских аристократов, в окружении императора были и представители сильной риторической школы Галлии – до нас дошло несколько панегириков в его честь. Лициний мог опереться на мощные риторические традиции Римского Востока, однако примеров панегириков в его честь нам неизвестно. Стоит отметить и его репутацию как человека малообразованного[50], противника просвещения. Таким образом, совместное правление Константина и Лициния, кроме периода их борьбы со своими оппонентами, было подготовкой к их решающей схватке за власть над империей. Нельзя не отметить, что Константин обеспечил себе более выгодные позиции.

Литература / References

Альбрехт 2005 = *Альбрехт М. фон.* История римской литературы. М., 2005. Т. 3. 616 с.
Albrecht M. von. Istoriya rimskoy literatury [Geschichte der römischen Literatur]. Moscow, 2005. Vol. 3. 616 p.

Дестунис (ред.) 1860 = Византийские историки, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом / примечания *Г. С. Дестуниса*. СПб., 1860. 496 с.
Vizantiyskie istoriki, perevedennye s grecheskogo Spiridonom Destunisom [Byzantine historians translated from Greek S. Destunis] / ed. by *G. S. Destunis*. Saint-Petersburg, 1860. 496 p.

Коптелов 2008 = *Коптелов Б. В.* Император Лициний на переломе эпох. М., 2008. 132 с.
Koptelov B. V. Imperator Litsiniy na perelome epoh [Emperor Licinius at the Turn of the Epoch]. Moscow, 2008. 132 p.

[50] Миролюбов 2020, 703–711.

Кривушин (ред.) 2013 = *Евсевий Кесарийский*. Церковная история / ввод. ст., коммент., библиогр. список и указатели *И. В. Кривушина*. СПб., 2013. 544 с.

Evseviy Kesariyskiy. Tserkovnaya istoriya [*Eusebius of Caesarea*. The Church History] / ed. by *I. V. Krivushin*. St. Petersburg, 2013. 544 p.

Крист 1997 = *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1997. 512 с.

Krist K. Istoriya vremen rimskih imperatorov ot Avgusta do Konstantina [Geschichte der römischen Kaiserzeit. Von Augustus zu Konstantin]. Vol. 2. Rostov-on-Don, 1997. 512 p.

Миролюбов 2017 = *Миролюбов И. А.* Анастасия, сестра Константина Великого, в контексте его династической политики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 3. С. 90–98. **DOI:** 10.18503/1992-0431-2017-3-90–98

Mirolyubov I. A. Anastasiya, sestra Konstantina Velikogo, v kontekste ego dinasticheskoy politiki [Constantine's the Great Sister Anastasia in the Context of His Dynastic Policy] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. 2017. No. 3. P. 90–98. **DOI:** 10.18503/1992-0431-2017-3-90–98

Миролюбов 2019 = *Миролюбов И. А.* Диоклетиан и Константин Великий: диалог императоров на фоне кризиса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 3. С. 106–115. **DOI:** 10.18503/1992-0431-2023-1-79-171–180

Mirolyubov I. A. Diokletian i Konstantin Velikiy: dialog imperatorov na fone krizisa [Diocletian and Constantine the Great: Intercommunication of Emperors] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. 2019. No. 3. P. 106–115. **DOI:** 10.18503/1992-0431-2023-1-79-171–180

Миролюбов 2020 = *Миролюбов И. А.* Был ли император Лициний врагом образованности? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2020. Т. 24. С. 703–711. **DOI:** 10.30842/ielcp2306901524 36

Mirolyubov I. A. Byl li imperator Litsiniy vragom obrazovannosti? [Was Emeror Licinius Hostile to Education?] // Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. 2020. Vol. 24. P. 703–711. **DOI:** 10.30842/ielcp2306901524 36

Миролюбов 2021 = *Миролюбов И. А.* Династическая политика императора Константина Великого. СПб., 2021. 224 с.

Mirolyubov I. A. Dinasticheskaya politika imperatora Konstantina Velikogo [Dynastic Policy of Emperor Constantine the Great]. St. Petersburg, 2021. 224 p.

Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987 = *Bagnall R. S., Cameron A., Schwartz S. R., Worp K. A.* Consuls of the Later Roman Empire. Atlanta, 1987. 759 p.

Barnes 1982 = *Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (MA), 1982. 305 p.

Barnes 2014 = *Barnes T. D.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden; Oxford; Chichester, 2014. 266 p.

Chausson 2007 = *Chausson F.* Stemmata aurea: Constantin, Justine, Théodose: revendications généalogiques et idéologie impériale au IVe siècle ap. J. C. Roma, 2007. 301 p.

Kienast 2004 = *Kienast D.* Römische Kaisertabelle, Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 2004. 339 s.

Kolb 1987 = *Kolb F.* Diocletian und die Erste Tetrarchie. Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft? Berlin; NY, 1987. 213 s.

Pichlmayr, Guendel (ed.) 1970 = Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae; subsequitur Epitome de Caesaribus / rec. *F. Pichlmayr, R. Guendel*. Leipzig, 1970. 226 s.

Richardson 1992 = *Richardson L.* A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. London; Baltimore, 1992. 459 p.

Städele (ed.) 2003 = Laktanz. De mortibus persecutorum – Die Todesarten der Verfolger / übersetzt und eingeleitet von *Alfons Städele*. Turnhout, 2003. 270 s.

Sutherland (ed.) 1967 = *Sutherland C. H. A.* Roman Imperial Coinage. Vol. VI. London, 1967. 727 p.

Wienand 2013 = *Wienand J.* La famiglia e la politica dinastica di Costantino // Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto Editto di Milano 313–2013 / dir. A. Melloni, P. Brown, J. Helmrath et al. Vol. I. Rom, 2013. P. 23–52.

Обретение империи: европейская политическая культура в эпоху Средневековья и раннего Нового времени

The Acquisition of Empire: European Political Culture in the Middle Ages and the Early Modern Era

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ МЕЖДОУСОБНЫЕ ВОЙНЫ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ-РЮРИКОВИЧАМИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ X–XI вв.: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Александр Сергеевич Фогель

Об авторе:

кандидат исторических наук

РИНЦ AuthorID: 503244

Аффилиация:

Самарский государственный экономический университет

Электронная почта:
Alexandr_fogel@inbox.ru

Целью данной работы является попытка анализа междоусобных войн Рюриковичей в конце X – начале XI в. как кризиса всей предыдущей системы государственного строительства и одновременно нового этапа в процессе развития государственности Древней Руси. В работе междоусобицы рассматриваются с нескольких сторон. Мы попытались, во-первых, установить основной комплекс причин этого повторяющегося явления. Во-вторых, рассмотреть междоусобицы Рюриковичей как единое и целостное явление. В-третьих, выделить их общие и различные черты в рамках единого типологического подхода. В-четвертых, определить мотивации основных участников и их стратегии поведения в рамках этих достаточно экстремальных и нетипичных в жизни князей и страны в целом периодов. В-пятых, подойти к событиям междоусобных войн не просто как к набору разрозненных фактов, но как к событиям, нашедшим отражение в различных источниках не просто для их фиксации в памяти потомков, но с определёнными целями, значимыми для их эпохи. Это достаточно серьезно повлияло на отбор фактов и саму расстановку акцентов при описании этих явлений. В-шестых, рассмотреть системы различные мер и действий, предпринимаемых «победителями» для предотвращения повторения подобных ситуаций в будущем и оценить их эффективность. Кроме того, мы попытались проанализировать идеологическую составляющую событий, происходивших на рубеже языческой и христианской эпохи, и влияние на события и их отображение в источниках двух этих мировоззренческих систем. Проблемы, связанные с первыми междоусобицами рассмотрены на основе современных достижений отечественной исторической науки.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриковичи, князья, государствообразование, междоусобные войны, престолонаследие, Повесть временных лет, воеводы, дружины, христианство, язычество, идеология.

Для цитирования:
Фогель А. С. Первая и вторая междоусобные войны между князьями-Рюриковичами в Древней Руси X–XI вв.: общее и различное // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 43–59. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.004

THE FIRST AND SECOND INTERNECINE WARS BETWEEN THE RURIK PRINCES IN ANCIENT RUSSIA OF THE X–XI CENTURIES: GENERAL AND DIFFERENT

Alexander S. Fogel

About the author:

PhD in History

РИНЦ AuthorID: 503244

Affiliation:

Samara State
University of Economics

Email:
Alexandr_fogel@inbox.ru

The purpose of this work is an attempt to analyze the internecine wars of the Rurikids in the late X – early XI century as a crisis of the entire previous system of state-building and at the same time a new stage in the development of the statehood of Ancient Russia. In the work, internecine strife is considered from several sides. First, we tried to see the main complex of causes of this recurring phenomenon. Secondly, to consider the internecine strife of the Rurikovich as a single and integral phenomenon. Thirdly, to identify and analyze their common and different features within the framework of a single typological approach. Fourth, to determine the motivations of the main participants and their behavior strategies within these rather extreme and atypical periods in the life of princes and the country as a whole. Fifthly, to approach the events of internecine wars not just as a set of disparate facts, but as events reflected in various sources not just for their fixation in the memory of descendants, but with certain goals significant for their era. This has seriously affected the selection of facts and the very placement of accents when describing these phenomena. Sixly, to consider various systems of measures and actions taken by the "winners" to prevent the recurrence of similar situations in the future and evaluate their effectiveness. In addition, we tried to analyze the ideological component of the events that took place at the turn of the pagan and Christian epochs and the impact on events and their reflection in the sources of these two worldview systems. The problems associated with the first civil strife are considered on the basis of modern achievements of Russian historical science.

Keywords: Ancient Rus, Rurikovichi, princes, state formation, internecine wars, succession to the throne, The Tale of bygone years, voivodes, squads, Christianity, paganism, ideology.

For citation:
Fogel A. S. The First and Second Internecine Wars between the Rurik Princes in Ancient Russia of the X–XI Centuries: General and Different // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 43–59. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.004

Междоусобные войны князей Рюриковичей конца X – начала XI в. (традиционно указывают даты 977–980 гг. и 1015–1019 гг.) выступали значимой вехой и своеобразным рубежом в процессе строительства государственности в Древней Руси. Само их возникновение уже означало, что этап формирования территории Киевской Руси – «героический» период «собирания земель» – в принципе? закончен. Территория государства в основном сложилась, и сама модель постоянного присоединения новых территорий и «переезда» столиц («линия Святослава Игоревича») постепенно уходит в прошлое и наступает настоятельная необходимость обустройства уже сложившихся «земель» и

«племен» во что-то единое и связное, насколько это было, конечно же, возможно, в ситуации раннего Средневековья («линия княгини Ольги»). Это не означало, что экспансия Древнерусского государства полностью сошла на нет, еще будут и походы в Степь, и попытки подчинить территории Волжской Булгарии, еще будет освоение прибалтийских земель, да и внутри государства Рюриковичей достаточно долго, по сути, до XII в., будет существовать «проблема вятичей»[1], но попыток приобретения каких-то принципиально новых территорий уже не будет. Период активного роста сменяется периодом относительной стабилизации и поиском Киевской Русью своего места среди политических и идеологических пространств Восточной Европы. В принципе, уже князь Владимир Святославич, креститель Руси и участник тех самых междоусобиц, рассматривается исследователями не как традиционный «вождь дружины», а как князь нового типа, общегосударственный правитель[2].

Значимой вехой это время стало и для всего правящего рода Рюриковичей. Раньше, хотя бы по версии летописцев, княжеский род был очень немногочисленным и основной проблемой было само его выживание и обоснование легитимности перехода власти от одного князя к другому, поэтому каждый раз оказывалось, что есть только один возможный наследник, и раз за разом он был малолетним: братья Рюрика умирают бездетными, Рюрик не имеет других сыновей, кроме Игоря, Олег вообще не имеет детей (и, судя по рассказам летописи, жены); Игорь и Ольга, прожив более 30 лет вместе, имеют только одного сына – Святослава[3]. А вот уже после Святослава с каждым поколением князей-наследников становится все больше – в случае Святослава Игоревича это уже три сына, а в случае Владимира Святославича – целых тринадцать наследников, не считая дочерей, и в случае Ярослава Владимировича – десять детей. Такое «взрывообразное» (по отношению к предыдущим поколениям) разрастание застает врасплох не только всю архаическую государственную систему, выдвигавшую фигуру единого вождя, но и сам род Рюриковичей. Перед князьями-братьями (а в дальнейшем между дядьями и племянниками) неожиданно возникает сразу несколько проблем, попытки разрешения которых и приведут к практике междоусобных войн.

Первой проблемой было отсутствие какой-либо связной и регламентированной системы наследования верховной власти – все предыдущие случаи ее передачи производились по принципу полного отсутствия вариантов наследования в принципе – наследник был просто один. Теперь же эти варианты появились, но не было собственной традиции и даже образцы соседних полити-

[1] Никольская 1981, 4.
[2] Пузанов 2007, 283-284.
[3] Мельникова 1999, 164.

ческих пространств – византийские и скандинавские, не могли помочь в данной ситуации, так что все приходилось изобретать методом проб и ошибок здесь и сейчас. И это притом, что ни Святослав Игоревич, ни Владимир Святославич не собирались умирать и не готовили себе наследников сколько-нибудь последовательно и целенаправленно.

Второй проблемой стало принципиальное отсутствие системы иерархии в княжеском роду и правил взаимодействия князей-правителей между собой – по тем же причинам. Таким образом, оказывалось, что все князья-наследники равны друг другу в правах, потому что при родовом суверенитете никакой политической зависимости от старшего брата обычно не прослеживается – управляют, по сути, все родственники[4]. Причем правят именно все – нет не только разделения на старших и младших, но и сколько-нибудь значимого разделения на законных и незаконных наследников – сыновья от наложниц («робичичи») при разделах обычно уравнивались в правах с сыновьями от свободных жен[5].

Драматичности междоусобицам добавляло еще и то, что они пришлись еще и на время смены ориентиров не только в государственном, но и в идеологическом смысле – язычество на Руси сменялось христианством – новой, мировой религией с новой же системой ценностей, ориентиров и морали. И получалось, что если первую междоусобицу ведут еще язычники, то вторую хотя бы и формально, еще только в первом поколении, но христиане, так что у летописца-христианина, каковым был автор «Повести временных лет», основного источника эпохи, должно было быть принципиально разное отношение к их участникам. Хотя принципиального изменения сознания в реальности даже у князей еще не произошло, или же мы максимум можем говорить, что все участники так или иначе были только в процессе перехода от одного мировоззрения к другому. При этом мы помним, что князья Ярополк, Олег и Владимир Святославичи были посвящены в христианство своей бабкой, княгиней Ольгой[6], а почти все участники второй междоусобицы были язычниками по рождению или хотя бы воспитанию.

Но для монахов-летописцев действовал принцип, что принявший крещение должен вести себя исключительно на основе уже христианских норм[7], что для всех участников на практике было не так очевидно. Также следует постоянно помнить, что основная позиция летописцев, а именно через созданную ими «призму» мы видим события, – это патриотизм и стремление к един-

[4] Назаренко 2000, 509.
[5] Назаренко 2009а, 55.
[6] Карпов 2012, 245.
[7] Иванов 2002, 25.

ству Руси перед лицом внешних врагов[8]. Поэтому сама ситуация междоусобных войн представителей княжеского рода рассматриваются ими как безусловное зло – они губят русских людей и ослабляют страну перед лицом военной опасности.

Еще одной важной проблемой, связанной с междоусобицами конца X – начала XI в., является проблема объективности описания событий в источниках. В большей степени это касается борьбы князей-Святославичей, связный рассказ о которых у нас отражен только в «Повести временных лет», но и про междоусобицу князей-Владимировичей мы в основном знаем из нее же. Хотя события второй междоусобной войны гораздо более освещены – здесь мы можем сопоставлять и сравнивать информацию из разных источников: «Сказания о Борисе и Глебе», «Повести временных лет», написанных на ее основе житий, а также из свидетельств польской[9], скандинавской[10] и германской[11] традиции.

Но именно ПВЛ является наиболее полным и подробным освещением событий, так как для всех иностранных авторов интересны были лишь отдельные эпизоды борьбы князей или же роль конкретных иностранных участников в событиях, будь то польский король Болеслав или скандинавский конунг Эймунд. Но при этом современником междоусобиц так или иначе оказывается только германец Титмар Мерзебургский (умер в 1018 г.), все остальные свидетельства появились значительно позднее – через 30 лет, как «Сказание о Борисе и Глебе», через 70–80 лет, как Древнейший летописный свод, предшествующий ПВЛ[12], в XII или даже XIII в., как польские или скандинавские источники.

Все это создает ситуацию, когда мы, по сути, не видим события глазами очевидцев, а имеем дело лишь с поздней и позднейшей их интерпретацией, идущей по нескольким линиям.

Во-первых, если мы говорим о древнерусских источниках, то неизбежно сталкиваемся с тем, что перед нами «позиция победителей», идущая еще от князя Владимира Святославича, а в большей степени от князя Ярослава Мудрого. То есть это некий княжеский или же официальный «миф», или «конструкт» о междоусобных войнах с четкой расстановкой «черного» и белого» в пользу строго определенных персонажей.

Во-вторых, перед нами позиция не просто сторонников утверждения власти князей, но и сторонников исключительного положения рода Рюрико-

[8] Лихачев 1975, 23.
[9] Галл Аноним, 166–179.
[10] Джаксон (ред.) 2009, 121–138.
[11] Титмар, 63–83.
[12] Щапов (ред.) 2003, 21–22.

вичей[13] – в обоих сюжетах он рассматривается как единственный законный обладатель власти не над какой-то отдельной землей, а над всей Русью в целом. То есть род Рюриковичей выступает здесь как единственный не просто законный – источники знают о существовании и других династий (Рогволд в Полоцке, Туры в Турове[14]), но надплеменной и объединяющий всю эту массу разнородных племен и народов в единую Русь, как необходимый элемент этого объединения. Монополия власти династии Рюриковичей стала причиной возникновения особого феномена: принадлежность к этой княжеской династии становилась основанием права княжения. Князем нельзя было стать, им можно было только родиться в династии Рюриковичей[15].

Княжеский род Рюриковичей важен древнерусским авторам еще и тем, что именно от него зависит продолжение существования всего этого единства – Русской земли. При этом можно проследить некоторую трансформацию – еще при Святославичах хотя бы и в виде отголосков сохраняется Русь как конфедерация или федерация племен[16], а уже при Владимировичах племена в основном перестают упоминаться и Русь выглядит как плюс-минус единая территория, принадлежащая всем Рюриковичам[17]. Эту территорию возможно делить разными способами, но Рюрикович остается князем в любой ее части, даже в далекой Тьмутаракани. При этом, если судить по летописям, то трансформация происходит на протяжении жизни одного поколения, хотя мы еще не можем говорить о том, что в результате политики переселений, начатой при (летописная статья 988 г.[18]) Владимире и проложенной при Ярославе, древнерусская народность была сформирована окончательно.

В-третьих, это позиция христиан, причем христиан, стремящихся приблизить Киевскую Русь к мировым христианским центрам («перенос Иерусалима в Киев»), в связи с чем Руси были просто необходимы (и как можно в больших количествах) свои собственные святые, апостолы и мученики за веру («Слово о Законе и благодати» митрополита Илариона)[19], так что чем дальше, тем больше фигуры княгини Ольги, Владимира Святославича, князей Бориса и Глеба сакрализировались (смерть Бориса была напрямую увязана в летописях и житиях со смертью Христа[20]), а фигуры того же Святополка Окаянного или

[13] Долгов 2007, 159.
[14] Самонова 2015, 228.
[15] Свердлов 2003, 245.
[16] Котляр 1993, 38.
[17] Пчелов 2008, 8.
[18] ПВЛ, 282.
[19] Слово о законе и благодати, 26–61.
[20] Петрухин 2000, 178.

же воеводы Буды-Блуда, наоборот, чем дальше, тем больше приобретали демонические и дьявольские черты[21].

То есть род Рюриковичей был в глазах авторов произведений уже некой священной общностью, только он мог быть священным и единственным законным правителем Руси в языческую эпоху, но важно было показать, что род Рюриковичей остается таковым и в эпоху христианскую, так как именно он принимает, распространяет новую веру и даже страдает за нее.

Одновременно с христианскими мотивами для описания междоусобных войн свойственно привлечение достаточно значимого пласта архаических сюжетов, связывающих их с ранее описанными в летописи эпизодами и включающих их таким образом в общее течение истории, и с языческими временами. Одним из постоянных источников для летописей была устная дружинная традиция[22].

Архаические мотивы проявляются в решающем, по сути, влиянии на развитие обеих междоусобиц обычая кровной мести. В первой междоусобице Ярополк вынужден мстить Олегу за убийство Люта Свенельдича, а Владимир мстит Святополку за смерть Олега, а во второй Ярослав Владимирович обосновывает свою войну со Святополком местью за убийство им Бориса и Глеба. То есть мотив мести воспринимается как вполне оправданный и законный среди как дружины, так и князей, и он несколько позднее, причем именно как закон, появляется в «Правде Ярослава»[23]. Также интересен мотив княжеского коня и «смерти от коня своего» – конь выступал у древних славян как постоянный проводник на тот свет[24], впервые проявившийся еще при описании событий во времена князя Олега Вещего. Олег Древлянский (прямой тезка Олега, названный, вероятно, именно в его честь[25]), гибнет во рву, заваленный телами своих же дружинников и коней[26], а конь князя Глеба (тоже единственного из всего поколения князей-Владимировичей со скандинавским именем[27]) спотыкается на рытвине или яме (можно рассмотреть и как намек на ров =могилу[28]?) и повреждает (или в некоторых редакциях ломает) князю ногу[29], что обычно предвещает несчастье и даже гибель, а с другой стороны, может быть рассмотрено и как начало перехода князя на «тот свет», так как человек без руки, ноги или глаза воспринимался в славянской и скандинавской языческой традиции как существо, находящееся одновременно и на этом, и на том свете (ср. того же од-

[21] Свердлов 2003, 344.
[22] Мельникова 2002, 148.
[23] ПВЛ, 13.
[24] Петрухин, Агапкина, Виноградова, Толстая (ред.) 2005, 229.
[25] Литвина Успенский, 2006, 46.
[26] ПВЛ, 251.
[27] Фасмер 1986, 411.
[28] Петрухин, Агапкина, Виноградова, Толстая (ред.) 2005, 372.
[29] ПВЛ, 292.

ноглазого бога Одина или же Лихо Одноглазое, а также Бабу Ягу с костяной ногой)[30].

Еще одной значимой чертой обоих междоусобных войн является то, что в них традиционно побеждает владетель Новгорода и севера в принципе, что в целом может рассматриваться как подчеркивание значения именно этого города как основы княжеской власти (по принципу – «кто владеет «Новгородом – владеет Русью», создается традиция, что великий князь киевский направляет управлять Новгородом своего старшего сына и наследника[31]). Традиционно на протяжении всей ранней истории Руси завоевание идет с Севера (Новгород) на Юг (Киев) – так шли походы Олега Вещего, так действует Владимир Святославич, так же действует и Ярослав[32]. Но при этом опять же раз за разом оказывается, что столица Руси все же не Новгород, а Киев.

Оба победителя в междоусобицах активно используют (а во многом из-за нее и побеждают) помощь из Скандинавии, то есть связь династии со Скандинавией раз за разом как бы обновляется, причем в случае Ярослава Мудрого даже на уровне брака[33]. Тут нужно также упомянуть, что, по некоторым версиям, своих братьев Святополк убивал руками именно наемных варягов[34], так что скандинавы в этой ситуации действуют на обеих сторонах. Но отдельной силой в рядах войск киевского князя они все же не являются. В обоих случаях после окончания войны и Владимир, и Ярослав достаточно быстро начинают тяготиться варягами и в скором времени отправляют их подальше от своих пределов.

Святополк, князь киевский, тоже стремится использовать помощь из-за рубежей Руси – это и понятно, в условиях междоусобицы сложно доверять только жителям страны. Но если Владимир и Ярослав используют помощь давних союзников-варягов, то он раз за разом пользуется помощью открытых врагов Руси – поляков и печенегов. Поэтому в глазах летописцев и, видимо, также и дружинной традиции, он и сам оказывается врагом Руси. Варяги, в отличие от ляхов и кочевников не претендуют на захват и конечное разорение земель Руси и ее подчинение себе.

Киев традиционно не может сам организовать долговечную и сильную власть, и его правители раз за разом погибают, а киевляне, по сути, без сопротивления принимают победителей. В ПВЛ как бы противопоставлены достаточно пассивные или же непоследовательные жители Киева и активные жители Новгорода, отстаивающие свои права даже перед князем.

[30] Лаушкин, 1970, 182.
[31] Янин 2003, 73.
[32] Карпов 2001, 43.
[33] Там же, 95.
[34] Там же, 55.

Если же говорить о князьях, здесь можно найти прямую аналогию между судьбой Аскольда и Дира и Ярополка, также Бориса – все они погибают вне стен города в ситуации переговоров. И это же отличает судьбу Святополка от Ярополка, но зато сближает с другим участником первой междоусобицы – Олегом Древлянским, оба князя погибают во время бегства после битв – на мосту и в некой «пустыне» соответственно[35].

Общим для обеих войн является и судьба ее участников – несмотря на всю разницу конкретных судеб, стратегий, стремлений и обстоятельств их жизни ни один из них (даже «главные злодеи») не погибает в битве (после нее – да, но никогда не непосредственно в бою) и никогда убийцей князя не оказывается другой князь-родственник. Хотя, казалось бы, междоусобная война – время, когда князья гибнут гораздо чаще обычного и то, что в другое время описывается максимально подробно, сейчас очень сильно ужимается.

Возможно, и здесь следует учитывать общий настрой летописца, стремящегося сохранить и максимально увеличить авторитет рода Рюриковичей и рассматривающий свой труд в том числе и как своеобразный «учебник для князей». Поэтому князья не убивают князей хотя бы из своей династии (случай с Владимиром и Рогволдом все же единичен[36]), так как это не рассматривается героический и даже сколько-нибудь «правильный» поступок.

А Святополк Окаянный в принципе выступает для летописцев антипримером – как максимальная концентрация деяний и человеческих качеств, недостойных «правильного» русского князя. В принципе, он отделен от остальных участников событий сразу по нескольким линиям: он – «сын двух отцов» (законный сын Ярополка – «главного злодея» и зачинщика прошлой междоусобицы – «первого братоубийцы»[37] и Владимира, так что вторая междоусобица косвенно продолжала первую – как спор между старшей и младшей линиями в рамках династии Рюриковичей), он – сын греческой монахини, насильно расстриженной «невесты Христовой», попавшей в руки к язычникам – здесь можно усматривать связи с Антихристом[38], также он – смутьян, устроивший заговор против законного правителя князя Владимира Святославича и им же посаженный в тюрьму и отдаленный от двора (и это, кстати, сближает его с Ярославом – оба выступают как заговорщики и смутьяны, но Святополк – изобличенный и наказанный, а Ярослав – еще нет), кроме того, он – братоубийца, причем не «нечаянный», как тот же Ярополк[39], а вполне сознательный и выдвинувший достаточно «новаторскую» по тем временам идею расправы с

[35] Данилевский 2018, 339–340.
[36] ПВЛ, 252.
[37] Назаренко 2001а, 375.
[38] Данилевский 2018, 348–349.
[39] Карпов 2004, 82.

конкурентами без битв, «малой кровью», а также Святополк оказывается предателем Руси, отдавшим Киев и свою семью в руки поляков на грабеж и поругание и пытавшимся «навести» на Русь печенегов.

При сравнении двух междоусобных войн следует также отметить большую роль и влияние воевод на события. В первой междоусобице роль воевод – вторых лиц в государстве, по мнению исследователей[40], во многом решающая. Именно под действием уговоров воеводы Свенельда Ярополк выступает против Олега Древлянского, и именно советы воеводы Добрыни приносят победу Владимиру, именно воевода Буды-Блуд выдает Владимиру Ярополка. Возможно, настолько большая роль советников определяется еще и возрастом князей-соперников. Все участники первой междоусобицы Рюриковичей достаточно молоды – Ярополку в 977 г. было, предположительно, 20–22 года, Олегу около 16–17 лет, Владимиру – около 15–16 лет[41].

Участники же второй междоусобной войны несколько старше и опытнее (возраст активных участников событий по традиционным датировкам можно рассматривать от 20 до 37 лет на время начала событий), хотя тот же Ярослав Владимирович испытывает достаточно сильное влияние новгородского наместника Константина Добрыневича, особенно в переломные моменты жизни[42].

И если в первой войне активным оказывается очень узкий круг лиц – по сути, все важнейшие решения принимаются или самими князьями-Рюриковичами, или же их воеводами, то во второй оказывается значима роль княжеского окружения, а также появляются вполне самостоятельные (хотя и в основном «коллективные») киевляне и новгородцы, которые, хотя бы и эпизодически, могут не просто выражать свое отношение к событиям, но и даже навязывать свои решения князьям (освобождение киевлянами Святополка и наречение его великим князем, восстание киевлян против поляков в 1018 г., избиение новгородцами варягов и согласие их на войну со Святополком).

Вообще, если сравнивать эти два события, то первая война выглядит как во многом вынужденная и в целом своеобразная «проба сил». За всю войну происходят две значимых битвы – Ярополк сражается с Олегом при Овруче и Владимир сражается с Рогволдом под Полоцком[43], все остальное решается демонстрациями и переговорами – «генерального сражения» между основными антагонистами – Ярополком и Владимиром – так и не происходит. Во второй войне мы видим уже три полномасштабных сражения между Ярославом и

[40] Петрухин 2005, 189.
[41] Карпов 2004, 43.
[42] Карпов 2001, 91.
[43] ПВЛ, 251.

Святополком, а также между Ярославом и польским королем Болеславом, а кроме того, осаду Киева союзными Святополку печенегами – в целом ожесточение нарастает и стороны рассматривают как основной вооруженный путь разрешения конфликта, а не дипломатический.

Мы не можем сказать, что проблема междоусобных войн и поиска возможностей для их предотвращения или же разрешения междукняжеских конфликтов исключительно мирным путем не осознавалась родом Рюриковичей и они вообще не предпринимали попыток их разрешения.

Первым такие шаги предпринял еще Владимир Ярославич. Сюда, в принципе, возможно отнести два его начинания – введение христианства и христианских норм в своей семье, что означало переход на нормы христианской морали, предполагавшие человеколюбие и разрешение конфликтов на основе осознания всеобщего братства людей и при обязательном участии церкви в разрешении споров и конфликтов. Само христианство, возможно, мыслилось им как среда и условие для неповторения междоусобной войны: вспомним о «перерождении» самого князя после принятия христианства, раздачах богатств нищим и отказ казнить разбойников смертью[44].

Также Владимиру приписывается попытка введения «минората» – передачи престола не старшему из сыновей – Святополку, а одному их младших детей – Борису, князю ростовскому как наследнику византийской принцессы Анны, что, возможно и стало причиной возмущения как Святополка, так и Ярослава[45]. Однако данная версия глубоко дискуссионна, большинство источников видят матерью Бориса и Глеба все же «болгарыню» из волжских булгар или же из представителей болгарского царского рода[46]. Но даже если это и так, то нет никаких указаний, что Владимир рассматривал передачу престола таким образом как последовательную традицию, а не единичное решение, значимое только в конкретной сложившейся ситуации.

В целом князь Владимир не сумел найти оптимального разрешения для установления единой системы наследования и братского соправления, воспроизведя, по сути, ситуацию Святослава Игоревича с рассаживанием равноправных сыновей по областям Руси.

Продолжил искать решение уже следующий объединитель страны – Ярослав Мудрый, который в своем завещании-«ряде» реформировал систему братского соправления и ввел систему сеньората. Теперь среди князей вводилась система старшинства и подчинения младших князей старшему брату[47].

[44] Руднев 1989, 190–191.
[45] Назаренко 2001b, 323.
[46] Мельникова (ред.) 2014, 78.
[47] Назаренко 2009b, 8.

«Ряд» Ярослава сформировал лествичное право наследования. Оно было не идеально, как показали все дальнейшие события, но создавало определённую систему в противовес предыдущему хаосу, войне всех против всех и «праву сильного». Проблема возможности повторения междоусобных войн не была разрешена, но хотя бы обозначился общий подход к ее решению.

И еще одним, во многом символическим, шагом на пути к предотвращению междоусобных войн и примирению в княжеском роду становится перезахоронение в 1044 г. останков князей Ярополка и Олега Древлянского в Десятинной церкви, главном храме всей Руси, в Киеве. Это могло быть связано не только с процедурой посмертного крещения[48], но и объединением всех Рюриковичей и забвением старых обид.

Таким образом, междоусобные войны князей-Рюриковичей в конце X – начале XI в. действительно были значимой вехой развития государствообразования, заложившей основы существования «Империи Рюриковичей» на несколько веков вперед. Сам род Рюриковичей из небольшого скандинавского по преимуществу рода становится с этого времени мощной силой, позволившей перейти от системы наместников из числа назначаемых князьями приближенных к принципу «нет города без князя». Эта же эпоха во многом заложила основы для взаимодействия князей и различных ветвей династии между собой и показала, что взаимоотношения между князьями должны строиться на системе наследования, договорах и дипломатии, а не только на силе, предательствах и соперничестве.

Литература / References

Галл Аноним = Галл Аноним. Хроника и деяния польских князей // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. *Т. Н. Джаксон*, *И. Г. Коноваловой*, *А. В. Подосинова*. Т. IV: Западноевропейские источники. М., 2010. С. 166–179.

Gall Anonim. Hronika i deyaniya pol'skih knyazey [Gallus Anonymus. Deeds of the Princes of the Poles] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Ancient Rus in the Light of Foreign Sources] / Ed by *T. N. Dzhakson*, *I. G. Konovalova*, *A. V. Podosinov*]. Vol. IV: Western European Sources. Moscow, 2010. P. 166–179.

Данилевский 2018 = *Данилевский И. Н.* Историческая текстология. М., 2018. 556 с.

Danilevsky I. N. Istoricheskaya tekstologiya [Historical Textual Criticism]. Moscow, 2018. 556 p.

Долгов 2006 = *Долгов В. В.* Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. 512 с.

Dolgov V. V. Byt i nravy Drevney Rusi [Life and Customs of Ancient Russia]. Moscow, 2007. 512 p.

[48] Успенский 2001, 408.

Иванов 2002 = *Иванов С. А.* Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге II тысячелетия. М., 2002. С. 9–34.
Ivanov S. A. Vizantiyskaya religioznaya missiya VIII–XI vv. s tochki zreniya vizantiytsev [The Byzantine Religious Mission of the VIII–XI Centuries from the Point of View of the Byzantines] // Hristianstvo v stranah Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy Tsentral'noy Evropy na poroge II tysyacheletiya [Christianity in the Countries of Eastern, South-Eastern and Central Europe on the Threshold of the II millennium]. Moscow, 2002. P. 9–34.

Карпов 2001 = *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. 583 с.
Karpov A. Yu. Yaroslav Mudryy [Yaroslav the Wise]. Moscow, 2001. 583 p.

Карпов 2004 = *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 2004. 454 с.
Karpov A. Yu. Vladimir Svyatoy [Vladimir the Saint] Moscow, 2004. 454 p.

Карпов 2012 = *Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. М., 2012. 376 с.
Karpov A. Yu. Knyaginya Ol'ga [Princess Olga]. Moscow, 2012. 376 p.

Котляр 1995 = *Котляр Н. Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX – перв. пол. X в. // Древнейшие государства Восточной Европы 1992–1993. М., 1995. С. 33–49.
Kotlyar N. F. O sotsial'noy sushchnosti Drevnerusskogo gosudarstva IX – perv. pol. X v. [About the Social Essence of the Ancient Russian State of the IX – the first half of the X century] // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy 1992–1993 [The Ancient States of Eastern Europe 1992–1993]. Moscow, 1995. P. 33–49.

Лаушкин 1970 = *Лаушкин К. Д.* Баба Яга и одноногие боги (к вопросу о происхождении образа) // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 181–186.
Laushkin K. D. Baba Yaga i odnonogie bogi (k voprosu o proiskhozhdenii obraza) [Baba Yaga and the one-legged gods (on the question of the origin of the image)] // Fol'klor i etnografiya [The Folklore and Ethnography]. Leningrad, 1970. P. 181–186.

Литвина, Успенский 2006 = *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006, 904 с.
Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Vybor imeni u russkih knyazey v X–XVI vv.: dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The Choice of the Name of Russian Princes in the X–XVI Centuries: Dynastic History through the Prism of Anthroponomy]. Moscow, 2006. 904 p.

Лихачев 1975 = *Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1975. 366 с.
Lihachev D. S. Velikoe nasledie [The Great Legacy]. Moscow, 1975. 366 p.

Мельникова 1999 = *Мельникова Е. А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 153–165.
Mel'nikova E. A. Ustnaya traditsiya v PVL: k voprosu o tipah ustnyh predaniy [The Oral Tradition in the Tale of Bygone Years to the Question of the Types of Oral Traditions] // Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive [The Eastern Europe in Historical Retrospective]. Moscow, 1999. P. 153–165.

Мельникова 2002 = *Мельникова Е. А.* Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2002. С. 143–151.

Mel'nikova E. A. Pervye russkie knyaz'ya: o printsipah rekonstruktsii letopistsem ranney istorii Rusi [The First Russian Princes: on the Principles of Reconstruction by the Chronicler of the Early History of Russia] // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e [The Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, 2002. P. 143–151.

Мельникова, Петрухин (ред.) 2014 = Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / под общей ред. *Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина*. М., 2014. 989 с.

Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya [The Ancient Russia in the Medieval World: An Encyclopedia] / Ed. by *E. A. Melnikova, V. Ya. Petrukhin*. Moscow, 2014. 989 p.

Назаренко 2000 = *Назаренко А. В.* Порядок престолонаследия на Руси в X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 500–519.

Nazarenko A. V. Poryadok nasledovaniya na Rusi v X–XII vv.: nasledstvennye razdely, sen'orat i popytki designatsii (tipologicheskie nablyudeniya) [The Order of Inheritance in Russia in the X–XII Centuries: Hereditary Sections, Seigniory and Attempts at Designation (Typological Observations)] // Iz istorii russkoy kul'tury [From the history of Russian Culture]. Vol. 1. (The Ancient Russia). Moscow, 2000. P. 500–519.

Назаренко 2001a = *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001, 784 с.

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah: mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskih svyazey IX–XII vv. [The Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Ties of the IX–XII centuries]. Moscow, 2001. 784 p.

Назаренко 2001b = *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2001. 608 с.

Nazarenko A. V. Zapadnoevropejskie istochniki [The Western European sources] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [The Ancient Rus in the Light of Foreign Sources]. Moscow, 2001. 608 p.

Назаренко 2009a = *Назаренко А. В.* Династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом освещении // *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 47–87.

Nazarenko A. V. Dinasticheskiy stroj Ryurikovichej X–XII vv. v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii [The Dynastic System of the Rurik Dynasty of the X–XII Centuries in Comparative Historical Coverage] // *Nazarenko A. V.* Drevnyaya Rus' i slavyane [The Ancient Russia and the Slavs]. Moscow, 2009. P. 47–87.

Назаренко 2009b = *Назаренко А. В.* Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые. // *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 7–28.

Nazarenko A. V. Drevnerusskoe dinasticheskoe starejshinstvo po «ryadu» YAroslava Mudrogo i ego tipologicheskie paralleli – real'nye i mnimye [The Old Russian dynastic elders according to the "row" of Yaroslav the Wise

and Its Typological Parallels – Real and Imaginary] // *Nazarenko A. V.* Drevnyaya Rus' i slavyane [The Ancient Russia and the Slavs]. Moscow, 2009. P. 7–28.

Никольская 1981 = *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. 296 с.
Nikol'skaya T. N. Zemlya vyatichey. K istorii naseleniya bassejna verhney i sredney Oki v IX–XIII vv. [The Land of Vyatichi. On the History of the Population of the Upper and Middle Oka Basin in the IX–XIII centuries]. Moscow, 1981. 296 p.

ПВЛ = Повесть временных лет: Текст и перевод / под ред. *В. П. Адриановой-Перетц*. Ч. 1. М, 1950. 406 с.
Povest' vremennyh let: Tekst i perevod [A Tale of Bygone Years: Text and translation / Ed. by V. P. Adrianova-Peretz]. Vol. 1. Moscow, 1950. 406 p.

Петрухин 2000 = *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 13–410.
Petrukhin V. Ya. Drevnyaya Rus': narod, knyaz'ya, religiya [The Ancient Russia: People, Princes, Religion] // Iz istorii russkoy kul'tury [From the History of Russian Culture]. Vol. 1. (The Ancient Russia). Moscow, 2000. P. 13–410.

Петрухин 2005 = *Петрухин В. Я.* Репрезентация власти русского князя в древнейший период: Ибн Фадлан о власти князя русского и хазарская традиция // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество и культура в славянском обществе в Средние века. М., 2005. С. 182–194.
Petrukhin V. Ya. Reprezentatsiya vlasti russkogo knyazya v drevnejshiy period: Ibn Fadlan o vlasti knyazya russkogo i hazarskaya traditsiya [The Russian Prince's Power Representation in the Most Ancient Period: Ibn Fadlan on the Power of the Russian Prince and the Khazar Tradition] // Anfologion. Slavyane i ih sosedi. Vlast', obshchestvo i kul'tura v slavyanskom obshchestve v Srednie veka [The Anfologion. Slavs and Their Neighbors. Power, Society and Culture in Slavic Society in the Middle Ages]. Moscow, 2005. P. 182–194.

Петрухин, Агапкина, Виноградова, Толстая (ред.) 2005 = Славянская мифология / ред. *В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая*. М., 1995. 416 с.
Slavyanskaya mifologiya [The Slavic mythology] / Ed. by *V. Ya. Petrukhin, T. A. Agapkina, L. N. Vinogradova, S. M. Tolstaya*. Moscow, 1995. 416 p.

Правда Русская = Правда Русская / под. ред. *Б. Д. Грекова*. М.; Л., 1940. 112 с.
Pravda Russkaya [The Russkaya Pravda] / Ed. by *B. D. Grekov*. Moscow; Leningrad, 1940. 112 p.

Прядь об Эймунде = Прядь об Эймунде // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. *Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова*. Т. V: Древнескандинавские источники. М., 2009. С. 121–138.
Pryad' ob Eymunde [An Excerpt about Aimund] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Ancient Rus in the Light of Foreign Sources] / Ed. by *T. N. Dzhakson, I. G. Konovalova, A. V. Podosinov*. Vol. V: Ancient Scandinavian Sources]. Moscow, 2009. P. 121–138.

Пузанов 2007 = *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. 623 с.
Puzanov V. V. Drevnerusskaya gosudarstvennost': genezis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty [The Ancient Russian Statehood: Genesis, Ethno-Cultural Environment, Ideological Constructs]. Izhevsk, 2007.

623 p.

Пчелов 2008 = *Пчелов Е. В.* Династическая история рода Рюриковичей // Древнейшие государства Восточной Европы, 2005. М., 2008. С. 5–32.
Pchelov E. V. Dinasticheskaya istoriya roda Ryurikovichej [The dynastic history of the Rurikovich family] // DGVE, 2005 [The Ancient States of Eastern Europe, 2005]. Moscow, 2008. P. 5–32.

Руднев 1989 = *Руднев В. А.* Слово о князе Владимире. М., 1989. 240 с.
Rudnev V. A. Slovo o knyaze Vladimire [A Word about Prince Vladimir]. Moscow, 1989. 240 p.

Самонова 2015 = *Самонова М. Н.* Скандинавский фактор в образовании Полоцкого и Туровского княжеств // Восточная Европа в древности и Средневековье: государственная территория как фактор политогенеза. Материалы конференции. М., 2015. С. 228–233.
Samonova M. N. Skandinavskiy faktor v obrazovanii Polotskogo i Turovskogo knyazhestv [The Scandinavian Factor in the Formation of the Principalities of Polotsk and Turov] // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: gosudarstvennaya territoriya kak faktor politogeneza. Materialy konferencii [The Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: The State Territory as a Factor of Political Genesis]. Collection of Conference Materials. Moscow, 2015. P. 228–233.

Свердлов 2003 = *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. 667 с.
Sverdlov M. B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoy treti XIII v. [The Pre-Mongol Rus. Prince and Princely Power in Russia VI – the first third of the XIII century]. St. Petersburg, 2003. 667 p.

Слово о законе и благодати = Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. *Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко*. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 26–61.
Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona [The Word about the Law and Grace of Metropolitan Hilarion] // Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of Literature of Ancient Russia] / Ed. by *D. S. Lihachyov, L. A. Dmitriev, A. A. Alekseev, N. V. Ponyrko*. Vol. 1: XI–XII centuries. St. Petersburg, 1997. P. 26–61.

Титмар = Титмар Мерзебургский. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. *Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова*. Т. IV: Западноевропейские источники. М., 2010. С. 63–83.
Titmar Merzeburgskiy. Hronika [Thietmar, Bishop of Merseburg. The Chronicle] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [The Ancient Rus in the Light of Foreign Sources] / Ed. by *T. N. Dzhakson, I. G. Konovalova, A. V. Podosinov*. Vol. IV: Western European Sources. Moscow, 2010. P. 63–83.

Успенский 2001 = *Успенский Ф. Б.* Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // Норна у источника судьбы: сборник статей в честь *Е. А. Мельниковой*. М., 2001. С. 407–414.
Uspensky F. B. Kreshchenie kostey Olega i Yaropolka v svete russko-skandinavskih kul'turnyh vzaimosvyazey [The Baptism of Oleg and Yaropolk's Bones in the Light of Russian-Scandinavian Cultural Interrelations] // Norna u istochnika sud'by [The Norn at the Fountain of Destiny]. Collection of articles in honour of *E. A. Melnikova*]. Moscow, 2001. P. 407–414.

Фасмер 1986 = *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. М.,

1986. 576 с.
Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [The Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow, 1986. 576 p.

Щапов (ред.) 2003 = Письменные памятники истории Древней Руси / под ред. *Я. Н. Щапова*. СПб., 2003. 383 с.
Pis'mennye pamyatniki istorii Drevney Rusi [The Written Monuments of the History of Ancient Russia] / Ed. by *Ya. N. Shchapov*. St. Petersburg, 2003. 383 p.

Янин 2003 = *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. 512 с.
Yanin V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniks]. Moscow, 2003. 512 p.

НА ПУТИ К ВЛАСТИ: ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ЛОНДОНСКОГО РЕМЕСЛЕННИКА XV ВЕКА

Лариса Николаевна Чернова

Об авторе:

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0002-5379-1470
ResearcherID: D-6204-2013
РИНЦ AuthorID: 472830

Аффилиация:

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Электронная почта:
larisachernova@mail.ru

В статье рассматривается карьера ремесленника-портного Ральфа Холланда, стремившегося продвинуться на самую вершину политического Олимпа Лондона. Показано, что он использовал все доступные в той ситуации методы борьбы за пост мэра, который открывал дополнительные возможности для коммерческого успеха – и личного, и ремесленной гильдии портных. Фактически Ральф Холланд возглавил оппозицию власти, переросшую в волнения 1441–1443 гг. Однако купеческая олигархия английской столицы, используя административный ресурс, не позволила представителю ремесленной среды занять должность мэра.

Ключевые слова: Лондон XV века, городской муниципалитет, олдермены, шериф, мэр, борьба за власть, экономические интересы, ремесленные гильдии, купеческие компании.

Для цитирования:
Чернова Л. Н. На пути к власти: злоключения лондонского ремесленника XV века // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 60–83. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.005

ON THE WAY TO POWER: THE MISADVENTURES OF A XVTH-CENTURY LONDON ARTISAN

Larisa N. Chernova

About the author:

Doctor of History, Professor

ORCID: 0000-0002-5379-1470
ResearcherID: D-6204-2013
РИНЦ AuthorID: 472830

Affiliation:

Saratov State University

Email:
larisachernova@mail.ru

The article examines the career of the artisan-tailor Ralph Holland, who sought to advance to the very top of the political Olympus in London. It is shown that he used all the methods available in that situation to fight for the post of mayor, which opened up additional opportunities for commercial success – both personal and craft tailors' guild. In fact, Ralph Holland led the opposition to power, which grew into unrest in 1441–1443. However, the merchant oligarchy of the English capital, using administrative resources, did not allow a representative of the craft environment to take the post of mayor.

Keywords: London of the 15th century, city municipality, aldermen, sheriff, mayor, struggle for power, economic interests, craft guilds, merchant companies.

For citation:
Chernova L. N. On the Way to Power: The Misadventures of A XVth-Century London Artisan // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 60–83. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.005

Хорошо известен в целом справедливый тезис о торговле как фундаменте благополучия средневекового Лондона. Большое значение имело удачное географическое положение города, находившегося на большом перекрестке: здесь сходились торговые пути из Скандинавии, Прибалтики, Северного моря, Атлантического побережья[1]. Уже в начале XIV в. треть всех товаров, экспортируемых из Англии, загружалась на корабли с набережных столицы. А к середине столетия, когда английские купцы, потеснив итальянцев, смогли сконцентрировать в своих руках бóльшую часть торговли шерстью, через лондонский порт проходило более трети всего ее экспорта, и почти половина его находилась в руках столичных купцов[2]. Возрастала доля Лондона и в экспорте английского сукна: в 1356–1358 гг. она составляла 12 %, в 1392–1395 гг. – 32 %, а в 1485–1490 гг. достигла 70 %[3]. На протяжении XIV в. лондонские меховщики взяли под свой контроль торговлю кожей и мехами[4], и торговля вином почти полностью перешла к купцам столицы[5].

Лондон играл важнейшую роль и во внутрианглийском обмене. Столичные купцы доставляли разнообразные товары по всему королевству. В сферу их интересов входили самые разные города, среди которых Саутгемптон, Бристоль, Ярмут, Сэндвич, Оксфорд, Ньюкасл-на-Тайне, Колчестер, Бартон-на-Хамбере, Кентербери, Линн и Уинчестер, Дувр, Гастингс, Уинчелси и пр. Сам являясь крупнейшим портовым городом в устье Темзы, Лондон был связан с портами, находившимися на южном, юго-западном, юго-восточном, восточном и северо-восточном побережьях Англии. Что касается таких городов, как Оксфорд, Кентербери, Колчестер, Уинчестер, Бартон-на-Хамбере, то все они располагались на юго-востоке и востоке Англии (графства Оксфордшир, Эссекс, Кент, Хемпшир, Линкольншир), с которыми у Лондона исторически и в силу географического фактора существовали устойчивые контакты[6].

Торговали самыми разными товарами: от предметов обихода и продовольствия до ювелирных и прочих роскошных изделий и сырья для ремесленного производства. Большой известностью повсеместно пользовались лондонские рынки – Чипсайд, Грасчерч, Корнхилл, Биллинсгейт, Лиденхолл, Уэстчип,

[1] Чернова 2016, 40.
[2] Репина 1979, 43, 46.
[3] Barron 2000, 412.
[4] Veal 1966, 228.
[5] Barron 2000, 412–413.
[6] Чернова 2022а, 321–322.

Истчип и Смитфилд (располагался в ближайшем городском предместье), где продавались самые разнообразные товары[7].

Неудивительно, что именно представители «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона, в которых преобладал купеческий капитал, монополизировали городское управление. На протяжении XIV–XV вв. они занимали ключевые должности мэра, шерифов, олдерменов и пр. в столичном муниципалитете. Разработка и практическое воплощение политики городских властей почти безраздельно являлись сферой деятельности торговцев шелковыми и бархатными тканями (*mercers*), бакалейщиков (*grocers*), торговцев тканями (*drapers*), которые занимались реализацией шерсти и сукна, преимущественно шерстяного, торговцев рыбой (*fishmongers*), ювелиров (*goldsmiths*), отвечавших за проверку качества золота и серебра, регулировавших работу золотых дел мастеров и поставлявших на рынок произведенные ими изделия, меховщиков (*skinners*), специализировавшихся на дорогостоящем импорте меха, торговцев готовым платьем (*merchant taylor's*), галантерейщиков (*haberdashers*), контролировавших производство и продажу тканей, швейных изделий, лент, перчаток, булавок, колпаков и шляп, торговцев солью (*salters*), торговцев железными изделиями (*ironmongers*), торговцев вином (*vintners*).

С учетом, во-первых, принадлежности олдерменов к фриженской купеческой элите (около ¾ взрослых мужчин, проживавших в Лондоне XV в., не являлись фриженами[8]), во-вторых, как правило, пожизненного, а в более чем 66 % случаев наследственного[9] пребывания в должности, в-третьих, избрания мэров исключительно, а шерифов преимущественно из числа олдерменов[10] напрашивается закономерный вывод о монополизации власти в городе именно богатым и влиятельным купечеством.

Однако Лондон был не только потребляющим и распределяющим, но и значительным производящим центром[11]. По числу ремесленных специальностей он, очевидно, превосходил остальные английские города. Применительно к XV в. исследователи насчитывают здесь от 111 до 180 гильдий ремесленников[12]. В самом городе и его ближайшей округе процветали ремесла, связанные со строительством, выделкой кожи и меха и изготовлением разнообразных изделий из них, пошивом, отделкой и украшением одежды и аксессуаров, развивались дерево- и металлообработка, ювелирное дело, производство тканей, изготавливался широкий ассортимент столь необходимых горожанам потреби-

[7] Archer (ed.) 1988, 4.
[8] Berry 2022, XX.
[9] Platt 1979, 121.
[10] Riley (ed.) 1859, 4, 12.
[11] Barron 2000, 426.
[12] Чернова 2022b, 94.

тельских товаров – продуктов питания, мебели, посуды, прочей утвари и предметов домашнего обихода[13].

Однако ремесленные гильдии, не столь богатые, как торгово-купеческие компании, несмотря на общественную значимость их труда, в массе своей были отстранены от участия в управлении городом. Порождаемые такой практикой чувство несправедливости, ощущение некой дискриминации распространялись на отношение значительной части жителей Лондона ко всей системе городского управления и неизбежно продуцировали противоречия и конфликты.

Острое столкновение, свидетельствовавшее о глубоком расколе в городском социуме, произошло между портными (тейлорами) и торговцами тканями (дрейперами) Лондона в 1438–1444 гг. Именно с этим конфликтом был связан наш герой – Ральф Холланд, единственный олдермен-ремесленник (портной) XV в. Реализуя собственные амбиции и коммерческие интересы, совпавшие в тот период с запросами гильдии портных Лондона, он не только последовательно продвигался по карьерной лестнице в городском управлении, но и стал самым заметным лидером оппозиции, отстаивавшей права фрименов из числа ремесленников.

Чтобы лучше понять истоки конфликта, обратимся к истории становления гильдий портных и торговцев тканями Лондона. В XIV в. эти две корпорации мирно уживались, каждая – в пределах собственных профессиональных компетенций. Портные изготавливали ткани и шили из них, кроме прочего, мягкие льняные туники, надевавшиеся под доспехи. А лондонские дрейперы занимались покупкой и продажей тканей, преимущественно шерстяных.

На XIV – первые десятилетия XV вв. приходится процесс институализации этих двух корпораций, хотя его темпы и результаты были не одинаковы. Эдуард III (1327–1377) в начале своего правления, 10 марта 1327 г., пожаловал лондонским портным хартию, по которой им разрешалось раз в год созывать общее собрание своей гильдии, «как это было издавна принято… чтобы управлять своим ремеслом»[14], осуществлять поиск недоброкачественных изделий, а также наказывать нарушителей «для общего блага людей указанного города»[15], подчиняясь при этом мэру Лондона. В 1390 г. портные получили грамоту от Ричарда II (1377–1399): им было предоставлено право избирать мастера и четырех смотрителей «из своего числа так часто, как… будет необходимо… проводить собрания и устраивать праздник в день св. Иоанна [Крестителя,

[13] Barron 2004, 65–75, 218–223.
[14] Clode (ed.) 1875.
[15] Ibid.

24 июня]»[16], а также издавать ордонансы, «как им [мастерам и смотрителям] покажется наиболее целесообразным для лучшего управления братством»[17]. Наконец, Генрих IV (1399–1413) в 1407 г. учредил гильдию портных («мастер и смотрители и упомянутое братство могут быть постоянной корпорацией на вечные времена»[18]), разрешил им использовать общую печать (*Common Seal*) и владеть землей. «Мы подтверждаем упомянутому мастеру и смотрителям и их преемникам, что они навечно будут владеть землями, жилыми помещениями, ежегодными рентами и другим имуществом, которое до сих пор было приобретено ими или их предшественниками…»[19].

Торговцы тканями Лондона только в 1364 г., при Эдуарде III, впервые получили жалованные грамоты. Им была предоставлена монополия на покупку и продажу тканей в городе, а также право «избирать четырех смотрителей, призванных управлять мистерией, если потребуется, то при помощи мэра и шерифов»[20]. Инкорпорированы торговцы тканями были только в ноябре 1438 г. Генрих VI (1422–1461, 1470–1471) формально учредил гильдию дрейперов, предоставив им право избирать мастера и четырех смотрителей[21].

Возможно, уже в конце XIV в. портные располагали собственным гильдейским зданием, тогда как торговцы тканями начали строить свой Гилдхолл только в 1425 г. Кроме того, в 1413 г. доход от лондонской собственности гильдии портных составлял 44 ф. 3 ш. 7 п., а доход торговцев тканями – всего 22 ф. 13 ш. 6 п.[22] Тем не менее портные занимали подчиненное положение в городском управлении. В первой трети XV в. в лондонской Ратуше не было олдерменов-портных и, следовательно, не было и мэров, принадлежавших к этой гильдии[23]. В то же время из числа торговцев тканями были избраны 10 олдерменов, 5 из которых стали мэрами[24].

Более того, портные оказались в экономической зависимости от торговцев тканями, поскольку последние обладали монополией на покупку и продажу шерстяной ткани в Лондоне. Фактически дрейперы были посредниками, через которых тейлоры могли выходить на рынок. Понятно, что сложившаяся ситуация вызывала недовольство портных, которое рано или поздно грозило выплеснуться наружу. Человеком, сумевшим аккумулировать и идейно оформить назревавший протест ремесленников-портных, стал Ральф Холланд.

[16] Clode (ed.) 1875.
[17] Ibid.
[18] Ibid.
[19] Ibid.
[20] Johnson 1914, 204–208.
[21] Ibid., 214–215.
[22] Ibid., 128.
[23] Beaven 1908, 345.
[24] Ibid., 340.

Об этом человеке известно очень мало. Возможно, Ральф Холланд родился в конце XIV в. в Суррее, в приходе Ньюинтон, расположенном на пересечении дорог, ведущих от Лондонского моста в Кент и Суррей[25]. Незадолго до 1419 г. он, уже находясь в Лондоне, женился на некой Матильде, допущенной в ливрею компании торговцев тканями. Ральф упоминает о ней как о своей умершей жене в завещаниях, датированных 2 мая[26] и 3 мая 1452 г.[27] В браке с этой женщиной родился, по крайней мере, один сын, тоже Ральф, входивший в гильдию портных. В 1435–1436 гг. он даже вступил в ливрею, но, судя по всему, умер раньше своего отца. По крайней мере, уже в самом раннем завещании Ральфа Холланда-старшего, которое он составил 24 октября 1445 г., упоминаний о сыне, как, впрочем, и о других родственниках, нет[28].

В документах лондонских профессиональных корпораций имя Ральфа Холланда впервые встречается в записях компании дрейперов за 1413–1414 гг., в которой он занимал достаточно прочное положение, поскольку смог взять на обучение ученика. Но уже в 1414–1416 гг. Холланд вступил в ливрею гильдии портных, заплатил 20 ш., а в 1419 г. был избран мастером этой корпорации. В это же время его имя все еще встречается в записях компании торговцев тканями: он внес 40 ш. на строительство гильдейского здания этой корпорации. Даже в завещании 1445 г. Ральф Холланд обозначен как дрейпер[29], хотя очевидно, что к этому времени он воспринимал себя членом гильдии портных, с которой отождествлял свои деловые интересы. Так или иначе, но Холланд принадлежал к обеим корпорациям одновременно. Благо, что действовавшее в городе право на совмещение профессий предоставляло такую возможность. В ситуации, в которой оказались гильдия портных и компания торговцев тканями в начале XV в., такое поведение Холланда представляется вполне оправданным. Как человек честолюбивый и обладающий необходимыми материальными возможностями, он предпочел пользоваться привилегиями обоих братств.

Первое упоминание о Холланде в общегородских записях относится к 1426 г. Уже в это время он стал проявлять оппозиционные настроения, демонстрируя свое несогласие с политикой городского правительства. В частности, 5 сентября 1426 г. его заключили в тюрьму за критику мэра Лондона, которого Ральф Холланд обвинил в притеснении портных[30]. На этот раз он отделался лишь предупреждением.

---

[25] Чернова 2022b, 93.
[26] Sharpe (ed.) 1890, 525–526.
[27] Ibid., 526.
[28] Ibid., 563–564.
[29] Ibid.
[30] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 337.

А уже через месяц у Холланда появился новый шанс для выражения собственных взглядов. 8 октября 1426 г. мэр переиздал королевский указ 1315 г., касавшийся порядка избрания мэра и шерифов Лондона. Согласно ему, на выборах шерифов 21 сентября и мэра 13 октября могли присутствовать только специально приглашенные для этого горожане (по 4 представителя от каждого административного округа[31]), а не все фримены: «несколько наиболее зажиточных и знающих горожан» поименно вызывались на выборное собрание и избирали там мэра и шерифа[32]. Таким образом, отменялась уже привычная для лондонцев практика присутствия на выборах всех заинтересованных полноправных горожан. Очевидно, что мэр, возвращаясь к прежней электоральной процедуре, стремился избежать ненужных эксцессов и установить контроль над составом избирателей, что было чрезвычайно важно для власти. Городской клерк Дж. Карпентер, автор составленной еще в 1419 г. «Белой книги Лондона», весьма правдоподобно объяснил установление таких порядков волнениями в народе, которые происходили при каждых очередных выборах: «Ввиду того, что на выборы мэров и шерифов стекалась к зданию муниципалитета огромная толпа народа, и так как народных сборищ следует бояться… ибо при этом может подняться ропот и шум, мэр и олдермены за несколько дней до дня выборов имели обычай сходиться и обсуждать, каким образом провести эти выборы, чтобы избежать волнений и народного ропота»[33]. Надо сказать, что лондонская модель самоуправления была эталоном для целого ряда провинциальных городов Англии[34].

В ответ на такой шаг со стороны властей Холланд заявил, что распоряжения о выборах мэра и шерифов сфабрикованы, они не соответствуют действительности[35]. Фактически он выступил за широкие избирательные права горожан, что противоречило интересам правящей олигархии.

В тот же день состоялось заседание Суда олдерменов, на котором против Ральфа Холланда под присягой дали показания Джон Олни, торговец шелковыми и бархатными тканями, Томас Кук, торговец тканями, и Томас Рейнуэлл, бакалейщик. Холланд был отправлен в тюрьму Ладгейт, поскольку «безрассудно заявлял, что постановления [мэра] были вымыслом»[36], а также угрожал расправой Томасу Куку. На основании поданного прошения Холланд был освобожден под залог в 100 ф., внесенный четырьмя лондонцами, трое из которых были портными[37].

[31] Riley (ed.) 1859, 19.
[32] Ibid., 241.
[33] Ibid., 19.
[34] Hartrich 2019, 119, 123–124.
[35] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 338.
[36] Sharpe (ed.) 1911, 384.
[37] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 338.

Произошедшее не могло не повлиять на последующее карьерное продвижение Холланда. И хотя к 1429 г. он стал членом Городского совета, состоявшего из мэра, олдерменов, шерифов и, примерно, 70 «гильдейских старшин», внесенных в списки фрименов и носивших ливрею, с избранием на значимые должности в городской муниципалитет у Ральфа возникли проблемы. В феврале того же года фримены округа Байнард Касл рекомендовали его Совету олдерменов в качестве одного из четырех кандидатов на вакантную должность олдермена. Другими претендентами были Ральф Скиннард, один из поручителей Холланда, виноторговец Томас Уолсингем и Томас Даффхаус, торговец рыбой и в то время один из шерифов. Олдермены единогласно выбрали Томаса Уолсингема.

Эта неудача и явная демонстрация неприятия Холланда городскими властями не изменила его взглядов и поведения. К сожалению, состояние источников не позволяет нам детально проследить этапы его карьеры. При этом известно, что в сентябре 1429 г. Холланд все же получил доступ к истеблишменту Лондона: представители городской общины избрали его шерифом на 1430 г.[38] В полномочия этого должностного лица входили защита интересов короны (сбор трети судебных штрафов в пользу короля, контроль за соблюдением королевских законов) и горожан, охрана мира и осуществление судопроизводства[39]. Избрание шерифа утверждалось королем или его представителями[40], но его служба оплачивалась из городской казны: с XIV в. – 50 ф. в год[41]. Шериф имел собственный штат помощников: с начала XV в. ему полагалось 8 сержантов с общим содержанием в 20 ф. и не больше двух клерков[42].

В сентябре 1434 г. Ральф Холланд был избран одним из городских рикордеров, т. е. стал судейским чиновником, который рассматривал уголовные и гражданские дела в суде магистрата и передавал наиболее серьезные из них в суды высших инстанций[43]. Наконец, к октябрю того же года Холланд был избран олдерменом от округа Бред-стрит[44].

Олдермены, *reputable men*, как правило, пожизненно избирались на собрании *probi homines* каждого городского округа чаще всего из числа советников, входивших в Совет избранных[45]. Следовательно, Ральф Холланд должен был состоять в качестве советника в Совете избранных, который комплектовался за счет мэра, олдерменов и 150–212 советников, избиравшихся по админи-

[38] Beaven 1913, 8.
[39] Birch (ed.) 1884, 3.
[40] Mitchell, Leys 1958, 55.
[41] Gray 1978, 83.
[42] Sharpe (ed.) 1909, 32–33.
[43] Weinbaum (ed.) 1943, 75.
[44] Beaven 1913, 8.
[45] Riley (ed.) 1859, 34–35.

стративным округам, обладал законодательной властью (имел право вносить изменения в обычаи и законы Лондона), контролировал поступление и расходование всех денежных средств города, в его ведении находились городские земельные владения и городская печать[46]. Своих четырех кандидатов, «самых достойных и знающих горожан», *probi homines* представляли мэру и олдерменам, которые имели право выбрать одного из предложенных претендентов и либо утвердить его в должности, либо отвергнуть все кандидатуры.

К претендентам на должность олдермена городское законодательство предъявляло особые требования. Во-первых, это принадлежность к числу полноправных горожан – фрименов. Во-вторых, членство в одной из купеческих «Двенадцати Больших ливрейных компаний», причем олдермены входили в самую богатую и влиятельную часть компании – верхушку ливреи. В-третьих, наличие определенного уровня материальной обеспеченности: постановлением Городского совета имущественный ценз для олдерменов был определен в 1 тыс. ф. «в товарах и кредитах»[47]. В-четвертых, необходимо было родиться в Англии, и отец должен быть англичанином[48].

Видимо, в соответствии с традицией, Ральф Холланд в Гилдхолле, в присутствии мэра, олдерменов и должностных лиц Суда мэра, принес клятву «добросовестно выполнять все, что касается этой должности, в соответствии с обычаями указанного города…»[49].

Таким образом, Холланд добился признания своего статуса и роли в жизни городской общины и, что особенно важно, получил право претендовать на должность мэра, поскольку градоначальник Лондона обязательно избирался из числа олдерменов.

Значение мэра Лондона, призванного осуществлять общее руководство городской корпорацией, трудно переоценить. Именно в его руках находилась высшая власть в городе и колоссальный административный ресурс. Не случайно социальный статус, престиж лондонских мэров был очень высок: согласно постановлению парламента от 1379 г., они облагались так же, как герцоги – в 4 ф.[50] За публичное оскорбление мэра предусматривались разные виды наказания (штраф, денежный залог, позорный столб, тюрьма), которые были призваны защитить честь и достоинство градоначальника, персонифицировавшего всю городскую власть.

Должность мэра надлежало занимать представителю «лучших людей», способных проявлять «мудрость, добросовестность, честность и беспристраст-

[46] Чернова 2016, 99, 101.
[47] Beaven 1913, XXXIX.
[48] Sharpe (ed.) 1909, 117.
[49] Ibid., 415.
[50] Keen 1990, 9.

ность, порядочность, инициативность и предприимчивость»[51], этот человек должен быть «благоразумен и пригоден для управления городом»[52], что обеспечивало бы эффективность функционирования всей административной системы Лондона.

Мэр избирался ежегодно («они каждый год могут избирать себе мэра, который будет верен нам»[53]) и, как мы отмечали, только из числа олдерменов. Формально само избрание проходило на собрании Ассамблеи горожан (состояла из мэра, олдерменов, шерифов и «гильдейских старшин», внесенных в списки фрименов и носивших ливрею) в Гилдхолле. Реально здесь лишь называли имена двух олдерменов – кандидатов на должность, а действующий мэр и олдермены выбирали одного из них, т. е. фактически мэра избирал Совет олдерменов[54]. «И когда наступит такое время, когда нужно избирать нового мэра на следующий год, прежний мэр должен созвать совет состоятельных людей города, которые лучше всех других знают установления города, и этот совет должен провести выборы в соответствии с ранее установленными порядками»[55].

В обязанности мэра Лондона входила защита доходов, владений, вольностей и привилегий горожан. Но в то же время он официально рассматривался как королевский чиновник: отвечал перед королем за «поведение» горожан, прежде всего, в финансовой и политической сферах. Уже к началу XIII в. была установлена практика, когда вновь избранный мэр Лондона являлся в Вестминстер или Тауэр для принесения ежегодной клятвы королю или его представителям[56]. Так, во вторник, 13 октября 1372 г. мэром был избран Джон Пайел, торговец шелковыми и бархатными тканями, олдермен 1369–1382 гг., шериф 1370–1371 гг.[57] Произошло это в присутствии Джона Бенеса, действующего мэра, Уильяма Хэлдена, рикордера, 12 олдерменов и 2 шерифов – «с их согласия и согласия общины Лондона»[58]. В четверг, 28 октября, в праздник святых Симона и Иуды, в Гилдхолле Джон произнес клятву, в которой обещал справедливо управлять горожанами и охранять их права, а на следующий день предстал перед баронами Казначейства в Вестминстере и принес клятву им, обещая верно служить королю и оберегать все его права и интересы[59]. Николас Брембр был избран мэром 21 марта 1377 г., а 29 марта он торжественно принес клятву и присягу на верность городу в Гилдхолле и Ричарду II в Тауэре[60]. Яркой

[51] Riley (ed.) 1859, 521–522.
[52] Birch (ed.) 1884, 19.
[53] Ibid.
[54] Keen 1990, 99.
[55] Riley (ed.) 1859, 521–522.
[56] Fox 1987, 12.
[57] Sharpe (ed.) 1904, 276–303.
[58] Sharpe (ed.) 1905, 296–306.
[59] Ibid.
[60] Barron 2004, 333.

иллюстрацией сказанного служит и история с избранием мэром Николаса Элвина. Этот торговец шелковыми и бархатными тканями был избран на высшую городскую должность в 1499 г. 28 октября 1499 г. в присутствии уходившего со своего поста прежнего мэра, а также олдерменов и шерифов Элвин произнес клятву в Гилдхолле, а затем устроил по случаю своего избрания «пир мэра» – на собственные средства и в собственном доме в приходе св. Марии на Кордуэйнер-стрит. На следующий день, 29 октября, он направился по Темзе в Вестминстер, чтобы поклясться перед баронами Казначейства. В этой процессии его сопровождали представители всех ливрейных компаний, расположившиеся на принадлежавших им баржах, а мерсеры заняли почетное место в окружении менестрелей, с трубами и развевающимися знаменами. После присяги Элвин вернулся домой, где продолжилось праздничное пиршество, а вечером того же дня побывал в соборе св. Павла, помолился у надгробия родителей св. Томаса Бекета и при свете факелов вернулся домой[61].

Подобные публичные ритуалы были значимы для городского социума. Они служили мощным фактором формирования авторитета городской власти, ее утверждения и поддержания. Благодаря публичным церемониям мэр мог не только презентовать себя и свое могущество, но и расположить к себе горожан, заручившись их поддержкой и доверием[62].

По сути, представители высшего эшелона лондонской правящей элиты – мэры, шерифы, олдермены, представляя перед короной интересы фрименской верхушки городской общины, в то же время служили проводниками политики короля, выступали своеобразным каналом связи между определенной частью столичного социума и королевской властью. И когда тот или иной король «приветствует наших горячо любимых / возлюбленных мэра, олдерменов и шерифов города Лондона», то это не только фигура речи, но и отражение реальной практики взаимоотношений между монархом и высшими должностными лицами столичного муниципалитета.

Учитывая статус и реальные возможности мэра, городская власть Лондона последовательно игнорировала Холланда при избрании на эту должность. Впервые это произошло 13 октября 1439 г. В городских книгах были записаны имена двух олдерменов, которых собравшиеся фримены представили Совету олдерменов в качестве кандидатов для избрания мэром на следующий год. Это были торговец шелковыми и бархатными тканями Роберт Ладж, олдермен с 1429 г., шериф 1430–1431 гг., и портной Ральф Холланд. Олдермены выбрали Роберта Ладжа[63]. Такой исход не особенно расстроил Холланда, до-

[61] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 194–195.
[62] Шайхутдинова 2015, 64.
[63] Beaven 1913, 7.

вольного тем, что он в принципе был допущен к процедуре избрания на высшую городскую должность. Его по-прежнему назначали в различные комитеты Совета олдерменов, а 13 октября 1440 г. он вновь оказался в числе двух кандидатов на пост мэра. На этот раз его соперником стал ювелир Джон Паддесли, олдермен с 1428 г., шериф 1432–1433 гг., которого и избрали мэром[64]. О реакции Холланда ничего не известно.

Но известно, что именно при мэре Джоне Паддесли конфликт между портными и торговцами тканями достиг своего апогея. Еще с 1438–1439 гг. между ними обострилось соперничество за право обнаружения недоброкачественной ткани в Лондоне. Генрих VI в ноябре 1438 г. назначил двух дрейперов олнейджерами (*aulnagers*) в столице. Они должны были собирать налог, подлежащий уплате королю за каждый кусок шерстяной ткани. Отныне никакая ткань не могла быть продана или использована в портняжном деле, пока она не была опечатана олнейджером. Только такая печать удостоверяла, что налог был уплачен и что кусок ткани был правильной ширины и длины[65].

Предоставление этой должности двум дрейперам вызвало большое неудовольствие портных. Но 24 февраля 1439 г. они тоже получили, правильнее сказать – купили за внушительную сумму в 79 ф. 18 ш. 3 п.[66], хартию Генриха VI, который не только подтвердил права гильдии, но и предоставил ее мастерам и смотрителям исключительное право осуществлять «поиск некачественных изделий вышеупомянутой мистерии и всех тех, кто будет допускать некачественную работу, и исправлять все обнаруженные недостатки... что должно быть засвидетельствовано мэром вашего города»[67]. Таким образом, были прямо затронуты интересы торговцев тканями, так как портные фактически изымались из-под их юрисдикции. Однако все жалобы торговцев тканями оказались тщетны. Портные, потратив еще 60 ф., в 1439 г. добились окончательного подтверждения нового устава[68].

5 августа 1441 г. смотрители компании дрейперов пожаловались мэру и олдерменам на то, что они не могут проводить предусмотренную обычаем проверку длины и ширины кусков ткани, имеющихся у портных[69]. Их беспокойство объяснялось предстоящей с 24 августа ярмаркой св. Варфоломея. Естественно, что по такому случаю и портные, и торговцы тканями покупали и продавали большие объемы ткани. А у торговцев тканями традиционно было право осуществлять досмотр.

---

[64] Beaven 1913, 7.
[65] Johnson 1914, 214–215.
[66] Clode 1888, 345–346.
[67] Clode 1875.
[68] Clode 1888, 345–346.
[69] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 341.

14 августа 1441 г. мэр и олдермены пришли к компромиссному решению. Во время ярмарки мастер и смотрители компании дрейперов должны были, как и прежде на основании обычая, осуществлять поиск недоброкачественной шерстяной ткани. Но в качестве временной меры «для сохранения мира и для того, чтобы дать портным возможность изложить свои аргументы позже»[70], мэр должен лично проверять не использованную для пошива одежды шерстяную ткань, выставленную портными на продажу на ярмарке. Очевидно, что портные занимались розничной торговлей тканями, и, следовательно, ремесленная гильдия пыталась проникнуть в сферу деятельности торговцев тканями. Скорее всего, именно это стремление портных вторгнуться в профессиональную сферу торговой компании лежало в основе конфликта, а проблема с правом на поиск недоброкачественных изделий была лишь его внешним проявлением.

При таких обстоятельствах очередные выборы мэра имели большое значение. Исход противостояния портных и торговцев тканями во многом зависел от решений главы муниципалитета в предстоящем году.

13 октября 1441 г. лондонские фримены, собравшиеся в Гилдхолле, выбрали двух кандидатов: портного Ральфа Холланда и торговца тканями Роберта Клоптона, олдермена с 1434 г., шерифа в 1435–1436 гг.[71] После этого олдермены отправились совещаться узким кругом, а толпа, затаив дыхание, ожидала решения у входа в Гилдхолл. Наконец, Джон Паддесли, действующий на тот момент мэр, появился, ведя по правую руку от себя нового избранника олдерменов – Роберта Клоптона.

Дальше события разворачивались стремительно. Мгновенно поднялась суматоха. Портные и другие ремесленники начали кричать: «Нет, не этот человек, а Ральф Холланд»[72]. Ни мэр, ни его сержант ничего не могли сделать, чтобы успокоить разъяренных людей, которые не только отвергли Клоптона, но неофициально объявили Холланда избранным мэром. В конце концов шерифам пришлось принять меры, чтобы задержать протестующих и отправить их в тюрьму. Специальное жюри из 18 присяжных выявило, что за нарушение мира короля ответственны 11 человек: 6 портных и 5 скорняков, которые были отправлены в тюрьму Ньюгейт[73].

После усмирения недовольных ремесленников новый мэр Роберт Клоптон решил во что бы то ни стало добиться приостановления, а лучше отмены действия пункта о проверке качества изделий в уставе портных. Видимо,

[70] Sharpe (ed.) 1911, 259–260.
[71] Beaven 1913, 8.
[72] Kingsford (ed.) 1905, 154–155.
[73] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 342.

не остались в стороне и дрейперы. 21 августа 1442 г. король сообщил мастеру и смотрителям гильдии портных об отзыве у них предоставленного ранее права на досмотр и передал это право мэру или тем помощникам, которых тот сам выберет. Мэру также была направлена королевская грамота, подтверждающая его право на досмотр во всех торговых компаниях и ремесленных гильдиях Лондона «в соответствии с древними свободами и обычаями города»[74]. Это означало, что портные вновь оказались под контролем мэра или любого его помощника, которого он решит назначить. Портные потратили немалые деньги и приложили много усилий, чтобы получить новый устав, но теперь он утратил свое значение.

Надо понимать, для таких компаний, как торговцы тканями, чье влияние в городских делах было значительным, право мэра на досмотр не представляло серьезной проблемы. Если сам мэр не был торговцем тканями, его можно было легко убедить назначить дрейперов своими помощниками. Портные с трудом могли рассчитывать на избрание собственного мэра и на то, что им будет по силам оказать влияние на его выбор. Поэтому у них были две возможности: либо получить право на досмотр продукции, подтвержденное королем, либо добиться определенного влияния в городском правительстве. И то, и другое было для них труднодостижимыми задачами. Ситуация между ремесленниками, которые встали на сторону портных, и городскими властями, которые поддерживали торговцев тканями, оставалась взрывоопасной.

И власти, и торговцы тканями, и портные осознавали, насколько иначе могло бы все обернуться, если бы мэром был избран Ральф Холланд. Неудивительно, что грядущие выборы главы Лондона, которые должны были состояться 13 октября 1442 г., вызывали очень серьезное беспокойство. Действуя на опережение, по просьбе городских властей король издал указ, предписывавший мэру и шерифам объявить, что из-за недавних беспорядков никто, кроме олдерменов и других «благоразумных и влиятельных горожан», не должен присутствовать на выборах мэра[75]. Напомним, что еще в 1426 г. Ральф Холланд выступал против такого ограничения прав горожан. Опасаясь протестов, олдермены решили огласить не только данный указ короля, но и королевскую хартию 1315 г. Это должно было продемонстрировать, что вводимое ограничение не было новшеством: оно имеет прочное основание.

13 октября 1442 г. состоялось собрание фрименов, приглашенных для избрания нового мэра. Их имена даже сверили со списком непосредственно при входе в Гилдхолл. Мэром избрали Джона Хатерли, торговца скобяными

[74] Johnson 1914, 343–344.
[75] Sharpe (ed.) 1911, 274–275.

изделиями, олдермена с 1434 г., шерифа в 1431–1432 гг.[76] Имя отклоненного кандидата осталось неизвестным.

Реакцией на произошедшее стала крамольная, с точки зрения городских властей, проповедь, которую три дня спустя после выборов произнес у креста Святого Павла (проповеднический крест и кафедра под открытым небом на территории Старого собора Святого Павла) некий священник. Он призывал восстановить древний порядок городской жизни, этакий «золотой век», когда ремесленники управляли Лондоном. Проповедник предстал перед судом. Было проведено расследование, выявившее, что текст проповеди служителю церкви предоставил некий олдермен, имя которого так и не удалось установить. Суд даже потребовал от каждого присутствовавшего на заседании олдермена поклясться на Евангелиях, что он невиновен в предоставлении такой информации[77]. Ральф Холланд, единственный олдермен-ремесленник, отсутствовал на этом судебном заседании, видимо, по идейным соображениям.

Уже 26 октября 1442 г. он выступил с обвинениями в адрес бывшего мэра Джона Паддесли, заявив, что во время пребывания в должности в 1440–1441 гг. тот потратил 1 тыс. марок, принадлежавших городу, на свои личные цели[78]. Неприязнь Холланда к Паддесли легко объяснить: именно этот мэр взял в свои руки досмотр тканей, выставленных портными на продажу на ярмарке св. Варфоломея. У Холланда были претензии к Паддесли и за избрание мэром торговца тканями Роберта Клоптона, и за заключение в Ньюгейтскую тюрьму портных и скорняков, выступивших против его избрания.

Последний всплеск недовольства ремесленников в эти годы был вызван учреждением в 1443 г. новой мировой комиссии Лондона, что нашло отражение в королевской хартии. Были упорядочены судебные полномочия мэра и олдерменов: отныне они – не просто стражи мира, но судьи, наделенные правом рассматривать и прекращать любые, в том числе уголовные, дела[79]. Необходимость принятия более решительных мер по обеспечению правопорядка в городе вынудила мэра и олдерменов добиваться расширения своих полномочий.

Олдермены, видимо, рассчитывали на то, что новая мировая комиссия начнет действовать еще до ярмарки св. Варфоломея, поскольку спор между портными и торговцами тканями так и не был окончательно урегулирован. Суд олдерменов постановил, что мэр должен проверять шерстяную ткань, продаваемую портными на ярмарке, как это было при мэре Паддесли[80].

[76] Beaven 1913, 8.
[77] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 344.
[78] Ibid.
[79] Flenley (ed.) 1911, 117.
[80] Ibid., 340–341.

Ральф Холланд обрушился на новую комиссию в Суде олдерменов. Он утверждал, что фактическое расширение судебных полномочий мэра и олдерменов нарушает мир в городе, подрывает доброе правление, основанное на обычае, в ущерб лондонским ремесленникам. Он закончил свою речь очень пафосно: «Это комиссия не мира, а войны!»[81] И оказался почти прав.

Недовольство части горожан прорвалось наружу 21 сентября 1443 г., в день ежегодных выборов фрименами Лондона городского чемберлена (казначея) и двух шерифов. В то время как шерифы менялись каждый год, чемберлен, который нес полную материальную ответственность за состояние финансов городской общины, единственный имел непосредственный доступ к городской казне и лично следил за расходами, обычно не переизбирался часто, поскольку эта должность требовала определенного опыта и навыков. Внушительная толпа «плохих» (*inferior*) горожан не согласилась с тем, что Джон Чайчел, служивший в городе в качестве чемберлена с 1434 г., должен продолжать исполнять свои обязанности и в следующем, 1444-м, году. Трудно сказать, чем оказался неугоден Джон Чайчел. Возможно, его считали ответственным за учреждение новой мировой комиссии, поскольку, контролируя финансы города, он в некотором смысле отвечал за покупку соответствующей хартии. Но, скорее всего, дело было в другом. Поскольку должность чемберлена – одна из немногих важных городских должностей, которую горожане контролировали напрямую через выборы, их целью было просто осуществить свои полномочия, а вовсе не нападать лично на Чайчела. В любом случае попытка избавиться от Чайчела не удалась. Мэр решительно распорядился, чтобы все те, кто не был лично вызван участвовать в выборах, ушли, и выборы состоялись снова. В результате Джон Чайчел, «человек верный, мудрый, прилежный и предусмотрительный», был избран чемберленом «с единогласного согласия мэра и олдерменов»[82].

Чтобы не допустить нарастания беспорядков, городские власти стали действовать быстро и жестко. Люди, которые потенциально могли нести хоть какую-то угрозу, разными способами были взяты под контроль. Джона Бейквелла, связанного с Ральфом Холландом, отправили в тюрьму за публичное оскорбление городского сержанта. Джон Аркол, портной, ранее оскорбивший чемберлена Джона Чайчела, предстал перед судом. А 24 сентября 1443 г. мастера и смотрители всех городских корпораций были вызваны в Суд олдерменов, где получили указание предупредить членов своих гильдий, чтобы они воздерживались от распространения ложных слухов и сплетен (*false rumours and scandals*) о мэре и олдерменах. Три дня спустя мастера и смотрители всех го-

[81] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 346.
[82] Sharpe (ed.) 1911, 286–287.

родских корпораций вновь были вызваны в Суд олдерменов, где им сообщили, что новая мировая комиссия не противоречит свободам города[83].

В дополнение ко всем проблемам стремительно приближалась дата выборов нового мэра. В сложившейся ситуации «отцам города» было крайне важно заручиться поддержкой всего корпуса олдерменов, многие из которых по причине активной коммерческой деятельности очень редко посещали службу. Им были направлены специальные письма, датированные 30 сентября 1443 г., с просьбой прийти и поделиться своими соображениями по «разнообразным вопросам большой важности, которые касаются исключительно городского управления, но остаются в подвешенном состоянии и до конца не определены»[84]. Большинство олдерменов откликнулось на это обращение, отложив свои дела и вернувшись в Лондон. Что касается Ральфа Холланда, то в период между выборами шерифа 21 сентября и выборами мэра 13 октября он присутствовал на заседании Совета олдерменов только один раз.

В качестве дополнительной меры предосторожности олдермены, как и в октябре прошлого года, получили от короля предписание, которое ограничивало круг избирателей на выборах мэра теми, кто был приглашен лично. Оно было обнародовано в городе 12 октября, и на следующий день мэром без каких-либо явных проблем был избран бакалейщик Томас Кэтуорт, олдермен с 1435 г., шериф в 1435–1436 гг.[85]

На самом деле на день выборов мэра была запланирована внушительная демонстрация силы лондонских ремесленников. По показаниям свидетелей, которые впоследствии были озвучены в Суде олдерменов, в городе готовы были восстать 2 тыс. человек из гильдий портных, шорников, скорняков, оловянщиков, ювелиров и пивоваров. У портных были люди, вооруженные мечами, секирами и другим оружием. В качестве своего рода агитатора и организатора движения выступал портной Джон Бейл[86]. Причем заговорщики не ограничились планированием вооруженного выступления. Бакалейщик Уильям Коттисбрук публично продемонстрировал копию «Великой хартии Лондона» 1319 г. своим «коллегам» и другим жителям города. Речь идет о хартии, предоставленной горожанам Лондона королем Эдуардом II (1307–1327) 8 июня 1319 г.[87] Лондонские фримены стали называть ее по аналогии с «Великой хартией вольностей» 1215 г., поскольку она не только включала в себя большое количество привилегий, важных для всей общины, но и была подтверждена парламентом. Коттисбрук использовал этот документ, чтобы попытаться подо-

[83] Чернова 2022b, 110–111.
[84] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 347.
[85] Beaven 1913, 8.
[86] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 348.
[87] Birch (ed.) 1884, 45–50.

рвать авторитет главы города, отталкиваясь от прописанного в нем права всех горожан избирать мэра Лондона[88]. Коттисбруку приписывают слова о том, что избранный мэр не является таковым для тех, кто его не избирал. Следовательно, те, кто был отстранен от участия в выборах мэра, могут не подчиняться ему[89]. Это были весьма смелые и новаторские для XV в. рассуждения об основах власти.

Среди заговорщиков-ремесленников широко распространилось мнение о том, что монарший указ, предписавший присутствовать на выборах мэра только тем, кто был вызван лично, не исходил из королевской канцелярии, а был выдуман олдерменами. В этом просматривается прямое влияние Ральфа Холланда, который в таких же выражениях критиковал аналогичный указ еще в 1426 г. А в октябре 1443 г. в его доме тайно собирались заговорщики[90].

Примерно в середине октября 1443 г. 12 портных предстали перед Судом лорд-канцлера по обвинению в вооруженном протесте по случаю выборов мэра. На судебном заседании прозвучали очень важные идеи. Так, Джон Бейл утверждал, что процветание города зависит от ремесленников, а не от торговцев. А портной по фамилии Хенкстон заявил, что, независимо от того, было ли распоряжение короля об ограничении числа избирателей мэра выдумкой или нет, оно в любом случае не заслуживает доверия, поскольку основой «Великой хартии Лондона» являются власть и авторитет парламента[91]. Удивительно, что еще в 1443 г. обычный ремесленник осознавал разницу между властью парламента и властью короны.

Заговор лондонских ремесленников во главе с портными против городской власти, не успев перерасти в вооруженное выступление, провалился. Хотя в движении участвовало несколько человек, Ральф Холланд был самым влиятельным и богатым среди тех, кто выступал против изменения избирательных процедур и расширения юрисдикции мэра и олдерменов. Более того, в ходе последовавшего разбирательства Суду олдерменов стало известно о том, что за последние 6 лет (начиная с 1437 г.) у Холланда было много сторонников, занимавшихся организацией оппозиции властям города. И это привлекло пристальное внимание к его персоне. В таких обстоятельствах окончание карьеры олдермена-ремесленника было неизбежным.

Против Ральфа Холланда развернулась пиар-кампания, призванная дискредитировать его любой ценой. Благо, что сам он предпочитал не присутствовать на судебных заседаниях, что облегчало олдерменам решение задачи,

[88] Birch (ed.) 1884, 45.
[89] Williams 1963, 282–283.
[90] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 349.
[91] Ibid.

избавляя их от возможного чувства неловкости перед коллегой. Мэр Томас Кэтуорт и многие олдермены припомнили несколько нежелательных для власти высказываний Холланда. Все эти свидетельства были обобщены и представлены Суду олдерменов. Их суть сводилась к следующему.

Во-первых, Ральф Холланд заявлял, что контроль над ярмаркой св. Варфоломея принадлежит вовсе не городу, а настоятелю церкви св. Варфоломея. А это означает, что мэр превысил свои полномочия при досмотре тканей, продаваемых на ярмарке портными. Никто из присутствовавших на заседании не обратил внимания на то, что утверждение Холланда было обоснованным, поскольку контроль над ярмаркой св. Варфоломея действительно был предоставлен настоятелю церкви еще Генрихом I (1100–1135). Этот вопрос был предметом спора между церковью св. Варфоломея и городом с 1428 г., и только в 1447 г. было достигнуто соглашение сторон[92]. Для олдерменов было важно другое: они обвинили Холланда в том, что он отстаивал узкие интересы портных в противовес общему благу города.

Во-вторых, Холланд открыто говорил, что указ короля, ограничивший электорат на выборах мэра в октябре 1443 г., не был публично провозглашен в городе, как того требовал сам монарх, скрепляя документ королевской печатью.

В-третьих, Холланд нелицеприятно отзывался о некоторых должностных лицах столичного магистрата. В частности, это касалось бывшего мэра Джона Паддесли, по словам Холланда, извечного скандалиста; городского клерка Ричарда Барнета, который, по его мнению, был не в своем уме (*was out of his wits*); рикордера Роберта Денверса, которого Ральф охарактеризовал как нарушителя спокойствия, сеявшего раздор в городе. А Уильяма Этфелда, торговца шелковыми и бархатными тканями, обвинил в предательстве интересов Лондона: будто бы тот выдал некие городские секреты лорду Кромвелю, королевскому казначею.

В-четвертых, Холланд посоветовал фрименам города для исправления совершенных ошибок представить мэру и олдерменам две петиции. В первой они должны потребовать, чтобы заинтересованные лица не выступали в качестве судей, как это произошло при рассмотрении конфликта между портными и торговцами тканями. Во второй следовало истребовать восстановить предусмотренное обычаем право всех фрименов участвовать в выборах мэра.

В-пятых, Ральф Холланд хотел, чтобы все, кто находится в тюрьме «из-за любви к нему» (*for love of him*), получили помощь.

В свете всех этих обвинений и с учетом того факта, что Холланд поддержал портных, хотя они угрожали городским свободам, мэр и олдермены сочли

[92] Sharpe (ed.) 1911, 453–455.

целесообразным освободить Ральфа Холланда от должности олдермена. Но прежде он должен был ответить на выдвинутые против него обвинения. Однако Холланд не появился на заседании 23 октября 1443 г. За ним даже послали одного из сержантов. Но тот вернулся один и передал Суду олдерменов слова обвиняемого: он не может прибыть из-за тяжелой болезни жены, вследствие чего ему пришлось отправиться в Ньюгейтскую тюрьму для раздачи денег бедным заключенным, чтобы они молились за ее выздоровление[93]. И в дальнейшем Холланд избегал появляться в суде. Наконец, 18 мая 1444 г. его освободили от должности олдермена, использовав традиционную формулировку: он сам добивался освобождения, и Суд олдерменов счел его доводы приемлемыми[94]. Так закончилась карьера «демократа» Ральфа Холланда.

Движение, которому он дал импульс, исчезло вместе с ним, хотя проявления недовольства на фоне падения авторитета власти давали о себе знать еще некоторое время. В разных районах Лондона появлялись многочисленные петиции, авторы которых обвиняли олдерменов в некомпетентности, халатном отношении к своим должностным обязанностям, ростовщичестве, присвоении городской земли, мошенничестве, пособничестве грабежу и даже прелюбодеянии, а также утверждали, что власть имущие порождают несправедливость: в городе существует один закон для богатых и другой – для бедных[95].

О жизни Ральфа Холланда после его отстранения от должности олдермена и вплоть до смерти в 1452 г.[96] ничего не известно. Можем лишь утверждать, что он оставался в Лондоне, видимо, успешно занимаясь коммерческими делами. Судя по его завещаниям, у Холланда была собственность в Суррее и внушительная недвижимость в столице, которую он предпочитал сдавать в аренду. Это были участки земли и разного рода строения, главным образом доходные дома (не менее семи), а также две гостиницы – «Бассет Инн» и «Пенбридж Инн». Располагались эти объекты в семи центральных приходах Лондона, в том числе рядом с рынками Истчип и Корнхилл[97].

Таким образом, выступление группы ремесленников во главе с Ральфом Холландом, направленное против попыток городских властей ограничить число фрименов, участвующих в избрании мэра, усилить контроль на рынке шерстяных тканей и расширить свою юрисдикцию[98], в конечном счете оказалось неудачным. Городская власть выстояла, используя свои законодательные возможности, тесные связи с короной, а также пиар-кампанию, направленную

[93] Carlin, Rosenthal (eds.) 2017, 351.
[94] Ibid.
[95] Ibid., 351–352.
[96] Beaven 1913, 7.
[97] Sharpe (ed.) 1890, 522–523, 525–526, 563–564.
[98] Hartrich 2019, 123.

против оппонентов, и меры карательного характера. Тем не менее недовольство ремесленников, вылившееся в открытое противостояние с властью, продемонстрировало роль личности – амбициозного, влиятельного и богатого лидера – в произошедших событиях. Ральф Холланд использовал все доступные в той ситуации методы борьбы за власть, обладание которой открывало новые возможности для коммерческого успеха – и личного, и ремесленной гильдии портных. Он активно участвовал в избирательном процессе; критиковал действующую власть, обвиняя ее представителей, включая мэра, в должностных злоупотреблениях, нецелевом расходовании средств и пр.; требовал демократизировать электоральные процедуры; использовал ремесленную среду Лондона с целью реформирования городского самоуправления и реализации собственных интересов и устремлений. Фактически Ральф Холланд возглавил оппозицию власти, переросшую в волнения и беспорядки 1441–1443 гг.

Показательно, что уже после смерти Холланда, с 1474 по 1500 гг., от гильдии портных в лондонский муниципалитет были избраны семь олдерменов[99]. Правда, сама эта корпорация стремительно эволюционировала: с 1503 г. официально была учреждена компания торговцев готовой одеждой (*Merchant Tailors*), поглотившая портных[100].

За произошедшими событиями скрывалось осознание того, как должно функционировать городское правительство. Важно и то, что в 1438–1444 гг. люди «второго» и даже «третьего» плана сформулировали концептуальные идеи, ставшие актуальными в последующие века. В их числе – отстаивание широкого избирательного права, убеждение в том, что власть правителя основывается на осознанном согласии с общинами (народом), защита приоритета власти парламента над единоличной властью короля, осознание того, что благополучие целого зависит от всех его частей – в данном случае ремесленников и торговцев, убежденность в том, что все люди должны быть равны перед законом. Эти идеи особенно важны не только сами по себе, но и по причине того, что обнаруживаются они в историческом контексте XV столетия.

Литература / References

Репина 1979 = *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии. М., 1979. 221 с.
Repina L. P. Soslovie gorozhan i feodal'noe gosudarstvo v Anglii [The Class of Townspeople and the Feudal State in England]. Moscow, 1979. 221 p.

Чернова 2016 = *Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб., 2016. 366 с.

[99] Beaven 1908, 345.
[100] Ibid.

Chernova L. N. Pod sen'yu Svyatogo Pavla: delovoy mir Londona XIV–XVI vv. [Under the Shadow of St. Paul: The Business World of London XIV–XVI centuries.] Moscow; St. Petersburg, 2016. 366 p.

Чернова 2022a = *Чернова Л. Н.* Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. **DOI:** 10.18500/1819-4907-2022-22-3-319–328

Chernova L. N. London i goroda Anglii v 1350–1370 gg.: sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt vzaimootnosheniy [London and the Cities of England in 1350–1370: Socio-economic Aspect of Relations] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations]. 2022. Vol. 22, No. 3. P. 319–328. **DOI:** 10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328

Чернова 2022b = *Чернова Л. Н.* Лондонский портной XV века Ральф Холланд и попытки реформирования городского управления // Британские исследования / ред. С. Н. Гаврилов. М., 2022. Вып. VII. С. 89–120.

Chernova L. N. Londonskiy portnoy XV veka Ral'f Holland i popytki reformirovaniya gorodskogo upravleniya [The XVth-Century London Tailor Ralph Holland and Attempts to Reform City Government] // Britanskie issledovaniya / ed. by *S. N. Gavrilov*. Moscow, 2022. Vol. VII. P. 89–120.

Шайхутдинова 2015 = *Шайхутдинова Е. Н.* Значение публичных торжественных ритуалов в процессе сакрализации власти монархов в средние века и раннее новое время в исследованиях британских и американских ученых конца XX – начала XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 60–61.

Shayhutdinova E. N. Znachenie publichnyh torzhestvennyh ritualov v protsesse sakralizatsii vlasti monarhov v srednie veka i rannee novoe vremya v issledovaniyah britanskih i amerikanskih uchenyh kontsa XX – nachala XXI v. [The Importance of Public Ceremonial Rituals in the Process of Sacralizing the Power of Monarchs in the Middle Ages and Early Modern Times in the Studies of British and American Scientists of the Late XXth – Early XXIth Century] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015. No. 3 (63). Vol. 2. P. 60–61.

Archer (ed.) 1988 = Hugh Alley's caveat: The Markets of London in 1598 / Ed. by *I. Archer*. London, 1988. 105 p.

Barron 2000 = *Barron C. M.* London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain: in 3 vols. Vol. 1. 600–1540 / Ed. by *D. M. Palliser*. Cambridge, 2000. P. 395–440.

Barron 2004 = *Barron C. M.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004. 472 p.

Beaven 1908 = *Beaven A. B.* Aldermen of the City of London: in 2 vols. London, 1908. Vol. 1. 422 p. + XXX.

Beaven 1913 = *Beaven A. B.* Aldermen of the City of London: in 2 vols. London, 1913. Vol. 2. 238 p. + LXVIII + CXX.

Berry 2022 = *Berry Ch.* The Margins of Late Medieval London, 1430–1540. London, 2022. 356 p.

Birch (ed.) 1884 = The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / Ed. by *W. G. Birch*. London, 1884. 338 p. + XLIV.

Carlin, Rosenthal (eds.) 2017 = Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / ed. by *M. Carlin, J. T. Rosenthal*. Kalamazoo, 2017. 626 p.

Clode (ed.) 1875 = *Memorials of the Guild of Merchant Taylors of the Fraternity of St. John the Baptist in the City of London* / Ed. by *C. M. Clode*. London, 1875. 746 p. + XXXI.

Clode 1888 = *Clode C. M.* The Early History of the Guild of Merchant Tailors. London, 1888. Pt. 1. 415 p. + XVI.

Flenley (ed.) 1911 = Six Town Chronicles of England / Ed. by *R. Flenley*. Oxford, 1911. 216 p.

Fox 1987 = *Fox S.* Londoners. London, 1987. 272 p.

Gray 1978 = *Gray R.* A History of London. London, 1978. 352 p.

Hartrich 2019 = *Hartrich E.* Politics and the Urban Sector in Fifteenth-Century England, 1413–1471. Oxford, 2019. 288 p.

Johnson 1914 = *Johnson A. E.* The History of the Worshipful Company of the Drapers of London. London, 1914. Vol. 1. 389 p.

Keen 1990 = *Keen M.* English Society in the Later Middle Ages. 1348–1500. London, 1990. 581 p.

Kingsford (ed.) 1905 = Chronicles of London / Ed. by *C. L. Kingsford*. Oxford, 1905. 368 p. + XLVIII.

Mitchell, Leys 1958 = *Mitchell R. J., Leys M. D. R.* A History of London life. London; New York, 1958. 302 p.

Platt 1979 = *Platt C.* The English Medieval Town. London; Toronto; Sydney; New York, 1979. 219 p.

Riley (ed.) 1859 = Munimenta Gildhallae Londoniensis: in 2 vols. / Ed. by *Th. Riley*. London, 1859. Vol. 1. Pts. 1–2. 817 p.

Sharpe (ed.) 1890 = Calendar of Wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A. D. 1258–1688: in 2 pt. / Ed. by *R. Sharpe*. London, 1890. Pt. 2. 924 p. + LIV.

Sharpe (ed.) 1904 = Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / Ed. by *R. Sharpe*. Letter-Book F (1337–1352). London, 1904. 384 p. + XXXVI.

Sharpe (ed.) 1905 = Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / Ed. by *R. Sharpe*. Letter-Book G (1352–1374). London, 1905. 392 p. + XXX.

Sharpe (ed.) 1909 = Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / Ed. by *R. Sharpe*. Letter-Book I (1400–1422). London, 1909. 348 p. + XIV.

Sharpe (ed.) 1911 = Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / Ed. by *R. Sharp*. Letter-Book K (1422–1461). London, 1911. 459 p. + LII.

Veal 1966 = *Veal E. M.* The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966. 264 p.

Weinbaum (ed.) 1943 = British Borough Charters, 1307–1660 / Ed. by *M. Weinbaum*. Cambridge, 1943. 241 p.

Williams 1963 = *Williams G.* Medieval London. London, 1963. 377 p.

РИЧАРД ФОКС, ЕПИСКОП ДАРЕМСКИЙ, И АНГЛО-ШОТЛАНДСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ НА РУБЕЖЕ XV–XVI вв.

Александр Анатольевич Бельцер

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-3545-4948
ResearcherID: F-8404-2013
РИНЦ AuthorID: 273064

Аффилиация:

Самарский национальный исследовательский университет
имени акад. С. П. Королева

Электронная почта:
abelhist@yandex.ru

Статья посвящена участию Ричарда Фокса, в бытность его епископом Даремским, в управлении англо-шотландским пограничьем. Земли, граничащие с Шотландией, доставляли серьезное беспокойство Лондону. Фокс был одним из наиболее верных сторонников Генриха VII, поэтому его назначение в Даремскую епархию преследовало цель поставить северные земли под более жесткий контроль короны. Даремская епархия всегда играла важную роль в управлении пограничных земель и их обороне. Даремский палатинат служил источником пополнения как для войск, так и для гражданской администрации. За время своего пребывания на севере Фокс проявил себя не только как гражданский, но и военный администратор. Он получил посты в пограничной администрации, должности в местной системе управления. Епископ служил посредником между персоналом пограничной администрации и монархом. Принял Фокс участие и в столкновениях с шотландцами, венцом которых стала оборона замка Норэм. Кроме того, он регулярно принимал участие в переговорах с шотландцами. Фокс сыграл важную роль в успехе переговоров о браке шотландского короля с английской принцессой Маргаритой. Деятельность Ричарда Фокса, епископа Даремского в управлении пограничными землями демонстрирует особенности королевской политики в северных землях при первом Тюдоре. Генрих VII предпочитал в проблемных регионах обращаться к помощи доверенных людей, зачастую не имеющих связей с местными элитами. Представители духовенства в этом плане обладали рядом преимуществ. Они были значительно меньше окружены родственниками и в большей степени зависели от монарха. Высокая степень доверия со стороны короля позволила епископу превратиться в фактического наместника короны в Нортумберленде. Должности в пограничной администрации, равно как и в различных местных комиссиях только легализовали данное положение дел.

Ключевые слова: Тюдоры, Генрих VII, Ричард Фокс, англо-шотландское пограничье, епископство Даремское.

Для цитирования:
Бельцер А. А. Ричард Фокс, епископ Даремский, и англо-шотландское пограничье на рубеже XV–XVI вв. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 84–94. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.006

RICHARD FOX, BISHOP OF DURHAM, AND THE ANGLO-SCOTTISH BORDER AT THE TURN OF THE XV–XVI CENTURIES

Alexander A. Beltser

About the author:

This article focuses on Richard Fox's involvement as Bishop of Durham in the management of the Anglo-Scottish border. The lands bordering Scotland were a serious worry for London. Fox was

PhD in History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0002-3545-4948
ResearcherID: F-8404-2013
РИНЦ AuthorID: 273064

Affiliation:

Samara National Research University

Email:
abelhist@yandex.ru

one of Henry VII's most loyal supporters, and his appointment to the Diocese of Durham was to bring the north more firmly under Crown control. The Diocese of Durham had always played an important role in administering and defending the borderlands. Durham Palatine served as a source of replenishment for both troops and civil administration. During his time in the north, Fox proved himself not only a civilian but also a military administrator. He secured posts in border administration, posts in local government. The bishop mediated between the staff of the border administration and the monarch. Fox also took part in battles with the Scots, culminating in the defence of Norham Castle. He was also regularly involved in negotiations with the Scots. Fox was instrumental in the successful negotiation of the marriage between the King of Scotland and Princess Margaret of England. The activity of Richard Fox, Bishop of Durham, in administering the borderlands shows the peculiarities of royal policy in the north under the first Tudor. Henry VII preferred to enlist the help of trusted men in troublesome regions, often with no links to local elites. The members of the clergy had many advantages in this regard. They were far less surrounded by relatives and more dependent on the monarch. The high degree of royal confidence allowed the bishop to become the de facto vicar of the Crown in Northumberland. Positions in border administration, as well as in various local commissions, only legitimized this state of affairs.

Keywords: Tudors, Henry VII, Richard Fox, anglo-scottish border, bishopric of Durham.

For citation:
Beltser A. A. Richard Fox, Bishop of Durham, and the Anglo-Scottish Border at the Turn of the XV–XVI Centuries // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 84–94. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.006

В последней трети XV века те процессы в политическом развитии европейских монархий и институциональном строительстве, которые были связаны с усилением королевской власти и централизацией системы управления, привели к началу формирования новых отношений между королевской властью и обществом, появлению так называемой «ренессансной» монархии. Сущность политических режимов, установившихся в течение II половины XV – первой половины XVI века, равно как и их хронологические рамки и периодизация вызывали и вызывают дискуссии среди историков. Что они собой представляли? Каковы их характерные черты? Были ли они абсолютными монархиями или новыми?[1] В этих спорах исследователи тем не менее сходятся в том, что постепенно королевская власть увеличивает степень контроля над представителями политической элиты и отдаленными территориями. Монархи Франции, Англии, Испании, Шотландии, Имперских земель выстраивают но-

[1] Хеншелл 2003; Slavin (ed.) 1964; Сказкин 1973.

вые взаимоотношения с представителями региональных элит, основанные на более сильном контроле и подчинении, нежели ранее.

В английском королевстве процессы становления новых властных отношений пришлись на правление Йорков и первых Тюдоров. В историографии до сих пор спорными остаются хронологические вехи этого процесса, накладываясь на споры о времени перехода от средневековья к раннему новому времени. Этот рубеж в зависимости от пристрастий автора может сдвигаться от времени начала самостоятельного правления Эдуарда IV до реформации, реформ Генриха VIII, а то и до времени Елизаветы[2]. В этих спорах особое место занимает вопрос о характере правления первого Тюдора – Генриха VII. Первый Тюдор долгое время виделся спасителем страны от раздоров Войн Роз, истинным основателем «новой монархии», человеком, заложившим основы могущества монархов из династии Тюдоров[3]. Затем, начиная с 1990-х годов, Генрих VII подвергся переоценке. Исследователи, в особенности К. Карпентер, стали обращать внимание на отсутствие у короля хорошего знакомства с английскими реалиями[4]. Первый Тюдор из «спасителя отечества» стал превращаться в неэффективного управленца, чья политика привела к нарушению традиционного баланса сил в регионах. Одновременно Генрих VII стал в большей степени оцениваться не как монарх нового времени, а как средневековый, или пограничный, находящийся между средневековьем и новым временем. Если К. Карпентер в большей степени пишет о монархе как короле, традиционном для средневековья, то С. Ганн настаивает на его пограничности[5].

Дискуссии относительно Генриха VII особенно оживились в годы, предшествующие и последующие за 500-летием со смерти короля. В 2009 году вышел специальный номер журнала *Historical Research*, посвященный монарху[6]. Были изданы новые работы, посвященные как самому королю, так и его окружению, его политике, взаимоотношению с элитами[7]. Всплеск интереса к первому Тюдору заставил заново обратить внимание и на такие довольно традиционные при исследовании политики первого Тюдора аспекты, как состав, социальное происхождение и роль в управлении ближайших сподвижников Генриха VII, политика короны по отношению к отдаленным регионам, в первую очередь к северным землям, взаимоотношения короля с церковью. Все эти проблемы воплотились в деятельности одного из наиболее доверенных лиц короля, Ричарда Фокса, занимавшего на протяжении правления монарха

[2] Ellis 2015, 15–17.
[3] Mckie 1957, 189.
[4] Carpenter 1992; Carpenter 1995, 11–30.
[5] Gunn 2007, 303.
[6] Historical Research 2009.
[7] Cunningham 2005; Ross 2011; Harper 2012; Harper 2016; Gunn 2016.

последовательно посты епископов Эксетерского, Бата и Уэллса, Даремского и Винчестерского. Именно Ричарда Фокса первым называет в числе лиц простого и низкого статуса, которыми Генрих заменил представителей знати в своей прокламации Перкин Уорбек[8]. К рассмотрению деятельности Ричарда Фокса на посту епископа Даремского мы и обратимся.

Ричард Фокс родился в 1448 году в графстве Линкольн. Его родители принадлежали к слою йоменов. О ранних годах его мало что известно. Образование Фокс получил в Оксфорде. В 1484 году мы видим его в Париже. Судя по всему, именно в это время он примкнул к сторонникам Генриха Тюдора, графа Ричмонда. Он стал одним из ревностных сторонников Генриха Тюдора и даже был секретарем графа. В августе 1485 года Фокс сопровождал претендента в высадке в Англии и находился в его лагере во время битвы при Босворте[9]. После победы Тюдора на Фокса полился дождь наград в виде различных государственных и церковных должностей. Оставаясь секретарем Генриха VII, он был введен в состав королевского совета. Фокс сопровождал короля в его путешествиях и исполнял обязанности лорда-хранителя малой печати[10]. Затем он стал в марте 1487 года епископом Эксетерским[11]. Оставаясь при монархе, епископ выполнял различные его поручения, в частности отправился в Эдинбург для переговоров с шотландцами[12]. В 1492 году Фокс был переведен на кафедру Бата и Уэллса[13]. Став епископом Батским, Фокс по-прежнему находился при особе монарха и выполнял его поручения. Он принимает участие в переговорах с Францией, сопровождает монарха в высадке на континенте и последующем заключении мира. В декабре 1494 года Ричард Фокс стал епископом Даремским.

В начале 1490-х гг. Генрих VII столкнулся с очередной крайне опасной угрозой. Появился очередной претендент на корону, Перкин Уорбек, объявивший себя сыном Эдуарда IV, Ричардом, герцогом Йоркским[14]. Уорбек не только нашел сторонников в Англии и Ирландии, но и смог заручиться поддержкой шотландского короля Якова IV. В этих обстоятельствах контроль за ситуацией в северных землях, особенно в пограничном с Шотландией регионе, был крайне важен. Северные графства долгое время находились под непосредственным контролем Ричарда, герцога Глостерского, ставшего затем королем Ричардом III. Он пользовался там популярностью и после гибели Ричарда и восшествия на трон Генриха VII. Северяне были вовлечены в серию мятежей и восстаний, произошедших в первые годы правления Генриха. В ходе недавнего

[8] Pollard (ed.) 1913, 152.
[9] Бернар 2017, 56; Batten 1889, 7.
[10] Бэкон 1990, 14.
[11] Batten 1889, 12.
[12] Бэкон 1990, 29. CDS 1881, 313.
[13] CDS 1881, 25.
[14] Браун 2018.

восстания 1489 года был убит Генрих Перси, 4-й граф Нортумберленд, Страж Восточной и Средней пограничных марок, глава влиятельного в этих землях рода. Наследник его был еще мал, и образовавшийся вакуум корона заполнила своими назначенцами.

Самым высокопоставленным из должностных лиц монарха на севере стал наместник, Томас Ховард, граф Сарри, который был назначен и заместителем Стража пограничных марок при номинальном страже, принце Уэльском, Артуре[15]. Управление Бериком, английским форпостом в Восточной марке, еще при жизни графа Нортумберленда было поручено Уильяму Тайлеру, одному из доверенных лиц короля. Сарри и Тайлер должны были опираться на службу представителей местного дворянства, в частности Джона Херона оф Форд[16]. Смерть епископа Даремского Джона Ширвуда предоставила Генриху VII возможность еще более упрочить влияние в регионе.

Епископство Даремское занимало особое положение в крае. Оно включало обширные территории на юге Нортумберленда, между реками Тайн и Тиз, кроме того в состав владений входила стратегически важная крепость на англо-шотландской границе, замок Норэм. Епископ Даремский титуловался «князем-епископом», епархия обладала значительными иммунитетными правами, судебными и административными. В частности, епископы Даремские самостоятельно назначали мировых судей на своей территории[17]. Епископство играло важную роль в обороне пограничья. Дворяне и держатели земель палатината составляли значительную часть воинов, выставлявшихся в случае нападения шотландцев. Епископы Даремские регулярно и сами возглавляли ополчение[18].

Ричард Фокс, заняв пост епископа Даремского, сразу активно включается в дела управления краем. В мае 1494 года он включается в состав комиссии по урегулированию пограничных вопросов с Шотландией[19]. В марте 1495 года вместе с Томасом Ховардом, графом Сарри, он включается в комиссию по набору ополчения для отпора шотландцам[20]. В апреле он возглавляет поиск утаенных королевских земель в Уэстморленде[21]. В мае 1495 года Фокс был назначен одним из заместителей Стража пограничья всех трех марок. В 1495 году он входит в состав делегации на англо-шотландских переговорах по поводу заключения мира[22]. В 1496 году Фокс принимает участие в переговорах о браке дочери Генриха

[15] CDS 1881, 318.
[16] Etty 2012, 342.
[17] Lapsley 1900, 178–180.
[18] Dobson 1992, 124–154.
[19] Rotuli Scotiae 1819, 513.
[20] CDS 1881, 325.
[21] Patent Rolls 1970, 34.
[22] Rotuli Scotiae 1819, 516.

VII с шотландским королем Яковом IV[23]. Одновременно Фокс был включен в состав мировых судей северных графств. Начиная с 1495 года, он появляется в списках мировых судей Камберленда, Уэстморленда и Нортумберленда[24].

Поскольку во второй половине 1490-х годов отношения с шотландцами ухудшились, так как Яков IV поддержал Перкина Уорбека, претендующего на английский трон, епископу Даремскому пришлось выступить и в роли военного администратора. В январе 1496 года Фокс вместе с английскими войсками в Берике ожидал нападения шотландцев, которое в тот раз не состоялось[25]. В 1497 году он упоминается в качестве участника похода возмездия в Тевиотдейл[26]. В августе 1497 года королевская прокламация назначает епископа Даремского одним из ответственных за назначение капитанов ополчения против возможного шотландского вторжения[27]. К владениям епископа Даремского относился Норэм, один из наиболее укрепленных пограничных замков, занимающий важное стратегическое положение. Ричард Фокс должен был уделить большое внимание обороне замка. В течение 1495–1496 гг. Фокс занимался укреплением фортификационных сооружений. Как пишет Ф. Бэкон, «…епископ Даремский Фокс, человек мудрый и способный в настоящее время предвидеть будущее… распорядился сильно укрепить свой Норэмский замок и доставить в него всевозможные припасы, а кроме того, разместил в нем много отборных солдат»[28]. В августе 1497 года Норэм был осажден шотландской армией. Две недели гарнизон во главе с епископом успешно отражал атаки врага. Фоксу удалось послать просьбу о помощи Томасу Ховарду, графу Сарри, королевскому наместнику в северных землях. Сарри собрал войска и двинулся на помощь замку. Известие об этом и вынудило Якова снять осаду[29]. В последующих мирных переговорах Фокс также принял участие[30].

В 1498 году в принадлежащем епископству Дарем Норэме произошла стычка между шотландцами и солдатами гарнизона замка. Несколько шотландцев было убито. Яков IV заявил протест. Чтобы избежать возобновления военных действий, в Шотландию была отправлена делегация, участие в которой принял и Ричард Фокс[31]. В следующем, 1499 году, епископ был уполномочен вести переговоры по поводу брака шотландского короля с принцессой Маргаритой, дочерью Генриха VII[32].

---

[23] Rotuli Scotiae 1819, 517.
[24] Patent Rolls 1970, 634, 653, 664.
[25] Drees 2014, 60.
[26] Etty 2006, 158.
[27] Hughes, Larkin (eds.) 1964, 41.
[28] Бэкон 1990, 106.
[29] Hall 1809, 480–481.
[30] Batten 1889, 46–47.
[31] Бэкон 1990, 116–117.
[32] CDS 1881, 333.

О влиянии Ричарда Фокса на деятельность королевской администрации в пограничных графствах говорит переписка с Томасом Дарси, лейтенантом восточной и средней марки. Фокс регулярно поддерживал с ним коммуникацию. В июле 1499 года епископ Фокс сообщает Дарси о поправках, которые король внес в его идентуру (соглашение) на охрану шотландской границы. Епископ обещает Дарси прислать окончательный вариант со своим посланником. В этом же письме Фокс пишет о назначении нового плотника в Берик на Твиде, должность капитана гарнизона которого также исполнял Дарси и просит оказать ему покровительство[33]. В письме от 24 августа 1499 года Дарси, сообщая Фоксу о состоянии дел на севере, просит того быть по отношению к нему «добрым лордом»[34]. Дарси советовался с епископом, в частности, по поводу персонала пограничной администрации. В число должностных лиц пограничной администрации попали и люди, связанные с Фоксом[35]. Несмотря на то, что не сохранилось переписки между епископом Даремским и монархом в этот период, судя по всему, она существовала. В 1498 году в королевских расходах упоминаются выплаты неким Бассету и Торпу, посланцам к епископу Даремскому[36]. Кроме того, в письме Дарси от мая 1495, написанном в Лондоне, Фокс жалуется, что из-за болезни не мог присутствовать при дворе в то время, когда прибыл слуга Дарси, чтобы помочь в решении дел[37].

Активно включился епископ и в борьбу с самоволием жителей двух пограничных иммунитетов, Тайндела и Риддесдейла. Эти области славились своими разбойными набегами по обе стороны границы и представляли постоянную головную боль для английской администрации[38]. В 1498 году Генрих VII вынужден был выпустить прокламацию против жителей Тайндейла и Риддесдейла, нарушающих перемирие с шотландцами. Им предписывалось появиться в Берике перед лейтенантом Средней марки, Томасом Дарси. В противном случае как самим преступникам, так и тем, кто их покрывает, грозило объявление вне закона[39]. В церковном плане эта территория относилась к епископству Даремскому и это давало Фоксу определенные возможности. Жителям Тайндейла и Риддесдейла было предписано явиться к епископу в кафедральный собор Дарема в течение шести дней. Духовенству иммунитетов было предписано отказывать жителям во всех церковных таинствах кроме последнего причастия до тех пор, пока не будет возмещен ущерб от грабежа. Затем по-

[33] Gairdner (ed.) 1863, 85.
[34] Ibid., 285.
[35] Etty 2006, 157–158.
[36] Payments.
[37] Etty 2006, 160.
[38] Robson 1989.
[39] CDS 1881, 331–332.

следовала серия отлучений от церкви обитателей Тайндейла и Риддесдейла[40]. Мера оказалась довольно действенной. Часть разбойников отдалась на милость епископа и отказалась от ношения доспехов и вооружения во всех случаях, кроме как в конфликтах с шотландцами или другими королевскими врагами[41].

В 1500 году Ричард Фокс снова был назначен одним из заместителей генерального Стража всех пограничных марок. Должность Стража на этот раз занял малолетний Генрих Тюдор, герцог Йоркский, сын короля[42]. Этот пост с одной стороны был признанием заслуг епископа, с другой позволял обеспечить пограничную администрацию надежным и способным управленцем, человеком, пользующимся полным доверием монарха. В 1501 году Фокс был переведен на более богатую Винчестерскую епархию, но продолжал привлекаться к шотландским делам. Совета престарелого епископа спрашивали и при Генрихе VIII в 20-х годах XVI века[43].

Участие Ричарда Фокса, епископа Даремского в управлении пограничьем показывает особенности королевской политики на севере при первом Тюдоре. Генрих VII предпочитал в проблемных регионах обращаться к помощи доверенных людей, зачастую не имеющих связей с местными элитами. Представители духовенства в этом плане были очень удобны, поскольку были значительно меньше окружены родственниками и в большей степени зависели от монарха. Кроме того, они могли объединить в своих руках как светский, так и духовный авторитет и воздействовать на непокорных соответствующими средствами, как тот же Ричард Фокс поступил по отношению к жителям Риддесдейла. Высокая степень доверия со стороны короля позволила епископу превратиться в фактического наместника короны в Нортумберленде. Должности в пограничной администрации, равно как и в различных местных комиссиях только легализовали данное положение дел.

Литература / References

Бернар 2017 = *Бернар А.* История жизни и достижений Генриха VII / пер. с лат., вст. ст. и комм. Д. В. Кирюхина. М.; СПб., 2017. 144 с.

Bernar A. Istoriya zhizni i dostizheniy Genriha VII [History of the Life and Achievements of Henry VII] / Translat. from lat. Moscow; St. Petersburg, 2017. 144 p.

Браун 2018 = *Браун Е. Д.* «Он так долго обманывал мир...». Самозваный принц Перкин Уорбек // Казус: индивидуальное и уникальное в истории – 2018. Вып. 13 / под ред. О. И. Тогоевой и И. Н. Данилевского, при участии О. Е. Кошелевой. Москва, 2018. С. 37–54.

[40] Etty 2006, 159–160; Fox Register 1932, 80–84.
[41] Ibid.
[42] Patent Rolls, 225.
[43] Etty 2006, 161. Ellis 1846, 319–324.

Braun E. D. "On tak dolgo obmanyval mir…". Samozvanyy prints Perkin Uorbek ["He Has Been Deceiving the World for So Long…". The Self-styled Prince Perkin Warbeck] // Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii [Incident: Individual and Unique in History] – 2018. Vol. 13 / ed. by O. I. Togoeva, I. N. Danilevsky & O. E. Kosheleva. Moscow, 2018. P. 37–54.

Бэкон 1990 = *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII. М., 1990. 327 с.
Bekon F. Istoriya pravleniya korolya Genriha VII [History of the Reign of King Henry VII]. Moscow, 1990. 327 p.

Сказкин 1973 = *Сказкин С. Д.* Проблемы абсолютизма в Западной Европе (Время и условия его возникновения) // Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 341–357.
Skazkin S. D. Problemy absolyutizma v Zapadnoy Evrope (Vremya i usloviya ego vozniknoveniya) [Problems of Absolutism in Western Europe (Time and Conditions of Its Occurrence)] // *Skazkin S. D.* Izbrannye trudy po istorii [Selected Works on History]. Moscow, 1973. P. 341–357.

Хеншелл 2003 = *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. СПб., 2003. 272 с.
Henshell N. Mif absolyutizma [The Myth of Absolutism]. St. Petersburg, 2003. 272 p.

Batten 1889 = *Batten Ch.* Life of Bishop Richard Fox // The Register of Richard Fox while Bishop of Bath and Wells, A. D. MCCCXIICII–MCCCCXCIV. London, 1889. P. 1–142.

CDS 1881 = Calendar of documents relating to Scotland preserved in Her Majesty's Public Record Office. Vol. 4. London, 1881. 740 p.

Patent Rolls 1970 = Calendar of Patent Rolls. Henry VII. Vol. 2. 1495–1509. Nendeln, 1970. 910 p.

Carpenter 1995 = *Carpenter C.* Henry VII and the English Polity // The Reign of Henry VII: Proceedings of the 1993 Harlaxton Symposium / ed. by *B. Thompson*. Stamford, 1995. P. 11–30.

Carpenter 1992 = *Carpenter C.* Locality and Polity. A study of Warwickshire landed society, 1401–1499. Cambridge, 1992. 812 p.

Cunningham 2005 = *Cunningham S.* Henry VII and the Shaping of the Tudor State // History Review. 2005. Iss. 51. P. 28–33.

Ross 2011 = *Ross J.* John de Vere, Thirteenth Earl of Oxford (1442–1513): 'The Foremost Man of the Kingdom'. Woodbridge, 2011. 294 p.

Dobson 1992 = *Dobson B.* The Church of Durham and the Scottish borders, 1378–1388 // War and border societies in Middle Ages / Ed. by *A. Goodman* and *A. Tuck*. London; New York, 1992. P. 124–154.

Drees 2014 = *Drees C. J.* Bishop Richard Fox of Winchester: Architect of the Tudor Age. Jefferson (NC). 2014. 205 p.

Payments = E101/414/16 folio 46r (Payments), 1498. URL: https://www.dhi.ac.uk/chamberbooks/folio/LL_E101_414_16_f0046r.xml (accessed: 03.08.2021).
E101/414/16 folio 12r (Payments), 1498 // https://www.dhi.ac.uk/chamberbooks/folio/LL_E101_414_16_f0012r.xml (accessed: 03.08.2021).

Ellis 2015 = *Ellis S.* From Medieval to Early Modern: The British Isles in Transition? // Medieval or Early Modern? / Ed. by *R. Hutton*. Cambridge, 2015. P. 10–28.

Etty 2006 = *Etty C.* Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483–1530. Unpublished PhD thesis. Durham, 2006. 288 p.

Etty 2012 = *Etty C.* 'Noo Man Indented for the Keping of the Borders': Royal Administration of the Marches, 1483–1509 // *England and Scotland at War, c. 1296 – c. 1513*. Leiden, 2012. **DOI:** 10.1163/9789004229839_015

Gunn 2007 = *Gunn S.* Henry VII in Context: Problems and Possibilities // History. 2007. Vol. 92, No. 307. P. 301–317. **DOI:** 10.1111/j.1468-229X.2007.00397.x

Gunn 2016 = *Gunn S.* Henry VII's New Men and the Making of Tudor England. Oxford, 2016. 393 p.

Hall 1809 = Hall's chronicle; containing the history of England, during the reign of Henry the Fourth, and the succeeding monarchs, to the end of the reign of Henry the Eighth, in which are particularly described the manners and customs of those periods. London, 1809. 922 p.

Harper 2012 = *Harper S.* Divide and Rule? Henry VII, the Mercers, Merchant Taylors and the Corporation of London // The Fifteenth Century XI: Concerns and Preoccupations. Ed. by *L. Clark*. Boydell & Brewer. 2012. P. 127–140.

Harper 2016 = *Harper S. P.* "Royal Servants and City Fathers: The Double Lives of London Goldsmiths at the Court of Henry VII // Medieval Merchants and Money: Essays in Honour of James L. Bolton / ed. by *M. Allen* and *M. Davies*. London, 2016. P. 177–194. URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctv5132xh.15 (accessed: 31.01.2023).

Historical Research 2009 = Historical Research. 2009. Vol. 82, No. 217.

Lapsley 1900 = *Lapsley G. T.* The County palatine of Durham. A Study in Constitutional history. London, 1900. 380 p.

Gairdner (Ed) 1863 = Letters and Papers illustrative of the Reign Richard III and Henry VII / Ed. by J. Gairdner. Vol. 2. London, 1863. 425 p.

Mckie 1957 = *Mckie J. D.* The Earlier Tudors. 1485–1558. Oxford, 1957. 699 p.

Ellis (ed) 1809 = Original Letters, illustrative English History. 3d series / Ed. by H. Ellis. Vol. 1. London, 1846. 382 p.

Robson 1989 = *Robson R.* The Rise and Fall of the English Highland clans. Tudor response to a Mediaeval Problem. Edinburgh, 1989. 245 p.

Rotuli Scotiae 1819 = Rotuli Scotiae in Turri Londinensi et in capitulari Westmonasteriensi asservati. Vol. 2. London, 1819. 644 p.

Slavin (ed.) 1964 = The "New Monarchies" & Representative Assemblies. Medieval Constitutionalism or Modern Absolutism? / Ed. by *A. Slavin*. Lexington, 1964. 99 p.

Fox Register = The Register of Richard Fox, lord bishop of Durham, 1494–1501. Durham, 1932. 132 p.

Pollard (ed.) 1913 = The Reign of Henry VII from contemporary sources / Ed. by *A. F. Pollard*. Vol. I. London, 1913. 332 p.

Hughes, Larkin (eds.) 1964 = Tudor Royal proclamations / Ed. by *P. Hughes* & *J. Larkin*. Vol. 1. The Early Tudors (1485–1553). London, 1964. 704 p.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Александра Денисовна Денисова

Об авторе:

аспирант

ORCID: 0009-0003-0727-9294
РИНЦ AuthorID: 1111480

Аффилиация:

Самарский национальный исследовательский университет имени акад. С. П. Королева

Электронная почта:
al_den98@mail.ru

В статье рассматривается религиозная идентичность членов английского католического сообщества как исследовательская проблема, включающая в себя множество аспектов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения основных противоречий, образовавшихся внутри католического сообщества, через призму религиозной идентичности для наиболее глубокого понимания процесса уверенного сохранения католицизма на территории Англии, повлиявшего на внешнюю и внутреннюю политику королевства и на занимаемое им место в политической системе Европы. Анализируются такие виды социальной идентичности, как гендерная, политическая и этническая во взаимосвязи с религиозной. Обращается внимание на тесное переплетение идентичностей, которое привело к образованию внутренних разногласий у католиков. Это позволило сделать вывод о трудностях, с которыми вынужден столкнуться ученый при исследовании религиозной идентичности в историческом контексте (определение понятия «религиозная идентичность, установление круга исторических источников, учет культурно-исторических реалий прошедшей эпохи). Автор отмечает, что возникший конфликт идентичностей занимает видное место в перечне поставленных исследовательских проблем, связанных с изучением религиозной идентичности. Конфликт идентичностей сыграл как позитивную, так и негативную роль в процессе сохранения католического сообщества. Он затормозил реакцию католиков на происходившие изменения, в редких случаях провоцировал на открытые столкновения католиков и королевскую власть, но в то же время способствовал возникновению принципа «двойной лояльности», пересмотру роли женщины в сохранении католических традиций, созданию устойчивых механизмов защиты через эмиграцию. Автор заключает, что использование междисциплинарного подхода позволяет раскрыть многие аспекты поставленной проблемы с позиции разных социальных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: религиозная идентичность, английское католическое сообщество, конфликт идентичностей, социальная идентичность, двойная лояльность.

Для цитирования:
Денисова А. Д. Проблема исследования религиозной идентичности представителей английского католического сообщества второй половины XVI века // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 95–102. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.007

THE PROBLEM OF EXPLORING THE RELIGIOUS IDENTITY OF THE ENGLISH CATHOLIC COMMUNITY IN THE SECOND HALF OF THE 16TH CENTURY

Aleksandra D. Denisova

About the author:

Postgraduate student

ORCID: 0009-0003-0727-9294
РИНЦ AuthorID: 1111480

Affiliation:

Samara National Research University

Email:
al_den98@mail.ru

This article examines the religious identity of members of the English Catholic community as a multi-faceted research problem. The relevance of the research stems from the need to identify the main contradictions formed within the Catholic community through the prism of religious identity in order to better understand the process of the confident persistence of Catholicism in England, which influenced the foreign and domestic policies of the kingdom and its place in the political system of Europe. Social identities such as gender, political and ethnic in relation to religious identity are analysed. Attention is drawn to the close intertwining of identities which has led to internal divisions among Catholics. This leads to conclusion about the number of difficulties that scholars have to face when studying religious identity in a historical context (defining the concept of religious identity, establishing the range of historical sources, taking into account the cultural and historical realities of the past era). The author notes that the emerged conflict of identities occupies a prominent place in the list of posed research problems associated with the study of religious identity. Identity conflict has played both a positive and a negative role in the process of preserving the Catholic community. It has inhibited the reactions of Catholics to the changes taking place, on rare occasions provoking open clashes between Catholics and royalty, but it has also contributed to the emergence of the principle of "dual loyalties", the redefinition of the role of women in the maintenance of Catholic traditions and the creation of sustainable protection mechanisms through emigration. The author concludes that the use of an interdisciplinary approach allows many aspects of the problem posed to be revealed from the perspective of different social and humanities disciplines.

Keywords: religious identity, English Catholic community, conflict of identities, social identity, dual loyalty.

For citation:
Denisova A. D. The Problem of Exploring the Religious Identity of the English Catholic Community in the Second Half of the XVIth Century // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 95–102. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.007

В первую очередь, следует отметить, что мы рассматриваем религиозную идентичность, которую понимаем как «результат процесса осознания индивидом себя как носителя определенного религиозного сознания, степень отождествления себя с определенной религиозной группой и одновременно обособление от представителей других религий»[1], а также берем во внимание только деятельность католиков-аристократов как наиболее активных членов католического сообщества.

Проблема определения принадлежности к католическому сообществу, на наш взгляд, обусловлена фрагментарностью и ограниченностью исторических источников, которые могут создать полное представление об отнесении себя к той или иной религиозной группе конкретного англичанина. Источни-

[1] Ивлева 2017, 27.

ки личного происхождения немногочисленны, что не может не влиять на результат. Осложняет исследовательский процесс также и специфика елизаветинского времени, связанная с отношением властей к католицизму. Даже обращаясь к историческим источникам, свидетельствующим о жизни католиков-эмигрантов, ученым иногда достаточно сложно подтвердить религиозную идентичность героев повествования, т. к. они могли принимать различные формы религиозного поведения в зависимости от окружения. Подобный образ действий размывал четкие конфессиональные границы.

В связи с этим встает вполне серьезный вопрос относительно того, каким образом исследователь может определить религиозную идентичность? В каких источниках историку искать отображение религиозного сознания католического сообщества и его представителя в отдельности? Может ли религиозная идентичность носить неосознанный характер?

Нам кажется, что наиболее верным способом для исследования религиозной идентичности в контексте исторического процесса является ее рассмотрение в социальном аспекте, т. е. через поведенческие практики членов конфессионального сообщества. В психологическом аспекте исследовать религиозную идентичность исторической персоны нам кажется крайне затруднительным т. к. достаточно трудно определить истинные мотивы поведения католиков.

Разумным кажется рассмотрение религиозной идентичности в переплетении с другими видами социальной идентичности. К примеру, различие между местными и «пришлыми» католиками (эмигрантами) стиралось, но на смену ему приходило различие этническое[2]. Это можно связать с явной оппозицией свой – чужой, т. е., как нам кажется, католик-эмигрант считался «чужим среди своих» в католической Европе. Ему приходилось лавировать в зависимости от своего окружения.

В то же время он являлся «чужим» с точки зрения английской власти. Акты 1559 года провозглашали королеву правительницей церкви, что априори не могло быть поддержано католиками[3]. Помимо прочего, вводилась клятва верности, в которой закреплялся данный принцип[4]. По верному замечанию А. Ю. Серегиной, принести присягу королеве как главе церкви и остаться католиком было невозможно[5]. Усилению конфликта идентичностей могли способствовать принятые парламентом в 1570–80-х гг. законы о государственной измене, идентифицирующие католиков как изменников, выступавших против реформированной религии. Утвержденные акты, в свою очередь, являлись от-

[2] Gibbon 2012, 176.
[3] Act of Uniformity 1559, 13–20.
[4] Elizabeth's Supremacy Act, Restoring Ancient Jurisdiction 1559, 442–452.
[5] Серегина 2008, 227.

ветом на Буллу об отлучении Елизаветы от католической церкви, изданную Папой Римским, предоставлявшую католикам полный карт-бланш на неповиновение королеве[6]. Таким образом, католик, находившийся на территории Англии, не мог сочетать в себе две составляющие социальной идентичности личности, из-за чего возникал конфликт идентичностей.

Рассматривая подробнее конфликт идентичностей, стоит сделать акцент и на переплетении гендерной и религиозной идентичностей. Христианство рассматривало женщину (как протестантку, так и католичку) исключительно в роли матери и жены, кроткой и покорной, подчиненной патриархальному порядку. Статус католички подрывал образ правильной женщины с точки зрения королевской власти, поскольку ее религиозная принадлежность не способствовала проявлению ее смиренности[7].

Религиозная идентичность тесно переплетается и с политической идентичностью. Анализируя положение католической фракции при елизаветинском дворе, Н. А. Журавель отмечает, что социальный статус католика, представителя аристократии, не соответствовал реальному положению в системе придворной иерархии. Выбранная тактика политического непротивления большинства представителей католического вероисповедания также повлияла на процесс сохранения католицизма, сделав его в какой-то степени пассивным. Она не смогла сплотить католиков, которые могли бы стать жесткой оппозиции королеве. Концепция политического непротивления, по замечанию Н. А. Журавель, носит светский характер[8].

Таким образом, несмотря на то, что в основе объединения католической фракции лежал семейно-клановый принцип, а приверженность католицизму, скорее, являлась традицией[9], религиозная принадлежность влияла на вероятность успешного построения политической карьеры, на сохранение определенных привилегией и т. д. Она же способствовала возникновению конфликта нормативных установок и устремлений представителей католического сообщества. На основе вышесказанного, кажется, стоит говорить о превалировании политической идентичности католиков-аристократов над религиозной идентичностью.

Если говорить о сохранении религиозной идентичности, то, безусловно, гендерный аспект влиял и на это. Стоит отметить, что зачастую формирование и сохранение католической религии переплетаются в единый процесс и становятся сложно провести четкую грань между ними, отделив одно от другого.

[6] Серегина 2008, 224–249.
[7] Серегина 2021, 14–16.
[8] Журавель 2011, 203.
[9] Там же, 201.

К примеру, после 1559 года мужчин-клириков стали преследовать за религиозные наставления и проповедь, и от женщин во многом стало зависеть сохранение католического сообщества[10]. Гендерная идентичность сыграла на руку для миссионерской деятельности женщины, поскольку закон не рассматривал ее как лицо, которое должно понести наказание, за нее отвечал ее муж. Женщина выполняла функцию воспроизведения конфессиональной общины, воспитания детей в католической вере, что одобрялось единоверцами и было основой, в том числе, коллективной идентичности. Английское правительство не было готово признать за женщинами «подобающие миссионерам интеллектуальные способности и знания»[11]. Благодаря этому распространенному стереотипу они могли избежать наказания, которые предполагались, в первую очередь, для миссионеров-мужчин за аналогичные преступления.

Конфликт идентичностей, согласно позиции Й. Галтунга, обнаруживает противостояние, которое переходит в насилие, «в котором он выделяет социальное насилие, культурное насилие, структурное насилие, прямое и непрямое насилие, сталкивающее между собой людей, социальные и этнические группы, общественные объединения, социальные структуры и регионы»[12].

На практике, действительно, это приводило к физическому и моральному насилию как со стороны властей, так и со стороны католического сообщества. Конфликт идентичностей способствовал возникновению принципа «двойной лояльности», когда католики оставались верными королеве, но в религиозных вопросах преданность сохраняли Папе Римскому[13].

Тактика «двойной лояльности» была верной стратегией для католиков, которые стремились сохранить свое политическое влияние, чтобы построить собственную карьеру и оказывать поддержку единоверцам. Это привело к возникновению группы «церковных папистов», которые посещали официальное богослужение, но в непубличной сфере сохраняли приверженность католическим ценностям.

Методы сохранения религиозной идентичности, которые применяли католики, характеризуют понятие «социальная защита», которое активно используется в психоаналитической традиции. Попытки сохранения католического сообщества, предпринятые самими католиками, можно рассматривать как проблему «выживания» группы, где угроза исходит по большей части из агрессивной внешней среды. Также интересно замечание В. А. Штроо о том, что «развитие организации, происходящее вслед за изменениями окружаю-

[10] Серегина 2022, 25.
[11] Там же, 28.
[12] Волков, Курбатов 2022, 35.
[13] Серегина 2017, 100.

щей среды, неразрывно связано с необходимостью организационных изменений»[14]. Выбор части католиков стать церковными папистами, а также отведение важнейшей роли по сохранению католического сообщества женщинам помогло католикам создать групповые защитные механизмы, которые справились с поставленной целью.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема исследования религиозной идентичности связана с необходимостью постоянно учитывать ряд важнейших аспектов. Первое, с чем сталкивается ученый – это проблема определения понятия «религиозной идентичности», выделения критериев, позволяющим выявить представителя католического сообщества. Второй сложностью оказывается определение круга исторических источников, применимых для рассмотрения поставленной проблемы. Также необходимо учитывать специфику исторической эпохи, отмечать факторы, влияющие на поведение представителя конфессиональной группы, выделять его индивидуальные особенности и мотивы. Значимое место в перечне поставленных проблем, связанных с религиозной идентичностью, занимает фактор возникновения конфликта идентичностей и проявления его в нескольких аспектах.

Учет факторов, указанных выше, позволил отметить роль конфликта идентичностей в формировании тактики «политического непротивления», которая затормозила реакцию католического сообщества, большая часть которого надеялась на разрешение разногласий с властями в вопросе религии с течением времени. С другой стороны, позитивным результатом возникновения конфликта идентичностей являлась выработка концепции «двойной лояльности», которая способствовала сохранению конфессиональной группы. Он же способствовал пересмотру роли женщины в патриархальном обществе, возложив на нее ответственную задачу по сохранению традиционных католических ценностей. Конфликт идентичностей побуждал католиков создавать устойчивые механизмы защиты своей идентичности через эмиграцию, в которой они сохраняли устойчивые связи с родней, находившейся в Англии.

Помимо прочего, стоит отметить, что при анализе религиозной идентичности и проявления религиозной принадлежности к католическому сообществу в историческом контексте, резонно и обоснованно использовать междисциплинарный подход, позволяющий исследовать многие аспекты поставленной проблемы с точки зрения разных социальных и гуманитарных наук.

[14] Штроо 2007, 156.

Литература / References

Волков, Курбатов 2022 = *Волков Ю. Г., Курбатов В. И.* Конфликт идентичностей: зарубежные исследовательские концепции // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 34–40.

Volkov Yu. G., Kurbatov V. I. Konflikt identichnostey: zarubezhnye issledovatel'skie kontseptsii [Identity Conflict: Foreign Research Concepts] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. 2022. No. 6. P. 34–40.

Журавель 2011 = *Журавель Н. А.* Католическая фракция и политическая борьба при дворе Елизаветы I Тюдор (1579–1583) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 7. С. 189–219.

Zhuravel' N. A. Katolicheskaya fraktsiya i politicheskaya bor'ba pri dvore Elizavety I Tyudor (1579–1583) [The Catholic Faction and Political Struggles in the Court of Elizabeth I Tudor (1579–1583)] // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University]. 2011. No. 7. P. 189–219.

Серегина 2008 = *Серегина А. Ю.* Сбой системы: применение формулы *peine forte et dure* в английском судопроизводстве XVI века // Право в средневековом мире. Москва, 2008. С. 224–249.

Seregina A. Yu. Sboy sistemy: primenenie formuly peine forte et dure v angliyskom sudoproizvodstve XVI veka [Failure of the System: The Application of the *Peine forte et dure* Formula in XVIth century English Jurisprudence] // Pravo v srednevekovom mire [Law in the Medieval World]. Moscow, 2008. P. 224–249.

Серегина 2017 = *Серегина А. Ю.* Английское католическое сообщество XVI–XVII вв. виконты Монтегю. М.; СПб., 2017. 544 с.

Seregina A. Yu. Angliyskoe katolicheskoe soobshchestvo XVI–XVII vv. vikonty Montegyu [English Catholic community of the XVIth–XVIIth centuries. Viscounts Montagu]. Moscow; Saint Petersburg, 2017. 544 p.

Серегина 2021 = *Серегина А. Ю.* Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI–XVII вв. М.; СПб., 2021. 288 с.

Seregina A. Yu. Obretenie golosa. Zhenshchiny angliyskogo katolicheskogo soobshchestva XVI–XVII vv. [Finding a voice. Women of the English Catholic community of the XVI–XVII centuries]. Moscow; Saint Petersburg, 2021. 288 p.

Серегина 2022 = *Серегина А. Ю.* Женская проповедь в английском католическом сообществе XVI–XVII вв. // Российский журнал истории церкви. 2022. № 2. С. 24–49. **DOI:** 10.15829/2686-973X-2022-102

Seregina A. Yu. Zhenskaya propoved' v angliyskom katolicheskom soobshchestve XVI–XVII vv. [Female Preaching in the English Catholic Community, XVIth–XVIIth Centuries] // Rossiyskiy zhurnal istorii tserkvi. [Russian Journal of Church History]. 2022. No. 2. P. 24–49. **DOI:** 10.15829/2686-973X-2022-102

Ивлева 2017 = *Ивлева В. Д.* Специфика формирования религиозной идентичности в осовремененном российском обществе: дис. … канд. фил. наук. Уфа, 2017. 159 с.

Ivleva V. D. Spetsifika formirovaniya religioznoy identichnosti v osovremenennom rossiyskom obshchestve [The Specificity of the Formation of the Constitution of Identity in the Modernized Russian Socie-

ty]: PhD thesis. Ufa, 2017. 159 p.

Штроо 2007 = *Штроо В. А.* Защитные механизмы групповой динамики в организационном контексте // Психология. Журнал ВШЭ. 2007. Т. 4, № 1. С. 151–157. EDN: JWMCBN

Schtroh V. A. Zashchitnye mekhanizmy gruppovoy dinamiki v organizatsionnom kontekste [Defence Mechanisms in the Group Dynamic within the Organizational Context] // Psihologiya. Zhurnal VSHE [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2007. Vol. 4, No. 1. P. 151–157. EDN: JWMCBN

Act of Uniformity 1559 = Act of Uniformity // Select statutes and other constitutional documents illustrative of the reigns of Elizabeth and James I / Ed. by *G. W. Prothero*. Oxford, 1894. P. 13–20.

Elizabeth's Supremacy Act, Restoring Ancient Jurisdiction 1559 = Elizabeth's Supremacy Act, Restoring Ancient Jurisdiction (1559), Elizabeth, Cap. // Documents Illustrative of English Church History / Ed. by *D. D. Henry Gee* and *W. J. Hardy*. London, 1910. P. 442–452.

Gibbon 2012 = *Gibbon K.* 'When he was in France he was a Papist and when he was in England … he was a Protestant': Negotiating Religious Identities in the Later Sixteenth Century / Getting Along? Religious Identities and Confessional Relations in Early Modern England – Essays in Honour of Professor *W. J. Sheils* / Ed. by *N. Lewycky*, *A. Morton*. 2012. P. 169–185.

ENFANT TERRIBLE ИМПЕРИИ ТРЕХ КОРОЛЕВСТВ: ГЕРЦОГ МОНМУТ И РЕЖИМ РЕСТАВРАЦИИ

Дмитрий Олегович Гордиенко

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-3607-2095
ResearcherID: IVH-8293-2023
РИНЦ AuthorID: 301156

Аффилиация:

Самарский национальный исследовательский университет
имени акад. С. П. Королева

Электронная почта:
stuartssergant@yandex.ru

Статья посвящена судьбе последнего мятежника королевской крови в Англии герцога Монмута. Особое место в системе функционирования европейских монархий Запада в начале раннего Нового времени занимали незаконнорожденные дети государей. Их статус был высоким в Испании, Франции и Англии. Стюарты второй половины XVII в. отличались большим количеством бастардов. Видное место в системе функционирования Трех Королевств при Карле II занимал его старший бастард Джеймс, герцог Монмут. Царственный отец устроил ему выгодный брак. Назначал на высшие придворные должности. Сделал командующим королевской армии. Монмут командовал экспедиционным корпусом во Фландрии. Громил шотландских мятежников в конце 1670-х гг. Однако герцог посчитал, что имеет право претендовать на престол после смерти своего отца. Карл II не имел официального потомства и наследником был его младший брат католик Яков, герцог Йоркский. Монмут стал выразителем мнений и ширмой для оппозиции Карлу II и Якову II. После смерти своего отца, летом 1685 г., герцог Монмут поднял восстание. Собрал отряд сторонников и высадился на Западе Англии. Его поддержали протестанты, выставившие отряды милиции. В битве при Седжмуре королевская армия разбила повстанцев. Монмут был пленен. Яков II приказал казнить мятежного племянника. Мятеж и казнь герцога стали важным и ярким сюжетом пропаганды, как королевской, так и оппозиционной. В статье разбираются некоторые аспекты этого процесса.

Ключевые слова: Стюарты, Карл II, Яков II, герцог Монмут, мятеж Монмута, казнь Монмута, памфлет, битва при Седжмуре.

Для цитирования:
Гордиенко Д. О. Enfant terrible империи Трех Королевств: герцог Монмут и режим реставрации // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 103–117. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.008

ENFANT TERRIBLE OF THE THREE KINGDOMS' EMPIRE: THE DUKE OF MONMOUTH AND THE RESTORATION REGIME

Dmitry O. Gordienko

About the author:

PhD in History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0002-3607-2095
ResearcherID: IVH-8293-2023
РИНЦ AuthorID: 301156

The article is devoted to the fate of the last rebel of royal blood in England, the Duke of Monmouth. Illegitimate children of sovereigns occupied a special place in the system of functioning of the European monarchies of the West at the beginning of the Early Modern period. Their status was high in Spain, France and England. The Stuarts of the second half of the XVII century were distinguished by a large number of bastards. A prominent place in the system of functioning of the Three Kingdoms under Charles II was occupied by his eldest bastard James, Duke of Monmouth. The royal father arranged a prof-

Affiliation:

Samara National Research University

Email:
stuartssergant@yandex.ru

itable marriage for him. He was appointed to the highest court positions, was made the commander of the royal army. Monmouth commanded an expeditionary force in Flanders, defeated the Scottish rebels in the late 1670s. However, the duke considered that he had the right to claim the throne after the death of his father. Charles II had no official descendants and the heir was his younger brother, the catholic James, Duke of York. Monmouth became a voice of opinion and a screen for opposition to Charles II and James II. After the death of his father, in summer of 1685, the Duke of Monmouth rebelled. He gathered a group of supporters and landed in the West of England. He was supported by the Protestants, who fielded militia detachments. At the Battle of Sedgemoor, the royal army defeated the rebels. Monmouth was captured. James II ordered the execution of his rebellious nephew. The rebellion and execution of the duke became an important and vivid plot of propaganda, both royal and oppositional. The article deals with some aspects of this process.

Keywords: The Stuarts, Charles II, James II, Duke of Monmouth, Monmouth mutiny, Monmouth execution, pamphlet, Battle of Sedgemoor.

For citation:
Gordienko D. O. Enfant Terrible of The Three Kingdoms' Empire: The Duke of Monmouth and The Restoration Regime // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 103–117. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.008

15 июля 1685 г. в Лондоне, на Тауэрском холме, произошла казнь – одна из последних в английской истории, когда за измену была лишена жизни публично столь высокопоставленная персона. На Тауэр-Хилл закончил свой жизненный путь избалованный и, возможно, «ужасный ребенок» эпохи Реставрации Джеймс, герцог Монмут, старший из незаконных детей короля Карла II Стюарта (про рождение которого Кристофер Фалькус написал: «Дитя, которому будет суждено играть драматическую и трагическую роль в последующий период английской истории»[1]). Яркая и насыщенная жизнь молодого аристократа, чья придворная и военная карьера была в первую очередь обусловлена не личными талантами, но происхождением и политической конъюнктурой, были забыты в исторической перспективе. Монмут вошел в анналы всеобщей (и Британской) истории благодаря последнему акту своей политической жизни – восстанию против тирана-католика, родного дяди по отцовской линии и законного наследника престола, Якова II. Мятеж герцога почему-то стал романтическим в историческом сознании событием, обернувшемся для герцога-мятежника плахой и тупым топором.

[1] Falkus 1972, 35.

В Средние века и раннее Новое время в европейской правовой политической культуре окончательно утвердился примат законного брака над различными формами сожительства и, соответственно, приоритет законного потомства, рожденного в браке, над потомством незаконным, рожденным вне брака. Однако вплоть до Нового времени незаконные дети периодически играли видную роль в матримониальной и политической жизни. Не стоит даже приводить примеры бастардов, севших на престол в Средние века (вроде Вильгельма Завоевателя или Энрике Трастамара, а также португальских королевских династий Ависс и Браганца). В XVI столетии в Англии у короля Генриха VIII, страдавшего от отсутствия законного сына, в качестве своеобразного наследника престола выступал его бастард Генри Фицрой, герцог Ричмонд (1519–1536). В 1525 г. король, чей брак с Екатериной Арагонской стал давать трещину, начинает вводить сына в достаточно активную политическую жизнь – жалует титулы, ранее принадлежавшие различным предкам Тюдоров и Йорков, назначает шестилетнего мальчика Лордом верховным адмиралом Англии, в 1529 г. – лордом-лейтенантом Ирландии[2]. Союзник и кузен Генриха, универсальный монарх император Карл V активно привлекал своих бастардов (включая дочерей) к службе, но прославился больше всех его сын дон Хуан (1545–1578)[3], победитель турок при Лепанто (1571)[4]. В XVII в. Филипп IV привлечет к активной государственной детальности своего сына дона Хуана Младшего (1629–1679) – подавителя серии мятежей (освободительных восстаний). Под конец своей жизни дон Хуан становится своеобразным полюсом, притягивавшим недовольных режимом больного Карла II[5].

Во Франции королевские бастарды уже с XV в. занимают определенное место в системе королевской власти (яркий пример – графы Дюнуа, предки последующих герцогов де Лонгвиль), однако до конца XVI в. корона никогда не делала их положения влиятельным настолько, чтобы они могли выступать реальной политической силой. При Бурбонах, уже при Генрихе IV, бастарды становятся одним из столпов короны (а не только, как это было традиционно, инструментом внутренней политики, связующим звеном в цепи матримониальных планов королевской власти в области приручения провинциальной знати), который, однако, может выступить и притяжением мятежников –

[2] Wooding 2009, 121, 128.
[3] Рейди 2023, 135–146.
[4] Маккени 2004, 351–353.
[5] Калнейн 1998, 174.

Сезар, герцог Вандомский (1594–1665) [6] или его младший сын Франсуа, герцог де Бофор (1616–1669) (практически революционер, но верный роялист, если соблюдать его интересы[7]). Однако при Людовике XIV место и роль незаконных сыновей Франции выходит на другой уровень. Король-Солнце щедро жалует своих малолетних сыновей важными должностями – но это было нормой и в предшествующий период. В конце правления Людовика Великого разгорелся скандал[8], когда король довольно долго обсуждал проект допуска своих бастардов к линии наследования французского престола (в обход прав своего среднего внука Филиппа V Испанского, племянника Филиппа II Орлеанского и кузенов младшей линии принцев Конде)[9]. В 1714 г. герцог Мэнский и граф Тулузский получили ранг принцев крови. Впрочем, прецедент был создан еще в 1610 г., когда герцог Вандомский занял место между принцами крови и пэрами Франции.

В Англии с середины XVI в. государи обошлись без бастардов – у детей Генриха VIII потомства не было вообще; Якову VI и I детей рожала супруга, споры об интимных наклонностях в целом первого из Стюартов на английском престоле не прекращаются до сего дня; Карл I вроде бы был верен жене. Но уже сыновья Карла – Карл II и Яков II – отличались женолюбием и активно размножались: Карл, не имея законных наследников, был отцом четырнадцати бастардов; Яков от двух жен произвел пятнадцать детей и пятерых бастардов. Разумеется, далеко не все из рожденных пережили младенчество или детство.

Как заботливый родитель, Карл II уделял особое внимание судьбе своих детей – они получали титулы, должности (не все из них были синекурами – граф Плимут, умер в 1680 г., находясь на посту губернатора Танжера, от дизентерии; герцог Графтон погиб, сражаясь за дело своего двоюродного брата Вильгельма III в Ирландии в 1690 г. против дяди Якова II), выгодно устраивались их браки. Однако только один из них – герцог Монмут – занял видное место в политической жизни Великой Британии и стал своеобразным протестантским эрзац-наследником, конкурентом или, скорее, противовесом, католику Якову, герцогу Йоркскому.

Старший из детей Карла II родился 9 апреля 1649 г. (через два месяца после казни деда – Карла I) в Роттердаме, в Соединенных Провинциях. Матерью его была Люси Уолтер, происходившая из старинного мелкого дворянско-

[6] Buisseret 1984, 69, 160.
[7] Блюш 1998, 42.
[8] Ashley 1965, 161.
[9] Treasure 2001, 312–313.

го рода из Уэльса, дочь роялиста (как и Нелл Гвинн, другая любовница «веселого монарха») – женщина красивая, но с плохой репутацией. Тем не менее Карл признал ребенка и всегда выделял его[10], равно как и другие члены семьи, в первую очередь бабушка, Генриетта-Мария Французская[11]. 14 февраля 1663 г. король пожаловал первенцу, еще не достигшему четырнадцати лет, целый ряд титулов, которые венчала корона герцога Монмута, объявив в патенте на титулы, что Монмут – «рыцарь, подающий надежды молодой человек, чьи необычные способности – результат не преклонного возраста, но поступков добродетельных»[12]. 15 апреля король женил сына на наследнице богатого шотландского рода Скоттов Анне, графине Баклю (причем, в силу складывающихся обстоятельств, юная наследница и ее мать были заинтересованы в этом матримониальном союзе не меньше короля, приобретавшего сыну богатую жену; брак был оговорен летом 1661 г.), а через пять дней пожаловал молодоженов титулом герцогов Баклю[13]. Галантный юноша стал истинным украшением двора «веселого монарха»[14].

Однако титулы были ординарной привилегией сына короля – Карл II начинает вводить сына в большую политику. Действия эти совпали с крушением консенсуса так называемой «краткой» Реставрации – кризисом 1667 г. и наметившейся эксплуатацией со стороны оппозиции прокатолических симпатий короля (явных или мнимых) и наследника престола герцога Йоркского. По сути, начинается длительный период политической нестабильности, завершившийся Исключительным кризисом и выходом из него короны в первой половине 1680-х гг. Фигура герцога Монмута, протестанта и старшего сына бездетного (официально) Карла II начинает привлекать как сторонников существующего режима, так и оппозицию. К тому же Карл II, бывший при всей своей беззаботности и веселости трезвым, проницательным и опытным политиком (с легким оттенком беспринципности), явно начинает использовать сына в противовес младшему брату, выбивая это оружие из рук оппозиции (насколько удачно этот маневр получился, особенно в конце 1670-х гг., – другой вопрос).

В 1668 г., в разгар Второй Англо-голландской войны, король передает должность капитана Первой роты телохранителей своему первенцу – до этого ротой командовал 1-й барон Джерарда оф Брэндон, генерал-роялист, в буду-

[10] Uglow 2010, 89–90.
[11] Nepean 1914, 10.
[12] Fraser 1878, 427.
[13] Ibid., 427–432, 461–482.
[14] Pearson 1960, 129.

щем связанный с Монмутом в событиях конца 1670-х – 1685 гг., наряду с Шефтсбери один из наиболее влиявших на герцога оппозиционеров. В 1672 г., отправляя экспедиционный корпус во Фландрию, совместно с французами сражаться с голландцами, Карл II назначает сына командующим шеститысячным английским контингентом (в 1678 герцог уже на голландской стороне будет драться с французами)[15]. Людовик XIV в знак уважения к английскому союзнику будет периодически назначать своего двоюродного племянника командующим объединенных сил сроком на один день. Французы будут расточать похвалы военному таланту молодого Монмута (насколько это было правдой, а не правилом дипломатического этикета – вопрос открытый). После целого ряда административных должностей (вроде лорда-лейтенанта Восточного райдинга Йоркшира и хранителя лесов к югу от Трента, приличествующих герцогу в силу его происхождения), в 1674 г. король жалует сына шталмейстером (в 1679 г. передав должность другому своему сыну герцогу Ричмонду) и главнокомандующим вооруженными силами королевства[16]. На последней должности герцог будет оставаться до самой смерти своего отца, несмотря на ряд кризисов – политических и в отношениях с августейшим родителем.

Выдвижение Карлом II сына на первые роли в английской армии конца 1660-х – первой половине 1670-х гг. возможно рассматривать как достаточно грамотный, но вынужденный ход. Король явно опасался того влияния в стране, которое может получить популярный военный лидер, благо опыт гражданских войн показал, как удачливая армия может ставить во главе Трех королевств своего вожака. Собственно, Реставрация и была обязана «счастливому возвращению» Карла в Лондон 29 мая 1660 г. именно армии генерала Монка, разгромившего своих оппонентов и захватившего столицу несколькими месяцами ранее (как определил цели марша армии Монка на Лондон его капеллан, в панегирике своему патрону: «Шотландская армия… всегда стремилась… подчиняться власти, которая была подтверждена законом»[17]). Консенсус, вознесший Монка (в 1626 г. младшего офицера-наемника на голландской службе) на вершину власти, *de facto* сделавший его некоронованным соправителем Карла II, окончился в 1670 г. со смертью старого герцога Абемарла. За пост главы вооруженных сил разгорелась ожесточённая борьба, в ходе которой всплывали разные претенденты, от естественного и в другой ситуации законного (герцог

[15] D'Oyley 1938, 86–89.
[16] Roberts 1844, 16.
[17] Gumble 1671, 185.

Йоркский, наследник престола) до амбициозного и ставшего внушать опасения друга детства короля Джорджа Вильерса, 2-го герцога Бекингема[18]. Учитывая, что ставить во главу армии паписта после законодательных актов осени 1667 г., обязавших католиков покинуть вооруженные силы, было бы вызовом общественному мнению и на руку оппозиции, король отдал верховенство вооруженными силами своему сыну – первенцу (хоть и незаконнорожденному), протестанту, герцогу и генералу, имевшему опыт командования армией в условиях войны[19]. Тем более эта должность давала некоторый денежный доход[20].

Как бы ни был протестант Монмут удобен Карлу в качестве командующего вооруженными силами и выдвигаемого на ведущие позиции в управлении Тремя Королевствами члена королевской семьи (хоть и незаконного), своего рода ширмой, закрывающей от широкой общественности фигуру католика Якова Йоркского, подобная линия поведения была бы оптимальной при абсолютной покорности отцовской воле со стороны самого Монмута. Судя по всему, молодой герцог не отличался талантами опытного и хитрого политика, но известной степенью тщеславия обладал вполне. Если Карл II и имел определенные надежды на легитимизацию сына в качестве наследника престола в начале 1660-х, то к 1670-м он ее явно оставил – для Карла II законным и желанным наследником престола во второй половине 1670-х – первой половине 1680-х гг. бесспорно был герцог Йоркский (3 марта 1679 г. король письменно заявил, что не давал обещаний вступать в брак с кем-либо, не был женат на ком-либо, кроме своей супруги королевы Екатерины[21]). Монмут же не только полагал законными те почести и привилегии, которые он получал как сын Карла (как и другие его братья – бастарды «веселого монарха»), но и имел определённые надежды на изменение своего статуса. Именно этим обстоятельством и воспользовалась группа лиц – придворных и политиков, которых можно назвать оппозицией правящему курсу, людьми, которые благодаря своим интригам имели виды на улучшение собственного политического (и материального) будущего.

Герцог оказывается в центре политической борьбы, и его имя активно используется протестантской пропагандой. Примерами могут служить памфлет памфлет об ужасах борьбы испанской инквизиции с протестантами, не-

[18] Kishlansky 1997, 248.
[19] Smith 2021, 25–40.
[20] Aylmer 2002, 116.
[21] Jones 1699, 80.

двусмысленно посвящённый Монмуту[22] как защитнику королевства от ужасов папизма, или текст того же года, подробно анализирующий, к каким бедам приведет лишение прав Монмута на престол и передача его Якову и его католическому (возможному) потомству[23]. В другом памфлете автор уверяет, что «с Монмутом пришли радость, мир и умиротворение» и он прогоняет католиков: «Куда летите вы, паписты? – О, они летят в Рим»[24]. Другой безымянный автор в стихотворении рисует Монмута величайшим героем и защитником протестантов Англии, единственной и верной опорой своего царственного отца (сын слышит волю отца, но и отец (!!!) обязан слушать сына!)[25].

Среди этих персон, по праву, первое место принадлежит фигуре Энтони Эшли Купера, 1-го графа Шефтстбери. В 1670-е гг. Шефтсбери в своей политической борьбе сделал ставку на признание Монмута законным наследником престола, чем во многом подкрепил надежды Монмута на свое королевское будущее. С подачи графа продолжали циркулировать слухи о пресловутой черной шкатулке, в которой лежит брачный договор Карла и матери герцога (и на эту тему выпускалась масса памфлетов[26]). Примечательно, что уже после казни герцога общественное мнение возложит вину за подстрекательство к восстанию именно на окружение Монмута[27]. Однако во всех перипетиях политической и военной карьеры Монмута до 1685 г. Карл II давал ясно понять первенцу, что не желает перехода престола к нему в обход законного наследника трона герцога Йоркского.

Тем не менее даже при наличии у Монмута определённых амбиций, Карл продолжал отличать сына – и в кампании 1678 г. против французов[28], и в 1679 г. при подавлении шотландских мятежников именно герцог возглавлял королевские войска, получая и военный опыт, и славу победителя.

На рубеже 1670–80-х гг. Монмут активно участвует, пускай и не на первых ролях, в политической борьбе за престол Карла II. Однако, несмотря на поддержку ряда важных персон, к февралю 1685 г. «общественное мнение» Трех Королевств все же выступало за законного наследника престола Карла I – герцога Йоркского (усиливая накал, Монмут в своей прокламации, изданной в начале мятежа, помимо всего прочего, прямо обвинил дядю Якова в отравлении Карла

[22] Dugdale 1680.
[23] Ferguson 1680.
[24] PCHRHGJDM 1679.
[25] UDHGJDM 1679.
[26] Например, ITK 1680.
[27] LDML 1685.
[28] Childs 2007, 188.

II[29]), пускай и католика (но готового идти на компромисс, как сам Яков себя позиционировал), или его дочерей от первого брака, выросших и воспитанных в правильной вере. После получения 13 июня 1685 г. известия о высадке Монмута и его приверженцев в Лайме, палата общин провозгласила свою безоговорочную поддержку делу законного короля Якова, объявила герцога и его сторонников мятежниками и объявила денежную награду за голову Монмута, 15 июня постановила после публичного прочтения сжечь руками палача декларацию мятежного герцога[30] (что и было исполнено ночью 15 июня, перед зданием биржи[31]). Фигура Монмута в этом политическом раскладе все же была маргинальной, как и показала ретроспектива лета 1685 г.: поддержка, оказанная мятежному герцогу, не отличалась широким охватом как территориально, так и по численности готовых встать за его «правое дело»[32]. В Шотландии так же показательны выступление и провал 9-го графа Аргайла – Шотландия осталась верна законному королю Якову VII и II.

С военной точки зрения экспедиция, осуществленная Монмутом, решительным образом отличалась от подобных действий, предпринятых в 1485 г. его предком Генрихом Тюдором. Лондон в целом имел заранее представление о заговоре английских эмигрантов в Нидерландах, благодаря грамотной работе королевских агентов[33]. Монмут не имел ни опытных военных в своей свите, ни отряда наемников, которые могли стать костяком его армии, – группа джентльменов попыталась возглавить отряды милиции и примкнувших к ним обывателей. При столкновении с отборными частями армии Якова II под командованием 2-го графа Фэвершема армия Монмута потерпела закономерное поражение, хотя армия Монмута состояла не из одних «оборванцев»[34] (может быть, сторонники герцога и не были так ничтожны и не так легко их было разбить, как получается у О. Филд[35]). Ополчение закономерно проиграло регулярной армии[36] (потери сторон в битве при Седжмуре, как бы ни спорили специалисты об их точности и правдивости, красноречиво говорят об этом – армия герцога потеряла несравненно большее количество людей[37]). Кампания 1685 г. послужила для короля Якова предлогом для увеличения его «лилипут-

[29] DJDM 1685.
[30] JHC, 735, 736–737.
[31] JHL, 43.
[32] Станков 2014, 63.
[33] Marshall 2002, 275.
[34] Carter 2020, 284.
[35] Field 2018, 50.
[36] Miller 1973, 659–679.
[37] Ede-Borrett 2017, 128.

ской армии» до приемлемых размеров к осени 1688 г.[38] Сам герцог попал в плен – один из памфлетов строго, предельно объективно и документально рисует жалкую картину того, как герцог прячется в зарослях ржи, гороха и овса и как солдаты лорда Ламли (ровесника герцога, ветерана Танжера, шталмейстера королевы Екатерины Португальской и командира нескольких рот кирасиров, из которых после восстания будет сформирован Ее имени конный полк) гоняют его по этим полям (вместе с отрядами сассекского ополчения, оставшегося верным короне) и в конченом итоге пленяют в одной из канав[39]. Достаточно быстро прошел процесс, решивший его печальную участь (в популярной хронике, дополненной уже после революции, казни герцога отведена сухая строчка[40]).

После казни Монмута начался процесс создание «легенды Монмута». Благодаря позднейшим политическим событиям – католическому царствованию Якова II и революции осени 1688 г., – начала складываться вигская легенда о бросившем вызов тирану-католику бесстрашном рыцаре-протестанте Монмуте. Одним из первых, кто приложил руку к ее созданию, был участник событий, вильгемитский 1-й граф Танкарвель, Форд Грей, 3-й барон Грей оф Уарк, описавший события своей политической жизни конца 1670-х – 1685 гг., включая мятеж Монмута, в котором он принимал непосредственное участие[41]. Впрочем, Грей, скорее, был самым известным автором, нежели первым. Например, в 1688 г., когда уже можно было относительно безбоязненно критиковать падающий режим Якова II, появился шестнадцатистраничный памфлет-панегирик Монмуту[42]. Однако еще летом 1685 г. начинает складываться и другая легенда – проякобитская и антимонмутская пропаганда, показывающая и продвигающая позицию официоза Якова II – от достаточно нейтрального памфлета, освещавшего последние минуты жизни герцога[43], до проповеди, прочитанной по случаю разгрома мятежников[44], чтобы показать тщетность претензий герцога на законный для Якова II престол[45], равно как и элегия на смерть Монмута, в которой герцог предстает неугомонным честолюбцем, восставшим против «лучшего из королей» – Якова[46].

[38] Childs 1980, 2.
[39] AMTLDM 1685.
[40] Clarke 1690, 170.
[41] Tankerville 1764.
[42] Tutchin 1688.
[43] AWPELDM 1685.
[44] Allestree 1685.
[45] SRUSL 1685.
[46] ELDM 1685.

Герцог Монмут, старший из бастардов Карла II, оказался яркой политической фигурой, «последним мятежником королевской крови»[47] (если таковыми не считать дочерей Якова II по факту их поведения осенью 1688 г.), однако как фигура политическая не обладал ни известной самостоятельностью, ни харизмой «принца эпохи барокко», в отличие от своего двоюродного брата Вильгельма III Оранского. Джеймс Скотт, четверть века находясь у подножия «имперского» престола Британии, играл несколько ролей, как навязанных ему рождением, политическими коллизиями, так и классическими, скорее из мира художественной литературы жанра плаща и кинжала, фантазиями придворных интриг. В Западной Европе XVII столетия, в эпоху абсолютизма и сопряженного с ним торжества законов (основанных на взаимном «общественном договоре» между сословиями и короной), прецедентов перехода власти, при наличии целого ряда законных наследников, в руки бастарда не зафиксировано. Монмут воспринимался современниками (большинством из них), даже противниками возможного наследования престола Яковом Йоркским, не более как маргинальная (с правовой точки зрения) фигура, удобный «громоотвод», пугало и мотиватор для нежелающей идти на компромиссы верховной власти. Собственно, сам Карл II, если и имел надежду в первой половине 60-х гг. на легитимизацию первенца в качестве возможного наследника (надежда на то, что Екатерина Португальская сможет родить законного наследника, теплилась до начал 1670-х гг.), то довольно быстро оставил ее под давлением права и общественного мнения. Яков II вступил на престол, будучи признанным всеми слоями Англии, Шотландии и Ирландии. Шаткость положения режима Якова и надежда на его падение вследствие мятежа 1685 г. есть послезнание событий 1688 г. («его титул не оспаривался; когда его приветствовали как короля всеобщим одобрением; приветствовали обращениями и поздравлениями всех его подданных; его доходы были улажены и увеличены; его враги побеждены, а его трон утвержден верным парламентом и покорным народом… все его несчастья, бесспорно, были результатом его собственной ошибки»[48]).

Была ли попытка Монмута претендовать на престол Трех Королевств актом политической недалекости или ошибкой человека, переоценившего собственную значимость, – вопрос открытый, однако не являющийся ключевым для понимая эпохи. Джеймс, 1-й и последний герцог Монмут остался, скорее всего, политическим эпизодом (ярким, ставшим легендарным) эпохи долгой

[47] Keay 2016.
[48] Caesar 1689, 102.

Реставрации монархии в Англии второй половины XVII столетия, но не реальным героем и не трагической ошибкой утраченного великого нереализованного будущего зарождавшейся Великой Британии как одного из центров политической силы Европы эпохи Модерна.

Литература / References

Блюш 1998 = *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. 815 с.
Blyush F. Lyudovik XIV. Moscow, 1998. 815 p.

Калнейн 1998 = *Калнейн граф, фон. А.* Карл II (1665–1700) // Испанские короли. Ростов-на-Дону, 1998. 512 с.
Kalneyn graf, fon. A. Karl II (1665–1700) [Charles II (1665–1700)] // Ispanskie koroli [Spanish Kings]. Rostov-on-Don, 1998. 512 p.

Маккени 2004 = *Маккени Р.* XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М., 2004. 480 с.
McKenny R. XVI vek. Evropa. Ekspansiya i konflikt [XVI century. Europe. Expansion and conflict.]. Moscow, 2004. 480 p.

Рейди 2023 = *Рейди М.* Габсбурги: власть над миром. М., 2023. 510 с.
Reydi M. Gabsburgi: vlast' nad mirom [The Habsburgs: Power over the World]. Moscow, 2023. 510 p.

Станков 2014 = *Станков К. Н.* Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб., 2014. 416 с.
Stankov K. N. Korol' Yakov II Styuart i stanovlenie dvizheniya yakobitov. 1685–1701 [King James II Stuart and the formation of the Jacobite movement. 1685–1701]. St. Petersburg, 2014. 416 p.

Allestree 1685 = *Allestree C.* A sermon preach'd at Oxford, before Sir. Will. Walker, Mayor of the said city, upon the 26th of July 1685 being the day of thanksgiving for the defeat of the rebels in Monmouth's rebellion. London, 1685. 34 p.

AMTLDM 1685 = An account of the manner of taking the late Duke of Monmouth, &c. By His Majesties command. Dublin, 1685. 4 p.

Ashley 1965 = *Ashley M.* Louis XIV and the greatness of France. NY, 1965. 196 p.

AWPELDM 1685 = An Account of what passed at the execution of the late Duke of Monmouth on Wednesday the 15th of July, 1685, on Tower-Hill together with a paper signed by himself that morning in the Tower, in the presence of the Lords Bishops of Ely, and Bath and Wells, Dr. Tenison and Dr. Hooper: and also the copy of his letter to His Majesty after he was taken, dated at Ringwood in Hantshire, the 8th of July. London, 1685. 4 p.

Aylmer 2002 = *Aylmer G. E.* The Crown's Servants. Government and Civil Service under Charles II, 1660–1685. Oxford, 2002. 303 p.

Buisseret 1984 = *Buisseret D.* Henry IV. London, 1984. 235 p.

Caesar 1689 = *Caesar C.* Numerus infaustus a short view of the unfortunate reigns of William the Second, Henry the Second, Edward the Second, Richard the Second, Charles the Second, James the Second. London, 1689. 89 p.

Carter 2020 = *Carter S. M.* Fighting for Liberty. Argyll and Monmouths Military Campaigns against the Government of King James, 1685. Warwick, 2020. 353 p.

Childs 1980 = *Childs J.* The Army, James II and the Glorious Revolution. Manchester, 1980. 226 p.

Childs 2007 = *Childs J.* The Army of Charles II. London; NY, 2007. 304 p.

Clarke 1690 = *Clarke S.* The historian's guide, or, Britain's remembrancer being a sumary of all the actions, exploits, sieges, battels, designs, attempts, preferments, honours, changes &c. and whatever else is worthy notice that hath happen'd in His Majesty's kingdoms from Anno. Dom. 1600 to this time: shewing the year, month and day of the month in which each action was done: with an alphabeticall table for the more easie finding any thing out. London, 1690. 190 p.

DJDM 1685 = The declaration of James Duke of Monmouth, & the noblemen, gentlemen & others, now in arms, for defence & vindication of the Protestant religion, & the laws, rights, & privilieges of England, from the invasion made upon them, & for delivering the kingdom from the usurpation & tyranny of James Duke of York. London, 1685. 8 p.

D'Oyley 1938 = *D'Oyley E.* James Duke of Monmouth. London, 1938. 357 p.

Dugdale 1680 = *Dugdale S.* A narrative of unheard of popish cruelties towards Protestants beyond seas, or, A new account of the bloody Spanish inquisition published as a caveat to Protestants. London, 1680. 27 p.

Ede-Borrett 2017 = *Ede-Borrett S.* The Army of James II 1685–1688: The Birth of the British Army. Warwick, 2017. 207 p.

ELDM 1685 = An Elegy on the late Duke of Monmouth. London, 1685. 1 p.

Falkus 1972 = *Falkus C.* The life and times of Charles II. NY, 1972. 223 p.

Ferguson 1680 = *Ferguson R.* A letter to a person of honour, concerning the kings disavovving the having been married to the D. of M's mother. London, 1680. 23 p.

Field 2018 = *Field O.* The Favorite: Sarah, Duchess of Marlborough. London, 2018. 571 p.

Fraser 1878 = *Fraser W. Sir.* The Scotts of Buccleuch: in 2 vols. Edinburgh. 1878. Vol. II. 575 p.

Gumble 1671 = *Gumble T.* The life of General Monck, Duke of Albemarle, &c. with remarks upon his actions. London, 1671. 486 p.

ITK 1680 = The Interest of the three kingdoms with respect to the business of the black box: and all the other pretentions of His Grace the Duke of Monmouth discuss'd and asserted in a letter to a friend. London, 1680. 32 p.

JHC = Journal of the House of Commons. Volume 9, 1667–1687. London, 1802. 762 p.

JHL = Journal of the House of Lords: in 64 vols. London, 1767–1832. Vol. 14. London, 1685–1691. 703 p.

Jones 1699 = *Jones D*. Complete history of Europe, or, A view of the affairs thereof, civil and military from the beginning of the Treaty of Nimeguen, 1676, to the conclusion of the peace with the Turks, 1699 including the articles of the former, and the several infringements of them, the Turkish Wars, the forming of the Grand Confederacy, the revolution in England, &c.: with a particular account of all the actions by sea and land on both sides, and the secret steps that have been made towards a peace, both before, as well as during the last negotiation: wherein are the several treaties at large, the whole intermix'd with divers original letters, declarations, papers and memoirs, never before published / written by a gentleman, who kept an exact journal of all transactions, for above these thirty years. London, 1699. 704 p.

Keay 2016 = *Keay A*. The last royal rebel: the life and death of James, Duke of Monmouth. London, 2016.

Kishlansky 1997 = *Kishlansky M*. A Monarchy Transformed. Britain 1603–1714. London, 1997. 386 p.

LDML 1685 = The late Duke of Monmouth's lamentation the tune of, On the Bank of a River, or, Now the fights done. London, 1685. 1 p.

Marshall 2002 = *Marshall A*. Intelligence and Espionage in the Reign of Charles II, 1660–1685. Cambridge, 2002. 334 p.

Miller 1973 = *Miller J*. The Militia and the Army in the Reign of James II // The Historical Journal. Vol. 16, No. 4. P. 659–679. **DOI:** 10.1017/S0018246X00003897

Nepean 1914 = *Nepean E. Maud (Reid)*. On the left of a throne: a personal study of James Duke of Monmouth. London, 1914. 246 p.

PCHRHGJDM 1679 = A poem of congratulation on the happy return of His Grace James Duke of Monmouth. London, 1679. 1 p.

Pearson 1960 = *Pearson H*. Merry monarch; the life and likeness of Charles II. New York, 1960. 274 p.

Roberts 1844 = *Roberts G*. The life, progresses, and rebellion of James, duke of Monmouth, &c., to his capture and execution: in 2 vols. Vol. I. London, 1844. 346 p.

Smith 2021 = *Smith H*. Armies and political change in Britain, 1660–1750. Oxford, 2021. 346 p.

SRUSL 1685 = Some remarks upon a scandalous libel, intituled, The declaration of James Duke of Monmouth, &c. London, 1685. 14 p.

Tankerville 1764 = *Tankerville, Forde Grey, Earl of*. The secret history of the Rye-House plot and of Monmouth's rebellion. London, 1764. 124 p.

Treasure 2001 = *Treasure G.R.R*. Louis XIV. London, 2001. 375 p.

Tutchin 1688 = *Tutchin J*. The Protestant Martyrs: or, The bloody assizes Giving an account of the lives, tryals, and dying speeches, of all those eminent Protestants that suffered in the west of England, by the sentence of that bloody and cruel Judge Jefferies; being in all 251 persons, besides what were hang'd

and destroyed in cold blood. Containing also, the life and death of James Duke of Monmouth; his birth and education; his actions both at home and abroad; his unfortunate sentence, execution and dying-words upon the scaffold: with a true copy of the paper he left behind him. And many other curious remarks worth the reader's observation. London, 1688. 16 p.

UDHGJDM 1679 = Upon the departure of His Grace, James, Duke of Monmouth. To all Protestant well-wishers. London, 1679. 1 p.

Uglow 2010 = *Uglow J.* A Gambling Man. Charles II and the Restoration 1660–1670. London, 2010. 580 p.

Wooding 2009 = *Wooding L. E. C.* Henry VIII. London; NY, 2009. 339 p.

НИДЕРЛАНДСКИЙ ДИПЛОМАТ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ХАНС-ВИЛЛЕМ БЕНТИНК (1649–1709) В ИЗОБРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННИКОВ

Павел Юрьевич Князев

Об авторе:

кандидат исторических наук, научный сотрудник

РИНЦ AuthorID: 1021267

Аффилиация:

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Электронная почта:
pavkneazev@yandex.ru

После «Славной революции» 1688–1689 гг. под управлением статхаудера Вильгельма III Оранского оказались не только северонидерландские области, но и территории композитарной Британской монархии; политическим влиянием по обе стороны Северного моря обладал фаворит Вильгельма – дипломат, военный и государственный деятель Ханс-Виллем Бентинк. Бентинк оставался в числе ближайших сподвижников Вильгельма: он внес вклад в организацию переворота 1688–1689 гг. и был щедро награжден – став в 1689 г. королем, Вильгельм пожаловал ему титул графа Портленда. Фаворит был нужен для особо сложных и деликатных поручений, а значит, навлекал на себя особое недовольство оппозиции. В статье проанализировано формирование образа Бентинка в сочинениях современников, главным образом в английских памфлетах конца XVII в. Показано, как образ «влиятельной фигуры» использовался в противостоянии властей и оппозиции на рубеже XVII–XVIII вв. Распространенное в публицистике осуждение фаворита за то, что он, действуя в интересах Вильгельма, оказывает услугу иностранной державе, – ключевая тема, которая позволяла аморфной «партии страны» укрепить своё единство. Казус Х. -В. Бентинка показывает, сколь непростым было положение в Англии рубежа XVII–XVIII вв. фаворита-иностранца. В то же время опыт нахождения Бентинка на высоких государственных постах был учтен англичанами еще при жизни фаворита: часть статей принятого в 1701 г. «Акта об устроении» могут рассматриваться в качестве одного из следствий этого опыта.

Ключевые слова: история Англии, история Нидерландов, фаворитизм, публицистика, конфликты.

Для цитирования:
Князев П. Ю. Нидерландский дипломат и государственный деятель Ханс-Виллем Бентинк (1649–1709) в изображении современников // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 118–132. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.009

THE DUTCH DIPLOMAT AND STATESMAN HANS-WILLEM BENTINCK (1649–1709) THROUGH THE EYES OF HIS CONTEMPORARIES

Pavel Yu. Knyazev

About the author:

PhD in History, Research fellow

РИНЦ AuthorID: 1021267

Affiliation:

After the Glorious Revolution of 1688–1689, led by the Dutch stadtholder William III of Orange, not only the Dutch republic, but the whole British composite Monarchy was under the control of the stadholder-king. Political influence on both sides of the North Sea was provided by William's favorite and diplomat, military commander and statesman Hans-Willem Bentinck. Bentinck was consistently included into the circle of Wilhelm's associates: he contributed to the organization of the coup of 1688–1689 and was generously rewarded – after becoming King in 1689, William granted him the title of Earl of

Lomonosov Moscow State University

Portland. The favorite was given complex and delicate assignments, therefore he was confronted by the opposition. The article analyzes the images of Bentinck in the writings of his contemporaries, mainly in English pamphlets of the late 17th century. It is shown how the image of an "influential figure" was used in the confrontation between the authorities and the opposition at the turn of the XVIIth – XVIIIth centuries. The widespread condemnation of the favorite in pamphlets for the fact that, acting in the name of William III, he provided services to a foreign power, is a key theme that helped the amorphous “country party” to strengthen its unity. The case of Bentinck shows how complicated was the situation in England at the turn of the XVIIth – XVIIIth centuries. At the same time, the experience of Bentinck’s tenure of the highest government positions was taken into account by the English statesmen during the life of the favorite: part of the articles of 1701 Act of Settlement can be regarded as one of the consequences of this experience.

Email:
pavkneazev@yandex.ru

Keywords: History of Britain, History of the Netherlands, favoritism, pamphleteering, conflicts.

For citation:
Knyazev P. Yu. The Dutch Diplomat and Statesman Hans-Willem Bentinck (1649–1709) Through the Eyes of His Contemporaries // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 118–132. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.009

Переворот 1688–1689 гг., известный как «Славная революция», любопытен с точки зрения его последствий, о которых до сих пор идут споры. Пришедший по его итогам к власти на Британских островах нидерландский статхаудер Вильгельм (Виллем) III Оранский добился желаемых целей – отныне у него появился союзник в лице Англии, что улучшило его шансы в ходе войны Аугсбургской лиги, в которой Вильгельм выступал в качестве противника французского короля Людовика XIV[1]. Принц Оранский стал и до своей смерти в 1702 г. оставался одновременно статхаудером большинства северонидерландских провинций и государем Трех Королевств – сначала Англии, потом Шотландии; к 1691 году он подчинил себе и Ирландию. Это объединение изучено достаточно мало, его иногда называют «англо-нидерландской унией»[2]: пространством тесного взаимодействия территорий, на которых Вильгельму принадлежала (пусть и в разном объеме и при ограничениях со стороны парламентов, Генеральных и провинциальных штатов) политическая власть. При этом управление этими территориями составляло большую проблему – как в силу их гетерогенности, так и по причине острых противоречий между ними. Для того чтобы укрепить свою власть, Вильгельм не только проявлял гибкость и научился договариваться с представительными учреждениями, но и опирался на узкий круг лиц, лично ему лояльных и представлявших его интересы как

[1] Ивонина 1998; Иерусалимская 2013.
[2] Шатохина-Мордвинцева 2005, 695.

в одном, так и в нескольких государствах, входивших в «унию». В лице таких «координаторов» выступали и фавориты короля.

Пример такого «фаворита-управленца» – Ханс-Виллем Бентинк (1649–1709), дипломат, полководец и государственный деятель. Сам он, что очень важно, происходил не из Голландии – самой богатой северонидерландской провинции, в которой было немало недоброжелателей Вильгельма. Бентинки, набожные кальвинисты, происходили из знатного рода провинции Оверэйссел. В плане политических симпатий семейство было оранжистским, даже в период, когда республикой руководил Йохан (Ян) де Витт, сторонники юного Вильгельма III были оттеснены от власти, а статхаудера в Республике Соединённых провинций не назначали. Но именно тогда началась карьера будущего фаворита – он отправился служить принцу Оранскому пажом.

В 1672 году, в «год бедствий» в истории Республики, его положение изменилось: Вильгельм получил должность статхаудера Голландии и оказался у власти. Бентинк стал одним из основных его сподвижников: хорошо проявил себя в годы войны с Францией, стал секретарём по военным делам. Вильгельм ценил его за преданность и охотно давал дипломатические поручения, например миссии в Англию и Бранденбург[3].

Рост благосостояния Бентинка позволил ему всячески подчеркнуть свой новый статус: он увлекся садоводством, выкупил имение Зоргфлит близ Гааги, и рядом с домом, который когда-то построил Якоб Катс, теперь красовался огромный парк. На момент смерти Бентинка его владения в Англии оценивались более чем в 850 150 фунтов, а вкупе с собственностью в Нидерландах стоимость его имущества приближалась к миллиону[4].

Бентинк оставался в числе ближайших сподвижников Вильгельма: он внес вклад в организацию переворота 1688–1689 гг. и был щедро награжден – став в 1689 г. королем, Вильгельм пожаловал ему титул графа Портленда[5]. Современники отмечали, что государь «осыпал [его] земельными пожалованиями»[6]. А сын Бентинка – один из шести детей – получил титул виконта Вудстока. Земли, конфискованные Вильгельмом у католиков в Ирландии, были пожалованы последнему: он получил владения в 135 тыс. акров земли, которые приносили ежегодно доход примерно в 25 тыс. фунтов[7].

[3] Onnekink 2007, 38–45.
[4] Ibid., 90.
[5] Onnekink 2001, 20.
[6] Burnet 1818, 248.
[7] Onnekink 2007, 89.

Получил Бентинк и высокую должность королевского финансового секретаря (*Keeper of the Privy Purse*), а также камергера стула[8], контролировавшего доступ в покои короля. Просителям было крайне трудно добиться этого доступа, и Бентинк нажил много врагов.

У Бентинка была своя клиентела, в которой выделялся граф Сандерленд – опытный политик, через которого Вильгельм установил связи с английской элитой. В особенности это касалось группировки вигов, которая из оппозиционной со временем превратились в правящую[9]. У Бентинка были доверенные лица в Шотландии, Ирландии и самих Соединенных провинциях, которым граф передавал распоряжения Вильгельма. Наконец, влияния прибавляли родственные связи: когда в конце 1670-х гг. Вильгельм женился на Марии II Стюарт, Бентинк последовал его примеру и тоже сочетался браком с английской аристократкой Энн Вильерс.

Фаворит был нужен Вильгельму для особо сложных и деликатных поручений – а значит, навлекал на себя особое недовольство оппозиции. Последнюю современники именовали «партией страны»: в неё входила как часть тори, так и часть вигов, недовольных политикой правительства[10]. «Всю страну» они противопоставляли «двору», который ошибочно отождествлять с собственно придворными, с ним прежде всего ассоциировали находившихся в правительстве королевских министров и тесно связанных с ними людей[11]. Представители «партии страны» стремились контролировать действия ставленников Вильгельма, и были недовольны возвышением Бентинка – иностранец заседал в Тайном совете, чем вызывал раздражение у многих представителей английской элиты.

Как же изображали его современники? Разведчик и мемуарист Дж. Мэкки считал, что Бентинк, «предположительно, самый богатый человек в Европе, тратил много денег на сады, птиц и домашнюю мебель, но был чрезвычайно бережлив во всем остальном; держался возвышенно, но не гордо... никто его сильно не любил, но никто сильно и ненавидел, ни в Англии, ни в Нидерландах». Дж. Свифт в своем комментарии к данной характеристике Мэкки категорично именовал Бентинка «величайшим дураком, которого я когда-либо знал»[12]. Историк, мемуарист и церковный деятель Г. Бёрнет в своих воспоминаниях полагал, что сдержанный и необщительный Бентинк «так и не смог добиться признания со стороны английского народа»[13]. В основном его изобра-

[8] Burnet 1818, 5.
[9] Кутявин 2006.
[10] Rubini 1967, 16.
[11] Onnekink 2001, 22.
[12] Swift 1801, 223.
[13] Burnet 1818, 5–6.

жали именно как фаворита, как человека близкого Вильгельму, и из-за этого уязвимого.

Примечательно, что это недовольство видели и в Нидерландах: так, в дневнике Константейна Хёйгенса-младшего зафиксирован разговор с В. ван Нассау-Зёйленстейном: тот в беседе с Хёйгенсом обмолвился, что «в Англии есть такая манера (обычай) обвинять и наказывать фаворитов и советников, если король допускает ошибку»[14]. Следовательно, фаворита Вильгельм мог использовать в качестве своеобразного «громоотвода», поручая ему априори неудачные дела. При этом лояльность была ключевым условием возвышения фаворита: Хёйгенс писал, что «не значимо, сделает ли государь его лордом – главное, что он оказывает правителю услуги при управлении парламентом»[15].

Хорошо демонстрируют представления современников о Бентинке как о человеке, особо близком к монарху, и французский рисунок времен битвы на реке Бойн (1690 г.), когда ходили неподтвержденные слухи о гибели Вильгельма. На нем изображена похоронная процессия, где Бентинк стоит в первых рядах[16].

Подобным образом изображали фаворита и в Нидерландах. На другой гравюре того времени Бентинк (его называли «Великим Хансом») сидит слева, а горожанин слезно умоляет его о предоставлении привилегий и покровительстве – не будучи частью клиентелы Бентинка (злоупотреблявшего своей близостью к Вильгельму), он представлен ничтожным[17].

Рассмотрим еще одну иллюстрированную листовку, персонажем которой также является «Великий Ханс» (1690 г.). Здесь он, получив в Англии титул графа, въезжает в нидерландский город на корове. Корова как минимум с XVI в. представляла собой аллегорию нидерландских областей, здесь же она представлена в виде покоренной страны, жертвы одного человека. Бентинк держит знамя Вильгельма – отныне статхаудер – «граф и суверен страны, а к седлу прикреплена сумка с подписью «для друзей», из которой фаворит Вильгельма щедро раздает деньги и должности[18].

Примечательно, что въезд Бентинка представлен как торжество чуждых Соединенным провинциям интересов: победой пользуются англичане и немецкие союзники Вильгельма: они примостились у вымени коровы, и пытаются «надоить» денег – средства нидерландских налогоплательщиков. Англия видится как держава, способная «подчинить Нидерланды», а Бентинк – как вершитель этой страшной воли, желающий ввести иго, подобное испанскому, против которого некогда велась Восьмидесятилетняя война:

[14] Huygens 1876, 70.
[15] Ibid.
[16] Heretiques pleurés 1690.
[17] Groothans met de Privilegie-soeker 1690.
[18] Hollands Hollende Koe 1690.

«Из-за меня вновь восемьдесят лет прожить во трепете должны все будут,
Пока от ига англичан, испанского страшней, свободу не добудут!»[19].

О своих отношениях с недовольными нидерландскими регентами Бентинк писал Вильгельму: «...они говорят обо мне, будто о дьяволе, хотя я никогда не произносил ничего несдержанного ни на собрании, ни вне его стен; если бы что-то было такое, в чем можно было бы меня упрекнуть, то клеветники бы сразу подняли это на щит, и мне не на что было бы надеяться; из того, что я должен делать в интересах страны и религии, безусловно, не будет ничего, что заставило бы меня действовать, кроме ваших интересов и служения Вам...»[20].

Выстраивая свою риторику, противники Вильгельма и оранжистов обвиняли Бентинка в жадности. В дневниках Константейна Хёйгенса цитируется следующий стишок (перевод мой):

«Государь обо всём размышляет,
Королева про всё говорит,
Георг Датский всё выпивает,
А принцесса Анна съедает;
Лорд Портлéнд время зря не теряет,
Он к рукам своим всё прибирает!»[21].

Депутат Палаты общин и автор «парламентского дневника» – одного из примеров неформальной фиксации дебатов в Вестминстере, – Р. Кокс свидетельствовал, что при обсуждении импичмента Бентинку парламентарии сравнили его с Сеяном, римским временщиком эпохи правления Тиберия, что вызвало «пылкие споры и размышления»[22]. Сеян, к которому был лично привязан император (Tac. *Ann.* IV. 11. 3), желал прослыть человеком, подающим принцепсу благие советы (Tac. *Ann.* IV. 7. 2), однако позднее арестован и казнён по обвинению в организации заговора. Ожидая падения «нового Сеяна», депутаты и публицисты обвиняли Портленда в жестокости и аморальности – в разврате, отвержении религии и тяге к власти.

Следует остановиться на еще одном элементе образа Бентинка. Это аналогичная упомянутой выше нидерландской теме тема *высокопоставленного иностранца*. Еще в 1690 г. памфлет «Дорогая сделка» (*Dear Bargain*) провозглашал, что интересы фаворита сильно расходились с английскими. Автор писал, что, когда политика государства определяется советами подобных людей, то «голландцы никогда не будут в проигрыше»[23].

[19] Перевод – П. К.
[20] Japikse (red.) 1927, 129.
[21] Huygens 1876, 126.
[22] Cocks 1996, 77.
[23] Johnston 1751.

Автор другого анонимного памфлета, написанного от лица нидерландцев, утверждал, что Вильгельм намеренно «предоставил самые доверенные должности нашим соотечественникам», и приводил в пример именно Бентинка. В случае перемен (*in case of a turn of times*), эти иностранцы могли бы удержать за собой важные должности «до того момента, как мы сможем усилить [нидерландское влияние] новыми людьми»[24]. «Сколь фанатично (*religiously*) он следует собственному обещанию не продвигать кого-либо по служебной лестнице без совета и одобрения наших послов, а также господина Бентинка!» – восклицал анонимный публицист[25].

Еще один очень интересный источник, который, похоже, ранее практически не вводился в оборот – это написанный около 1695 г. якобитский памфлет, вымышленный диалог между Вильгельмом и Бентинком. Он отражал настроения, в чем-то аналогичные тем, на которые жаловался граф Портленд в письме к Вильгельму: последний изображен в качестве практически дьявола, жестокого и беспринципного правителя, которого радует даже смерть супруги (королевы Марии) – настолько далеко он готов пойти ради власти.

Чтобы усилить эффект, автор диалога приписал Вильгельму максимально презрительное отношение к англичанам: герой провозглашает, что «большинство из них подобны свиньям» (*the Generality of them are like a Hog*), которым свойственно упрямство. Подобно диким зверям, англичане «если захотят пойти в определенном направлении, им проще вышибить мозги, чем заставить развернуться». В то же время, если уж свинье удается это сделать, то она неудержимо рвется уже по новому направлению, подобного же разворота Вильгельм боялся увидеть и в умонастроениях англичан. Воображаемый Бентинк же успокаивал своего господина и заверял его в том, что агенты фаворита смогут добиться лояльности королю при помощи пропаганды. Их цель состояла в том, чтобы «забить англичанам головы мрачными опасениями о приближении папства и рабства» (*Apprehensions of Popery and Slavery*), а затем распространять «странные истории и навязчивую ложь» среди подданных Вильгельма. «Вы можете довести их [англичан] до сумасшествия таким путём, каковой посчитаете нужным!» – восклицал персонаж диалога[26]. Таким образом автор стремился показать, что Вильгельм, Бентинк и их сторонники лишь использовали английский антикатолицизм, пустивший глубокие корни после Реформации[27], в качестве ресурса для подчинения англичан своей собственным интересам.

[24] The True Interests of Holland 1690.
[25] Ibid.
[26] A dialogue 1695, 2.
[27] Лабутина 1998, 33–44.

Бентинк по ходу диалога передает Вильгельму недовольство англичан, в том числе – засильем иностранцев: «Они говорят, что Вы привечаете беженцев, голландцев и всевозможных чужеземцев, предпочитая их англичанам», не только назначая их на должности, но и поощряя подданных делать то же самое[28]. Послушные англичане уходят на войну (*go off for Soulders*), а на их место могут прийти иностранцы, которые рано или поздно заселят Англию и захватят её. На это воображаемый Вильгельм отвечает, что у него есть основания проводить подобную политику, ведь иностранцы настроены к нему лояльнее, чем англичане, готовы «сражаться и пасть» вместе с ним[29].

Защитник Бентинка, мыслитель Э. Валтэн подчеркивал, что в Англии не было единства по вопросу престолонаследия: он негативно относился в якобитизму и полагал, что было множество «мятежных и злонамеренных людей», которые желали лишить Вильгельма скипетра и короны, и восстановить на престоле Якова II; другие ратовали за сохранение Вильгельма у власти. Решить спор между ними могли лишь институты, имевшие на это полное право – английский и шотландский парламенты. Именно депутаты в Вестминстере после того, как Яков покинул Англию, объявили престол оставленным и вакантным (*geababdoneert en vacant*), впоследствии «пригласив» Вильгельма и Марию занять его, таким образом узаконив «Славную революцию»[30]. Тем не менее именно в стенах парламента сосредотачивалась оппозиция, критиковавшая Вильгельма и его фаворитов.

Осуждение фаворита за то, что он, действуя в интересах Вильгельма, оказывает услугу иностранной державе – ключевая тема, которая позволяла аморфной «партии страны» подкрепить своё единство. Оно проявилось после того, когда парламентарии узнали об участии Бентинка в подписании с Францией договоров о разделе испанских владений тяжело больного Карла II Габсбурга. И хотя дипломатические таланты Бентинка в своих стихах воспел английский поэт Дж. Олдмиксон (1673–1742), представивший его в качестве человека, сумевшего добиться «страха перед возможным началом войны» в Париже, когда Франция «с ужасом и восхищением» внимала речам Бентинка и через их посредство ощущала мощь его господина[31], оппозиция видела в этом пролог к войне за испанское наследство[32]. Фаворита заставили произнести оправдательную речь перед парламентом, пытались подвергнуть импичменту. Депутаты постановили, что «Виллем, граф Портленд, за ведение переговоров и подписание договора о разделе [испанских владений], что нанес разрушитель-

[28] A dialogue 1695, 6.
[29] A dialogue 1695, 7.
[30] Walten 1692, 5.
[31] Oldmixon 1698, 2.
[32] Davenant 1701.

ный эффект для торговли королевства и представлял опасность для мира в Европе, признается виновным и будет подвергнут импичменту»[33], однако последнего Бентинку все же вдалось избежать.

Рассмотрим отдельно казус пожалования Бентинку земель Английского королевства, ежегодно приносивших фавориту доход более чем в 4000 фунтов[34]. В 1695 г. графу Портленду было пожалованы королевские владения Уэльсе – в Йеле, Бромфилде и Денби, что вызвало негодование в парламенте. После этого король был вынужден отказаться от передачи Бентинку этих земель, однако в качестве компенсации в следующем году передал фавориту множество поместий, разбросанных по всем королевству, стоимость которых в 1709 г. оценивалась в сумму, превышавшую 86,5 тыс. фунтов[35].

Попытка вознаградить Бентинка за службу валлийскими землями встретила сопротивление жителей Уэльса, артикулированное юристом и политиком Робертом Прайсом (1653–1733). Валлиец по происхождению, Прайс, окончив Кембриджский университет, он активно строил юридическую карьеру, которую мог совмещать и с политической: он был избран в парламент от английского местечка Уибли в Харфордшире. В стенах Палаты общин он и выступил с речами против пожалования Бентинку валлийских земель, что принесло ему известность, Прайса прозвали «патриотом своей родной земли»[36]. В 1702 г., вскоре после смерти Вильгельма III Оранского, две речи Прайса были опубликованы в качестве памфлета, озаглавленного «Валлийская слава, или речь гордого британца в парламенте против нидерландского Принца Уэльского» (*Gloria Cambriæ: or the Speech of a Bold Britain in Parliament against a Dutch Prince of Wales*). Изначальное издание памфлета является крайне редким и не доступно автору настоящей статьи, по этой причине мы пользовались перепечаткой текста в сборнике трактатов из собрания лорда Сомерса.

Бентинка Прайс относил к числу «не английских по своему происхождению, иноземных политиков», которые могут относиться с огромным почтением (*reverence*) к королю, но при этом ненавидеть английский народ[37]. Прайс обвинил советников и приближенных Вильгельма «в серьезнейшем нарушении законов и свобод Англии»[38], которое в перспективе могло сотрясти основания принципа «протестантского престолонаследия».

[33] The History and Proceedings of the House of Commons 1742, 127–183.
[34] Onnekink 2007, 187.
[35] Ibid., 89.
[36] Davies 1953.
[37] Price 1748, 98.
[38] Ibid., 101.

Прайс подчеркивал, что политика, которую проводили в жизнь министры Вильгельма, противоречила духу «Билля о правах» 1689 г., который, по мнению публициста, являлся «основанием нашего нынешнего правления». Прайс сетовал, что через несколько лет после его принятия, документ был «во многом позабыт и в речах, и на практике»: он редко упоминался в ходе дебатов парламенте, был «позабыт и в процессе управления»[39].

Прайс полагал, что «во все времена» особой заботой парламента являлось поддержание «равновесия» между королем и его подданными, и если корона была особо щедра и расточительна (*too liberal in its Bounties*), то парламент стремился повлиять на монарха и ограничить раздачу им королевских владений[40]. Именно поэтому он утверждал, что подписание петиций против передачи валлийских земель Бентинку преследовало интересы «благосостояния Британской нации» (*Welfare of the British Nation*)[41]. Прайс в своей речи осторожно осуждал короля за симпатии к голландцам: «Мы видим, как большинство должностей, связанных с великой властью и большими доходами, отдаются иностранцам»[42].

Юрист считал, что государство может быть долговечным лишь в том случае, если интересы монарха совпадают с интересами его подданных[43]. Интересы же англичан и нидерландцев были несовместимы друг с другом. «Если эти иностранцы, – утверждал Прайс, – хоть и происходят из страны-союзницы Англии, сообразуются в своих действиях с иными [чем англичане] интересами, как это и происходит в вопросах торговли, то в каких интересах будут действовать высокопоставленные иностранные советники»[44], определяющие решения правительства?

Итогом пронидерландской политики, согласно Прайсу, стало бы вытеснение британцев с зарубежных рынков их соседями, а сама Англия должна будет превратиться «в нидерландскую колонию»[45]. Англичан Прайс призывал выступить в защиту собственной страны, и «не дать ей превратиться в данника, подчиненного иноземцам»[46].

Недовольство англичан касалось не только назначений Вильгельма, но и переселения выходцев из Нидерландов в Англию в тот период. В 1694 г. Дж. Найт, депутат Палаты общин, выступил с пространной речью против билля о натурализации протестантов-иностранцев в Англии. Он утверждал,

[39] Price 1748, 100.
[40] Ibid., 101.
[41] Ibid., 98.
[42] Ibid., 102.
[43] Ibid., 98.
[44] Ibid., 102.
[45] Ibid.
[46] Ibid.

что его принятие «принесет стране великие невзгоды, да похуже тех, что пережили египтяне; одна из казней египетских пала сейчас на наши плечи: я говорю о той, что привела к наводнению их страны лягушками, в том числе дворцов их царей». Оратор призывал «не допустить, чтобы в Сент-Джеймсском дворце и в Уайтхолле, резиденциях наших наследственных государей, раздавались шум и кваканье жителей Страны лягушек (*Frog-landers*)»[47].

Ещё одним автором, выражавшим недовольство возвышением голландцев, стал поэт, журналист и политический деятель Дж. Татчин (ок. 1660–1707). В своем стихотворении «Чужестранцы» (1700 г.) он представил выходцев из Нидерландов в образе библейских язычников, развративших древний Израиль и склонивших его царей к служению идолам. Прототипом одного из придуманных им персонажей – *Бентира* – является именно Бентинк[48], на что намекает и схожесть их имён. В своем стихотворении Татчин так описывал данного персонажа (фрагмент дан в переводе автора):

«Бентир, который список нечестивцев возглавляет,
Носил он имя, что веками люди проклинают;
Неблагороден был, но горд; тем многих он обидел,
Гнушалися великие его, простой люд ненавидел;
Ни знатностию, ни семьёй не смог бы он гордиться,
Но на невзгодах каждый раз умел обогатиться:
К своим рукам он край за краем прибирал столь жадно,
Что каждый раз народ еврейский горевал изрядно»[49].

Все это позволяет говорить также о том, что после 1688 г. антинидерландские настроения в английском обществе сохранялись, несмотря на происхождение короля, а образ Бентинка был полезен оппозиции в целях подкрепления её опасений. Тем не менее велась пропаганда и в пользу фаворита Вильгельма. Стихотворению Татчина было составлено несколько остроумных ответов, одним из которых стал «Чистокровный англичанин» Д. Дефо (фрагмент дан в переводе И. Кутика):

«И как мы можем презирать голландцев,
И всех новоприбывших иностранцев,
Когда и сами мы произошли
От самых подлых сыновей земли:
От скоттов вероломнейших, и бриттов,
От шайки воров, трутней и бандитов
Которые насильничали тут,

[47] Eight Speeches 1733, 17.
[48] Winn 2014, 267
[49] Tutchin 1700, 7.

Чиня разбой, смертоубийство, блуд;
От рыжекудрых викингов и данов,
Чье семя узнаешь, едва лишь глянув,
От смеси коих и родился клан
Всех наших чистокровных англичан!»[50].

Исследователи английской литературы Г. В. Аникин и Н. П. Михальская отметили, что здесь Дефо, выступая с позиций Просвещения, «опровергает нападки на Вильгельма, доказывая, что само понятие «чистокровный англичанин» не имеет права на существование, поскольку история английской нации складывалась как история смешения различных народов»[51].

Подводя итог, отметим, что казус Х.-В. Бентинка показывает, сколь непростым было положение в Англии фаворита-иностранца. В конечном итоге он был отодвинут на второй план и пережил Вильгельма, в годы войны за испанское наследство он давал ценные советы английским министрам и полководцам. Род Бентинка успешно интегрировался в состав английской элиты, один из его представителей – У. Г. Кавендиш-Бентинк, в конце 1820-х – первой половине 1830-х гг. был генерал-губернатором британских владений в Индии.

Как в Англии, так и в Нидерландах политика, лично лояльного Вильгельму, воспринимали как человека, действующего в интересах соседней страны, и не доверяли фавориту. Опыт нахождения Бентинка на высоких государственных постах был учтен англичанами еще при жизни фаворита. Принятый в 1701 г. «Акт об устроении» лишил иностранцев возможности заседать в Тайном совете[52], что было в том числе и последствием «казуса Бентинка». Акт также запрещал помилование министров, приговоренных к импичменту[53]: замышлялось это в тех целях, чтобы при новой, Ганноверской, династии монархи не создали бы комфортной среды для фаворитов-иностранцев.

Литература / References

Аникин, Михальская 1975 = *Аникин Г. В., Михальская Н. П.* История английской литературы. М., 1975. 528 с.
Anikin G. V., Mihal'skaya N. P. Istoriya angliyskoy literatury [The History of English Literature]. Moscow, 1975. 528 p.

Ивонина 1998 = *Ивонина Л. И.* Вильгельм III Оранский // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 154–159.
Ivonina L. I. Vil'gel'm III Oranskiy [William III of Orange] // Voprosy istorii. 1998. No. 3. P. 154–159.

[50] Шайтанов (ред.) 1987, 39–40.
[51] Аникин, Михальская 1975, 124.
[52] Act of settlement 1764, 359–360
[53] Ibid., 360

Иерусалимская 2013 = *Иерусалимская Е. В.* Дипломатия Вильгельма Оранского и первые европейские союзы // Преподаватель – XXI век. 2013. № 2 (4). С. 309–315.
Ierusalimskaya E. V. Diplomatiya Vil'gel'ma Oranskogo i pervye evro-peyskie soyuzy [The Diplomacy of William III and the Early European Alliances] // Prepodavatel' – XXI vek [Teacher – XXI century]. 2013. No. 2 (4). P. 309–315.

Кутявин 2006 = *Кутявин Д. В.* Торийская партия в Англии конца XVII – начала XVIII в. и министерство 1710–1714 гг.: дис. … к. и. н. Самара, 2006. 181 с.
Kutyavin D. V. Toriyskaya partiya v Anglii kontsa XVII – nachala XVIII v. i ministerstvo 1710–1714 gg. [The Tory Party in England in the Late XVIIth – Early XVIIIth Centuries]: PhD thesis. Samara, 2006. 181 p.

Лабутина 1998 = *Лабутина Т. Л.* Антикатолицизм в Англии в правление последних Стюартов (1660–1714 гг.) // Религия и политика в Европе XVI–XX вв. / под ред. *Ю. Е. Ивонина, Л. И. Ивониной*. Смоленск, 1998. С. 33–44.
Labutina T. L. Antikatolitsizm v Anglii v pravlenie poslednih Styuartov (1660–1714 gg.) [Late Stuart English Anticatholicism] // Religiya i politika v Evrope XVI-XX vv. [Religion and Politics in Europe of the XVI–XX Centuries]. Smolensk, 1998. P. 33–44.

Шайтанов (ред.) 1987 = Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века / сост. *И. О. Шайтанов*. М., 1987. 529 с.
Angliya v pamflete. Angliyskaya publitsisticheskaya proza nachala XVIII veka [English Pamphlets of the Early XVIIIth Century] / Ed. by *I. O. Shaytanov*. Moscow, 1987. 529 p.

Шатохина-Мордвинцева 2005 = *Шатохина-Мордвинцева Г. А.* Англо-голландская уния 1689–1702 // Большая российская энциклопедия. В 30 тт. Т. I. М., 2005. С. 695.
Shatohina-Mordvintseva G. A. Anglo-gollandskaya uniya 1689–1702 [The Anglo-Dutch Union] // Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. In 30 vols. Vol. I. Moscow, 2005. P. 695.

A Dialogue 1695 = A dialogue between K. W. and Benting, occasioned by his going into Flanders after the death of the Queen. [S. l.], 1695?. 15 p.

Act of Settlement 1764 = An Act for the further Limitation of the Crown and better securing the Rights and Liberties of the Subject // The Statutes at Large. Vol. X. London, 1764. P. 357–360.

Burnet 1818 = *Burnet G.* Bishop Burnet's History of His Own Time, from the Restoration of King Charles II. To the Conclusion of the Treaty of Peace at Utrecht, in the Reign of Queen Anne. In 4 vols. Vol. III. London, 1818. 385 p.

Cocks 1996 = *Cocks R.* The Parliamentary Diary of Sir Richard Cocks, 1698–1702 / Ed. by *D. W. Hayton*. Oxford, 1996. 432 p.

Davenant 1701 = *Davenant Ch.* Essays upon: I. The Balance of Power; II. The Right of Making War, Peace, and Alliances; III. Universal Monarchy. London, 1701. 413 p.

Davies 1953 = *Davies W.* Ll. Robert Price (barnwr) // Y Bywgraffiadur Cymreig. (1953). URL: https://bywgraffiadur.cymru/article/c-PRIC-ROB-1655 (accessed: 01.08.2023).

Eight Speeches 1733 = Eight Speeches Made in Parliament, on Several Important Occasions. Recommended to the Electors of Great-Britain, as a Seasonable Preparative

for the Ensuing Elections. London, 1733. 180 p.

Groothans met de Privilegie-soeker 1690 = Groothans met de Privilegie-soeker (1690). Иллюстрированная листовка. Городской архив Амстердама. URL: https://archief.amsterdam/beeldbank/detail/ab8cd1dd-4389-e02e-fe4e-26616b25b2e7 (accessed: 01.08.2023).

Heretiques pleurés 1690 = Pleurés heretiques pleurés (c. 1690). Рисунок. Британский музей. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1884-0726-24 (accessed: 01.08.2023).

Hollands Hollende Koe 1690 = Hollands Hollende Koe (1690). Иллюстрированная листовка. Британский музей. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1871-1209-4862 (accessed: 01.08.2023).

Huygens 1876 = *Huygens C.* Journaal van Constantijn Huygens, den zoon (1673–1696). In 4 dln. D. I: Van 21 october 1688 tot 2 september 1696. Utrecht, 1876. 402 blz.

Japikse (red.) 1927 = Correspondentie van Willem III en van Hans Willem Bentinck / red. *N. Japikse*. In 2 ged. Ged. I: In 2 dln. D. I. 's Gravenhage, 1927. 356 blz.

Johnston 1751 = *Johnston N.* The Dear Bargain, or, A True Representation of the State of the English Nation under the Dutch. In a Letter to a Friend // A Third Collection of Scarce and Valuable Tracts, on the Most Interesting and Entertaining Subjects. But Chiefly Such as Relate to the History and Constitution of These Kingdoms. In 4 vols. Vol. III. London, 1751. P. 228–263.

Oldmixon 1698 = *Oldmixon J.* A poem humbly addrest to the right honourable the Earl of Portland, &c. on his lordships return from his embassy in France: by Mr. Oldmixon. London, 1698. 10 p.

Onnekink 2001 = *Onnekink D.* "Craignez honte". Hans Willem Bentinck, graaf van Portland en diens Engelse jaren // Virtus. 2001. Vol. 8, No. 1–2. Blz. 20–34.

Onnekink 2007 = *Onnekink D.* The Anglo-Dutch Favourite: The Career of Hans Willem Bentinck, 1st Earl of Portland (1649–1709). Aldershot (UK); Burlington (VT), 2007. 297 p.

Price 1748 = *Price R.* Gloria Cambriæ: Or, The Speech of a Bold Britain in Parliament, against a Dutch Prince of Wales, 1702 // A Collection of Scarce and Valuable Tracts. Ed. by *J. Somers*. In 4 vols. Vol. III. London, 1748. P. 96–105.

Rubini 1967 = *Rubini D.* Court and Country, 1688–1702. London, 1967. 304 p.

Swift 1801 = *Swift J.* Remarks on the Characters of the Court of Queen Anne // The Works of the Rev. Jonathan Swift. In 19 vols. Vol. XVIII. London, 1801. P. 218–240.

The History and Proceedings of the House of Commons 1742 = The History and Proceedings of the House of Commons. Vol. III: 1695–1706. London, 1742. P. 127–183. URL: http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol3/pp127-183 (accessed: 01.08.2023).

The True Interests of Holland 1690 = Min Heer T. Van C's Answer to Min Heer H. Van L's Letter of the 15th of March, 1689. Representing the true Interests of Holland, and what they have already gained by our Losses. [S. l.], 1690. URL:

https://ota.bodleian.ox.ac.uk/repository/xmlui/bitstream/handle/20.500.12024/A31295/A31295.html?sequence=5&isAllowed=y (accessed: 01.08.2023).

Tutchin 1700 = *Tutchin J.* The foreigners. Part I. A poem. London, 1700. 11 p.

Walten 1692 = *Walten E.* Brief aan Sijn Excellentie, de Heer Graaf van Portland. ‘s-Gravenhage, 1692. 80 blz.

Winn 2014 = *Winn J. A.* Queen Anne: Patroness of Arts. Oxford, 2014. 792 p.

РОССИЯ НА БРАУНШВЕЙГСКОМ КОНГРЕССЕ (В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1714 г.)

Кирилл Николаевич Станков

Об авторе:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-5056-225X
РИНЦ AuthorID: 745052

Аффилиация:

Институт российской истории РАН

Электронная почта:
stankov11@yandex.ru

Брауншвейгский конгресс был широким европейским дипломатическим форумом, на котором была предпринята попытка закончить Северную войну, заключив мир между Россией и Швецией. В конгрессе принимали участие представители Австрии, Дании, Польши-Саксонии, Пруссии, Ганновера и России. Последняя фактически впервые заявила о себе как о новой империи на евразийском пространстве. Ее главной задачей было заключение мира со Швецией на условиях всех территориальных приобретений, достигнутых в ходе Северной войны. Представителем России на Брауншвейгском конгрессе в январе 1714 г. царским указом был назначен один из ведущих русских дипломатов, посол в Гааге – князь Б. И. Куракин. Ему были даны широкие полномочия. В частности, они предполагали возможность заключения мира со Швецией независимо от того, прибудут ли представители от короля Карла XII, пребывавшего в то время в Османской империи, или от шведского правительства в Стокгольме. Кроме того, Б. И. Куракин должен был вести переговоры с императора Священной Римской империи о возможности последнего принудить Швецию к заключению мирного договора. Россией была предложена программа мирного урегулирования со Швецией. В случае невозможности заключения мира официальный Петербург ставил перед собой следующие задачи. Прежде всего, было необходимо укрепить Северный союз, не допустив сепаратного мира саксонского курфюрста и польского короля Августа II и датского монарха Фредерика IV со Швецией. Петр I также стремился расширить ряды своих союзников, присоединив к ним Пруссию и Ганновер. Наконец, русские дипломаты стремились нейтрализовать морские державы (Великобританию и Нидерланды), поскольку к 1714 г. сложилась опасная ситуация возможности их вступления в Северную войну на стороне Швеции.

Ключевые слова: Брауншвейгский конгресс, дипломатические переговоры, Северная война, Петр I, Карл XII.

Для цитирования:
Станков К. Н. Россия на Брауншвейгском конгрессе (в первой половине 1714 г.) // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 133–144. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.010

RUSSIA AT THE BRUNSWICK CONGRESS (IN THE FIRST HALF OF 1714)

Kirill N. Stankov

About the author:

PhD in History,

The Brunswick Congress was a broad European diplomatic forum during which an attempt was made to end the Great Northern War by making peace between Russia and Sweden. The congress was

Senior Research Fellow

ORCID: 0000-0002-5056-225X
РИНЦ AuthorID: 745052

Affiliation:

The Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences

Email:
stankov11@yandex.ru

attended by representatives of Austria, Denmark, Poland-Saxony, Prussia, Hanover and Russia. The latter actually declared itself for the first time as a new empire in the Eurasian space. Its main task was to conclude peace with Sweden on the terms of preserving all territorial acquisitions achieved in the Great Northern War. In January 1714 one of the leading Russian diplomats, the ambassador in the Hague, prince B. I. Kurakin was appointed as a representative of Russia. He was given broad powers. In particular, they assumed the possibility of concluding peace with Sweden, regardless of whether representatives would come from king Charles XII, who was then in the Ottoman empire, or from the Sweden government in Stockholm. In addition, B. I. Kurakin was supposed to negotiate with the Emperor about the possibility of the latter to force Sweden to conclude a peace treaty. Russia proposed a program for a peace settlement with Sweden. In the event that it was impossible to conclude peace, official Saint Petersburgh set itself the following tasks. First, it was necessary to strengthen the Northern Alliance, preventing the separate peace of the Saxon elector and the Polish king Augustus II and the Danish monarch Frederick IV with Sweden. Peter I also sought to expand the ranks of his allies by adding Prussia and Hanover to them. Finally Russian diplomats sought to neutralize the maritime powers (Great Britain and Netherlands) as by 1714 there was a dangerous situation that they could enter the Great Northern war on the side of Sweden.

Keywords: the Brunswick Congress, the diplomatic negotiations, the Great Northern War, Peter I, Charles XII.

For citation:
Stankov K. N. Russia at the Brunswick Congress (in the First Half of 1714) // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 133–144. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.010

На Брауншвейгском конгрессе, состоявшемся в 1714–1717 гг., Россия фактически впервые заявила о себе как о новой империи на евроазиатском пространстве. Ее главной задачей было заключение мира со Швецией на условиях всех территориальных приобретений, достигнутых в ходе Северной войны. Хотя формально конгресс заседал почти четыре года, самые жаркие дискуссии на нем разгорелись весной – в начале лета 1714 г., в связи с чем настоящая статья ограничивается этими хронологическими рамками.

Из русских историков впервые к «съезду в Бруншвиге» обратился И. И. Голиков. Однако он ограничился лишь упоминанием о нем, а также заметками, что инициатором созыва конгресса был кайзер Священной Римской империи и в самом съезде был заинтересован Петр I, но из-за упрямства шведского короля Карла XII переговоры ничем конкретным не закончились[1]. С. М. Соловьев остановился на этом вопросе гораздо подробнее. Правда, он утверждал, что Россия была мало заинтересована в Брауншвейгском конгрессе,

[1] Голиков 1838, 315.

а сам конгресс не имел серьезного значения для истории Северной войны[2]. Советская историография данный дипломатический форум обошла молчанием. В работах Е. В. Тарле «Северная война и нашествие шведов на Россию» и «Русский флот и внешняя политика Петра I» Брауншвейгский конгресс даже не был упомянут[3]. О нем ничего не говорится также в фундаментальном трехтомном издании «История дипломатии»[4]. В трудах советских исследователей Л. А. Никифорова и Н. Н. Молчанова отчасти сообщается о некоторых переговорах между европейскими дипломатами накануне и в период работы конгресса, но сам он не упоминается[5].

В последнее время попытку представить свой взгляд на историю Брауншвейгского конгресса предприняла исследовательница из Санкт-Петербурга А. А. Стерликова. В своей кандидатской диссертации, защищенной в 2006 г.,[6] а затем в статье, изданной в 2007 г. в сборнике «Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.»[7], она утверждает, что Брауншвейгский конгресс сыграл существенную роль в дипломатической истории Европы. В своих выводах А. А. Стерликова базируется на материалах «Походной канцелярии А. Д. Меншикова», отложившихся в фонде № 83 архива Санкт-Петербургского отделении института истории РАН, нескольких документах из Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) фонда № 96 («Сношения России со Швецией») и на документальных публикациях «Архив князя Ф. А. Куракина» и «Материалы для истории Гангутской операции».

Между тем в РГАДА имеется значительный массив источников, отчасти недавно изданных[8], которые до сих пор не введены в научный оборот и которые проливают свет на историю Брауншвейгского конгресса и его роль в международных переговорах того времени.

Соглашение о созыве Брауншвейгского конгресса было достигнуто между европейскими дипломатами осенью 1713 г. В грамоте от 27 ноября 1713 г. кайзер Священной Римской империи Карл VI сообщал Петру I об этом и отмечал о своем намерении добиться на этом конгрессе примирения членов Северного союза и Швеции[9]. Первое заседание состоялось 21 марта 1714 г. В начале работы на Брауншвейгском конгрессе рассматривался лишь вопрос о конфликте между Голштейном-Готтенторпом и Данией. Проблема заключалась в том, что войска последней осадили г. Тённинг, находившийся на территории Голштин-

[2] Соловьев 1993, 26–34.
[3] Тарле 1958; Тарле 1962.
[4] Потемкин (ред.) 1941.
[5] Молчанов 1986, 323; Никифоров 1950.
[6] Стерликова 2006.
[7] Стерликова 2007.
[8] Лаптева, Рычаловский (ред.) 2022.
[9] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 32.Оп. 4 (1713 г.). № 20. Л. 1.

ского герцогства, где укрылся с шведской армией генерал М. Стенбок. Но постепенно Брауншвейгский конгресс, начавшийся из частного случая, превратился в широкий европейский дипломатический форум, на котором была предпринята попытка закончить Северную войну, заключив мир между Россией и Швецией. В конгрессе принимали участие представители Австрии, Дании, Польши-Саксонии, Пруссии, Ганновера и России.

Представителем России на Брауншвейгском конгрессе в январе 1714 г. царским указом был назначен один из ведущих русских дипломатов, посол в Гааге – князь Б. И. Куракин[10]. Русский канцлер Г. И. Головкин 18 января извещал об этом князя Куракина, а также посла России в Пруссии А. Г. Головкина. Кандидатура последнего, очевидно, первоначально была предложена на пост уполномоченного России на конгрессе, но была отклонена царем. Куракин должен был явиться в Брауншвейг инкогнито, и перед ним ставилась задача «предостерегать интересы царского величества и по всякой возможности от партикулярного миру союзников»[11]. Кроме того, Куракину поручалось в «голштейнском деле» «чинить вспоможение министром датцким» и в случае прибытия на конгресс шведских представителей начать с ними переговоры о мире[12].

Б. И. Куракину были даны широкие полномочия. В частности, они предполагали возможность заключения мира со Швецией независимо от того, прибудут ли представители от короля Карла XII, пребывавшего в то время в Османской империи, или от шведского правительства в Стокгольме. Кроме того, Б. И. Куракин должен был вести переговоры с кайзером о возможности последнего принудить Швецию к заключению мирного договора[13]. Б. И. Куракину предписывалось явиться на конгресс «без замедления», даже если император не согласится «трактовать о мире», чтобы «в отбытности вашей ничего тамо не могло к предосуждению его царского величества интересом учиниться». От непосредственных переговоров по голштейн-готтопрскому вопросу и других внутриимперских дел Петр I рекомендовал Куракину уклоняться, оставляя их «на волю и благоизобретение союзников»[14].

О том, что Петр I наделил Куракина широкими полномочиями, свидетельствует не только официальная переписка, но и дипломатические документы. В частности, в верительной грамоте от 30 апреля говорится: «Вся протчая

[10] Лаптева, Рычаловский (ред.) 2022, 33–35.
[11] Там же, 35–38.
[12] Там же.
[13] Куракин 1902, 102–103.
[14] Там же, 103.

принадлежащее к нашим интересом, так свободно и пространно чинить, якобы мы сами то присутственно чинили или чинить могли»[15].

Предполагалось, что русский представитель на Брауншвейгском конгрессе пробудет до нескольких месяцев, в связи с чем сверх обычного жалования ему ежемесячно полагались значительные дополнительные средства. Последние в размере 5 тыс. ефимков должны были передаваться через царского агента в Нидерландах Я. Любса «на подъем и на экипаж, да сверх того, на иждивение»[16]. Из документов РГАДА известно, что вследствие краткого времени пребывания в Брауншвейге Куракин получил лишь первый трансферт[17].

Сам Б. И. Куракин скептически относился к возможностям переговоров со Стокгольмом и до последнего не собирался присутствовать в Брауншвейге[18]. Более того, ему на какое-то время даже удалось убедить Петра I, который разрешил ему не покидать Гаагу, «пока от короля швецкого или от правительства его министры швецкия к трактованию о миру между северными воюющими туда не пребудут» или кайзер свой волей навяжет Карлу XII мир[19]. В конечном счете, так и не дождавшись реализации ни одного из этих вариантов, Б. И. Куракин в середине апреля выехал в Брауншвейг.

Помимо него на конгресс был направлен второй уполномоченный – русский посол в Ганновере барон Ю. К. Шлейниц. Ему были даны более узкие полномочия. Прежде всего, он должен был наблюдать за ходом переговоров: «наш интерес притом острегать и все предложения, которые ему до нас и наших принадлежностей касающиеся там ученены бысть могут», фиксировать и обо всем доносить в Петербург. Кроме того, всему, что он будет «имянем нашим предлагать будет, полную веру яли»[20]. Во внутриимперских вопросах ему надлежало держать сторону кайзера, во гольштейн-готтопрском вопросе Шлейницу рекомендовалось «министром короля датского чинить вспоможение, однакож удерживая их от великих и чрезмерных запросов». Главной задачей этого дипломата было противодействие возможным попытками Саксонии-Польши в лице Августа II и Дании заключить сепаратный мир со Швецией[21].

А. А. Стерликова обнаружила в фонде № 96 («Сношения со Швецией») РГАДА «Полномочие князю Куракину, отправленному в Брауншвейг» (14 апреля 1714 г.), представляющее собой официальные условия мирного урегулирования на Севере, исходящие со стороны России. Петр I требовал присоединения к своим владениям Карелии и Ингерманландии «со всеми городами и

[15] Лаптева, Рычаловский (ред.) 2022, 210–218.
[16] Куракин 1902, 102–103.
[17] Лаптева, Рычаловский (ред.) 2022, 232.
[18] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 147–155 об.
[19] Там же.
[20] Лаптева, Рычаловский (ред.) 2022, 169–170.
[21] Куракин 1902, 104.

крепостями к тому принадлежащими», Нарвы, Эстляндии с Ревелем, Выборга и «часть Финляндии, даже до города Гелзинфорс». Не забывал русский царь и о своих союзниках. Августу II предполагалось передать Лифляндию с Ригой. Содержалось требование предоставить «сатисфакцию» и датскому монарху, в противном случае Петр I не соглашался на ведение переговоров[22].

Сохранился документ, в котором Б. И. Куракин просил Петра I скорректировать инструкции по наиболее важным вопросам. В частности, Б. И. Куракина интересовало, как действовать в случае, если послы прибудут с полномочиями не от короля Карла XII, а только от шведского Сената. В подобной ситуации Петр I предлагал использовать тактику затягивания времени: «Описываца, а не заключать и не отказывать»[23]. Второй вопрос, который интересовал Б. И. Куракина, заключался в том, использовать ли посредничество Франции, Священной Римской империи и других стран в случае отказа шведских представителей заключать мир с Россией под предлогом отсутствия полномочий со стороны своего монарха. В этом случае Петр I советовал никому не отказывать и придерживаться той же тактики, что и с первым вопросом: «С согласия союзников и доброжелательных поступать. Однакож, как мочно, удалятца»[24].

Как следует из письма Б. И. Куракина Г. И. Головкину от 16 апреля, российский уполномоченный прибыл в Брауншвейг 13 апреля 1714 г. Проездом он побывал в Ганновере, где успел повидаться с министром правительства курфюрста Георга I бароном А.-Г. Бернсдорфом. В документе не сообщается о предмете их разговора, однако оно примечательно в общем контексте в связи со сближением, которое в это время наметилось между Россией и Ганновером. Со стороны России фактически шла речь о восстановлении Северного союза на новой, расширенной основе. Помимо склонения Дании и Саксонии-Польши, ранее выведенных из войны Карлом XII, Петр I стремился присоединить к антишведскому альянсу Пруссию и Ганновер. Курфюрст Георг I, как и многие другие северогерманские князья, желал изгнания шведов из Империи и выражал готовность присоединиться к Северному союзу. Естественно, что помимо недовольства давним продвижением Швеции на юг он имел и конкретные территориальные интересы. Ганноверу для своего развития был жизненно необходим выход к Северному морю. Для этого требовалось приобрести герцогства Верден и Бремен, переговоры о которых активно велись с Петербургом, так как Россия была единственной силой на международной арене, которая могла гарантировать сохранение за курфюрстом этих земель после окончания

[22] Стерликова 2007, 206.
[23] Куракин 1902, 117–118.
[24] Там же.

Северной войны[25]. Скорее всего, эти планы обсуждались Куракиным в Брауншвейге. По крайней мере, Куракин упоминает в своей переписке с русским канцлером о беседах с уполномоченным представителем Ганновера[26].

Направляя Куракина на конгресс, Петр I не исключал того, что Карл XII уклонится от заключения мира. Ввиду этого было необходимо укрепить Северный союз. В начале 1714 г. начались переговоры о совместных военных действиях против Швеции. Они продолжались и во время пребывания Куракина в Брауншвейге. Еще зимой 1714 г. в Копенгаген в помощь русскому послу В. Л. Долгорукому был направлен царский эмиссар П. И. Ягужинский. Перед ним была поставлена задача склонить датского короля Фредерика IV к более активным боевым действиям против Швеции в военную компанию, планируемую на лето 1714 г. В письме В. Л. Долгорукого Петру I от 13 июня сообщается о предоставлении датчанами нескольких фрегатов, которые должны были поддерживать коммуникацию между флотами союзников. Далее, в случае если шведский флот блокирует выход русских кораблям из Финского залива, предполагалось с датской стороны послать «силной эшквадр в синус финикус [Финский залив], который бы мог отбить эшквадр швецкой» и «учинить безопасной выход в море флоту царского величества». В ответ в Копенгагене заявили, что не могут выполнить эту часть операции, «для того что тамо мало воды на болшие корабли», и предложили свой вариант: «весь дацкой станет линеею в том месте, которое между Стекхолма и островов Озеля или Даго, и заслонят собою весь проход в море» для судов Карла XII. В конечном счете датская сторона направила в помощь русскому флоту военную эскадру под командованием вице-адмирала Рига, «о котором сказывают, что человек гораздо обыкновенной к морским действам». Последний должен был указать русскому командованию удобные места на шведском побережье для высадки десанта[27]. Планировалось, что одновременно русские войска начнут активно действовать в Финляндии[28].

Взяв на себя столь серьезные обязательства, датский король Фредерик IV пытался выторговать для себя значительную военную помощь со стороны России. Он обязал Петра I выделить под свое командование вместо 1 тыс. пехоты такого же числа конницы под предлогом, что «от недостатку кавалерии последняя Гелезенбургская баталия проиграна». Требования копенгагенского двора порой доходили до мелочей: российская сторона для совместного десанта в Сконе должна была выделить от 200 до 300 тягловых лошадей, – и даже

[25] Соловьев 1993, 33–34.
[26] Куракина 1902, 106.
[27] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. № 20. Л. 335(320)–342(327).
[28] Лаптева, Рычаловский (ред.) 2022, 503–504.

оговаривалось предоставление Россией датским войскам лопат, заступов и другого шанцевого инструмента. Провиант и амуницию для датских эскадр также должна была поставить Россия[29].

Однако в конечном счете все усилия русской дипломатии в целом и Ягужинского в частности склонить Фредерика IV к активным военным действиям пали втуне. В грамоте от 4 июня 1714 г. датский монарх объявлял Петру I, что не может участвовать в военных действиях против Швеции ни на суше, ни на море. В первом случае Фредерик IV опасался удара с юга со стороны Пруссии и, таким образом, войны на два фронта, во втором – отговаривался тем, что время для морских наступательных действий упущено, так как Карл XII уже успел вооружить свой флот[30]. Кроме того, Фредерик IV намекал на необходимость выплаты жалования своим матросам, рассчитывая на русские субсидии, дабы «паче доволная трудность есть для неплатежа им их от возмущения удержать»[31].

Достоверно известно, что помимо ганноверского и датского представителей на Брауншвейгском конгрессе Куракин встречался с тайным советником саксонского курфюрста и польского короля Августа II Я. Г. Флемингом. Предметом их бесед послужила информация, полученная русским дипломатом по правительственным и дипломатическим каналам, о переговорах, касающихся заключения сепаратного мира Саксонии-Польши со Швецией. Еще в феврале 1714 г. Петр I писал о своей тревоге по поводу происков шведской дипломатии. Он отмечал два обстоятельства, которые вызывают у него большие подозрения. Во-первых, Фридрих Август II имеет «особу некоторую под именем администратора Голстенского при шведах»[32]. Во-вторых, польский король заключил договор о дружбе с Францией, о чем не уведомил петербургский двор, «также и письменнаго мемориала не хотел дать, что оной трактат не ко вреду нам»[33]. 26 февраля русский посол в Вене А. А. Матвеев сообщал в Петербург, что Август II, которого он называл «злохитрым королем», продолжает свои прошведские интриги, дабы получить от Стокгольма компенсации «за понесенные от Шведа в Саксонии разорения»[34]. Для Августа II было также крайне важно добиться, чтобы Карл XII признал его польским королем и прекратил поддержку Станислава Лещинского. К началу апреля стало известно, что «король полской заподлинно заключил со Шведом трактата, в котором он признан за короля от Шведа»[35].

[29] РГАДА. Ф. 53. Оп. 4. № 26. Л. 1–5.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Лаптева, Рычаловский (ред.) 2022, 81–82.
[33] Там же.
[34] РГАДА. Ф. 32. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 117–118.
[35] Лаптева, Рычаловский (ред.), 398–400.

Во время встреч с Куракиным в Брауншвейге Я. Г. Флеминг заявил о «неправых разглашениях» по поводу партикулярных переговоров его монарха с Швецией и просил Б. И. Куракина, чтобы тот «двору учинил противное тому доношение». Но в письме Г. И. Головкину последний докладывал, что «весьма то есть правда», и дополнительно сообщал о наметившемся антирусском союзе в лице Швеции, Саксонии и Польши[36]. Подтвердились также слухи о попытках присоединиться к этому союзу также и Пруссии. Однако камнем преткновения в переговорах оказались территориальные претензии, поскольку прусский монарх Фридрих-Вильгельм I желал присоединить к своим владениям Померанию со Штеттином, который входил в имперские владения Карла XII[37].

8 мая 1714 г. Г. И. Головкин сообщал Б. И. Куракину о поддержке прусским королем, заверявшем русское правительство о своей полной лояльности, проекта исходящего от ганноверского правительства о полном вытеснении Швеции из пределов «Цесарства» и раздела ее немецких владений между имперскими чинами. Предполагалось передать Штеттин с округой Пруссии, часть Шлезвига, г. Штральзунд и о. Рюген – Дании, герцогу голштинскому в качестве компенсации потери Шлезвига – часть Бременского герцогства. Другая его часть должна была достаться курфюрсту Ганновера. Висмар по этому плану должен стать вольным городом, «ибо таким образом и цесарю некоторой авантаж истого был бы»[38]. Петр I поддержал этот проект и приказал всем своим дипломатам, аккредитованным при европейских дворах и особенно князю Куракину и барону Шлейницу как русским уполномоченным на Брауншвейгском конгрессе «той негоциации вспомоществовать»[39]. В том же письме сообщалось и о главной причине поддержки русским правительством этого оказалось бы далекого от его интересов плана: «Дабы тем короля прусского от противной партии отвратить»[40].

Впрочем, и у союзников были подозрения о заключении Россией сепаратного мира с Карлом XII. 15 мая 1714 г. Б. И. Куракин сообщал русскому послу в Дании В. Л. Долгорукому о циркулировавших в Польше слухах, «будто его царское величество дал мне указ здесь трактовать о миру партикулярно с Короною Швецкою»[41]. Со своей стороны, Б. И. Куракин поручил русскому послу при польском дворе А. И. Дашкову «деклеровать, что сие разглашение есть неправое и что я никаких указов от двора своего о том не имею и никогда его

[36] Куракин 1902, 114–115.
[37] Там же, 115.
[38] Там же, 116.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] Лаптева, Рычаловский (ред.), 761.

царское величество, отлучась от своих алиатов, партикулярного миру чинить не желает»[42].

В конечном счете Б. И. Куракин, пробыв несколько дней на Брауншвейгском конгрессе и не дождавшись шведских представителей, в начале мая вернулся в Гаагу. Дальнейшие переговоры шли за рамками этого дипломатического форума. В июне 1714 г. конгресс прервал свою работу. Она возобновилась лишь в сентябре того же года и продолжалась до осени 1717 г. Представителем России на нем оставался Ю. К. Шлейниц, но вопрос о мире между Россией и Швецией на нем больше не поднимался.

В первых письмах после возвращения из Брауншвейга Б. И. Куракин сообщал канцлеру Г. И. Головкину и русскому послу в Вене А. А. Матвееву о попытках британского посла в Гааге графа У. Стаффорда выступить в качестве посредника в переговорах между Санкт-Петербургом и Стокгольмом[43]. В частности, У. Стаффорд заявил, что Лондон не против заключения русско-шведского мирного договора, но прежде между воюющими сторонами должно быть заключено перемирие. Кроме того, британский дипломат оказывал давление на Генеральные штаты, дабы Нидерланды поддержали его предложение[44]. Б. И. Куракин, однако, справедливо полагал, что за этим требованием скрывается попытка дать передышку Карлу XII, чтобы он с новой силой мог обрушиться на Северный союз[45]. Кроме того, британская дипломатия делала все, чтобы по итогам мирных переговоров Россия могла рассчитывать не более чем на получение Нарвы и Выборга[46]. Неслучайно поэтому лорд У. Стаффорд стремился, чтобы переговоры о мире были перенесены из Брауншвейга в Гаагу или Утрехт, где обе враждующие стороны оказались бы под сильным давлением Великобритании и Нидерландов[47].

Помимо дипломатического давления на Россию официальный Лондон прибегал к угрозе использования военной силы. В частности, лорд У. Стаффорд угрожал в случае, если русские войска войдут в Стокгольм и Россия с Данией разделят Шведскую территорию между собой, послать в «Балтическое море» сильную морскую эскадру для действий против союзников. К этой операции британская дипломатия пыталась привлечь также Францию и Нидерланды[48]. В Лондоне и Гааге опасались, что в случае полного разгрома армии и флота короля Карла XII Россия может чрезвычайно усилиться и станет представлять угрозу их внешнеполитическим и торговым интересам. В свя-

[42] Там же.
[43] Куракин 1902, 118.
[44] Там же.
[45] Лаптева, Рычаловский (ред.), 759–761.
[46] Там же, 761–762.
[47] Там же, 447–450.
[48] Там же, 759–761.

зи с этим важной задачей русской дипломатии была нейтрализация этих двух морских держав.

Таким образом, российской стороной возлагались определенные надежды на Брауншвейгский конгресс в деле окончания Северной войны и окончательного приобретения ею имперского статуса. Уполномоченным Петра I на этом международном форуме был назначен один из лучших русских дипломатов – князь Б. И. Куракин. Россией была предложена программа мирного урегулирования со Швецией. В случае невозможности заключения мира официальный Петербург ставил перед собой следующие задачи. Прежде всего, было необходимо укрепить Северный союз, не допустив сепаратного мира саксонского курфюрста и польского короля Августа II и датского монарха Фредерика IV со Швецией. Петр I также стремился расширить ряды своих союзников, присоединив к ним Пруссию и Ганновер. Наконец, русские дипломаты стремились нейтрализовать морские державы (Великобританию и Нидерланды), поскольку к 1714 г. сложилась опасная ситуация возможности их вступления в Северную войну на стороне Швеции.

Литература / References

Голиков 1838 = *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. Т. 4. М., 1838. 408 с.
Golikov I. I. Deyaniya Petra Velikogo [Deeds of Peter the Great]. Vol. 4. Moscow, 1838. 408 p.

Куракин 1902 = Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1902. Кн. 10. 478 с.
Archiv knyazya F. A. Kurakina [Archive of Prince F. A. Kurakin]. St. Petersburg, 1902. Book 10. 478 p.

Лаптева, Рычаловский (ред.) 2022 = Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 14 (январь – июнь 1714 г.) / отв. ред. *Т. А. Лаптева*, *Е. Е. Рычаловский*. М., 2022. 928 с.
Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Vol. 14 (January – June 1714) / ed. by *T. A. Lapteva*, *E. E. Richalovsky*. Moscow, 2022. 928 p.

Молчанов 1986 = *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1986. 438 с.
Molchanov N. N. Diplomatiya Petra Velikogo [The Diplomacy of Peter the Great]. Moscow, 1986. 438 p.

Никифоров 1950 = *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. 279 с.
Nikiforov L. A. Russko-angliyskie otnosheniya pri Petre I [The Anglo-Russian Relations during the Reign of Peter I]. Moscow, 1950. 279 p.

Потемкин (ред.) 1941 = История дипломатии / под ред. *В. П. Потемкина*. Т. 1. М., 1941. 566 с.
Istoriya diplomatii [The History of Diplomacy] / ed. by *V. P. Potemkin*. Vol. 1. Moscow, 1941. 566 p.

Соловьев 1883 = *Соловьев В. М.* Сочинения. Кн. 9. Т. 17–18. М., 1993. 671 с.
Soloviyov V. M. Sochineniya [The Works]. Book 9. Vols. 17–18. Moscow, 1993. 671 p.

Стерликова 2006 = *Стерликова А. А.* Русская дипломатия в 1716 – начале 1718 г.: поиск выхода из Северной войны: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006. 386 с.
Sterlikova A. A. Russkaya diplomatiya v 1716 – nachale 1718: poisk vyhoda iz Severnoy voyni [The Russian Diplomacy of 1716 – the beginning of 1718: the Search of the Way Out of the Northern War]: PhD thesis. St. Petersburg, 2006. 386 p.

Стерликова 2007 = *Стерликова А. А.* Брауншвейгский конгресс // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007. С. 202–212.
Sterlikova A. A. Braunshveygskiy kongress [The Brunswick Congress] // Severnaya voyna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoy chetverti XVIII v. [The Northern War, Saint Petersburg and Europe of the First Quarter of XVIII c.]. St. Petersburg, 2007. P. 202–212.

Тарле 1958 = *Тарле Е. В.* Северная война и шве дское нашествие на Россию. М., 1958. 480 с.
Tarle E. V. Severnaya voyna i shvedskoe nashestvie na Rossiu [The Northern War and the Swedish Invasion in Russia]. 1958. 480 p.

Тарле 1962 = *Тарле Е. В.* Русский флот и внешняя политика Петра I / *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. 12. М., 1962. С. 115–201.
Tarle E. V. Russkiy flot i vneshnayya politika Petra I [the Russian Navy and the Foreign Policy of Peter I] / *Tarle E. V.* Sochineniya [The Works]. Vol. 12. Moscow, 1962. P. 115–201.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ СВОБОДЫ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ XVIII ВЕКА

Егор Павлович Макаров

Об авторе:

кандидат исторических наук

ORCID: 0000-0002-1105-0260
ResearcherID: D-8463-2014
РИНЦ AuthorID: 741202

Аффилиация:

Самарский государственный технический университет

Электронная почта:
egor.makarov.esq@gmail.com

В статье анализируется политическое и общественное развитие американских колоний Великобритании в XVIII века, обусловленное наличием видимых центробежных и центростремительных сил колониальной политико-экономической системы. Важнейший для колоний вопрос прав и свобод рассматривается в контексте социально-политической и культурной консолидации американских провинций и их постепенной радикализации до начала Американской войны за независимость. Исследование концентрируется на изучении роли и места локальных политических структур в процессе роста самосознания американского общества, а также отдельно выделяется место религиозных свобод и вопросов веры в жизни населения британской Америки.

Ключевые слова: восемнадцатый век, Североамериканские колонии, Великобритания, колониальная политика, плюрализм, религиозные свободы.

Для цитирования:
Макаров Е. П. Политические и религиозные свободы в британских колониях Северной Америки XVIII века // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 145–151. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.011

POLITICAL AND RELIGIOUS FREEDOM IN THE AMERICAN COLONIES OF THE GREAT BRITAIN IN THE XVIIITH CENTURY

Egor P. Makarov

About the author:

PhD in History

ORCID: 0000-0002-1105-0260
ResearcherID: D-8463-2014
РИНЦAuthorID: 741202

Affiliation:

Samara State
Technical University

Email:
egor.makarov.esq@gmail.com

The article analyzes the political and social development of the American colonies of Great Britain in the XVIIIth century, determined by visible centrifugal and centripetal forces of the colonial political and economic system. The most important issue of rights and freedoms for the colonies is considered in the context of the socio-political and cultural consolidation of the American provinces and their gradual radicalization before the start of the American War of Independence. The study focuses on the analysis of the role and place of local political structures in the process of the growth of the self-awareness of American society, it also highlights the place of religious freedoms and issues of faith in the life of the population of British America.

Keywords: eighteenth century, North American colonies, Great Britain, colonial policy, pluralism, religious freedom.

For citation:
Makarov E. P. Political and Religious Freedom in the American Colonies of the Great Britain in the XVIIIth Century // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 145–151. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.011

Британская история XVIII в. демонстрировала, что непрерывный рост процессов потребления и увеличение объемов товарооборота до определенной степени сближали колонии и метрополию, однако существовавшие политические практики и отдельные правительственные нововведения, напротив, отдаляли их друг от друга. Воззрения колониального сообщества относительно европейских реалий того времени исходили из того, что демократические тенденции часто помогали выстраивать скорее олигархии, нежели республики, поскольку лишь представители элит допускались к занятию выборных по своей изначальной сути должностей. В большинстве государств Европы не проводились регулярные выборы, и в этом плане Великобритания и Голландия были исключением из общеевропейского правила. Но даже в этих странах к голосованию допускалась лишь незначительная часть общества[1].

В североамериканских провинциях Великобритании напротив, избирательное право было более распространенным, а в дополнение к расширению электорального поля колониальные органы власти имели серьезное влияние на практически все аспекты общественной жизни локального сообщества. Местные собрания и законодательные органы принимали участие в регулировании коммерческих отношений, ведали вопросами строительства, поддерживали приемлемое состояние коммуникационной сети, а также решали вопросы образования и просвещения[2]. Общий рост населения и усложнение системы общественных отношений постепенно приводили к возрастанию количества судебных исков, что отражалось на усилении позиций местных судебных инстанций и повышении престижа суда присяжных как важного социально-политического института. В американских реалиях XVIII в. становилось очевидно, что фигура юриста играла важную роль в политико-правовых и экономических процессах[3].

В политико-культурном плане американское общество было менее жестко контролируемым по сравнению с европейским, и это обстоятельство стало благодатной почвой для возникновения множества групп интересов. Общественные объединения могли возникать не только по экономическим причинам. Классовые основы сближения в этом вопросе сопутствовали этническим и религиозным факторам. Одной из важных черт колониальной поли-

[1] Weiss 1970, 770–785.
[2] West 1978, 1–15.
[3] Main, Main 1988, 27–46.

тической культуры являлось отсутствие стабильных и четко определяемых политических партий. Сущность колониальной политической борьбы практически всегда преимущественно ограничивалась спорами между местными выборными собраниями, с одной стороны, и королевским губернатором и его ближайшим окружением – с другой. Основным критерием разделения внутри народно-представительных законодательных органов американских провинций была фракционная принадлежность либо к сторонникам, либо к противникам проводимого губернатором курса[4].

Политические структуры колоний различались по принципу ключевого элемента в организации власти на местах. Провинции первого типа, такие как Нью-Хэмпшир, Виргиния, Нью-Йорк, Джорджия, Северная и Южная Каролина, жестко контролировались короной через губернаторов, которые имели право накладывать вето на любые решения местных законодательных собраний. Провинции второго типа, такие как Пенсильвания, Нью-Джерси, Мэриленд и Делавэр имели схожие рычаги контроля, но губернатор в данном случае назначался лордом-владельцем колонии, который получил свои собственнические права непосредственно от короля. Провинции третьего типа, такие как Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд, имели наиболее сложную систему управления, поскольку основывались корпорациями, имевшими королевский патент на обладание территориями и установление самоуправления через собственные народно-представительные органы. Подобные колонии имели уставные хартии, на местах ассоциировавшиеся с конституциями и четко разграничивавшие полномочия судебной, законодательной и исполнительной ветвей власти[5].

Британская колониальная политика выстраивалась таким образом, чтобы рядом с фигурой губернатора находилось колониальное правительство, формировавшееся губернаторским советом и местным собранием. Совет ассоциировался с кабинетной политикой высшего колониального чиновника, контролировавшего работу следовавших за ним по рангу чиновников, к примеру генерального прокурора и главу сил колониальной обороны. Законодательные собрания формировались наиболее заметными и богатыми представителями локальных элит, главной целью работы которых изначально провозглашалось обеспечение соответствия колониальных законов общему политико-правовому полю метрополии. Местные законодательные собрания утверждали новые налоги и ежегодные бюджеты и в то же время выступали своеобразным политическим противовесом, ограничивавшим власть губернатора[6].

[4] Макаров 2021, 61–67.
[5] Lindert 2016, 54–77.
[6] Henderson 1990, 90–114.

Выборность местных собраний основывалась на позитивно воспринимавшихся идеях народного представительства и гражданского долга, дававших местному населению неотъемлемое право влиять на исполнительную власть посредством голосования, уплаты налогов и сборов, а также службы в подразделениях колониальной обороны. Американское колониальное сообщество в целом одобряло фундаментальные основы идеи общественного договора и, несмотря на контроль колониальной политики со стороны британских элит, на практике следовало идеям Т. Гоббса и Дж. Локка, выводило на первый план понятие всеобщего равенства перед законом[7].

Изначальный постулат о неприятии особого отношения к любым членам колониального сообщества на практике трактовался по-разному в отношении небелого порабощенного населения, коренных народов и женщин. Вопрос о роли женщины в семье был чрезвычайно важен для американского общества, поскольку с самого начала колонизационного процесса доступность земельных угодий и обилие природных ресурсов стимулировали вступать в брак в раннем возрасте. Крупные патриархальные семьи были распространенным явлением на протяжении практически всего колониального периода, но постепенное религиозное регулирование моральных основ семейных отношений внесло свои коррективы. Колониальное понимание основ христианского вероучения побуждало местных жителей к новому взгляду на романтическую любовь, при котором брак стал рассматриваться прежде всего как эмоциональные отношения, а не как преимущественно экономическое партнерство[8].

Колониальная культура печати включала множество факторов, влиявших на редакционную и издательскую деятельность, включая отношения между авторами и издателями, технические ограничения возможностей колониальных печатников, а также социальный литературный запрос локального сообщества. Учитывая существовавшие региональные различия в доступе к печатной продукции, стоит отметить, что все колонии без исключения сталкивались с реальностью государственной цензуры в случаях, когда публикации затрагивали острые политические проблемы. Социально-политическая реальность Виргинии долгое время отражалась фразой У. Беркли, в 1671 г. отметившего, что в колонии нет ни бесплатных школ, ни печатных изданий, поскольку образование учит непослушанию, а печать подобные идеи распространяет. По иронии судьбы именно распространение политической публицистики, в которой критиковалась некомпетентность губернатора У. Беркли, стало важным фактором популярности мятежных лозунгов восстания Н. Бэкона. Только после смерти У. Беркли в 1677 г. в южных колониях были возрождены печатные

[7] Макаров 2022, 95–102.
[8] Bjork 1964, 541–560.

традиции. Первой попыткой стало открытие в 1682 г. типографии У. Натхэда, а с 1726 г. аннаполисские типографии У. Паркса стабильно снабжали Чесапикский регион печатной продукцией. Пуританская культура Новой Англии отличалась уважительным отношением к печатной деятельности. Книги религиозного содержания активно распространялись в колониях, часто продаваясь отдельными листами, главами или переплетенными экземплярами. С 1639 г. работала типография С. Дэя, уделявшая особое внимание не только печати привычной христианской литературы для местного сообщества, но также предпринимавшая попытки издания Библии для просвещения сопредельных племен алгонкинов. Массачусетс оставался основным центром колониальной печати более ста лет, пока Бостонские издатели не уступили позиции своим коллегам из Пенсильвании. Становление Филадельфии в качестве столицы колониальной печати объяснялось успехом издательского бизнеса Б. Франклина и волнами германской иммиграции, сформировавшими спрос и предложение колониальной германоязычной прессы и публицистики. Типографии Б. Франклина были частью его социально-политических и образовательных проектов, в частности создания сети библиотек. Инициативы, с которыми Б. Франклин выступал в американском публичном пространстве, находили множество последователей, и насыщение общества непрерывным потоком газет, памфлетов и книг, шло рука об руку с ростом политической культуры американского общества. Одним из подтверждений данной тенденции можно считать ажиотаж вокруг «Здравого смысла» Т. Пейна, изданного типографией Р. Белла и разошедшегося многотысячным тиражом[9].

Споры о допустимой степени религиозного свободомыслия продолжались на протяжении всего XVIII в., ставя в центр дискуссии вопрос о том, может ли американское колониальное сообщество быть носителем нового религиозного опыта. Христианское возрождение американских колоний, известное как «великое пробуждение», не было однородным процессом и началось в конгрегационалистских церквях Новой Англии в 1730-е гг., а в последующие десятилетия распространилось среди общин пресвитериан, баптистов и методистов. В непохожих друг на друга христианских общинах Америки прихожане обсуждали возможность установления более правильного с мировоззренческой точки зрения порядка вещей, где благочестивый образ жизни обеспечивал бы людям меньшее погружение в мирские заботы. Американские проповедники XVIII в. активно поощряли подобные стремления и направляли людей на построение лучшего, справедливого общества[10].

[9] Dickerson 1951, 453–468.
[10] Lawson 1980, 561–576.

К 1760-м годам религиозное возрождение стало заметной частью колониальной культуры, оказав глубокое влияние на Америку. Религиозные лидеры побуждали людей подвергать сомнению окружающий их мир. Подобные идеи не только мягко реформировали отношение к религии в Америке, но также формировали культуру индивидуализма, которая в свою очередь стала предвестником изменений всей остальной общественно-политической системы британской Америки. Культура индивидуализма крепла наряду с самобытной культурой печати. В то время как Америка до войны не обладала глубоко олигархическими признаками, новая религиозная и политическая культура индивидуализма заложила основы общества с более выраженными республиканскими устремлениями. Тем не менее общественные трансформации не были быстрыми. Для всего американского сообщества к 1760-м гг. синтез культурных, экономических и политических элементов определил реальные изменения сущности социальной системы колоний и формирование политической нацией Америки. Политический и религиозный индивидуализм напрямую сказался на становлении новых идей о самоопределении – основы будущих призывов к политической независимости от метрополии. Последовавшая вскоре Американская война за независимость лишь подтвердила право американского общества на самоопределение.

Литература / References

Макаров 2022 = *Макаров Е. П.* Закон о гербовом сборе 1765 года в восприятии политической нации североамериканских колоний Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 1 (846). С. 95–102.

Makarov E. P. Zakon o gerbovom sbore 1765 goda v vospriyatii politicheskoy natsii severoamerikanskih koloniy Velikobritanii [The law on Stamp Duty of 1765 in the Perception of the Political Nation of the North American Colonies of the Great Britain] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. 2022. No. 1 (846). P. 95–102.

Макаров 2021 = *Макаров Е. П.* Историческое значение закона о патоке 1733 г. в политико-экономической жизни Виргинии XVIII в. // История государства и права. 2021. № 5. С. 61–67.

Makarov E. P. Istoricheskoe znachenie zakona o patoke 1733 g. v politiko-ekonomicheskoy zhizni Virginii XVIII v. [The Historical Significance of the Molasses Law of 1733 in the Political and Economic Life of Virginia in the XVIII Century] // Istoriya gosudarstva i prava [History of the State and Law]. 2021. No. 5. P. 61–67.

Bjork 1964 = *Bjork G. C.* The Weaning of the American Economy: Independence, Market Changes, and Economic Development // Journal of Economic History. 1964. No. 24 (4). P. 541–560.

Dickerson 1951 = *Dickerson O. M.* British control of American newspapers on the eve of the revolution // New England Quarterly. 1951. Vol. 24, No. 4. P. 453–468.

Henderson 1990 = *Henderson H. J.* Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760–1800 // William and Mary Quarterly. 1990. Vol. 47, No. 1. P. 90–114.

Lawson 1980 = *Lawson P.* George Grenville and America: The Years of Opposition 1765–1770 // William and Mary Quarterly. 1980. Vol. 37, No. 4. P. 561–576.

Lindert 2016 = *Lindert P. H., Williamson J. G.* American Colonial Incomes, 1650–1774 // Economic History Review. 2016. No. 69 (1). P. 54–77.

Main, Main 1988 = *Main G. L.*, *Main J. T.* Economic Growth and the Standard of Living in Southern New England, 1640–1774 // Journal of Economic History. 1988. No. 48 (3). P. 27–46.

Weiss 1970 = *Weiss R.* The Issue of Paper Money in the American Colonies, 1720–1774 // Journal of Economic History. 1970. No. 30. P. 770–785

West 1978 = *West R. C.* Money in the Colonial American Economy // Economic Inquiry. 1978. No. 16. P. 1–15.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛОМЕНИ ДЕ БРИЕННА, ГЛАВЫ КОРОЛЕВСКОГО СОВЕТА ФИНАНСОВ ФРАНЦИИ, ЛЕТОМ 1787 г.

Елена Александровна Куцева

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0001-6959-5215
РИНЦ AuthorID: 673331

Аффилиация:

Самарский государственный социально-педагогический университет

Электронная почта:
eakuceva@mail.ru

В статье на основе законодательной базы, документации парламентов и материалов французской и европейской прессы рассматривается положение во Франции летом 1787 г., когда правительство во главе с Ломени де Бриенном в результате финансового кризиса вынуждено проводить серию реформ, направленных как на пополнение бюджета, так и на общее развитие страны. За короткий период были разработаны и проведены ряд реформ. Первой становится административная реформа, с введением провинциальных собраний, цель которых помощь правительству на местах, уточнение количества налогоплательщиков и пропорциональное распределение налогов. Разрабатывается как документация по введению провинциальных собраний для каждой провинции отдельно, так и общий регламент с уточненными функциями собраний. И с лета 1787 г. собрания начинают свою деятельность. Они были созданы на основе принципа выборности для улучшения действия королевской власти на местах. Учреждая новые органы власти, правительство оставило прежнюю администрацию, создав еще более громоздкий механизм управления. Для развития торговли были введены меры по введению свободной торговли зерном и замены натуральной дорожной повинности денежным налогом. Для пополнения бюджета власти планировали введения новых налогов – гербового сбора и поземельного налога, распространенного на все земли Франции без исключения. Но так как новые налоги затрагивали интересы привилегированных сословий, они встретили сопротивление парламента, который используя право регистрации эдиктов, тормозил их введения. Власти в ответ применили принцип Королевского заседания, когда в присутствии короля парламент обязан зарегистрировать эдикты. Но парламент даже после этого сопротивлялся, считая регистрацию недействительной. Начинается конфликт между королем и парламентом, который закончился ссылкой парламента в Труа. Осознав, что власти не намерены возвращать парламентариев в Париж, в конце августа – начале сентября начинаются переговоры между парламентариями и правительством, их итогом стала отмена введения новых налогов и возвращения старых, до этого отмененных, – двух двацатин. Таким образом, летом 1787 г. правительство проводит ряд реформ, но введения новых налогов вскрывает конфликт между правительством и парламентом. Именно тогда выдвигается идея созыва Генеральных штатов, которые и приведут Францию к революции 1789 г.

Ключевые слова: Ломени де Бриенн, Провинциальные собрания, гербовый сбор, поземельный налог, отмена корве.

Для цитирования:
Куцева Е. А. Деятельность Ломени де Бриенна, главы королевского совета финансов Франции, летом 1787 г. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 152–166. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.012

ACTIVITIES OF LOMÉNIE DE BRIENNE, HEAD OF THE ROYAL COUNCIL OF FINANCE OF FRANCE, IN THE SUMMER OF 1787

Elena A. Kutseva

About the author:

PhD in History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0001-6959-5215
РИНЦ AuthorID: 673331

Affiliation:

Samara State University
of Social Sciences
and Education

Email:
eakuceva@mail.ru

The article, based on the legislative framework, documentation of parliaments and materials from the French and European press, examines the situation in France in summer of 1787, when the government led by Loménie de Brienne was forced to carry out a series of reforms as a result of the financial crisis, aimed both at replenishing the budget and for the overall development of the country. In a short period, a number of reforms have been developed and implemented. The first is the administrative reform, with the introduction of Provincial Assemblies, the purpose of which is to help the local government, clarify the number of taxpayers and establish proportional distribution of taxes. Documentation is being developed for the introduction of Provincial Assemblies for each province separately, as well as general regulations with clarified functions of assemblies. And beginning from summer of 1787, the meetings started their activities. These assemblies were created on the basis of the principle of election to improve the functioning of the royal power in the field. In establishing new authorities, the government abandoned the old administration, creating an even more cumbersome mechanism of governance. For the development of trade, measures were introduced to provide free trade in grain and to replace in-kind road service with a cash tax. To replenish the budget, the authorities planned the introduction of new taxes – the stamp duty and the land tax, extended to all the lands of France without exception. But since the new taxes had affected the interests of the privileged estates, they met the resistance of the Parliament, which, using the right to register edicts, hampered their introduction. In response, the authorities applied the principle of the Royal meeting, when in the presence of the king, parliament is obliged to register edicts. But even after that the Parliament resisted, considering the registration invalid. A conflict between the king and parliament once begun ended with the exile of parliament to Troyes. Realizing that the authorities did not intend to return the parliamentarians to Paris, in late August – early September, negotiations began between the parliamentarians and the government, their result was the abolition of the introduction of new taxes and the return of old taxes of two twenty, previously canceled. Thus, in summer of 1787, the government carried out a series of reforms, but the introduction of new taxes opened up a conflict between the government and Parliament. It was then that the idea of convening the States General was put forward, which would lead France to the revolution of 1789.

Keywords: Loménie de Brienne, Provincial Assemblies, stamp duty, land tax, abolition of corve.

For citation:
Kutseva E. A. Activities of Loménie de Brienne, Head of The Royal Council of Finance of France, in the summer of 1787 // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 152–166. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.012

В 80-е гг. XVIII в. во Франции происходит ухудшение политического и экономического положения. Калонн, будучи генеральным контролером финансов, в 1786 г. предлагает королю план реформ и созыв Собрания нотаблей, которое должно одобрить правительственные реформы на пути выхода из кризиса. Но ситуация вышла из-под контроля. Складывается оппозиция нотаблей, одним из лидеров которой был председатель Собрания нотаблей архиепископ Тулузский Ломени де Бриенн. В результате сопротивления нотаблей предложенноиу плану реформ король вынужден отправить в отставку Калонна в апреле 1787 г., а спустя месяц назначить Ломени де Бриенна главой министерства[1]. Назначение архиепископа Тулузского главой Королевского финансового совета нашло отражение во французской и европейской прессе[2].

Несмотря на критику проекта реформ Калонна, архиепископ Тулузский осознавал необходимость изменений в стране. Огромный долг Франции был тяжелым бременем для бюджета страны, а налоги в основном платило третье сословие. К лету 1787 г. Ломени де Бриенном был разработан план реформ, в основу которого будут взяты доработанные положения Калонна, озвученные им на Собрании нотаблей в феврале – мае 1787 гг.[3] Чтобы провести реформы, нужно было пройти традиционную регистрацию эдиктов в парламенте. Французские парламенты находились в оппозиции королевской администрации и старались предотвратить все изменения в налоговой сфере, защищая в первую очередь привилегированные сословия, но апеллируя к народу.

Одной из первых была реализована административная реформа. Предлагалось вводить новые органы власти – провинциальные собрания. Еще Неккером в 1778–1779 гг. вводились пробные собрания в генеральствах Берри и Верхняя Гиень. На Собрании нотаблей идея создания новых органов провинциальной администрации в целом была одобрена[4].

Целью административной реформы было создание выборных коллегиальных органов местного самоуправления, которые отчасти получали функции интенданта и субделегата по вопросам распределения и контроля налогов, контролирования дорожных и общественных работ в провинции[5]. Вводился принцип выборов на основе имущественного ценза в провинциальные собрания. Король установил, что представители третьего сословия получали двойное представительство в них[6]. Об этом высказывались и ряд бюро на Собрании нотаблей[7].

---

[1] Maloir 2019, 104.
[2] De Versàilles, le 6 Mai 1787, 169; France, Versailles le 2 Mai 1787, 77.
[3] Doyle 2009, 162; Hardman 2000, 87.
[4] Doyle 2012, 104.
[5] Веремчук 2009, 73.
[6] Чудинов 2013, 138.
[7] Observations 1787.

Провинциальные собрания стали создавать летом 1787 года в большинстве выборных округов (*élections*) на основе выборов. Законодательной базой стали эдикты о создании провинциальных собраний для каждой провинции отдельно, которые вводились на протяжении лета и осени 1787 г. За основу был взят регламент о создании провинциального собрания в Шампани от 23 июня 1787 г.[8]

Перед собраниями была поставлена цель – более точного распределения налогов и исполнения задач, поставленных королевской администрацией перед провинциями. Предполагалось, что провинциальные собрания будут создаваться во всех провинциях Франции, где не было провинциальных штатов и с учетом местных традиций. После них ниже по статусу идут окружные и муниципальные собрания, которые отчитываются перед провинциальными собраниями[9]. В промежутках заседаний собраний их функции будут исполнять промежуточные комиссии. В их состав входили представители трех сословий Франции, которые платили налог в провинциях и общинах округа. Применялся принцип двух третей от третьего сословия. Возглавляли собрания представители духовенства или дворянства[10].

В Регламенте об образовании провинциального собрания в Шампани от 23 июня 1787 г. говорится о создании трех видов собраний – муниципальное, окружное и провинциальное, но уточняется, что король не будет изменять управление и администрацию в провинции, то есть данные собрания будут созданы дополнительно к уже существующей старой администрации[11]. Прописана структура и количественный состав[12].

4 августа 1787 г. в зале ратуши Шалон-на-Марне открылось первое собрание Шампани. По завершении сессии собрания, председатель просил промежуточную комиссию узнать у окружного собрания ряд данных о количестве населения, оплаты ими налогов, развитии торговли в регионе для выяснения общего положения в провинции[13].

В Руане с 22 августа также прошла сессия провинциального собрания, в протоколах было отмечено основные вопросы обсуждения, которые касались выяснения развития региона, количество земель и налогоплательщиков[14]. Если провести сравнения итоговых протоколов заседаний провинциальных собраний Шампани и Руана, то большинство вопросов повторяются, иногда в схо-

[8] Berthe 1966, 185.
[9] Hollander, Pageot 1989, 43.
[10] Edit le 22 juin 1787, 1–3.
[11] Réglement 23 juin 1787, 366–369.
[12] Куцева 2021а, 54–55.
[13] Du 8 Août 1787, 45–47.
[14] Le 22 aoust 1787, 41–44.

жей формулировке. Собрания хотели узнать положения дел в регионе, особенно касательно вопросов, за которые они будут отвечать.

5 августа 1787 г. для уточнения деятельности провинциальных собраний издается регламент о функциях провинциальных и им подчиненных собраний и взаимодействии с интендантами. Регламент включает пять разделов. В разделе о муниципальных собраниях прописано, что распределение налогов будет проводиться по пяти спискам – по тальи, капитации, поземельному налогу, взносам на строительство дорог и распределения региональных налогов. Муниципальные собрания отвечать за все общественные здания, важные для региона, и строительство и ремонт дорог. Если расходы больше 500 ливров, то их нужно согласовывать с субделегатом или интендантом[15]. Окружные (департаментские или дистриктные) собрания, а также промежуточные комиссии будут координаторами в переписке между муниципальными и провинциальными собраниями. Задачи окружных собраний в распределении налогов в округах или департаментах. Они должны отправлять в провинциальное собрание отчет об их расходах, а также все предложения, которые необходимы для их округа или департамента. Их деятельность санкционируется провинциальным собранием[16]. В провинциальных собраниях необходимо обсуждать все необходимые средства, выделяемые на администрацию, благотворительность и строительство дорог всей провинции, затем их нужно распределить между округами и департаментами и далее сообществами и приходами. Контроль за ходом общественных работ будет выполнять промежуточная комиссия провинциального собрания, которая составит отчет о своей работе и он будет заслушан на провинциальном собрании. Протоколы провинциального собрания будут напечатаны и представлены общественности. Провинциальное собрание будет извещать субделегата о вопросах, поднимаемых на собраниях, он как представитель короля будет открывать и закрывать заседания собрания[17].

Основные обязанности провинциальных собраний заключались в справедливом распределении налогов провинции. Чтобы собрания стали полностью выборными, предполагалось, что через 3 года, в 1790 г. будут назначены выборы. Глав собрания назначал король, из 20 действующих провинциальных собраний в 10 председательствовали архиепископы или епископы, а остальные 10 возглавляли представители высшего дворянства, четверо из которых были принцами и пэрами. Реформа затронула только 23 генеральства, участвовавшие в выборах. Генеральства Буржа и Монтобана сохранили свои существую-

[15] Réglement du 5 août 1787, 1–7.
[16] Ibid., 7–10.
[17] Ibid., 10–15.

щие провинциальные собрания. Хотя комиссии по Регламенту от 5 августа 1787 г. подчинялись субделегатам, значимость субделегатов в провинции сильно уменьшалась[18].

Следующей правительственной мерой стала свободная торговля зерном. Правительством была разработана декларация от 17 июня 1787 г. о свободе торговле зерном, в том числе и экспортной [19]. В документ были внесены ограничения, что вывоз мог быть приостановлен в отдельной провинции по требованию вводимых провинциальных собраний сроком не более чем на один год[20].

Данную декларацию зарегистрировал парламент 25 июня 1787 года. В документе отмечалось, что несколько раз этот вопрос поднимался в правлении Людовика XVI, но введение было отложено. Что цель введения – это улучшения торговли зерном внутри страны, развитие сельского хозяйства и в дальнейшем распространение зерновой торговли за пределами страны[21]. В парламенте данная декларация не вызвала возражений, большинство проголосовали за, об этом было сообщено в заметке «Лейденской газете», которая публиковала политические новости Франции[22].

Был разработан эдикт о замене натуральной дорожной повинности денежным налогом. Он также был представлен в парламент 25 июня 1787 г. В отличие от первой декларации данный эдикт вызвал ряд дискуссий. Дебаты вызывал не сам налог, а его размер и то, кто его будет назначать[23]. Парламентарии обсуждали границы вводимого налога, высказывались опасения, что он может стать выше затрат натуральной дорожной повинности, то есть корве. Ряд парламентариев предлагали пока отложить данный эдикт и подождать введения провинциальных собраний, которые и будут отвечать за ввод этого налога[24].

Впоследствии парламент высказался за расширение полномочий провинциальных собраний в назначении и контроле дорожного налога. Замечания парламентариев способствовали пересмотру эдикта и его доработки. В «Газете Амстердама» сообщалось, что эдикт был отозван и заменен другим, где контроль за дорожной деятельностью, назначение дорожного налога и контроля за ним передавалось Провинциальным штатам. После этого эдикт был зарегистрирован в парламенте[25].

---

[18] Mousnier 1984, 660
[19] Dupont 2022, 615; Charbit, Virmani 2002, 875.
[20] Mousnier 1984, 659, 662.
[21] Déclaration 17 Juin 1787.
[22] Extrait d'une Lettre de Paris du 29 juin 1787, 5.
[23] Bottin 1986.
[24] Extrait d'une Lettre de Paris du 29 juin 1787, 6.
[25] France. De Paris, le 29 Juine 1787, 5.

Парламентарии, с одной стороны, действительно защищали интересы народа, так при обсуждении замены корве парламентарии «просили умолять короля не повышать налог на содержании дорог более 1/10 тальи». Но, с другой стороны, просматривается и защита интересов собственников, когда поднялся вопрос о распространении дорожного налога на всех налогоплательщиков, общим голосованием принято решение, чтобы оставить оплату налога, тем, кто платит талью, то есть кто уже содержал дороги, а не платящие тальи, по мнению парламентариев, вносят вклад с помощью своих фермеров[26].

В королевской декларации от 27 июня, зарегистрированной парламентом 28 июня, отмечается, что в ряде провинций в течение трех лет проводилась замена корве денежным сбором на содержание дорог и что теперь во Франции будет установлен денежный налог на содержание дорог. А контроль за содержание и обслуживание отводится вводимым провинциальным собраниям, они и будут назначать сумму сбора, необходимую для содержания дорог в каждой провинции[27]. Было также указано, что на местах нужно следовать декларации и новый взнос не мог быть выше 1/10 отчислений, которые платят налогоплательщики тальи в генеральствах[28].

Еще одним направлением ведомства Ломени де Бриенна стало введение новых налогов как попытка выхода из финансового кризиса. Речь шла о введении гербового сбора и поземельного налога на все земли королевства независимо от статуса, что обсуждалось на Собрании нотаблей.

Была разработана Декларация от 18 июня 1787 г., в ней говорилось о распространении гербовой бумаги на всю бумажную продукцию, включая объявления, квитанции и любые контракты. За несоблюдение требований назначался большой штраф[29]. Реформа должна была расширить сферы деятельности, которые не облагались налогами королевства из-за сложностей оценивания коммерческого или движимого дохода, пенсий, зарплат и оплаты различных услуг[30]. Декларация была вынесена на рассмотрении парламентариев для ее регистрирования. Парламентарии высказались в большинстве за более детальное изучение уполномоченными, также подняли вопрос о запросе от короля представления бюджета страны – всех доходов и расходов королевства и запланированных реформах[31].

Начинается переписка парламента с королем, в которой король объясняет, что расходы и доходы были озвучены на Собрании нотаблей, среди кото-

[26] De Paris, le 2 juillet 1787, 226.
[27] Déclaration le 27 juin 1787, 237–238.
[28] De Paris du 2 juillet 1787, 2.
[29] Mousnier 1984, 659, Egret 1962, 162.
[30] Bottin 1986.
[31] Extrait d'une Lettre de Paris du 6 juillet 1787, 2–3.

рых были и парламентарии Парижа. И задача парламента для улучшения дел королевства незамедлительно рассмотреть декларацию о гербовом сборе. На совместном заседании палат 9 июля 1787 г. было решено обратиться к королю о введения гербового налога, что для его регистрации нужно обсуждение во всех парламентах Франции[32]. Принятое решение выражало несогласие парижского парламента с принятием гербового налога, стремление затянуть и усложнить процесс. Так сложилось, что на протяжении XVIII в. местные парламенты выступали с оппозицией к королевской власти.

На дальнейших заседаниях шло обсуждение будущего обращения к королю и оформления постановления по гербовому налогу. Голоса разделились, одни высказывались за назначение комиссии по рассмотрению документа, вторые высказывались за то, что парламент не вправе принимать такие решения, что только нация может решать, то есть высказываются о созыве Генеральных штатов, а третьи завляли о невозможности принятия нового налога[33].

Парижские магистранты все активнее выступали за Генеральные штаты, которые и должны принимать новые налоги, чтобы избежать обвинения в неследовании интересам народа[34].

В выписке из заседания от 30 июля 1787 г. парламентарии отмечают, что оказались в трудном положении, как и государственные финансы: парламент готов доказать свое служение королю, но также он должен оберегать права народа Франции[35].

Правительство предлагало ввести и поземельный налог, который обсуждался еще на Собрании нотаблей. После доработки его внесли на регистрацию в парламент. Данный налог предполагался как единый налог, который заменял старые – талью, капитацию и двадцатину. Его отличие заключалось в сборе пропорционально стоимости или доходу земли и распространение на все сословия королевства, в том числе и привилегированные. Правительство указывало, что он улучшит положение крестьян, так как раньше только они и платили налог с земли, а сейчас предполагается уравнение в уплате поземельный налогов всех граждан[36].

Еще Тюрго, а затем Калонн предлагали ввести поземельный налог, распространив налогообложение на земли Франции, не исключая земли привилегированных сословий. Попытки введения равного налогообложения проводились королевской администрацией. Так, в 1749 г. часть земель французского королевства облагались поземельным налогом независимо от статуса земле-

[32] De Versailles, le 11 juillet 1787, 159.
[33] Extrait d'une Lettre de Paris du 20 juillet 1787, 2.
[34] Extrait d'une Lettre de Paris du 23 juillet 1787, 1–2.
[35] Délibération du Parlement, 30 Juillet 1787 , 23–24.
[36] Bianchi 2004, 139–145.

владельца, но французские парламенты этому противодействовали и добились ряда исключений, льгот и привилегий, что в реальности крестьянство попрежнему платило налог едва ли не единолично[37].

«Газет де Франс» написала, что король в Версале провел 6 августа Королевское заседание для регистрации поземельного налога и гербового сбора[38]. Король отметил, что Королевское заседание – вынужденная мера для спасения государства, а парламент отказывался регистрировать указанные налоги[39]. Хранитель печати уточнил, что введение новых налогов необходимо для улучшения финансов страны. Новые налоги не будут превышать уже установленные, а собираться с большей справедливостью[40]. В ответном слове первый президент парижского парламента высказал возражения, почему парламент не регистрировал налоги: гербовый сбор хуже соляного налога – габели, а поземельный налог будет способствовать неравенству между разными территориями королевства и сословиями. В конце речи первый президент проговорил идею, которую высказывали парламентарии с июля – о созыве Генеральных штатов как представителей всего общества, которые и должны принимать все важные вопросы королевства, включая введение новых налогов[41].

В декларации о гербовом сборе прописывается, что уже сделано правительством летом 1787 г.: введены провинциальные собрания, корве заменен денежным налогом, провозглашена свободная торговля зерном, проведена экономия на 20 млн ливров, новый налог вводится по итогам рекомендации нотаблей и по опыту других народов, вводятся новые сборы, которые будут регламентироваться тарифом[42].

Как и в других странах, гербовый сбор взимался с помощью специальных грамот с королевским гербом. Их наличие требовалось при вступлении в должность или звании, в наследство, любое получение собственности. Был разработан тариф, который позволял ввести единую тарификацию по всей Франции в соответствии с занимаемой должностью и положением[43].

Второй налог, предлагаемый правительством, поземельный, также был принят на Королевском заседании 6 августа 1787 г. В эдикте подчеркивалось, что налог будет взиматься в зависимости от приносимого дохода с земли и будет, по мнению правительства, наиболее справедливым и наименее дорогим. То есть предлагался прогрессивный поземельный налог от всей недвижимости королевства без исключений. Сумма вводимого налога была фиксированной –

[37] Decroix 2011, 92–104.
[38] De Vesailles, le 12 août 1787, 315–316.
[39] Extrait des registres de Parlement et Discours du Roi 1787, 6–7.
[40] Procès-verbar, 1787, 7–10.
[41] Ibid., 11–14.
[42] Déclaration du Roi le 4 Août 1787, 1–11.
[43] Tarif des droits de timbre 1787.

80 млн ливров – и связана с текущим дефицитом бюджета. Власти говорили, что данный налог будет для населения понижением оплаты, так как раньше платили две двадцатины, которые отменяются, а доходы с земельной собственности выше, чем фиксированные 80 млн ливров. В ответ на критику парламента правительство уверяло, что новый налог будет более справедливым и в дальнейшем будут возможные его уточнения[44].

Парламент уже 7 августа 1787 г. объявил недействительными и незаконными решения, принятые на Королевском заседании 6 августа 1787 г., было вынесено решение, что продолжится обсуждение до следующего понедельника[45].

По решению заседания от 13 августа 1787 г. парламент вновь провозгласил незаконными действия властей о вводе новых налогов от 6 августа 1787 г.[46]

Ломени де Бриенн решил сломить сопротивление парижского парламента, который и после Королевского заседания 6 августа 1787 г. продолжал выступать против введения поземельного налога и гербового сбора. Он отправляет парламент из Парижа в ночь на 14–15 августа 1787 г. в ссылку в Труа[47]. Это должно было показать парламентариям решимость властей, чтобы они приняли новые налоги. Ссылка использовалась и ранее и обычно способствовала выходу из кризиса. Но в нынешней ситуации парламент воспринимался защитником народа от введения новых налогов. Чувствуя общественную поддержку, парламент не хотел идти на компромисс, заседая в Труа и отправляя ремонстрации королю[48]. Практически все парламенты, вслед за парижским, отказывались регистрировать новые налоги и выдвигали идею созыва Генеральных штатов[49].

В Труа парламент продолжает настаивать на своих решениях от 7 и 13 августа и выступает против введения новых налогов, таким образом, позиция парламентариев не поменялась. Переписка между королем и парламентом продолжалась, но каждый настаивал на своем решении. Осознав, что король не вернет парламент из ссылки без поддержки министерской политики, парламентарии стали склоняться к переговорам[50].

В конце августа Ломени де Бриенн разработал меры для решения конфликта с парламентом. С одной стороны, он увеличил контакты и обещания, а с другой – он ужесточил правительственную политику, подлив ссылку парламентариев на сентябрь.

---

[44] Édit le 6 août 1787, 394–396.
[45] Arrêté du Parlement ,du mardi 7 aout 1787, 30.
[46] Arrêté du Parlement de Paris. Du lundi, 13 Août 1787, 37.
[47] Andress 2015, 133. Anderson 2007, 225.
[48] Бовыкин, Чудинов 2020, 56.
[49] Mousnier, 1984, 664.
[50] Куцева 2021b, 172.

Уже осенью по итогу переговоров с парламентариями были зарегистрированы эдикты от 19 сентября 1787 г. Первый отменял решения о вводе поземельного налога и гербового сбора от августа 1787 г.[51] Второй эдикт продлевал срок действия двух двадцатин. Так как новые налоги отменялись, принято решение продлить сбор двух двадцатин[52].

Таким образом, летом 1787 г. правительство Ломени де Бриенна провело административную реформу, с введением провинциальных собраний, была разрешена свободная торговля зерном, с некоторыми оговорками, был заменен корве денежным налогом и разработаны законы о поземельном налоге и гербовом сборе, которые встретив сопротивления парламента, так и не будут введены в жизнь.

В целом можно сказать, что деятельность правительства и короля летом 1787 г. были направлены на экономию государственных средств, попыткой введения новых налогов для покрытия дефицита в стране. Парламентская оппозиция затормозила введение новых реформ и, по сути, приблизила революцию 1789 г.

Литература / References

Бовыкин, Чудинов 2020 = *Бовыкин Д. Ю.*, *Chudinov A. B.* Французская революция. М., 2020. 468 с.
Bovykin D. Yu., *Chudinov A. V.* Frantsuzskaya revolyutsiya [The French Revolution]. Moscow, 2020. 468 p.

Веремчук 2009 = *Веремчук Л. П.* Реформа Ломени де Бриенна в оценке двух французских историков // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 73–74.
Veremchuk L. P. Reforma Lomeni de Brienna v otsenke dvuh frantsuzskih istorikov [Reform of Loménie de Brienne as Assessed by Two French Historians] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. No. 325. P. 73–74.

Куцева 2021a = *Куцева Е. А.* Создание Провинциальных собраний во Франции в 1787 г. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 51–60. **DOI:** 10.18287/2542-0445-2021-27-2-51-60
Kutseva E. A. Sozdanie Provintsial'nyh sobraniy vo Frantsii v 1787 g. [Creation of Provincial Assemblies in France in 1787] // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2021. T. 27, No. 2. P. 51–60. **DOI:** 10.18287/2542-0445-2021-27-2-51-60

Куцева 2021b = *Куцева Е. А.* Попытка введения поземельного налога и гербового сбора во Франции в 1787 году // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 167–175. **DOI:** 10.17816/snv2021102206
Kutseva E. A. Popytka vvedeniya pozemel'nogo naloga i gerbovogo sbora

[51] Édit portant révocation de ceux du mois d'août sur l'impót territorial et du timbre 1787, 432–434.
[52] Édit du Roi 1787, 1–2.

vo Frantsii v 1787 godu [An attempt to introduce land tax and stamp duty in France in 1787] // Samarskiy nauchnyy vestnik. 2021. T. 10, No. 2. P. 167–175. **DOI:** 10.17816/snv2021102206

Чудинов 2013 = *Чудинов А. В.* Старый порядок во Франции и его крушение М., 2013. 180 с.
Chudinov A. V. Staryy poryadok vo Frantsii i ego krushenie [The Old Order in France and Its Collapse]. Moscow, 2013. 180 p.

Anderson 2007 = *Anderson J. M.* Daily life during the French Revolution. London, 2007. 297 p.

Andress 2015 = *Andress D.* The Oxford handbook of the French revolution. Oxford, 2015. 683 p.

Arrêté du Parlement, du mardi 7 aout 1787 = Arrêté du Parlement, du mardi 7 aout 1787 // Recueil des arrêtés des parlemens Chambre des comptes et Cour des aides, &c. [S. l.], 1787. 100 p.

Arrêté du Parlement de Paris. Du lundi, 13 Août 1787 = Arrêté du Parlement de Paris. Du lundi, 13 Août 1787 // Recueil des arrêtés des parlemens Chambre des comptes et Cour des aides, &c. [S. l.], 1787. P. 32–37.

Berthe 1966 = *Berthe L.* Les Assemblées provinciales et l'opinion publique en 1787–1788 // Revue du Nord. 1966. No. 189. P. 185–200. **DOI:** 10.3406/rnord.1966.2566

Bianchi 2004 = *Bianchi S.* Des révoltes aux révolutions: Europe, Russie, Amérique (1770–1802). Essai d'interprétation Rennes, 2004. P. 139–145. URL: https://books.openedition.org/pur/28056 (accessed: 25.03.2023).

Bottin 1986 = *Bottin M.* La réforme fiscale devant le Parlement de Paris: de l'extension du contrôle d'opportunité au recours aux Etats Généraux, participation au premier Congrès du Bicentenaire de la Révolution française organisé par l'Université R. Descartes, Réformes ou Pré Révolution? Paris, 1986. URL: http://michel-bottin.com/article.php?article =238&page =1 (accessed: 15.05.2023).

Charbit, Virmani 2002 = *Charbit Y., Virmani A.* The Political Failure of an Economic Theory: Physiocracy // Population (English Edition). 2002. Vol. 57, No. 6. P. 855–883.

De Paris du 2 juillet 1787 = De Paris du 2 juillet // Gazette de Leyde. Livraison No. 55 du 10 juillet 1787. URL https://www.gazettes18e.fr/Gazette_leyde_du_10_07_1787 (accessed: 11.04.2023).

De Paris, le 2 juillet 1787 = De Paris, le 2 juillet // Courrier Avignon №56. Du vendredi 13.07.1787. P. 225–228. URL: https://www.gazettes18e.fr/Courrier_Avignon_du_13_07_1787 (accessed: 15.05.2023).

De Versailles, le 11 juillet 1787 = De Versailles, le 11 juillet 1787 // Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette. La cour et la ville de 1777 à 1792. T. 2. Imprimeur-édition. P., 1866. 800 p.

De Versàilles, le 6 Mai 1787 = De Versàilles, le 6 Mai 1787 // Gazette de France, Du Mardi, 8 Mai 1787. No. 37. P. 167–170.

De Vesailles, le 12 août 1787 = De Vesailles, le 12 août1787 // Gazette de France. № 65. 14 août 1787. Paris: de imprimerie du cabiner du Roi, 1787. P. 315–316. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63942181/f3.item (accessed: 04.04.2023).

Déclaration du Roi le 4 Août 1787 = Déclaration du Roi,concernant le Timbre, donnée à Versailles le 4 Août 1787, registrée en Parlement le 6 desdits mois et an. Paris, 1787. P. 1–20.

Déclaration le 17 Juin 1787 = Déclaration du Roi pour la liberté du Commerce des Grains donnée à Versailles le 17 Juin 1787. Registrée en Parlement le vingt cinq Juin mil sept cent quatre vingt sept. A Paris chez N. H. Nyon, Imprimeur du Parlement rue Mignon Saint-André-des-Arcs, 1787. 6 p.

Déclaration le 27 juin 1787 = Déclaration du roi donnée à Versailles le 27 juin et enregistrée en parlement le 28 toutes les chambres assemblées les princes et pairs y séant pour la conversion de la corvée en une prestation en argent // Réimpression de l'Ancien Moniteur depuis la réunion des états généraux jusqu au consulat mai 1789 novembre 1799 avec des notes explicatives. Introduction historique contenant un abrégé des anciens états généraux des assemblées des notables et des principaux événements qui ont amené la révolution. Paris, 1843. P. 237–238.

Decroix 2011 = *Decroix A.* Les Parlements, la réforme fiscale et l'opinion publique dans les dernières décennies de l'Ancien Régime // Parlement[s], Revue d'histoire politique. 2011/1. No. 15. P. 92–104. URL: https://www.cairn.info/revue-parlements1-2011-1-page-92.htm (accessed: 02.05.2023). **DOI:** 10.3917/parl.015.0092

Délibération du Parlement, 30 Juillet 1787 = Délibération du Parlement, 30 Juillet 1787. Les princes et pairs y séans // Recueil des arrêtés des parlemens Chambre des comptes et Cour des aides, &c. [S. l.], 1787. P. 23–24.

Doyle 2009 = *Doyle W.* Aristocracy and its enemies in the age of revolution. Oxford: Oxford University Press, 2009. 371 p. **DOI:** 10.1093/acprof:oso/9780199559855.001.0001

Doyle 2012 = *Doyle W.* The Oxford handbook of the Ancien Régime. Oxford, 2012. 583 p. **DOI:** 10.1093/oxfordhb/9780199291205.001.0001

Du 8 Août 1787 = Du Mercredi 8 Août 1787 , neuf heures du matin, Mgr. l'Archevêque de Reims, Président // Procès verbal des séances de l'assemblée provinciale de Champagne, tenue a Châlons dans le mois d'Août 1787. Chaalons,Chez Seneuze, Imprimeur du Roi, 1787. P. 45–48.

Dupont 2022 = *Dupont G.* Histoire du Cotentin et de Ses Iles. T. IV. Frankfurt, 2022. 696 p.

Édit du Roi 1787 = Édit du Roi, de révocation, tant de celui du mois d'Août dernier , portant suppression des deux Vingtiemes ct établissement d'une Subvention territoriale, que de la Déclaration du quatre du même mois , concernant le Timbre; Et Prorogation dit sécond Vingtieme, pendant les années mil sept cent,guatre- vingt onze et mile sept cent quatre-

vingt-douze. [S. l.], 1787. 7 p.

Edit le 22 juin 1787 = Edit du roi portant création d'assemblées provinciales, donné à Versailles au mois de juin 1787. Registré en parlement le 22 juin 1787. Lyon, 1787. P. 1–4.

Édit le 6 août 1787 = Édit portant suppression des deux vingtièmes et quatre sous par livre du premier vingtième et établissement d'une subvention territoriale dans tout le royaume. Versailles août 1787 Reg en parlem le 6 le roi tenant son lit de justice // Recueil général des anciennes depuis l'an 420 jusqu a la révolution de 1789 par MM. Jourdan, Isambert, Decrusy. T. 28. Du 1er janvier 1785 au 5 mai 1789. Paris: Belin-leprieur, Libraire-éditeur, Verdière libraire 1827. P. 394–400.

Édit portant révocation de ceux du mois d'août sur l'impót territorial et du timbre 1787 = Édit portant révocation de ceux du mois d'août sur l'impót territorial et du timbre // Recueil général des anciennes depuis l'an 420 jusqu a la révolution de 1789 par MM. Jourdan, Isambert, Decrusy. T. 28. Du 1er janvier 1785 au 5 mai 1789. Paris, 1827. P. 432–434.

Egret 1962 = *Egret J.* La Pré-révolution française*:* 1787–1788. Paris, 1962. 400 p.

Extrait d'une Lettre de Paris du 20 juillet 1787 = Extrait d'une Lettre de Paris du 20 juillet // Gazette de Leyde – Livraison No. 60 du 27 juillet 1787. P. 2. URL: https://www.gazettes18e.fr/gazette-leyde/annee/1787/page/10494 (accessed: 10.05.2023).

Extrait d'une Lettre de Paris du 23 juillet 1787 = Extrait d'une Lettre de Paris du 23 juillet // Gazette de Leyde – Livraison No. 61 du 31 juillet 1787. URL: https://www.gazettes18e.fr/gazette-leyde/annee/1787/page/10501 (accessed: 10.05.2023).

Extrait d'une Lettre de Paris du 29 juin 1787 = Extrait d'une Lettre de Paris du 29 juin // Gazette de Leyde – Livraison. No. 54 du 6 juillet 1787. URL: https://www.gazettes18e.fr/Gazette_leyde_du_06_07_1787 (accessed: 07.05.2023).

Extrait d'une Lettre de Paris du 6 juillet 1787 = Extrait d'une Lettre de Paris du 6 juillet // Gazette de Leyde – Livraison. No. 56 du 13 juillet 1787. URL: https://www.gazettes18e.fr/gazette-leyde/annee/1787/page/10462/ (accessed: 05.05.2023).

Extrait des registres de Parlement et Discours du Roi 1787 = Extrait des registres de Parlement et Discours du Roi // Procès-verbar de ce qui s'est passé du lit de justice, tenu par le Roi à Versailles, le lundi 6 août 1787. Paris, 1787. P. 3–7.

France, Versailles le 2 Mai 1787 = France, Versailles le 2 Mai // Journal politique de Bruxelles. 12 Mai 1787. No. 19. P. 49–96.

France. De Paris, le 29 Juine 1787 = France. De Paris, le 29 Juine 1787. Suite des nouvelles d'Amsterdam // Gazette d'Amsterdam. №54. Du vendredi 6 juillet 1787. P. 5. URL: https://www.gazettes18e.fr/Gazette_Amsterdam_du_06_07_1787 (accessed: 19.04.2023).

Hardman 2000 = *Hardman J.* Louis XVI. The silent king. Arnold. London, 2000. 224 p. **DOI:** 10.1080/03612759.2001.10525774

Hollander, Pageot 1989 = *Hollander d' P., Pageot P.* La Révolution française dans le Limousin et la Marche, 1787–1799. Toulouse, 1989. 317 p.

Le 22 aoust 1787 = Le mercredi 22 aoust 1787. Monseigneur le cardinal archevêque de Rouen Président // Procès verbal des séancesde l'assemblée provinciale de la généralité de Rouen tenue a rouen dans le mois d aout 1787. Rouen, 1787. P. 41–44.

Maloir 2019 = *Maloir J.* Les ministres en Révolution (1789–1795). Du gouvernement à l'administration. Thèse en vue de l'obtention du Doctorat en droit. Présentée et soutenue le 4 décembre 2019. Toulouse, 2019. 690 p.

Mousnier 1984 = *Mousnier R. E.* The Institutions of France under the Absolute Monarchy 1598-1789. Vol. II. The Organs of State and Society. Chicago; London, 1984. 695 p.

Observations 1787 = Assemblées Provinciales, Bureau de monsieur le duc D'Orléans. 27 Février 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 18–19.

Procès-verbar, 1787 = Procès-verbar de ce qui s'est passé du lit de justice, tenu par le Roi à Versailles, le lundi 6 août 1787. Paris, 1787. 60 p.

Réglement 23 juin 1787 = Réglement sur la formation et la composition des assemblées qui auront lieu dans la province de Champagne en vertu de l'édit portant création des assemblées provinciales Versailles 23 juin 1787 // Recueil général des anciennes depuis l'an 420 jusqu a la révolution de 1789 par MM. Jourdan, Isambert, Decrusy. T . 28. Du 1er janvier 1785 au 5 mai 1789. Paris: Belin-leprieur, Libraire-éditeur, Verdière libraire 1827. P. 366–374.

Réglement du 5 Août 1787 = Réglement fait par le roi sur les fonctions des Assemblées Provinciales & de celles qui leur font subordonnées ainsi que sur les relations de ces Assemblées avec les Intendans des Provinces Du 5 Août 1787. Lyon, 1787. 16 p.

Tarif des droits de timbre 1787 = Tarif des droits de timbre, que Sa Majesté veut do entend être perçus en exécution de la Déclaration de ce jour // Déclaration du Roi, concernant le Timbre, donnée à Versailles le 4 Août 1787, registrée en Parlement le 6 desdits mois et an. Paris, 1787. 32 p.

Интеграционные проекты европейских держав и идея империи в эпоху Нового времени

Integration Projects of European Powers and the Idea of Empire in the Modern Era

ДЕБАТЫ В БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ О ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ В ИРЛАНДИИ В 1803 г.

Максим Александрович Ковалёв

Об авторе:

кандидат исторических наук

ORCID: 0009-0005-1085-5592
ScopusID: 57190880250
ResearcherID: IUP-7184-2023
РИНЦ AuthorID: 804063

Аффилиация:

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Электронная почта:
mkovalyov.89@mail.ru

В статье рассматривается роль ирландского фактора в борьбе политических элит в Великобритании начала XIX в. В качестве основного вопроса для раскрытия темы выбрана проблема введения военного положения в Ирландии в ходе восстания 1803 г. Автором исследованы позиции представителей торийского кабинета, вигской оппозиции, а также «третьей партии». Проблема военного положения была важным инструментом в руках британского правительства. Поэтому вопрос о его применении на территории зависимой страны мог отразиться на правовом положении самих англичан как жителей метрополии. Дебаты по данному вопросу можно понимать как составную часть общей полемики о полномочиях центральной власти. Проанализированы точки зрения на данный вопрос государственных деятелей, офицеров и других коммонеров, среди которых – известные личности своего времени: У. Уиндхэм, Г. Аддингтон, У. Уилберфорс, С. Персиваль. Рассмотрена также предыстория взаимоотношений Англии и Ирландии в XII–XVIII вв. в контексте складывания «островной империи». На основании материалов британского парламента сделаны выводы о том, что характерный для консервативного сознания «образ врага» оказался важнейшим аргументом в ходе принятия решения о военном положении. «Третья партия» У. Уиндхэма имела при этом особую позицию. Защищая гражданские права и свободы, она тем не менее не вполне вторила своим коллегам из партии вигов. Их аргументация скорее отталкивалась от принципа сохранения целостности государства, укладывалась в логику стратегии уступок и в целом была прагматичной.

Ключевые слова: Ирландия, военное положение, парламент, тори, виги, «третья партия», колония, метрополия, Соединённое Королевство, Амьенский мир, революционные войны.

Для цитирования:
Ковалёв М. А. Дебаты в британском парламенте о военном положении в Ирландии в 1803 г. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 167–180. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.013

DEBATES IN THE BRITISH PARLIAMENT ABOUT MARTIAL LAW IN IRELAND IN 1803

Maxim A. Kovalyov

About the author:

PhD in History

ORCID: 0009-0005-1085-5592
ScopusID: 57190880250
ResearcherID: IUP-7184-2023
РИНЦ AuthorID: 804063

Affiliation:

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs

Email:
mkovalyov.89@mail.ru

The article examines the role of the Irish factor in the struggle of political elites in the UK at the beginning of the XIX century. The problem of the adopting of martial law in Ireland during the uprising of 1803 was chosen as the main issue for the disclosure of the topic. The author investigated the positions of representatives of the Tory cabinet, the Whig opposition, as well as the "third party". The issue of martial law was an important tool in the hands of the British Government. Therefore, the question of its application on the territory of a dependent country could affect the legal position of the British themselves as residents of the metropolis. The debate on this issue can be considered as an integral part of the general debate about the powers of the central government. The points of view of statesmen, officers and other members of parliament on this issue are analyzed, among which are famous personalities of their time: W. Windham, H. Addington, W. Wilberforce, S. Percival. The prehistory of the relationship between England and Ireland in the XII–XVIII centuries is also considered in the context of the forming of the "island empire". Based on the materials of the British Parliament, conclusions were drawn that the "image of the enemy" which is characteristic of the conservative mind turned out to be the most important argument during the decision on martial law. The "third party" of W. Windham at the same time had a special position. Defending civil rights and freedoms, however, it did not fully echo her colleagues from the Whig Party. Their argumentation was rather based on the principle of preserving the integrity of the state, fit into the logic of the strategy of concessions and was generally pragmatic.

Keywords: Ireland, martial law, Parliament, Tories, Whigs, "third party", colony, metropolis, United Kingdom, Peace of Amiens, revolutionary wars.

For citation:
Kovalyov M. A. Debates in the British Parliament about Martial Law in Ireland in 1803 // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 167–180.
DOI: 10.55000/SemConf.2023.3.3.013

Ирландский фактор, без сомнения, играл огромную роль в истории Англии. Прежде чем создать к исходу XVIII в. мировую колониальную империю, англичане долгое время пытались построить империю островную. В этом случае объектами экспансии выступали народы Шотландии и Ирландии, находившиеся на более низком уровне социально-экономического и политического развития. Шотландия относительно успешно интегрировалась в систему композитарной монархии. В XVII веке на британском престоле находилась шотландская по происхождению династия Стюартов, а XVIII столетие ознаменовано таким блестящим интеллектуальным феноме-

ном, как шотландское Просвещение. Актом об унии 1707 г. шотландский парламент упразднялся, при этом определённое число пэров и коммонеров было включено в единый для двух стран лондонский парламент. Что касается Ирландии, то она с XII в. подвергалась перманентному завоеванию и эксплуатации со стороны Англии. Непосредственно до 1800 г. она находилась с ней в состоянии личной унии. В Ирландии сформировалось англо-ирландское сообщество, отождествлявшее себя с англичанами. Именно ими, а не местными жителями (в лице пресвитериан Ольстера и, главным образом, католиков) была представлена вся элита и весь землевладельческий класс «изумрудного острова». Коренные ирландцы считались людьми второго сорта, тем более что религия большинства – католицизм – казалась Лондону потенциально опасной[1].

Между тем, находясь под британским владычеством, Ирландия должна была испытывать воздействие политической системы страны-метрополии. Развитие конституционализма на собственно английских землях имело особенное преломление в Ирландии. Напротив, ужесточение законодательства в этой стране неизбежно влекло за собой острые дебаты среди политической элиты Великобритании, т. к. затрагивало всю государственную территорию.

«Ирландский вопрос» конца XVIII – начала XIX в. достаточно хорошо исследован в отечественной, но главным образом – в зарубежной историографии. Он рассматривался в рамках обобщающих курсов по истории Ирландии[2], в контексте истории освободительного движения ирландского народа[3], а также биографий политиков, связанных с указанными событиями (Г. Аддингтон, Р. С. Каслри, У. Питт-младший, Т. У. Тон)[4]. Большое значение имеют работы, раскрывающие англо-ирландские отношения эпохи складывания Британской колониальной империи. Среди англоязычных авторов следует выделить монографию К. Кенни, а из российских – статьи В. В. Грудзинского, В. Ю. Апрыщенко[5]. Роль вооружённых сил в Ирландии в периоды восстаний 1798 и 1803 гг. изучена А. Блэкстоком, а законы о военном положении – Р. Кине[6]. Между тем роль «ирландского фактора» в политических дебатах в Вестминстерском парламенте, его роль в формировании собственно британских политических сил и фракций в указанную эпоху ещё не становилась предметом самостоятельного изучения. В качестве источника

[1] Гольман (ред.) 1980, 122–123.
[2] См. напр.: Lecky 1892; Curtis 1936; Афанасьев 1907; Гольман (ред.) 1980; Мирошников 2008.
[3] Джексон 1949; Тарле 1957, 305–583; Черняк, 1962.
[4] Pellew 1847; Hassall 1908; Madden 1916; Holland Rose 1911; Wilson 1933; Ehrman 1996; Hyde 1953.
[5] Kenny 2004; Грудзинский 2015, 122–136; Апрыщенко 2020, 386–400.
[6] Blackstock 2000, 329–351; Keane 1990/1992.

для изучения данного вопроса мы взяли материалы парламентских дебатов из собрания Т. К. Хэнсарда[7].

События 1803 года имеют длительную предысторию, уходящую в кризис Британской империи 60-х гг. XVIII в. Как указывает В. В. Грудзинский, превращение Великобританию во «владычицу морей», а также широкое распространение идей Просвещения заставили её правящую элиту по-новому взглянуть на проблему соотношения колоний и метрополии. В самой Англии развернулось движение за демократизацию парламентской системы, находившейся в руках земельной олигархии. В то же время в Ирландии активизируется крестьянское движение[8]. Следующие этапы общеимперского кризиса пришлись на войны с североамериканскими колониями и с революционной Францией[9].

В ходе Американской войны на территории Ирландии было сформировано ополчение из жителей Ирландии с целью возможной обороны острова. В условиях отсутствия в Англии регулярной армии многочисленная (к 1782 г. насчитывавшей сто тысяч волонтёров), централизованно управляемая, многоконфессиональная военная сила в Ирландии представляла для Лондона потенциальную угрозу. Тем более что добровольческий корпус стал быстро политизироваться, его лидеры установили связь с оппозиционными членами парламента Ирландии. Отвечая на данный вызов, Британское правительство даровало в 1782 г. ирландскому парламенту некоторую автономию. Используя полученные прерогативы, коммонеры стали проводить в жизнь законы в интересах большинства населения страны (католиков). Однако подобная политика вызвала раскол в обществе: пресвитериане с начала 90-х гг. XVIII в. активно противодействовали эмансипации католиков, в том числе путём террора. В 1795 г. новым вице-королём с целью наведения порядка назначен лорд Кэмден. Де-факто «конституция 1782 года» оказалась упразднённой, а власть на острове сосредоточилась в Дублинском замке – резиденции наместника[10]. Таким образом, расстановка сил в Ирландии изменилась: на одном полюсе находилась английская администрация, на другом – просвещённая аристократия, воодушевлённая идеями Французской революции и местного патриотизма (Общество объединённых ирландцев).

[7] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#S1V0001P0_18031205_HOC_18 (accessed: 04.07.2023).
[8] Грудзинский 2015, 122.
[9] Белов, Витальева 2011, 76.
[10] Тарле 1957, 347; Грудзинский 2015, 129.

Летом 1798 г. по Ирландии прокатилось восстание. Несмотря на поддержку со стороны французских интервентов (Французская республика в течение 1796–1798 гг. осуществила четыре попытки вторжения), оно было подавлено из-за слабой организации. Большинство его лидеров оказалось заблаговременно выслежено и арестовано властями. Основатель Общества объединённых ирландцев Т. У. Тон покончил с собой в заключении, не дожидаясь казни. Здесь важно иметь в виду, что ряд британских судей оспаривали правомерность применения такой меры наказания. С оглядкой на эти события (отдельные вспышки восстания продолжались и в дальнейшем) в Британском парламенте в следующем году прошёл акт о введении военного положения в Ирландии.

Ситуация стабилизировалась через несколько лет: 25 марта 1802 г. Великобритания заключила Амьенский мир с наполеоновской Францией, в том же году отменили и закон о военном положении[11]. Мирный договор считался в Англии «позорным» и «пораженческим», поэтому в общественном мнении появились как его сторонники («голуби»), так и противники («ястребы»)[12]. К тому времени Великобритания и Ирландия посредством унии 1800 г. образовали Соединённое Королевство. Премьер-министр У. Питт-младший стремился таким способом укрепить империю. С одной стороны, имело место административное давление со стороны Англии. С другой – в качестве компенсации местному населению предлагалось провести билль об эмансипации католиков. Правда, король Георг III отказался его подписать, и большинство населения Ирландии снова оказалось в дискриминируемом положении. «Архитекторы» унии (У. Питт, Р. С. Каслри) в знак протеста подали в отставку.

Вопрос о возобновлении военного положения встал после попытки переворота в Дублине, осуществлённого последователем Тона – Р. Эмметом. 23 июля 1803 г. группа повстанцев прошла по главной улице города по пути к Дублинскому замку, убив по пути нескольких англичан, включая главного судью королевской скамьи лорда Килвардена. После чего мятежники довольно быстро были рассеяны войсками, а их лидер в дальнейшем выслежен и повешен в сентябре того же года[13]. В Вестминстере по поводу данных событий разгорелись жаркие дискуссии. Первым точку зрения противников билля сформулировал генеральный секретарь Ирландии, друг Э. Бёрка Уильям Эллиот (1766–1818). Эллиот – представитель англо-ирландской знати из числа «новых ирландцев», которые выдвинулись в XVIII в. Его предки

[11] Keane 1990/1992, 161.
[12] Егоров 2017, 44.
[13] Тарле 1957, 387–392.

происходили из лондонских коммерсантов, хотя к описываемому времени Эллиоты отождествляли себя с Ирландией. Сам Уильям заседал в ирландском парламенте с 1796 г. (места там могли занимать только англикане по вероисповеданию), а после унии был избран в 1802 г. в британский парламент от одного из ирландских местечек.

Высокопоставленный чиновник аргументировал свою позицию тем, что уния лишила Ирландию её собственного парламента. Поэтому британское правительство должно показать, что оно с не меньшим интересом вникает в дела этой провинции и столь же компетентно способно решать возникающие проблемы. В противном случае, легитимность Соединённого Королевства снова окажется подорванной в глазах местного населения. В принципе, Эллиот не являлся противником билля – речь шла лишь о недостаточной информированности Лондона при принятии им решений. Следует указать, что сам оратор в ходе предшествующего восстания 1798 г., будучи коммонером ирландского парламента, голосовал за введение военного положения. Он вовсе не выступал против сохранения за исполнительной властью полномочий по ограничению в правах части населения – в том случае, если указанная мера применялась оправданно. В отношении восстания Т. У. Тона процедура принятия билля прошла корректно. Во-первых, отправление правосудия было прервано во многих частях страны, а во-вторых, на столе заседаний ирландской палаты общин лежали отчёты секретных комитетов, содержавших подробную историю «государственной измены».

Эллиот ставит вопрос о том, что конкретно известно о масштабах заговора. Корреспондентских обществ или иных антиправительственных организаций с широкой сетью сторонников в стране не обнаружено. Напротив, со ссылкой на отчёт о работе специальной комиссии в Дублине, парламентёр утверждает о ничтожности заговора. Мятежники заявляли о перспективе отделения от Великобритании 19 графств, но ни один из округов не откликнулся на их призыв. В свою очередь, он адресует претензию и своим оппонентам. Накануне восстания 1798 года королевские министры были убеждены в лояльности Ирландии, сейчас – в опасности отделения от империи целой страны. Хотя в обоих случаях их мнение основывалось на неведении. В целом его позиция укладывает в произнесённую им формулировку «не могу безоговорочно верить ни в какое правительство!»[14]

Позицию генерального секретаря поддержал полковник Кроуфорд – непосредственный очевидец событий. Вечером, по его словам, когда вспых-

[14] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#S1V0001P0_18031205_HOC_9 (accessed: 04.07.2023).

нуло восстание, лорд-лейтенант беспечно отправился в свой загородный дом, а главный судья королевской скамьи не знал восстании, в результате чего оказался убит, правительственные агенты также не смогли вовремя обнаружить склад боеприпасов, заготовленный повстанцами. Полки гарнизона были обеспечены всего тремя боевыми патронами, а йоменский корпус получил их только с двухчасовой задержкой. Действительно, Р. Эммет и его единомышленники действовали крайне неосторожно. Ещё 16 июля на Патрик-стрит взорвался пороховой погреб повстанцев. Множество участников похода на Дублинский замок были пьяны, многие, особенно из провинции, не явились. Правительство Ирландии могло обезвредить их, прояви оно к тому больше внимания. Вот почему полковник Кроуфорд упрекал его в «постыдном невежестве» (“shameful ignorance”). К аргументам Кроуфорда и Эллиота присоединился Ф. Фрэнсис, который ввёл в обсуждение такой мотив, как презумпция невиновности. Он также предупреждал об опасности вверения правительству полномочий, которые трудно будет контролировать. Более того, репрессивное давление на Ирландию вызовет раздражение жителей страны и поощрит французов к новой интервенции[15]. Таким образом, аргументы противников билля проистекают из опасения усилить прерогативы исполнительной власти. По-видимому, причиной этому служила партийная принадлежность ораторов. Как виги, они были заинтересованы ослабить действующий на тот момент торийский кабинет Г. Аддингтона (1801–1804 гг.), ставленника У. Питта-младшего.

Им жёстко возразили министр внутренних дел Чарльз Филип Йорк (1764–1834) и парламентарий Ч. Поул. Йорк – яростный противник эмансипации католиков, разошедшийся в этом с Питтом. По его мнению, все необходимые меры предосторожности были приняты. Многочисленный и хорошо укомплектованный гарнизон в составе 3–4 тыс. бойцов находился в городе. Поэтому разрозненная толпа повстанцев не могла подвергнуть Дублин опасности. Их собственный лидер скрылся, увидев малочисленность соратников. Что же касается главного судьи, то он погиб благодаря собственной ошибке, а не вследствие халатности министров. В целом, заключает Йорк, отсутствие дальновидности и энергичности у правительства Ирландии нельзя считать доказанным. Поул также добавил, что в Дублинском замке находилось 8 тыс. патронов, которых более чем достаточно для противодействия мятежникам[16].

[15] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#S1V0001P0_18031205_HOC_12 (accessed: 04.07.2023).
[16] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#column_101 (accessed: 04.07.2023).

На наш взгляд, отсутствие решительности у обеих сторон данного конфликта можно объяснить одним обстоятельством. Дело в том, что ирландский национализм как форма освободительного движения распространялась «сверху вниз». В первую очередь идеи Просвещения охватывали только верхушку англиканского общества (церковь, парламент, земельная аристократия). Затем они распространялись на средний класс, главным образом состоявший из пресвитериан, но постепенно пополнявшийся католиками. Как организатор Общества объединённых ирландцев У. Тон, так и предполагаемый его главнокомандующий Э. Фицджеральд связаны, либо относились к англо-ирландской аристократии англиканского вероисповедания[17]. Растерзанный 23 июля 1803 г. сторонниками Эммета Артур Уолф, 1-й виконт Килварден, приходился У. Тону двоюродным братом. Пост главного судьи королевской скамьи он занимал только с 1798 г., а ранее был генеральным прокурором Ирландии. Именно в таком качестве он не допустил казни своего родственника и полного разгрома Общества в 1794 г. В ходе же инцидента 1803 г. Эммет лично спас дочь Килвардена[18].

Наиболее развёрнутую критику законопроекта представили два известных государственного деятеля – премьер-министр Генри Аддингтон (1757–1844), 1-й виконт Сидмут, и Роберт Стюарт Каслри (1769–1822), будущий министр иностранных дел Великобритании (с 1812 г.), а накануне унии – глава комитета по делам Ирландии. Каслри впервые акцентировал вопрос об угрозе иностранного вторжения в качестве аргумента в пользу ужесточения законодательства. Позицию же Аддингтона следует рассмотреть подробнее. На вопрос о том, нужно ли собрать комитет по расследованию деятельности ирландского правительства накануне восстания, он отвечает отрицательно. Ведь, полагает он, в предшествующих случаях подобные комитеты не собирались. Премьер-министр ссылается здесь на репрессивные законы 1795–1796 гг., такие как «Акт об охране личной безопасности короля и правительства против мошеннических и мятежных действий и покушений», «Акт о более действенных мерах для предупреждения мятежных собраний и митингов», а также приостановление действия Хабеас корпус акт. Причём последняя мера действовала до 1801 г.[19] Не потребовалось комиссии и в ходе продления данных законов, включая и билль 1799 г. о военном положении в Ирландии, когда была заключена уния двух стран[20].

[17] Мирошников, Шишкина 2018, 77; Грудзинский 2015, 125.
[18] Тарле 1957, 391.
[19] Лабутина, Ильин 2012, 220–221.
[20] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#column_117 (accessed: 04.07.2023).

Точка зрения упомянутого Уильяма Уиндхэма (1750–1810) также весьма интересна. Прежде всего надо сказать несколько слов о его биографии. Уиндхэм – виг, в прошлом – один из сторонников маркиза Рокингема наряду с Ч. Дж. Фоксом и Э. Бёрком. В дальнейшем пути политиков разошлись. Фокс стал лидером непримиримой оппозиции правительству У. Питта-младшего. Однако Уиндхэм и Бёрк к 1793 г. создали фракцию лояльных к правительству вигов («третью партию»), разошедшись со своими коллегами по вопросу о войне с Францией[21]. Памфлет Бёрка «Размышления о революции во Франции» считается основополагающим текстом в идеологии консерватизма как в Англии, так и за рубежом.

Уиндхэм отстаивал органицистский подход к обществу и государству в чём, возможно, следовал за своим единомышленником Бёрком. Он утверждал, что конституцию нельзя остановить как мельницу. Ею не управляют так, как полковник командует подразделением. Исключительные полномочия правительства он считал вполне допустимыми, но только в исключительных же случаях. На тот момент, он считал, говорить о них преждевременно. Угроза вторжения – также пока что опасность, в реальности не существующая. Деспотизм, по его словам, возможно, хороший инструмент, но только в руках ангелов. Человек между тем существо слабое и греховное. Его кредо можно выразить принципом: большие права – большая ответственность. «Я не говорю, ваша мера неправильна, но хочу точно знать, почему она правильна», – подводит он итог сказанному[22].

К представителям фракции Бёрка – Уиндхема в парламенте относился также Ф. Лоуренс (1757–1809). Сущность его позиции заключалась в том, что военное положение как таковое чуждо конституции. Он ссылается на прецеденты эпохи Эдуарда III, когда король, пребывая во Франции (речь идёт о Столетней войне), столкнулся с восстаниями у себя на родине. Парламент не вводил мер, аналогичных военному положению. Ограничения касались только процедуры освобождения под залог. Можно сказать, как говорил Лоуренс, что это было приостановление Хабеас корпус акта в смягчённой форме. Конечно же, закон с соответствующим названием, принятый парламентом в 1679 г., представлял собой не нововведение, а возобновление старинного обычая.

Кроме того, согласно биллю о мятежах, военный суд должен состоять из 13 офицеров, а сам обвиняемый должен иметь копию материалов судеб-

[21] O'Gorman 1967, XIV–XV.
[22] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#S1V0001P0_18031205_HOC_24 (accessed: 04.07.2023).

ного разбирательства и приговора. Военные суды могут формироваться и меньшим числом офицеров, например в Ботани – месте ссылки преступников в Австралии. Однако там в силу обстоятельств физически невозможно применить общее правило. В то время как в Ирландии расквартирована большая армия![23] Лоуренс имеет здесь в виду Акт о мятежах 1689 г., который юридически разделил понятия "*military law*" и "*martial law*". К первому относились меры, призванные поддержать дисциплину в войсках, ко второму – процесс приостановления гражданского законодательства на оккупированной территории. С этого времени "*martial law*" остался прерогативой короны и стал обсуждаться в контексте споров о прерогативах[24]. Таким образом, согласно Лоуренсу, правительство всегда делало попытки приблизить законодательство военного времени к нормам конституции.

В дебатах принял участие также известный аболиционист и филантроп Уильям Уилберфорс (1759–1833). В шутку возражая Уиндхэму, он признаёт природу деспотизма настолько плохой, что не доверил бы его даже ангелам, а предпочёл бы британскую конституцию. Уилберфорс и впрямь считает действующее британское законодательство вполне достаточным для решения даже самых серьёзных проблем. Конституция, по его мнению, и так даёт королю полномочия созвать ополчение в случае военного вторжения. Уния 1800 года, о которой также не следует забывать, связала Англию и Ирландию едиными законами, следовательно, и права у двух стран общие[25].

Наконец, нельзя пройти мимо выступления генерала Уильяма Лофтуса (1752–1831). Его персона в данном случае очень важна, поскольку Лофтус не только офицер с большим опытом, но также участник подавления восстания Т. У. Тона и войны против североамериканских колоний. Даже в тяжелых условиях 1798 года, как аргументировал он, к военному положению прибегали не полностью. Оно затрагивало лишь те графства, где королевским судьям мятеж помешал совершать свои поездки, чтобы привести в действие обычное право[26].

Среди умеренных противников законопроекта следует назвать генерального прокурора Спенсера Персиваля (1762–1812), впоследствии – премьер-министра (с 1809 г.). Он уточнил, что закон предполагается как вре-

[23] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#column_126 (accessed: 04.07.2023).
[24] Keane 1990/1992, 150–151, 159.
[25] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#S1V0001P0_18031205_HOC_20 (accessed: 04.07.2023).
[26] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#S1V0001P0_18031205_HOC_22 (accessed: 04.07.2023).

менная мера, причём будет охватывать лишь отдельные местности. Ему не предписана функция заменить обычное законодательство, но, напротив, служить для него вспомогательной мерой[27]. Также не все представители англо-ирландской аристократии, подобно Эллиоту, смотрели на «ирландский вопрос» с правовой точки зрения. В качестве примера можно указать заявление некого землевладельца Хили-Хатчисона. Лейтмотивом его выступления была идея о покровительственном отношении Англии к Ирландии, которую сравнивает с «больным ребёнком», нуждающимся в трудном лечении. Он также акцентирует внимание на разнице исторических условий двух стран. Также в состав его аргументации входит убеждение, что цель (процветание Ирландии) оправдывает средства[28].

Несмотря на очень серьёзные возражения продлению билля о военном положении, эта мера всё-таки была принята. Противостояние развернулось в основном по линии: торийский кабинет с их ставленниками – вигская оппозиция. Виги апеллировали к либеральным свободам, конституции, указывали на необходимость заручиться доверием ирландского народа. Тори по преимуществу отталкивались от политических интересов, а не конституционных принципов. Для них более характерны были отсылки к «особым условиям», при помощи которых можно обойти нормальное конституционное право. К ним относятся: угроза вражеского вторжения (хотя и недоказанная), различие положения Англии и Ирландии, последствия событий 1798 г. и проч.

Противники же билля не представляли собой однородной среды. Можно предположить, что готовность вигов в целом к уступкам связана с их оппозиционным положением. С другой стороны, часть из них к тому времени перешли на лояльные позиции на фоне войн с революционной Францией. Так, представители фракции «виндхемитов» (У. Уиндхэм, У. Эллиот, Ф. Лоуренс), если рассматривать их позицию в динамике, выглядят непоследовательными. Оппоненты (в том числе Аддингтон и Персиваль) упрекали их в том, что в 1799 г. они имели иную точку зрения по вопросу о военном положении. Причём Уиндхэму приписывалась Персивалем фраза «В пользу кого смягчение наших законов? Предателей?»[29]. Таким образом, позиция «новых вигов» не выглядит самостоятельной, в отдельных случаях совпадая с мнением правительства, в другой – оппозиции. В то же время

[27] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#column_128 (accessed: 04.07.2023).
[28] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#column_129 (accessed: 04.07.2023).
[29] Irish martial law bill // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1803/dec/05/irish-martial-law-bill#column_128 (accessed: 04.07.2023).

взгляды конкретно У. Уиндхэма кажутся довольно сложными и заслуживающими отдельного изучения. Тем более что он практически никак не был связан с Ирландией, в отличие от своих коллег (за исключением краткого пребывания на посту генерального секретаря в 1783 г.). То есть его соображения проистекали из принципиальной позиции и не обусловливались семейными и патерналистскими интересами.

Во всяком случае, исходя из содержания парламентских дебатов, вполне очевидно, что в той ситуации была возможность остаться на конституционных основах. Возобладала, однако, не правовая логика, а стереотипы «сильного правительства», «французского вторжения», «страны-метрополии», что и привело к принятию репрессивных мер.

Литература / References

Апрыщенко 2020 = *Апрыщенко В. Ю.* Особенности государственных институтов Ирландии XVIII века // Научный диалог. 2020. № 6. С. 386–400. **DOI:** 10.24224/2227-1295-2020-6-386-400.

Apryshchenko V. Yu. Osobennosti gosudarstvennyh institutov Irlandii XVIII veka [Features of the State Institutions of Ireland of the XVIII Century] // Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]. 2020. No. 6. P. 386–400. **DOI:** 10.24224/2227-1295-2020-6-386-400.

Афанасьев 1907 = *Афанасьев Г. Е.* История Ирландии. СПб., 1907. 237 с.

Afanasyev G. E. Istoriya Irlandii [History of Ireland]. St. Petersburg, 1907. 237 p.

Белов, Витальева 2011 = *Белов М. В., Витальева А. И.* Эдмунд Бёрк – ранний идеолог Британской империи // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 74–99.

Belov M. V., Vital'eva A. I. Edmund Byork – ranniy ideolog Britanskoy imperii [Edmund Burke – Early Ideologue of the British Empire] // Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2011. Iss. 34. P. 74–99.

Гольман (ред.) 1980 = История Ирландии / под ред. *Л. И. Гольмана*. М., 1980. 390 с.

Istoriya Irlandii [History of Ireland] / ed. by *L. I. Golman*. Moscow, 1980. 390 p.

Грудзинский 2015 = *Грудзинский В. В.* Имперская проблема и англо-ирландская уния 1801 года // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2015. Вып. 66, № 24 (379). С. 122–136.

Grudzinskiy V. V. Imperskaya problema i anglo-irlandskaya uniya 1801 goda [The Imperial Problem and the Anglo-Irish Union of 1801] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk State University. History.]. 2015. Iss. 66, No. 24 (379). P. 122–136.

Джексон 1949 = *Джексон Т. А.* Борьба Ирландии за независимость. М., 1949. 362 с.

Jackson T. A. Bor'ba Irlandii za nezavisimost' [Ireland's Struggle for Independence]. Moscow, 1949. 362 p.

Егоров 2017 = *Егоров А. А.* Амьенский мир 1802 года и его английские критики //

Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 4 (196). С. 44–47. **DOI:** 10.23683/0321-3056-2017-4-44-47; **EDN:** YKHSMO

Egorov A. A. Am'enskiy mir 1802 goda i ego angliyskie kritiki [Treaty of Amiens of 1802 and its English critics] // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki [News of Higher Educational Institutions. The North Caucasus region. Social sciences]. 2017. № 4 (196). P. 44–47. **DOI:** 10.23683/0321-3056-2017-4-44-47; **EDN:** YKHSMO

Лабутина 2012 = *Лабутина Т. Л., Ильин Д. В.* Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012. 304 с.

Labutina T. L., Ilyin D. V. Angliyskoe Prosveshchenie: obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl' [English Enlightenment: Socio-political and Pedagogical Thought]. St. Petersburg, 2012. 304 p.

Мирошников 2008 = *Мирошников А. В.* Три века Ирландии: в 3 кн. Кн. 1. Воронеж, 2008. 315 с.

Miroshnikov A. V. Tri veka Irlandii [Three Centuries of Ireland]: in 3 books. Book 1. Voronezh, 2008. 315 p.

Мирошников, Шишкина 2018 = *Мирошников А. В., Шишкина И. Б.* Семантика ирландского национализма // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 2. С. 76-81. **DOI:** 10.23683/0321-3056-2018-2-76-81

Miroshnikov A. V., Shishkina I. B. Semantika irlandskogo natsionalizma [Semantics of Irish nationalism] // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki [University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series]. 2018. No. 2. P. 76-81. **DOI:** 10.23683/0321-3056-2018-2-76-81

Тарле 1957 = *Тарле Е. В.* Ирландия от восстания 1798 года до аграрной реформы нынешнего министерства // *Тарле Е. В.* Сочинения. В 12 т. Т. 1. М., 1957. С. 305–583.

Tarle E. V. Irlandiya ot vosstaniya 1798 goda do agrarnoy reformy nyneshnego ministerstva [Ireland from the Uprising of 1798 to the Agrarian Reform of the Current Ministry] // *Tarle E. V.* Sochineniya [Essays]. In 12 vols. Vol. 1. Moscow, 1957. P. 305–583.

Черняк 1962 = *Черняк Е. Б.* История английского рабочего движения в новое время в конце XVIII – начале XIX в. М., 1962. 718 с.

Chernyak E. B. Istoriya angliyskogo rabochego dvizheniya v novoe vremya v kontse XVIII – nachale XIX v. [History of the English Labor Movement in Modern Times at the End of the XVIII – Beginning of the XIX Century]. Moscow, 1962. 718 p.

Blackstock 2000 = *Blackstock A.* The Union and the mutiny, 1801 – c. 1830 // Transactions of the Royal Historical Society. 2000. Vol. 10. P. 329–351.

Curtis 1936 = *Curtis E.* A History of Ireland. London, 1936. 446 p.

Ehrman 1996 = *Ehrman J.* The Younger Pitt. The Consuming Struggle. Stanford (CA), 1996. 928 p.

Hassall 1908 = *Hassall A.* Viscount Castlereagh. London, 1908. 248 p.

Holland Rose 1911 = *Holland Rose J.* William Pitt and the Great War. London, 1911. 596 p.

Hyde 1933 = *Hyde H. M.* The Rise of Castlereagh. London, 1933. 478 p.

Keane 1990/1992 = *Keane R.* "The will of the general": martial law in Ireland, 1535–1924 // Irish Jurist. 1990/1992. Vol. 25/27. P. 150–180

Kenny 2004 = *Kenny K.* Ireland and the British Empire. Oxford, 2004. 296 p.

Lecky 1892 = Lecky W. E. H. A History of Ireland in the Eighteenth Century. Vol. V. London, 1892. 560 p.

Madden 1916 = *Madden R. R.* The United Irishmen. Their Lives and Times. New York, 1916. 343 p.

O'Gorman 1976 = *O'Gorman F.* The whig party and the French Revolution. New York, 1967. 270 p.

Pellew 1847 = *Pellew G.* The Life and Correspondence of the right hon. Henry Addington, first viscount Sidmouth. In 3 vols. Vol. 2. London, 1847. 520 p.

Wilson 1933 = *Wilson P. W.* William Pitt the Younger. New York, 1933. 547 p.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЧЕРЕЗ ПРОЛИВ: АНГЛИЧАНЕ И ФРАНЦУЗЫ В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ В 1805–1808 гг.

Лилия Равильевна Сабитова

Об авторе:

кандидат исторических наук

ORCID: 0000-0002-0683-903X
РИНЦ AuthorID: 966006

Аффилиация:

Саратовский
государственный
университет
имени Н. Г. Чернышевского

Электронная почта:
sabitovaliliya90@mail.ru

Статья посвящена одному из средиземноморских сюжетов эпохи Наполеоновских войн – конфронтации держав в южной Италии, на территории Неаполитанского королевства. Этот стратегически важный регион между Западом и Востоком крайне слабо защищался его непосредственными хозяевами. Их власть держалась на нейтралитете и интригах, лавировании между Францией и членами антифранцузской коалиции. После разрыва Амьенского мира в 1803 г. Наполеон направил существенные силы к неаполитанским границам. Англия и Россия ответили на это организацией совместной операции по защите Неаполя: в 1805 г. с Корфу в южную Италию были отправлены русские, а с Мальты – английские войска. Впрочем, подобная активность скорее навредила Неаполю, убедив Наполеона в лживости местной Бурбонской династии и укрепив его в намерении завоевать Италию полностью, изгнав неаполитанских монархов с территории королевства и посадив на их трон своего брата Жозефа. Поняв, что сопротивление превосходившей их французской армии бесполезно, союзники приняли решение об эвакуации. Впрочем, если русские вернулись на Корфу по приказу императора Александра I, то англичане все же предприняли попытку защиты части Неаполитанского королевства – Сицилии – и эмигрировавшего туда королевского двора. С разрешения монархов британские солдаты высадились на острове и заняли крепость Мессины. Тем временем французы вошли в Неаполь. Однако для полной победы им требовалось захватить и Сицилию, о чем неустанно напоминал брату Наполеон. Со своей стороны, англичане на Сицилии вынашивали планы по высадке на континент и нанесения удара по французам. Только узкий пролив отделял соперников друг от друга, и в течение двух лет инициатива переходила из рук в руки. При этом каждая сторона имела целью скорее сохранить статус непобежденной, чем нанести противнику решительное поражение.

Ключевые слова: Средиземноморье, Наполеон, Неаполитанское королевство, англо-русская операция, Сицилия, Калабрия, битва при Маиде.

Для цитирования:
Сабитова Л. Р. Противостояние через пролив: англичане и французы в южной Италии в 1805–1808 гг. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 181–192. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.014

CONFRONTATION ACROSS THE STRAIT: THE ENGLISH AND THE FRENCH IN SOUTH ITALY IN 1805–1808

Liliya R. Sabitova

About the author:

PhD in History

ORCID: 0000-0002-0683-903X
РИНЦ AuthorID: 966006

Affiliation:

Saratov State University

Email:
sabitovaliliya90@mail.ru

The article is devoted to one of the Mediterranean aspects of the Napoleonic wars period – the confrontation in South Italy, in the Neapolitan Kingdom. This strategically important region between the West and the East was poorly defended by its owners. Neutrality and intrigues, maneuvering between France and the states-members of the anti-French coalitions were the basis of their power. After the break of the Amiens treaty in 1803 Napoleon turned his troops to the Neapolitan borders. Britain and Russia responded at once by organizing a joint military operation. Russian troops were sent from Corfu, while the British came from Malta. However, such activity was more of harm to Naples. It convinced Napoleon of the Neapolitan Bourbons' deceitful nature, and strengthened his desire to conquer the whole of Italy, banishing the monarchs from their kingdom and replacing the vacant throne with his brother Joseph. Having understood the hopelessness of confronting the much bigger French army, the allies decided to retreat. Still, while the Russians returned to Corfu according to the order of Emperor Alexander I, the British made an attempt to defend at least a part of the Kingdom – Sicily – together with the royal court that had emigrated there. By the King's permission the British soldiers landed on the island and occupied the fortress of Messina. Meanwhile, the French entered Naples. However, for final victory they needed to capture Sicily as well, and Napoleon kept reminding his brother about it. At the same time, the British at Sicily came up with plans of landing on the continent and striking a blow to the French. Just a narrow straight separated the enemies from each other, and during the two years that followed the initiative changed hands. It should be noted that neither side actually tried to win a decisive victory, but rather to save the status of having remained unbeaten.

Keywords: Mediterranean, Neapolitan Kingdom, Napoleon, Anglo-Russian joint operation, Sicily, Calabria, battle of Maida.

For citation:
Sabitova L. R. Confrontation across the Strait: The English and the French in South Italy in 1805–1808 // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 181–192. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.014

Антифранцузские коалиции конца XVIII – начала XIX века давно являются объектом пристального внимания историков. Эпоха Наполеона, казалось бы, уже изучена вдоль и поперек. Однако нельзя не признать – в основном исследователей привлекали ключевые события, влиявшие на итоги вооруженного противостояния в Европе. В то же время ряд второстепенных операций и дипломатических ходов, как правило, упоминался вскользь, или вовсе оставался «за кадром». Такая судьба, в частности, постигла ряд средиземноморских операций. Относительно недавно стало появляться мнение, что Средиземное море в упоминаемый период было местом актив-

ной борьбы ведущих европейских (и не только) дипломатий и армий, и происходившие здесь события активно влияли на затянувшийся конфликт. Хотя сам Наполеон после Египетского похода больше в регионе не появлялся, его авантюра четко определила наличие у европейских государств определенных интересов на этой территории. И он прекрасно знал, как эту карту разыграть.

Толчком к формированию третьей антифранцузской коалиции традиционно считается убийство герцога Энгиенского (1804). Однако еще до этого, после разрыва Амьенского мира, Наполеон двинул войска генерала Гувийона Сен-Сира в Южную Италию, где тот перешел границу с Неаполитанским королевством и остановился. Это был политический ход: с территории Апеннинского полуострова, делившего пополам Средиземное море, можно было отправить экспедицию на Восток (в Египет и Индию, что волновало Англию, или в Грецию, на Ионические острова и в Османскую империю, что волновало Россию). Египетский поход убедительно показал, что подобные авантюры весьма в духе Наполеона и совершенно реальны. Кроме того, сам факт вторжения на территорию нейтрального государства не мог остаться без внимания. С этого момента Англия и Россия начали разворачивать сотрудничество на южном направлении – операцию по защите Неаполя.

Стоит сделать небольшой обзор предшествующих событий и посмотреть, как развивалась судьба Неаполитанского королевства в предшествующий период. Эта ценная стратегическая территория между Западом и Востоком, обеспеченная удобными портами, использовалась ее непосредственными суверенами совершенно неумело. Правила здесь ветвь Бурбонов – родственники французских и испанских монархов. Фердинанд IV, ставший королем в совсем юном возрасте, совершенно не любил государственную деятельность. Охота и развлечения были его главными занятиями. Тем не менее народ, а особенно знаменитые неаполитанские лаццарони, души не чаял в короле, считая его своим.

Совершенной противоположностью королю была его супруга – Мария Каролина, дочь австрийской императрицы Марии Терезии и сестра французской королевы Марии-Антуанетты. Она активно занималась политикой и согласно брачному контракту после рождения наследника имела право голоса в Государственном совете. Наполеон даже назвал ее как-то «единственным мужчиной в Неаполе». Однако она была крайне эмоциональна, раздражительна, впадала в крайности, то строя грандиозные планы, то опуская руки и уходя в депрессию. Габсбургское величие больно ощущало отсутствие ресурсов. Слабохарактерного, недалекого и трусливого мужа Мария Каролина презирала так же, как и его подданных. И у них к ней отношение было такое же, как во Франции к ее сестре Марии-Антуанетте – «австриячке». Закономерно, что и королева предпочитала приближать к себе иностранцев. Особо теплые и проверенные временем отношения связывали ее с англичанами. Фаворит сэр Джон Актон даже стал премьер-министром.

Более 35 лет британским посланником в Неаполе был сэр Уильям Гамильтон, известный специалист в области археологии, вулканологии, античного искусства. Его супруга Эмма стала доверенным лицом королевы.

Родственные связи неаполитанских монархов предопределили его антифранцузскую ориентацию после начала Революции 1789 г., и окончательно прояснились после казни Людовика XVI. В 1793 г. Мария Каролина начала разрабатывать проект договора с Англией, предполагающий вступление Неаполя в коалицию, и отправила специального представителя в Лондон. Однако появившийся на рейде с эскадрой французский адмирал де Латуш Тревиль, угрожая бомбардировкой города, вынудил короля признать Республику. Английский проект был приостановлен, условно до тех пор, пока в территориальных водах Неаполя не будет находиться английский флот[1].

С этого момента для Неаполя начался период вынужденного нейтралитета. Королева мечтала отомстить за гибель сестры на гильотине – она была потрясена, что с иностранкой могли так поступить. Однако ресурсов, чтобы выступить против французов открыто, у ее государства не было. Армия едва превышала 10 тысяч человек, итальянских «полишинелей», не имевших боевого опыта. Флот королева пыталась строить, однако до реализации ее проекта было очень далеко. Несколько лет прошло в ожидании возможного вторжения. Однако в 1796 г. Наполеон во время своего знаменитого Итальянского похода до Неаполитанского королевства не дошел. Цена была та же – нейтралитет.

Тем не менее какие-то шаги все же предпринимались. Имели место гонения на инакомыслящих. В 1793 г. Неаполь предоставил силы для Тулонской операции. В 1796 г. королева через Гамильтонов передала средиземноморскому командованию британского флота копию письма испанского короля своему неаполитанскому собрату с извещением о скором переходе Испании на сторону Франции. В итоге англичане вовремя приняли необходимые меры и вскоре разгромили испанский флот в сражении при мысе Сан-Висенти (1797). Летом 1798 г. Мария Каролина в нарушение нейтралитета подписала бумагу, разрешающую эскадре адмирала Г. Нельсона пополнить запасы воды и продовольствия на Сицилии, входящей в состав Неаполитанского королевства. После победы при Абукире у берегов Египта (1–2 августа 1798 г.), где остался отрезанный от Европы Наполеон со своими элитными подразделениями, Нельсона встретили в Неаполе как героя. Маску наконец-то можно было сорвать. Неаполитанское королевство официально вступило во вторую антифранцузскую коалицию. Армию решено было направить на занятый французами Рим (в качестве командующего королева выпросила у своего брата – австрийского императора – генерала Мака, впоследствии известного своей капитуляцией под Ульмом). В итоге «прогулка в Рим» позорно провалилась, король бежал, переодевшись в пла-

[1] Трухановский 1984, 157.

тье камердинера, а французские войска двигались на Неаполь. В конце декабря 1798 г. королевский двор на флагманском корабле Нельсона в панике эвакуировался на Сицилию, в свою вторую столицу – Палермо[2].

Зимой 1799 г. Неаполь заняли французы и основали там Партенопейскую республику. Однако просуществовала она недолго. Уже весной была организована армия санфедистов, постепенно освобождать территорию королевства прибыли союзники. В июне была подписана капитуляция, по которой заблокированные в крепостях французы и республиканцы могли отправиться во Францию. Однако прибывший с эскадрой Нельсон отказался признавать капитуляцию и выпускать мятежников до прибытия короля. А Фердинанд IV попросту развернул «белый террор», впрочем, вполне соответствовавший намерениям королевы. Его масштабы испугали даже англичан. Однако окончательно вернуться в Неаполь король решился только в 1802 г[3].

Еще одной нитью, связавшей Неаполь с Англией, стала Мальта. Еще император Карл V в XVI в. постановил, что в случае, если рыцари-госпитальеры покинут остров, он должен отойти к Неаполитанскому королевству. В 1798 г., после того как магистр ордена бежал, именно такая ситуация и сложилась. Однако Неаполь был не в состоянии обеспечивать безопасность острова, и ее явно рассчитывали взять на себя англичане. Администрацией освобожденной части Мальты уже руководил капитан Александр Болл[4].

Таким образом, Неаполитанское королевство было территорией, которое по большому счету не принимало участия в боевых действиях и не представляло собой военной угрозы, однако из-за своего стратегического положения, контроля над портами, удобства в качестве плацдарма для отправки экспедиций в разные части Средиземного моря, находилось под пристальным вниманием воюющих сторон.

Поэтому вполне логично, что пересечение границы королевства французской армией в 1803 г., после разрыва Амьенского мира, было воспринято с тревогой, прежде всего Англией и Россией. Тем более что еще в 1801 г. Неаполь подписал с Францией во Флоренции новый договор о нейтралитете. Весной 1803 г. главнокомандующим британским средиземноморским флотом был назначен все тот же адмирал Нельсон. Его главной задачей было уничтожение французского флота в Тулоне, причем в распоряжении его находились весьма ограниченные ресурсы. Тем не менее английский командующий выделил линейный корабль для патрулирования берегов Неаполя в случае необходимости эвакуации королевской семьи. Впрочем, любезное приглашение королевы отдохнуть в Италии он отклонил, более того – в его письмах Марии Каролине можно найти советы о

[2] Flayhart 1992, 123.
[3] Mahan 1900, 699–727.
[4] Pirotta 1996, 43–44.

необходимости прогрессивных реформ на Сицилии, чтобы у местных не было искушения перейти на сторону Франции[5]. Пока же адмирал активно собирал разведданные о намерениях армии Сен-Сира: не планируется ли новый Восточный поход? Однако начальству он отписывал, что за владения Порты можно не опасаться: их сейчас слишком ревностно оберегает новая союзница турок – Россия, а Бонапарт вряд ли пойдет намеренно на конфликт с новым императором, который до сей поры держал нейтралитет[6].

Впрочем, Россию действия французов в Италии действительно беспокоили. Поэтому в марте 1804 г. на Ионические острова прибыло подкрепление для русского гарнизона (всего получалось 11 тысяч) и несколько военных кораблей. А в 1805 г. в Неаполь был отправлен русский генерал для оценки военной ситуации.

В Великобритании 1805 г. был ожиданием возможного вторжения французов. Однако в этот напряженный момент правительство посчитало возможным отправить экспедицию в Средиземное море для защиты Сицилии. Причем главнокомандующему сухопутными силами сэру Джеймсу Крейгу предписывалось, даже без согласия короля, захватить остров либо выгнать с него французов. Оговаривалось при необходимости взаимодействие с Россией[7].

В течение нескольких месяцев, с 19 марта по 18 июля, британские силы продвигались к Мальте (стараясь по возможности избежать встречи с франко-испанским флотом адмирала Вильнева). Во время этого путешествия, 26 мая 1805 г., Наполеон короновал себя королем Италии в Милане, назначив вице-королем своего пасынка Евгения Богарне. 4 июня к Франции присоединились Генуя и Лигурийская республика. Более ясными намерения Наполеона быть не могли.

30 ноября Крейг и его офицеры прибыли в Кастелламаре, близ Неаполя, где были встречены королевской четой. За этой встречей имел возможность наблюдать будущий известный поэт С. Т. Колридж, бывший в то время секретарем губернатора Мальты А. Болла. Офицеры были приглашены на обед, где английский командующий познакомился со своим русским коллегой. Генерал Морис Лейси (в русской традиции – Борис Петрович Ласси), 70-летний участник Семилетней войны, уже много лет был в отставке к тому моменту, как Александр I решил назначить его командующим русскими силами в Италии. Собственно, изначально он и его заместитель должны были осмотреть предполагаемый театр военных действий, изображая штатских. Однако произошел казус – на первом же приеме любезный британский посол сразу представил их как военных.

Впрочем, многое изначально показалось союзникам сомнительным. Принципы неаполитанского двора не обнадеживали. За годы, проведенные

[5] White 2005, 185.
[6] Knight 2005, 197.
[7] Mackesy 1957, 59.

в состоянии нейтралитета, Неаполь научился политически лавировать, причем весьма неприглядно. Так, еще до этого королева в письмах жаловалась на компрометирующие Неаполь действия Англии (нахождение линейного корабля в территориальных водах, убежденность англичан в необходимости ввести силы для защиты Сицилии), и предлагала полагаться скорее на гарантии России. Теперь же, 10 сентября 1805 г., Мария Каролина заключила секретную договоренность с русским послом Татищевым, по которой в случае вторжения Франции Россия предоставляла армию и гарантировала также участие в операции 6 тысяч британских солдат. А 22 сентября неаполитанский посол маркиз Галло заключил договор о нейтралитете в Париже. Союзникам неаполитанские монархи об этом сказали и пояснили, что выполнять договор не собираются, так как их заставили его подписать против их воли[8].

Тем временем Наполеон, планировавший до этого двинуть армию Сен-Сира на Неаполь, после ратификации договора Фердинандом IV решил вывести ее из Италии. Отход начался 9 октября. Таким образом, союзникам не было смысла проводить операцию по защите Неаполя. Однако войска все же высадились, прибыв с Мальты и Корфу, и двинулись на северные границы королевства. Сразу же выявилась проблема – нехватка кавалерии (у союзников было всего 300 драгун), которой было бы удобнее действовать на данной местности, чем пехоте. На севере предполагалось расположить с запада на восток английские, русские и неаполитанские силы[9].

В это же время Наполеон вошел в Вену и узнал о происходившем в Неаполе. Комментарии его были весьма резкими: неаполитанские Бурбоны – люди без верности, чести и рассудка, существование их несовместимо с миром в Европе и честью его короны[10]. На этот раз с ними решено было покончить. 30-тысячная французская армия двинулась на Неаполь. Одновременно с этим появились сообщения о разгроме союзных армий при Аустерлице (2 декабря 1805 г.). Поражение коалиции стало очевидным.

Английский командующий сэр Джеймс Крейг писал в Лондон, что вряд ли можно остановить в Италии французов. Логичнее было отступить и защитить Сицилию. Однако Крейг подчеркивал, что, если русский генерал (как старший по званию) останется, он тоже сочтет это делом чести. Русские военные и дипломаты в этом отношении ждали приказа царя. Однако уже 1 января 1806 г. на совместной конференции решено было уходить. У Бурбонов началась паника. Предлагались разные планы: закрепиться периметром вокруг Неаполя или попробовать отстоять хотя бы «носок» Италии – Калабрию, чтобы «сохранить лицо». Однако 7 января пришел приказ им-

[8] Flayhart 1992, 111–112, 127.
[9] Mackesy 1957, 85.
[10] Flayhart 1992, 159.

ператора Александра – русским уйти обратно на Корфу. Крейг заявил, что это снимает ответственность с англичан, и офицеры попрощались[11].

Английские военные негодовали: «Мы высадились, маршировали в одну сторону несколько дней, потом обратно – и эвакуировались, не понюхав пороха и даже не увидев врага». Негодовала и королева: «Крейг опозорил страну, потерявшую контроль над Средиземноморьем, Левантом и Египтом»[12]. Наполеону она послала письмо с предложением мира, в залог которого предлагала сдать французам две крепости. Однако в ответ узнала, что командовать шедшей на Неаполь армией назначен сам брат императора, Жозеф Бонапарт. Это отметало все сомнения в отношении намерений Наполеона касательно будущего Неаполитанского королевства.

19 января британские транспорты подошли к Сицилии. Однако высадка задержалась почти на месяц – без разрешения монарха это означало бы попросту захват острова. Фердинанд же хотел, чтобы британские войска отбыли на Мальту. Отсутствие войск союзников на территории королевства должно было выглядеть как жест доброй воли на переговорах с Францией[13]. Только через месяц монархи поняли тщетность данной затеи и согласились на высадку и ввод британского гарнизона в крепость Мессины. Сами они также бежали на Сицилию. А в Неаполь 15 февраля 1806 г. вошла французская армия, потеряв за весь поход всего 2 человека убитыми.

Так закончилась эта странная совместная операция. Для России она стала просто очередным неудачным мероприятием, как, впрочем, и все её участие в третьей антифранцузской коалиции. А вот англичане получили ряд выгод. Прежде всего – Сицилию и фактически контроль над эмигрировавшими легитимными монархами. Сицилия лишала возможности атаковать Мальту и являлась дополнительным плацдармом на пути на восток.

Но главный результат для англичан заключался в следующем. Осенью 1805 г., Наполеон, получив известия о перемещениях английских и русских сил близ Италии, отправил приказ «разобраться» с ними в испанский Кадис, где стоял объединенный франко-испанский флот под командованием адмирала Вильнева. В ответ на извещение адмирала о неготовности к операции, Наполеон, считавший флот в основном «обслугой» для нужд армии, росчерком пера подписал указ о его замене. Вильнев посчитал свою честь задетой, к тому же в Париже за отказ исполнить приказ его мог ждать расстрел. Поэтому он вывел армаду из 36 кораблей в море – прямо на эскадру адмирала Нельсона. Дальнейшее известно – уничтожение франко-испанского флота в битве при Трафальгаре (21 октября 1805 г.) поставило крест на планах Наполеона по вторжению в Англию.

Тем временем события в южной Италии продолжали развиваться, теперь уже при участии только Англии и Франции. Французская армия

[11] Flayhart 1992, 143.
[12] Hopton 2002, 65.
[13] Mackesy 1957, 109.

стремительно продвигалась по Апеннинскому полуострову. Некоторое сопротивление пыталась оказать неаполитанская армия под командованием французского эмигранта генерала Роже Дама, но безуспешно: 9 марта 1806 г. она была разбита в сражении при Кампо-Тенезе. Сицилию от континента отделял лишь небольшой пролив, и французы могли в любой момент предпринять попытку переправы. Генерал Крейг прекрасно это понимал и послал за подкреплением на Мальту. Оттуда вскоре прибыли солдаты 81-го пехотного и 78-го Хайлендского полков. Общая численность британских солдат на Сицилии достигла около 8 тысяч человек.

Однако высадка французов на остров все не предпринималась. Наполеон с досадой писал брату Жозефу, что уже «давно пора быть хозяином Сицилии» и завершить завоевание Неаполитанского королевства. Жозеф же полагал, что для этого нужно не менее 25 тысяч солдат. Наполеон в ответ резко заявлял, что с 9 тысячами французских солдат вполне можно победить 30 тысяч английских[14].

Однако у Жозефа действительно были причины медлить. Несмотря на то, что в самом узком месте пролив между Сицилией и континентальной Италией достигал всего двух миль, там было бурное течение, что сильно затрудняло возможность переправы. Мессина, где в основном расположились английские войска, имела удобную безопасную гавань, защищенную средневековой крепостью. Но главное – пролив полностью контролировался британским флотом. Там уже находились четыре линейных корабля, а в апреле 1806 г. прибыл еще один, 80-пушечник «Помпея», на борту которой находился контр-адмирал У. С. Смит, ранее отличившийся при осаде Акры и заключении Эль-Аришской конвенции с французами (1799) и известный своим инициативным подходом.

Практически сразу же Смит принялся создавать сложности для французов. Так, в южную провинцию Калабрия, где французы буквально грабили местное население, он доставил Микеле Пецца, больше известного как Фра Дьяволо, участника «белого террора» 1799 г., для организации там сопротивления. Далее, Смит осуществлял снабжение осажденной крепости Гаэта в 50 милях севернее Неаполя. Гаэта продолжала сопротивление до середины июля 1806 г. Для взятия крепости прибыл сам генерал Массена. Операция оттянула на себя 8 тысяч французских солдат, из которых тысяча была потеряна. Еще до этого, в мае, французы сдали Смиту остров Капри, который можно было использовать в качестве дополнительной военно-морской базы. Королева Мария Каролина в восторге называла британского командира «новым Нельсоном», а Фердинанд IV поручил ему командование всеми силами на Сицилии, за что Смита прозвали «плавающим вице-королем».

Однако успехов одного человека было все же мало. К тому же в Лондоне, где пришло к власти «министерство всех талантов», полагали необхо-

[14] Hopton 2002, 71.

димым развивать инициативу на средиземноморском направлении. В итоге, пока французы колебались относительно высадки на Сицилии, англичане уже разрабатывали свои планы высадки на континент[15].

Местом для этого решено было сделать залив Св. Эфемии южнее Неаполя. В этом случае английские войска оказывались между армией генерала Ренье с севера и основными французскими силами с юга, создавая проблему для французских коммуникаций. Главной задачей английского командующего генерала Стюарта (сменившего Крейга, который отбыл в Англию по состоянию здоровья) было вынудить французов принять бой. 30 июня 1806 г. английские солдаты беспрепятственно произвели высадку. А через несколько дней, утром 4 июля, они сошлись с французской армией в битве при Маиде.

Силы были примерно равными – чуть меньше 5 тысяч человек с каждой стороны. Французский генерал Ренье был изначально уверен в победе. С англичанами он уже воевал несколько лет назад в Египте и был весьма скромного мнения об их боевых качествах. В то же время в рядах его армии было много ветеранов. План его был прост – опрокинуть англичан в море.

Однако французский командующий ошибся в своих расчетах. Часть его сил по-прежнему была занята осадой Гаэты. Сразу же сказалась нехватка артиллерии – ее просто не успели снять с позиций и перенаправить. Солдаты получили приказ идти в штыковую атаку. Однако против английской артиллерии это вряд ли могло сработать. В довершение всего, внезапно в тылу у французов оказались английские пехотинцы. Впоследствии выяснилось, что с Сицилии решено было отправить дополнительные силы. Не дожидаясь приказов, они решили сразу присоединиться к происходящему сражению[16]. Оказавшись зажатыми между английскими пушками и английскими штыками, французские солдаты попросту побежали. Резервов у генерала Ренье не было, и он решил отступить.

По итогам битвы при Маиде французы потеряли 2 тысячи солдат. Англичане – всего 45 убитыми (из них только 1 офицер). Однако своих бежавших противников они преследовать не стали. Данная операция должна была стать просто свидетельством того, что инициатива находится в руках англичан, и отрицательно воздействовать на боевой дух французов. Предполагалось, что английские подразделения вернутся обратно на Сицилию и продолжат осуществлять свои функции по защите острова.

Тем не менее генерал Стюарт предпринял ряд шагов для укрепления английского влияния в Калабрии – «носке» Апеннинского полуострова. Он издал прокламацию от имени короля Георга III (не неаполитанского Фердинанда IV), подтверждающую право местных жителей на восстание против французских угнетателей. Со своей стороны, Стюарт обещал, что англий-

[15] Mackesy 1957, 118.
[16] Hopton 2002, 111, 125.

ские солдаты оплатят постой и будут вести себя цивилизованно. Местное население встретило их благосклонно, но не оказывало никакой практической помощи. В течение июля 1806 г. английская армия прошла по югу Италии, забирая без боя ранее занятые французами крепости – Монтелеоне, Тропеа, Реджио. Отказалась сдаваться без боя только крепость Силла, но и она спустила французский флаг 23 июля. Силла стала основным трофеем англичан на континенте. Оставив в крепостях гарнизон, основные английские силы вернулись на Сицилию[17].

До Лондона новости об успехах в Италии, прежде всего о битве при Маиде, дошли только через два месяца. Фердинанд IV наградил генерала Стюарта титулом графа Маидского. Георг III сделал его кавалером Ордена Бани и назначил ему пенсию в 1000 фунтов стерлингов[18]. 17 офицеров получили по этому случаю медали. Сэр Вальтер Скотт даже назвал Маидой свою собаку. Военный министр подчеркнул, что битва при Маиде «сломала чары о непобедимости Франции».[19] Наполеон, однако, ссылался на произошедшее просто как на «инцидент в заливе Св. Эфемии».

Впрочем, как говорилось ранее, англичане никак не развили свой успех. У них для этого просто не было ресурсов. В то же время ситуация стала меняться в пользу французов. Наполеон после заключения Тильзитского мира 1807 г. обратил внимание на Италию и вновь поставил вопрос о необходимости ее захвата и объединения. После капитуляции Гаэты высвободились соответствующие ресурсы. Генерал Массена сумел подавить восстание в Калабрии, его вдохновитель Микеле Пецца (Фра Дьяволо) был захвачен и повешен. В итоге французы прошли по Калабрии, вновь забирая оставляемые англичанами крепости. Сопротивлялась, как и прежде, лишь Силла. Только 16 февраля 1808 г. она была оставлена, и гарнизон, хоть и под огнем противника, без потерь ушел морем обратно на Сицилию.

Таким образом, спустя три года после начала операций в Южной Италии, ситуация осталась прежней. Все это время англо-французское противостояние через пролив осуществлялось по принципу «сохранить лицо» и статус непобежденной стороны. Жозеф Бонапарт, имея опытных генералов и существенные силы, не рисковал переправиться на Сицилию, опасаясь прежде всего британского флота. В свою очередь, англичане, контролируя пролив, не имели достаточных ресурсов для ведения серьезных боевых действий и закрепления на континенте. Точечные удары, наносимые ими французам, не стали предпосылками для их дальнейшего продвижения. Как только у Наполеона появилась возможность вплотную заняться Италией, английские силы оставили занятые позиции и вернулись на Сицилию, где под их защитой находились легитимные монархи.

[17] Smith 1998, 222.
[18] Chandler 1999, 261.
[19] Hopton 2002, 164.

Литература / *References*

Трухановский 1984 = *Трухановский В. Г.* Судьба адмирала: триумф и трагедия. М., 1984. 334 с.
Trukhanovskiy V. G. Sud'ba admirala: triumph i tragediya [The Admiral's Fate: The Triumph and the Tragedy]. Moscow, 1984. 334 p.

Chandler 1999 = *Chandler D.* Dictionary of the Napoleonic Wars. Wordsworth, 1999. 608 p.

Flayhart 1992 = *Flayhart W. H.* Counterpoint to Trafalgar: The Anglo-Russian Invasion of Naples, 1805–1806. Gainesville [etc.], 1992. 224 p.

Hopton 2002 = *Hopton R.* The Battle of Maida 1806: Fifteen Minutes of Glory. Barnsley, 2002. 220 p.

Knight 2005 = *Knight J.* Nelson and the Eastern Mediterranean, 1803–1805 // The Mariner's Mirror. 2005. Vol. 91, No. 2. P. 195–215.

Mackesy 1957 = *Mackesy P.* The War in the Mediterranean, 1803–1810. Cambridge (MA), 1957. 462 p.

Mahan 1900 = *Mahan A. T.* Nelson at Naples // The English Historical Review. 1900. Vol. 15, No. 60. P. 699–727.

Pirotta 1996 = *Pirotta G. A.* The Maltese Public Service, 1800–1940: The Administrative Politics of a Micro-State. Msida, 1996. 487 p.

Smith 1998 = *Smith D.* The Napoleonic Wars Data Book. London, 1998. 582 p.

White 2005 = *White C.* «A Man of Business»: Nelson as Commander-in-Chief in the Mediterranean, May 1803 – January 1805 // The Mariner's Mirror. 2005. Vol. 91, No. 2. P. 175–194.

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА: ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Дмитрий Викторович Шмелев

Об авторе:

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0001-9564-8739
ScopusID: 56705012400
ResearcherID: E-4492-2017
РИНЦ AuthorID: 483047

Аффилиация:

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Электронная почта:
DVShmelev@kpfu.ru

В статье анализируется имперская идея Наполеона Бонапарта, ее основные контуры и осуществление. В центре внимания автора находятся такие аспекты, как соотношение имперской идеи и возможностей ее претворения во внутренней и внешней политике Франции в начале XIX века, проблемы трактовки «естественных границ» и выхода за их пределы, функционирования «сестринских республик» и их эволюции к «братским» монархиям, формирования новой политической элиты, общеевропейской экономической политики (в том числе в рамках континентальной блокады), культурного империализма и новой имперской символики, структуры Великой армии. Не менее важным является вопрос, можно ли считать имперскую стратегию Наполеона частью грандиозного плана по переустройству Европы или же она была плодом сложившейся конъюнктуры, ситуативных действий, насколько возможным было в постреволюционных условиях нарушения баланса сил и подъема национализма реализация объединения Европы при сохранении французской гегемонии? Большинство наполеоновских исследований долгое время оставались сконцентрированными на личности императора, его военных кампаниях, дипломатии и международных отношениях. Историографическая дискуссия, имевшая место в последние десятилетия, поставила и решила ряд ключевых проблем в трактовке имперского проекта Наполеона Бонапарта (например, в оценках характера военно-политической экспансии и системы «сестринских» республик), но осталась актуальной в контексте роли Франции в процессах европейской интеграции и формирования общеевропейской исторической политики.

Ключевые слова: Франция, Наполеон Бонапарт, Первая империя, имперская идея, империализм.

Для цитирования:
Шмелев Д. В. Имперская идея Наполеона Бонапарта: ее характеристики и реализация // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 193–215. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.015

THE IMPERIAL IDEA OF NAPOLEON BONAPARTE: ITS CHARACTERISTICS AND IMPLEMENTATION

Dmitry V. Shmelev

About the author:

Doctor of History, Professor

The article analyzes the imperial idea of Napoleon Bonaparte, its main outlines and implementation. The authors focus on such aspects as the correlation of the imperial idea and the possibilities of its implementation in the domestic and foreign policy of France at the beginning of the XIX century, the problems of in-

ORCID: 0000-0001-9564-8739
ScopusID: 56705012400
ResearcherID: E-4492-2017
РИНЦ AuthorID: 483047

Affiliation:

Kazan (Volga Region)
Federal University

Email:
DVShmelev@kpfu.ru

terpreting "natural borders" and going beyond them, the functioning of "sister republics" and their evolution to "fraternal" monarchies, the formation of a new political elite, pan-European economic policy (in particular within the framework of the continental blockade), cultural imperialism and the new imperial symbols, the structure of the Great Army. No less important is the question whether Napoleon's imperial strategy can be considered part of a grandiose plan for the reconstruction of Europe, or whether it was the fruit of the prevailing conjuncture, situational actions, and the question of how it was possible in the post-revolutionary conditions of the power imbalance and the rise of nationalism to realize the unification of Europe while preserving French hegemony? Most of the Napoleonic studies for a long time remained focused on the personality of the emperor, his military campaigns, diplomacy and international relations. The historiographical discussion that has taken place in recent decades has raised and solved a number of key problems in the interpretation of Napoleon Bonaparte's imperial project (for example, in assessing the nature of military-political expansion and the system of "sister republics"), but has remained relevant in the context of France's role in the processes of European integration and the formation of a European historical policy.

Keywords: France, Napoleon Bonaparte, the First Empire, the imperial idea, imperialism.

For citation:
Shmelev D. V. The Imperial Idea of Napoleon Bonaparte: Its Characteristics and Implementation // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 193–215. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.015

История Первой империи во Франции представляет собой не только масштабные изменения политической, социальной, экономической и культурной жизни страны, но и попытку экспорта французской государственной модели в континентальной части Европы. Отсюда берет свои истоки идея о «французской Европе», закрепившаяся в европейском общественном сознании в период европейской интеграции, и представление о Наполеоне Бонапарте как «отце Европы», максимально приблизившимся к ее реализации на практике. Юбилейные дискуссии, имевшие место в последние десятилетия XX и в начале XXI века, способствовали отходу от традиционной военно-политической и личностной истории наполеоновской эпохи в пользу расширения проблематики, хотя и сохранив «противостояние» бонапартистов и их противников в оценках наследия. Исследования С. Вульфа, М. Броэрса, П. Двайера, М. Роу, Дж. Дэвиса, У. Планерта, Ж. Тюлара, Т. Ленца, Ж.-О. Будона, а также коллоквиум, проведенный в 2004 году в Париже по теме «Наполеон и Европа», привели к более глубокому осмыслению политики и внутренней организации Первой империи, вызвав интерес к слабоизученным аспектам ее истории. Относительно трактовки импер-

ской идеи Наполеона также был достигнут определенный консенсус. Его можно выразить в следующем тезисе: создание гегемонистской системы в Европе при стабилизации общей ситуации и внедрении унифицированной институциональной и социальной модели во Франции и за ее пределами. Другой вопрос касался реализации европейского проекта, когда возникли очевидные проблемы. По признанию историков, «модель объединения, предложенная Наполеоном Европе, оказалась малоприемлема не только для большинства макрорегионов за пределами Старой Франции, но и для двух («средиземноморского» и «атлантического») из трех (третьим является «континентальный», основой которого можно считать ось Рейн – Сона – Рона) макрорегионов собственно Франции. Вместе с тем было немало и таких регионов, не относящихся к собственно французским, где преобразования Наполеона вполне находили почву (Пьемонт, государства Рейнской конфедерации, Швейцария и др.)»[1]. В целом в ходе оживленной дискуссии были поставлены вопросы, получены определенные ответы и намечены контуры новых исследований наполеоновской имперской проблематики.

Контуры имперской идеи. Упомянутая выше историографическая дискуссия касалась между тем важного вопроса: существовал ли вообще в сколько-нибудь цельном виде имперский проект? «Бонапартистская легенда» гласит, что такой проект существовал, основываясь на высказываниях самого Наполеона в частных беседах во время правления, обширной корреспонденции или репликах приближенным в период ссылки на острове Святой Елены[2]. Однако современные историки подвергают это утверждение сомнению. Ж. Тюлар, например, пишет об отсутствии у Наполеона ярко выраженной европейской политики и прагматизме в его действиях, о том, что легенда о «европейском спасителе» создана на Святой Елене и не имеет под собой реальных оснований[3]. В то же время им было выделено три варианта европейской стратегии, увязанных с эволюцией французской экспансионистской политики в период консулата и империи: создание системы «сестринских республик» (конфедерация), «французская Европа» (федерация), аннексии и формирование «континентального блока» (консолидация империи на пике противостояния с Англией через унификацию и консолидацию имперских структур)[4].

[1] Земцов 2018, 235.
[2] Главным источником в этом плане служит издание корреспонденции Наполеона Бонапарта, предпринятой Фондом Наполеона при редакции Т. Ленца, начиная с 2002 года (вышло 15 томов на сегодняшний день), и воспоминания Лас Каза, записанные на острове Святой Елены.
[3] Napoléon et l'Europe 2005, 429.
[4] Ibid.

Следует признать, что завершенного плана интеграции Европы у Наполеона, действительно, не существовало. Вместе с тем конкретные его действия были направлены на перспективу общеевропейского единства при сохранении французской гегемонии. Речь идет о разработке универсального законодательства (на основе Гражданского и других кодексов), единой валюты и системы мер и весов, единых законодательных, исполнительных и судебных органов (например, кассационной палаты), единой армии (Великой армии), культурном и интеллектуальном доминировании (на основе цивилизационного превосходства французов над другими народами), символической политики и др. Таким образом, в самом общем виде имперский проект Наполеона Бонапарта представлял собой попытку сформировать единое европейское пространство, которое контролировалось бы Францией как центром власти и имело бы периферию в виде союзных государств, управляемых за небольшим исключением родственными династиями. Не менее очевиден и тот факт, что в наполеоновской Европе не было места Англии, России, Османской империи и колониям. Проект носил сугубо континентальный характер (в его западноевропейском понимании) и дальше этого не шел.

Что можно включить в «имперский проект» Наполеона? Во-первых, модель государственной конструкции Первой империи (принцип имперского правления, структура империи и ее органы власти, законодательство, унификация территории, религиозная политика и т. п.). Во-вторых, многонациональный (можно сказать даже наднациональный) состав Великой армии и имперской аристократии и бюрократии, иными словами, создание четкой системы социальных связей и продвижения. В-третьих, это социокультурная реализация имперской идеи (тождество Парижа и Рима – в Париже император, в Риме – его наследник, архитектура, искусство, литература, которые прославляли империю, единый (французский) язык господства, социокультурные практики). В-четвертых, практические шаги, вызванные экспансией империи и расширением ее влияния на Южную и Центральную Европу.

Специфика имперского устройства. Как заметил Ж.-О. Будон, наполеоновская идея эффективного государства включала несколько базовых положений: здоровые финансы, компетентная администрация, дисциплинированная полиция и квалифицированное правосудие[5]. Ее реализация растянулась на десятилетие, прежде чем имперская государственная конструкция приняла более или менее стройный вид и закрепила произошедшие перемены.

[5] Boudon 2006.

Консулат уже представлял собой «смесь диктатуры общественного спасения и монархии» (гибридный режим). Империя унаследовала такую схему, символизировав преемственность наследия революции и старой монархии. Переход к империи оказался растянутым во времени и символический 1804 год, когда она была провозглашена, не стал годом разрыва с республикой. Одновременно в социокультурных практиках имело место возрождение подобия древнеримской политической традиции (концентрация и прославление власти). Французская республика оказалась во власти императора, который продолжал быть ее гарантом и «спасителем», аккумулировав в своих руках огромные полномочия. В момент провозглашения империи республиканская форма правления в целом сохранилась, как и признаки народного суверенитета (формула «император французов», так же как в 1791 году Людовик XVI был «королем французов»)[6].

В первое время имперское строительство было ориентировано на стабилизацию институтов и власти после революционного десятилетия, консолидацию «старых» и «новых» элит в Париже и провинции, опираясь на широкую поддержку населением (короткая практика плебисцитов). Осуществлению этой задачи способствовали конституционное законодательство периода Консулата и Империи, принятие кодексов, регулирующих те или иные стороны повседневной жизни французов, восстановление социальных связей. В контексте имперского строительства это выглядело как преодоление «неправильного правления», устранение недостатков республики и старой монархии через стремление к порядку и стабильности.

Дж. Бруун пишет о своего рода «моральной революции», итогом которой стало принятие формулы «демократического деспотизма», но также и о значительной доли преемственности с периодом Просвещения, когда были заложены «интеллектуальные основы цезаризма» (т. н. просвещенный абсолютизм). В этом плане Наполеон олицетворял определенную политическую и интеллектуальную традицию и представлял «восседающий на троне разум». В этом был свой смысл. В просветительской мысли государство (республика) – это «хорошо управляемое содружество», основанное в идеале на принципе справедливости. Поэтому просветители жонглировали терминами «республиканская монархия», «монархическая демократия» и т. п., подразумевая прежде всего хорошо отлаженное управление. Наполеон, по мнению Дж. Брууна, осознал потребность, восстановив порядок и дав Франции лучшее управление[7]. Более того, вследствие завоевательных войн и

[6] Boudon 2006.
[7] Bruun 1938, 2–5.

крушения старых монархий система была перенесена за пределы Франции как типовая модель.

Однако наполеоновский деспотизм на деле имел мало общего с просвещенным абсолютизмом. Наполеон, как замечает Т. Ленц, был вынужден принять наследие 1789 года, но с концентрацией исполнительной власти в одних руках, реорганизацией национального представительства и ограничением власти законодательной. Такая концентрация выглядела больше плодом сложившихся обстоятельств и требованиями ужесточения контроля над принятием и исполнением решений в процессе имперского строительства. У императора были права и обязанности, а его власть не выглядела абсолютной. Империя функционировала на основе конституции. Ее наполнение было техническим, то есть, по сути, фиксацией полномочий, что давало возможность различных их толкований и перераспределения. Было отброшено ее философское наполнение в области прав человека и гражданина. В частности, именно ссылаясь на несоблюдение императором своей конституционной присяги, Сенат объявил в 1814 году о лишении его полномочий. Находясь на пути к "*juridicisation*" осуществления власти во Франции, Наполеон становился единственным «управляющим» своей империи, а его период можно охарактеризовать как «исполнительную диктатуру»[8]. В конструкции Первой империи можно отметить ослабление представительных органов власти (показательной является судьба трибуната), хотя сенат даже под председательством императора сохранял определенную автономию (например, именно он назначал наследника императора в случае династического кризиса).

Бюрократия и социальные связи. Другим важным аспектом государственной реконструкции и национального примирения стало формирование новой военно-политической и бюрократической элиты (т. н. нотаблей), которые составили основу многонационального аппарата империи как собственно во Франции, так и в присоединенных территориях.

Интересным аспектом является попытка интеграции старой и новой элиты с помощью масонства. С момента назначения первым консулом Наполеон стремился установить контроль над масонством, способствуя через Камбасереса его возрождению. Как отметил Т. Ленц, около 350 генералов периода революции и империи фигурировали в списках лож «Великого Востока», включая братьев Бонапарта (Жозефа, Луи, Жерома и Люсьена). Благодаря политике примирения вернулись многие эмигранты-масоны, занявшие посты в администрации. Но через ложи Наполеон преодолевал

[8] Lentz 2007. В буквальном переводе и толковании термин "juridicisation" означает юридическое управление, основанное на праве, законности и администрировании, осуществляемое политической властью.

раскол и с республиканцами, возникший вследствие эволюции власти от Консулата к Империи. Таким образом, масонство интересовало Наполеона с двух точек зрения: «с одной стороны, оно объединяло своих членов вокруг поддержки правительства и побуждало отказаться от политической деятельности, а с другой стороны, оно участвовало в восстановлении социального порядка после потрясения десяти первых лет революции. Оно быстро стало инструментом управления массой нотаблей»[9].

Великая армия также стала полем интеграции в нее представителей разных национальностей и разного социального происхождения. Армия на всем протяжении наполеоновской эпохи оставалась многонациональной, особенно вследствие включения новых территорий и подготовки масштабных кампаний, например против России в 1812 году. Как пишет В. Н. Земцов, «большое число частей французской армии представляло собой национальные формирования, появившиеся в результате «округления» империи (части были сформированы из голландцев, тосканцев, ганноверцев и т. д.), или созданные на основе особых договоров с другими странами (как, например, со Швейцарией, поставившей четыре полка линейной пехоты), или же возникшие в связи с иными обстоятельствами (как, например, польские, испанские и португальские формирования)». Отсюда «обработка» и адаптация солдат Великой армии в рамках единого организма, обширная география личных связей, попытка преодоления языковых барьеров и др.[10]

Специфика ситуации состояла также в том, что Первая империя не представляла собой военную диктатуру в привычном понимании, поскольку армия не вмешивалась во внутренние дела, а имперский режим не держался исключительно на силе оружия. Как заметил Т. Ленц, Рим вытеснил Спарту, дав простор для формирования более стабильной и устойчивой структуры[11].

Социальному продвижению способствовали создание и распространение на подвластные земли системы территориальной власти с четко выстроенной чиновничьей иерархией (префекты и их администрация) и новой моделью отношений между императором и подданными, между государством и обществом, а также привлечение к службе и интеграция в систему управления части старой аристократической элиты. Воинские звания, имперские чины и должности, система поощрений (с вершиной в виде ордена Почетного легиона) создавали иллюзию возможностей для каждого фран-

[9] Lentz 2001, 38.
[10] Земцов 2018, 238–240.
[11] Lentz 2007.

цуза и определяли его продвижение по принципу социальной полезности[12].

Имперская символика и рецепция античности. Не менее важным имперским конструктом стала государственная символика и историческая политика. Провозглашение империи и коронация стали поводом для апелляции к Каролингам как древним предшественникам новой власти. Священные реликвии и предметы, якобы принадлежавшие франкским императорам, использовались для легитимации процедуры, равно как и присутствие Папы Римского на церемонии. Карл Великий, спасший Рим, управлял совместно с Папой. Но в отличие от раннего Средневековья новая эпоха диктовала новые правила. Наполеон, заключивший конкордат и сохранивший папскую власть, воспроизводил практику сотрудничества с церковью, способствуя возрождению католицизма как государственной религии. Но церковь становилась частью нового режима, по сути, подчиненная светской власти императора. Поэтому Наполеон так и не стал «наихристианнейшим» императором, отказавшись от обряда помазания и отстранив Папу от влияния на управление империей. Папа остался лишь простым приложением, дополнением к церемонии коронации, придав ей некоторый блеск и санкционировав появление еще одной «христианской монархии».

Религиозный (священный) смысл коронации сохранился, но уравновешивался республиканским. 12 пэров, приветствовавших императора, уподобились 12 апостолам. Выбор собора Парижской Богоматери, декорации, реликвии (корона, скипетр, меч), торжественная месса свидетельствовали о преемственности. Но формула принятия присяги, сочетавшая «Божественное Провидение и конституцию империи», а также упоминание «республики», раздача знамен полкам на Марсовом поле, выбор Парижа (колыбели революции) и присутствие республиканских элит, коронация Жозефины (символизировавшей коронацию нации) свидетельствовали о том, что хотя власть Наполеона и была освящена Папой, но короновал себя он сам[13].

Отсылкой к франкской эпохе выглядела также реанимация салического закона, определявшего порядок наследования императорской власти, исключая женщин из него и соотносясь с порядком наследования собственности, принятой в Гражданском кодексе. Воспроизводилась модель патриархальной консервативной власти с серьезным ограничением прав женщин.

Имперская символика предполагала существенную ревизию революционного наследия. Она прослеживалась в отказе от праздников – например, празднование годовщины провозглашения республики первого ванде-

[12] Тюлар 2009, 201–204.
[13] Lentz 2002.

мьера (22 сентября) или дня взятия Бастилии 14 июля (последний раз в 1804 году). Замена последовала в виде празднования дня рождения императора 15 августа или победы при Аустерлице 2 декабря и преследовала цель закрепления именно имперских дат в коллективной памяти. Несмотря на то, что было сохранено трехцветное знамя, Наполеон отказался от «Марсельезы», утратившей актуальность. Примечательно, что Руже де Лиллю было поручено написать новый гимн империи, с чем он не справился. Поэтому была принята слегка перефразированная песня на текст хирурга Рейнской армии Адриана-Симона Буа (Boy), написанного в 1791 году "Veillons au salut de l'Empire" («На страже империи»)[14].

Принятая имперская символика в виде орла и пчелы символизировала воинскую традицию, трудолюбие и дисциплину, восстанавливая и укрепляя связь государства, армии и общества, культивируя своего рода «воинственный патриотизм»[15]. Как заметил Ж.-О. Будон, Франция «привыкает к культуре войны, которая пронизывает все общество и, несомненно, облегчает функционирование авторитарного режима». Отсюда же исходит героизация смерти за империю и ее императора, что выразилось в строительстве мемориальных сооружений, например Пантеона или Триумфальной арки.

Последний факт тесно коррелируется с духом эпохи, пронизанной рецепцией античности и подражаниями героическому прошлому[16]. Поколение, оказавшееся у власти в период Консулата и Империи, сформировалось в годы Старого режима. Античность была частью его культурной социализации. Ее культурный престиж оставался важным для наполеоновской политической и административной элиты. Эти люди обучались в коллежах Старого режима, учили латынь, читали Плутарха, Тита Ливия и других авторов, мечтали стать героями, наподобие античных. Из античности XVIII века был унаследован миф о республике, основанной на добродетелях граждан, равно как и восприятие Римской империи как периода упадка и тиранической власти. Культурный уровень революционной элиты отмечен неоклассическим вкусом. Литература, живопись, скульптура, декор интерьера, мебель, мода – все то, что их окружало в повседневной жизни, так или

[14] Boudon 2006.

[15] Т. Ленц в фундаментальной «Истории Первой империи» относит выбор пчелы как личной эмблемы на счет усилий Камбасереса, тогда как другие предложения – орел, петух, слон, сова и лев – были отвергнуты. Орел был уже занят Россией, Пруссией и Австрией, а, например, петуха Наполеон определил как «скотное животное, проводящее время, соскребая навоз». В итоге была выбрана пчела как символ трудолюбия (что отражало работу Наполеона в деле государственного строительства), а орел (поскольку он использовался в Древнем Риме и Каролингами) остался военным символом. См.: Lentz 2002.

[16] Подробнее см. нашу статью: Артюх, Чиглинцев, Шмелев 2022, 214–228. Здесь приведены лишь некоторые ее тезисы, касающиеся имперской идеи.

иначе находилось под знаком античности[17]. В политическом контексте античность связана с процессом формирования французской нации.

Но если якобинцы ассоциировались со Спартой, спартанской простотой, обращением к демократическому опыту греков или ранних римлян, то Консулат, символизируя начавшийся процесс перехода от республики к диктатуре, стал подобен позднему республиканскому Риму. Новый режим выбрал римскую терминологию (консулы, префекты, орден Почетного легиона и т. п.), римские политические традиции (персонализация власти Первого консула, победоносного генерала, стремящегося к миру после убедительной военной победы). Бонапарт уподоблялся Цезарю (завоевавшему и Францию, и Италию), консулат – триумвирату, гражданская власть первенствовала над военной, начинается кодификация законов, строительство дорог и инфраструктуры. Примечательная дальнейшая эволюция. Гражданский кодекс символизировал «сделку» между французским и римским правом. Наполеона, ставшего императором, сравнивали теперь уже не с Цезарем, а с Августом. В 1804 г. Бонапарт провозглашен «императором французов» Сенатом и народом, как и Август. Рим по-прежнему в почете, но это уже имперский Рим в своем расцвете.

Французская повседневность также символизирует укоренение античности в годы Консулата и Империи. В старых аристократических и новых имперских кругах античность, по сути, одна – галантная и легкомысленная. Можно отметить навязчивость и принудительность моды на античный манер, присутствие антично ангажированных артистов (например, Тальма), имитацию в одежде и образе жизни (мода на римские туники, праздники). Дома теперь строятся и декорируются на греко-римский лад. Возникает мода на «парки настроения» (с дикой природой со скалами, шумными водопадами, мрачными пещерами и т. п.). Впоследствии Наполеон окружает себя обстановкой римских императоров. Даже спальня императора в Мальмезоне стилизована под походную палатку римского центуриона. Приемы и салоны проводятся в пышной торжественности. Аскетичный «век Перикла», на который ориентировалась революция, уступает пышному «веку Августа» с перестройкой Парижа, предпочтением римским классическим формам, монументальностью (арка на площади Каррузель, Триумфальная арка на площади Этуаль, Вандомская колонна со статуей императора, облаченного в римскую тогу, церковь Мадлен, античные галереи). «Рим» теперь не в Риме, а в Париже, а Франция – наследница славы и культуры Рима. После женитьбы Наполеона на Марии-Луизе в моде пышные и торжественные

[17] Dousset-Seiden 2005, 65.

императорские путешествия по империи, а наследник императора – римский король[18].

Империя и Европа. Одним из главных воплощений наполеоновской имперской идеи стала европейская политика или, выражаясь словами С. Вульфа, создание «новой интегрированной Европы» путем демонстрации превосходства французской модели, «попытка политического класса, возникшего в ходе революции, распространить свои идеалы прогресса и цивилизации на все регионы Европы»[19]. По мнению Дж. Брууна, это была «мечта о европейской империи, которая игнорировала бы национальные границы, бросала бы вызов современной исторической тенденции и в конце концов была побеждена силой политической традиции, которой пренебрегла»[20].

В практической реализации имперской идеи прослеживаются между тем определенные закономерности. Расширяются контакты французов с внешним миром, распространяется культура, французский язык укрепляется в роли международного языка, что свидетельствует об успешности политики «мягкой силы». Большинство новых государств, возникших в рамках империи, создаются сверху, что подразумевает следование заданной модели. Наследие революционной экспансии и ее терминология («освобождение», «воссоединение», «сестринские республики» и т. п.) широко используются для оккупации, аннексии или реорганизации системы. Форма и направления экспансии остаются предметом спора внутри страны, но намечен отход от концепции «естественных границ» и «сестринских республик» времен революции к прямому экспансионизму (Голландия, итальянские и германские земли). Возникает новый вектор политики, знаменующий сдвиг от простой политической гегемонии к династической. Континентальная блокада, помимо других задач, призвана была экономически привязать новые территории и зависимые государства к империи и установить «бессрочность» французского присутствия на континенте. Признаком эволюции стратегии стал Амьенский мир с Англией 1802 года, призванный устранить главное противоречие – непримиримость французской имперской амбиции и достижение прочного мира[21].

Прослеживаются три ограничения в имперском проекте Наполеона в международном контексте. Во-первых, как уже отмечалось, отсутствие изначального и вообще какого-либо четкого плана, что отдавало его на откуп прагматизму, конъюнктуре и переплетению разных стратегий. Во-вторых,

[18] Tulard 1983.
[19] Woolf 1991, VII.
[20] Bruun 1938, 61.
[21] Woolf 1991, 2–3, 14–15, 22–23.

интеграция ограничивалась континентом, но скорее в его политическом, «каролингском» понимании. Из него были исключены Англия (в силу островного положения и непримиримого соперничества), Россия (в силу отдаленности и обширности территории) и колониальные владения. В последнем случае, по мнению Д. Ливена, идеология империи, основанная на республиканизме и народном суверенитете противоречила цивилизаторской миссии Франции и идее культурного превосходства французов[22]. Это вызвало изменение колониальной политики еще в годы революции и «пренебрежение» ею в период империи. Кроме того, противоборство с Англией на море и проблема контроля над океанскими коммуникациями ставили проблему удержания имевшейся колониальной империи под контролем.

Интересным выглядел статус Польши. Как отметила Е. А. Федосова, польский вопрос не был узловым во внешней политике Наполеона, хотя и привлекал внимание, а военные кампании 1806 и 1812 годов в «бонапартистской легенде» были квалифицированы как «польские войны»[23]. Однако Польша имела стратегическое положение. Не случайно Наполеон решился на создание Великого герцогства Варшавского и до конца правления сохранял влияние на польские дела, вступая в конфликт с российскими интересами. Д. Ливен считает, что «Польша являлась для России тем же, что и Ирландия для англичан: уязвимый участок пограничной территории, населенный враждебным народом, являвшимся таковым в силу своей религиозной принадлежности и исторического прошлого»[24]. Доминирование французского влияния в Польше имело следствием существование угрозы для России, но для Франции было средством контроля периферийного пространства и давления на русскую политику.

В. Н. Земцов пишет, что наполеоновский проект не отводил России «заметной и консолидирующей роли» в глобальной конструкции. «Более того, французский император исходил из идеи выдавливания России из европейской системы, изоляции ее путем создания буферного государства или государств, нейтрализации интересов на Балканах путем поощрения к этому Австрии и Турции, а также экономического ослабления через возвращение ее в лоно континентальной блокады»[25]. Тем не менее ситуация во франко-русских отношениях оставалась сложной, и Наполеон в период Консулата и Империи был вынужден поочередно реализовывать разные стратегии.

[22] Ливен 2012, 152–153.
[23] Федосова 1980, 4–5.
[24] Ливен 2012, 120.
[25] Земцов 2018, 244.

В целом наполеоновский проект объединения Европы был следствием роста военно-политического могущества Франции и экспансии, личных устремлений Наполеона и диктовался логикой противостояния с Англией и Россией. При этом была проделана большая работа по консолидации внутреннего пространства. Д. Ливен выделил три стадии имперского строительства: территориальные завоевания и устранение внешней угрозы, создание имперских (общеевропейских или локальных) институтов, укрепление лояльности и идентичности среди национальных элит и покоренных народов[26]. Реализуя имперскую идею в пределах Европы, Наполеон не изменил природы международных отношений, но нарушил сложившуюся к началу революционной эпохи систему баланса сил, что привело к затяжным войнам, повлиявшим на внутреннее положение Франции.

Т. Ленц в самом общем виде выделил четыре этапа в реализации «европейского проекта». Первый охватывает период от провозглашения империи до Тильзита и характеризуется «относительной авторитарностью». Это период политической, финансовой, экономической и дипломатической стабилизации и совершенствования административной организации империи. Второй период охватывает промежуток с 1807 до 1810 года, когда происходит «запуск» империи, ее экспансия (которую историк квалифицирует как «ошибочный выбор»), нарастание проблем в Испании и в реализации континентальной блокады, начало экономического кризиса и в целом сохраняющаяся неясность конечных целей Наполеона. Третий этап, который Т. Ленц определяет как «серость власти», 1811–1812 годы, проходит под знаком союза с Австрией, рождения римского короля, создания Иллирийских провинций, аннексии Голландии и господства в Европе. Наконец, четвертый этап, 1813–1814 годы, крушение империи, распад «франко-европейской коалиции», которая оказалась не в силах противостоять нашествию «северных варваров», кризис (точнее отсутствие) дипломатии и ставка на принуждение и войну[27].

Примерно к 1806 году наполеоновская имперская система приобретает осязаемые контуры. Европа становится системой федерации «штатов», в рамках которой могли создаваться и распадаться государства, назначаться правители и делегироваться суверенитет, сдвигаться пограничные линии и т. п. Но это была федерация неравноправных государств. Более того, четко прослеживалась ее зависимость от военных успехов Наполеона и успешности экспорта французской модели[28]. На деле же речь идет о формировании

[26] Ливен 2012, 153–154.
[27] Lentz 2007.
[28] Woolf 1991, 27.

вокруг имперского ядра (Франции) двух концентрических сфер (кругов) влияния – системы союзов с формально независимыми европейскими странами и системы т. н. «сестринских республик» (“Les Républiques soeurs”).

Первый круг – Французская империя, разделенная на 130 департаментов, – в то время включал в себя треть Европы с населением около 44 млн человек, проживавших на территории как собственно Франции, так и Бельгии, Голландии, Германии по обе стороны Рейна, Северной Италии, Каталонии и современной Хорватии. Все они отныне считались французами и должны были подчиняться и жить по французским законам.

Второй круг составляла система союзов с европейскими странами. В отношениях с ними Наполеон проявлял непоследовательность и часто менял свою позицию в зависимости от складывающейся военно-политической конъюнктуры. Он полагал, что для того, чтобы установить равновесие над материковой Европой, ему достаточно было заручиться поддержкой одной великой державы (например, Англией, Австрией или Россией). Он никогда не рассматривал всерьез возможность равноправного соглашения с Испанией, Пруссией или германскими государствами, прагматически относился к традиционному альянсу Франции с Османской империей, но придавал большое значение созданию одного за другим двух мощных международных союзов: с Россией на основе Тильзитских соглашений − союза, который порой оптимистично называют «разделом мира», и с Австрией в результате династического брака с дочерью австрийского императора Марией-Луизой. Созданная имперская конструкция характеризовалась огромной территориальной протяженностью: она включала в себя земли, выходившие далеко за пределы естественных границ Франции. Это пространство имело многоуровневую структуру, в основе которого лежала степень зависимости его частей от центра.

Третий круг – «сестринские (дочерние) республики». Само становление системы «сестринских республик» началось еще в период революционных войн (Цизальпинская, Лигурийская и прочие республики) и прошло, по всей видимости, три фазы:

– формирование отношений конфедеративного типа в период Директории и Консулата («сестринские республики» формально оставались независимыми, но находились под плотной опекой и влиянием Франции);

– формирование «французской Европы» после провозглашения империи, когда создается система вассальных и союзных королевств и реализуется идея наследственной имперской монархии;

– прямая аннексия близлежащих и некогда зависимых территорий в рамках борьбы с Англией и реализации континентальной блокады.

В первой фазе ситуацию можно проследить на примере Цизальпинской республики. В Цизальпинской республике, несмотря на введение демократических принципов и переформирования законодательства, на деле демократические права народа были урезаны, всеобщее избирательное право отменялось, вводилась цензура, каждое постановление высших органов проходило проверку через французов, попытки добиться самостоятельности республиками сразу же пресекались. В 1798 году зависимое положение, в котором оказалась Цизальпинская республика, было официально закреплено в конституционных актах. Более того, республика обязывалась участвовать вместе с Францией во всех ее войнах и содержать французский оккупационный корпус[29]. Поэтому, несмотря на декларируемую независимость Цизальпинской республики, отношения с Францией изначально формировались по принципу господства-подчинения.

Вторая фаза связана с реализацией династических интересов империи. По мнению Наполеона, наличие лояльных родственников новой имперской династии на троне зависимого королевства давало гарантии закрепления системы и ее дальнейшей интеграции в имперское пространство. Формируется система наследственных монархий, а «сестринские республики» становятся ее частью[30]. Династический проект быстро вышел за рамки простых подчиненных отношений, ознаменовав конец во многом идеалистической эпохи «сестринских республик» и наступление периода «братских королевств».

В течение нескольких лет родственники Наполеона («наполеониды», по выражению Т. Ленца) заняли целый ряд европейских престолов: Жозеф Бонапарт водворился в Неаполе, а затем в Испании; Луи – в Голландии, Жером – в Вестфалии, Мюрат – в герцогстве Берг, а затем в Неаполе, Евгений Богарне правил от имени своего отчима в Италии, Элиза стала великой герцогиней Тосканской, Камилл Боргезе, муж Полины, стал генерал-губернатором французских Заальпийских департаментов. После отъезда Мюрата на юг Италии титулованным великим герцогом Берга становится малолетний принц Наполеон-Луи Бонапарт, сын Луи Бонапарта и Гортензии Богарне.

Но земли, контролируемые «наполеонидами», не были независимыми. Наполеон оставлял за собой право назначать, перемещать и смещать правителей. В администрации и законодательстве была навязана французская модель. Были установление жесткие финансово-экономические отношения, руководствуясь исключительно интересами империи. «Сделайте же своим девизом: Франция превыше всего»[31], – писал император Евгению Богарне. На этом

[29] Мизиано 1970, 33–36; См. также: Broers 1997.
[30] Манфред 1986, 418.
[31] Ленц 2013.

основании некоторые исследователи (например, Т. Ленц, А. З. Манфред) используют синонимичный термин «дочерние республики» при исследовании отношений Франции с другими государствами, подразумевая отношения господства-подчинения (материнской Франции со своими «детьми»).

Третью фазу имперского проекта Наполеона Бонапарта можно назвать одной из ключевых в создаваемой системе. Поскольку зависимые государства не имели четких признаков суверенитета, их границы легко менялись так же, как и правители, экономически они были подчинены Франции, испытали большое влияние французской культурной и лингвистической политики. Трудно сказать, насколько дальновидным был такой подход, поскольку с течением времени политика Франции вызывала сопротивление националистически настроенной элиты, которое император подавлял традиционными репрессивными средствами.

Однако именно в этой фазе прослеживаются контуры более глобального плана, нежели простое военно-политическое доминирование на континенте. В 1811 г. Наполеон говорил Фуше о том, что нужно создать единое европейское законодательство, единую кассационную палату, единую валюту и т. п. В 1812 году в разговоре с аббатом Прадтом, французским посланником в Варшаве, он обрисовал контуры желаемой системы: на западе – Французская империя, на востоке – Российская империя, между ними федерация немецких государств[32]. Возможно, при установлении долгосрочного мира имперская идея приобрела бы конкретные законченные формы.

В целом «каролингская модель» Европы, по выражению историка Ж.-О. Будона, предполагала господство над Германией и Италией. Основная цель как самой системы «сестринских республик», так и в целом «имперского проекта» Наполеона состояла в том, что он желал создать «большую европейскую федеративную систему, соответствующую духу времени и благоприятствующую прогрессу цивилизации»[33], основанную на контроле над континентом и окруженную дружественными союзными государствами (в желаемой перспективе Россией и Англией). Ситуация в Германии и Италии позволяет понять методы реализации имперской идеи и ее пределы.

Ситуация в Германии. Основы имперской политики в Западной и Южной Германии были заложены еще в период революционных войн. Тогда командующий революционной армией генерал А. Кюстин декларировал право наций за Рейном на суверенитет, сделав тем самым Рейн «естественной границей» Франции. Соответственно, следуя логике революционной войны, зарейнские области должны быть «освобождены» с их согласия

[32] Лас Каз 2010, 402.
[33] Ленц 2013.

или без него. В 1793 году «немецкие якобинцы» создали т. н. Майнцскую республику, которая вскоре пала. Тем не менее в январе 1795 года Конвент приступил к экспорту за Рейн французской модели. Французские войска оккупировали некоторые территории (Майнц, Кельн, Бонн, Трир, Кобленц), дав толчок созданию эфемерных «сестринских республик», находящихся под защитой «материнской республики» в лице Франции. Летом 1797 года при поддержке генерала Л. Гоша была провозглашена Цизрейнская республика. Однако его смерть положила конец инициативе. В ноябре 1797 года республика была аннексирована и на ее месте были созданы четыре французских департамента. К 1802 году ее интеграция была завершена[34].

В контексте унификации Германии важным представляется этап переформатирования территории Священной Римской империи, ликвидированной 6 августа 1806 года, когда император Франц отрекся от своего титула и освободил всех своих подданных от присяги верности империи. Акт выглядел символичным, поскольку на смену децентрализованному и нестабильному (вследствие «большой медиатизации») имперскому пространству приходила более унифицирующая и упрощенная, но вместе с тем эффективная модель. После того как Наполеон провозгласил себя императором французов, возродив династическое правление, Франц II, который был выборным императором, скопировал, по сути, французскую модель, став наследственным императором Австрии. Принятие правителями Баварии и Вюртемберга титула короля после краха третьей антифранцузской коалиции и подписания Пресбургского мира юридически давало им полный суверенитет и выводило из-под власти императора Священной Римской империи. В мае 1806 года эрцканцлер империи К. Т. фон Дальберг предложил кардинала Жозефа Феша, дядю Наполеона, на должность коадъютора, что автоматически делало его главой империи в случае смерти Дальберга. 1 августа Бавария, Вюртемберг и ряд других государств объявили о выходе из Священной Римской империи, что сделало ее распад и ликвидацию неотвратимыми. Таким образом устанавливался паритет между французским и австрийским императорскими дворами (впоследствии нарушенный женитьбой Наполеона на Марии-Луизе), а Германия входила во французское имперское пространство. Наполеон и его империя становились единственными наследниками Карла Великого[35].

Рейнская конфедерация (или Рейнский союз) возникла по инициативе Наполеона в июле 1806 года как военно-политический блок под французским протекторатом и как эффективный противовес влиянию Австрии в

[34] Lachenicht 2009, 255–265.
[35] См.: Forrest, Wilson (eds.) 2009.

немецких землях. К 1808 году конфедерация включала 39 государств, в том числе Вестфальское королевство, которое возглавлял Жером Бонапарт. Однако проекты конституции, представленные в Париж К. Т. фон Дальбергом (князем-примасом Рейнского союза), были отклонены, а после Эрфуртского конгресса в 1808 году, когда была предпринята еще одна попытка ее принятия, и вовсе отложены. Государства Рейнского союза сохраняли определенную свободу во внутренней политике, но были лишены какой-либо самостоятельности во внешней. В некоторых из государств были предприняты преобразования по французскому образцу (введение Гражданского кодекса, французской управленческой модели и т. п.). Но сам союз, по сути, оставался военно-политическим. В 1813 году после поражении Наполеона под Лейпцигом он прекратил свое существование[36].

Ситуация в Италии. Что касается Италии, то конечная идея заключалась, по всей видимости, в сосредоточении всей силы власти в рамках одного территориального образования, то есть объединении всех земель в единое королевство во главе с Наполеоном Бонапартом. Основой такого супергосударства какое-то время рассматривалась Цизальпинская республика. Для этого была созвана консульта, главной целью которой было санкционирование переименования Цизальпинской республики в Итальянскую республику и запуск серии реформ по французскому образцу. Была введена должность президента, принят проект конституции, который в дальнейшем должен был послужить основой. Однако в силу военно-политических обстоятельств проект был отложен и отдельные территории Северной Италии были просто интегрированы в империю.

Подписание Амьенского мира с Англией в 1802 году на время стабилизировало ситуацию в Южной Италии. Формально Партенопейская республика оставалась под контролем Франции и ею управляла профранцузская партия, проводившая реформы. Но Неаполь слабо был встроен в систему «сестринских (дочерних) республик», экономически и политически, а сам Наполеон колебался относительно его дальнейшей судьбы. Как отметил Г. Десмонд, сначала он пытался привязать Неаполь к своей политике через династический брак дочери Фердинанда с испанским инфантом, но из-за противодействия англичан и испанцев проект потерпел неудачу. Затем Наполеон вернулся к идее нейтралитета Неаполя, гарантом которого выступила бы Франция. В 1803 году после начала войны с Англией неаполитанские порты были заняты французами[37]. В мае 1805 года Наполеон совершил путешествие в Италию, что привело к созданию Итальянского ко-

[36] Lentz 2002; см. подробнее: Планерт 2014, Planert 2012, Rowe 2003.
[37] Desmond 2001, 96.

ролевства. Однако Неаполь эти изменения никак не затронули и его будущее оставалось некоторое время неясным.

Статус Неаполя снова оказался в центре внимания после разгрома третьей антифранцузской коалиции, к которой Фердинанд IV неосторожно примкнул. 27 декабря 1805 года Наполеон издал имперский эдикт в Вене, который провозгласил: «Солдаты! Неаполитанская династия прекратила свое царствование. Ее существование несовместимо со спокойствием в Европе и достоинством моей короны»[38]. Это дало сигнал к новой оккупации и более тесной интеграции Неаполя в имперскую систему. Однако в дальнейшем в отношениях Парижа и Неаполя возникли «глубокие противоречия». С одной стороны, преобразования, начатые Жозефом Бонапартом и продолженные Мюратом, имели следствием внедрение французской модели и относительный демонтаж механизмов «старого порядка». С другой стороны, военные и финансовые потребности империи вели к установлению жесткого контроля над Неаполем со стороны Парижа. Дж. Дэвис пишет о «дисфункциональном характере семейного предприятия Бонапартов» и «крайних формах колониального подчинения» Неаполя. Все это имело следствием рост расходов, истощение ресурсов и ущерб, нанесенный торговле и экономической деятельности королевства. «Централистские и автократические шаблоны», навязанные французами, знаменовали не столько разрыв с прошлым, сколько современное «рациональное» управление. Усугубил ситуацию внутренний дисбаланс между столицей (Неаполем) и провинциями, что привело к росту антифранцузских и монархических настроений и крестьянским восстаниям. Наконец, роль Неаполя как пограничья империи, внешнее воздействие делали его полем соперничества не только между представителями французского политического класса, но и на международной арене (между Англией и Австрией)[39].

Вместе с тем касательно итальянской политики Г. Десмонд отметил важное следствие – разделение севера и юга Италии, когда север оказался теснее привязанным к Франции и более интегрированным в имперскую систему. Это имело важные последствия, поскольку ее наследие (законодательство, упорядоченная налоговая система, образование) в целом сохранилось и после Реставрации и именно север стал центром будущего итальянского Рисорджименто[40].

Имперская система Наполеона стала стремительно разрушаться в первой половине 1813 года, после перенесения военных действий из России

[38] Тюлар 2009, 157; Манфред 1986, 428.
[39] Davis 2006, 132, 160, 163, 209.
[40] Desmond 2001, 185–186.

на территорию Центральной Европы, формирования новой антифранцузской коалиции и отпадения союзников. В этот период со всей очевидностью проявилась связь военных успехов императора с контролем над союзными и имперскими территориями. Поражение и отречение Наполеона в 1814 году знаменовало возвращение к системе баланса сил и разделению континента. Последней попыткой реанимировать европейский проект стал период от возвращения Наполеона к власти и до его поражения при Ватерлоо. В апреле 1815 г., в период «ста дней», в преамбуле к «Дополнительному акту к конституциям империи» Наполеон заявил: «Нашей целью было создание великой европейской федеративной системы, которая, как мы верили, будет соответствовать духу века и обеспечит прогресс цивилизации. Для того чтобы укрепить эту систему, расширить ее и упрочить, мы учредили многообразные внешние институты, в особенности с целью защиты свобод граждан»[41]. Однако поражение при Ватерлоо, второе отречение и ссылка Наполеона на остров Святой Елены подвели черту под окончательным крахом французской гегемонии в Европе. Как отметил Дж. Бруун, «наполеоновская империя была аномалией в континентальном обществе, уже разделенном и диверсифицированном националистическими традициями, в котором восстановление баланса сил между национальными государствами рассматривалось как наиболее предсказуемое разрешение ненормальной ситуации»[42].

Выводы. Каковы причины поражения имперской идеи Наполеона Бонапарта? Во-первых, военно-политические, то есть непосредственное поражение от войск антифранцузской коалиции, что привело к разрушению империи и отпадению от нее территорий. Во-вторых, столкновение с другой концепцией европейского устройства – концепцией баланса сил, инициатором и проводником которой была Англия. Стратегической ошибкой Наполеона, несомненно, было то, что он отказался от компромисса с Лондоном. Каким бы хрупким ни оказался Амьенский мир (1802–1803), но он показал, что такая перспектива не была невозможна. Возможность достижения согласия была и в 1806 г., но после победы под Аустерлицем император отказался от переговоров. В результате введения континентальной блокады и последующего вторжения в Португалию и Испанию Французская империя прошла, по мнению британцев, точку невозврата[43]. В-третьих, нежелание самих жителей «сестринских республик» или зависимых государств смириться с господством Франции. Революция и войны пробудили национальные чувства, которые быстро вошли в противоречие с имперски-

[41] Цит. по: Земцов 2018, 237.
[42] Bruun 1938, XIII.
[43] Ленц 2013.

ми устремлениями самой Франции. В-четвертых, напряжение сил и ресурсов. Могущество Французской империи в значительной мере зависело от ее военной мощи, а та, в свою очередь, – от наличных материальных благ, как произведенных, так и конфискованных. Доля ресурсов, в которых нуждалась империя, неуклонно росла, но ее бюджет и финансы по мере военных поражений пришли в упадок – как в результате увеличения расходов и экономических неурядиц, так и в силу уменьшения поступлений из зависимых стран. «Финансовое удушье» империи стало одной из важных причин ее краха. К 1813 году наполеоновский проект единой Европы, по сути, перестал существовать[44]. На следующий год от наполеоновской континентальной империи почти ничего не осталось, хотя отдельные элементы системы оставались востребованными впоследствии как в самой Франции, так и за ее пределами, играя важную роль в будущих имперских конструкциях.

Литература / References

Артюх, Чиглинцев, Шмелев 2022 = *Артюх Г. Ю., Чиглинцев Е. А., Шмелев Д. В.* Античность и ее наследие в интеллектуальной и политической самоидентификации узника острова Святой Елены // Диалог со временем. 2022. Вып. 1 (78). С. 214–228.

Artyuh G. Yu., Chiglincev E. A., Shmelev D. V. Antichnost' i ee nasledie v intellektual'noj i politicheskoj samoidentifikatsii uznika ostrova Svyatoy Eleny [Antiquity and Its Legacy in the Intellectual and Political Self-identification of the Prisoner of St. Helena] // Dialog so vremenem [Dialog with Time]. 2022. Vol. 1 (78). P. 214–228.

Броэрс 2014 = *Броэрс М.* Цицерон и Аристотель: культурный империализм и наполеоновская география империи // Эпоха 1812 года: исследования. Источники. Историография: доклады Междунар. конф. «Россия и наполеоновские войны» (Межотне, Латвия): сб. материалов. М., 2014. Вып. XII. С. 270–287.

Broers M. Tsitseron i Aristotel': kul'turnyy imperializm i napoleonovskaya geografiya imperii [Cicero and Aristotle: Cultural Imperialism and the Napoleonic Geography of Empire] // Epoha 1812 goda: issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya [The era of 1812: Research. Sources. Historiography]: Reports of the International Conference "Russia and the Napoleonic Wars" (Mezhotne, Latvia): Collection of materials. Moscow, 2014. Vol. XII. P. 270–287.

Земцов 2018 = *Земцов В. Н.* Европа: имперский проект Наполеона // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XXI Международной научной конференции, 4–6 сентября 2017 г. / сост. *И. В. Корнеев*. М., 2018. С. 234–247.

Zemtsov V. N. Evropa: imperskiy proekt Napoleona [Europe: Napoleon's Imperial Project] // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems]: Materials of the XXI International Scientific Conference, Sept. 4–6, 2017 / Ed. *I. V. Korneev*. Moscow, 2018. P. 234–247.

[44] Земцов 2018, 243.

Лас Каз 2010 = *Лас-Каз.* Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне. Кн. 2. М.: Захаров, 2010. 584 с.
Las-Kaz. Memorial Svyatoy Eleny, ili Vospominaniya ob imperatore Napoleone [St. Helena Memorial, or Memories of the Emperor Napoleon]. Book 2. Moscow: Zaharov, 2010. 584 p.

Ленц 2013 = *Ленц Т.* Европейский проект Наполеона // История: электронный научно-образовательный журнал. 2013. Вып. 4 (20). URL: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000503-2-1/ (дата обращения: 14.04.2023)
Lentz T. Evropeyskiy proekt Napoleona [The European project of Napoleon] // Istoriya (History): The Journal of Education and Science. 2013. Iss. 4 (20). URL: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000503-2-1/ (accessed: 14.04.2023).

Ливен 2012 = *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. 679 с.
Liven D. Rossiya protiv Napoleona: bor'ba za Evropu, 1807–1814 [Russia against Napoleon: The Struggle for Europe, 1807–1814]. Moscow, 2012. 679 p.

Манфред 1986 = *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1986. 735 с.
Manfred A. Z. Napoleon Bonapart [Napoleon Bonaparte]. Moscow, 1986. 735 p.

Мизиано 1970 = *Мизиано К. Ф.* История Италии. Т. 2. М., 1970. 616 с.
Miziano K. F. Istoriya Italii [History of Italy]. Vol. 2. Moscow, 1970. 616 p.

Наполеон 2013 = *Наполеон Бонапарт.* Гражданский кодекс. М., 2013. 480 с.
Napoleon Bonaparte. Grazhdanskiy kodeks [The Civil Code]. Moscow, 2013. 480 p.

Планерт 2014 = *Планерт У.* Германский национализм и опыт регионов в эпоху Наполеона // Эпоха 1812 года: исследования. Источники. Историография: доклады Междунар. конф. «Россия и наполеоновские войны» (Межотне, Латвия): сб. материалов. М.: Кучково поле, 2014. Вып. XII. С. 312–328.
Planert U. Germanskiy natsionalizm i opyt regionov v epohu Napoleona [German Nationalism and the Experience of the Regions in the Napoleonic Era] // Epoha 1812 goda: issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya [The era of 1812: Research. Sources. Historiography]: Reports of the International Conference "Russia and the Napoleonic Wars" (Mezhotne, Latvia): Collection of materials. Moscow, 2014. Vol. XII. P. 312–328.

Тюлар 2009 = *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 2009. 362 с.
Tyular Zh. Napoleon, ili Mif o “spasitele” [Napoleon, or the Myth of the “Savior”]. Moscow, 2009. 362 p.

Тюлар 1992 = *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1992. 382 с.
Tyular Zh. Myurat, ili Probuzhdenie nacii [Murat, or the Awakening of the Nation]. Moscow, 1992. 382 p.

Федосова 1980 = *Федосова Е. А.* Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980. 205 с.
Fedosova E. A. Pol'skiy vopros vo vneshney politike Pervoy imperii vo Frantsii [The Polish Question in the Foreign Policy of the First Empire in France]. Moscow, 1980. 205 p.

Boudon 2006 = *Boudon J.-O.* La France et l'Empire de Napoléon. Paris, 2006. 352 p.

Broers 1997 = *Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy, 1773–1821: State Building in Piedmont. Lampeter, 1997. P. 313–350.

Broers 2005 = *Broers M.* The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814: Cultural Imperialism in European Context? Basingstoke, 2005. 368 p.

Broers 2015 = *Broers M.* The First Napoleonic Empire, 1799–1815 // Nationalizing Empires / Ed. by *S. Berger, A. Miller*. Budapest; New York, 2015. P. 99–134.

Bruun 1938 = *Bruun G.* Europe and the French Imperium, 1799–1814. New York; London, 1938. 280 p.+ XIII.

Davis 2006 = *Davis J.* Napoleon and Naples: Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford, 2006. 372 p.

Desmond 2001 = *Desmond G.* Napoleons Italy. London, 2001. 243 p.

Dousset-Seiden 2005 = *Dousset-Seiden Ch.* La Nation française et l'Antiquité à l'époque napoléonienne // Anabases. 2005. No. 1. P. 57–74.

Dwyer 2001 = Napoleon and Europe / Ed. by *P. Dwyer*. London, 2001. 350 p.

Forrest, Wilson (eds.) 2009 = The Bee and the Eagle: Napoleonic France and the End of the Holy Roman Empire, 1806 / Ed. by *A. Forrest, P. H. Wilson*. London, 2009. XVII, 295 p.

Jourdan 200 = *Jourdan A.* L'Empire de Napoléon. Paris, 2000. 352 p.

Lachenicht 2009 = *Lachenicht S.* La République française et les Républiques sœurs d'Allemagne: itinéraires intellectuels et «mises en scène» // Serna P.(dir.) Républiques sœurs. La Directoire et la Révolution atlantique. Rennes, 2009. P. 255–265.

Lentz 2001 = *Lentz Th.* Napoléon, empereur des maçons // L'Histoire. 2001. No. 256. P. 36–39.

Lentz 2002–2010 = *Lentz Th*. Nouvelle histoire du Premier Empire. Paris, 2002–2010. T. 1–4.

Napoléon et l'Europe 2005 = Napoléon et l'Europe: Actes du colloque organisé par la direction des Archives du ministreиre des Affaires étrangères et la Fondation Napoléon 18 et 19 novembre 2004. Paris, 2005. 445 p.

Planert 2012 = *Planert U.* Resistance to Napoleonic Reforms in the Grand Duchy of Berg, the Kingdom of Westphalia and the South German States // The Napoleonic Empire and the New European Political Culture. Basingstoke, 2012. P. 148–159.

Rowe 2003 = *Rowe M.* Reich to State: the Rhineland in the Revolutionary Age, 1780–1830. Cambridge, 2003. 331 p.

Tulard 1983 = *Tulard J.* La Vie quotidienne des Français sous Napoléon. Paris, 1983. 314 p.

Woolf 1991 = *Woolf S.* Napoleon's Integration of Europe. London, 1991. IX, 319 p.

ЕВРОПЕЙСКИЕ МОНАРХИ В ОЦЕНКЕ БРИТАНЦЕВ В КОНЦЕ 50-х И 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Тамара Николаевна Гелла

Об авторе:

доктор исторических наук, профессор

РИНЦ AuthorID: 296315

Аффилиация:

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Электронная почта:
gellat@mail.ru

Статья посвящена анализу деятельности представителей правящих монархических европейских дворов, презентуемых на страницах британских периодических изданий в конце 50-х и 60-х гг. XIX в. В центре внимания исследования – монархи Франции, Пруссии, Австрийской и Российской империй. За исключением Пруссии, три другие страны представляли собой империи со специфической для каждой из них формой правления. Анализ публикуемой в журналах информации о жизни и деятельности монархов этих стран способствует пониманию процесса формирования у средневикторианского англичанина имперского менталитета сквозь призму образа «другого». В качестве источников выступили публикации в британских периодических изданиях различной политической направленности.

Ключевые слова: Великобритания, периодические издания, европейские монархи, Наполеон III, Вильгельм I, Франц Иосиф, Александр II.

Для цитирования:
Гелла Т. Н. Европейские монархи в оценке британцев в конце 50-х и 60-е годы XIX века // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 216–232. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.016

EUROPEAN MONARCHS IN THE ASSESSMENT OF THE BRITISH IN THE LATE 50s AND 60s OF THE XIXth CENTURY

Tamara N. Gella

About the author:

Doctor of History, Professor

РИНЦ AuthorID: 296315

Affiliation:

Orel State University named after I. S. Turgenev

Email:
gellat@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the activities of representatives of the ruling monarchical European courts, presented on the pages of British periodicals in the late 50s and 60s of the XIX century. The research focuses on the monarchs of France, Prussia, the Austrian and Russian Empires. With the exception of Prussia, the other three countries were empires with a form of government specific to each of them. The analysis of information published in magazines about the life and activities of the monarchs of these countries contributes to understanding the process of formation of the imperial mentality in the Middle Victorian Englishman through the prism of the image of the “other”. The publications in British periodicals of various political orientation were used as sources.

Keywords: Great Britain, periodicals, European monarchs, Napoleon III, Wilhelm I, Franz Joseph, Alexander II.

For citation:
Gella T. N. European Monarchs in the Assessment of the British in the Late 50s and 60s of the XIXth Century // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 216–232. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.016

Великобритания в середине XIX в. являлась ведущей страной мира. В силу своего преобладающего положения как в экономическом, так и в политическом плане на международной арене, она стремилась в той или иной степени влиять на внутри- и внешнеполитические курсы европейских стран. Интерес к жизни европейских народов у англичан был постоянным, тем более что он подкреплялся широкой издательской и публицистической активностью британских журналистов. Во многом общественное мнение жителей Соединенного Королевства формировалось под влиянием многочисленных периодических изданий и прессы, которые в рассматриваемый период выходили значительными тиражами и в силу приемлемой ценовой политики были доступны самым различным слоям британского общества. В данной статье предпринята попытка на основе страноведческого среза проанализировать восприятие британцами образа «другого» на основе представленных в британской публицистике характеристик представителей ряда монархических дворов Европы. Основными источниками послужили публикации в нескольких ведущих британских периодических изданиях начала 60-х гг. XIX в.

Великобритания, как одна из представительниц монархических государств, претендовала на роль образца монархического правления. Все события, которые проходили в правящих дворах европейских государств, становились предметом обсуждения как в государственных кругах страны, так и на страницах ведущих периодических изданий, которые в рассматриваемое время были влиятельнейшими инструментами формирования общественного мнения англичан. Менталитет средневикторианского англичанина был своеобразным отражением тех образов «другого», которые складывались в его сознании под влиянием презентуемой британскими журналистами и публицистами информации в журналах и газетах. Особое внимание авторы публикаций уделяли портретам правителей и государственных деятелей европейских стран. Представим некоторые портретные наброски правителей монарших домов Франции, Пруссии, Австрийской и Российской империй, которые вызывали неподдельный интерес у британских читателей.

Вторая империя и ее император Наполеон III были в центре внимания британской общественности. Однако публикации, посвященные Второй империи, носили скорее критический, а подчас и с нелицеприятными оценками в адрес его правителя, характер. Необходимо иметь в виду, что политический режим, установившийся во Франции в результате переворота 2 декабря 1851 г., в Британии трактовался только как «империалистический». Итак, Наполеон III глазами английских журналистов.

Избрание Луи Наполеона президентом в 1848 г. и провозглашение его императором в 1852 г. – тема, которая постоянно встречается в английских публикациях. Журналисты достаточно точно характеризуют ситуацию 1848 г. и те политические силы, которые привели его к власти. Отмечается, что страх перед возможной социалистической революцией заставил людей ошибочно полагать, что общество нуждается в защитнике. А речь непосредственно идет о легитимистах и орлеанистах, и даже о части республиканцах. В связи со своей враждебностью к республике они преодолели свои разногласия и полагали, что, избрав Луи Наполеона президентом, они получат «безмозглую марионетку, которая стала бы игрушкой в их ожиданиях». Но обстоятельства сложились по-другому. Как пишет *Westminster Review* в 1858 г. (ежеквартальный журнал в статусе официального органа философских радикалов), оценка характера Луи Наполеона была совершенно неверной. Он оказался человеком, обладавшим в значительной степени целеустремленностью и собственной непоколебимой волей, поэтому расчеты на его подчиненность оказались «прискорбно ошибочными»[1].

Одна из причин его избрания, как считали английские журналисты, заключалась как раз в том, что многие французы полагали, что Луи Наполеон – «это тот самый старый капрал, восставший из могилы, чтобы спасти свой народ в трудную минуту». И в первую очередь речь идет о крестьянах, которые питали «дикие иллюзии» по отношению к Луи Наполеону: они видели в нем «Святого Михаила, пришедшего убить это отвратительное чудовище – Республику, жадную до налогов». И Луи Наполеон знал, что ему надо обратиться за поддержкой не к легитимистам, орлеанистам или республиканцам, а к народу»[2].

«Народ дал власть, о которой просил этот человек, а человек дал спокойствие, необходимое народу». Но как замечают журналисты, «империя – это не институт, а человек – Наполеон III»[3]. Известно, что его правления в годы Второй империи в научной литературе характеризуется как политика «бонапартизма», главной чертой которой является лавирование. В британских журналах приводится значительное число фактов двойственного курса Наполеона III. Остановимся на одном из них: о самом статусе императора. Он короновался по собственному желанию как император «милостью Божьей и по воле народа». Но уже в этой формулировке крылась двойственность. Став императором «милостью Божьей», он тем самым признает божественное происхождение своей власти, он связывает себя с монархами,

[1] Westminster Review. 1858. Vol. 70. P. 168.
[2] Westminster Review. 1862. Vol. 78. P. 477; 1868. Vol. 90. P. 168.
[3] Ibid. P. 478.

осуществляющими свое правление согласно тем же принципам, что и они; признавая вмешательство Бога в дела человека, он тем самым принимает вмешательство католической церкви, т. е. вмешательство Папы Римского в дела Франции. В то же время, став императором «по воле народа», он в противовес первому, «откровенно объявляет себя отпрыском революции, избранным вождем нации, избранным делегатом суверенного народа» и т. д.[4] Журналисты задаются вопросом, а понимал ли сам Наполеон III, что он делал, когда принял формулу, воплощающую два несовместимых принципа. По их мнению, он уступил «перед привычкой политического притворства»[5].

Резюмируя взгляды английских публицистов на личность Наполеона III, надо отметить, что их оценки были далеки от нейтрально-положительных. По их мнению, за границей он действовал «в соответствии с повседневными требованиями своей политики сохранения личности», дома – он ограничивался только полумерами, переходя от одной к другой, «кокетничая здесь с реакционерами, там с либералами, живя за счет лени нации, страшась всего, что угрожает нарушить спокойствие, в котором она пребывает»[6]. И следовал вывод, что он живет сегодняшнем днем, заинтересованный только в том, чтобы поддержать себя, свою власть, «тем самым бессознательно подготавливая падение, от которого он не сможет оправиться»[7].

Британские журналисты не обошли вниманием и немецких правителей. Интерес англичан к Германии и немцам был довольно специфическим. В одной из публикаций журнала *The Spectator* (издание, основанное в 1828 г., не принадлежало открыто ни к какой партийной группировке, но в целом было консервативно настроенным политическим еженедельником) было утверждение, что из всех стран Европы Германия была той страной, которую жители Британских островов посещали меньше всего. Как отмечалось в журнале, «ее язык широко известен, ее города знакомы, как Париж, ее народ более тесно связан с нашим, чем французы или итальянцы»[8]. Но при этом было подмечено, что англичане с очень «большой неохотой» интересуются немецкой политикой. В оценках журналистов германской политики отчетливо звучит определенная доля типичного английского снобизма. Примечательным в этом отношении будет следующее их высказывание на страницах *The Spectator*: «По правде говоря, немецкая политика слишком похожа на немецкую метафизику, всегда тонкую и часто глубокую, но ту-

[4] Westminster Review. 1862. Vol. 78. P. 482.
[5] Ibid.
[6] Ibid.
[7] Ibid. P. 494.
[8] The Spectator. 1861. Vol. 34. Pt. 1. 1 Jun.

манную и утомительную до последней степени»[9]. Однако германская проблематика все же присутствует на страницах данного журнала.

Германия середины XIX в. представлена на страницах *The Spectator* как страна достаточно слабая в отличие от тех времен, когда правил Фридрих II. Так, по мнению журналистов, жители страны бережено хранят о нем память, так как после него не было ни одного «суверенного» правителя, который бы обладал хотя бы десятой долей его способностей «как государственного деятеля или воина». «Посредственность царила безраздельно там, где глупость не узурпировала ее место»[10], – следовало заключение. С момента смерти Фридриха Великого Германия «блуждала и кружилась в водоворотах революции и деспотизма», она не смогла ни создать политических институтов (видимо, подразумевался представительный орган наподобие британского парламента), ни выдвинуть политического деятеля или деятелей, которые могли бы заменить их. А в настоящее время в Германии вместо Фридриха II правит Фридрих Вильгельм IV, а вместо объединенной страны «Европа имеет то, что мы [англичане] теперь видим – богатую и слабоумную федерацию, бессильную для добра, могущественную для зла»[11].

Все же необходимо отметить, что основное внимание журнал уделяет внутри- и внешнеполитическим делам Пруссии. 2 января 1861 г. скончался король Пруссии Фридрих Вильгельм IV из династии Гогенцоллернов, правивший страной с 1840 г. Правда, в октябре 1857 г. с королем случился удар и управлять государственными делами стал его брат, шестидесятилетний принц Вильгельм Прусский, которому через год (в 1858 г.) по королевскому указу передавались прерогативы регента. Оценки деятельности Фридриха Вильгельма IV, данные *The Spectator*, отличаются определенной лояльностью, а где-то и снисходительностью. Англичане отзываются о нем как о «хорошем», «вдумчивым, утонченным, учтивым, доброжелательным» человеке», «любителе искусства и литературы». По их мнению, он был более пригоден для жизни ученого, чем для жизни, исполненной королевских обязанностей. Но при этом пишут, что у него были устремления, которые больше были характерны для детского воображения, а не для серьезных суждений. Таким образом, прусский король выступал этаким мечтателем, который стремился реализовывать свои политические замыслы так, как он хотел или воображал, а не так, как «суровый факт диктовал как осуществимое». Такая оценка характера прусского правителя совпадала и с мнением немецких современников, в частности, младогегельянец Давид Штраус назвал Фридриха

[9] The Spectator. 1861. Vol. 34. Pt. 1. 1 Jun.
[10] Ibid. Pt. 1. 5 Jan.; Pt. 2. 20 Jul.
[11] Ibid. Pt. 1 Jun.

Вильгельма IV «романтиком на троне», т. к. он придерживался «прямо-таки средневековых взглядов на священную неприкосновенность христианско-феодальной монархии»[12]. Журналисты отмечали отсутствие у него последовательности в проведении своей политики. «Попеременно решительный и колеблющийся», как они пишут, Фридрих Вильгельм IV инициировал либеральную политику [результаты мартовской революции в Пруссии 1848 г.]»[13], которая, как показал опыт, «не соответствует по форме и содержанию фактам современного мира». В качестве примеров его непоследовательности и «слабой натуры» они приводят такие факты, как то, что в годы революции 1848–1849 гг. «он позволил реальному руководству Германией ускользнуть от него». Весной 1849 г. он отказался принять имперскую корону в соответствии с конституцией, разработанной Франкфуртским парламентом. *The Spectator* по этому поводу замечает, что сам Фридрих Вильгельм IV объяснял свой поступок тем, что он отказался «от императорской короны не потому, что он этого не хотел, или не потому, что это было не выгодно его народу, но потому, что способ ее вручения [т. е. парламентом, порожденным революцией] повредил бы ее королевской святости». «Слабость» короля проявлялась и в том, что «в 1850 году он отказался от поддержки конституционалистов Гессен-Касселя [небольшое немецкое имперское княжество в рамках Германского союза], а в 1853–1854 годах не произнес ни слова, которое могло бы остановить русскую войну [Крымскую войну 1853–1856 гг.]»[14].

Отдав должное умершему Фридриху Вильгельму IV, английские журналисты обратили свой взор на принца-регента Вильгельма, провозглашенного королем Пруссии 2 января 1861 г. под имением Вильгельм I Прусский. В центре их внимания была сама личность прусского монарха и его внутренняя и внешняя политика. Уже в февральских публикациях *The Spectator* пытается обрисовать ту сложную политическую ситуацию, в которой оказалась Пруссия в начале 1861 г. Новый король Пруссии инициирует проведение в стране военной реформы, которая встретила неоднозначную реакции в прусском обществе. *The Spectator*, касаясь темы военной реформы, в целом выступает на стороне короля Вильгельма.

Другой сюжет, связанный именно с королем Вильгельмом I Прусским, был посвящен вопросам о методах его правления и создания централизованного германского государства. В целом *The Spectator* довольно критически оценивает политику прусского правительства в этом направлении.

[12] Попов (сост.) 1996, 325.
[13] Палмер 1998, 61–81; Попов (сост.) 1996, 324–326.
[14] The Spectator. 1861. Vol. 34. Pt. 1. 5 Jan.; Pt. 2. 20 Jul.

В публикациях открыто отмечается, что по сравнению с Италией поведение Пруссии представляется достаточно слабым. Англичане считали, что лучшим для Вильгельма I будет встать во главе объединительного процесса. А свою, т. е. британскую, заинтересованность в решении германского вопроса объясняли тем, что Европе нужна сильная Германия, которая «стала бы последней преградой для России и Франции».

14 июля 1861 г. на Вильгельма I было совершено покушение. Студент Оскар Беккер, уроженец Одессы, в Баден-Бадене стрелял в прусского короля, получившего незначительное ранение. Главным мотивом, побудившего Беккера совершить такой поступок, стало его убеждение, что Вильгельм не способен выполнить свои обязательства и является препятствием к объединению Германии. Естественно, такое событие нашло отклик в британской прессе, и еженедельник *The Spectator* посвятил ему специальную статью. Необходимо стразу отметить, что как в германских государствах, так и в других европейских странах, в Англии в частности, либеральные идеи и их политические сторонники сразу же стали подвергаться критике. Именно на прусскую либеральную партию было возложена ответственность за покушение на короля. Герцог Саксен-Кобург-Готский в своих мемуарах, касаясь этого события, писал, что покушение, которое он назвал «позорным и глупым», совершенное незрелым студентом на жизнь короля Пруссии, «породило опасение, что надежды немецкой нации могут снова задержаться еще на тридцать лет». Реакционная партия направила все усилия в Берлине, чтобы одержать верх и извлечь выгоду для себя, но все ее попытки были отвергнуты. И самое главное, отмечал герцог, что «король не позволит отвлечь себя от политической позиции, которую он до сих пор придерживался»[15]. Британский журнал называл действия студента Беккера «глупо преступными». Однако, как и герцог Саксен-Кобург-Готский, еженедельник утверждает, что «король – храбрый человек» и «вряд ли его можно будет поколебать в своих намерениях». Он, хотя и медленно, но подвигается вперед в направлении, которое желают немцы, и его смерть была бы просто для них несчастьем.

Рассуждения британских журналистов о национальных чувствах немцев представляли определенных интерес для современников, в связи с этим стоит на них подробнее остановиться. В июльском номере этого журнала была напечатана статья, посвященная покушению на Вильгельма I, в которой подчеркивается, что немецкий народ считал невыносимым злом то, например, что даже для принятия самого незначительного проекта требо-

[15] Ernst II 1890, 62–63, 66.

валось ободрение тридцати двух судов, «что самая многочисленная из европейских рас должна иметь мало торговли и не иметь флота», что «Франция может угрожать воинственному народу, вдвое более многочисленному, чем галлы», и что германская власть, германские цели и германская политика не должны иметь национальных представителей. Журналисты указывают на наличие двух факторов, которые отличают специфику германской политики: первый заключается в том, что «огромная масса образованных немцев страстно желает если не абсолютного единства, то, по крайней мере, политического единства для всей своей расы, не являющейся австрийскими подданными», а второй сводится к тому, что достичь эту цель можно только с согласия дома Гогенцоллернов[16]. Постоянно английские журналисты подчеркивают важность Пруссии в вопросе объединения страны и роль в этом процессе прусского короля. Они отмечают его колебания, объясняя это тем, что он это делает «больше из уважения к правам принцев, чем из страха подвергнуть риску свое королевство или свой трон». В то же время он не чувствует, что «национальная воля является единственным законным источником действия», следствием чего немцы воспринимают его политику как нерешительную, а это, в свою очередь, «возбуждает в немецком уме то раздраженное сомнение», кульминацией которое стало мономанией у Беккера[17].

Положение Вильгельма, как считали английские публицисты, осложняется тем, что в его сознании усиливается борьба между консервативными и либеральными принципами правления. «Если он решит играть за императорскую корону, он должен управлять Пруссией как конституционный государь, а не как глава бюрократии. Он не может поддерживать репрессивную полицию в Берлине и надеяться на плебисцит в Ганновере, поддерживать маленькую аристократию в Пруссии и просить Германию ослабить свою великую аристократию в его пользу», – заключает *The Spectator*[18]. В этой ситуации англичане не могли не дать совет прусскому монарху: «Пусть он только либерализует свое правительство в Пруссии, и нынешнее поколение еще увидит императора Германии, достаточно сильного, чтобы бросить вызов Франции и заставить Россию ограничить свое распространение на азиатскую сторону»[19].

Что же касается Австрийской империи, то последняя интересовала Великобританию как своеобразный буфер в центре Европы между Россией и Францией. Отсюда интерес журналистов к этой центрально-европейской

[16] The Spectator. 1861. Vol. 34. Pt. 2. 20 Jul.
[17] Ibid.
[18] Ibid.
[19] Ibid.

стране. После революции 1848–1849 гг. многонациональная Австрийская империя во главе с династией Габсбургов переживала непростые времена. Журнал *The Westminster Review* охарактеризовал проводимую Габсбургами политику в 50-е годы как «католическую, абсолютистскую и немецкую, то есть прямо противоположную религиозным политическим и национальным устремлениям нашего времени»[20]. К 1861 г. положение в стране обострилось в связи с ее поражением в войне с Францией и Пьемонтом и потерей Ломбардии и ряда других итальянских территорий.

Англичан привлекает внимание династия Габсбургов как таковая. На страницах *The Westminster Review* мы находим в целом положительные отзывы о самих представителях этой династии: «Ни один царствующий дом не может похвастаться такой непрерывной чередой самых любезных, доброжелательных, честных и справедливых людей в частной жизни [как Габсбурский дом]. Они внушали настоящую привязанность всем, кто ежедневно с ними общался<…>»[21].

Надо отметить, что роль династии Габсбургов в истории страны отмечают и историки XX века. Так, известный британский исследователь А. Тейлор писал следующее: «Ни одна фамилия (династия) не существовала так долго и не оставила такой глубокий след в Европе: Габсбурги были величайшей династией современной истории, и история Средней Европы вращалась вокруг них, а не наоборот»[22]. С этим высказыванием соглашается и отечественный историк Т. М. Исламов, который утверждает, что Габсбурги «сделали» Австрийскую империю. По его мнению, «Среднеевропейская империя была сотворена волею, умом, чаще ловкостью, хитростью, изворотливостью, но также и последовательной целеустремленностью нескольких поколений Австрийского дома – фамильной чертой габсбургской династии. Империя была произведением династии, она возникла благодаря ей и пала вместе с ней»[23].

Однако в начале 60-х гг. XIX в. английские журналисты отмечали, что существовал «вопиющий» контраст между личным характером монархов и их политикой. И причину такого противоречия они видят «в той семейной вере в Божественное право, которой должно подчиняться все остальное, даже хорошие качества монархов». Эта жестокая вера была и остается краеугольным камнем всей политики Австрии, утверждают британские современники[24]. И они не останавливаются перед серьезной критикой этой политики.

[20] The Westminster Review. 1861. V. 75. P. 504.
[21] Ibid. P. 505.
[22] Цит. по: Исламов 2001, 12.
[23] Исламов 2001, 12.
[24] The Westminster Review. 1861. V. 75. P. 506.

С одной стороны, они стараются обрисовать тот контур взаимоотношений, который сложился в империи на протяжении длительного времени к моменту рассматриваемых событий. Так, говоря об административной структуре империи, *The Westminster Review* отмечает, что каждая из ее провинций существовала как нация, сохранялись традиции «национального существования», и вся «восточная группа [восточные славянские и неславянские территории империи] все еще обладала всеми существенными чертами свободного правления». В связи с этим делается вывод о том, что «ни физическая, ни моральная сила немецкого элемента не была рассчитана на то, чтобы формировать других по своему образу и подобию»[25]. Такое заявление было явным преувеличением, поскольку политика онемечивания, особенно навязывания немецкого языка, проводилась венским правительством всегда, что вызывало крайнее недовольство ненемецкого населения страны. И сами же журналисты в этой же публикации помещают прямо противоположный приведенному выше высказыванию тезис о том, что «мания германизации была не нова, но она держалась в рамках, пока сохранялась связь с Германией», и попытки возобновить ее повлияли на происходящие в империи рассматриваемые события[26]. Англичанами высказывалось предположение, что единство немецких и других «различных элементов» могло заключаться в свободном развитии национальных устремлений каждого из них. При таких условиях «австрийская династия могла бы играть роль Пьемонта в Италии, России на Востоке, а в Германии – роль, которую еще предстоит сыграть», пишет *The Westminster Review*. Однако это не случилось, и причину журналисты видят в «устаревших представлениях о Божественном праве государей» и «односторонних узколобых немецких традициях»[27].

Надо отдать должное британским журналистам в их подчас довольно объективных оценках политических действий венского правительства. И это в первую очередь касается ее национальной политики. Они открыто заявляют, что «Австрия стала притчей во языцех для всех наций, их самым систематическим и настойчивым врагом»[28]. Они обосновывают это заявление тем, что династия делала все, что было в ее силах, чтобы проводить свою собственную политику, возбуждая и разжигая раздоры между различными расами, и таким образом способствовала, главным образом, разрушению своей собственной цели – единства империи.

[25] The Westminster Review. 1861. V. 75. P. 507.
[26] Ibid. P. 506.
[27] Ibid. P. 507.
[28] Ibid. P. 508.

Критика антивенгерского курса Габсбургов становится более острой в британских журнальных публикациях конца 1861 г. Связано это было с тем, что 22 августа император Франц Иосиф издал указ о роспуске венгерского Государственного собрания, а 5 ноября правительство объявило официально о прекращении «конституционного правления». В империи был восстановлен автократический централизм, известный как «провизориум Шмерлинга», поскольку именно он встал во главе его. Он рассматривался как временная мера до тех пор, пока венгры не согласятся участвовать в работе имперского парламента. Фактически в стране было введено чрезвычайное положение[29]. Этот акт Вены привел к еще большему обострению отношений двух сторон и вызвал осуждение как в самой империи, так и за рубежом.

Серьезной критике подвергся сам император Франц Иосиф. И если в публикациях начала года Габсбургская монархия и ее представители оценивались сдержанно, и как выше отмечалось, даже позитивно, то в осенних номерах журнала *The Spectator* звучит уже неприкрытое осуждение политического курса императора. «Австрийский император объявил войну Венгрии», – констатируется в ноябрьском номере журнала. И англичане даже не могут понять, замечает еженедельник, что на самом деле означает осадное положение, распространяющееся на всю страну. А это означает, как пытается объяснить журналисты, что «повсюду в Венгрии солдаты должны править, взимать налоги и вершить правосудие, втягивать в ряды конунгов, чтобы помочь угнетать своих соотечественников, и убивать крестьян», а также «полную утрату всех привилегий, исчезновение всякой ценности в собственности, ежечасные угрозы, вечные страдания и несправедливость, все ужасы, отличающие царство террора, добавленные ко всем ужасам, присущим гражданской войне»[30]. Вот такие картины рисуют британские журналисты о сложившей ситуации в Венгрии в результате законов Франца Иосифа.

Что же касается самого императора, то он предстает перед британскими читателями правителем, на которого смотрели в 1848 г. как на последнюю надежду по спасению династии, которого с 1849 г. льстецы провозгласили «основателем Австрии, принцем, который, несмотря на бури революции, сохранил нетронутыми владения и политику своего дома». Однако он не оправдал их надежд, т. к. сорвал цели, которые ставила перед собой династия, к которой он принадлежал, и нанес ей поражение. Ему вменяют в вину то, что он лишил Австрийскую империю богатейшей провинции, т. е. Ломбардии. «В течение двухсот лет австрийская кровь и сокровища расто-

[29] Подробнее см.: Исламов (ред.) 1972, 222–223.
[30] The Spectator. 1861. Vol. 34. Pt. 2. 9 Nov.

чались в стремлении завоевать итальянское господство, которое Франциск Иосиф отбросил в один час», – пишут журналисты. Династия гордилась своей армией, и в первом же походе был «разрушен ее боевой дух». Прежде династия действовала по принципу «разделяй и властвуй», а Франц Иосиф, «стремясь уничтожить различия, которые были его безопасностью», сделал все, чтобы провинции стали едины «чувством ненависти» к Австрии. «Венеция и Венгрия наконец-то объединились, но именно в своем отвращении к нему [императору]». И далее следует уничижительная характеристика Франца Иосифа: «Деспот и конституционалист, он потерпел неудачу в обоих своих качествах, и половина его подданных презирает свободы, отказ от которых превратил другую половину в его серьезных врагов. Побежденный в битве, обманутый в дипломатии, ненавидимый своим народом и презираемый своими братьями-деспотами, император решает одним великим переворотом превзойти все предыдущие неудачи и добиться, наконец, возмездия, которого он так долго заслуживал»[31]. В деспотизме этих Габсбургов есть нечто такое, что будоражит кровь, как никакой другой деспотизм, заключает британский журнал. В его ноябрьской публикации приводится интересное сравнение политики монархических домов Европы. В ней отмечается, что другие дома совершали злодейские поступки, но, по крайней мере, у них был мотив. Так, русские цари хотят завоевать весь мир, бонапарты «тиранизируют» во имя общества и цивилизации. Но у австрийцев «нет ни причины, ни мольбы, ни животворящей надежды: они уничтожают народы из личной досады и разрушают империю, чтобы угодить священнику [Папе Римскому?]»[32]. Таким образом, Австрия и ее правитель Франц Иосиф представлены английскими журналистами в довольно неприглядном виде.

Российская империя и ее правители, безусловно, привлекали внимание британских журналистов и читателей. Оценивая деятельность русских царей XIX в., английские публицисты нередко обращались к освещению процесса становления России как империи и к ее правителям, которые своей политикой оказали непосредственное влияние на ход российской истории, и на то современное состояние России, которое наблюдают англичане в середине XIX в. Они проводят определенную грань между государями с сильным характером, к числу которых относят Петра Великого, Екатерину II и Николая I, и теми, в чьи «слабые руки» попадает судьба страны, а именно: Анны, Павла, Александра I и Александра II[33]. На страницах британских периодических изданий проходит череда портретов русских царей, особое

[31] The Spectator. 1861. Vol. 34. Pt. 2. 9 Nov.
[32] Ibid.
[33] The Fortnightly review. 1866. Vol. 6. P. 744.

место среди них занимает фигура Петра I. Необходимо отметить, что отношение английских публицистов к деятельности Петра I было скорее скептическим, даже больше негативным, чем положительным. Немного об этом.

Деятельность Петра Великого, безусловно, занимала не последнее место в их рассуждениях о специфике российской государственности. В журнале *The Quarterly review* за 1863 г. была помещена статья об истории становления российского государственного строя. Законодательная политика Петра I характеризуется английскими журналистами в весьма сдержанных тонах, но с определенной толикой сарказма. Так, журналисты утверждают, что правление Петра I было в высшей степени «неконституционным», в проведении своего курса он мог использовать только методы деспотизма. Дворяне, хотя и лишались своих «древних конституционных привилегий», но заинтересованные в крепостной системе и «чувствуя потребность в эффективной центральной власти», все меньше сопротивлялись «новому деспотизму». Неудивительно, отмечается в журнале, что при таких обстоятельствах и при таком человеке, как Петре I, Россия стала представителем деспотии в Европе[34].

Более жесткой критике правление Петра I подвергнуто в посвященной России статье журнала *The Westminster review* за январь 1864 г., в которой приводится довольно неприглядная характеристика его законодательной политики. Во-первых, сразу же дается установка на то, что его политика, или, как заявлено в статье, «официальная революция», проведенная им, закрепила «азиатских характер» русской нации. В результате его деятельности «новый город [Санкт-Петербург] возвышался в ужасающем великолепии над мертвыми телами; древняя столица [Москва], трепет и почитание всех добрых русских, была заброшена <…>; национальное чувство было оскорблено во всех отношениях; национальные манеры и одежда были запрещены, а европейские обычаи сделаны обязательными; национальная религия была поставлена под прямой контроль государя; дворяне были унижены, а крестьянство превращено в рабов». И поскольку у народа «не было духа подняться против тирании, которая его угнетала, нация вернулась в состояние еще большего упадка, чем прежде». По мнению английского автора, в царе Петра I не было ничего европейского, кроме стремления подражать европейским обычаям и институтам. Но в этом подражании было что-то «варварское», как он пишет, оно сильно напоминало своей «гротескностью» и безуспешной попыткой примерить «европейский костюм к дикарям островов Южного моря». Критикуя реформаторскую политику Петра Первого,

[34] The Quarterly review. 1863. Vol. 113. P. 77–78.

автор статьи делает вывод, что «все его правление – это серия безжалостных жестокостей дома и блестящих козней за границей», все его действия были направлены только на достижение одной цели – «систематическое сжатие нации в инертную массу, движущуюся по его воле, и прочное утверждение его империи в таком положении, когда она в любой момент может наброситься на Европу»[35].

Отрицая позитивные аспекты реформаторской деятельности Петр I, британские журналисты не смогли адекватно оценить и трансформационную роль, и значение его преобразований для дальнейшего развития России. Правда, они признают, что в последующие десятилетия «материальный прогресс Российской империи <…> был очень велик». Но это не было заслугой петровских реформ. Страна развивалась благодаря тому, что ее народ обладал «разносторонним и бродячим нравом», что у нее были безграничные ресурсы, ее «девственные территории сказочной протяженности и плодородия» были возделаны, полученная продукция с максимальной выгодой успешно была реализована предприимчивыми русскими купцами, возникали также всевозможные предприятия, хотя и уступавшие западноевропейским, но которые все же удовлетворяли ее обычные потребности. Таким образом, все достижения в последующие периоды развития России после петровских времен объяснялись простыми естественными причинами, а не являлись следствием петровских преобразований, а также результатом деятельности правящих царей и их правительств. Этими рассуждениями британские публицисты подводили своих читателей к заключению, что, если рассматривать «моральный и политический прогресс России» за 150 лет после Петра I, то нельзя признать «что она в какой-либо степени шла в ногу с распространением цивилизации в других странах Европы»[36]. Таким образом, образ Российской империи вплоть до середины XIX в. формировался как образ отсталой, крепостнической, деспотической, с огромными воинствующими претензиями страны, опасной своими завоевательными замыслами для Европы.

Сюжеты о России рубежа 50-х – начала 60-х гг. XIX в., безусловно, преобладали на страницах британских периодических изданий. Фигура императора Александра II привлекала внимание британских читателей, и в связи с этим на страницах периодических изданий можно найти ряд публикаций, посвященные ему. Надо сразу отметить, что деятельность нового императора с момента вступления его на российский престол оценивалась англичанами сквозь призму деятельности его предшественников. Причем речь шла не

[35] The Westminster review. 1864. Vol. 81. P. 176–177.
[36] Ibid.

столько о чертах характера того или иного русском императора, сколько о влиянии их стиля правления на формирование специфики российского самодержавия. По мнению журналистов, короткое царствование Павла было поучительным, поскольку оно демонстрировало, с какой легкостью совершаются революции, и что «российские государи всегда подвергались большей опасности в собственных дворцах, чем за границей на открытой улице или в многолюдном собрании». Относительно правления Александра I отмечалось, что победа над Наполеоном «стала триумфом абсолютизма в России». Фигура императора приобрела божественный ореол, поскольку он спас свою страну и свою религию. Успехи русского оружия, причем, как замечали журналисты, «намеренно превозносимые», «внушали народу мысль, что отныне он непобедим, что перед ним великая судьба, что, победив французов, которые победили всех остальных, ни один народ в будущем не сможет ему противостоять». А Николай, вступивший на престол, считал, что абсолютизм поддерживается среди широких масс своих подданных[37].

Правление Николая I вызывала серьезную критику со стороны англичан. С одной стороны, они признавали, что Николай был «единственным царем, который когда-либо достиг командного положения в Европе», а с другой, «его политика благоприятствовала системе обмана и мошенничества, в которой процветала коррумпированная бюрократия», в стране недовольные подданные были «запуганы военным деспотизм до покорности или принуждены к молчанию обманчивым величием императорского великолепия, демонстративно выставляемого напоказ дома и за границей»[38].

Александр II, в отличие от своего отца, пользовался в начале своего царствования более благоприятным расположением британских публицистов и журналистов[39]. Его, как отмечено выше, сопоставляли с прежними российскими правителями, но в то же время начинали оценивать и его первые шаги по реформированию страны. И здесь в первую очередь рассматривались его законы об отмене крепостного права и предварительная работа по подготовке реформы судопроизводства и сама судебная реформа. Британские журналисты пытались представить Александра II своим читателям как «любезного и благонамеренного императора», как политика, которому присущи «умеренность и благие намерения». «Умеренность и благие намерения Александра, – пишут они, – действуют как общая оттепель на застойное единообразие, которое поддерживалось деспотическим эгоистичным беспорядком его отца». Его хвалят за «стойкость», с которой он отстаи-

[37] The Quarterly review. 1863. Vol. 113. P. 83.
[38] Ibid.; The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 1. P. 187.
[39] Sakowicz 2005, 279.

вал «великое нравственное убеждение своей жизни – необходимость освобождения [крестьян]», и даже называют «величайшим революционером своего времени», имея в виду предварительные разработки (1862 год) его будущей судебной реформы[40]. Однако уже в начале его правления английские публицисты высказывали свои сомнения в способности русского царя быть последовательным в своих реформаторских начинаниях. Так, в 1860 г. журнал *The Edinburgh Review* (один из влиятельных британских журналов XIX в. вигской направленности) писал, что Александр II «не имеет ни характера, ни средств», чтобы привести страну к «великим и благотворным результатам», которых он желает. По мнению журнала, он «принадлежит скорее к государям, которые сотрясают стабильность тронов и институтов, чем к правителям, которые укрепляют их»[41]. А в большой статье «Русское общество», помещенной в либеральном журнале *The Fortnightly Review* за 1866 г., уже напрямую проводится мысль, что «<…> император Александр слишком слаб, чтобы управлять действительно лично, и запечатлеть свою самодержавную волю на каждом акте своего правительства <…>»[42], подчеркивая тем самым слабость и нерешительность российского императора.

Подводя итог краткому обзору портретной галереи правителей европейских империй, можно отметить неподдельный интерес британской общественности к жизни европейских дворов, их главных представителей. Английские журналисты, презентуя их образы перед своими читателями, сопоставляя жизнь их народов с реалиями собственной страны, способствовали формированию ментальности средневикторианского англичанина.

Литература / *References*

Исламов 2001 = *Исламов Т. М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40.
Islamov T. M. Imperiya Gabsburgov. Stanovlenie i razvitie. XVI–XIX vv. [The Habsburg Empire. Formation and Development. XVI–XIX Centuries] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2001. No. 2. P. 11–40.

Исламов (ред.) 1972 = История Венгрии. В 3 т. Т. 2 / отв ред. *Т. М. Исламов*. М., 1972. 605 с.
Istoriya Vengrii [History of Hungary]. In 3 vols. Vol. 2 / ed. by *T. M. Islamov*. M., 1972. 605 p.

Попов (сост.) 1996 = Монархи Европы: судьбы династий / сост. *Н. В. Попов*. М., 1996. 623 с.
Monarhi Evropy: sud'by dinastiy [Monarchs of Europe: the Fate of

[40] The Edinburgh review. 1860. Vol. 112. P. 212; The Saturday Review, 1862. Vol. 14. October. P. 395.
[41] Ibid.
[42] The Fortnightly Review. 1866. Vol. 6. P. 744.

Dynasties] / Comp. by *N. V. Popov*. Moscow, 1996. 623 p.

Палмер 1998 = *Палмер А.* Бисмарк / пер. с англ. *И. С. Соколовой и др*. Смоленск, 1998. 544 с.
Palmer A. Bismark [Bismarck] / Transl. from English. Smolensk, 1998. 544 p.

Sakowicz 2005 = *Sakowicz I.* Russia and the Russians Opinions of the British press during the reign of Alexander II (dailies and weeklies) // Journal of European Studies. 2005. Vol. 35 (3). P. 271–282.

ПОСТКОЛОНИАЛИСТСКИЕ АСПЕКТЫ АНТИРАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ДИСКУРСА ДЕБАТОВ В КОНГРЕССЕ США ПО ОРЕГОНСКОМУ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ БИЛЛЮ В МАЕ – АВГУСТЕ 1848 ГОДА

Николай Иванович Осипов

Об авторе:

кандидат исторических наук

Аффилиация:

Самарский кадетский корпус

Электронная почта:
ossian-60@mail.ru

В статье рассматриваются особые, постколониалистские аспекты антирабовладельческой аргументации, использовавшейся в ходе дебатов в Конгрессе США по Орегонскому территориальному биллю. Эти аспекты сформировались в политическом сознании американцев, прежде всего в северных штатах, в процессе переосмысления ими своего колониального прошлого и антиколониальной борьбы. Они прозвучали в виде устойчивых идейных обоснований недопущения всякого дальнейшего территориального распространения рабства. Понимание рабства как «проклятого колониального наследия», «позорящего клейма» на светлом облике независимой американской нации и рабовладения как свидетельства постколониальной экономической, цивилизационной отсталости определяющим образом воздействовало на идейное противодействие распространению рабства на новые территории. Идеи спасения национальности чести, обращения и следования революционным идеалам в решающей мере повлияли на антирабовладельческую риторику конгрессменов.

Ключевые слова: избавление от колониального наследия, англофобия, национальная честь и достоинство, интересы национального развития, национальная ответственность, заветы отцов-основателей.

Осипов Н. И. Постколониалистские аспекты антирабовладельческого дискурса дебатов в Конгрессе США по Орегонскому территориальному биллю в мае – августе 1848 года // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 233–247. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.017

POSTCOLONIAL ASPECTS OF THE ANTISLAVERY DISCOURSE OF THE DEBATE IN THE US CONGRESS ON THE OREGON TERRITORIAL BILL IN MAY – AUGUST 1848

Nikolay I. Osipov

About the author:

PhD in History

Affiliation:

Samara Cadet Corps

The article examines the special, post-colonialist aspects of the anti-slavery argument used during the debates in the US Congress on the Oregon Territorial Bill. These aspects were established in the political consciousness of Americans, primarily in the northern states, in the process of rethinking their colonial past and anti-colonial struggle. They were formulated as stable ideological justifications for preventing any further territorial spread of slavery. The understanding of slavery as a "cursed colonial legacy", a "shameful stigma" on the bright image of an inde-

pendent American nation and slavery as evidence of postcolonial economic and civilizational backwardness had a decisive effect on the ideological opposition to the spread of slavery to new territories. The ideas of saving the nationality of honor, conversion and following revolutionary ideals decisively influenced the antislavery rhetoric of congressmen.

Email:
ossian-60@mail.ru

Keywords: getting rid of the colonial legacy, anglophobia, national honor and dignity, interests of national development, national responsibility, the precepts of the Founding Fathers.

For citation:
Osipov N. I. Postcolonial aspects of the antislavery discourse of the debate in the US Congress on the Oregon Territorial Bill in May – August 1848 // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 233–247. **DOI:** 10.55000/SemConf. 2023.3.3.017

В начале XIX века, сразу после покупки Луизианы в 1803 году, в Орегон устремился поток американских поселенцев, который временно был прерван англо-американской войной 1812–1815 годов. С 1818 года Орегон в соответствие с англо-американским соглашением находился в совместном владении США и Великобритании. Колонизация и хозяйственное освоение территории Орегона американскими поселенцами находили всё возрастающую поддержку в руководстве страны, среди большинства американских политиков и у многих простых американских граждан. В 1827 году это соглашение было продлено на неопределённый срок.

Территориальные споры и притязания по всему протяжению границ США с колониальными владениями Великобритании являлось одним их наиболее характерных проявлений постколониальных взаимоотношений между этими странами в первой половине XIX века. Англофобия была в этот период идейно-политическим выражением и оправданием американских территориальных этих притязаний. Антибританские взгляды и настроения были в эти годы широко распространены в американском обществе, являясь идейным отражением в массовом политическом сознании американцев постколониалистских представлений. Демократическая партия была активным выразителем и распространителем таких представлений.

В 1844 году в ходе предвыборной президентской кампании усилиями лидеров демократической партии в США возникло националистическое проэкспансионистское политическое движение «Весь Орегон», которое вместе с подобного же рода политическим движением в пользу аннексии Техаса в решающей мере обеспечило победу кандидату от демократической партии Джеймсу Н. Полку и самой партии на выборах в Конгресс. Усилиями президентской администрации Джеймса Н. Полка, при поддержке пар-

ламентской коалиции всех проэкспансионистски настроенных конгрессменов удалось в 1845–1846 годах принять законодательные решения об аннексии Техаса и выдвижения претензий на «весь Орегон»[1].

Созданная в июле 1844 года по инициативе американских поселенцев временная администрация приняла ряд законов, которые должны были подготовить вхождение Орегона в состав США. Среди этих законов был закон, который запрещал ввоз рабов и распространение рабовладения на всей территории Орегона. Принятие такого закона отражало настроения и представления большинства поселенцев, но одновременно должно было поспособствовать привлечению общественной и политической поддержки скорейшему принятию этой территории. Выдвижение поселенцами этой антирабовладельческой законодательной инициативы явно направлено на использование штатах англофобских, проэкспансионистских и антирабовладельческих настроений популярных на тот момент в северных штатах[2].

В июле 1844 – марте 1846 года ожесточённое идейно-политическое и партийно-политическое противостояние по вопросам аннексии Техаса и одностороннего прекращения совместного англо-американского владения Орегоном привело к оттеснению вопроса об организации территории Орегона на второй план и задержке его рассмотрения в Конгрессе США. Уже изначально англофобские опасения содержались в суждениях и дискуссиях по этим темам вне увязки с вопросами о территориальном распространении и статуса рабства на этих новых территориях. Конгрессмены взывали к опыту запретов рабства времён Войны за независимость и образования США усилиями отцов-основателей.

В Конгрессе США в период 1846–1848 годов происходила острая парламентская борьба между партиями, секционалистскими политическими группировками по вопросам масштабов, условий присоединения новых территорий, обеспечения условий ведения войны, определения статуса рабства на этих новых территориях. В парламентском противостоянии антиэкспансионистских и проэкспансионистких политических сил особую значимость приобрёл именно этот политико-правовой аспект проблематики территориальных приобретений.

Сторонники недопущения распространения рабства на новых территориях активно прибегали к использованию англофобских и антибританских аргументов в дискуссиях по этим вопросам. Они указывали на британскую ответственность за появление и распространение рабства в американских колониях, на использование вопроса об экспансии рабства в США в целях

[1] Троицкая 1994, 192–198; Ярыгин 1988, 90–91.
[2] Garrison 1906, 212–213, 214, 215; Merk 1978, 310–312.

враждебного вмешательства и злонамеренной дискредитации американского государства британскими политиками и государственными деятелями[3].

В отношении Орегона данный аспект мог дебатироваться с наименьшим влиянием партийных взглядов и противоречий, но при этом в наиболее абстрагированной форме идейного противостояния сторонников и противников территориального распространения рабства. В северных штатах в 30-е – начале 40-х годов стало развиваться массовое и очень активное в пропагандистском отношении аболиционистское движение, некоторые идеи которого получили широкое распространение в массовом сознании северян. Особенно популярными стали идеи аморальности, антигуманности, антидемократичности южного рабовладельческого общества и недопустимости дальнейшего территориального распространения рабства[4].

Поэтому в 1844–1846 годах последовал немедленный политический отпор со стороны политиков северных штатов в виде активного противодействия в обеих палатах Конгресса США аннексии Техаса и принятия палатой представителей Конгресса США 3 февраля 1845 года и 6 августа 1846 года поправок к Орегонскому территориальному биллю, предусматривавших запрет рабства. Более того, 10 августа 1846 года этой же палатой Конгресса США было принято «условие Уилмота» к биллю об ассигнованиях для ведения переговоров с Мексикой о территориальных уступках, которое требовало запрета рабства на всех отторгаемых мексиканских территориях. В дальнейшем поправка Уилмота многократно предлагалась северными конгрессменами к законопроектам о выделении военных и переговорных ассигнований. Запрет рабства в Орегоне принимался нижней палатой Конгресса США 16 января 1847 года, 2 и 11 августа 1848 года, а 12 августа этот запрет с отсылкой к Северо-западному ордонансу 1787 года был принят в Сенате Конгресса США[5].

Тем самым можно утверждать об устойчивой тенденции формирования во второй половине 40-х годов XIX века в Конгрессе США межпартийной антирабовладельческой парламентской коалиции конгрессменов, которых объединяла общая нетерпимость к территориальному распространению рабства. Эта коалиция перманентно образовывалась в ходе идейной полемики по вопросам территориальной экспансии, которые стали в этот период постоянной и доминирующей тематикой законодательной деятельности. Хотя у неё не имелось прочных и устойчивых организационных и по-

[3] Garrison 1906, 215–217.
[4] Алентьева 2008, 37–39.
[5] Congressional Globe. 28th Congr. 2nd Sess. P. 236; Congressional Globe. 29th Congr. 1st Sess. P. 1204, 1218; Congressional Globe. 29th Congr. 2nd Sess. P. 198; Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 1027, 1062–1063, 1078.

литико-институциональных оснований, но, по нашему мнению, именно в рамках такой коалиции началась своего рода «идеологическая революция», которая привела к идейно-политической консолидации всех антирабовладельческих политических сил американского общества в середине 50-х годов XIX века[6].

Антиколониалистские, англофобские и антибританские взгляды, предубеждения, установки, представления и настроения, хотя и не являлись самостоятельным фактором такой консолидации, но оказывали непрерывное и разностороннее воздействие на восприятие массовым и элитарным сознанием значимости вопросов рабовладельческой экспансии и статуса рабства на новых территориях. В пропагандистском отношении идеи изживания последствий колониальной зависимости, противодействия враждебным действиям бывшей метрополии, укрепления национального престижа, суверенитета страны находили сочувственный отклик и массовую поддержку американских граждан как в стенах Конгресса, так и за его пределами.

Разработка и принятие Орегонского территориального билля стали весной – летом 1848 года самыми неотложными вопросами территориально-экспансионистской политической повестки первой сессии 30-го Конгресса США. Предпринятая в июне – июле 1848 года юнионистски настроенными сенаторами-вигами и проэкспансионистскими сенаторами-демократами попытка включения Орегонского территориального билля в общий компромиссный билль специального сенатского комитета оказалась неудачной из-за объединённых усилий подавляющего большинства конгрессменов из северных штатов в палате представителей[7].

Начавшаяся в апреле – мае 1848 года предвыборная кампания по выборам в президенты США и выборам в Конгресс США отличалась массированным использованием темы территориального распространения рабства и образованием различных радикальных политических группировок антирабовладельческой и прорабовладельческой направленности. Партиям и партийным кандидатам было обязательно необходимо высказаться по вопросу о рабстве, занять определённую позицию по этому вопросу. Предложение и реализация примирительного компромиссного решения по вопросу о статусе рабства на новых территориях стало в мае – июне 1848 года со стороны конгрессменов важнейшим способом активного содействия успеху сво-

[6] Я разделяю предположение о предшествовавшей Гражданской войне в США идеологической революции на Севере США в отношении к рабству, высказанное профессором В. В. Согриным: Согрин 2020, 242. Но полагаю, что она началась в конце 40-х годов XIX в. посредством привнесения вопроса о рабстве в партийно-политическую борьбу.

[7] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 1002, 1027.

их партийных кандидатов в противодействии радикальным политическим силам антирабовладельческой и прорабовладельческой направленности[8].

Президент США Джеймс Н. Полк в августе 1846 года, декабре 1846 и 1847 годов обращался к Конгрессу США с посланиями о необходимости подготовки и принятия территориального билля для Орегона. 29 мая 1848 года в своём специальном послании настоятельно просил конгрессменов ускорить принятие Орегонского территориального билля для того, чтобы можно было бы запросить и получить необходимые ассигнования с целью принятия соответствующих срочных военных мер по защите поселенцев от нападений индейских племён и враждебных происков британских колониальных властей и частных лиц[9].

Во многом именно поэтому длительная и ожесточённая партийно-политическая борьба и идейная полемика конгрессменов по вопросу о порядке и условиях определения статуса рабства на новых территориях, которая велась в мае – августе 1848 года, завершилась голосованиями и успешным принятием запрета рабства в обеих палатах Конгресса США только в отношении Орегонского территориального билля. Этот успех был достигнут голосами всех северных конгрессменов в палате представителей и голосами северных сенаторов и двух сенаторов-южан: Томаса Х. Бентона (Миссури) и Сэма Хьюстона (Техас)[10].

Межпартийное соперничество в этот период оказывало довольно противоречивое воздействие на разрешение политических вопросов, связанных с территориальной экспансией вообще и нахождение средств и способов взаимоприемлемого порядка определения статуса рабства на новых территориях в частности. Противодействие распространению рабства антирабовладельчески настроенными конгрессменами от северных штатов обосновывалось как выполнение ими патриотического долга в отстаивании национальной чести своей страны, подвергавшейся оскорбительной критике в британском общественном мнении. При этом виги обвиняли демократов в содействии территориальной экспансии рабства, а демократы осуждали вигов в непатриотичном провоцировании межсекциональных противоречий, намеренно возбуждая вопрос о статусе рабства на новых территориях, чтобы помешать территориальной экспансии.

Демократам как правящей партии для обеспечения успеха на предстоящих президентских выборах и выборов в Конгресс необходимо в ско-

[8] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 927, 950, 953, 988; Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess., Appendix. P. 914–916, 1205, 1206, 1208; Cooper 1978, 264–265; Fehrenbacher 1980, 36; Holt 2004, 45, 46; Morrison 1967, 165–166; Potter 1976, 70–71, 72.
[9] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 788–789.
[10] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 1027, 1062–1063, 1078.

рейшие сроки добиться вхождения этих территорий в состав США. В то же время для вигов было более предпочтительным сценарием развития событий партийно-политической борьбы по территориальной проблематике, было её затягивание вплоть до прихода к власти нового президента и созыва новой сессии Конгресса США, чтобы демократы не могли бы приписывать только себе этот несомненный успех своей политики[11].

Вопрос о статусе рабства на территории, которая была ранее в совместном владении с Великобританией, находящейся намного севернее широтной линии Миссурийского компромисса, без всякого присутствия негритянского населения мог представляться предрешённым ещё в начале 1840-х годов. Но после аннексии Техаса действиями высших федеральных органов власти и отказа президента Полка от претензий на «весь Орегон» и его же решительных действий для обеспечения безопасности Техаса, приведших к началу войны с Мексикой, которую вигская оппозиция сразу же объявила «агрессивной», «неконституционной», «несправедливой», «бесполезной», подозрения в его симпатиях в пользу распространения рабства получили всеобщее распространение в общественном сознании американцев, проживавших в штатах свободного Севера[12].

Идейная основа выработанного этой коалицией решения вопроса о статусе рабства на территориях, воплощённого в содержании Орегонского территориального билля, которая была определена в ходе парламентских дебатов, и стала внепартийной антирабовладельческой идейно-политической платформой, на которой могли объединиться все противники территориального распространения рабства. Парламентская коалиция большинства конгрессменов от северных штатов смогла в ходе ожесточённых дебатов выразить, сформулировать и стала распространять антирабовладельческую идейно-политическую позицию по вопросу о статусе рабства на новых территориях.

Она основывалась на либеральных теоретических воззрениях. Обращаясь к конституционно-правовым, теоретико-правовым, этико-философским, теософским, историко-политическим, социологическим, политологическим и политэкономическим взглядам и представлениям того времени, конгрессмены, сенаторы по преимуществу, обосновали умеренную антирабовладельческую позицию по наиболее спорному аспекту проблемы национального развития страны в середине XIX века. Постколониалистская

[11] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 789–791; Ibid. Appendix. P. 691,692, 693,695, 718, 719, 720, 898–900; Cooper 1978, 264; Potter 1976, 54–55.
[12] Congressional Globe. 29th Congr. 1st Sess. P. 835, 836; Ibid. Appendix. P. 812, 912–913, 916, 949, 950, 955–956; Schroeder 1973, 14–16, 26, 27, 28–29, 30–31; Holt 1983, 46–47.

направленность данной позиции предусматривала усиление убедительности и акцентирование значимости противодействия территориальному распространению рабства, понимаемого как избавление от колониальной зависимости страны в экономическом и социально-культурном отношении.

Исходные положения этой позиции были ранее изложены в аболиционистских памфлетах и выступлениях политиков, входивших в различные антирабовладельческие группировки. Рабство объявлялось моральным, социальным и политическим злом, которое в силу разных объективных обстоятельств и причин укоренилось в южных штатах. Рабство осуждалось как антигуманный, антидемократический, олигархический и внеправовой, преступный социальный институт, унаследованный с колониальных времён и укоренённый в экономических интересах Великобритании. Утверждалось, что рабство оказывает деградирующее моральное, культурное, экономическое и политическое воздействие на развитие южных штатов и всей страны[13].

Поэтому всякое территориальное расширение рабства и особенно на территории, в которых его не существовало или оно было ранее отменено, рассматривалось как неприемлемое, недопустимое общественно опасное явление. Любое содействие со стороны федерального государства сохранению и распространению рабства означало злоупотребление властью в интересах увековечивания этого аморального, богопротивного, антидемократического и олигархического социального института. Недопущение территориального распространения рабства объявлялось патриотическим долгом американских граждан в противостоянии враждебным поползновениям британцев[14].

Рабство как институт расового контроля и господства над неграми определялся большинством северян как сугубо локальный социальный институт, узаконенный местным, муниципальным правом. Северяне были убеждены, что проблема рабства – это дело и забота самих южан, которые извлекают из использования труда негров-рабов экономические выгоды и поэтому должны нести все моральные, социокультурные и политические издержки. У граждан же северных штатов и федерального государства нет никаких обязательств в отношении сохранения и распространения рабства[15].

---

[13] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess., Appendix. P. 882, 883, 1023, 1198; Chase, Cleveland 1969, 21, 23, 46, 48, 86, 87, 98–99, 114–115; Jay 1970, 256–267; Seward 1851, 355–356, 360; Weston 1969, 160–162, 207–208, 221–222, 256–257; Wilson 1969, 592–593, 594–595, 621–622, 626–628.

[14] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess., Appendix. P. 918, 920, 921, 1022, 1023, 1079, 1159, 1161, 1187, 1197, 1198, 1200; Baker 1855, 30, 32, 126; Wilson 1969, 28–30, 31–32, 47–49, 88–89, 102, 103, 104–105.

[15] Chase, Cleveland 1969, 46, 48, 86, 87, 98–99; Wilson 1969, 140–142, 147–149, 163–164, 165, 169–170, 171–172; Bruce 1981, 65–66; Brock 1976, 86, 87, 98; Foner 1980, 72–73; Morrison 1967, 60–61, 62, 64–65; Sewall 1976, 190, 191, 192.

Все предложения по Орегонскому территориальному биллю ораторов антирабовладельческой коалиции предусматривали недопущение территориального распространения рабства за пределы рабовладельческих штатов. Тем самым политики северных штатов отказывали южанам в поддержке со стороны федерального государства дальнейшего территориального роста при сохранении и распространении ими рабства на новые территории. Отстранённость федерального государства от всякого содействия территориальному расширению рабовладения понималась большинством конгрессменов от северных штатов как непременное условие расширения территориальных пределов страны в её противостоянии с Великобританией на континенте.

В дебатах по Орегонскому территориальному биллю северные конгрессмены в мае – августе 1848 года могли высказывать свои оценки и суждения о запрете территориального распространения рабства, не оглядываясь на партийные различия между ними и не особо опасаясь негативной реакции своих однопартийцев из южных штатов. Поскольку антирабовладельческая направленность экспансионистских устремлений американцев в этом случае имела дополнительную значимость в соотнесении с антиколониалистской антибританской направленностью американского колонизационного потока в Орегоне.

Тем самым возникала секционалистская общность понимания и общее отношение к мерам по противодействию территориального распространения рабства. Объединяющей идеей было утверждение о защите прав свободных тружеников от конкуренции рабского труда, враждебного влияния плантаторской олигархии, их прав на землю и экономическую независимость[16].

Полное единодушие северные конгрессмены показывали в отношении применимости Северо-западного ордонанса 1787 года как обоснования запрета рабства в Орегоне. Отсылка к этому документу была и в тексте закона, принятого временной администрацией, а затем утверждённого законодательной ассамблеей Орегона. Этот правовой документ периода становления американской государственности определялся как постколониальная политико-правовая альтернатива организации и осуществления территориального роста и освоения американцами новых территорий.

На обоснованности, предпочтительности, необходимости и обязательности применения Северо-западного ордонанса 1787 года, подтверждённого резолюцией Конгресса США в 1789 году, для решения вопроса о

[16] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess., Appendix. P. 697, 698, 699, 918, 921, 922, 1079, 1146, 1153, 1181, 1199; *Brock 1976,* 90–91, 92–93; *Wiceck* 1977, 122, 123; *Wilson* 1974, 120–121.

статусе рабства в Орегоне настаивали почти все северные конгрессмены. Они прославляли его как великое наследие отцов-основателей, определяли его как «великий принцип обеспечения прав человека». Северо-западный ордонанс 1787 года назывался «органическим законом», сопоставимым по своей силе с Конституцией 1787 года. Тем самым они создавали приемлемый для них законодательный прецедент для внесения запрета рабства в другие территориальные билли[17].

Наиболее значимым тревожным для южан свидетельством антирабовладельческого идейного сплочения северных конгрессменов стала их общая убеждённость в наличии у Конгресса полномочий запрещать рабство на территориях и, более того, обязательность такого запрета, если оно там не существовало или было отменено ранее. Такая убеждённость означала усиление антирабовладельческой направленности законодательной деятельности федерального государства, необходимость которой прямо обосновывалось в большинстве выступлений северных конгрессменов.

С самого начала заседаний первой сессии 30-го созыва Конгресса США многие сенаторы-южане стали активно выступать с конституционности утверждениями о неконституционности запрета рабства на территориях решениями Конгресса США или передачи такого права администрациям, назначенными президентом США, законодательным собраниям, выбранным по согласию Конгресса США населением территорий. Показательно многократное в период января – июля 1848 года выдвижение для обсуждения и голосования сенатором от штата Алабама Артуром П. Бэгби резолюций о неконституционности запрета рабства на территориях решениями Конгресса или органов власти территорий как прямого нарушения конституционных прав и дискриминации в правах граждан южных штатов. С такими утверждениями выступили сенаторы, являвшиеся ведущими политиками Юга: Джон К. Кэлхун (Южная Каролина), Эндрю П. Батлер (Южная Каролина), Джон М. Берриен (Джорджия), Джефферсон Дэвис (Миссисиппи), Джеймс М. Мейсон (Вирджиния), Роберт М. Т. Хантер (Вирджиния), Джордж Е. и Уили П. Мангум (Северная Каролина), Соломон У. Даунс (Луизиана), Дэвид Р. Атчисон (Миссури), Томас С. Раск (Техас)[18].

В этих усилиях их поддержали ряд сенаторов-северян от демократической партии: Дэниел С. Дикинсон (Нью-Йорк), Уильям Аллен (Огайо), Эдвард А. Ханнеган (Индиана), Льюис Кэсс (Мичиган). Они считали некон-

[17] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess., Appendix. P. 684, 688, 697, 698, 867, 894, 895, 1158.
[18] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 241, 261, 453, 455, 617, 618, 619–620, 876, 879, 927; Ibid. Appendix. P. 871, 872, 873, 874, 876, 877, 883, 884, 892, 894–895, 904, 905, 907, 908, 910, 917, 1023, 1060.

ституционным и нецелесообразным Конгрессу США вмешиваться в отношения рабовладения на территориях. Аллен, Дикинсон и особенно Кэсс обосновывали передачу вопроса о статусе рабства населению территорий. Более того, Льюис Кэсс свою предвыборную кампанию в качестве претендента на пост президента США проводил как сторонник принципа народного самоуправления населения территорий[19].

Парламентская коалиция северных конгрессменов смогла в августе 1848 года добиться принятия законодательного решения о запрете рабства в Орегоне, преодолевая ожесточённое сопротивление подавляющего большинства южных конгрессменов, но при содействии президента США Джеймса Н. Полка. Он мог воспользоваться правом «карманного вето», не подписывая билль из-за нарушения положенных сроков передачи его на подпись. Ещё 12 августа 1848 года Полк готов был не подписывать Орегонский территориальный билль без отсылки к Миссурийскому компромиссу, но уже на следующий день он решительно отверг настойчивые уговоры сенатора-южанина Джона К. Кэлхуна наложить вето на Орегонский билль, хотя и со своими замечаниями[20].

Полк подписал Орегонский территориальный билль с запретом рабства и сопроводил своё подписание отдельным посланием Конгрессу, в котором он попытался объяснить своё решение. Лучшим решением вопроса о статусе рабства на территориях Полк считал продление линии Миссурийского компромисса, который позволяет добиться умиротворения и успокоения. Поскольку Орегон находится много севернее этой линии, то он согласился признать запрет, который содержался в билле, при условии, что Миссурийский компромисс будет применён для решения вопроса о рабстве на территориях Калифорния и Нью-Мексико. Он призывает вспомнить и по новому осознать предупреждения и пожелания по преодолению секциональных противоречий Севера и Юга, которые содержались в прощальном послании первого президента США Джорджа Вашингтона[21].

В своём последнем президентском 5 декабря 1848 года послании Полк, подтвердив предпочтительность продления линии Миссурийского компромисса, совершенно определённо высказался за невмешательство Конгресса в решение вопроса о рабстве на территориях и передачу этого вопроса населению территорий при преобразовании территорий в штат. По сути, он принял позицию Льюиса Кэсса, которая стала партийным кре-

[19] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 21, 27, 54, 157; Ibid. Appendix. P. 1202, 1203; McLaughlin 1899, 225–227, 228–230, 232–236, 243–245, 248–254, 256–258, 260–262; Brock 1976, 77–78; Fehrenbacher 2001, 268–269; Holt 1983, 36–37; Woodford 1950, 249–254, 262–263, 268–270, 276–279.
[20] Polk 1952, 338, 339; McCormac 1965, 632–634.
[21] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess. P. 1081–1082.

до демократов по вопросу о рабстве. Полк явно предлагал северным конгрессменам, объединившимся для принятия Орегонского территориального билля с запретом рабства политическую сделку, убеждая их согласиться в обмен на запрет рабства в Орегоне на согласие продлить линию Миссурийского компромисса до берега Тихого океана в отношении территорий Калифорнии и Нью-Мексико[22].

Все ведущие ораторы антирабовладельческой парламентской коалиции, выступившие в ходе обсуждения Орегонского территориального билля, были едины в отрицании конституционного статуса рабства в штатах и на территориях. Они приводили множество исторических, правовых и политических аргументов, стремясь доказать, что рабство не обладает конституционно-правовым статусом, будучи узаконенным только актами отдельных штатов, согласившихся сохранить этот колониальный по происхождению социальный институт, и федеральное государство не несёт никаких конституционных обязательств в отношении рабовладения в штатах и на федеральных территориях.

Некоторые наиболее решительные противники территориальной экспансии рабства готовы были утверждать, что конституция США 1787 года являлась, по замыслу отцов-основателей, правовым инструментом противодействия распространению рабства. Сенаторы Джон М. Найлз (Коннектикут), Ганнибал Хэмлин (Мэн) и Джон П. Хейл (Нью-Гемпшир) пытались доказать, что запрет рабства, который имелся в Северо-западном ордонансе 1787 года, был подтверждён Конгрессом США в 1789 году в полном соответствии с федеральной конституцией. Хотя такие взгляды были характерны для явного меньшинства северных конгрессменов[23].

В Конституции 1787 года имелось положение о том, что при определении нормы представительства от южных штатов каждые трое рабов из пяти учитываются как личности, но их голоса передавались рабовладельцам. Это положение истолковывалось представителями антирабовладельческой парламентской коалиции только в терминах косвенного признания рабов людьми, обладающими правами и свободами, или несправедливости по отношению к гражданам северных свободных штатов.

Они явно предпочитали не замечать, что это же положение означало конституционно-правовое закрепление господства рабовладельца над своими рабами как личностями. Полагать, что рабовладелец является законным представитель интересов этих личностей, по сути, означает признание пра-

[22] Congressional Globe. 30th Congr. 2nd Sess. P. 4.
[23] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess., Appendix. P. 688, 697, 698, 919, 1045, 1046; Sewall 1965, 66–67, 68–70, 78–80, 87–88, 90.

вомерности рабовладения. Признание рабов на 40 % собственностью, движимым имуществом так же в большей мере являлось подтверждением конституционно-правового закрепления рабовладения. Одно только существование и исполнение федерального закона 1793 года о поимке и возвращении беглых рабов являлось достаточным свидетельством наличия у федерального государства, властей всех штатов обязательств по обеспечению сохранности рабовладельческой собственности.

Для большинства северных конгрессменов важно было, ведя полемику по вопросу о запрете рабства в Орегоне, убедить своих избирателей и самих себя в том, что федеральное государство может и должно запретить распространение рабства на подвластные ему федеральные территории. Осуждая рабство как моральное, социальное, экономическое и политическое зло, они, отсекая себя от колониального прошлого и постколониального настоящего рабовладения в южных штатах, стремились доказать отсутствие у него конституционно-правового обоснования и оправдания на федеральном уровне[24].

Именно в ходе дебатов по Орегонскому территориальному биллю в мае – августе 1848 года был сформулирован, высказан и обоснован тот комплекс идей, который обеспечил идейную консолидацию всех антирабовладельческих политических группировок, объединений и течений в Конгрессе США, в партийных организациях северных штатов. Постколониалистские представления в данном комплексе предназначались для усиления патриотической юнионистской направленности антирабовладельческих воззрений северных конгрессменов. Орегонский территориальный акт 1848 года стал первым зримым и вдохновляющим законодательным достижением антирабовладельческой парламентской коалиции в Конгрессе США, воплотившим в себе главный объединяющий всех противников рабовладельческой территориальной экспансии принцип – свободная земля для свободного труда свободных людей.

Литература / *References*

Алентьева 2008 = *Алентьева Т. В.* Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США (1830–1861). Курск, 2008. 237 с.
Alentyeva T. V. Rol' obshchestvennogo mneniya v kanun Grazhdanskoy voyny v SSHA (1830–1861) [The Role of Public Opinion on the Eve of the American Civil War (1830–1861)]. Kursk, 2008. 237 p.

[24] Congressional Globe. 30th Congr. 1st Sess., Appendix. P. 705, 716, 717, 719, 864, 865, 894, 895, 922, 923–924, 1079.

Согрин 2020 = *Согрин В. В.* Новое в изучении Американских революций // Американский ежегодник / отв. ред. *В. В. Согрин.* М., 2020. С. 234–248. **EDN:** WQHVKE

Sogrin V. V. Novoe v izuchenii Amerikanskih revolyutsiy [New in the Study of American Revolutions] // Amerikanskiy ezhegodnik [American Yearbook] / Ed. *V. V. Sogrin*. Moscow, 2020. P. 234–248. **EDN:** WQHVKE

Троицкая 1994 = *Троицкая Л. М.* Англо-американские отношения и орегонская проблема (1815–1846) // История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. Москва, 1994. С. 179–199.

Troitskaya L. M. Anglo-amerikanskie otnosheniya i oregonskaya problema (1815–1846) [Anglo-American relations and the Oregon problem (1815–1846)] // Istoriya vneshney politiki i diplomatii SSHA. 1775–1877 [History of Foreign Policy and Diplomacy of the USA. 1775–1877] / Ed. by *N. N. Bolkhovitinov*. Moscow, 1994. P. 179–199.

Ярыгин 1988 = *Ярыгин А. А.* Орегонский кризис 1845–1846 гг. // Вестник МГУ. Серия 2: История, языкознание, литературоведение. 1988. Вып. 1. С. 88–91.

Yarygin A. A. Oregonskiy krizis 1845–1846 gg. [The Oregon Crisis of 1845–1846] // Vestnik MGU. Seriya 2: Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie [Bulletin of the Moscow State University. Series 2: History, Linguistics, Literary Studies]. 1988. Issue 1. P. 88–91.

Baker 1855 = *Baker G. E.* The life of William H. Seward with the Selections from his Works. NY, 1855. 410 p.

Bruce 1981 = *Bruce C.* The Origins of America`s Civil War. London, 1981. 169 p.

Brock 1976 = *Brock W. R* Conflict and Transformation. The United States. 1844–1877. NY, 1976. 488 p.

Chase, Cleveland 1969 = *Chase S. P., Cleveland C. D.* Anti-slavery addresses of 1844 and 1845. NY, 1969. 167 p.

Cooper 1978 = *Cooper W. J. Jr.* The South and politics of slavery 1828–1856. Baton Rouge (Loui.), 1978. 262 p.

Fehrenbacher 1980 = *Fehrenbacher D. E.* The South and Three Sectional crises. Baton Rouge; London, 1980. XIV, 82 p.

Fehrenbacher 2001 = *Fehrenbacher D. E.* The Slaveholding Republic. An Account of the United States Government`s Relations to Slavery. NY, 2001. 466 p.

Foner 1980 = *Foner E.* Politics and Ideology in the age The Civil War. NY, 1980. 266 p.

Garrison 1906 = *Garrison G. P.* Westward extension. NY; London, 1906. 364 p.

Holt 2004 = *Holt M. F.* The fate of their country. Politicians, slavery extension, and coming of the Civil War. NY, 2004. 190 p.

Jay 1970 = *Jay W.* A review of causes and consequences of the Mexican war. (First edition 1849). NY, 1970. 333 p.

McCormac 1965 = *McCormac E. I.* James K. Polk. Political Biography. NY, 1965. 782 p.

McLaughlin 1899 = *McLaughlin A. C.* Lewis Cass. Boston; NY, 1899. 438 p.

Merk 1978 = *Merk F.* History of the Westward movement. NY, 1978. 698 p.

Morrison 1967 = *Morrison Ch. W.* Democratic politics and Sectionalism. The Wilmot Proviso controversy. Chapell Hill (N. Carolina), 1967. 244 p.

Polk 1952 = *Polk J. K.* The Diary of President James Knox Polk, 1845–1849 / Ed. by *A. Nevins*. NY, 1952. 413 p.

Potter 1976 = *Potter D. M.* The impending crisis 1848–1861. NY, 1976. 692 p.

Schroeder 1973 = *Schroeder J. H.* Mr. Polk`s war. American opposition and dissent, 1846–1848. Madison (Wisc.), 1973. 184 p.

Seward 1851 = *Seward W. H.* Life and public services of John Quincy Adams, sixth president of the United States: with the eulogy delivered before the legislature of New York. Auburn (NY), 1851. 404 p.

Sewall 1965 = *Sewall R. H.* John P. Hale and politics of abolition. Cambridge (Mass.), 1965. 312 p.

Sewall 1976 = *Sewall R. H.* Ballots for freedom. Antislavery politics in the United States 1837–1860. NY, 1976. 410 p.

Weston 1969 = *Weston G. M.* The progress of slavery in the United States. (First edition 1857). Detroit, 1969. 301 p.

Wilson 1969 = *Wilson H.* History of the Rise and Fall of Slave Power in America. (First edition 1872). Vol. 1. NY, 1969. 694 p.

Wiceck 1977 = *Wiceck W. M.* The Sources of Antislavery Constitutionalism in America, 1760–1848. Ithaca (NY), 1977. 306 p.

Woodford 1950 = *Woodford F. B.* Lewis Cass. The Last Jeffersonian. New Brunswick (N. Jer.), 1950. 404 p.

ФИНЛЯНДИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1809–1917): ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ

Татьяна Владимировна Андросова

Об авторе:

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник

РИНЦ AuthorID: 751948

Аффилиация:

Институт всеобщей истории
Российской академии наук

Электронная почта:
androsovat@mail.ru

Географический фактор играет двоякую роль в истории Финляндии и ее взаимоотношений с внешним миром. С одной стороны, территориальное положение на окраине Европы обусловило то, что финны сравнительно поздно включились в цивилизационный процесс. С другой стороны, земли, омываемые водами дальних заливов Балтийского моря, находятся в одном из наиболее важных со стратегической точки зрения европейских регионов. Хотя к «финским территориям» издавна проявляли интерес также Англия, Германия и Франция, влияние извне связано для финнов прежде всего с соперничеством ближайших соседей. Политический вакуум, в котором финны пребывали вплоть до начала XI в., пытались заполнить с запада – Швеция и римско-католическая церковь, с востока – Россия (Великий Новгород) и православная церковь. Первая граница между Швецией и Россией была установлена в 1323 г. Согласно Ореховскому мирному договору Швеция получила юго-западные и западные финляндские территории, Россия – Восточную Карелию. В XVIII в. Россия приступила к поэтапному возвращению финляндских земель, присоединив Финляндию по итогам войны 1808–1809 гг. В границах архиконсервативной Российской империи родилось и постепенно оформилось финляндское государство западного типа. Финляндия получила широкую политическую и экономическую автономию – правительство, четырехсословный орган народного представительства (сейм), налоговую и финансовую систему, свое гражданство, валюту и пр. Финляндию от новой метрополии изначально отделяла таможенная граница. Главой законодательной власти являлся император, управлявший Финляндией на основе коренных законов (конституции) шведского времени. Будучи частью Российского государства, Финляндия постепенно стала политической общностью, а также одним из наиболее экономически развитых регионов империи. Уступки со стороны России были связаны с необходимостью обеспечить безопасность западной границы.

Ключевые слова: Российская империя, автономия, государство, политическая общность, административная структура.

Для цитирования:
Андросова Т. В. Финляндия в составе Российской империи (1809–1917): «государство» в государстве // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 248–267. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.018

FINLAND AS A PART OF THE RUSSIAN EMPIRE 1809–1917: A STATE WITHIN A STATE

Tatyana V. Androsova

About the author:

PhD in Economics,
Senior Research Fellow

РИНЦ AuthorID: 751948

Affiliation:

Russian Academy of Sciences
Institute of World History

Email:
androsovat@mail.ru

The geographical factor plays a twofold role in the history of Finland and its relations with the outside world. On the one hand, the territorial situation on the edge of Europe caused the Finns to join the civilizational process relatively late. On the other hand, the lands washed by the waters of the far reaches of the Baltic Sea are located in one of the most strategically important European regions. Although England, Germany and France have long been interested in the "Finnish territories", external influence for Finns is primarily connected with the hostility of their closest neighbors. It was the political vacuum in which the Finns remained until the beginning of the XI century, that Sweden and the Roman Catholic Church tried to fill from the west, Russia (Veliky Novgorod) and the Orthodox Church – from the east. The first border between Sweden and Russia was established in 1323. According to the Orekhov Peace Treaty, Sweden received the southwestern and western Finnish territories, Russia – East Karelia. In the XYIII century Russia began the gradual return of the Finnish lands, annexing Finland after the results of the war of 1808–1809. Within the borders of the arch-conservative Russian Empire, a Western-type Finnish state was born and gradually took shape. Finland received a wide political and economic autonomy – the government, the four–member body of the People's representation (Seim), the tax and financial system, its citizenship, currency, etc. Finland and the new metropolis were initially separated by the customs border. The head of the legislative power was the emperor, who ruled Finland on the basis of the fundamental laws (constitution) of the Swedish period. Being a part of the Russian state, Finland gradually became a political community, as well as one of the most economically developed regions of the empire. Russia's concessions were determined by the need to ensure the security of the western border.

Keywords: Russian Empire, autonomy, state, political community, administrative structure.

For citation:
Androsova T. V. Finland as a Part of the Russian Empire 1809–1917: A State within a State // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 248–267.
DOI: 10.55000/SemConf.2023.3.3.018

Финляндия – классический пример особой значимости географического фактора для малых европейских государств. В отличие от скандинавов, финны, хотя и говорили на одном языке, политически были разобщены, охраняя от влияния извне языческие верования даже в первые десятилетия XII в. Торговые контакты с внешним миром возникли задолго до этого и распространялись вплоть до Средиземноморья. Наиболее активно торговля

развивалась с ближайшими соседями, с датчанами и шведами, а также с Великим Новгородом. Скандинавы и новгородцы издревле соперничали друг с другом в Балтийском регионе, на исконные финские территории претендовали также германцы. Первый крестовый поход на юго-западное побережье Финского залива, спровоцировавший многочисленные вооруженные конфликты, шведы начали в 1155 г. Первая официальная граница между Швецией и Великим Новгородом в 1323 г. была также линией размежевания римско-католической и православной церкви: южные и юго-западные финские территории оказались в орбите западного мира, Восточная Карелия стала частью русско-византийского мира.

В 1581 г. Финляндия получила статус Великого княжества, что было связано с междоусобными войнами наследников Густава Вазы и практически не затронуло бытие «Восточной земли»[1], которая за 600 без малого лет пребывания под властью шведской короны так и не стала ни политической, ни экономической общностью, оставаясь сельскохозяйственной периферией с крайне слабым развитием промышленности[2]. Особого законодательства и отдельной управленческой структуры для финнов ни на момент присоединения, ни впоследствии предусмотрено не было, шведский язык был языком правящей элиты. Представительство жителей восьми финляндских провинций в риксдаге было малочисленным и, по существу, номинальным, не влиявшим ни на решение общегосударственных вопросов, ни на дела, затрагивавшие непосредственные интересы финского населения.

В XVII в. Швеция укрепила свое влияние на всем побережье Балтийского моря и стала великой державой. Финские территории оставались постоянной ареной боевых действий, что подрывало хозяйственную и демографическую стабильность в крае, но также стимулировало национальное пробуждение. Протекал этот процесс крайне медленно ввиду того, что финны были инкорпорированы в шведское государство на момент, весьма далекий от осознания себя отдельной от других нацией. Шведское культурное влияние одновременно способствовало воспитанию законопослушания и уважения власти, одной из определяющих черт финского менталитета.

В начале XVIII в. Россия приступила к поэтапному завоеванию финских земель. В 1714 г. практически вся территория Финляндии была занята российскими войсками и последующие семь лет находилась под контролем российской военной администрации. Шведские чиновники с приближением боевых действий оставляли свои посты в гражданской и церковной ад-

[1] Так именовались финляндские территории в составе шведского государства.

[2] В конце XVIII в. доля Финляндии в общегосударственном производстве железа в Швеции не превышала 3 %. См. Kuparinen (toim.) 1986, 134.

министрации, так что привлечение уроженцев Финляндии к управлению, широкое использование финского языка, который до этого использовался исключительно в обиходе, были продиктованы чисто практическими нуждами. Политика на местах была призвана обеспечить надежность тыла. За малейшее ущемление интересов местного населения к российским военнослужащим применялись суровые наказания, вплоть до смертной казни, например за ограбление лютеранской церкви.

В результате очередного передела финских территорий по Ништадтскому мирному договору (1721) Россия получила Юго-западную Карелию с крупнейшим городом Выборг, взяв на себя обязательства сохранить прежние (коренные) законы, права и привилегии, включая отправление религиозного культа согласно канонам лютеранской церкви. Местному населению также была гарантирована личная свобода – редкое исключение в условиях крепостнической империи.

Попытки реванша со стороны Швеции в 1741 г. практического успеха не имели. В июле 1742 г. на территории, подконтрольной российской армии, было установлено независимое правление. К этому времени при дворе рассматривались различные проекты отторжения от Швеции финских земель. Императрице Елизавете импонировала идея канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Убеждая оппонентов, тот напирал на необходимость, в первую очередь, как можно дальше отодвинуть от российской столицы западную границу. Бестужев был сторонником упредительной стратегии, высказываясь в пользу крупномасштабных завоеваний, включая города Або и Гельсингфорс. На остальных финляндских землях предлагалось создать буферное государство, дружественное России. В манифесте, опубликованном в Финляндии в июле 1742 г., Елизавета пообещала финнам поддержку в случае, если бы те захотели отделиться от Швеции и образовать независимое государство[3].

Последовательные проявления дружелюбия и лояльности возымели свое действие. Местные сепаратисты в основном из числа финского офицерства ухватились за идею протектората со стороны России, всерьез обсуждая возможность посадить на финляндский престол Великого князя Петра Федоровича, связанного родственными узами с российским и шведским правящими домами[4]. В октябре 1742 г. в Або собрался ландтаг для оценки ситуации с точки зрения возможных для Финляндии перспектив. Однако Россия в итоге отказалась от дальнейшего развития успеха: бездетная Елизавета Петровна решила оставить Петра при себе. На шведский престол, как было

[3] Расила 1996, 53.
[4] Пётр III был внуком Петра I и племянником шведского короля Карла XII.

договорено, взошел Адольф Фредрик (из голштинских Ольденбургов), кузен Елизаветы. Выдвигая такое условие в обмен на возвращение Швеции большинства захваченных территорий, Елизавета Петровна и ее советники надеялись на нормализацию отношений со Швецией. По Абосскому договору (1743) в состав России вошла вся Юго-восточная Финляндия. Но расстояние до Санкт-Петербурга (порядка 40 км) было по-прежнему критическим с точки зрения безопасности.

В 1788 г. шведы предприняли очередную неудачную попытку вернуть утраченные территории. Показательно, что Россия в этот период не проявила никакого интереса к новым завоеваниям, ее вполне устраивал статус-кво. Верельский мир (1790) закрепил прежние границы между Россией и Швецией. К этому времени (1788–1790) относится создание в кругах финского офицерства т. н. Аньяльского союза. Противники абсолютистской политики Густава III высказывались за достижение мира с Россией, вплоть до создания независимого государства под протекторатом России. Там были в курсе сепаратистских планов, но предпочли воздержаться от контактов с заговорщиками.

Новая военная компания против Швеции началась в конце февраля 1808 г. Согласно Тильзитскому договору 1807 г. Россия должна была склонить Швецию и Данию к участию в континентальной блокаде английских товаров, выбор средств оставался за императором Александром I. Отказ Швеции стал сигналом к началу боевых действий. Уже в марте 1808 г. Россия официально заявила о своих планах присоединить Финляндию. Формальным поводом стал арест русского посланника в Стокгольме Д. М. Алопеуса. Истинной причиной явилось стремление создать пограничную зону, охранявшую Петербург с запада. Россией также управляло желание компенсировать поражение на турецком направлении и создать противовес успеху Наполеона в Испании.

Последние препятствия для приведения в исполнение планов присоединения Финляндии были устранены на переговорах Александра I и Наполеона в сентябре – октябре 1808 г. в Эрфурте. Лояльность местного населения, готовность к сотрудничеству высших чинов, губернаторов (ландгевдингов) и Абоского епископа Й. Тенгстрёма в значительной степени облегчали поставленную задачу. На период военных действий местная гражданская администрация подчинялась главнокомандующему российскими войсками Ф. Ф. Буксгевдену, в помощь которому была создана временная гражданская канцелярия под руководством Г. В. Ладау, одного из аньяльцев. На этот раз чиновники, согласно распоряжению шведских властей, отданному на момент начала боевых действий, остались на местах. Управление осуществлялось в соответствии с местными законами с опорой на губернаторов. Такая

система оставалась в действии до момента создания собственной администрации Великого княжества Финляндского. Благодаря политике умиротворения подчинение новой метрополии, административное и хозяйственное, не вызвало большого хаоса[5].

Присоединяя Финляндию, Россия действовала согласно сценарию, ранее отработанному при завоевании Эстляндии и Лифляндии (1710): прежние законы и права граждан новых территорий были подтверждены еще до подписания мирного договора, которому предшествовала также процедура присяги на верность новому правителю[6]. Сразу созвать сейм не удалось из-за ситуации на фронте. В Петербург пригласили депутацию земских чинов, которая предъявила императору список требований из 17 пунктов, в числе которых важнейшим был созыв сейма и учреждение правительства из числа финляндцев. Таким образом, процесс подключения местной администрации к общеимперской сразу же приобрел двусторонний характер: элита не была пассивна, напротив, внесла немалый вклад в разработку основ финляндской автономии.

5 (17) июня был издан царский манифест «О присоединении Финляндии».

Уже в самом начале войны было обещано созвать местный орган сословного представительства. О важности события свидетельствует факт личного участия императора в работе сейма, открывшегося в г. Борго (Порвоо) 16 (28) марта 1809 г. Александр I подтвердил обещания, данные еще в период военных действий и зафиксированные в обнародованном накануне манифесте, сохранить т. н. скандинавское наследство – уклад жизни, коренные законы и все привилегии времен вхождения Финляндии в состав шведского государства. На следующий день депутаты принесли присягу[7]. Процедура, примененная в Борго, вполне отвечала феодальным традициям: обе стороны, император и земские чины, дали друг другу заверения в сохранении прежнего правового порядка. Было заключено т. н. статусное соглашение: Сейм подтвердил присоединение Финляндии к Российской империи в качестве автономного княжества, российский император отныне именовался Великим князем Финляндским, став гарантом особого положения Финляндии в составе империи. 17 сентября 1809 г. между Россией и Швецией был заключен Фридрихсгамский мирный договор.

---

[5] Savolainen 1996, 13, 14, 18.

[6] Юссила, Хентиля, Невакиви 2010, 21–23.

[7] К этому времени в Швеции произошел дворцовый переворот, в результате которого король Густав Адольф отрекся от престола, что избавило финнов от возможных угрызений совести за то, что они поменяли одну метрополию на другую «с легкостью, с какой меняют рубашку». Там же, 33.

На момент присоединения Финляндии Российское государство представляло собой династическую унию многочисленных автономных областей, наместничеств, краев и т. п., система координации управления была довольно аморфной в силу огромной территории. Использование местных управленческих структур было связано с нехваткой чиновников и в целом было в духе российской политики, открытой для использования иностранного опыта на благо империи.

Александр I планировал создать из России своего рода федерацию наций. Финляндия стала одной из них, о чем император заявил на Боргосском сейме. Но дар императора, именно так широкая автономия оценивалась финляндской элитой, был вполне обыденным для России приемом. Способы извлечения пользы из этого дара были различными. Достаточно будет привести пример Польши, изначально наделенной столь же широкими автономными правами, но к середине 1860-х гг., после очередного восстания, практически все потерявшей.

На обсуждение Боргоского сейма было вынесено четыре основных вопроса: о войске, налогах, монете и об учреждении правительствующего совета (правительства). В ответ на просьбу местного населения было принято решение не создавать в течение 50 лет финляндские военные формирования, заменив воинскую повинность налогом в пользу российской казны. По инициативе императора Финляндии была предоставлена экономическая самостоятельность, основным элементом которой стала собственная финансовая система с правом употреблять налоговые сборы исключительно на нужды края. Также были представлены инициативы об упорядочении податной системы, создании собственной денежной единицы и учреждении Финляндского банка[8].

Центральной фигурой финляндской администрации должен был стать генерал-губернатор, личный представитель императора. Первым генерал-губернатором был назначен Г. М. Спренгтпортен, финский эмигрант из числа приближенных Александра I. Поскольку все другие генерал-губернаторы пользовались правом доклада напрямую императору, минуя министров империи, такое право было предоставлено и генерал-губернатору финляндскому. Таким образом, управление Финляндией опиралось на все те же принципы фаворитизма, не акцентировавшие внимания на национальной принадлежности. Спренгтпортен довольно быстро поте-

[8] Финляндский банк учрежден в 1811 г.

рял расположение императора[9], и право доклада финляндских дел на первых порах было предоставлено М. М. Сперанскому, государственному секретарю и товарищу министра юстиции. Известный реформатор, Сперанский еще в 1803 г. обращал внимание на необходимость управления окраинными территориями на основе местных обычаев.

Сперанскому и его помощнику Р. Г. Ребиндеру было поручено разработать регламент правительствующего совета. С этой целью был создан специальный комитет, председателем которого назначили Й. Тенгстрёма. К работе подключился также профессор М. Колониус.

Существовали различные точки зрения на систему управления Финляндией. Так, предполагалось, в частности, создать в Санкт-Петербурге смешанную комиссию из русских и финских чиновников и подчинить ей финляндскую администрацию, которая стала бы логическим звеном общероссийской администрации. Генерал-губернатор финляндский М. Б. Барклай-де-Толли (1809–1810) предлагал создать администрацию по образцу, примененному в Прибалтийском крае и в Выборгской губернии: для правовых вопросов учредить в Санкт-Петербурге Верховный суд, для финансовых – Казенную палату с подчинением генерал-губернатору. Победила иная точка зрения, в августе 1809 г. император утвердил регламент Правительствующего совета Финляндии, 2 октября 1809 г. он приступил к работе.

Правительство состояло из двух департаментов, хозяйственного и правового (верховный судебный орган)[10]. Учреждалась также должность прокурора. Роль председателя правительства отводилась генерал-губернатору. Исполнение предписанных обязанностей осложнялось незнанием русскими чиновниками шведского языка. В отсутствии генерал-губернатора председательствовали поочередно главы департаментов. С 1812 г. генерал-губернатор также являлся главнокомандующим расквартированными в княжестве войсками. В том же году была утверждена инструкция генерал-губернатору (для других генерал-губернаторов такая инструкция была разработана в 1853 г.), где устанавливалось, что особое мнение генерал-губернатора по уголовным делам не является препятствием для приведения в исполнение решений правительства. В 1816 г. Правительствующий совет переименовали в Императорский Финляндский Сенат, по примеру российского Сената. В 1822 г. создан институт вице-председателей

[9] То, что Спренгтпортен потерял расположение императора вскоре после своего назначения генерал-губернатором, позволяет предположить, что император был недоволен, по крайней мере, не ожидал активности финляндской депутации, осмелившейся не просто просить, но требовать.
[10] Подобная структура правительства имелась только в Бессарабии.

департаментов Сената, вице-председатель хозяйственного департамента на деле стал премьер-министром.

Половину из 12 мест в правительстве занимали дворяне, остальные места распределялись между представителями других сословий с трехлетней ротацией всех должностей. Сенат ведал всеми внутренними делами края за исключением вопросов, отнесенных к компетенции верховной власти (внешняя и оборонная политика).

В 1811 г. манифестом от 11 (23) декабря были расширены географические границы Великого княжества Финляндского за счет присоединения к Новой Финляндии территорий, завоеванных в первую и вторую военные кампании (Старая Финляндия), из которых в 1744 г. была образована Выборгская губерния[11]. В 1812 г. столица из Або (Турку) была перенесена в Гельсингфорс, под защиту крепости Свеаборг и поближе к новой метрополии. Гельсингфорс, до этого захудалый городишко, сильно пострадавший от пожаров во время войны 1808–1809 гг., был отстроен заново; стараниями архитектора К. А. Энгеля новой столице был придан облик Санкт-Петербурга. В 1828 году из Або в Гельсингфорс был переведен университет, переименованный в Императорский Александровский университет Финляндии.

Российский император правил в Великом княжестве Финляндском на основе прежних шведских законов: Формы правления (1772) и Акта соединения и безопасности (1789). То, что под «коренными законами» имелись в виду именно эти законодательные акты, выявилось позднее, в процессе административного строительства. Согласно Фридрихсгамскому договору, главой законодательной власти в Финляндии являлся император, получивший право контроля над деятельностью сейма. Только с высочайшего разрешения можно было созывать сейм и вводить изменения в законодательство. Императору принадлежало право выступать с законодательной инициативой, но без согласия сейма на территории Финляндии нельзя было утверждать новые и заменять старые законы, вводить новые налоги и пересматривать привилегии сословий.

Создание финляндского правительства не внесло изменений в структуру местного управления: сохранилось деление на губернии, состоявшие из уездов, последние были образованы сельскими приходами. Во главе губерний стояли губернаторы (до 1837 г. именовались ландгевдингами), назначались по рекомендации генерал-губернатора.

Император наделил финнов правом прямого представительства финляндских дел в обход российских чиновников. Подобная практика не

[11] Выборгская губерния в 1783–1796 гг. преобразована в наместничество с особой формой правления, в 1802 г. переименована в Финляндскую губернию.

была новой, прямое подчинение императору было введено также в Бессарабии, Польше и на Кавказе. В 1811 г. в Санкт-Петербурге была создана новая Комиссия финляндских дел (только из числа финляндских граждан) в составе председателя, статс-секретаря и трех членов для подготовки дел для последующего их представления императору. Комиссию возглавил А. М. Армфельт, «главный фаворит императора Александра», во многом повлиявший на характер финляндской автономии: Старая Финляндия была объединена с Новой Финляндией, а не наоборот, как было задумано[12]. Статс-секретарем был назначен Р. Г. Ребиндер. Только в Польше[13] и в Финляндии существовал институт статс-секретарей, что свидетельствовало об особом положении этих территорий.

Российским чиновникам было предписано по всем делам, касаемых Финляндии, обращаться к барону Армфельту. Должность статс-секретаря была постоянной и сохранилась даже после упразднения комиссии в 1826 г. Полномочия были поделены между Сенатом, статс-секретарем и генерал-губернатором. Согласно Регламенту для статс-секретаря, выработанному совместно Ребиндером и генерал-губернатором А. А. Закревским (1824–1831), по вопросам общеимперского законодательства надлежало обращаться к статс-секретарю, по исполнительным вопросам – к генерал-губернатору, который получил право доклада Сенату устных приказов императора исполнительного характера, о чем надлежало информировать статс-секретаря. Право представлять важнейшие финляндские дела оставалось за статс-секретарем. Такой порядок сохранялся до начала XX столетия.

В 1834 г. статс-секретарь финляндский был возведен в ранг министра, что обязывало его присутствовать на заседаниях Государственного совета, а, по сути, означало попытку привязать финляндскую администрацию к общероссийской. Сославшись на незнание русского языка, Ребиндер отказался от «высокой чести», а император Николай I не стал настаивать. Он запретил российским чиновникам вмешиваться в дела Финляндии, поскольку из всех провинций она была самой лояльной. Эпоха Николая, с ужесточением цензуры[14], полицейского контроля и пр., в то же время «заморозила» в неизменном виде те привилегии, дары и всяческие благодеяния, которые получила Финляндия»[15].

[12] Юссила 2009, 788.
[13] Должность статс-секретаря польского упразднена в 1863 г.
[14] С момента присоединения и до 1829 г. в Финляндии действовала система лицензирования печатной продукции и предварительная цензура, отмененные законом 1865 г. Однако закон не был утвержден сеймом, и в 1867 г. все вернулось на круги своя. Причем издания на финском языке подвергались более жесткой цензуре, чем литература на шведском языке (Nurmio 1947, 13).
[15] Юссила 2009, 778.

Упразднение Комиссии финляндских дел привело к усилению позиций правительства, которое до 1826 г. оставалось на вторых ролях. Сенат получил право принятия решения по ряду дел, без предварительного представления императору. В 1840-е гг. статс-секретарь все чаще прибегал к поддержке финляндского правительства; в Сенат, а не к чиновнику, находившемуся в Петербурге, надлежало обращаться российским чиновникам за справками и заключениями для Государственного совета и министерств. Финляндское правительство начало проявлять большую активность и самостоятельность в разработке тем, которые считал важными, в том числе касавшихся хозяйственных вопросов, не дожидаясь запросов из Санкт-Петербурга. Деловые контакты финляндских чиновников высшего ранга с генерал-губернаторами немало способствовали укреплению финляндской автономии.

Генерал-губернаторы в большей или меньшей степени воспринимали Финляндию как «собственную вотчину», которую они защищали от посягательств центральных властей, что в конечном счете и определяло подвижность границ местного самоуправления[16]. Финляндия, особенно при таких сильных генерал-губернаторах, как М. Б. Барклай-де-Толли, А. А. Закревский, А. С. Меншиков, Ф. В. фон Берг, Ф. Л. Гейден, Н. И. Борбриков и Ф. А. Зейн, была не более чем одним из генерал-губернаторств Российской империи. Защищая свои интересы, генерал-губернаторы одновременно защищали интересы империи. В 1835 г. попытка проведения кодификации законов в Финляндии была пресечена усилиями Армфельта и генерал-губернатора А. С. Меншикова как чреватая народным возмущением и подрывом доверия к российским властям[17].

Сами финны были склонны считать Финляндию отдельным государством, апеллируя к речи императора Александра I в Борго, в тексте которой были опущены детали, что допускало различные толкования государственно-правового статуса. Дискуссия по поводу «финляндского государства» развернулась в 1830-е гг. с подачи профессора И. Вассера. В его представлении, Финляндия заключила с российским императором в Борго «сепаратный мир», в соответствии с которым стала конституционным государством, отдельным от России. По мнению оппонента Вассера приват-доцента А. И. Арвидсон (оба из университета Або/Турку), Финляндия была русской провинцией и не более того. В споре, длившемся три года, победу одержал Вассер. Ардвидсон признал, что Финляндия, пусть и не является самостоя-

[16] В 1870-е гг. фаворитизм начал уступать место министерской бюрократии, что ослабило позиции генерал-губернаторов.
[17] Юссила 2009, 775.

тельным государством, рано или поздно станет таковым[18]. Прозрачный намек на лежащий в основе «учения о финляндском государстве» сепаратизм, не могли скрыть никакие заверения Арвидсона в абсолютной лояльности финнов. Тезис философа Й. Я. Нордстрёма о финляндском автономном государстве, находившимся в реальной унии с Россией, работал в том же направлении[19].

В результате широкой полемики 1860-х гг. была сформулирована общая позиция: Финляндия – отдельное государство, а не провинция. Никакие аргументы и давление со стороны российских властей не могли остановить запущенный процесс: финны приступили к подготовке Формы правления и регламента, который связал бы действия генерал-губернаторов. Все проекты императором Александром II были отклонены: Финляндию считали частью Российской империи, наделенной особыми привилегиями, а не отдельным государством, потому она не могла претендовать на особую форму правления.

То, что финны в Борго были возведены в ранг нации, отнюдь не нарушало общей практики: в Российской империи были и другие «государства», и другие нации. Но в первую очередь они были губерниями/провинциями России, что отнюдь не противоречило одно другому, в понятийном плане между «государством» и «нацией» не было большого различия. По мнению финского историка О. Юссилы, одного из наиболее авторитетных исследователей истории России, Финляндия одновременно была и провинцией, и нацией, и государством. В начале XIX в. в финском языке вообще не было слова «государство» (*valtio*), статус Великого княжества Финляндского обозначали шведским словом *stat* – «финансовое государство», имея в виду административный аппарат со всеми атрибутами, присущими государству. Между государством и провинцией финны не видели разницы даже в 1880-е гг.[20] По Фридрихсгамскому договору Швеция «не передавала, да и не могла передать России финляндское государство… которого на тот момент еще не существовало»[21]. В договоре были упомянуты не что иное, как восемь шведских восточных губерний.

В Борго для финнов открылась перспектива стать нацией, что было невозможно без изменения статуса финского языка. В течение достаточно долгого времени он оставался бытовым языком, языком простого народа. При присоединении к России было закреплено привилегированное положение шведского языка. Такое решение было вынужденным, принятым по

[18] Такала 1988, 85–91.
[19] Юссила, Хентиля, Невакиви 2010, 58.
[20] Юссила 2009, 777.
[21] Там же, 774–775.

просьбе представителей крестьянского сословия, и противоречило геополитическим целям России. По мере того как Финляндия трансформировалась в политическую общность, придание финскому языку равного со шведским языком статуса стали рассматривать в качестве одного из основных инструментов обеспечения прочной связанности Финляндии и России. При содействии российских властей, преследовавших цель ослабить влияние Швеции на Финляндию, в середине 1840-х – начале 1850-х гг. финский язык был включен в программу обучения, сначала в средних школах, а затем в университетах Финляндии. Школьная реформа начала 1860-х гг. положила начало изучению финского языка в начальной школе. Согласно постановлению 1863 г. финский язык должен был получить статус государственного языка в течение 20 лет. На практике это произошло в 1902 г.[22]

В 1831 г. возникло Финское литературное общество, в 1846 г. под покровительством будущего императора Александра III образовалось Финское общество любителей искусства. Важной вехой формирования национальной идентичности стало издание, благодаря изысканиям и стараниям лингвиста Э. Лённрота, карело-финского эпоса «Калевала», национально-романтических произведений Й. Л. Рунеберга. Публикация литературы на финском языке, не только в Финляндии, но и в России, способствовала рождению финской национальной интеллигенции. Национально-патриотические по своему духу объединения поначалу стремились упрочить государственную связь Финляндии с Россией. И только в 1860-е гг. возникают организации, которые помогали финнам осознать, что они финны, – различные просветительские общества, общества трезвости, добровольная пожарная охрана, женские организации и др. прививали народу навыки самоуправления. В 1899 г. началось кооперативное движение.

В 1850-е гг. возникает феннофильство, финское национальное движение, основоположником которого стал философ Й. В. Снельман. Изначально это было культурно-просветительское движение, включавшее в качестве основного направления борьбу финноязычной интеллигенции за национальный язык; в политическом смысле феннофильство представляло собой реформизм с примесью радикализма. В 1863 г. феннофилы основали Финскую партию. «Русский вопрос» в 1890-е гг. привел к расколу партии на консервативную старофинскую, стремившуюся к сохранению патронажа России над Финляндией, и либеральную младофинскую.

Развитие национального самосознания неизбежно способствовало обособлению Финляндии, не только от бывшей метрополии, но и от России.

[22] Андросова 2002, 234.

Активизация наступления российских властей на местное законодательство произошло под влиянием польского восстания 1863 г. Показательно, что именно в этом году финляндские земские чины собрались на съезд, впервые после Боргоского сейма 1809 г.

В 1890 г. финляндское почтовое ведомство подчинили Главному управлению почт и телеграфов; с 1891 г. министрам империи было дано право решать дела, до тех пор входившие в компетенцию статс-секретаря финляндского. Однако в Финляндии продолжала печатать свои почтовые марки в нарушение международной практики.

Российские императоры, действительно были связаны местным законодательством, но до той поры, пока подобная схема взаимоотношений не вошла в противоречие с интересами России, единой и неделимой. В 1897 г. российский император присвоил себе право издавать законы для Финляндии без согласия сейма.

1 декабря 1891 т. по распоряжению Александра III для решения вопроса о кодификации основных законов Великого княжества Финляндского было созвано Особое совещание под председательством Н. Х. Бунге, главы комитета министров.

Законопроект от 17 марта 1895 г. предполагал создание общего для Финляндии и России законодательства, был передан на рассмотрение Николаю II, который, однако, отложил решение вопроса. Законопроект практически в неизменном виде лег в основу Февральского манифеста 1899 г., текст которого, в свою очередь, нашел свое применение в законе 1910 г. об общегосударственном законодательстве.

Идея о финляндском государстве, пусть и не суверенном, очень долго уживалась в сознании законопослушных финнов с культом императора, гаранта и защитника финляндской автономии. Потому столь болезненно был воспринят финляндским обществом манифест 1899 г., который сочли «клятвопреступлением», притом что эффект был практически нулевым. Значение манифеста в том, что он перевернул сознание нации, обозначив водораздел в обществе, который отныне определялся вопросом об отношении к России.

Консолидация общественного мнения в Финляндии в условиях развития революционной ситуации в России вынуждала к новым уступкам. В 1906 г. в Финляндии была проведена самая радикальная в Европе парламентская реформа – четырехсословный сейм заменен однопалатным парламентом, женщины впервые в мире получили равные с мужчинами права, включая право избирать и быть избранными. Впрочем, российский само-

держец по-прежнему не собирался ни с кем делить власть, сохранив за собой право вето[23].

Подготовленный в 1905 г. хозяйственным департаментом финляндского Сената проект Формы правления был отвергнут императором благодаря стараниям премьер-министра П. А. Столыпина. Канцелярии генерал-губернатора, статс-секретаря и паспортной экспедиции предписывалось вести переписку на русском языке (1900 г.). Русский язык наряду с финским и шведским получил статус языка делопроизводства в правительственных учреждениях Финляндии. На государственную службу начали принимать российских подданных, что ранее не допускалось. В 1908 г. представление финляндских дел было поставлено под контроль совета министров, фактически это право перешло к премьер-министру. В 1909 г. решением императора в Сенат вошли пятеро уроженцев Финляндии, до этого служивших в российской армии, включая двух адмиралов (т. н. адмиральский сенат). На основании указа 1912 г. об уравнении в правах русских и финнов на территории Финляндии Сенат формировался из русских чиновников, к весне 1913 г. в правительстве остался всего один финн, должность прокурора также была отдана выходцу из России.

В 1917 г. Конституционный комитет Сената под председательством К. Ю. Стольберга, впоследствии первого президента Финляндской Республики (1919–1925), разработал Форму правления (конституцию) и государственный акт, определяющий отношения между Финляндией и Россией: глава государства избирался в ходе прямых общенародных выборов, исполнительная власть (кабинет министров) была подотчетна парламенту. Предполагалось создать собственную армию, генерал-губернатор стал бы послом России в Финляндии, а статс-секретарь – послом Финляндии в России. Формально проект был одобрен Временным правительством, однако в праве на самоопределение финнам было отказано.

Если говорить о финляндском государстве периода вхождения в Российскую империю, следует говорить прежде всего об экономической самостоятельности Финляндии, которая была еще шире политической. Изначально Финляндия была отделена от России таможенной границей. В 1865 г. финны получили свою денежную единицу – финскую марку.

До конца 1820-х гг. в Финляндии процветал т. н. аграрный меркантилизм, всемерная поддержка сельского хозяйства и тесно связанного с ним лесного хозяйства. В начале следующего десятилетия усилилось внимание к развитию промышленности с одновременным ужесточением таможенной

[23] Андросова 2005, 176–177.

политики ввиду того, что торговля находилась в упадке и экономика развивалась крайне медленно. 1834–1855 гг. – период многочисленных реформ. Оживлению экономики и усилению привязки финляндского хозяйства к российской экономике во многом способствовало сотрудничество Л. Г. фон Гартмана, председателя хозяйственного департамента Сената (1841–1858), с генерал-губернатором А. С. Меншиковым (1831–1855) и российским министром финансов Е. Ф. Канкриным (1823–1844)[24].

В отличие от Николая I, опиравшийся в Финляндии на бюрократию и высшее сословие, Александр II нашел поддержку не только среди дворянства, также среди буржуазии и других социальных слоев. Во времена правления Александра II были заложены принципиальные основы финляндской рыночной экономики. Процесс был ускорен трансформацией мировых рынков после Крымской войны. Финляндия начала вывозить на британский рынок лес и продукцию деревообработки. Доходы от экспорта вызвали стремительное повышение спроса на внутреннем рынке, открыв перспективы для развития капитализма[25].

24 марта 1856 г., выступая в сейме, Александр II обрисовал общий курс реформ, необходимых для подъема экономики. Идея, спущенная сверху, была дополнена предложениями местных чиновников. К практической реализации планов реформирования хозяйства приступили осенью 1863 г., с возобновлением работы сейма. Одновременно в высших эшелонах власти произошли перестановки за счет выдвижения на командные посты сторонников либерализма.

Финляндская экономика изначально была поставлена в исключительное положение: товары местного производства ввозились на российские рынки беспошлинно, тогда как с российских товаров на финляндском рынке взимались таможенные сборы. Финны были избавлены от необходимости испрашивать разрешение на ведение бизнеса с иностранными партнерами, как это имело место быть в период вхождения в шведское королевство. Свободы, в том числе экономические, предоставленные Финляндии, следует рассматривать через призму глобально-политических задач. Финляндия уже в период автономии являлась выставочным образцом, с помощью которого Россия пыталась повысить свои ставки в глазах европейских партнеров.

Российский протекционизм второй половины XIX в. породил серьезного конкурента для российского товаропроизводителя, каким стала финляндская промышленность, которая при собственных низких тарифах достаточно быстро постигла законы рыночной борьбы. Начиная с 1840-х гг.

[24] Jutikkala (toim.) 1980, 336–337; Pipping 1961, 190.
[25] Kekkonen 1987, 38, 41–42.

финляндские ввозные пошлины были существенно ниже российских, с 1869 г. по 1917 г. тарифы на товары европейского производства оставались практически неизменными[26].

Российская таможенная политика, призванная защитить интересы местной промышленности, постепенно все более приобретала запретительный характер. Однако позиции финляндских экспортеров оставались более выгодными, по крайней мере, по сравнению с позициями западных экспортеров. Финляндская промышленность процветала под сенью высоких общегосударственных тарифов, тесня местных товаропроизводителей на внутрироссийских рынках и не давая им развернуться на финляндском рынке. Удалось монополизировать только хлебный рынок: в 1885–1895 гг. Россия поставляла Финляндии 96,8 % всей ввозимой ржаной и 61 % пшеничной муки; в 1906–1913 гг. 40 % импортного хлеба поступало в Финляндию напрямую из России[27].

Трансформация в процессе индустриализации российского общества из аграрного в аграрно-промышленное привела к усилению тенденции к самообеспечению, типичной для России, богатой природными и людскими ресурсами. Спрос со стороны России, с одной стороны, дал толчок развитию в Финляндии крупного машинного производства[28], с другой – с течением времени перестал быть основой стабильного товарооборота с метрополией.

Падение доли России во внешней торговле Финляндии наметилось в 1860-е гг. и продолжалось до начала Первой мировой войны (с 47 до 31 %) с одновременным ростом товарооборота с Западом, куда Финляндия поставляла поначалу продукцию животноводства, не нашедшую достаточного спроса на российском рынке, а начиная с 1880-х гг. – также изделия деревообработки, со временем ставшие основной статьей финляндского экспорта в страны Западной Европы. Главными потребителями финляндской древесины стали Германия и Англия[29], впоследствии также главные внешнеполитические партнеры независимой Финляндии.

Усилению российского влияния в княжестве как раз была призвана способствовать унификация местной и общегосударственной таможенной политики, начало которой было положено во второй половине 1880-х гг. Политические соображения шли вразрез с экономическим интересом, который зачастую оказывался решающим. К примеру, планы по снятию та-

[26] Hjerppe 1993, 57–58.
[27] Kuparinen (toim.) 1986, 171.
[28] Российский рынок был основным для финляндской промышленности, на начальном этапе для текстильной, в 1850–75 гг. – для металлопромышленности, и, начиная с 1870-х гг., – также для бумажной промышленности.
[29] С 1860 г. по 1910 г. доля Германии и Англии во внешней торговле Финляндии возросла с 18 до 28 %, и с 13 до 20 % соответственно (Kuparinen (toim.) 1986, 190).

моженной границы между Россией и Финляндией к 1905 г. провалились ввиду относительно низкой конкурентоспособности российской промышленности, не только бумажной, но также металлопромышленности и текстильного производства. В 1911 г. российские заводчики отвергли идею присоединения к России Выборгской губернии из опасения проиграть в конкурентной борьбе предприятиям финляндской бумажной промышленности[30].

Понижая контингенты беспошлинного ввоза из Финляндии, Россия пытаясь оградить себя не только от конкуренции со стороны быстро развивавшейся финляндской промышленности, но также от попыток других стран продвинуть свою продукцию на российский рынок окольным путем. В целом российский протекционизм лишь косвенно воздействовал на торговые взаимоотношения России и Финляндии. Взаимодополняемость промышленных структур явилась предпосылкой взаимного товарооборота, который развивался независимо от обострения политических противоречий на завершающем этапе финляндской автономии.

Сепаратизм, заявивший о себе в 1860-е гг. в рамках дискуссий о «финляндском государстве», в практическом плане проявился только после Февральского манифеста 1899 г. Прежде всего, для этого не было никаких экономических причин. В конце XIX в. Финляндия заняла место одного из наиболее экономически развитых регионов Российской империи. На удовлетворение внутренних потребностей метрополии работало более 2/3 производственных мощностей финляндской бумажной, металлургической, текстильной, стекольной, фарфоровой и кожевенной промышленности. Первая мировая война привела к неограниченному спросу на финляндские товары. Благодаря военным заказам, главным образом предприятиям металлообработки и машиностроения, финляндский экспорт в Россию в 1914 г. составил 44 %, в 1916 г., ввиду закрытия мировых рынков, 92,3 % всего экспорта шло на российский рынок[31].

Стратегия России в отношении Финляндии периода автономии была жестко завязана на комбинации «география – политика – экономика». Слабым оказалось среднее звено, тогда как две другие составляющие обеспечили сохранение российского влияния в Финляндии в течение более ста с лишним лет, несмотря на внутренние и внешние вызовы. Со временем финская историческая наука признала тот факт, что русификаторская политика в Финляндии не имела большого значения. Вместе с тем период автономии в составе

[30] В первом десятилетии XX в. доля продукции бумажной промышленности в общем вывозе в Россию равнялась примерно 40 %, причем на предприятиях Выборгской губернии производилось до 50 % всей продукции, выпускаемой бумагоделательными предприятиями Финляндии. См. Pihkala 1970, 88–94.
[31] Suomen Ulkoasiainministeriön Arkisto, 58B2. K. 236.

Российской империи позволил накопить неоценимый опыт государственного строительства. В 1917 г. Финляндии в отличие от других стран-лимитрофов не пришлось создавать административный аппарат. Одной из существенных проблем стало отсутствие внешнеполитического и дипломатического опыта, что среди прочих причин, выходящих за пределы настоящего исследования, существенным образом осложнило взаимоотношения Финляндской Республики с восточной великой державой на этапе становления независимости[32].

Литература / References

Андросова 2002 = *Андросова Т. В.* Национальный вопрос в Финляндии: опыт истории // Опыт европейского федерализма. История и современность. М., 2002. С. 233–248.

Androsova T. V. Natsional'nyy vopros v Finlyandii: opyt istorii [The National Question in Finland: The Experience of History] // Opyt Evropeyskogo federalizma. Istoriya i sovremennost' [The Experience of European Federalism. History and Modernity]. Moscow, 2002. P. 233–248.

Андросова 2005 = *Андросова Т. В.* Долгий путь к суверенитету: финляндская национальная идея в XIX–XX вв. // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке: сборник статей. Ч. 2. М., 2005. С. 173–202.

Androsova T. V. Dolgiy put' k suverenitetu: finlyandskaya natsional'naya ideya v XIX–XX vv. [The Long Way to Sovereignty: The Finnish National Idea in the XIX–XX Centuries] // Natsional'naya ideya na evropeyskom prostranstve v XX veke [National Idea in the European Space in the XXth Century]. Collection of articles. Vol. 2. Moscow, 2005. P. 173–202.

Андросова 2006 = *Андросова Т. В.* Финляндия между Западом и Востоком: XIX–XX вв. // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2. География и политика. М., 2006. С. 32–53.

Androsova T. V. Finlyandiya mezhdu Zapadom i Vostokom: XIX–XX vv. [Finland between the West and the East: XIX–XX Centuries] // Evropeyskie sravnitel'no-istoricheskie Issledovaniya [European Comparative Historical Studies]. Issue 2. Geografiya i politika [Geography and Politics]. Moscow, 2006. P. 32–53.

Андросова 2007 = *Андросова Т. В.* Элиты и лидеры в международных отношениях: неиспользованные возможности финляндской восточной внешней политики в 1920–1930-е годы // Элиты и лидеры. Традиционализм и новаторство. М., 2007. С. 125–150.

Androsova T. V. Elity i lidery v mezhdunarodnyh otnosheniyah: neispol'zovannye vozmozhnosti finlyandskoy vostochnoy vneshney politiki v 1920–1930-e gody [Elites and Leaders in International Relations: Untapped Opportunities of the Finnish Eastern Foreign Policy in the 1920–1930s] // Elity i lidery. Traditsionalizm i novatorstvo [Elites and Leaders. Traditionalism and Innovation]. Moscow, 2007. P. 125–150.

[32] См.: Андросова 2006, 32–53; Андросова 2007, 125–150.

Такала 1984 = *Такала И. Р.* А. И. Арвидссон о положении Финляндии в составе Российской империи (рубеж 30–40-х гг. XIX в.) // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Вып. 32. С. 85–91.
Takala I. R. A. I. Arvidsson o polozhenii Finlyandii v sostave Rossiyskoy imperii (rubezh 30–40-h gg. XIX v.) [A. I. Arvidsson on the Situation of Finland in the Russian Empire (the Turn of the 30–40s of the XIX Century)] // Skandinavskiy sbornik [Scandinavian Collection]. Tallinn, 1988. Issue 32. P. 85–91.

Расила 1996 = *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. 294 с.
Rasila V. Istoriya Finlyandii [History of Finland]. Petrozavodsk, 1996. 294 p.

Юссила 2009 = *Юссила О.* Великое Княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009, 844 с.
Yussila O. Velikoe Knyazhestvo Finlyandskoe 1809–1917 [The Grand Duchy of Finland 1809–1917]. Helsinki, 2009. 844 p.

Юссила, Хентиля, Невакиви 2010 = *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. 471 с.
Yussila O., Hentilya S., Nevakivi J. Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–2009 [Political History of Finland 1809–2009]. Moscow, 2010. 471 p.

Hjerppe 1993 = *Hjerppe R.* Finland's Foreign Trade and Trade Policy in the XXth // Scandinavian Journal of History. 1993. Vol. 18, No. 1. P. 57–76.

Jutikkala (toim.) 1980 = *Jutikkala E.* Suomen taloushistoria 1. Agraarinen Suomi. Helsinki, 1980. 494 s.

Kekkonen 1987 = *Kekkonen J.* Merkantilismista liberalismiin. Oikeushistoriallinen tutkimus elinkeinovapauden syntytaustasta Suomessa vuosina 1855–1879. Suomalaisen Lakimiesyhdistyksen julkaisuja 172. Helsinki, 1987. 355 s.

Kuparinen (toim.) 1986 = *Kuparinen Eero* (toim.) VIII Suomalais-neuvostoliittolainen Yhteiskuntahistorian symposiumi Turussa 02–06.9.1984 Toim. Turun Historiallinen Yhdistys Turun Historiallinen Arkisto 41. Tammisaari, 1986. 196 s.

Nurmio 1947 = *Nurmio Y.* Taistelu Suomen kielen asemasta 1800-puolivälissä. Vuoden 1850 kielisäännöksen syntyhistoria, voimassaolon ja kumoamisen selvittelyjä. Porvoo, 1947. 416 s.

Pihkala 1970 = *Pihkala E.* Suomen ja Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki, 1970. 261 s.

Pipping 1961 = *Pipping Hugo E.* Paperiruplasta kultamarkkaan. Suomen pankki 1811–1877. Helsinki, 1961. 593 s.

Savolainen 1996 = *Savolainen R.* Keskusvirasto-linnakkeista virastoarmeijaksi. Senaatin ja valtioneuvoston alainen keskushallinto Suomessa 1809–1995. OY Edita AB. Helsinki, 1996. 586 s.

БРИТАНСКИЕ ДЕТИ-МИГРАНТЫ: ОТ ДЕПОРТИРОВАННЫХ БЕСПРИЗОРНИКОВ ДО СТРОИТЕЛЕЙ «ВЕЛИКОЙ БРИТАНИИ»

Ольга Васильевна Яблонская

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-5479-5561
ResearcherID: ABS-9083-2022
РИНЦ AuthorID: 305044

Аффилиация:

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Электронная почта:
Oyablonskii@yandex.ru

Статья посвящена миграции несовершеннолетних детей из Англии в Канаду, Австралию, Южную Африку. Анализируются причины, указаны основные этапы детской миграции, рассмотрены цели и задачи, которые преследовали организаторы программ переселения, миссии, которые возлагались на юных британцев вне метрополии. Автор приходит к выводу, что выезд был обусловлен потребностями детей и потребностями Великобритании, как метрополии, так и ее заокеанских владений. Начиная с XVII века, несовершеннолетних отправляли в колонии в качестве работников. Депортация из Англии являлась также альтернативой тюремному заключению. В XIX веке прекращается организованный ввоз преступников в колонии. Миграция позволяла сэкономить социальные расходы британского правительства. Филантропы разрабатывали планы массового переселения детей за океан с целью их спасения от голода и преступлений, на которые они были обречены в нищих кварталах британских городов. Доминионы предоставляли большие возможности для повышения социального статуса детей бедняков. Со второй половины XIX века в юных мигрантах начинают видеть большой имперский потенциал. Они рассматривались строителями империи «Великая Британия». Несовершеннолетние работники помогали фермерам осваивать земли. Миграция увеличивала «белое» население колоний и доминионов. Дети укрепляли политические связи между отдельными странами, распространяли политические и культурные ценности европейцев. На них возлагались задачи создания глобальной британской нации, физического и нравственного оздоровления британцев. Потомки британских «домашних детей» составляют значительный процент населения современной Канады и Австралии.

Ключевые слова: Великобритания, детская миграция, Канада, Австралия, Родезия, Британская империя, империализм.

Для цитирования:
Яблонская О. В. Британские дети-мигранты: от депортированных беспризорников до строителей «Великой Британии» // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 268–279. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.019

BRITISH MIGRANT CHILDREN: FROM DEPORTED STREET CHILDREN TO THE BUILDERS OF "GREAT BRITAIN"

Olga V. Yablonskaya

About the author:

The article is devoted to the migration of minors from England to Canada, Australia, South Africa. The reasons are analyzed, the

Doctor of History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0002-5479-5561
ResearcherID: ABS-9083-2022
РИНЦ AuthorID: 305044

Affiliation:

National Research
Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Arzamas Branch

Email:
Oyablonskii@yandex.ru

main stages of child migration are indicated, the goals and objectives pursued by the organizers of resettlement programs, the missions assigned to young Britons outside the metropolis are considered. The author comes to the conclusion that the departure reasons were the needs of children and the needs of Great Britain, both the metropolis and its overseas possessions. Since the XVIIth century, minors were sent to colonies as workers. Deportation from England was also an alternative to imprisonment. In the XIX-th century, the organized deportation of criminals into the colonies stopped. Migration allowed saving the social expenses of the British government. Philanthropists developed plans for the mass relocation of children overseas in order to save them from hunger and crimes to which they were doomed in the impoverished quarters of British cities. The dominions provided great opportunities to improve the social status of the children of the poor. Since the second half of the XIXth century, young migrants began to see great imperial potential. They were considered as the builders of the empire "Great Britain". Underage workers helped farmers develop land. Migration increased the "white" population of colonies and dominions. Children strengthened political ties between countries, spread European political and cultural values. They were entrusted with the task of creating a global British nation, physical and moral recovery of the British. Descendants of British "home children" make up a significant percentage of the population of modern Canada and Australia.

Keywords: Great Britain, child migration, Canada, Australia, Rhodesia, British Empire, imperialism.

For citation:
Yablonskaya O. V. British Migrant Children: From Deported Street Children to the Builders of "Great Britain" // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 268–279. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.019

Термин «Великая Британия» получил широкое распространение благодаря трудам известного британского политика Ч. В. Дилка. Первая книга с таким названием появилась после совершенных им путешествий в 1866–1867 гг. в Америку, Индию, Египет, Австралию. В 1875 г. итогом кругосветного плавания стало появление еще двух глав травелога. Спустя 20 лет, получив опыт политической деятельности в правительстве, он публикует новый труд – «Проблемы Великой Британии», в котором рассматривает вопросы социально-экономического и политического развития англоязычных стран, описывая их не просто как отдельные колонии, а как части единой Британской империи[1].

С первых же страниц Ч. В. Дилк заявляет, что в следующее столетие определяющую роль в мировой политике будут играть США, Россия и Великобритания. Учитывая, что США населены родственным народом, то

[1] Dilke 1890, VII–VIII.

единственным конкурентом англичан, «заслуживающим внимания на данный момент», он называет Россию[2]. Главным же препятствием в борьбе за лидерство «величайших наций прошлого» – Германии и Франции – считает ограниченность территорий.

Мыслитель отмечает решающий характер экономических факторов в триумфе Великобритании, указывая ее высокие показатели в производстве и торговле и отставание России[3]. Но залог английской победы в будущем конфликте с «великорусским народом» Ч. В. Дилк видит не только в экономической и военно-технической мощи, но и в расовом превосходстве. Лучшие британские качества, такие как осознание национального единства, мужество, здравомыслие, энергичность, работоспособность, пишет он, сохраняются и успешно развиваются в дочерних странах, они позволяют не только выстоять в сложных условиях, но и ассимилировать подвластные народы. Указывается и на преимущество «парламентской демократии Великобритании» над «демократической автократией России», в первую очередь, способностью эволюционировать без революционных потрясений[4]. Ч. В. Дилк понимал, что ресурсы метрополии недостаточны для долгого удержания позиции мирового лидера, поэтому будущее «Великой Британии» связывает с развитием колоний и доминионов, успешно возделывающихся «английским плугом».

Идея построения империи «Великая Британия» разделялась и рядовыми гражданами, и политиками, как метрополии, так и ее периферийных территорий. Для реализации имперских планов предлагались различные средства, среди которых была и детская миграция. Однозначной оценки переселению несовершеннолетних не было как в период ее осуществления, так и сейчас[5].

Успехи «мастерской мира» в ее «золотой век» далеко не для всех обернулись благом. В условиях индустриализации и демографического роста количество бедняков в городах увеличивалось экспоненциально. Метрополия не могла помочь огромной массе нищих, где каждый третий был несовершеннолетним. Бедность вела к деградации населения, проживавшего в грязных кварталах британских городов, росту криминала. В этой асоциальной среде рождались, росли и воспитывались «создания нежного возраста». Родители не стремились да и не могли в силу своих порочных наклонностей вложить в них нравственные принципы, зачастую они же приводили

[2] Dilke 1890, 3, 5.
[3] Ibid., 4.
[4] Ibid., 2–3.
[5] Яблонская 2023, 46.

свое потомство на путь распущенности и преступлений. Красноречиво об этом свидетельствуют записи «Школы оборванцев» (Ragged Schools) Мэйбола, сделанные в середине XIX в. Большинство учеников этого учебного заведения имели только одного из родителей, чаще – мать, только в двух случаях встретились сироты. Один ребенок имел обоих родителей, но, по мнению автора записей, именно родная семья мешала ему в образовании и воспитании. В пяти случаях отмечается пренебрежение родительскими обязанностями. Печальная история произошла с У. Коберном, оказавшимся в школе Мэйбола после того, как мать арестовали. Необразованный 13-летний подросток с удовольствием учился и за короткий срок освоил грамоту. Но мать, выйдя из заключения, забрала сына из школы, чтобы отправить его попрошайничать. Они бродяжничали по всей Англии, в конце концов Уильям умер. К сожалению, это не редкий случай среди нищих семей. Некоторые родители могли намеренно калечить детей, чтобы они больше заработали на жалости[6].

Данные школы Мэйбола согласуются с общегородской статистикой Лондона. Лорд Э. Шефтсбери озвучил в парламенте в 1848 г. данные 15 подобных школ столицы: из 1600 обучающихся «оборванцев» 162 были в тюрьме, многие неоднократно; у 68 родители сидели в тюрьме; у 125 были мачехи, на которых, возможно, как пишет граф, лежит «большая часть страданий, которые приводят детей к преступлениям»; каждый пятый потерял хотя бы одного из родителей; «имеющие родителей вряд ли могли рассчитывать на их помощь по причине бедности, необразованности и криминальных наклонностей»; 116 сбежали из семьи из-за жестокого обращения; 170 ночевали в ночлежках; 253 жили за счет попрошайничества; у 216 почти не было одежды и обуви; 219 никогда не спали в кроватях[7]. Такая же ситуация наблюдалась и в других английских мегаполисах. Таким образом, у «уличных арабов», как многие называли детей из городских трущоб, на родине почти не было шансов избавиться от голодной нужды и криминального будущего. Эмиграция была для них выходом.

Были и более циничные цели детской эмиграции. В XVII, XVIII, начале XIX в. в колонии массово вывозили малолетних преступников. «Закон об исправлении положения бедных» 1834 г. позволял приходским советам отправлять в эмиграцию несовершеннолетних правонарушителей. Но из-за

[6] The Maybole Ragged School. URL: http://www.maybole.org/history/articles/mayboleraggedschool.htm (accessed: 01.02.2023).
[7] Shaftesbury 1868, 14.

протестов колоний, не желавших быть «социальной свалкой», пришлось прекратить вывозить заключенных из тюрем метрополии на периферию[8].

По закону 1834 г. не разрешалось переселение детей без родителей, но это правило нарушалось. В 1830-е гг. больше тысячи беспризорников были вывезены в Америку, Австралию, Южную Африку. Главным организатором детской эмиграции был Э. Брентон.

Морской офицер, сын адмирала, брат вице-адмирала Королевского флота – Э. Брентон – прославился как филантроп, защитник бедняков, основатель школ для беспризорных детей и сирот, организатор переселения несовершеннолетних в Южную Африку. В 1830 г. им было основано «Общество для пресечения бродяжничества несовершеннолетних», переименованное в 1834 г. в «Общество друзей детей». Общество собирало юных бродяг и помещало их в специально созданные в сельской местности школы для мальчиков и девочек – Хакни-Уик и Чезуик. Вопреки британским традициям, здесь не применялись телесные наказания, а «уличных арабов», даже очень сложных, воспитывали мягкой дисциплиной[9]. Но разместить в школах всех нуждающихся не могли. Решение проблемы беспризорности Э. Брентон связывал с эмиграцией, программу которой изложил в своей петиции в 1833 г. В ней он заявил о возможности вырвать из «пасти жестокой смерти от холода, нужды и голода или из пропасти нравственной погибели» сирот или «изгнанных из дома недобрыми родителями детей» переселением на периферию британского мира. План был одобрен королевским двором и правительством. Детей отправляли в Южную Африку как сельскохозяйственных рабочих, домашнюю прислугу, а также для усыновления. В воззвании к колонистам Э. Брентон просит проявить сострадание к несчастным малышам и подросткам, которые могут отблагодарить своих благодетелей добросовестным трудом. В отличие от многих миграционных агентов XIX–XX вв. Брентон тщательно подходил к подготовке эмиграции, расселению в семьях, надзору за маленькими переселенцами. Он следил, чтобы несовершеннолетних отправляли только с их добровольного согласия, разрешения родителей или опекунов и Генерального комитета по управлению. Перед отправкой за океан «уличных арабов» селили в приюты Брентона, там их готовили к переезду, учили грамоте и навыкам хозяйствования и лишь потом они отплывали в колонию. Для надзора за детьми и лучшего их размещения в Кейптауне был создан «Комитет по обучению несовершеннолетних эмигрантов». Э. Брентон рекомендовал отправлять маленьких, «послушных и легко обучаемых», следовательно, легко адапти-

[8] Bean 1989, 29, 34.
[9] Яблонская 2022, 41–43.

руемых к жизни в новой стране[10]. Издержки обучения и транспортировки восполнялись колонистами Африки, приходами и благотворительными взносами. В течение 7 лет в Южную Африку переселилось свыше 1300 детей[11]. У Брентона были планы заселить все колонии Англии, но в 1839 г. в прессе были опубликованы материалы о жестоком обращении с британскими подростками в Южной Африке[12]. Эмиграцию пришлось остановить, а через несколько месяцев умер и ее главный организатор. Следует отметить, что Брентон был сторонником лишь детской и женской эмиграции и, наоборот, противником переселения мужчин, заявляя, что уезжали не нищие или «прихлебатели работных домов», а предприимчивые и трудолюбивые британцы[13].

Несмотря на неудачу с планом Брентона, от идеи переселения, а для многих – депортации ненужных, лишних, порочных и опасных маленьких жителей, не отказались. В 1849 г. парламент выделил 1500 ф. на поддержку эмигрантов из «Школ оборванцев». В 1850 г. в «Закон о бедных» были внесены поправки, по которому приходские власти получили право организовывать эмиграцию «любого бедного человека», что привело к увеличению переселений «уличных арабов». Чтобы сэкономить деньги на переезде, приходские опекуны зачастую передавали детей недобросовестным капитанам, которые за океаном их просто оставляли на берегу, не заботясь об их последующей судьбе[14].

В 1852 г. Э. Шефтсбери, сторонник детской эмиграции, предложил законопроект, еще более упрощавший правила выезда несовершеннолетних. Против инициативы выступил лорд Дерби, сказав графу: «В решении этого вопроса надо быть чрезвычайно осторожным… поскольку уже было разработано несколько благотворительных планов, основанных на социальных принципах с той же целью... но когда они были приведены в исполнение, результаты были очень болезненными». Шефстбери отозвал свое предложение, вероятно, согласившись с аргументацией своего оппонента. В начале 1850-х гг. наметился экономический подъем, президент «Совета по законодательству о бедных» выступил за ограничение эмиграции детей, подчеркнув, что труд молодых людей необходим в Англии[15]. Выезд подростков сократился.

[10] Brenton E.P. 1837, 13–14, 19, 27–28; Society 1834.
[11] Hadley 1990, 411.
[12] Police 1839; Children's Friend Society 1839.
[13] Brenton 1831.
[14] Bean 1989, 35–36.
[15] Ibid., 37.

Вторая половина 1860-х гг. была трудным временем для Англии. В 1866 г. началась эпидемия холеры, затем оспы, в 1867 г. из-за холода случился неурожай, разразился экономический кризис, выросло число безработных, нищих, а вместе с этим сирот и юных бродяг. В столь тяжелых условиях Мэри Рай, к тому времени известная как организатор женской эмиграции, предложила вывезти «уличных арабов» из «сточных канав» и переполненных работных домов метрополии в благополучную Канаду[16]. Она убеждала поддержать ее проект из соображений не только гуманности, жалости к детям, но и прагматизма. М. Рай указывала, что переселением, с одной стороны, можно снизить безработицу в метрополии, с другой стороны, обеспечить дефицитными трудовыми ресурсами колонии[17]. Миграция, аргументировала она, позволяла существенно сократить социальные отчисления из бюджета, так как переезд составлял лишь годовую сумму содержания в работном доме. План был поддержан многими влиятельными политиками, среди которых был Э. Шефтсбери. Вслед за М. Рай несовершеннолетних начинают вывозить Э. Макферсон, Т. Барнардо и другие, в конце XIX в. этим занималось уже более 50 миграционных агентов. Т. Барнардо, больше всего переселивший детей за океан, обосновывал это, как и М. Рай, тем, что разумно проведенная эмиграция решала самые сложные проблемы метрополии и удовлетворяла насущные потребности колоний: «Во-первых, она освобождает перенаселенные городские центры и перегруженные рынки труда в Англии и в то же время уменьшает бремя налогообложения; во-вторых, она обеспечивает колонии тем, в чем они больше всего нуждаются, – увеличением численности англоязычного населения; в-третьих, это дарует самим детям «невыразимые благословения», предоставляя каждому ребенку с хорошим характером, который успешно вливается в колониальное население, такую перспективу независимого существования на высоком уровне, которую едва ли можно себе представить в прежних условиях»[18].

Идеи британских филантропов согласовывались с доктриной социального империализма, сторонником которой был С. Родс. «Основатель Родезии» говорил, что переселение избыточного населения из Англии спасет монархию от революций, снизив уровень безработицы, смягчив социальную напряженность[19], а колонии, в свою очередь, получат рабочую силу и «белых» защитников[20]. Он предлагал Т. Барнардо переселить детей из его приютов в Южную Африку. Мысли, что эмиграция является спасением для несчастных

[16] Rye 1869.
[17] Яблонская 2023, 48–49.
[18] Barnardo, Marchant 1907, 154–155.
[19] Ленин 1969, 376.
[20] Glynn 1982, 209.

мальчиков и девочек из трущоб, а также инструментом укрепления колоний и сохранения единства империи, высказывали неоднократно члены королевской семьи. Принц Уэльский в годы мирового экономического кризиса обратился к подданным с призывом поддержать программу К. Фэрбриджа по расселению британских детей в сельских фермах Австралии[21].

Заокеанские территории, как верно указывали филантропы, нуждались в британских мигрантах, поэтому местные власти не только не ограничивали, но поддерживали переселение. Первую группу детей, вывезенную по просьбе колонистов Виргинии из Лондона в 1618 г., ожидали в Америке в качестве трудовой силы. Недостаток работников был настолько острым, что это привело к детской работорговле. Юных бродяг похищали и продавали в Америке. Это продолжалось до громких разоблачений XVIII в., когда в торговле детьми были обвинены абердинские богачи и магистраты.

Основным направлением миграции со второй половины XIX в. до 1930-х гг. была Канада, нуждавшаяся в заселении и освоении огромных плодородных пустошей. С начала вывоза первой группы М. Рай в 1869 г. и до начала Второй мировой войны в «Доминион от моря и до моря» уехало более 100 тыс. детей[22].

В Канаде до XIX в. европейцы предпочитали не селиться, считая ее неудобной для жизни страной – «скованной льдом пустыней, окаймленной плодородной полосой вдоль границы США»[23]. Во второй половине XIX в. в британской прессе постоянно публиковались статьи, рассказывающие о красоте канадских прерий и озер, богатстве ресурсов, развитости железнодорожного сообщения, промышленности и прочих жизненных благах[24]. Это делалось в том числе с целью привлечь сюда работников для освоения земли. Но взрослые мигранты не стремились возделывать пашню и пасти стада коров, они уезжали в города, претендуя на дефицитные рабочие места на фабриках. У детей же выбора не было. Филантропы селили их преимущественно на фермах, спасая от городских «рассадников порока». Таким образом, британские пионеры осваивали плодородные акры земли для «Великой Британии». К. Фэрбридж справедливо утверждал, что детская миграция – не благотворительность, а имперская инвестиция[25]. Что касается детей, то климат и одинокую жизнь на ферме далеко не все выдерживали. Многие мечтали вернуться назад – в грязные трущобы.

[21] Prince of Wales 1934.
[22] Яблонская 2023, 46.
[23] Dilke 1890, 26.
[24] A Canadian Tour 1886.
[25] Fairbridge 1928, 174.

Увеличение подданных британского королевства в заокеанских владениях облегчало управление империей. Организаторы миграции надеялись, что переселившийся за океан «трудолюбивый класс лояльных граждан» не забудет на новой родине свою страну и своего монарха[26]. Но Ч. В. Дилк отмечает, что многим англичанам безразлично, едут ли они в страны, находящиеся под британским правлением, или нет, что они руководствовались собственными интересами, а не государственными целями[27]. Кроме того, многие мигрировали из-за того, что не почувствовали на себе «заботу» короны. Совсем другое дело дети. В них легче было вложить верноподданнические чувства. Они могли быть членами пересекающихся сообществ, быть одновременно гражданами и метрополии, и поселения, и британцами, и канадцами, и австралийцами, то есть быть носителями глобальной британской идентичности. С начала XX в. сторонники эмиграции все чаще указывали задачу, возлагавшуюся на несовершеннолетних, объединения разрозненных жителей империи в единый британский мир во главе с сувереном. Считалось, что чем младше дети поселялись на новой родине, тем больше у них было шансов стать хорошими гражданами и метрополии, и поселения. Таким образом, в заокеанских владениях создавался своеобразный инкубатор добропорядочных имперских граждан.

Увеличение эмиграции диктовалось также потребностью защитить «белую расу», особенно это было актуально в странах южного полушария – в Африке и в Австралии. С 1930-х гг. до 1967 г. Австралия станет основным направлением детской миграции. Сюда уехало около 10 000 детей. Здесь были основаны школы и фермы Фэрбриджа. По окончании Второй мировой войны министр по делам миграции А. Калвелл, чтобы увеличить «белое» население материка, а также помочь метрополии в решении проблем с сиротами, предложил перевезти 50 тыс. «детей войны», оставшихся без родительского попечения, на «зеленый материк». Оба правительства поддержали план Калвелла, но даже вся Европа не смогла обеспечить Австралию таким количеством мигрантов.

Несмотря на большие потребности в «белом населении», Австралия установила высокую планку физического и интеллектуального развития для въезжающих в страну детей на основе методики IQ. Еще более жесткими были требования для мигрантов, желающих поселиться в Южной Родезии, куда старались не допускать не только больных, но и бедных[28].

[26] Glynn 1982, 210–211.
[27] Dilke 1890, 26.
[28] Marks, Trapido 1979, 53–55, 62–63.

В конце XIX – начале XX в. в Англии стали обращать серьезное внимание на ослабление физического состояния британцев. Причину видели в том, что обеспечивали рождение британцев представители низших классов, которые жили и работали в условиях антисанитарии перенаселенных городов, дышали «дважды вдохнутым» воздухом, имели порочные наклонности. Эмиграция позволяла извлечь детей из нездоровой обстановки, расселить их на сельских просторах, закалить тело и характер работой на полях, воспитать нравственность в семьях религиозных и добропорядочных фермеров. Таким образом, заокеанская империя являлась не только искупительным пространством для Великобритании, местом спасения детей, в сельской идиллии видели альтернативную реальность жестокому индустриальному миру капитализма – имперский рай, основанный на эгалитарном отношении к труду и религиозной морали.

Итак, начиная с середины XIX в., около 150 000 детей – сироты и дети бедняков – были вывезены из Британии. Организаторы миграций спасали мальчиков и девочек от голода, холода, преступлений, которые ожидали их в грязных кварталах мегаполисов. Переезд был выгоден метрополии, так как снижал бремя социальных расходов, а колонии видели в юных переселенцах необходимую для освоения территорий трудовую силу. Дети решали сложные демографические проблемы империи, увеличивая «белое», в первую очередь англоязычное, население на периферии британского мира. Они укрепляли политические связи в огромном британском мире, помогали метрополии сохранять контроль на отдаленных окраинных территориях. В них видели представителей глобальной британской нации, носителей физического и нравственного здоровья британцев. Многие из маленьких иммигрантов успешно прошли свой путь и выполнили возложенные на них задачи. Их потомки составляют существенные группу населения в бывших колониальных владениях Англии. В Канаде каждый десятый – потомок тех детей-мигрантов. Но империя распалась, построение «Великой Британии» после Второй мировой войны оказалось неосуществимо.

Литература / References

Ленин 1969 = *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 27. М., 1969. 643 с.
Lenin V. I. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism, the Highest Stage of Capitalism] // Polnoe sobranie sochineniy [The Complete Works]: in 55 vols. Vol. 27. Moscow, 1969. 643 p.

Яблонская 2022 = *Яблонская О. В.* Библия и лопата – путь спасения бедняков Э. Брентона // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской

православной церкви. 2022. № 108. С. 34–46.
Yablonskaya O. "Bibliya i lopata – put' spaseniya bednyakov E. Brentona" [The Bible and the Spade as E. Brenton's Way to Save the Poor]. Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi [St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History]. 2022. Vol. 108. P. 34–46.

Яблонская 2023 = *Яблонская О. В.* Эмиграция несовершеннолетних британцев в Канаду: причины переселения из Великобритании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. № 1. С. 45–52.
Yablonskaya O. "Emigratsiya nesovershennoletnih britantsev v Kanadu: prichiny pereseleniya iz Velikobritanii" [Emigration of British Minors to Canada: Reasons for resettlement from Great Britain] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations]. 2023. Vol. 23 (1). P. 45–52.

A Canadian Tour 1886 = A Canadian Tour // The Times. 1886. September 12–22; The Times. 1886. October 2, 6, 8, 9, 11, 18, 21, 22; etc.

Barnardo and J. Marchant 1907 = Memoirs of the Late Dr. Barnardo by Mrs. *Barnardo and J. Marchant*; with an Introduction by *W. Robertson*. London: Nicoll Hodder and Stoughton, 1907. 405 p.

Bean 1989 = *Bean Ph.* Lost children of the Empire. London, 1989. 177 p.

Brenton 1837 = *Brenton E. P.* The Bible and Spade; Or, Captain Brenton's Account of the Children's Friend Society, Etc. London, 1837. 142 p.

Brenton 1831 = *Brenton E. P.* Emigration. To the Right Hon. R.W. Horton // The Times. 1831. January 22.

Dilke 1890 = *Dilke C. W.* Problems of Greater Britain. London, 1890. Vol. 1. 596 p.

Fairbridge 1928 = *Fairbridge K. O.* The Autobiography of Kingsley Fairbridge. Oxfod, 1928. 188 p.

Glynn 1982 = *Glynn D.* "Exporting Outcast London": Assisted Emigration to Canada, 1886–1914 // Histoire Sociale. Social History. 1982. Vol. 15. No. 29. P. 209–238.

Hadley 1990 = *Hadley E.* Natives in a Strange Land // Victorian Studies. 1990. Vol. 33, No. 3. P. 411–439.

Prince of Wales 1934 = His Royal Highness the *Prince of Wales*. Farm schools for the Empire // The Times. 1934. June 21.

Children's Friend Society 1839 = Children's Friend Society // The Times. 1839. April 5.

Marks, Trapido 1979 = *Marks Sh., Trapido S.* Lord Milner and the South African State // History Workshop. 1979. Vol. 8. P. 53–55.

Police 1839 = Police // The Times. 1839. April 5.

Rye 1869 = *Rye M. S.* Our Gutter Children // The Times. 1869. March 29.

Society 1834 = Society for the Suppression of Juvenile Vagrancy // The Times. 1834. May 5.

Shaftesbury 1868 = Speeches of the Earl of *Shaftesbury*, K. G. Upon Subjects Having Relation Chiefly to the Claims and Interests of the Labouring Class. London, 1868. 438 p.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ XIX ВЕКА: ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Михаил Валентинович Жолудов

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0003-2377-5565
РИНЦ AuthorID: 322282

Аффилиация:

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Электронная почта:
mikhailzhol@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности развития Либеральной партии Великобритании в XIX в. В своем развитии она преодолела несколько этапов, каждый из которых обнаруживал тесную связь с общеисторическими изменениями в Великобритании. В работе утверждается, что способность правящей элиты страны вовремя перейти к политике либеральных преобразований позволила ей преодолеть серьезный социально-политический кризис и спасти Великобританию от революции. Особое внимание уделено исследованию влияния парламентской реформы 1832 г. на формирование структуры партии. Заслугой либералов было то, что они сумели адаптировать плавным, эволюционно-реформистским путем, не затрагивая самих основ общественного порядка, государственно-правовые институты Великобритании к новым историческим условиям, возникшим в результате промышленного переворота. Используя гибкие компромиссные методы управления и проведения социальной политики в отношениях как с землевладельческой аристократией, так и со средними и низшими слоями британского общества, либералы смогли поддерживать достаточно высокую стабильность общества, сглаживать социальные конфликты, столь частые в других странах Западной Европы XIX в. Автор подчеркивает, что к концу XIX в. британским либералам удалось создать массовую политическую партию современного типа.

Ключевые слова: история Великобритании, XIX век, Либеральная партия Великобритании, парламентская реформа 1832 года, виги, радикалы.

Для цитирования:
Жолудов М. В. Либеральная партия в политической системе Великобритании XIX века: формы и особенности развития // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 280–296. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.020

THE LIBERAL PARTY IN THE POLITICAL SYSTEM OF GREAT BRITAIN IN THE XIXth CENTURY: FORMS AND FEATURES OF DEVELOPMENT

Mikhail V. Zholudov

About the author:

PhD in History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0003-2377-5565
РИНЦ AuthorID: 322282

The article examines the features of the development of the Liberal Party of Great Britain in the XIXth century. In its development, the Liberal Party was going through several stages, each of which revealed a close connection with general historical changes in Great Britain. The paper argues that the ability of the country's ruling elite to switch to a policy of liberal transformations in time allowed it to overcome a serious socio-political crisis and save Great Britain from revolution. Particular attention is paid to the

Affiliation:

Ryazan State University
named after S. A. Yesenin

Email:
mikhailzhol@yandex.ru

study of the influence of the parliamentary reform of 1832 on the formation of the party structure. The merit of the liberals was that they were able to adapt in a smooth, evolutionary-reformist way, without affecting the very foundations of public order, the state-legal institutions of Great Britain to the new historical conditions that arose as a result of the industrial revolution. Using flexible compromise methods of management and social policy in relations both with the landowning aristocracy and with the middle and lower strata of the British society, the liberals managed to maintain a fairly high stability of society, smooth out social conflicts that are so frequent in other countries of Western Europe of the XIXth century. The author emphasizes that by the end of the XIXth century, the British liberals managed to create a mass political party of the modern type.

Keywords: history of Great Britain, XIX century, Liberal Party of Great Britain, parliamentary reform of 1832, Whigs, radicals.

For citation:
Zholudov M. V. The Liberal Party in the Political System of the Great Britain in the XIXth Century: Forms and Features of Development // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 280–296. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.020

Либеральной партия Великобритании сыграла важнейшую роль в становлении современной партийно-политической картины мира, став примером для многих политических организаций, проповедующих либеральные доктрины. Поэтому историков не перестают волновать проблемы зарождения и развития этой партии в начальный период ее существования. Процесс становления либеральной партии шел в условиях противостояния различных социально-политических сил страны в годы завершения промышленного переворота в Великобритании в середине XIX в. Именно в этот период в общественной жизни страны появляется либеральная политическая структура, которая помогло правящим кругам противопоставить революции и насилию реформу и относительную стабильность. Это стало одним из главных факторов, позволившим Великобритании избежать мощных революционных потрясений, поразивших крупнейшие страны Европы в XIX в.

Либералы сыграли значительную роль в трансформации британской двухпартийной системы. Об этом свидетельствует тот факт, что, начиная с 30-х гг. и до середины 80-х гг. XIX в. они доминировали в политической жизни Великобритании. В течение 55 лет, с 1930 до 1885 г., в стране сменились десять либеральных кабинетов, которые находились у власти 41 год, и шесть консервативных правительств, бывших у власти только 14 лет. При этом консерваторы сохраняли за собой власть в значительной мере ценой проведения политики, которая по существу являлась завершением политической линии либералов, как, например, отмена «хлебных законов» (1846) или вто-

рой билль об избирательной реформе (1867). Заслугой либералов было то, что они сумели адаптировать плавным, эволюционно-реформистским путем, не затрагивая самих основ общественного порядка, государственно-правовые институты Великобритании к новым историческим условиям, возникшим в результате промышленного переворота. Используя гибкие компромиссные методы управления и проведения социальной политики в отношениях как с землевладельческой аристократией, так и со средними и низшими слоями британского общества, либералы смогли поддерживать достаточно высокую стабильность общества, сглаживать социальные конфликты, столь частые в то время в других странах Западной Европы.

Промышленный переворот вызвал резкое изменение социальной структуры в Великобритании первой половины XIX в., став фактически социально-экономической основой процесса зарождения либеральной партии Великобритании. Быстрое развитие машинного производства, рост городов и расширение мелкого и среднего предпринимательства повлекли за собой ускорение процесса формирования буржуазных, так называемых средних, слоев британского общества, включавших в себя широкие собственнические круги и городскую интеллигенцию. Одним из главных социальных результатов промышленной революции стало укрепление экономических позиций и обогащение промышленной буржуазии. Миллионные состояния предпринимателей в эти годы не были уже редкостью. Состояние семьи Р. Аркрайта, который начал свое прядильное дело еще в конце XVIII в. с нескольких станков, в 1843 г. оценивалось более чем в 1 млн ф. ст. По официальным данным британской статистики, в 1833 г. 29 семей получили наследство на сумму более чем 4820 млн ф. ст. Общая сумма таких состояний за 40 лет, с 1797 по 1837 г., возросла с 28 до 1015 млн ф. ст.[1] Этот прирост в значительной степени относился к промышленной буржуазии, которая постепенно начинала претендовать на ведущую роль в экономической жизни страны, оттесняя крупных землевладельцев, торговцев и финансистов.

Стремительное обогащение буржуазии привело к сближению образа жизни и социальных приоритетов промышленников и земельной аристократии. Крупные промышленники, обладая солидным капиталом, покупали землю и титулы, вливаясь таким образом в ряды земельной аристократии. В свою очередь многие крупные землевладельцы стали усиленно заниматься капиталистическим предпринимательством, как, например, один из наиболее радикальных лидеров вигов лорд Дарем, происходивший из старинной аристократической семьи, члены которой традиционно поддержи-

[1] Ерофеев 1981, 139.

вали вигов. На землях, принадлежавших семье лорда, были богатые месторождения каменного угля, разработка которых активно велась наемной рабочей силой.

На рубеже XVIII и XIX вв. в составе земельной аристократии постоянно появлялись новые люди, назначавшиеся пэрами и получавшие от правительства и короля земли за успехи в развитии промышленности и торговли, а также за военные заслуги. В конце XVIII в. премьер-министр У. Питт-младший значительно увеличил численность пэров, за что подвергся сокрушительной критике со стороны аристократов. Б. Дизраэли позже писал, что У. Питт-младший создал «плебейскую аристократию и смешал ее с патрицианской олигархией... Он [У. Питт-младший] нашел их [плебейских аристократов] в аллеях Ломбард-Стрит и вытащил из контор Корнхилла [Ломбард-Стрит и Корнхилл – улицы в лондонском Сити, где располагались конторы ведущих банков и торговых компаний Великобритании]»[2]. Некоторые неофиты, такие как Роберт Смит (лорд Каррингтон) и Питер Теллусон (лорд Рендлшем), получив почетные титулы, прекратили активную предпринимательскую деятельность и приобрели земли. Вышеуказанные процессы закладывали прочную основу для будущего либерального компромисса между вигской частью аристократии и промышленниками.

Однако, несмотря на заметное сближение социальных позиций этих общественных сил, в конце XVIII – начале XIX в. в социально-политической жизни Великобритании доминировал объективный процесс размежевания интересов промышленной буржуазии и земельной аристократии. Причинами этого явления были: введение У. Питтом-младшим в конце XVIII в. подоходного налога, который вызвал в предпринимательских кругах серьезное недовольство; дополнительные налоги, введенные в период наполеоновских войн, которые тяжелым бременем легли в основном на низшие и средние слои общества; борьба за парламентскую реформу, в результате которой сформировались политические требования буржуазии. В этих условиях промышленники начали осознавать свои собственные интересы, отделяя их от интересов других собственнических слоев Великобритании.

Возрастающую роль буржуазии в общественно-политической жизни Великобритании заметили лидеры партии вигов. В 1812 г. впервые виги повернулись лицом к буржуазии, обратившись к ней за поддержкой в проведении ряда намечавшихся второстепенных реформ. Налаживанием контактов с буржуазными кругами занимался Г. Брум, работавший в парламентской комиссии по изучению положения дел в промышленности. Симпатии

[2] Thompson 1963, 9.

к предприимчивым промышленникам этот виднейший вигский политический деятель сохранил надолго, став ревностным защитником интересов британской промышленной буржуазии в вигской, а затем и либеральной партии. Один из лидеров вигов лорд Грей был вынужден апеллировать к «средним классам, которые составляют действительную и реальную часть общественного мнения, без которого влияние джентри ничего не стоит»[3]. Такие же высказывания были характерны и для других руководителей партии вигов.

Однако экономически окрепшая британская буржуазия далеко не сразу была допущена к политической власти, которая в начале XIX в. все еще продолжала осуществляться альянсом землевладельческой аристократии и финансистов. Дело в том, что английские промышленники рассматривали политическую деятельность как привилегию аристократов, имевших для этого необходимое образование, опыт, социальный статус и семейные традиции. Промышленники предоставляли аристократической олигархии монополию управления страной и право замещения государственных должностей в обмен на незначительные уступки. «В целом, – пишет английский историк Дж. Мингей, – она [британская промышленная буржуазия] в это время не была очень заинтересована в политическом представительстве и не ощущала отрицательных последствий существующего положения», поскольку всегда имела возможность изложить свои требования в форме петиций в адрес правительства и парламента, а также через отдельных депутатов. Буржуазия «предпочитала заниматься своими делами и предоставляла управление землевладельцам, имевшим больше свободного времени. В те времена господствовало мнение... что управление страной – прерогатива землевладельцев...»[4].

Но в 1815 г. в Великобритании произошло резкое столкновение интересов буржуазии с интересами землевладельческой аристократии из-за введения торийским правительством так называемых «хлебных законов», устанавливавших высокие протекционистские пошлины на импорт зерна в Великобританию. Это сократило его поступление на внутренний рынок и обеспечило землевладельцам огромные доходы ввиду резкого снижения конкурентоспособности поставщиков иностранного зерна. Значительно выросли цены на хлеб, что тяжело отразилось на материальном положении народа. Возросли цена рабочей силы и стоимость сельскохозяйственного сырья, необходимого для промышленного производства. Таким образом, интересы британских промышленников и народа были принесены в жертву

[3] Briggs 1956, 66.
[4] Mingay 1963, 262–263.

финансовым интересам крупных лендлордов. Введение протекционистских законов вызвало у промышленников бурные протесты и осознание необходимости самостоятельно защищать свои экономические интересы. Возникла острая потребность в создании политической силы в парламенте, стоявшей на страже буржуазной собственности.

Необходимость защиты экономических интересов объективно толкала новые собственнические слои Великобритании к укреплению своих позиций в политической системе страны. Их уже не удовлетворял старый избирательный порядок, отягощенный такими пережитками, как существование «гнилых местечек», патронаж и т. д. Добиться политической власти буржуазные круги могли либо через реформу избирательной системы, либо посредством революции. Первый путь был для них предпочтительнее, так как давал возможность избежать очень вероятной во время революционных потрясений потери собственности, к тому же был также связан с определенными чертами британского национального характера, такими как политическая умеренность и приверженность традиционным конституционно-правовым институтам.

Особенность британской политической жизни в то время заключалась в том, что промышленники не пошли по пути создания отдельной парламентской партии. Не чувствуя себя в достаточной степени политически окрепшими, они предпочли формировать свои партийные структуры в рамках традиционной политики, действуя через «старую» вигскую партию. Таким образом, в 30-х годах XIX в. в Великобритании наметились предпосылки создания либерального буржуазно-аристократического блока. Это было начало становления либерального политического движения, несколько позже оформившегося в либеральную партию. По существу, либерализм стал политическим выражением стремления буржуазных слоев к отстаиванию своих экономических интересов. Борьба за отмену «хлебных законов», требование «свободной торговли» становятся главными направлениями деятельности зарождавшейся партии.

Таким образом, в первой трети XIX в. в связи с серьезными экономическими и социальными изменениями в Великобритании наметилась тенденция к появлению либеральной партии. Особое значение для формирования партийной структуры сыграло распространение либеральных идей в стране. Великобритания по праву считается колыбелью либерализма, который является ведущей современной идейно-политической доктриной Запада. Именно с английской земли либерализм начал свое победное шествие по странам и континентам. Идейные основы либерализма были разработа-

ны выдающимися британскими мыслителями Дж. Локком, А. Смитом, Д. Рикардо, И. Бентамом, Дж. Миллем и др.

На протяжении двух последующих столетий либерализм является самой авторитетной и чаще всего применяемой на практике доктриной. В своем развитии британский либерализм преодолел несколько этапов, каждый из которых обнаруживал тесную связь с общеисторическими изменениями в Великобритании. По справедливому замечанию известного отечественного исследователя В. В. Согрина, наиболее активное обновление либерализма, смена его доктрин и программ происходили в период обострения взаимоотношений между классами, социально-политической напряженности[5]. Одним из таких периодов была первая половина XIX в., когда в связи с завершением промышленной революции начался рост политических амбиций промышленной буржуазии и рабочего класса, выразившийся в оформлении ряда социально-политических движений (движения в поддержку проведения парламентской реформы, за отмену «хлебных законов» и, наконец, чартизм). В эти годы Великобритания не раз оказывалась на грани революционного взрыва, потрясшего, кстати, именно в это время многие европейские страны. И лишь способность правящей элиты страны вовремя перейти к политике либеральных преобразований позволила ей преодолеть серьезный кризис, стабилизировать ситуацию в государстве, а у простых англичан появилась реальная возможность увидеть результаты практического применения либеральных концепций. Поэтому можно согласиться с утверждением В. В. Согрина: «Поистине середина XIX в. ознаменовалась триумфом буржуазного либерализма»[6].

Социальной основой реформаторского, либерального движения стали средние классы страны. Однако они сумели заручиться поддержкой других групп населения, для которых по разным причинам была привлекательна идея парламентской реформы. Поэтому либеральное движение было представлено весьма широким спектром социальных сил: от части аристократии (в основном вигской) до части рабочего класса. Либерализм стал олицетворением умеренных реформаторских устремлений различных слоев британского общества, надеявшихся с помощью парламентской реформы улучшить свое материальное и политическое положение. Социальная разнородность либерального движения, в конечном итоге определила коалиционный характер Либеральной партии Великобритании и весьма длительный период ее формирования (30–70-е гг. XIX в.).

[5] Согрин 1996, 28.
[6] Там же, 37.

В первой XIX в. менялся характер партии вигов. В прошлое уходил образ «старого вигизма»: образованного, богатого и замкнутого политического клана аристократии. Постепенно усиливалось левое крыло партии за счет менее родовитых, но блестящих политиков вроде Г. Брума и С. Ромилли. Среди левых вигов было много сторонников проведения умеренной парламентской реформы, суть которой заключалась в ликвидации наиболее одиозных «гнилых местечек» (т. е. фактически обезлюдевших избирательных округов) и предоставлении депутатских мест в парламенте представителям крупных индустриальных городов и промышленных графств. В октябре 1829 г. близкий к левым вигам журнал «Эдинборо ревью» опубликовал программную статью, в которой излагались основные пункты предполагаемой реформы. По мнению анонимного автора статьи (а им предположительно был Г. Брум), британский парламент необходимо реформировать, чтобы он отражал «интересы средних классов» и тем самым положил конец «любым преимуществам для каких-либо форм собственности»[7].

В середине 1830 г. виги окончательно поддержали либеральную идею проведения парламентской реформы. Таким образом, они становились политическими представителями средних классов Великобритании, пока последние не приобрели достаточного парламентского опыта. Многие из вигов сами были вовлечены в предпринимательскую деятельность (Дарем, Фицуильям и др.). Они проявляли способности в политике компромисса и уступок, справедливо полагая, что их собственная безопасность и сохранение их собственности, а также политическая стабильность зависят от немедленного проведения реформ. Они старались не допускать преобладания радикальных настроений в реформаторском движении и соблюдать преемственность в развитии британских конституционно-правовых учреждений. К тому же, находясь в оппозиции, виги хотели использовать движение за парламентскую реформу для возвращения к власти. Подъем массового народного движения за реформу и активная деятельность радикальных политических союзов заставили лидеров вигов включить вопрос о реформе в свою программу. Они считали, что лучше возглавить борьбу за парламентскую реформу, нежели ждать, пока движение «снизу» даст непредвиденные результаты.

Серьезное влияние на процесс либерализации вигов оказало революционное движение в Европе, особенно Июльская революция 1830 г. во Франции. Французская революция произвела сильное впечатление на англичан, вызвав восторг простого народа и тревогу среди консервативной

[7] Edinburgh Review 1829, 125.

аристократии и торийского правительства. Особое значение имело то, что известия о событиях в Париже достигли Англии в дни, когда там поднималось мощное демократическое движение за принятие парламентской реформы. Тори в своих выступлениях в парламенте отмечали «зловредное» влияние французской революции, которое, как «эпидемия», распространилось по всей Европе и достигло берегов Великобритании. Они усматривали в этом влиянии одну из главных причин размаха народных выступлений в поддержку парламентской реформы.

Лидеры вигов приветствовали французскую революцию, отмечая умеренность и законность этих событий. Глава вигской фракции в палате лордов парламента граф Грей, узнав о революции, по словам жены российского посла в Лондоне Д. Х. Ливен, пережил «чисто юношеский восторг». Грей заявил ей в личной беседе, что не надеялся дожить до такого «счастливого события» и теперь приложит все усилия, чтобы правительство герцога Орлеанского было немедленно признано[8]. Очень высоко оценивал французскую революцию 1830 г. и Г. Брум: «Со времени французской революции [революция конца XVIII в.], за исключением, пожалуй, разгрома Наполеона в России и краха его невиданного могущества, ни одно из событий на континенте несравнимо с недавними событиями в Париже»[9].

События в Париже ускорили осознание верхушкой вигской партии необходимости проведения умеренных реформ политической системы во избежание революционных потрясений. Призрак якобинского экстремизма подтолкнул осторожных и аристократических вигов к переходу на более радикальные позиции, что выразилось в ускорении принятия ими лозунга парламентской реформы. Опираясь на британское общественное мнение, виги использовали «французский пример» как эффективное средство давления на противников парламентской реформы в Великобритании.

В августе 1830 г. сторонники реформы побеждают на парламентских выборах, а в ноябре они уже формируют свое правительство во главе с лордом Греем. Однако это уже не был чисто вигский кабинет министров. Это было коалиционное либеральное правительство, в которое помимо вигов вошли каннингиты (сторонники лидера «либеральных тори» Дж. Каннинга) и умеренные радикалы и которое своей главной целью поставило проведение парламентской реформы. По существу, тем самым было положено начало формированию Либеральной партии Великобритании. В июне 1832 г. после тяжелейших политических баталий цель коалиции была достигнута – Великий билль о реформе был принят.

[8] Ливен 1903, 691.
[9] Edinburgh Review 1830, 1.

После принятия закона о парламентской реформе двухпартийная система Великобритании вступила в качественно новый период своего развития. Это было связано с политическими последствиями билля: ликвидацией большого числа «гнилых местечек», перераспределением депутатских мест в парламенте в пользу крупных промышленных городов и графств, некоторым расширением избирательных прав средних классов. Новые политические реалии диктовали необходимость поиска новых методов и форм борьбы за власть, учитывающих усиление роли электората, палаты общин и общественного мнения.

В 30–50-х годах XIX в. либеральная партия еще очень мало походила на современные политические партии. У нее отсутствовали самые элементарные по нынешним понятиям атрибуты политической партии: не было программы и устава, не было фиксированного членства, не проводились регулярные конференции или съезды. У нее не было даже общепризнанного официального лидера. Тем не менее термин «партия» постоянно был в обращении (особенно после 1832 г.) у тогдашних политиков и публицистов, если им необходимо было обозначить разнородную, но в то же время взаимосвязанную группировку реформаторов в палате общин. Правда, сама эта партия называла себя в те времена по-разному: «либеральной», «вигской», «умеренной», «конституционалистской», «радикальной», «передовой» и тому подобное[10].

Собственно, политический термин «либерал» появился в Великобритании в 20-е гг. XIX в., чтобы выделять тех членов вигской партии, которые выступали за более радикальные реформы, чем другие виги. Название «либерал» появилось в английском политическом обиходе по аналогии с наименованием уже существовавших группировок французских и испанских либералов. Противники левого крыла вигской партии использовали этот термин в оскорбительном смысле, часто в испанской или французской транскрипции, чтобы подчеркнуть якобы иностранное, небританское происхождение либеральных идей. Однако сторонники реформ стали носить это прозвище с гордостью, явно подразумевая под ним значение «реформатор». Во второй половине 20-х гг. термин «либерал» перешел в постоянное употребление, но еще не в качестве официального названия партии или группировки. Так, в 1825 г. торийский публицист Хейзлитт назвал поэта Дж. Г. Байрона «либералом в политике», подразумевая радикальные настроения этого сторонника вигской партии.

[10] Southgate 1962, 39.

Когда в 1830–1832 гг. в парламенте сформировалась либеральная реформаторская коалиция, то возникла необходимость найти общее название для этих политических сил, имевших общие цели, но не признававших в качестве общего названия наименование любой из этих группировок. Наиболее удачным оказалось название «либералы», вполне отражавшее общие реформаторские устремления этих группировок. Хотя после принятия парламентской реформы в 1832 г. в довольно неустойчивой либеральной коалиции усилились разногласия, политическое единство все же сохранилось. Один из лидеров коалиции лорд Рассел был, пожалуй, первым, кто использовал официально новое название партии. С 1839 г. в своих ежедневных письмах к королеве Виктории он постоянно употреблял термин «либеральная партия».

В 30–50-х гг. XIX в. термины «виг» и «либерал» существовали параллельно в парламентских дебатах, прессе, политической переписке. «Либерал» не был простым синонимом «вига», как это случалось с понятиями «консерватор» и «тори». Либеральная партия Великобритании того времени представляла собой парламентскую коалицию, одним из главных компонентов которой являлась аристократическая группировка вигов.

Вигское крыло доминировало в либеральной партии на протяжении 30–50-х гг. XIX в. Либеральные правительства почти целиком состояли из вигов. Лидерами либералов в палате общин и палате лордов были также виги. Виги были сильны своей сплоченностью и клановостью. Это была партийная группировка кланового типа. Вигские семьи поддерживали друг с другом традиционные, насчитывающие не одно столетие связи; выбирали себе жен и мужей из узкого круга претендентов. Один из ведущих апологетов вигизма сэр Ф. Бэринг в работе «Первый лорд Нортбрук» (1840) так определил суть этого явления: «Вигизм означает существование группы людей, связанных между собой знатностью и богатством, сплоченных родственными чувствами, так же как и высокой нравственностью; виги в трудные времена поддерживают священный огонь свободы, а когда народ восстает, то идут вместе с народом, но не до крайностей. Виг подобен поэту, им нельзя стать, им надо родиться. Вигом стать так же сложно, как стать евреем»[11]. Закон о реформе 1832 г. фактически уничтожил «старую» вигскую партию. Лорд Рассел писал в 1839 г.: «Я всегда считал, что вигская партия как партия будет уничтожена биллем о реформе»[12]. Так оно и вышло. Но, с другой стороны, билль дал вигам шанс на выживание в новых условиях.

[11] Beattie (ed.) 1970, 97.
[12] Gash 1965, 157.

У либеральной партии отсутствовала какая-либо написанная программа. В этом она значительно уступала консервативному лагерю, так как уже в 1834 г. лидер консерваторов Р. Пиль выступил с общенациональным избирательным манифестом, так называемым Тамвортским манифестом. Либералы не последовали примеру своих политических оппонентов, так как представляли собой коалицию и им чрезвычайно сложно было выработать единый программный документ, который удовлетворил бы интересам всех сторон. Первая либеральная программа была представлена У. Гладстоном лишь в январе 1874 г. До этого времени либералы использовали вместо стройной программы целый набор политических лозунгов, наиболее популярными из которых были следующие: «Реформа», «Сохранение мира», «Сокращение государственных расходов», «Свободная торговля», «Веротерпимость» и т. д.

Коалиционный характер либеральной партии определил отсутствие общепризнанного лидера партии. По мнению многих современников, наиболее приемлемым кандидатом на роль лидера либеральной партии был лорд Олторп. Он был популярен среди различных слоев британского общества и среди всех политических сил, входивших в либеральную коалицию, обладал политическим тактом, был лишен социальных предрассудков, имел интересные идеи в вопросах о подоходном налоге и «хлебных законах». Но у лорда Олторпа было два необычных для политика изъяна: отсутствие политических амбиций и нежелание работать в правительстве.

После принятия нового избирательного закона в Великобритании заметно ускорился процесс создания местных партийных организаций. В Акте 1832 г. содержалось положение о регистрации избирателей – сторонников той или иной партии. Предусматривалась ежегодная регистрация избирателей и уплата ими определенной суммы денег при внесении в избирательные списки. Уже в том же 1832 г. появились первые регистрационные общества: у либералов – Рочдейльская ассоциация реформ, у консерваторов – Ливерпульская консервативная ассоциация. Важность появления нового элемента политической системы прекрасно понимали лидеры либералов. Дарем в одном из своих публичных выступлений в 1834 г. отмечал: «Первейшим делом для нас сейчас является создание и оформление политических ассоциаций в каждом городе и каждом селении империи. Если они появятся, то нас никогда вновь не предадут ни безумные тори, ни робкие виги»[13]. Партийные регистрационные общества проводили регулярные собрания, встречи с депутатами парламента, организовывали по подписке сбор

[13] Jennings 1961, 91.

средств на нужды партии. Каждое общество имело секретаря и казначея. Но их главными задачами все-таки были подготовка и проведение выборов. Они занимались подбором кандидатов, оказанием материальной поддержки кандидатам, участвовали в регистрации избирателей. Однако сеть локальных партийных организаций развивалась очень медленно. Одной из главных причин такой ситуации являлось то, что в большинстве избирательных округов выборы членов парламента были безальтернативными. Борьба между кандидатами была редким явлением вплоть до середины 80-х гг. XIX в.

После 1832 г. либеральное правительство лорда Грея проводило в основном умеренно-консервативную политику, мало отличавшуюся от той, которой бы на его месте придерживался торийский кабинет. Сам Грей писал об этом следующим образом: «Мы старались проводить эти мероприятия по реформе, строго следуя консервативным принципам, желая прикрыть слабые стороны правительства и оградить его от нападок противников»[14]. Лишь один вопрос радикального характера был вынесен правительством на рассмотрение палаты общин – вопрос о реформе ирландской церкви. И этот вопрос впервые расколол либеральное большинство палаты общин на «старых» вигов и тех, кто к ним примкнул в начале 30-х гг.

Некоторые из «старых» вигов были напуганы стремлением радикалов к дальнейшей демократизации избирательной системы страны. Они рассматривали реформу 1832 г. как окончательную меру и больше не желали никаких изменений. В 1834 г. по этой причине Стенли и Грэм, влиятельные виги и члены кабинета лорда Грея, вышли из состава правительства, посчитав его деятельность излишне радикальной. Грэм в письме Гренвиллу следующим образом объяснял свой поступок: «Я стал представителем моего родного графства как член старой вигской партии, связав себя обещаниями поддержать парламентскую реформу, но я остался явным сторонником протестантской церкви и противником тайного голосования, коротких парламентов и всех тех лозунгов, с помощью которых нападают на королевскую и аристократическую власть. Не следует удивляться моему выходу из партии вигов. Они [виги] сохранили имя, но, как мне кажется, изменили своим принципам. Я же сохранил свои принципы, но равнодушен к имени»[15]. Однако далеко не все «старые» виги отвернулись от либерального правительства. Большинство продолжало его поддерживать. Очевидно, что это произошло из-за сильно развитого у вигов чувства клановости и исторической традиции антиторизма.

[14] Gash 1965,158.
[15] Ibid., 159.

Выход из партии Стенли, Грэма и их сторонников, с одной стороны, стимулировал развитие правительственного кризиса, который повлек за собой отставку кабинета лорда Грея и приход к власти консервативного правительства. Но, с другой стороны, уход ряда правых вигов укрепил либеральную коалицию, сделав ее более гибкой и открытой по отношению к радикалам.

В сложных условиях политического кризиса 1834 г. либеральной коалиции удалось сохранить единство. Уже в феврале 1835 г. в Личфилд-хаус по инициативе Дж. Рассела было проведено совещание представителей оппозиционных группировок (вигов, английских и ирландских радикалов). Совещание, целью которого являлась выработка плана совместных действий по низложению правительства консерваторов, продемонстрировало сплоченность либеральной коалиции и способствовало возвращению либералов к власти в том же 1835 г., хотя не обошлось без конфликтов. Так, некоторые «старые» виги (например, Грей и Ланздаун) возражали против участия в соглашении такой одиозной, на их взгляд, фигуры, как лидер ирландских радикалов-рипилеров Д. О'Коннел[16]. Однако, как показало время, О'Коннел проявил себя преданным союзником. По справедливому замечанию Н. Гэша, личфилдское соглашение создало прочную основу для оформления «реальной» либеральной партии[17].

Таким образом, к середине XIX в. определилась особая тенденция в процессе формирования Либеральной партии Великобритании, выразившаяся в сглаживании крайностей во взглядах различных группировок либеральной коалиции и переходе, как правых вигов, так и левых радикалов на более умеренные, центристские позиции. Это явление отметил журнал «Вестминстер ревью»: в результате парламентских выборов 1837 г. в палате общин уменьшилось количество как «чистых» вигов, так и крайне левых радикалов, одновременно увеличилось число умеренных радикалов, которые составляли большинство партии реформаторов. По мнению журнала, эти люди представляли средние и высшие круги британского общества, поддерживали идею сохранения в Великобритании конституционной монархии, палаты лордов и палаты общин, выступали против всеобщего избирательного права. Многие из них были приверженцами государственной англиканской церкви, но видели необходимость проведения умеренной церковной реформы и призывали к веротерпимости. Эти люди настаивали на введении принципа тайного голосования в избирательную систему страны, сокращения срока деятельности парламента, ликвидации или объединения

[16] Рипилеры – ирландские сторонники расторжения англо-ирландской унии 1800 г.
[17] Gash 1965, 171.

небольших избирательных округов, отмене «хлебных законов» и проведении радикальной реформы ирландской церкви. «Вот такие мнения в основном преобладали среди новых членов палаты общин, – констатировал автор статьи в «Вестминстер ревью», – и эти люди выражали наиболее общие тенденции в реформаторских настроениях»[18].

В 1861 г. была создана Либеральная ассоциация по регистрации, взявшая на себя поддержку местных объединений. Это был серьезный шаг по пути создания национальной либеральной партии, так как ранее регистрационные ассоциации представляли собой временные объединения избирателей и создавались лишь на период предвыборной кампании и самих выборов.

Парламентская реформа 1867 г. значительно расширила избирательный корпус страны, что потребовало изменения форм и методов партийной работы на местах. Старая система временных регистрационных ассоциаций стала уже неэффективной. Возникла потребность в создании постоянно действующих партийных организаций в избирательных округах для ведения действенной партийной пропаганды. Пионерами в реорганизации партийной системы стали либералы Бирмингема. Их лидер – известный предприниматель и политик Джозеф Чемберлен – к парламентским выборам 1868 г. создал постоянные местные отделения партии во всех приходах города (приход – низшая административная единица города). Во главе местной партийной организации стоял избираемый комитет, созданный с целью повышения ответственности за проведение избирательной компании и предвыборной агитации. Городской комитет руководил всей деятельностью партии в городе. Бирмингемская организация либералов не исчезла после окончания избирательной кампании, а продолжила свою деятельность и в периоды между выборами. Новая система придала либералам в Бирмингеме огромную силу и организованность, что позволило им с большим преимуществом выиграть уже выборы 1868 г. Вскоре по «бирмингемскому образцу» были созданы локальные партийные организации либералов в других городах Великобритании[19].

В 1877 г. в Лондоне была создана Национальная либеральная ассоциация, которая объединила локальные организации либералов. Таким образом, реорганизация либеральной партии на местах была доведена до конца в общенациональном масштабе и была образована постоянно действующая, строго централизованная партийная система.

[18] Gash 1965, 169.
[19] Жолудов 2021, 117.

Новая партийная система оказалась чрезвычайно эффективной. Она помогла либералам доминировать на британской политической арене вплоть до конца XIX в. Вскоре ее переняли и консерваторы. По существу, британские либералы в конце 60–70-х г. XIX в. создали такую партийную систему, которая в своих основных чертах существует в развитых демократических государствах до сих пор.

На наш взгляд, образование Либеральной партии Великобритании следует рассматривать как неединовременный, постепенный, прошедший несколько этапов, процесс консолидации политических сил английских предпринимательских кругов, средних городских слоев и части землевладельческой аристократии в период примерно с 1830 г. (создание первой парламентской коалиции) и до 60–70-х гг. XIX в. В 1861 г. была создана Либеральная ассоциация по регистрации. Процесс формирования партии был завершен основанием в 1877 г. Национальной федерации либеральных ассоциаций.

Литература / References

Ерофеев 1981 = *Ерофеев Н. А.* Промышленная революция в Англии и идея классов // История социалистических учений. М., 1981. С. 134–158.

Erofeev N. A. Promyshlennaya revolyutsiya v Anglii i ideya klassov [The Industrial Revolution in England and the Idea of Classes] // Istoriya sotsialisticheskih ucheniy [History of Socialist Doctrines]. Moscow, 1981. P. 134–158.

Жолудов 2021 = *Жолудов М. В.* Особенности развития двухпартийной системы Великобритании в XIX в. // Исследования зарубежной истории. 2021. Вып. 2. С. 110–118. **DOI:** 10.55000/MCU.2021. 22.66.016

Zholudov M. V. Osobennosti razvitiya dvuhpartiynoy sistemy Velikobritanii v XIX v. [Features of the Development of the Two-party System of Great Britain in the XIX Century] // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2021. Vol. 2. P. 110–118. **DOI:** 10.55000/MCU.2021.22.66.016

Ливен 1903 = Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. СПб., 1903. Т. 114. Кн. 6. С. 673–696.

Knyaginya Liven i ee perepiska s raznymi litsami [Princess Lieven and Her Correspondence with Various Persons] // Russkaya starina [Russian Antiquity]. St. Petersburg, 1903. Vol. 114. Book 6. P. 673–696.

Согрин 1996 = *Согрин В. В.* Британский либерализм: этапы развития и течения // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 28–42.

Sogrin V. V. Britanskiy liberalizm: etapy razvitiya i techeniya [British liberalism: Stages of Development and Trends] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 1996. No. 4. P. 28–42.

Briggs 1956 = *Briggs A.* Middle Class Consciousness in English Politics, 1780–1846 // Past and Present. 1956. No. 9. P. 65–74.

Edinburgh Review 1829 = Edinburgh Review. 1829. Vol. 50. No. 100. P. 120–135.

Edinburgh Review 1830 = Edinburgh Review. 1830. Vol. 52. No. 103. P. 1–12.

Beattie (ed.) 1970 = English Party Politics. Vol. I. 1600–1906 / Ed. by *A. Beattie*. London, 1970. 462 p.

Gash 1965 = *Gash N.* Reaction and Reconstruction in English Politics. 1832–1852. Oxford, 1965. 378 p.

Jennings 1961 = *Jennings W. I.* Party Politics. Vol. 2 The Growth of Parties. Cambridge, 1961. 336 p.

Mingay 1963 = *Mingay G. E.* English Landed Society in the Eighteenth Century. London, 1963. 417 p.

Southgate 1962 = *Southgate D.* The Passing of the Whigs. 1832–1886. London, 1962. 455 p.

Thompson 1963 = *Thompson F. M. L.* English Landed Society in the Nineteenth Century. London, 1963. 380 p.

ЛОНДОН В СОЧИНЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Екатерина Олеговна Науменкова

Об авторе:

кандидат исторических наук

ORCID: 0000-0002-5692-5913
РИНЦ AuthorID: 1018954

Аффилиация:

Военно-космическая академия
имени А. Ф. Можайского

Электронная почта:
enaumenkova@yandex.ru

Статья посвящена репрезентациям Лондона и ее жителей в травелогах, дневниках, мемуарах, брошюрах, отчетах русских путешественников второй половины XIX в. Благоприятные условия для путешествия за границу появились с вступлением на престол Александра II и началом «оттепели». Определенная часть российского общества открыто восхищалась Англией и считала ее своеобразным идеалом, с которого России стоит брать пример в модернизации страны. К примеру, князь Мещерский был отправлен в Лондон изучить полицейскую систему Британии. Интересны очерки М. И. Зарудного, М. Л. Михайлова, А. Забелина. Особый интерес представляют заметки в записной книжке путешественника Н. П. Кравченко, бывшего в Лондоне проездом. Следует обратить внимание на литературно обработанные впечатления русского писателя И. А. Гончарова. По облику столицы путешественники формировали образ нации и государства. Русских современников восхищала архитектура, технические новинки, разнообразие музеев, парков, развитие общественного транспорта, огромный выбор гостиниц и заведений питания, что говорило об удобстве и комфорте городской жизни. Несмотря на все перечисленное, отечественные путешественники не полюбили Лондон. Отчасти это объяснялось пасмурной погодой, шумным городским движением, обилием мошенников и очень высокими ценами, особенно для русских туристов. Искреннее изумление вызывала нищета части населения «мастерской мира». Поэтому, несмотря на англоманию, распространенную в России, столица Британии не стала для них «своей», подобно Парижу или Берлину, в которые хотелось бы вернуться.

Ключевые слова: Великобритания, Англия, Лондон, англичане, русские путешественники, имагология, вторая половина XIX в.

Для цитирования:

Науменкова Е. О. Лондон в сочинениях российских путешественников второй половины XIX в. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 297–311. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.021

LONDON IN THE RUSSIAN TRAVELERS' WRITINGS OF THE SECOND HALF OF THE XIXth CENTURY

Ekaterina O. Naumenkova

About the author:

PhD in History

ORCID: 0000-0002-5692-5913
РИНЦ AuthorID: 1018954

Affiliation:

A. F. Mozhaisky Military Space Academy

Email:
enaumenkova@yandex.ru

The article is devoted to the representations of London and its inhabitants in travelogues, diaries, memoirs, pamphlets, reports of Russian travelers of the second half of the XIXth century. Favorable conditions for traveling abroad appeared with the accession to the throne of Alexander II and the beginning of the "thaw". A certain part of Russian society openly admired England and considered it a kind of ideal which Russia should take an example of in the modernization of the country. For example, Prince Meshchersky was sent to London to study the British police system. The essays of M. I. Zarudny, M. L. Mikhailov, A. Zabelin are interesting. Of particular interest are the notes in the notebook of the traveler N. P. Kravchenko, who was passing through London. It is necessary to pay attention to the literary impressions of the Russian writer I. A. Goncharov. By the appearance of the capital did travelers form the image of the nation and the state. Russian contemporaries admired architecture, technical innovations, a variety of museums, parks, the development of public transport, a huge selection of hotels and catering establishments, which allows us to talk about the convenience and comfort of urban life. Despite all of the above said, domestic travelers did not like Long-don. This was partly due to cloudy weather, noisy city traffic, an abundance of scammers and very high prices, especially for Russian tourists. Sincere amazement was caused by the poverty of a part of the population of the "workshop of the world". Therefore, despite the Anglomania being prevalent in Russia, the British capital did not become their own, like Paris or Berlin, to which they would like to return.

Keywords: Great Britain, England, London, the British, Russian travelers, imagology, the second half of the XIXth century.

For citation:
Naumenkova E. O. London in the Russian Travelers' Writings of the Second Half of the XIXth Century // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 297–311. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.021

Во второй половине XIX в. отношения между Россией и Великобританией оставались довольно напряженными. Свежи были воспоминания о Крымской войне, где страны воевали друг против друга. Неспокойно было и в 1870-е годы, когда державы вступили в «Большую игру» – боролись за геополитическое соперничество в Южной и Центральной Азии. Однако, несмотря на внешнеполитические трудности, интерес к политическому, социально-экономическому устройству, особенностям культуры друг друга сохранялся. Определенная часть российского общества открыто восхищалась Англией и считала ее своеобразным идеалом, с которого России стоит брать пример в модернизации страны. Вступление на престол Александра II и начало «оттепели» открывало широкие возможности россиянам выезжать за границу, лично знакомиться с английской жизнью и делиться своими впечатлениями с соотечественниками. Знакомство со страной туристы

начинали с посещения Лондона, пребывание в котором формировало у путешественника образ нации и государства. Какое же впечатление производила столица Великобританией на русских современников?

Прежде всего, Лондон представлялся самым большим, многолюдным и шумным городом в Европе. Отчасти впечатление «громадного муравейника» складывалось из-за бурного лондонского движения. Зарудный так описывает впечатления новичка, попавшего в Лондон: «Кареты, коляски, омнибусы, все это сменяется одно другим с необыкновенной быстротою и шумом, производящим новое и довольно тяжелое впечатление»[1]. Подобное движение вызывало поначалу чувство неуверенности и страха, опасение, что толпа собьёт с ног. Тротуары были просто непроходимы для человека, идущего тихим шагом и глазеющего по сторонам. Медленно ходить было просто невозможно! Приходилось бежать с этой занятой, молчаливой толпой, которая без каких-либо извинений толкала приезжего в бок, в спину и грудь[2]. Литератор Михайлов предполагал, что «надо родиться на этих туманных берегах и с детских лет привыкнуть к этому страшному движению, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости»[3].

Князь Мещерский писал: «На первых порах движение по таким улицам, как Пикадилли или Сити, поразило меня: голова стала кружится, Париж мне показался потом мало населенным и тихеньким городом в сравнении с Лондоном. Десятки рядов экипажей сплошь наполняют улицу. И как будто все время наезжают один на другой; смотришь со страхом: вот-вот сейчас зацепит, разобьет вдребезги; езда при том быстрая, но нигде ни зацепки, и ловкость, с которой проскакивают встречные экипажи один мимо другого, показался мне зрелищем в высшей степени курьезным»[4]. Один из русских путешественников, бывший проездом в Лондоне, в своей записной книжке метко назвал уличное движение: «чудесами Вавилона»[5]. Суета казалось еще суетливее, еще страшнее от серого тумана и чада, нависающего над городом[6]. В то же время, в этом неугомонном движении было что-то сказочно-фантастическое, возможно, как раз из-за тумана и мутного багрового солнца.

[1] Зарудный 1865, 9.
[2] Михайлов 1859.
[3] Там же.
[4] Мещерский 1897.
[5] Кравченко Н. П. Записная книжка. 7 сентября. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. Ед. хр. 1238.
[6] Михайлов 1859.

Движение в Лондоне вт. пол. XIX в.

Омнибус в Лондоне

В зависимости от того, насколько развит общественный транспорт, мы можем делать выводы об удобстве и комфорте городской жизни. Перемещаться по Лондону можно было на небольших пароходах, которыми кишела Темза, в омнибусе, кабриолете, кебе. При этом отмечалось, что большая часть возниц всячески стремились обмануть иностранца, которого узнавали при первом взгляде. Михайлов возмущался: «Вы проехали милю, он [извозчик] станет вас уверять, что вы проехали две, если две – четыре, и так далее, непременно вдвое»[7]. Объяснить произвол извозчика можно довольно просто: иностранцы не знали точных расстояний, и им сложнее было договориться с извозчиком.

В подобные неприятные ситуации, к сожалению, попадали многие наши соотечественники. Дабы избежать обмана, опытные путешественники советовали арендовать экипаж по часам или купить в журнальной лавке

[7] Михайлов 1859.

сравнительные таблицы и планы города с указанием расстояний[8]. В случае грубого обмана путешественник мог потребовать от возницы отвести его в полицейское управление, где дела рассматривались незамедлительно. Однако поскольку все было против иностранного туриста, зачастую дела решались не в его пользу. При этом пассажир должен был заплатить вознице за свою поездку в полицейское управление. Таким образом, приезжему оставалось лишь заранее договариваться с кучером о расстоянии и долго торговаться, перед тем как сесть в кабриолет.

Другой вопрос, который предстояло решить гостю города, был поиск оптимального варианта жилья. И тут Лондон мог предложить приезжему широчайший выбор на любой вкус и кошелек: превосходные отели с высоким прайсом, гостиницы несколько типов и меблированные комнаты. Правда, найти подходящий вариант представителю среднего класса с первого раза было не всегда просто. Незадачливый вояжер и тут мог стать жертвой мошенников, которыми «славилась» Англия.

В подобной ситуации оказался Забелин. Заселяясь в гостиницу, он быстро решил вопрос с хозяином о цене, однако не мог договориться о питании. Хозяин настаивал, чтобы гость питался у него два раза в день. Забелин находил это чрезвычайно неудобным, но в конце концов, поддался на уговоры плутоватого кельнера, обещавшего тут же после еды подавать счет. Однако прошли сутки, вторые, счет не приносили под разными предлогами. Тогда Забелин, подыскав другую гостиницу, решает рассчитаться и съехать. Какого же было его изумление, когда хозяин выставил счет, в который включил съеденное и выпитое в два раза больше! Гостю пришлось заплатить, так как обращение в суд было бы пустой тратой времени, поскольку на его стороне свидетелей не было, а на стороне хозяина была бы вся прислуга. Забелин с недовольством заключил, что таких мошенников он прежде никогда не видел[9], а будущим туристам давал совет: перед поездкой поинтересоваться у знакомых путешественников адресами проверенных гостиниц[10].

Внутренне убранство гостиниц и распорядок зачастую поражали русского, первый раз оказавшегося в Лондоне. По сравнению с комфортабельными французскими и немецкими номерами английские вызывали недоумение аскетичным интерьером. Зачастую в комнате все было устроено так, чтобы в ней можно было только переночевать. Удобств минимум: огромная кровать под балдахином, умывальник, комод и туалет с зеркалом. Около

[8] Забелин 1861, 316; Майский 1867, 379.
[9] Забелин 1861, 318.
[10] Там же, 305.

камина стоял стул, кресло считалось предметом роскоши. Письменный стол и прикроватный столик отсутствовали[11].

Курить в номерах строго запрещалось, для этого были специальные комнаты. Если с этим правилом русские туристы худо-бедно мирились, то правило завтракать в общей гостиной вызывало взрыв негодования. «Мне хочется закусить и напиться кофе, говорят: пожалуйте в другую комнату на 2-м этаже. Это – bedroom – спальня, а там – sitting room – гостиная...»[12]. «Коридорная девушка, если вы скажете ей принести вам кофе, откроет глаза так широко, с таким изумлением воскликнет: Upstairs? Impossible! (Наверх? Не может быть!), что вы разом почувствуете, как неприлично ваше требование»[13]. Только семейному человеку с женой и детьми можно было обедать наверху, но при условии, что он занимает не одну, а две комнаты: спальню и гостиную.

Еще одна особенность гостиниц была в том, что двери в комнату не запирались на замок. Можно было лишь запереть комод или чемодан. И, если некоторым везло – «в мошенническом беспаспортном Лондоне не пропало ни одного медного пени»[14], то другим такое английское новшество не пошло на пользу, ограбления были распространенным явлением. «Нигде нет в гостиницах такого грабежа, как в Англии», – полагал Забелин[15].

При этом с русских всегда и везде брали больше, чем с представителей других национальностей, поскольку считали довольно обеспеченными. «Счета, подававшиеся в гостинице к концу второй недели моего пребывания в Лондоне, опустошили мою казну до такой степени, что я спешил выехать из Лондона как можно скорее», – жаловался весьма обеспеченный князь Мещерский[16]. Однако по сравнению с Москвой или Санкт-Петербургом, Лондон был более дешевым городом. Забелин констатирует: «В наших столицах самая скромная жизнь обходится дороже, чем такая же жизнь во Франции и Англии, с тем только различием, что здесь вы имеете европейские, а у нас азиатские удобства жизни»[17].

Непривычным для русских было и то, что гостиницы закрывались довольно рано, в 11 вечера и незадачливые постояльцы, засидевшиеся допоздна в гостях или увеселительных заведениях, могли просто не попасть в свой номер. В подобной ситуации оказался писатель Островский, которому пришлось до пяти утра бродить по холодным рассветным улицам Лондона.

[11] Михайлов 1859.
[12] Забелин 1861, 305.
[13] Михайлов 1859.
[14] Там же.
[15] Забелин 1861, 305.
[16] Мещерский 1897.
[17] Забелин 1861, 323.

Сфера общественного питания в Лондоне была представлена кофейнями, трактирами, ресторанами, лучшие из которых располагались в Сити и Вестенде. Путеводитель Майского содержал список оптимальных заведений, где цены не высоки, а размеры порций весьма приличные. Однако предупреждал, что «английская кухня, сохранившая еще несколько грубый характер прошлых веков, не будет по вкусу каждому»[18].

Большей популярностью, нежели рестораны, среди русских путешественников пользовались трактиры. Думается, основная причина заключалась в том, чтобы «есть и пить там, где придет случай»[19]. Описания трактиров можно встретить у Гончарова, отмечавшего аскетичность лондонских заведений: «голые, под дуб сделанные или дубовые стены и простые столы». При этом в заведении царила идеальная чистота, «опрятность доведена до роскоши: она превышает необходимость». «Скатерти – ослепительной белизны. Однако салфеток не было, их подавали лишь по настойчивому требованию и то не везде»[20].

Интерес у русского путешественника вызывало устройство трактиров. В каждом из них было две-три отдельные комнаты для представителей разных классов. Теп-рум (Tap-room) – для рабочих, парлор (Parlor) – для посетителей, принадлежащих высшему классу, коффе-рум (Coffe-room) – для посетителей с дамой[21]. Путеводитель Майского дает объяснение этому разделению: с одной стороны, «...отвращение англичан к равенству и сильная потребность разделяться на классы», с другой стороны, «для того чтобы различные классы общества... могли быть совершенно нестесненными»[22].

Безопасность в городе обеспечивала знаменитая Скотленд-Ярд, изучать работу которой приехал князь Мещерский. Полицейские производили весьма благоприятное впечатление на наших соотечественников. Последние отмечали дисциплинированность, безупречную честность стражей порядка, а также уважительное отношение к личной свободе граждан. Сравнивая английскую полицию с русской, наши соотечественники делали вывод, что Скотленд-Ярд уважительно относится к личной свободе, не притесняет и не пугает граждан. Долго проживший в Англии Герцен писал, что в отличие от других стран, где появление полицейского в доме вызывало неприятное чувство, то в Лондоне наличие полицейского у дверей, напротив, создавало чувство безопасности и защищенности[23].

---

[18] Майский 1867, 383.
[19] Забелин 1861, 316.
[20] Гончаров 2018.
[21] Майский 1867, 385.
[22] Там же, 384–385.
[23] Забелин 1861, 319; Зарудный 1865, 15; Герцен [1852–1868]; Мещерский 1897.

Правда, думается, такой идеализированный образ полиции несколько преувеличен. Известный флотоводец Посьет, посетивший Лондон во время похорон герцога Веллингтона, возмущенно писал: «Здешние кавалергарды, заступившие на роль жандармов, находясь вплоть к толпе и, так сказать, упираясь в нее, заставляли лошадей делать курбеты задом в народ, которому не куда было деваться; страшно было за жалких!»[24] Известный русский медик Бертенсон, побывавший в Лондоне во время юбилея королевы Виктории в 1887 г., вспоминал, что на улицах города он наблюдал огромное количество мертвецки пьяных мужчин и женщин, с которыми полиция совершенно не церемонилась. Так, Бертенсон стал случайным свидетелем сцены, как одного пьяного, растянувшегося поперек дороги, полисмен довольно быстро привел в чувство, жестоко отодрав его за уши. У нашего соотечественника это вызвало удивление: «Способ оригинальный и едва ли уместный в такой свободной стране, как Англия, где совмещались «королева и конституция», как гласила блестящая надпись на одной из лучших улиц Лондона – Оксфорд-стрит. Боже мой, что сказали бы у нас, если бы городовой позволил для вытрезвления проделать с пьяным подобный эксперимент»[25].

Знакомство с городом начиналось с осмотра достопримечательностей, музеев, театров и парков. Обязательными к посещению были Британский музей с огромной коллекцией редкостей, где любой посетитель мог найти для себя что-то интересное. А вот небольшая по размерам Национальная картинная галерея на русских туристов впечатления не производила, видимо сравнивали с величественным Эрмитажем. «Сотни три картин, из которых запомнишь разве «Снятие с креста» Рембрандта да два-три пейзажа Клода», – заключил Гончаров.

Говоря об архитектуре, современники отмечали скромный внешний вид зданий, в наружной отделке которых не было ни малейшей изысканности. Простые, лаконичные, но в тоже время необыкновенно солидные и величественные здания. Зарудный полагал, что такая архитектура в полной мере отражает характер самого английского народа, «презирающего внешность и форму и заботящегося только о сущности»[26]. На первый взгляд, дома представлялись мрачными, неоштукатуренными, однако со временем русские находили своеобразную прелесть в этой «гордой безыскусственности и простоте»[27].

[24] Посьет 1855.
[25] Бертенсон 1914, 428.
[26] Зарудный 1865, 10.
[27] Там же.

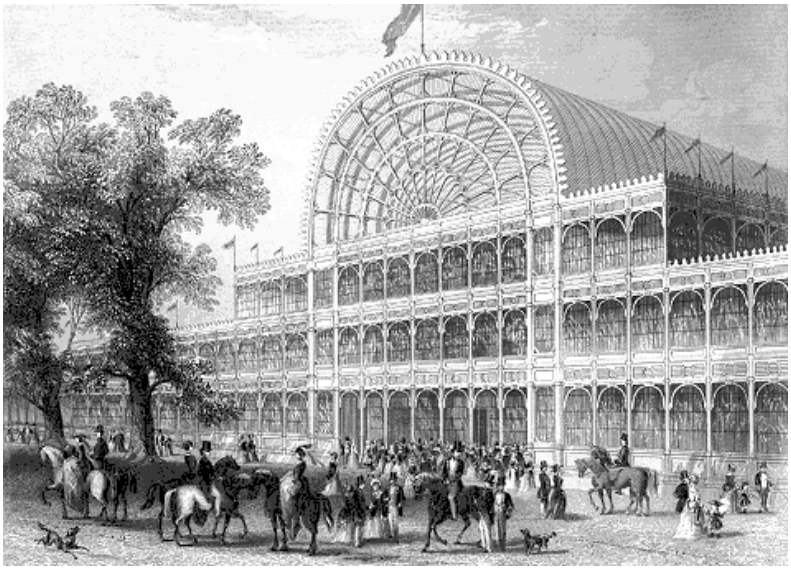
Самым прекрасным зданием Лондона считалось здание парламента, отстроенное после пожара 1836 г. Колоссальное впечатление производило расположенное рядом Вестминстерское аббатство, построенное в готическом стиле. Зарудный так описывал свои впечатления: «Внешняя сторона здания поражает своею древностью и разнообразием архитектуры. Она представляет смесь древней британской, греческой и готической архитектуры. Стены древнейшей части здания совершенно почернели от времени»[28]. Внутреннее убранство дополняло картину: «фантастическое освещение цветных стекол в стрельчатых окнах, полумрак по углам, белые статуи великих людей в нишах и безмолвная, почти недышащая толпа молящихся – всё это образует одно общее, грандиозное впечатление, от которого долго слышится какая-то музыка в нервах».

Здание британского парламента

Путешественники не могли обойти вниманием и здания Всемирной выставки, ставшие символом современной архитектуры. Хрустальный дворец, построенный из стекла и металла, не оставлял равнодушных. Толпы народа стекались, чтобы посмотреть на это чудо современного мира, построенного всего за один год. Забелин восторженно говорит: «Я увидел внутри этого дивного сказочного чертога промышленности, того я и представить не мог и тем менее могу описать. Никакое описание не даст о нем надлежащего понятия, надобно видеть это восьмое чудо света и лучше его уже ничего подобного в целом мире видеть нельзя»[29]. Путеводитель дает следующее описание дворца: «В первом отделении панорама разных частей света, касательно их растений, животных, обитающих в них и первоначаль-

[28] Зарудный 1865, 10.
[29] Забелин 1861, 367.

ных жителей. Средний раздел представляет Старый и Новый Свет. В центре здание – весьма богатое собрание слепков новейшей скульптуры всех стран, в особенности Германии. На обеих сторонах этого пространства идет двойной ряд так называемых дворов. На той же стороне еще три двора, посвященных разным отраслям промышленности»[30].



Здание Хрустального дворца, 1851 г.

Выставка 1862 г. также находила отражение в заметках путешественников. Изумляли масштабы выставочного дворца: «Здание выставки покрывает пространство в 26 акров и помещения в нем 1 400 000 квадратных футов, то есть на 400 000 футов больше, чем в здании первой выставки. Высота здания 100 футов. Высота куполов 260 футов»[31].

Не зря Англию называли «мастерской мира». Русских туристов поражало обилие технических новинок, которые можно было увидеть буквально на каждом углу. В одном учреждении показывали новейшие изобретения: различные двигатели, паровые машины, образчик воздухоплавания. В соседнем здании располагался географический музей Англии и ее колоний, в котором были представлены целые страны из гипса и огромное количество редких карт – аравийских, греческих, римских[32]. Там же был расположен громадный глобус. Части света представлены рельефно, не снаружи шара, а внутри. «Зрители ходят по лестнице и останавливаются на трех площадках, чтобы осмотреть всю землю. Их сопровождает профессор, который читает беглую лекцию географии, естественной истории и политиче-

[30] Майский 1867, 410–415.
[31] Липке 1862, 25.
[32] Гончаров 1857.

ского разделения земель»[33]. Торжеством инженерного искусства считался подземный тоннель под Темзой.

Отдохнуть от шума и городской суеты можно было в парках, которых в Лондоне было огромное количество. В Сент-Джеймском парке современников поражали огромные водоемы, на которых и взрослые и дети катались на лодках, а также могли любоваться различными породами гусей, уток, лебедей, которые спокойно плавали по воде.

Гайд-парк служит местом для прогулок верхом представителей высшего класса. Отмечая мастерство наездников и наездниц-леди, Забелин полагал, что англичанкам не достает грации и вкуса в одежде. Его поражали своим безобразием женские шляпки: «они похожи на меленькие шапочки, чем на шляпки, которые делают всю фигуру очень смешной, особенно при страсти носить волосы завитыми»[34].

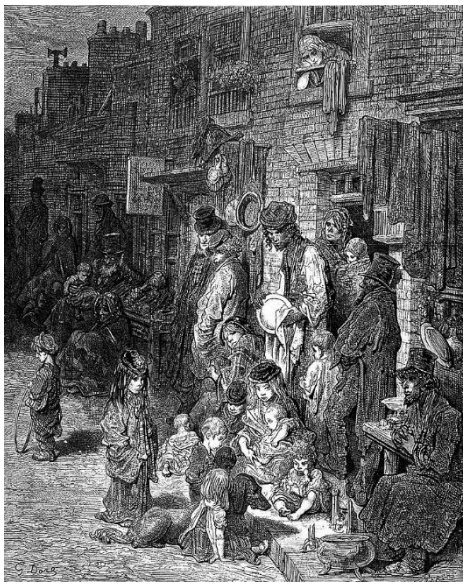
Гайд-парк

Особое впечатление производил Риджерс-парк, в котором располагался зоопарк, выполнявший не только развлекательную, но и образовательную роль. Забелин восторженно называл его «лучшим зверинцем в целом мире». «Чего вы там не увидите! Каких там нет зверей и птиц! И все это год от года пополняется и улучшается вновь! Какой бы зоологический сад можно было устроить в наших Сокольниках!» Однако затем с горечью добавляет: «Но прежде надобно бы провести туда железную дорогу, иначе никто на наших скверных и дорогих извозчиках не поедет туда смотреть даже самых редких зверей»[35].

[33] Гончаров 1857.
[34] Забелин 1861, 313.
[35] Там же.

Прогуливаясь по городу, современники отмечали его чистоту, идеально вымощенные дворы и улицы, аккуратно одетых прохожих. Однако ничто не ускользнет от зоркого взора путешественника, который отмечал множество людей обоего пола плохо одетых, грязных, часто с подбитыми физиономиями и сивушным запахом[36]. Стоило отойти чуть подальше от центра, как грязь, нечистоты и зловонье, казалось, поглощали вояжера. Редкий турист заглядывал в Уайтчепел, где проживало наиболее бедное население. Однако тот, кто решался, получал неизгладимые впечатления об изнаночной стороне Лондона.

Приятель И. С. Тургенева, которого писатель знакомил с городскими трущобами, относительно безопасными лишь в дневное время, был поражен обилию тощих, бледных, нечесаных, пропитых и грязных людей. Яркое впечатление на него произвела следующая сцена. И. С. Тургенев дал несколько монет нищенке. Она быстро схватила их и с безобразными кривляниями скатилась в подвальный кабак. Стоявший неподалеку мужчина, такой же испитой и в таких же лохмотьях, поднял кулак и прокричал: «Какой черт носит этих разжиревших джентльменов смотреть на голодных людей?»[37]



Вентворт-стрит, Уайтчепел 1872 г. Гюстав Доре, Лондон XIX в.

Подобные сцены нищеты вызывали изумление у наших соотечественников. Это происходило не потому, что в России или в других странах Европы не было представителей социального дна. Поражало другое. Англия была одной из самых богатых стран, «владычицей морей», страной, несущей

[36] Забелин 1861, 325.
[37] Колбасин 1885.

цивилизующее начало в различные регионы планеты. И в сердце страны, в ее столице в которой сосредоточены все технические новинки мира, определенная часть населения прозябала в нищете и пьянстве.

Также впечатления от столицы портил знаменитый лондонский туман, который мог держаться над городом неделями и навевать уныние и депрессию. Забелин сетовал: «Мне тотчас же пришло в голову огромное число самоубийств в Лондоне, случающееся более всего именно в дурную погоду. Теперь я понял очень ясно, что, не бывши эксцентриком, от этих мертвящих и все покрывающих трауром туманов, можно прийти в отчаяние и даже лишить себя жизни. И такая миленькая погода в Лондоне, говорят, стоит постоянно»[38].

Поэтому, обежав достопримечательности, повидавшись со знакомыми, большинство путешественников не стремились задержаться в столице дольше, чем на несколько дней. Кравченко, проездом бывший в Лондоне, восторгавшийся техническими достижениями, посетивший огромное количество достопримечательностей и развлекательных мест, в день отъезда с облегчением пишет: «Франция! Слава Богу!»[39]

Таким образом, Лондон воспринимался нашими соотечественниками как столица технологически развитой, просвещенной страны мира, куда приезжали учиться, перенимать опыт в различных сферах жизни. Несмотря на англоманию, распространенную в России, Лондон не завоевал сердца русских путешественников и не стал для них своим, подобно Парижу или Берлину, в которые хотелось бы вернуться.

Литература / References

Бертенсон 1914 = *Бертенсон В. Б.* За 30 лет: листки из воспоминаний // Исторический вестник. 1914. Т. 137.
Bertenson V. B. Za 30 let: listki iz vospominaniy [For 30 years: sheets of memoirs] // Istoricheskiy vestnik [Historical Bulletin]. 1914. Vol. 137.

Герцен [1852–1868] = *Герцен А. И.* Былое и думы. URL: http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/byloe-i-dumy/index.htm (дата обращения: 05.04.2023).
Gertsen A. I. Byloe i dumy [The Past and Thoughts]. URL: http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/byloe-i-dumy/index.htm (accessed: 05.04.2023).

Гончаров 1857 = *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». Т. 1. М., 1857. URL: https://librebook.me/fregat__pallada/vol1/2 (дата обращения: 05.04.2023).

[38] Забелин 1861, 324.
[39] Кравченко 1865, л. 7.

Goncharov I. A. Fregat «Pallada» [Frigate "Pallada"]. Vol. 1. Moscow, 1857. URL: https://librebook.me/fregat__pallada/vol1/2 (accessed: 05.04.2023).

Гончаров 2018 = *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». М., 2018. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0082.shtml (дата обращения: 05.04.2023).
Goncharov I. A. Fregat «Pallada» [Frigate "Pallada"]. Moscow, 2018. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0082.shtml (accessed: 05.04.2023).

Забелин 1861 = *Забелин А. Р.* Очерки заграничной жизни. М., 1861. 374 с.
Zabelin A. R. Ocherki zagranichnoy zhizni [Essays on Foreign Life]. Moscow, 1861. 374 p.

Зарудный 1865 = *Зарудный М. И.* Общественный быт Англии. СПб., 1865. 212 с.
Zarudny M. I. Obshchestvennyy byt Anglii [Public Life in England]. St. Petersburg, 1865. 212 p.

Колбасин 1885 = *Колбасин Е. Я.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // Одесский вестник. 1885. № 103. URL: http://turgenev-lit.ru/turgenev/vospominaniya-o-turgeneve/v-vospominaniyah-sovremennikov-2/kolbasin-iz-vospominanij-ob-turgeneve.htm (дата обращения: 05.04.2023).
Kolbasin E. Ya. Iz vospominaniy ob I. S. Turgeneve [From the Memoirs of I. S. Turgenev] // Odesskiy vestnik [Odessa Bulletin]. 1885. No. 103. URL: http://turgenev-lit.ru/turgenev/vospominaniya-o-turgeneve/v-vospominaniyah-sovremennikov-2/kolbasin-iz-vospominanij-ob-turgeneve.htm (accessed: 05.04.2023).

Кравченко 1865 = *Кравченко Н. П.* Записная книжка. 7 сентября. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. Ед. хр. 1238.
Kravchenko N. P. Zapisnaya knizhka. 7 sentyabrya [A Notebook. September 7]. Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Fund 601. Unit 1238.

Липке 1862 = *Липке Г. О.* Русский путеводитель в Лондоне с планом города и каталогом русских изделий на всемирной выставке 1862 г. Лондон, 1862. 77 с.
Lipke G. O. Russkiy putevoditel' v Londone s planom goroda i katalogom russkih izdeliy na vsemirnoy vystavke 1862 g. [A Russian Guide in London with a City Plan and a Catalog of Russian Products at the World Exhibition of 1862]. L., 1862. 77 p.

Майский 1867 = *Майский Н.* Путеводитель за границею: в 2 т. Т. 1. Изд. 2-е. СПб. – М., 1867. 426 с.
Majskij N. Putevoditel' za granitseyu [Travel Guide Abroad]: in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg – Moscow, 1867. 426 p.

Мещерский 1897 = *Мещерский В. П.* Воспоминания. URL: http://az.lib.ru/m/mesherskij_w_p/text_1897_moi-vospominaniya.shtml (дата обращения: 05.04.2023).
Meshchersky V. P. Vospominaniya [Memoirs]. URL: http://az.lib.ru/m/mesherskij_w_p/text_1897_moi-vospominaniya.shtml (accessed: 05.04.2023).

Михайлов 1859 = *Михайлов М. Л.* Лондонские заметки // Современник. 1859. № 7. URL: https://bibra.ru/composition/londonskie-zametki/ (дата обращения: 05.04.2023).

Mikhailov M. L. Londonskie zametki [London Notes] // Sovremennik. 1859. No. 7. URL: https://bibra.ru/composition/londonskie-zametki/ (accessed: 05.04.2023).

Посьет 1855 = *Посьет К.* Письма с кругосветного плавания в 1852, 1853 и 1854 годах. URL: http://az.lib.ru/p/posxet_k_n/text_1855_pisma_iz_plavaniya.shtml (дата обращения: 05.04.2023).

Pos'et K. Pis'ma s krugosvetnogo plavaniya v 1852, 1853 i 1854 godah [Letters from the circumnavigation of the world in 1852, 1853 and 1854]. URL: http://az.lib.ru/p/posxet_k_n/text_1855_pisma_iz_plavaniya.shtml (accessed: 05.04.2023).

От глобальных империй к сверхдержавам: международные отношения в эпоху Старого мирового порядка (1856–1956 гг.)	*From Global Empires to Superpowers: International Relations in the Era of the Old World Order (1856–1956)*

ПРИСОЕДИНЕНИЕ МЕРВА И ПОГРАНИЧНЫЕ ВОПРОСЫ В ЗАПИСКЕ Н. В. ЧАРЫКОВА О ПОЕЗДКЕ ПО БЕРЕГАМ РЕКИ ТЕДЖЕН

Олег Александрович Чернов

Об авторе:

доктор исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0003-1783-8750
ScopusID: 57961228400
ResearcherID: M-8221-2013
РИНЦ AuthorID: 472789

Аффилиация:

Самарский государственный социально-педагогический университет

Электронная почта:
ochernow@gmail.com

В 1884 году произошло событие, которое получило такое распространённое название, как «мирное присоединение Мерва». Присоединение Мерва привело к необходимости решения ряда последующих вопросов. Как в самом присоединении, так и дальнейших мероприятиях принимал участие Николай Валерьевич Чарыков, крупный дипломат и заметный учёный. Сразу же после окончания военных действий Н. В. Чарыков и генерал А. В. Комаров совершили ряд поездок по присоединённой территории. В записке, опубликованной в специальном закрытом сборнике, российский дипломатический чиновник сообщал о поездке по берегам пограничной реки Теджен (Герируд). Цель поездки заключалась в том, чтобы выяснить наличие дороги на восточном берегу реки Теджен. Н. В. Чарыков даёт подробное описание данной местности. Особое внимание он обращает на наличие в данной местности стратегически важных колодцев с питьевой водой, выделяет наличие пашни. Автор изучил структуру пограничного гарнизона ближайшей персидской крепости, составил представление об армии Персии. Н. В. Чарыков провёл обследование горного массива на случай ведения боевых действий. Присоединение Мерва вызвало изменения и в структуре российского управления в Средней Азии. Ранее отношения со среднеазиатскими ханствами осуществлялись через туркестанского генерал-губернатора, но теперь ситуация изменилась. В рассмотренной записке Н. В. Чарыкова поднимаются проблемы как присоединения самого Мерва, так и вопросы, связанные с последствиями данного присоединения – интеграция новых территорий в состав Российской империи и выстраивание нового контура безопасности с сопредельными государствами.

Ключевые слова: Н. В. Чарыков, присоединение Мерва, внешняя политика Российской империи, российская дипломатия.

Для цитирования:
Чернов О. А. Присоединение Мерва и пограничные вопросы в записке Н. В. Чарыкова о поездке по берегам реки Теджен // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 312–319. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.022

ACCESSION OF MERV AND BORDER ISSUES IN N. V. TCHARYKOW NOTE ABOUT THE TRIP ALONG THE BANK OF THE TEJEN

Oleg A. Chernov

About the author:

Doctor of History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0003-1783-8750
ScopusID: 57961228400
ResearcherID: M-8221-2013
РИНЦ AuthorID: 472789

Affiliation:

Samara State University
of Social Sciences
and Education

Email:
ochernow@gmail.com

In 1884, an event occurred that received such a common name as the "peaceful accession of Merv". The accession of Merv led to the need to resolve a number of subsequent issues. Both in the accession itself and in further events, N. V. Tcharykow, a prominent diplomat and a prominent scientist, took part. Immediately after the end of hostilities, N. V. Tcharykow and General A. V. Komarov made a number of trips around the attached territory. In a note published in a special closed collection, a Russian diplomatic official reported on a trip along the banks of the border river Tejen (Gerirud). The purpose of the visit was to find out the existence of a road on the east bank of the Tejen River. N. V. Tcharykow gives a detailed description of this area. He pays special attention to the presence of strategically important wells with drinking water in the area, highlights the presence of arable land. The author studied the structure of the border garrison of the nearest Persian fortress, made an idea of the army of Persia. N. V. Tcharykow conducted a survey of the mountain range in case of hostilities. Accession of Merv has caused changes in the structure of Russian government in Central Asia. Previously, relations with the Central Asian khanates were carried out through the Turkestan governor-general, but now the situation has changed. In the considered note of N. V. Tcharykow, the problems of both the accession of Merv itself and the issues related to the consequences of this accession are raised – the integration of new territories into the Russian Empire and the building of a new security contour with neighboring states.

Keywords: N. V. Tcharykow, Merv, foreign policy of the Russian Empire, Russian diplomacy.

For citation:
Chernov O. A. Accession of Merv and Border Issues in N. V. Tcharykow Note about the Trip Along the Bank of the Tejen // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 312–319. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.022

В 1884 году произошло событие, которое получило такое распространённое название, как «мирное присоединение Мерва». Присоединение Мерва привело к необходимости решения ряда последующих вопросов. Как в самом присоединении, так и дальнейших мероприятиях принимал участие Николай Валерьевич Чарыков, крупный дипломат и заметный учёный[1].

Сразу же после окончания военных действий Н. В. Чарыков и генерал А. В. Комаров совершили ряд поездок по присоединённой территории. В своём письме к начальнику Азиатского департамента Министерства иностранных дел России И. А. Зиновьеву дипломатический чиновник сообщал: «Всюду жи-

[1] Чернов 2010; Чернов 2012a; Чернов 2012b; Чернов 2022; Чернов 2023.

тели спокойно занимались полевыми работами и пастьбой скота, и мы собирали монеты и другие древности в развалинах, снимали фотографические виды, осматривали местность»[2]. Он сделал вывод, что теперь жизнь течёт полным руслом. Причина тому – «...все увидели, что русское занятие не сопровождается ни материальным, ни нравственным, ни экономическим насилием... напротив, бедный обеспечен от самовластия богатого и сильного, богатый – от нападений своих и чужих разбойников»[3]. Выгоду в новом положении увидели для себя, по его мнению, купцы (теперь они как русские подданные могли беспошлинно и безопасно торговать в Хиве и Бухаре). Чарыков отмечал исключительное плодородие здешних мест в смысле выращивания всевозможных сельскохозяйственных культур. Отдельный интерес вызвали у него древние города – уже с точки зрения научных интересов[4]. Внимательно отнёсся Чарыков и к быту местных туркмен. Он полагал, что тип жилищ туркмен-эски является саклями[5].

В записке, опубликованной в специальном закрытом сборнике, российский дипломатический чиновник сообщал о поездке по берегам реки Теджен (Герируд)[6]. Цель поездки заключалась в том, чтобы выяснить, «не могла бы реальная дорога находиться на восточном берегу реки Теджен или реки Герируд, которая течет из Герата»[7].

По ходу следования Чарыков и сопровождавшие его туркменские милиционеры повстречали «около мусульманской святыни дервиша, который, казалось, жил там, и который спросил туркмен, куда мы шли. Один из них тогда шутливо ответил: «К Герату»[8]. Спустя некоторое время, читая перехваченную у иностранного лазутчика телеграмму, российский дипломат к своему удивлению обнаружил в ней сообщение, что «российские военные были замечены едущие к Герату. Это было, очевидно, сообщением, переданным этим дервишем местному руководителю британской разведки, и было, что часто случается, неправильным»[9].

Н. В. Чарыков даёт достаточно полное описание данной местности. Особое внимание он обращает на наличие стратегически важных в данной местности колодцев с питьевой водой. Также выделяет наличие пашни, принадле-

---

[2] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1702. Л. 1, 1 об.
[3] АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1702. Л. 1 об.
[4] Там же. Л. 3 об.
[5] Винников 1969, 155.
[6] Чарыков 1884.
[7] Tcharykow 1931.
[8] Ibid., 184.
[9] Действительно, установлено, что обе стороны «Большой игры» пользовались услугами жителей подконтрольных им территорий в Центральной Азии для сбора разведданных. «Получая деньги из специальных фондов, большинство таких информаторов регулярно пересекали приграничные зоны под личиной торговцев, паломников к святым местам или нищих дервишей» (Сергеев 2016, 51).

жащей племени салоров – этнической группы туркмен. Они имели «бедный и несчастный вид»[10], «трогательно изъявляли радость по случаю прибытия русских и подали начальнику Закаспийской области просьбы об избавлении их от притеснений со стороны персиян», – писал он[11]. Для разбирательства по этому делу А. В. Комаров послал на следующий день, на другой берег реки, занятый персидскими войсками, Н. В. Чарыкова и несколько своих офицеров. Дипломат провёл беседу с первым же встретившимся персидским часовым.

Последний сказал русскому дипломату: «С тех пор, как русские пришли в Мерв, часовой может ходить здесь, вне стен крепости; прежде часовые не выходили за стены»[12]. Эти слова персидского солдата говорят в пользу мнения Чарыкова о прогрессивном характере присоединения Мерва к России. Хотя нельзя не учитывать и то, что «и англичане, и русские по возвращении рапортовали начальству, что местные правители ласково принимают гостей и просят военную помощь для защиты своей тающей независимости – только русским они говорили, что от Англии, а англичанам, разумеется, – от России»[13].

Николай Валерьевич внимательно изучил структуру гарнизона ближайшей персидской крепости. На его примере он получил представление об армии Персии. По его данным солдаты делятся на три категории: сарбазы (регулярная пехота), шамхальчи (пограничная стража) и харычи. Последние по предположению российского агента представляли собой ополчение, поскольку имели пашни и стада[14]. Вскоре сюда прибыл сам А. В. Комаров, а Чарыков отправился к туркменскому племени салоров для более полного изучения их настроений. Он провёл ряд полезных бесед с руководителями салоров. «Афганцы, – сказал ему «старший джигит», – берут с англичан большие деньги и дали им слово, что пока они (афганцы) живы, русское войско не проникнет внутрь их страны... На перевале Карван-ашан, где находится граница афганцев, они содержат караул... У афганцев дурной нрав, если в этих местах брат встретит брата – убьёт»[15]. Чарыков полагал, что враждебное отношение афганцев к России скорее всего объясняется тем, что Россия теперь является «властелином и покровителем всегдашних врагов афганцев – туркмен»[16]. На случай военных столкновений России с сопредельными государствами он провёл обследование Бархутских гор и пришёл к выводу, что они весьма удобны для перемещения артиллерии.

[10] Аннанепесов 1972, 51.
[11] Чарыков 1884, 139.
[12] Там же, 140.
[13] Сорока 2012, 123–136.
[14] Чарыков 1884, 140.
[15] Там же, 148.
[16] Там же. Примечание.

Затем российский дипломат прибыл в селение Хасан-абад, где проживало иранское племя хазаре. Здесь он собрал дополнительные данные о Сиях-Пуше, который предпринял попытку вооруженного сопротивления российским войскам, вопреки договорённости российской администрации с туркменскими старшинами. Появилась информация, что он был уроженцем Индии, английским подданным. Он пытался поднять туркмен против России. По мнению хана этого племени, в интересах англичан. По его же словам он имел беседу с Сиях-Пушем и пришёл к заключению о неблагонадёжности этого человека. Поэтому выслал его из своей местности. Помимо беседы, Чарыков добился освобождения из ямы сидящих там местных жителей, поскольку подобный вид наказания не соответствовал стандартам российской правовой культуры[17].

Николай Валерьевич провёл беседы с начальником пограничного персидского военного округа Али-Морданханом, а также его заместителем и политическим советником. Последний сказал российскому дипломату: «Мы были бы чрезвычайно рады, если бы русский Государь взял и Герат, и весь Афганистан»[18]. Чарыков нашёл достойный выход из этого неоднозначного положения (ибо эти слова могли вполне быть провокационными). Он заявил, что «русскому царю не надо земли, у него и без новых приобретений земли очень много. Ему надобно только, чтобы на границах его владений были обеспечены мир и спокойствие»[19].

Позднее Чарыков вспоминал, что посетил персидского губернатора и тот «был чрезвычайно рад узнать из меня, что все туркмены Мерва и окрестностей добровольно подчинились Белому Царю, и что их набеги прекратились навсегда»[20].

В целом же в этом первом для него деле Николай Валерьевич Чарыков оправдал возлагавшиеся на него надежды. В представлении Н. В. Чарыкова к награде от имени генерала А. В. Комарова к начальнику Азиатского департамента министерства иностранных дел И. А. Зиновьеву говорилось: «...участвуя везде с отрядом, при занятии Мерва, оказал... важную услугу расследованием дела о Сиях-Пуше и его единомышленниках... исследовал местности от Серасха до Герируду... во время нападения мервцев... подвергался опасности наравне с другими»[21].

---

[17] Чарыков 1884, 157.
[18] Там же, 169.
[19] Там же.
Данный факт зондирования почвы относительно российского протектората был далеко не единичен. Некоторые индийские махараджи также искали покровительства России. См.: Сергеев 2016, 71.
[20] Tcharykow 1931, 186.
[21] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1270. Л. 32–32 об.

Сам же Чарыков подчеркивал в успешном итоге данной кампании исключительную роль генерала А. В. Комарова. «Благодаря патриотической расчётливости и организаторским дарованиям генерала Комарова, это присоединение обошлось русской казне всего в 240 000 рублей, то есть, как говаривал А. В. Комаров, «меньше, чем средней руки дом в Петербурге». Между тем «...было включено... в пределы Российской империи около 100 000 квадратных вёрст территории значительной экономической ценности»[22]. Кроме того, он справедливо подчеркнул и установление здесь безопасности и порядка. «С исторической точки зрения занятие Мерва замкнуло второй и последний круг наступательного движения России вглубь Средней Азии»[23], – заключил он в своих воспоминаниях.

Это присоединение вызвало изменения и в структуре российского управления в Средней Азии. Если прежде отношения со среднеазиатскими ханствами осуществлялись через туркестанского генерал-губернатора, обладавшего по словам Чарыкова властью подобной вице-королю Индии[24], то теперь ситуация изменилась. «С завершением военной фазы русского продвижения в Центральной Азии эти исключительные полномочия стали излишни... наше министерство иностранных дел решило основать собственного постоянного резидента – политического агента»[25].

Таким образом, в рассмотренной записке Н. В. Чарыкова поднимаются проблемы как присоединения самого Мерва, так и вопросы, связанные с последствиями данного присоединения: интеграцией новых территорий в состав Российской империи и выстраиванием нового контура безопасности с сопредельными государствами.

Литература / References

Аннанепесов 1972 = *Аннанепесов М.* Хозяйство туркмен в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1972. 283 с.
Annanepesov M. Hozyaystvo turkmen v XVIII–XIX vv. [Economy of the Turkmens in the XVIIIth–XIXth Centuries]. Ashkhabad, 1972. 283 p.

Винников 1969 = *Винников Я. Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969. 312 с.
Vinnikov Ya. R. Hozyaystvo, kul'tura i byt sel'skogo naseleniya Turkmenskoy SSR. [Economy, Culture and Life of the Rural Population of the Turkmen SSR]. Moscow, 1969. 312 p.

[22] Чарыков 1914, 517.
Единства среди российского руководства по вопросу об экономической выгодности присоединения Средней Азии не было. Н. В. Чарыков относился к тем, кто такую выгоду усматривал. Подробнее о данной дискуссии: Сергеев 2016, 110–111.
[23] Tcharykow 1931, 186.
[24] Ibid., 189.
[25] Ibid.

Сергеев 2016 = *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2016. 453 с.

Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskih otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia]. Moscow, 2012. 453 p.

Сорока 2012 = *Сорока М. Е.* Портрет российского дипломата: Павел Михайлович Лессар (1851-1905) // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 123–136.

Soroka M. E. Portret rossiyskogo diplomata: Pavel Mihaylovich Lessar (1851–1905) [Portrait of a Russian diplomat: Pavel Mikhailovich Lessar (1851–1905)] // Novaya i noveyshaya istoriya. 2012. No. 4. P. 123–136.

Чарыков 1884 = *Чарыков Н. В.* Описание поездки по берегам р. Теджен-Герируда // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (СГТСМА). 1884. Вып. 13.

Tcharykow N. V. Opisanie poezdki po beregam r. Tedzhen-Geriruda [Description of the trip along the banks of the river. Tejen-Heriruda] // Sbornik geograficheskih, topograficheskih i statisticheskih materialov po Azii (SGTSMA). 1884. Issue 13.

Чарыков 1914 = *Чарыков Н. В.* Мирное завоевание Мерва // Исторический вестник. 1914. № 11. С. 486–518.

Tcharykow N. V. Mirnoe zavoevanie Merva [Peaceful Conquest of Merv] // Istoricheskiy vestnik. 1914. No. 11. P. 486–518.

Чернов 2010 = *Чернов О. А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова. Самара, 2010. 223 с.

Chernov O. A. Diplomaticheskaya deyatel'nost' i istoricheskie vzglyady N. V. Charykova [Diplomatic Activity and Historical Views of N. V. Tcharykow]. Samara, 2010. 223 p.

Чернов 2012a = *Чернов О. А.* Ранние годы российского дипломата и ученого Н. В. Чарыкова. По документам Центрального государственного архива Самарской области // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 292–299.

Chernov O. A. Rannie gody rossiyskogo diplomata i uchenogo N. V. Charykova. Po dokumentam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arhiva Samarskoy oblasti [Early Years of the Russian Diplomat and the Scientist N. V. Charykov. On Documents of Central State Archive of Samara Region] // Vestnik arhivista [Herald of an Archivist]. 2012. No. 4. P. 292–299.

Чернов 2012b = *Чернов О. А.* Н. В. Чарыков о влиянии ислама на развитие Средней Азии во второй половине XIX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (2). С. 219–221.

Chernov O. A. N. V. Charykov o vliyanii islama na razvitie Sredney Azii vo vtoroy polovine XIX veka [N. V. Charykov about Influence of the Islam on Progress of Central Asia in second half XIX centuries] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]. 2012. No. 4 (2). P. 219–221.

Чернов 2022 = *Чернов О. А.* Эпоха и личность Петра I в исследованиях Николая Валерьевича Чарыкова // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15, № 5. С. 7–26. **DOI:** 10.24833/2071-8160-2022-5-86-7-26

Chernov O. A. Epoha i lichnost' Petra I v issledovaniyah Nikolaya Valer'evicha Charykova [The Epoch and Personality of Peter I in Nikolay Tcharykow's

Research] // Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2022. Vol. 15, No. 5. P. 7–26. **DOI:** 10.24833/2071-8160-2022-5-86-7-26

Чернов 2023 = *Чернов О. А.* Н. В. Чарыков и Ф. Ф. Мартенс: карьеры двух дипломатов // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 182–194. **DOI:** 10.31857/S0130386400018084-0

Chernov O. A. N. V. Charykov i F. F. Martens: kar'ery dvuh diplomatov [Nikolay Tcharykow and Friedrich Martens: the Careers of Two Diplomats] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. No. 3. P. 182–194. **DOI:** 10.31857/S0130386400018084-0

Tcharykow 1931 = *Tcharykow N. V.* Glimpses of High Politics Through War & Peace, 1855–1929. The Autobiography of N. V. Tcharykow, Serf-owner, Ambassador, Exile. London; New York, 1931. 333 p.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ «ПРАВИЛА» И ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ ЗЕРНОМ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Наиля Фаридовна Тагирова

Об авторе:

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0002-5096-337X
ScopusID: 57210282941
ResearcherID: ACN-8405-2022
РИНЦ AuthorID: 145077

Аффилиация:
Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Электронная почта:
tag-nailya@yandex.ru

В статье автор на основе материалов российской и зарубежной историографии рассматривает институциональные аспекты международной торговли зерном в начале XX в., положение России на зерновом рынке, обусловленное международными геополитическими, технико-экономическими и институциональными условиями начала XX в. Сделан вывод о том, что технические новации были освоены российскими предпринимателями на протяжении одного-двух поколений, тогда как институциональные правила зерновой торговли базировались не на западных (рациональных), но национальных правилах, трансформация которых занимает более длительный период времени.

Ключевые слова: зерновой рынок, международная торговля зерном, институты рынка, начало XX в., Россия.

Для цитирования:
Тагирова Н. Ф. Геополитические «правила» и организация международной торговли зерном в начале XX века // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 320–338. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.023

GEOPOLITICAL "RULES" AND THE ORGANIZATION OF INTERNATIONAL GRAIN TRADE IN THE EARLY XXTH CENTURY

Nailya F. Tagirova

About the author:

Doctor of History, Professor

ORCID: 0000-0002-5096-337X
ScopusID: 57210282941
ResearcherID: ACN-8405-2022
РИНЦ AuthorID: 145077

Affiliation:
Samara Federal Research Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Email:
tag-nailya@yandex.ru

The author, basing on materials from Russian and foreign historiography, examines the institutional aspects of international grain trade in the early twentieth century, Russia's position in the grain market, due to international geopolitical, technical, economic and institutional conditions of the early XXth century. It is concluded that technical innovations were mastered by Russian entrepreneurs over the course of 1–2 generations, while the institutional rules of grain trade were based not on Western (rational), but national rules, the transformation of which takes a longer time.

Keywords: grain market, international grain trade, market institutions, early XXth century, Russia.

For citation:
Tagirova N. F. Geopolitical "Rules" and the Organization of International Grain Trade in the Early XXth Century // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 320–338. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.023

Название этой статьи можно было написать в вопросительной форме. А были ли, существовали ли геополитические «правила» международной торговли зерном в начале XX в.? И если да, то в чем они проявлялись?

Актуальность и научно-практическая значимость ответа на этот вопрос неоспорима. Совершенно ясно, что в современных санкционных для России условиях за политическими и экономическими ограничениями стоят экономические интересы бизнеса и государств Западной Европы и США. Участие России в мировой торговле зерном в начале XXI в. также обусловлено не только экономическими, но и политическими, институциональными условиями и обстоятельствами.

В научно-теоретическом и научно-историческом плане вопрос о геополитических «правилах» международной зерновой торговли связан с анализом процессов модернизации различных секторов экономики в начале XX в., изучением внешнеэкономических связей, вопросов организации внешней торговли и в целом роли России в мировой хозяйственной системе.

Кроме того, а лучше, прежде всего, хлеб, зерно – основа питания человека в любые исторические периоды, его необходимая жизненная потребность. И все, что связано с обеспечением человека, народов и государств продовольствием в каждый момент времени играет важнейшую роль и в материальной, и социально-психологической жизни общества. Именно хлебный вопрос часто выступал триггером многих революций, имевших место в истории прошлых веков.

В советской историографии хлебной торговли можно условно выделить несколько основных направлений, каждое из которых в той или иной степени касается вопросов российского участия в международных торгах зерном. По нашему мнению, это:

1. Общеэкономические работы, в которых значительное место занимают анализ объемов экспортно-импортных операций, масштабов вывоза зерна и связанной с этим таможенной и финансовой политики (Б. В. Ананьич, В. И. Бовыкин, В. С. Дякин, А. П. Корелин, Т. М. Китанина), в которых создана база для изучения торгово-экономической жизни страны.

2. Мировая хозяйственная и торговая конъюнктура, влияние мирового аграрного кризиса на сельское хозяйство и аграрный экспорт (Н. А. Егиазарова, Т. Ф. Изместьева, А. С. Нифонтов, Н. С. Хамитбаева).

3. Финансовые аспекты государственной политики и деятельность банков, прежде всего Государственного банка и кредитные возможности аграрных товаропроизводителей (И. Ф. Гиндин, А. М. Анфимов, В. И. Бовыкин и др.).

4. Работы по внутренней и внешней торговле страны, где зерновой экспорт занимал ведущее место (П. И. Лященко, Э. А. Алавердов, Г. А. Дихтяр, Б. А. Кругляк и др.).

5. Региональные исследования, характеризующие вклад зернопроизводящих территорий в общероссийские торговые взаимоотношения (В. Н. Ратушняк. Х. Ф. Усманов, П. С. Кабытов, Н. Л. Клейн и др.).

В современной российской историографии наряду с эти традиционными направлениями все большее внимание получают новые локальные сюжеты, вносящие дополнительные краски в многоцветную палитру всероссийского рынка Российской империи. Отметим работы по изучению страновых приоритетов хлебного экспорта, состоянию портовой, железнодорожной инфраструктуры, по обеспечению зерновой торговли возможностями складирования и хранения, страхования грузов[1].

Активно разрабатываются институциональные сюжеты о вкладе отдельных представителей власти и бизнес-элиты в формирование позитивного торгово-экономического образа России за рубежом (А. Е. Смирнов, Л. В. Ольшанская), о деятельности различных бирж и биржевых обществ (С. С. Щетинин), торговых и банкирских домов, дипломатических и консульских служб различных министерств империи, выполнявших информационно-аналитические работы по рассматриваемой теме и т. д. (О. М. Торшина). Вопросы внешней торговли рассматривают и в цифровой истории. На основе создания баз данных по вопросам внешней торговли, анализа финансовых и торговых потоков с помощью геоинформационных технологий исследователи делают выводы, связанные с пространственными аспектами зернового, финансового рынков (С. А. Саломатина, В. Я. Валетов, И. М. Гарскова и др.). Сохраняется и активно развивается региональная тематика (В. В. Морозан, М. И. Роднов, М. Н. Рынков и др.).

Сложные темы экономических интересов во внешней торговле находят отражение в работах историков[2], юристов[3], экономистов[4], однако их немного. В историографии сохраняются полярные позиции, есть недостаточно изученные аспекты, что не позволяет говорить об исчерпанности темы. В частности, на наш взгляд, недостаточно изучена сама организация экспортно-импортных операций, их географические, государственные, культурные, социальные и институциональные возможности, правила и ограничения.

[1] Китанина 2011; Гуансян 2021.
[2] Нарыкова 2018; Шкунов 2013.
[3] Жолобова 2001.
[4] Аузан 2022; Щербинин 2011.

Институциональные аспекты внешней торговли России исследуются и западноевропейскими исследователями (С. Томптстон, В. Сартор).

В то же время проведенные в 2000-е гг. исследования позволяют делать новые обобщения, связанные с характеристикой различных сторон рыночной торговли зерном в России в начале XX в.

Данная статья представляет собой такую попытку обобщения институциональных аспектов экспортного зернового рынка России в начале XX в. Мы рассматриваем три главных ракурса: международный (политико-экономический), европейский (организационно-рыночный) и российский опыт трансформации торгового сектора.

Методология исследования

Вопросы хлебного экспорта есть часть общего вопроса о торговле, включающей в себя обмен внутренний и международный. Обязательными участниками обмена являются две стороны, одна из которых отдаёт товар и получает деньги, вторая сторона отдает деньги и получает товар. Этот акт сделки уже с давних пор включал еще одно звено – посредника или посредников (организаторов обмена). К началу XX в. сегмент посредника (сфера обслуживания торговли) в экономике вырос количественно и преобразовался качественно.

Международная торговля, сохраняя суть обмена, представляет сложную сеть, более высокого, если можно так выразиться, порядка, в котором помимо материальных, экономических, политических, дипломатических правил и практик действуют также межнациональные, межгосударственные отношения, политические условия момента, – все то, что определяет сиюминутную или более длительную конъюнктуру рынка. Есть еще и незримые личные интересы представителей крупного бизнеса. И все это в совокупности влияет на международную торговлю и мировые цены, создает изменчивые условия и относительно стабильные «правила» обмена.

Во всей полноте многоуровневую и многогранную систему таких отношений, невозможно даже представить. А потому постараемся воссоздать хотя бы общие контуры международной торговли зерном, ее геополитические «правила» применительно к моменту времени, именуемому началом XX века (1900–1914 гг.). Такая постановка нацеливает нас на рассмотрение вопроса в максимально широкой плоскости, включая сам товар, основных участников обмена (акторов), возникающие при это взаимодействия, а также объективные технико-экономические условия и обстоятельства торговли.

Международная торговля зерном – это купля-продажа основных видов продовольственных (пшеница, рожь) и кормовых (овес, ячмень, кукуруза)

культур. Другие – относительно редкие – зерновые культуры мы не рассматриваем. Основные участники зернового рынка – акторы: экспортеры, импортеры и другие «игроки» купли-продажи зерна.

Условия и обстоятельства торговли – это экономическая политика стран-участников обмена, общепринятые стандарты (вес, влажность, засоренность зерна и т. п.), мировая и хозяйственная конъюнктура начала XX столетия и др. обстоятельства.

«Правила игры» – нормы и привычные, устойчивые практики поведения акторов мирового зернового рынка.

Результаты исследования. Геополитические и технико-экономические условия организации международной торговли зерном в начале XX в.

Геополитические условия для России определяли международные договоренности по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг., Балканских войн 1912–1913 гг. Сан-Стефанский мирный договор, подводивший итоги Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., корректировавшие его документы Берлинского международного конгресса, последующие международные обсуждения касались не только вопросов государственных границ, правового статуса молодых государств, но и вопросы торгово-экономические. Обсуждения о территориях, отходивших к той или иной стороне, касались возможности выхода судов (торговых и военных) в Черное и Средиземное море, статуса портов, перспектив участия стран в мировом торге. Сложнейшее переплетение военных, торгово-коммерческих, дипломатических интересов, компромиссов составляли международные реалии второй половины XIX – начала XX в. Изменчивые процессы «короткого действия» – от одного международного решения к другому – составляли постоянную основу, на которой выстраивалась внешняя торговля в этот период.

Геополитические условия для интеграции России в мировое торговое пространство были не просто сложными, но и часто неоднозначными. Появившиеся возможности в связи с усилением позиции России на Балканах, использованием водных просторов Черного моря и выходов к проливам Босфор и Дарданеллы, открывавших Средиземное море и европейский рынок, каждый раз надо было отстаивать, и дипломатически, и экономически.

Международные финансовые условия для России того времени можно назвать благоприятными. Денежная реформа С. Ю. Витте (1895–1897 гг.) установила соответствие российской национальной валюты международному стандарту – золоту, что упрощало расчеты по внешнеторговым операциям.

Однако вопросы выплаты внешнего государственного долга (в золоте) составляли постоянную заботу Минфина. Курс российских ценных бумаг на международных биржах необходимо было если не контролировать, то учитывать. Знаменитую фразу министра финансов И. А. Вышнеградского (1887–1892) по поводу нараставшего в эти годы зернового экспорта страны «Недоедим, а вывезем» можно рассматривать не только в контексте внутреннего потребления хлеба (достаточного или недостаточного), как часто отмечают в отечественной историографии, но и в контексте необходимости выплат по государственным долгам страны[5]. Хлебный экспорт, внутреннее потребление, международные финансы, государственный долг страны, статус морских портов, откуда вывозилось российское зерно, – все эти и другие вопросы оказывались взаимозависимыми и составляли фон экспорно-импортной торговли зерном.

Еще одна «линия связи» просматривалась в государственной тарифной политике. Протяженность железнодорожных путей, проложенных из регионов к портам, определяла «стоимость» этой связи. С. Томптстон считает, что это влияние не было определяющим для российского экспортера[6]. Но для российского производителя тарифная политика была важна, так как «перестраивала» положение зернопроизводящих районов «на карте» хлебного рынка страны. Кроме того, вопросы таможенных тарифов, устанавливаемых государством на различные товары, существенно влияли на зерновую торговлю. Один из самых известных сюжетов в этом отношении – так называемая таможенная война России и Германии (1894 г.), по итогам которой был установлен режим наибольшего благоприятствования между Россией и Германией сроком на 10 лет. Через 10 лет была принята Дополнительная конвенция к договору, которая рассматривала вопросы торговли и мореплавания[7].

В целом можно считать, что в начале XX в. геополитические условия, несмотря на их сложность, способствовали интеграции зерновой России в мировой рынок. Однако воспользоваться ими было не просто, так как европейский рынок был сильнее технологически. Россия «встраивалась» в технологическую и институциональную структуру мирового рынка, который уже был сформирован.

Институты (нормы и правила) торговли формируются долго. На европейском рынке уже на протяжении столетий действовали экономические отношения на основе рыночной конкуренции. Несколько поколений торговцев привычно использовало специализированные транспортные, страховые, юридические

[5] Российские частные банкиры могли играть на международном рынке на понижение курса русской валюты. См. Лизунов 2017, 197.
[6] Томптстон 2008, 21.
[7] Пахомов 2019, 77.

компании и конторы, которые не являлись основными акторами (игроками) на рынке, но разработанные ими нормативы составляли общую практику.

Технико-экономическую среду 1870–1890-е гг. называют временем очередной технологической революции, в основе которой лежали новые промышленные технологии (получение дешевой стали, полное развитие парового двигателя для стальных кораблей, производство медных кабелей, электрическое приборостроение, а также бумажной стандартной упаковки, консервированной и бутилированной еды), усовершенствованная инфраструктура (всемирное мореплавание на стальных кораблях, международное железнодорожное сообщение, всемирный телеграф, телефон и электрические сети, огромные мосты и туннели)[8]. Все эти новшества уже были распространены в экономиках ведущих мировых держав (прежде всего стран Западной Европы, среди которых лидирующие позиции занимали Великобритания и теснившая ее Германия).

К началу XX в. уже стало заметно, что промышленная и индустриальная революции меняли структуру экономики, в которой доля аграрного сектора снижалась. Одновременно с этим росла доля промышленности, услуг, а в структуре занятости – доля индустриальных рабочих, проживавших в городах. Эти процессы «долгого действия» увеличивали потребность в хлебе, влияли на международную торговлю зерном, где росла доля пока еще аграрных государств (таблица 1). Среди них Россия, США, Канада, Австралия, страны Азии, Южной Америки, Индия, Румыния. Конкуренция на зерновом рынке нарастала[9].

Россия была восточной окраиной мирового рынка, Северная и Южная Америка – западной. Центром этого рынка была Западная Европа. Здесь находились и главные пункты зерновой торговли. На Европу приходился основной оборот зерна (92,1 %), ее роль немного снизилась в начале XX в., но по-прежнему оставалась ведущей. Сюда в 1909–1913 гг. попадало 90,5 % мирового ввоза зерна, в том числе ржи – 94,4 %, ячменя – 98,4 %, овса – 94,2 %, пшеницы (87,3 %) и муки (89,3 %)[10].

Шесть региональных рынков (английский, франко-бельгийский, южноевропейский, германо-голландский, скандинавский, центрально-европейский) имели свои зерновые предпочтения. Великобритания – главный потребитель зерна (26,5 % мирового ввоза), чаще покупала пшеницу, германо-голландский рынок (Германия, Австрия, Голландия) был монопольным потребителем серых хлебов (рожь – 46,5 % и ячмень 66,2 %). На третьем месте стоял франко-бельгийский зерновой рынок, поглощавший 14,2 % мирового и 15,4 % европейского ввоза всех хлебов.

[8] Перес 2011, 38.
[9] Томптстон 2008, 28–30.
[10] Лященко 1927, 254.

Таблица 1. Мировой вывоз в зерне (основных хлебов) и муке (среднем за 5 лет) в абсолютных и относительных показателях за 1909–1918 гг.[11]

	1909–1913 гг.		1914–1918 гг.	
	Тыс. квантилей	%	Тыс. квантилей	%
Мировой вывоз (вместе с Россией)	413 589	100	267 831	100
В том числе из России	107 754	26,1	13 772	5,1
Мировой вывоз без России	305 835	73,9	254 059	94,9
В том числе: из США	68 530	16,5	140 810	52,6
из Южной Америки	63 488	15,3	52 822	19,7
Из Океании	14 145	3,4	12 169	4,5
Из европейских стран-производителей	62 920	15,2	13 295	5,0
Из Азии	20 424	4,9	15 689	5,9
Из Африки	7203	1,7	7404	2,8

От торговли к рыночной экономике: вехи становления капиталистических институтов европейской торговли

В большинстве культур хлеб, зерно – основа жизни человека. Эта базисная составляющая современной цивилизации сформировалась еще в древние времена, на заре цивилизации пророк Юсуф в исламе (целомудренный Иосиф в христианстве) в древнем Египте, примерно в IV тыс. до н. э. был смотрителем государственных хранилищ зерна (Коран, сура 12, аят 55–56). В Евангелии притчи о хлебе насущном, о важности посевов зерна (зерен) в метафорической форме фиксировали фундаментальную составляющую человеческого труда и жизни. Зерно важно было вырастить и сохранить. В Древнем Риме существовали практики бесплатной раздачи хлеба неимущим в целях сохранения социального спокойствия и благополучия.

Другим базисным элементом не только европейской, но мировой культуры было уважительное отношение к обмену и торговле. Торговля должна была быть честной, без обвешиваний и обмериваний. Священные писания (Евангелие, Коран) осуждают ростовщичество (кредит с ростом) и лихоимство. Уважение к торговцу (купцу) основывалось на его знаниях традиций разных народов, языков, торговых практик и хозяйственного поведения (этоса), потребностей потребителей и возможностей продавцов. Жажда обогащения,

[11] Лященко 1927, 263.

стремление получить больше богатства или прибыли, конечно, имела место и в древности. Однако это было порицаемой, не поддерживаемой религией нормой.

Кардинальные перемены в отношении общества к богатству, накопительству и прибыли произошли в эпоху, которую называют периодом первоначального накопления капитала (в экономике), Великими географическими открытиями (в географии), Возрождения (в живописи и архитектуре), Реформации (в истории религий). В течение примерно 300 лет (8–10 поколений) сознание европейца изменилось кардинально. Пираты, корсары, морские разбойники обрели флер романтизма и придворные звания; проценты, кредиты, рента стали обычной практикой. Рациональное мышление, систематический учет расходов и доходов, аскетический образ жизни и надежды на избранность с возможностями заслужить рай еще при земной жизни отличали, по мнению М. Вебера (1864–1920), европейского предпринимателя-протестанта от предпринимателя (торговца) других эпох и государств[12]. Наилучшей характеристикой нового мышления, отмечает М. Вебер, была философия Б. Франклина, идеалом которой был «кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель»[13]. При современном капитализме «уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование направлено на приобретательство, которое становится целью жизни человека. Этот с точки зрения непосредственного восприятия бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы «естественным» порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его веянием»[14]. В XIX в. такой рыночный капитализм в соединении с машинными промышленными технологиями занял ведущие позиции и в мышлении, и в предпринимательской деятельности, и в хозяйственном поведении европейского человека. К этому времени религиозный окрас мировоззрения серьезно ослаб, тогда как, благодаря системе образования и семейного воспитания, рационализм остался его основой. Не углубляясь в эту сложнейшую тему, обратимся к торговым международным практикам, которые стали устойчивыми за эти 300 лет.

Известный французский историк XX в. Ф. Бродель, досконально изучавший работу мелких местных рынков Европы и Азии XIV–XVI вв., которые он обозначал как «мир-экономики», выделял особую роль и значение торговцев-негоциантов. Их дело характеризовали ведение оптовой торговли, отсутствие

[12] Вебер [1905] 1990.
[13] Там же, 22–26.
[14] Там же, 36.

специализации, частое совмещение торговых и дипломатических функций[15]. Однако такой патриархальный мир торговли стал преобразовываться с началом морских и особенно океанских торговых экспедиций, примерно с конца XV в., на юге Италии раньше. Океанские торговые экспедиции, каждая из которых представляла собой целый проект, перспективный и рискованный, сделали необходимыми коммерческое страхование грузов, судов, оставляемых имуществ. Эта практика, зародившись еще в эпоху средневековых крестовых походов, приобрела новое рациональное содержание и современные формы. Появились и ценные бумаги – векселя, чеки, банкноты. Их учет, проверка на достоверность получали все большее развитие и требовали правовой защиты, специализированных знаний и профессионального обучения этому делу.

К. Маркс называл это время эпохой первоначального накопления капиталов, выделяя стадию формирования торгового капитализма (Капитал. Т. 1. Гл. 24). Одним из важнейших «двигателей» эпохи первоначального накопления К. Маркс считал «жажду золота», толкавшую к завоеванию новых просторов безземельных европейских рыцарей. Но становление капитализма он связывал с превращением средств производства (земли и рабочей силы) в товар.

Многоплановость и разнообразие процессов, экономических, социальных, политических, духовно-религиозных и культурных, происходивших на европейском континенте на протяжении XVI–XIX вв. настолько велики, что их невозможно охватить в единстве ни одному исследователю[16].

Обобщая выводы М. Вебера, К. Маркса, Ф. Броделя, отметим лишь, что к началу XX в. в мышлении, сознании, профессиональном образовании, хозяйственном поведении, предпринимательской деятельности европейских и американских участников мировой торговли сформировались устойчивые неформальные и формальные институты, которые определяли фон и основные правила международной торговли, в том числе зерном. Вековые традиции в торговле поддерживали европейские фирмы, передававшие свой бизнес по наследству.

Технико-технологические преимущества стран «первого эшелона капитализма», глубокие институциональные практики вкупе с изменчивой военно-дипломатической, внешнеполитической ситуацией, – вот далеко не полный перечень обстоятельств, условий и ситуаций, в которых осуществлялась экспортная торговля России зерном в начале XX в.

[15] Бродель 1988.

[16] Самостоятельный сюжет в этом контексте может представлять и анализ государственной внешнеэкономической политики меркантилизма и протекционизма.

Обмен – торговля – рынок: «сжатая пружина» российского капитализма

Реформы 1860–1870-х гг. способствовали активизации хозяйственной жизни в России и участию в сфере торговли представители всех сословий.

Динамика российского вывоза зерна на протяжении второй половины XIX – начала XX в. впечатляет (таблица 2)[17]. Объем российского экспорта в 1890–1910-е гг. в натуральном исчислении вырос на 55 %, в денежном – на 94 %.

Таблица 2. Хлебный экспорт России в 1900–1913 гг.

Годы	млн пуд.	%	млн руб.	%
1900	418,8	100	304,7	100
1903	650,4	155	477,6	159
1906	588,9	141	470,5	158
1909	760,7	182	748,3	249
1912	548,5	131	547,1	180
1913	647,8	155	589,9	194

Главными торговыми партнерами на протяжении всего периода оставались страны Западной и Южной Европы.

Одновременно с количественным ростом экспорта шли и качественные подвижки. С. Р. Томптстон, рассматривая различные аспекты, связанные со специализацией и разделением труда в сфере внешней торговли России, отметил, что технический прогресс в западных странах (особенно телеграфное сообщение, паровое судоходство), начавшийся ранее, чем в России, ослабил ее позиции на мировом рынке[18]. В портах был низкий уровень механизации, не хватало удобных гаваней для большегрузных судов. Эти технические неудобства увеличивали издержки, удорожали погрузочно-разгрузочные работы и т. д.[19] Влияло даже то, что вплоть до 1914 г. в деловой переписке России преобладало почтовое, а не телеграфное сообщение[20]. Тем не менее заметим, что технические и институциональные улучшения шли и уже были заметны на протяжении жизни одного-двух поколений.

Основными пунктами сбыта российского зерна были порты Балтийского, Черного и Азовского морей. На Балтике это порты Либава, Рига и Ревель, на юге – Одесса, Николаев, Феодосия, Новороссийск, на Азовском море – Мариуполь, Таганрог, Бердянск, Ейск, Херсон. Речной порт Ростова-на-Дону также был «встроен» в мировой рынок. Одессу, Ростов-на-Дону уже в XIX в. называли космополитическим городами.

[17] Россия 1995, 214.
[18] Томптстон 2008, 63.
[19] К примеру, в Одессе стоимость погрузки 1 пуда зерна составляла 5,5–6 коп., тогда как в Европе подобные работы обходились в 1–1,5 коп.: Томптстон 2008, 71.
[20] Там же, 75.

К началу XX в. в мировой торговле зерном обязательными были следующие функции (или стадии) и необходимы профессиональные знания (таблица 3).

Таблица 3. Основные функции мировой торговли зерна, необходимые профессиональные навыки для их реализации (начало XX в.)

	Стадия	Основная функция	Профессии
1	Сбор партии зерна, проверка качества на месте производства	Подготовка товара к продаже	Коммивояжеры, торговые агенты компаний, маклеры по экспорту товаров (в том числе биржевые маклеры)
2	Перемещение зерна к экспортному пункту (порту, ж.-д. станции)	Транспортировка торговых грузов	Специалисты коммерческих служб государственных и частных железнодорожных обществ, коммерческие службы пароходств, компании по грузоперевозкам
3	Складирование и хранение товара в точке продаж	Подготовка торговой сделки	Специалисты элеваторного дела, учета, хранения и складирования товара (приемщик)
4	Страхование	–//–	Специалисты страховых компаний, страховых операций в банках
5	Стандартизация товара	–//–	Специалисты в области мер и весов (Палата мер и весов была создана в России в 1893 г.)
6	Торговая экспертиза	–//–	Биржевой эксперт (с 1901 г.)
7	Погрузочно-разгрузочные работы		Грузчики, контролеры
8	Купля-продажа. Торговая сделка	Согласование цены. Сделка	Покупатель и продавец
9	Финансовое обеспечение сделки	Расчеты по сделке	Банки[21], специализированные банковские службы, банкирские и торговые дома
10	Перевозка к пункту сбыта зерна. Фрахт	Транспортировка купленного товара	Экспедиторы (экспедиторские конторы), маклеры по найму судов, агенты по морским перевозкам, брокеры судовых компаний
11	Правовое сопровождение, международный арбитраж		Юристы, нотариусы, специалисты в области торгового права, в том числе международного. Биржевой арбитраж, третейские суды, коммерческие суды[22]
12	Таможенный контроль, другие формы государственного регулирования	Государственный контроль	Таможенники, юристы, переводчики, смотрители-контролеры

[21] С. Томптстон называет особенностью России наличие экспортных отделов в ведущих коммерческих банках (Томптстон 2008, 28).
[22] Ольшанская 2014, 73.

13	Информационно-представительская	Информационно-аналитическая	Средства массовой информации, специализированные газеты и журналы. Консульская служба (в 1911 г. Россия подписала Каракасскую конвенцию о консульских функциях[23])
14	Информационная аналитика бизнеса		Российско-Английская торговая палата (1908), Российско-Французская торговая палата (1909), Немецко-Русский союз содействия развитию взаимных торговых отношений (1899), Российская экспортная палата (1910)
15	Государственная аналитика внешней торговли зерном		Торговые консулы[24], торговые представительства Министерства торговли и промышленности (14 агентств в 1912 г.)[25], дипломатические агенты Министерства финансов

Можно констатировать, что в России в 1900-е гг. главные профессиональные компетенции, необходимые для совершения экспортно-импортной сделки, в основном «закрывали» имеющиеся здесь профессии, институты и организации.

В России в начале XX в., по неполным данным, работало 94 биржи. Из них, как свидетельствует справочник по биржевой торговле, изданный для торговых консульств России за рубежом, на зерновой экспорт сделки вели следующие биржи: Калашниковская хлебная (Санкт-Петербург), Московская хлебная, Армавирская (Кубанская обл.), Балашовская (Саратовской губ.), Батумская (Кутаисской губ.), Бердянская (Таврической губ.), Воронежская, Ейская, Екатеринославская, Елецкая (Орловской губ.), Елисаветградская (Харквской губ.), Курская, Кременчугская (Полтавской губ.), Мариупольская (Полтавской губ.), Моршанская, Николаевская (Херсонской губ.), Николаевская (Самарской губ.), Новороссийская, Одесская, Потийская (Кутаисской губ.), Ростовская-на-Дону, Самарская, Саратовская, Симбирская, Сызранская (Симбирской губ.), Таганрогская (Область Войска Донского), Уфимская, Херсонская, Царицынская, Феодосийская. Всего 30. Закон о биржевом контроле за вывозимое за границу зерно был принят 2 мая 1910 г.[26]

[23] Торшина 2009, 79–88.

[24] Консульский устав (по вопросам торгового мореплавания) был принят в 1858 г., затем дополнялся и корректировался в 1893 и 1903 гг. (Там же).

[25] Торговые агентства Министерства торговли и промышленности действовали в 1912 г. в Лондоне, Берлине, Вене, Константинополе, Марселе, Генуе, Роттердаме, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Софии, Вашингтоне, Тегеране, Шанхае, Урге. См.: Дорохина 2013.

[26] Жолобова 2001, 18.

На биржах действовали биржевые маклеры, третейские суды (арбитраж, пионером арбитража был с 1880 г. Одесский биржевой комитет), котировальные, экспертные и другие комиссии. Тенденция «европеизации» бирж проявлялась в использовании современных технических возможностей, распространении на крупных биржах сделок на срок (фьючерсных сделок), но при сохранении отечественной самобытности (биржевые артели, связь с ярмарочной торговлей, активное участие государства в поддержке и регламентации биржевой деятельности)[27]. В активном ходу в начале XX в. были различные способы оплаты сделок с использованием ценных бумаг (векселей, чеков, варрантов и т. д.). Все это подталкивало развитие коммерческого образования (см. работы А. А. Бессолицына).

Сделки на биржах вели российские торговцы, представители иностранных фирм, банков, российских банкирских и торговых домов. В первой половине XIX в. главными посредниками в российко-английской зерновой торговле были греки и немцы[28]. Греческие и немецкие торговцы из Одессы (Ралли, Скаранга, Родоконаки, Маврокардато, Вальяно и др.) контролировали зерновой экспорт на Юге. В 1860-е гг. на рынок вышли еврейские (Дрейфус, Нойфельд) и немецкие (Маас) экспортеры. Л. Дрейфус в 1873 г. открыл представительства в Таганроге и Одессе, в 1880 г. – в Ростове-на-Дону. Учитывая возраставший городской спрос на зерно в Европе, он развернул активную закупку хлебов в России и Центральной Европе (в бассейне реки Дунай). Для перевозок использовал арендованную флотилию (с 1890 г.) из парусных судов и пароходов на Азовском и Черном морях и под российским флагом осуществлял экспорт. Затем (с 1903 г.) он создал собственную флотилию из пароходов, осуществлял перевозку зерна из Одессы до Ливерпуля, проходя через основные порты Средиземного моря. Головная контора его фирмы располагалась в Самаре, а с 1910 г. – в Петербурге. Со второй половины XIX в., как отметил В. Сартор, круг экспортеров расширился за счет российских предпринимателей (С. Морозов, Малютин, Минаев), вошедших в международный торговый бизнес. Но только пять компаний (Ralli, Scamaranga, Rodochanaki, Dreyfus и E. G. Barndt) постоянно держали в своих руках около 20–30 % внешнеторгового оборота в России, включая северные порты[29].

Активными участниками экспортной зерновой торговли были коммерческие банки (Азовско-Донской, Волжско-Камский и другие)[30]. С. Томптстон видит в этом особенность российской внешней торговли.

---

[27] Щербинин 2011, 16.
[28] Томптстон 2008, 56.
[29] Сартор 2011, 230.
[30] С. Л. Поляков, уроженец Таганрога, основатель Азовско-Донского банка, по сути, был основателем холдинга, к началу XX века имел прочные личные и деловые связи с восемнадцатью торговыми, промыш-

Заключение

Конец XIX – начало XX в. – период активной интеграции России в мировое хозяйство. Глобализация экономических отношений проявлялась во многих сферах экономики, в том числе зерновой торговле. Россия (до 1914 г.) оставалась крупнейшим поставщиком зерна на мировой рынок.

Организация зерновой торговли строилась на основе технических и институциональных правил, определяемых не мировым продавцом, но мировым покупателем. Для Западной Европы, центра мирового оборота зерна, эти правила базировались на глубоком фундаменте, в основе которого лежали рациональное мышление, пошаговый учет всех операций, поддержание баланса «затраты – расходы» с обязательной нормой прибыли. Правовое сопровождение, жесткие стандарты качества, страхование были обязательными элементами торгов.

История российской торговли по своим стадиям развития в целом совпадала с европейскими, отличительным ее свойством, пожалуй, можно назвать очень быстрое формирование практик, основанных на технической и технологической основе промышленного капитализма, что и создавало ощущение «сжатой пружины». Пожалуй, можно говорить, что все технические элементы зернового рынка были освоены русским бизнесом очень быстро, менее чем за 40–50 лет, всего на протяжении одного-двух поколений российского предпринимательства[31]. Российский бизнес показал способность к быстрому освоению технических и технологических новаций. Неформальные институциональные отношения и культура торговли в России были гораздо многообразнее, а религиозное сознание распространено более широко, чем в Европе. Церковные молебны предваряли крупные торги[32] и даже, бывало, осмотры таможенных товаров[33].

В мировой зерновой торговле соприкасалась разные культурные коды[34], часто сопровождавшиеся непониманием сторон.

Участниками торгов, особенно во внутренних районах, были не владельцы многовекового семейного бизнеса, а многочисленные ведущие торги на собственный страх и риск активные дельцы. Это явление, названное «демокра-

---

ленными и транспортными акционерными обществами. В разные годы представители семьи Поляковых в Таганроге выполняли функции персидского генерального консула, османского генерального консула, торгового консула Соединенных Штатов, датского вице-консула и имели разнообразные международные деловые отношения. Это была распространенная практика.

[31] К примеру, М. И. Роднов говорит о «взрывном влиянии» технологий Волжско-Камского банка на деятельность уфимского провинциального бизнеса в конце XIX в. См.: Роднов 2020, 190.

[32] См. Шкунов 2013.

[33] Об этом в своих заметках писал брат А. П. Чехова Александр Павлович, служивший в Таганрогской таможне в конце XIX – начале XX в. См.: Смирнов 2010, 266–281.

[34] О связи религии и культурных кодов, действующих в экономике, см. Аузан 2022, 32–46.

тизацией» зерновой торговли, имело как плюсы, так и минусы. К последнему относят недобросовестность, большую загрязненность партий зерна, собранных такими дельцами. Подключение крупных банков к экспортной торговле В. Сартор объясняет именно этими причинами[35]. Возможно, это и так. Возможно, подобные требования еще не стали главной ценностью в российской зерновой торговле.

Итак, в начале XX в. техническая, торговая специализация вкупе с крупным торгово-промышленным капиталом создавали объективные преимущества на зерновом рынке западным компаниям перед российскими.

В реалиях 1900-х гг. на всех трех главных стадиях торгового обмена (подготовка – сделка – доставка товара потребителю) действовали разные правила и взаимодействия. Для западных партнеров надежнее было сопровождение товара на протяжении всего длинного пути его следования к точке экспорта, то есть порту, а это возможно лишь при сопровождении его со стороны специализированной крупной фирмы-покупателя, либо надежной организации, взявшей эти функции на аутсорсинг. «Демократизация» или монополизация хлебной торговли, о которой существуют противоположные суждения, с нашей точки зрения, относятся к разным этапам торговли. Как правило, мелкий скупщик был активен на первой стадии сбора зерна в крупные партии для продажи, тогда как монополилистический торговый и банковский капитал действовал преиущественно на последней стадии. Но так как все стадии обмена были связаны между собой в единую торговую сеть, требовалось время для того, чтобы правила «цивилизованной» торговли стали едиными для всех участников. На данном же этапе глобалиации все «сливки» зернового экспорта снимали сильные игроки, то есть потребители российского зерна.

Литература / *References*

Аузан 2022 = *Аузан А. А.* Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М., 2022. 160 с.

Auzan A. A. Kul'turnye kody ekonomiki: kak tsennosti vliyayut na konkurentsiyu, demokratiyu i blagososto yanie naroda [Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy and the Welfare of the People]. Moscow, 2022. 160 p.

Бродель 1988 = *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988.

Braudel F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. [Material Civilization, Economy and Capitalism of the XV–XVIII Centuries]. Vol. 2. Igry obmena [Exchange Games]. Moscow, 1988.

[35] Сартор 2011, 231.

Вебер [1905] 1990 = *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. *Ю. Н. Давыдова*. М., 1990. 808 с.

Weber M. Protestantskaya etika i duh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism] // Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]: Transl. from Germ. / Ed. by *Yu. N. Davydov*. Moscow, 1990. 808 p.

Гуансян 2021 = *Гуансян Ч.* Перевозка основных товаров по Волге и экономическое развитие России в период новой истории (1850–1913 гг.) // Экономическая история. Ежегодник 2020. М., 2021. С. 21–57.

Guangxiang Ch. Perevozka osnovnyh tovarov po Volge i ekonomicheskoe razvitie Rossii v period novoy istorii (1850–1913 gg.) [Transportation of basic goods along the Volga and the economic development of Russia in the period of modern history (1850–1913)] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik 2020 [Economic History. Yearbook 2020]. Moscow, 2021. P. 21–57.

Дорохина 2013 = *Дорохина О.* История внешнеторговых представительств в России // Коммерсант. 2013. 20.05.

Dorokhina O. Istoriya vneshnetorgovyh predstavitel'stv v Rossii [History of Foreign Trade Representative Offices in Russia] // Kommersant. 2013. 20.05.

Жолобова 2001 = *Жолобова Г. А*. Правовое регулирование торгово-промышленных отношений в пореформенной России. 1881–1913 гг.: автореферат дис. … канд. юр. наук. М., 2001. 23 с.

Zholobova G. A. Pravovoe regulirovanie torgovo-promyshlennyh otnosheniy v poreformennoy Rossii. 1881–1913 gg. [Legal Regulation of Trade and Industrial Relations in Post-reform Russia. 1881–1913]: PhD thesis. Moscow, 2001.23 p.

Китанина 2011 = *Китанина Т. М*. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. 608 с.

Kitanina T. M. Hlebnaya torgovlya Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnye protsessy, pravitel'stvennaya politika [Grain Trade in Russia in the Late XIX – Early XX Century. Survival Strategy, Modernization Processes, Government Policy]. St. Petersburg, 2011. 608 p.

Лизунов 2017 = *Лизунов П. В.* Банкирский дом «И. Е. Гинцбург» и его владельцы. СПб., 2017. 288 с.

Lizunov P. V. Bankirskij dom «I. E. Gintsburg» i ego vladel'tsy [I. E. Ginzburg Banking House and Its Owners]. St. Petersburg, 2017. 288 p.

Морозан 2014 = *Морозан В. В.* Деловая жизнь на Юге России в XIX – начале XX века. СПб., 2014. 616 с.

Morozan V. V. Delovaya zhizn' na YUge Rossii v XIX – nachale XX veka [Business Life in the South of Russia in the XIX – Early XX Century]. St. Petersburg, 2014. 616 p.

Нарыкова 2018 = *Нарыкова М. В.* Международные инструменты защиты аграрных интересов России накануне Первой мировой войны // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 24 / отв. ред. *В. Н. Никулин*. Калининград, 2018. С. 157–164.

Narykova M. V. Mezhdunarodnye instrumenty zashchity agrarnyh interesov Rossii nakanune Pervoy mirovoy voyny [International Instruments for the Protection of Russia's Agrarian Interests on the Eve of the First World War] // Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii: mezhvuzovskiy tematicheskiy

sbornik nauchnyh trudov [The North-West in the agrarian history of Russia: Interuniversity thematic collection of scientific papers]. Vol. 24 / Ed. by *V. N. Nikulin*. Kaliningrad, 2018. P. 157–164.

Ольшанская 2014 = *Ольшанская Л. В.* История коммерческого суда как фактор активизации торгово-промышленной жизни России второй половины XIX века // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5, № 4 (22). С. 73–77.

Ol'shanskaya L. V. Istoriya kommercheskogo suda kak faktor aktivizatsii torgovo-promyshlennoy zhizni Rossii vtoroy poloviny XIX veka [The History of the Commercial Court as a Factor in the Activation of the Commercial and Industrial Life of Russia in the Second Half of the XIX Century] // Izvestiya MGTU "MAMI" [Izvestiya MSTU "MAMI"]. 2014. Vol. 5, No. 4 (22). P. 73–77.

Пахомов 2019 = *Пахомов А. А.* Внешнеторговая и инвестиционная политика царской России в начале XX в. // Институт торговой политики НИУ ВШЭ. Торговая политика. Trade Policy. 2019. № 3 (19). С. 73–95.

Pahomov A. A. Vneshnetorgovaya i investitsionnaya politika tsarskoy Rossii v nachale XX v. [Foreign Trade and Investment Policy of Tsarist Russia at the Beginning of the XXth Century] // Institut torgovoy politiki NIU VSHE. Torgovaya politika. Trade Policy [Institute of Trade Policy of the Higher School of Economics. Trade Policy]. 2019. No. 3 (19). P. 73–95.

Перес 2011 = *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011. 232 с.

Perez C. Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyy kapital. Dinamika puzyrey i periodov protsvetaniya [Technological Revolutions and Financial Capital. Dynamics of Bubbles and Periods of Prosperity]. Moscow, 2011. 232 p.

Роднов 2012 = *Роднов М. И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. 224 с.

Rodnov M. I. Prostranstvo hlebnogo rynka (Ufimskaya guberniya v kontse XIX – nachale XX vv.) [Bread Market Space (Ufa Province in the Late XIX – Early XX Centuries)]. Ufa, 2012. 224 p.

Роднов 2020 = *Роднов М. И.* Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX века). Уфа, 2020. 238 с.

Rodnov M. I. Volzhsko-Kamskiy kommercheskiy bank i ufimskoe kupechestvo (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Volga-Kama Commercial Bank and Ufa Merchants (the Second Half of the XIX – Early XX Century)]. Ufa, 2020. 238 p.

Россия 1995 = Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. 415 с.

Rossiya. 1913 god. Statistiko-dokumental'nyj spravochnik [Russia. 1913. Statistical and Documentary Reference]. St. Petersburg, 1995. 415 p.

Сартор 2011 = *Сартор В.* Жизненный узел. Зерновой экспорт России в XIX – начале XX в. Структурные особенности и причины зависимости экономики России // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011 № 5. С. 226–232.

Sartor V. Zhiznennyy uzel. Zernovoy eksport Rossii v XIX – nachale XX v. Strukturnye osobennosti i prichiny zavisimosti ekonomiki Rossii [Vital Node. Grain Exports of Russia in the XIX – Early XX Century. Structural Features and Causes of Dependence of the Russian Economy] // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta [Works of the Historical Faculty of St. Petersburg University]. 2011. No. 5. P. 226–232.

Смирнов 2003 = *Смирнов А. Е.* Агенты Министерства финансов Российской империи за границей (С. С. Татищев в Лондоне): автореф. … дис. канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Smirnov A. E. Agenty Ministerstva finansov Rossiyskoy imperii za granitsey (S. S. Tatishchev v Londone) [Agents of the Ministry of Finance of the Russian Empire abroad (S. S. Tatishchev in London)]: PhD thesis. Moscow, 2003. 22 p.

Смирнов 2010 = *Смирнов А. В.* Таможенник Чехов (детство, молодость, служба в таганрогской таможне) // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 2 (36). С. 266–281.

Smirnov A. V. Tamozhennik Chehov (detstvo, molodost', sluzhba v taganrogskoy tamozhne) [Customs Officer Chekhov (Childhood, Youth, Service in Taganrog Customs)] // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V. B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii [Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov]. 2010. No. 2 (36). P. 266–281.

Томптстон 2008 = *Томптстон С. Р.* Российская внешняя торговля XIX – начала XX в. М., 2008. 470 с.

Tomptston S. R. Rossiyskaya vneshnyaya torgovlya XIX – nachala XX v. [Russian Foreign Trade of the XIX – Early XX Century]. Moscow, 2008. 470 p.

Торшина 2009 = *Торшина О. М.* История становления и развития консульской службы // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2009. № 3. С. 79–88.

Torshina O. M. Istoriya stanovleniya i razvitiya konsul'skoy sluzhby [The History of the Formation and Development of the Consular Service] // Vestnik RUDN. Seriya Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law]. 2009. No. 3. P. 79–88.

Шкунов 2013 = *Шкунов В. Н.* Русская православная церковь в системе внешней торговли России с древнейших времен до 1917 года. Ульяновск, 2013. 540 с.

Shkunov V. N. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v sisteme vneshney torgovli Rossii s drevneyshih vremen do 1917 goda [The Russian Orthodox Church in the System of Foreign Trade of Russia from Ancient Times to 1917]. Ulyanovsk, 2013. 540 p.

Щербинин 2011 = *Щербинин С. С.* Становление и развитие биржевой торговли в России 1703–1914 гг.: автореферат дис. … канд. экон. наук. М., 2011. 23 с.

Shcherbinin S. S. Stanovlenie i razvitie birzhevoy torgovli v Rossii 1703–1914 gg. [Formation and Development of Exchange Trading in Russia 1703–1914.]: PhD thesis. Moscow, 2011. 23 p.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ РУССКОГО ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОНЯТИЕ И МАСШТАБЫ[1]

Юлия Александровна Жердева

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0003-4842-9853
ScopusID: 57208394068
ResearcherID: E-7944-2013
РИНЦ AuthorID: 321496

Аффилиация:

Самарский национальный исследовательский университет
имени акад. С. П. Королева

Электронная почта:
jujuly@yandex.ru

В статье рассматривается понятие демобилизации на материалах Русского фронта Первой мировой войны и дается характеристика масштабов демобилизации русской армии в конце 1917 – начале 1918 г. Демобилизация здесь понимается как комплексный процесс, охватывающий не только численный состав армии, но также ее ресурсы (военное имущество) и животных (лошадей). Основными источниками исследования являются фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и статистические материалы отдела военной статистики Центрального статистического управления. Методологической основой исследования, помимо принципов историзма и объективности, стали историко-сравнительный подход и экологическая история. Автор показывает, что ключевым принципом демобилизации русской армии стала трехчленная формула: «люди – лошади – имущество», которая отражала приоритеты демобилизации, выработанные Ставкой. На статистическом материале показывается сложность оценки масштаба демобилизации для современного исследователя, приводятся различные данные численности армии и конского состава, подлежавшего демобилизации. Оценка масштаба демобилизации позволяет проследить два противоположных тренда: численность людского состава и конского состава армии неуклонно уменьшалась в конце 1917 – начале 1918 г., сокращая объем демобилизации и требуемых для нее ресурсов, а объем военного имущества, напротив, оставался стабильным и к концу 1917 г. достиг невиданных для всего периода войны показателей. Соответственно, демобилизация людского и конского состава, отягощенная дезертирством войск и голоданием лошадей, должна была пройти проще и менее болезненно, чем демобилизация военного имущества, которое не просто увеличивалось в размерах, но и оказалось без охраны и транспорта в условиях бегства с фронта солдат и железнодорожного кризиса.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский фронт, демобилизация, конский состав, статистика.

Для цитирования:
Жердева Ю. А. Демобилизация русского фронта Первой мировой войны: понятие и масштабы // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 339–350. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.024

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-59-14003 «Великая война и антропоцен: токсичное наследие империй и трансформация окружающей среды в Центральной и Восточной Европе».

DEMOBILISATION OF THE RUSSIAN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR: CONCEPT AND SCOPE[2]

Yulia A. Zherdeva

About the author:

PhD in History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0003-4842-9853
ScopusID: 57208394068
ResearcherID: E-7944-2013
РИНЦ AuthorID: 321496

Affiliation:

Samara National
Research University

Email:
jujuly@yandex.ru

The article examines the concept of demobilisation on the materials of the Russian front of the First World War and characterises the scale of demobilisation of the Russian army in late 1917 – early 1918. Demobilisation is understood here as a complex process, covering not only the numerical composition of the army, but also its resources (military property) and animals (horses in the first place). The main sources of the study are the fonds of the Russian State Military History Archive (RGVIA) and statistical materials of the Military Statistics Department of the Central Statistical Office. The methodological basis of the study, in addition to the principles of historicism and objectivity, is the historical-comparative approach and environmental history. The author shows that the key principle of demobilisation of the Russian army became the three-member formula: «men – horses – property», which reflected the priorities of demobilisation developed by the Stavka. The statistical material shows the difficulty of estimating the scale of demobilisation, which the modern researcher is facing, and provides different data on the number of army and horse personnel subject to demobilisation. The author concludes that the assessment of the scale of demobilization allows us to trace two opposite trends: the number of men and horses in the army steadily decreased in late 1917 – early 1918, reducing the volume of demobilization and the resources required for it, while the volume of military property, on the contrary, remained stable and by the end of 1917 reached unprecedented figures for the entire period of the war. Accordingly, the demobilization of manpower and horses, burdened by desertion of troops and starvation of horses, should have been easier and less painful than the demobilization of military property, which not only increased in size, but also found itself without protection and transport in the conditions of soldiers fleeing from the front and the railway crisis.

Keywords: World War I, Russian Front, demobilization, cavalry, statistics.

For citation:
Zherdeva Yu. A. Demobilization of the Russian Front of the First World War: Concept and Scope // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 339–350. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.024

Демобилизация русской армии периода Первой мировой войны должна рассматриваться как задача не только военных организаций, но также правительственных и общественных[3]. С самого начала войны сложилась эта тройственная структура снабжения армии и обслуживания ее нужд, поскольку ста-

[2] The research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research under the research project No. 21-59-14003 «The Great War and the Anthropocene: Toxic Legacy of Empires and Environmental Transformation in Central and Eastern Europe».

[3] РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 94. Л. 47.

ло понятно, что масштабы мобилизации армии и необходимых ей ресурсов не могут быть обеспечены исключительно армейскими институтами. С одной стороны, разделение полномочий и помощь в их осуществлении сыграли положительную роль в снабжении и санитарном обеспечении, однако, с другой – запутали всю систему подчинения и снабжения, а с лета 1915 г. усложнили ее политическим конфликтом между правительственными и общественными организациями[4]. Всё это не могло не оказать отягощающего влияния на проведение демобилизации армии и военного имущества Русского фронта.

Ключевым принципом демобилизации была трехчленная формула: «В первую очередь перевозятся люди, во вторую – лошади для передачи населению и в тыл, в третью – небольшими частями ценное имущество, если останутся вагоны для этой цели»[5]. В этой цитате из телеграммы Управления по демобилизации Северного фронта от 30 декабря 1917 г. ключевым сообщением являются ее последние слова: «если останутся вагоны для этой цели», – из которых становится понятно, насколько велика была неопределенность процесса отправки людей, животных и имущества с театра военных действий. По сути, ни военное, ни гражданское руководство не могло гарантировать ни своевременную отправку с фронта, ни наличие необходимого транспорта, даже если требуемое количество его было приблизительно понятно.

В российской историографии демобилизация русской армии до сих остается периферийным сюжетом для исследователей Первой мировой войны. Наглядным свидетельством этого является отсутствие специальной статьи по демобилизации в недавно опубликованной «Энциклопедии Первой мировой войны», раскрывающей множество узких и частных сюжетов[6]. Причиной тому является в первую очередь неоднородность источниковой базы и неравномерная представленность материалов демобилизации по всем армиям Русского фронта. Вследствие революционных процессов, осложнивших сохранение документов в архивах, а также из-за того, что часть штабов быстро попали под оккупацию, не все армии успели отправить в Петроград свои архивы. В итоге лучше всего оказалась изучена демобилизация Северного и Западного фронтов, армии которых сумели отправить документы ликвидационных комиссий, доступные сегодня в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Наиболее подробно демобилизация рассмот-

[4] Шевырин 2003.
[5] РГВИА. Ф. 2106. Оп. 7. Д. 65. Л. 83.
[6] Сорокин (ред.) 2014.

рена в исследованиях С. Н. Базанова и В. В. Краснокутского[7]. Эти авторы изучали преимущественно процессы, происходившие в людском составе армии, анализируя такой важный аспект, как политизация армии. Однако в последние годы появились исследования Л. В. Ланника и М. В. Оськина, которые рассматривают демобилизацию шире, как проблему сохранности военного имущества русской армии и международных соглашений[8].

Отметим, что затруднение для исследователей представляет рассредоточенность документов по разным странам, в частности, материалы по демобилизации Юго-Западного фронта хранятся не только в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), но и в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве (ЦГИАК). В результате российские исследователи опираются, преимущественно, на архивные материалы из российских архивов, а украинские исследователи – из украинских, что затрудняет понимание целостной перспективы этого процесса. Наконец, приходится учитывать специфику демобилизации разных фронтов: с Кавказа, из Румынии, Галиции и северо-западных регионов бывшей Российской империи, – территориальный фактор вносил свои коррективы в этот процесс, где-то принимавший политический, а где-то скорее хозяйственный характер.

Основной фокус данного исследования будет сосредоточен на подготовке процесса демобилизации: ее понимании и характеристике масштабов. Демобилизация здесь рассматривается как комплексный процесс, охватывающий не только численный состав армии, но также ее ресурсы (военное имущество) и животных (лошадей в первую очередь). Мы полагаем также, что демобилизацию стоит понимать как глобальный процесс – принудительное движение людей и вещей в бывшем пространстве фронта, которое затрагивало каждый сколь-нибудь минимальный элемент организации фронта.

Источниками исследования являются фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и статистические материалы отдела военной статистики Центрального статистического управления, собранные в издании «Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах»[9].

Методологической основой исследования, помимо принципов историзма и объективности, стали историко-сравнительный подход и экологическая история. Первый позволяет посмотреть на демобилизацию Русского фронта в

[7] Краснокутский 1997; Базанов 2003.
[8] Ланник 2021; Оськин 2019.
[9] Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах. М., 1925.

сравнительной перспективе, сопоставив механизмы этого процесса в других армиях стран – участниц войны и выявить общее и особенное в понимании и институтах демобилизации. Экологический аспект дает возможность увидеть демобилизацию с позиции взаимодействия государственных институций, местного населения и военного контингента; проследить понимание ими последствий присутствия в окружающей среде военного имущества, остававшегося на бывшем театре военных действий после объявления перемирия или окончания войны.

Сначала попробуем обрисовать масштаб демобилизации, которую предстояло провести русской армии. Несмотря на то, что точные цифры не всегда доступны, их общий порядок позволит нам оценить величину проблемы и требуемые ресурсы. Для наглядности и удобства эти данные были сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Протяженность фронтов, их численность и конский состав[10]

Фронт	Северный	Западный	Юго-Западный	Румынский	Кавказский	Всего
Протяженность (км)[11]	340	500	615	460	1000	2915
Армии	1, 2, 5, 12	3, 10	Особая, 7, 11	4, 6, 8, 9	Кавказская	14 армий
Численность солдат в строю (чел.)[12]	825 371	846 932	1 464 644	1 258 097	366 152	4 761 196
Численность в организациях (чел.)[13]	325 000	600 000	701 000	400 000	585 000	2 611 000
Количество лошадей в войсках (тыс.)	450	330	800	600	320	2500
Количество лошадей в организациях (тыс.)	50	100	100	80	70	400

Как известно, Русский фронт Первой мировой войны к моменту ее окончания представлял собой довольно сложную конфигурацию. К декабрю 1917 г., когда было подписано перемирие, а затем в марте 1918 г. в Брест-Литовске был заключен сепаратный мир со странами Четверного союза (Германия, Австро-

[10] Составлено на основании: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142, 185; Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах. М., 1925. С. 4, 22, 23.
[11] К концу 1917 г.
[12] Статистика приведена по Справке дежурного генерала от 7 октября 1917 г., только по строке «солдат в строю», без учета количества в запасных войсках и прочих учреждениях, т. к. для оценки масштаба демобилизации важно понимать численность на фронте. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142.
[13] Статистика приведена по Справке дежурного генерала от 7 октября 1917 г., только по строке «численность людей в организациях». См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142.

Венгрия, Турция и Болгария), армия России группировалась из пяти фронтов: Северного, Западного, Юго-Западного, Румынского и Кавказского. Как следует из таблицы, на Северном фронте, протяженность которого от Рижского залива до м. Видзы составляла около 340 км, со штабом в Пскове, к началу октября 1917 г. числилось около 825 тыс. человек в строю и 325 тыс. в организациях. На Западном фронте, который тянулся южнее м. Видзы от Двинска до Припяти почти на 500 км и имел штаб в Минске, к тому же времени значилось 846 тыс. человек в строю и 600 тыс. в организациях. Юго-Западный фронт был самым протяженным на европейском театре, 615 км в 1917 г., растянувшись от Припяти до румынского города Кимполунг, и к 7 октября 1917 г. насчитывал более 1,4 млн человек в строю и 700 тыс. в организациях, т. е. был самым крупным. Румынский фронт в 1917 г. имел протяженность 460 км и насчитывал около 1,2 млн человек в строю и 400 тыс. в организациях, штаб находился в Яссах. Кавказский фронт растянулся на 1 тыс. км от г. Тире-Болу на турецком побережье Черного моря до иранских городов Тебриза и Исфахана и насчитывал примерно 366 тыс. человек в строю и 585 тыс. в организациях.

Соответственно, ко времени принятия Декрета о мире 26 октября 1917 г., документа, в котором была сформулирована внешнеполитическая программа новой российской власти, общая численность солдат в строю составляла около 4,7 млн человек и еще 2,6 млн военнослужащих числились в организациях фронтов, т. е. в общей сложности около 7,3 млн человек, из которых почти 6,4 млн находились в районе западной границы страны. Стоит отметить, что единого подхода к определению численности действующей армии периода демобилизации в российской историографии нет. К примеру, авторитетный исследователь Первой мировой войны А. Б. Асташов, ссылаясь на материалы указанной выше Справки дежурного генерала от 7 октября 1917 г., приводит цифру в 8 534 511 чел. на 1 сентября 1917 г., включая запасных на фронте и внутренних округах[14]. При этом в сборнике «Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах» (1925 г.) приводятся данные о 7 060 700 чел. на 1 сентября 1917 г.[15]

В любом случае опыта демобилизации такой огромной массы военнослужащих Россия не имела. Предыдущие военные конфликты, в которых участвовала страна, не давали опыта столь масштабной демобилизации. Численность российской армии в 1812 г., к примеру, составляла около 900 тыс. чел., в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. она не превышала 335 тыс. человек, а во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. демобилизовалось около 1 млн человек. Стоит учитывать также нагрузку, которую создавали для ин-

[14] Асташов 2014, 24.
[15] Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах... С. 4.

струментов демобилизации беженцы и военнопленные. К примеру, оценивая масштаб демобилизации после Первой мировой войны, руководство санитарной службой Западного фронта в конце января 1918 г. полагало, что «через фронт пройдет в течение короткого времени свыше 10 млн военнопленных и беженцев»[16].

В определенном смысле «облегчили» демобилизацию людского состава обстоятельства, в которых русская армия оказалась после февральских событий 1917 г., повлекших за собой спонтанную «демократизацию» армии, формирование «военного самоуправления» и постепенный развал фронта, который после октябрьского большевистского переворота к концу 1917 г. принял настолько угрожающий характер, что заключение новым правительством перемирия и переговоры о мире выглядели «спасением» ситуации на фронте. Братание и дезертирство, усилившиеся осенью 1917 г., существенно снизили количество военнослужащих, которых потребовалось единовременно демобилизовать. По сведениям Западного фронта, к декабрю 1917 г. около 25 % солдат самовольно покинули армию[17]. Похожая ситуация наблюдалась и на других фронтах.

С еще большими темпами сокращалось число лошадей, подлежавших демобилизации. Точную численность лошадей на Русском фронте определить сложно. Имеющиеся статистические материалы расходятся с данными ГУГШ, а штабы фронтов вели двойную статистику, фиксируя списочное и фактическое наличие животных в военных частях, не поясняя причины разницы в цифрах. К примеру, согласно данным сборника «Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах», конский состав на театре военных действий на 1 сентября 1917 г. составлял 3 млн 164 тыс. голов (из них 2 млн 760 тыс. лошадей в войсках и военных округах, а также ещё 404 тыс. в общественных организациях); эта цифра показывает общее количество лошадей, изъятых у населения за годы войны[18]. В то же время, по данным интендантства, которые приводит М. В. Оськин, на 1 января 1917 г. на фронте находилось 2,65 млн лошадей[19], а в таблице 1 мы ориентировались на данные о 2,9 млн голов (включая войска и общественные организации, но исключая военные округа), находившихся на довольствии интендантств фронтов[20]. Как видим, эти данные не вполне точны, однако порядок цифр понятен. Учитывая, что к началу войны численность конского состава армии составляла не более 670 тыс. лошадей, то получается, что демобилизовать было нужно около 2 млн животных (общественные орга-

[16] РГВИА. Ф. 2106. Оп. 7. Д. 65. Л. 5.
[17] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 420. Л. 17 об.
[18] Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах… С. 23.
[19] Оськин 2009, 44.
[20] Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах… С. 23.

низации самостоятельно и несколько раньше армии стали избавляться от конского состава, продавая его местному населению). По сути это означало, что 2 млн голов должны быть доставлены к местам, где они будут либо проданы, либо отправлены на лечение и только после этого проданы или отданы населению на сельскохозяйственные нужды, а в дороге им единовременно должно быть обеспечено необходимое питание и ветеринарный уход, т. к. скопление такого числа лошадей еще больше повышает угрозу эпидемии инфекционных заболеваний, сопровождавших русскую армию.

Вероятно, эта цифра к концу 1917 – началу 1918 г., когда началась демобилизация, была значительно меньше. Не располагая статистикой по всем фронтам, мы можем привести данные по Западному фронту: согласно данным ГУГШ, на 1 сентября 1917 г. на фронте числилось примерно 330 тыс. голов, а к началу декабря 1917 г. осталось уже около 300 тыс., из которых 20 % были настолько истощенными или больными (по словам начальника штаба, «бракованными»), что демобилизовать их было невозможно[21]. Соответственно, ориентируясь на эти цифры, можно увидеть убыль не менее 10 % конского состава к декабрю 1917 г., хотя, вероятно, она была еще выше, и если учесть 20 % «браковванных» лошадей, то окажется, что Западный фронт терял до 1/3 конского состава.

В целом и людской, и конский состав Русского фронта, сокращаясь в течение 1917 г. в силу политических процессов, снабженческого кризиса и «бескормицы», скорее упрощали демобилизацию, чем осложняли ее (если не считать того, что здоровых лошадей можно было бы отправить гоном, а не поездами), чего нельзя было сказать о демобилизации военного имущества. В отличие от людей и лошадей, военное имущество русской армии постоянно увеличивалось. Во-первых, это было связано с масштабами Русского фронта, который протянулся в общей сложности почти на 3 тыс. км. Во-вторых, с позиционным характером войны, которая требовала постоянного подвоза к болееменее статичной линии фронта запасов оружия и снаряжения. Наконец, в ходе войны менялось и само вооружение, увеличивалось число артиллерийских орудий (тяжелых, мортирных и легких), система связи, требуемое медицинское оборудование, появилось опасное для хранения и транспортировки химическое оружие и т. п. По словам Адама Туза, в начале лета 1917 г. «благодаря внутренней мобилизации… и избыточным поставкам союзников русская армия была оснащена лучше, чем когда-либо за все время войны»[22].

Представляется возможным выделить в процессе демобилизации российской армии три этапа:

[21] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 420. Л. 17.
[22] Туз 2021, 118.

1) май – октябрь 1917 г.: период дискуссий, выработки принципов демобилизации в соответствии с прежними нормами и структурой и международными соглашениями; секретный, локальный, централизованный процесс, запущенный по инициативе ГУГШ и не распространявшийся за пределы штабов армий, а также узкого круга руководителей общественных организаций; неудавшаяся частичная демобилизация солдат призывов 1897–1898 гг. в сентябре – октябре 1917 г.;

2) ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.: период децентрализации процесса демобилизации, частичной демобилизации: хаотичной подготовки к демобилизации на местах, начала массовых перемещений армии, как запланированных (демобилизация призыва 1899 г. – с ноября 1917 г., остальных сроков – в январе и феврале 1918 г.), так и самовольных; процесс открытый, дискуссионный, оформлявшийся на масштабных армейских съездах, но отличавшийся на разных фронтах (особенно, на Северном фронте, где была сильнее демократизация управления);

3) март – май 1918 г.: период общей демобилизации после выхода России из войны, осложненный конфликтами с румынами на Румынском фронте, с украинцами на Юго-Западном фронте и с поляками на Западном фронте. Сопровождалась острым логистическим кризисом и проблемой сохранности военного имущества при отсутствии его охраны.

Стоит учитывать, что если первый этап разворачивался при сохранении линии фронта и потому предполагал лишь разработку теоретических оснований демобилизации 5–7 млн человек на Русском фронте, то на втором этапе ситуация на фронте кардинально изменилась: 4 декабря 1917 г. большевистское правительство заключило перемирие с армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, переместив демобилизацию из сферы планирования в практическую плоскость. Соответственно, именно на втором этапе потребовалась разработка конкретных механизмов демобилизации, создание ее институтов. При этом в действительности военные действия со стороны германской и австрийской армий не были прекращены, в феврале 1918 г. они перешли в наступление и заняли новые западные территории. Эти обстоятельства, с одной стороны, ставили под сомнение саму необходимость демобилизации, а с другой – показывали, насколько демобилизация Русского фронта была политическим процессом, а не вопросом военной логистики. Наконец, третий этап стал целиком практическим, потребовав не только разработки институтов, но и создания условий для их максимально успешной деятельности.

Императорская армия различала частичную и общую демобилизацию, где частичная, до заключения мира, предполагала сохранение имеющейся структуры армии при уменьшении численности или состава военных частей и

происходила при сохранении угрозы возобновления военных действий, а «общая» предполагала возвращение армии в состояние мирного времени, к довоенной численности армии, расформирование частей и увольнение в запас. Такая логика демобилизации разделялась большинством генералитета действующей армии и видна как при обсуждениях проектов демобилизации на первом этапе, в армии Российской республики, так и при проведении частичной демобилизации на втором этапе, когда процесс демобилизации в Советской республике все еще оставался во многом в руках прежних военных чинов.

Подписав со странами германского блока мирный договор, Россия вышла из войны 3 марта 1918 г., однако военные действия на фронтах Первой мировой войны к этому моменту не закончились. Демобилизация русской армии происходила одновременно с наступлением германской и австрийской армий, оккупировавших значительные области на западных окраинах бывшей Российской империи, а также в обстоятельствах формирования будущих фронтов Гражданской войны. В итоге процесс демобилизации бывшей царской армии, который в целом закончился весной 1918 г., стал подменяться ремобилизацией армии, но уже для нового гражданского противостояния.

При этом возвращение армии в состояние мирного времени после Первой мировой войны осложнялось уникальной ситуацией: центральная власть в России после октябрьского большевистского переворота 1917 г. была нестабильной, признавалась не всеми регионами страны и имела серьезную оппозицию в военных кругах, из-за чего демобилизация из административного процесса превратилась в политический. Да и самовольная демобилизация солдат создавала угрозу стабильности внутри страны – такие опасения Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев высказывал еще в мае 1917 г., отмечая, что с окончанием войны несколько миллионов человек захотят одновременно вернуться в страну и часть из них, возможно, не захочет расставаться с оружием, как того требовала демобилизация[23].

Среди особенностей демобилизационного процесса русской армии, помимо значительной численности, политического характера и новой мобилизации, можно назвать институциональную неподготовленность к демобилизации, которая также осложнила этот процесс.

Таким образом, оценка масштаба демобилизации позволяет проследить два противоположных тренда: численность людского состава и конского состава армии неуклонно уменьшалась в конце 1917 – начале 1918 г., сокращая объем демобилизации и требуемых для нее ресурсов, а объем военного имущества, напротив, оставался стабильным и к концу 1917 г. достиг невиданных для

[23] Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.] Париж; Берлин, 1921. Т. 1. Вып. 2. С. 49.

всего периода войны показателей. Соответственно, демобилизация людского и конского состава, отягощенная дезертирством войск и голоданием лошадей, должна была пройти проще и менее болезненно, чем демобилизация военного имущества, которое не просто увеличивалось в размерах, но и оказалось без охраны и транспорта в условиях бегства с фронта солдат и железнодорожного кризиса.

Литература / References

Асташов 2014 = *Асташов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. 740 с.
Astashov A. B. Russkiy front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyy opyt i sovremennost' [The Russian Front in 1914 – early 1917: Military Experience and Modernity]. Moscow, 2014. 740 p.

Базанов 2003 = *Базанов С. Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918). М., 2003. 303 с.
Bazanov S. N. Bor'ba za vlast' v deystvuyushchey rossiyskoy armii (oktyabr' 1917 – fevral' 1918) [Struggle for Power in the Active Russian Army (October 1917 – February 1918)]. Moscow, 2003. 303 p.

Краснокутский 1997 = *Краснокутский В. В.* Демобилизация русской армии в 1917–1918 гг.: на примере Западного фронта: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1997. 28 с.
Krasnokutskiy V. V. Demobilizatsiya russkoy armii v 1917–1918 gg.: na primere Zapadnogo fronta [Demobilization of the Russian Army in 1917–1918: On the Example of the Western Front]: PhD thesis. Moscow, 1997. 28 p.

Ланник 2021 = *Ланник Л. В.* Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе: дис. … докт. ист. наук. М., 2021. 764 с.
Lannik L. V. Brestskaya sistema mezhdunarodnyh otnoshenij kak prostranstvo germanskoj gegemonii v Vostochnoj Evrope [The Brest System of International Relations as a Space of German Hegemony in Eastern Europe]: Dis. … doctor of Historical Sciences. Moscow, 2021. 764 p.

Оськин 2009 = *Оськин М. В.* Русская лошадь в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2009. № 7. С. 42–45.
Os'kin M. V. Russkaya loshad' v Pervoy mirovoy voyne [Russian Horse in the First World War] // Voenno-istoricheskiy zhurnal [Military History Journal]. 2009. No. 7. P. 42–45.

Оськин 2019 = *Оськин М. В.* Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 1. С. 31–49. **DOI:** 10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49
Os'kin M. V. Demobilizaciya Rumynskogo fronta zimoj 1917–1918 g. i sud'ba russkogo voennogo imushchestva v Moldavii i Bessarabii [Demobilization of Romanian Front in Winter 1917–1918 and the Fate of Russian Military Property in Moldavia and Bessarabia] // Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii [Vestnik RUDN. Series: History of Russia]. Vol. 18, No. 1. P. 31–49. **DOI:** 10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49

Сорокин (ред.) 2014 = Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. *О. К. Сорокин*. М., 2014.

Rossiya v Pervoy mirovoy voyne. 1914–1918: Entsiklopediya [Russia in the First World War. 1914–1918: Encyclopaedia]: in 3 vols. / ed. by *O. K. Sorokin*. Moscow, 2014.

Туз 2021 = *Туз А.* Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы / пер. с англ. А. Гуськова. М., 2021. 640 с.

Tooze A. Vsemirnyj potop. Velikaya vojna i pereustrojstvo mirovogo poryadka, 1916–1931 gody [Deluge. The Great War and the Remaking of Global Order, 1916–1931] / Translated from English by A. Guskov. Moscow, 2021. 640 p.

Шевырин 2003 = *Шевырин В. М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003. 152 с.

Shevyrin V. M. Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Rossii (1914–1917): Analiticheskiy obzor [Power and Public Organizations in Russia (1914–1917): An Analytical Review]. Moscow, 2003. 152 p.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И США: ОТ ИМПЕРСКИХ АМБИЦИЙ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ СОЮЗУ

Вячеслав Корнельевич Шацилло

Об авторе:

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0003-3243-1035
РИНЦ AuthorID: 478951

Аффилиация:

Институт всеобщей истории РАН;

Государственный академический университет гуманитарных наук

Электронная почта:
vshatsillo@mail.ru

В статье представлен анализ геополитических последствий международных кризисов в Латинской Америке конца XIX – начала XX в. Первый венесуэльский кризис, в основе которого лежал территориальный спор между Венесуэлой и Британской империи, обострил отношения между Вашингтоном и Лондоном. Американское правительство посчитало, что территориальные претензии Великобритании к одной из латиноамериканских стран угрожают жизненным интересам США и находятся в противоречии с принципами доктрины Монро. Исходя из этого, Белый дом потребовал созыва международного трибунала для решения этого территориального спора. Британское правительство сначала отказалось принимать американское предложение, а затем под давлением международных обстоятельств согласилось на арбитраж и признало доктрину Монро. После этого начался процесс сближения двух стран, ускорившийся после Англо-бурской и Испано-американской войн. В ходе второго венесуэльского кризиса, связанного с финансовыми претензиями ряда европейских стран к венесуэльскому правительству, главным оппонентом США выступила Германская империя, попыталась укрепить свои финансовые и военные позиции в Латинской Америке. Это ухудшило отношения между Вашингтоном и Берлином и привело к ещё более тесному англо-американскому сотрудничеству.

Ключевые слова: доктрина Монро, территориальный спор между Венесуэлой и Великобританией, международный арбитраж, доктрина Олни, испано-американская война, второй венесуэльский кризис.

Для цитирования:
Шацилло В. К. Британская империя и США: от имперских амбиций к стратегическому союзу // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 351–364. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.025

THE BRITISH EMPIRE AND THE USA: FROM IMPERIAL AMBITIONS TO STRATEGIC ALLIANCE

Vyacheslav K. Shatsillo

About the author:

Doctor of History, Professor

ORCID: 0000-0003-3243-1035
РИНЦ AuthorID: 478951

Affiliation:

The article presents a comparative analysis of the geopolitical consequences of the international crises in the end of XIXth – beginning of the XXth century. The first Venezuelan crisis caused by a territorial dispute between Venezuela and the British Empire, worsen also relations between Washington and London. The government of the USA considered that the territorial claims of Great Britain to one of the Latin American countries threatend the vital interests of the United States and were in contradiction with the principles of the Monroe doctrine. Based on such considerations, the White House demanded

Russian Academy of Sciences
Institute of World History;

State Academic University
for the Humanities

the convening of an international tribunal to resolve this territorial dispute. The British government originally refused to accept the American proposal, and then, under the pressure of international circumstances, agreed to arbitration and actually recognized the Monroe doctrine. Afterwards, the process of rapprochement between the two countries began. During the Second Venezuelan crisis, caused by the financial demands of a number of European countries to the Venezuelan government, the main opponent of the United States was the German Empire. The German-American confrontation in Venezuela seriously worsened relations between Washington and Berlin and led to the closer Anglo-American cooperation.

Email:
vshatsillo@mail.ru

Keywords: The Monroe Doctrine, the territorial dispute between Venezuela and Guiana, international arbitration, the Olney Doctrine, Spanish-American war, the Second Venezuelan crisis.

For citation:
Shatsillo V. K. The British Empire and the USA: From Imperial Ambitions to Strategic Alliance // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 351–364.
DOI: 10.55000/SemConf.2023.3.3.025

В наши дни в научной и общественно-политической литературе часто используется эпитет «англосаксонский» как символ согласованной политики США и Великобритании на международной арене. Однако отношения между этими двумя странами ещё в начале XX в. были весьма напряжёнными, и ни о каком англосаксонском единстве речь совсем не шла. Необходимо напомнить, что ровно два века тому назад 2 декабря 1823 г. пятый американский президент Дж. Монро выступил с посланием к конгрессу, в котором сформулировал важнейшие постулаты внешней политики страны, ставшие известными под названием «доктрины Монро»[1]. Основная её мысль была следующей: любая попытка со стороны европейских держав распространить своё экономическое, а особенно политическое и военное влияние на какую-либо часть Западного полушария стала рассматриваться как непосредственная угроза для безопасности США[2].

В первой половине и середине XIX в. государственные и политические деятели Вашингтона главную угрозу своим интересам в южноамериканском регионе видели в колониальной политике недавней метрополии Великобритании, с которой совсем недавно американцы вели вооружённую борьбу[3]. Британская корона в первые десятилетия XIX в. имела в Латинской Америке не только существенные экономические интересы, но и важные для неё колониальные владения. Поэтому неудивительно, что первой европейской страной, с которой у Белого дома обострились отношения по поводу соблюдения прин-

[1] Болховитинов 1959.
[2] Болховитинов (ред.) 1983, 298.
[3] Hickey 2012.

ципов доктрины Монро, стала Британская империя. Связано это было с первым венесуэльским кризисом, вызвавшим жаркие дискуссии между Вашингтоном и Лондоном, которые впоследствии привели к важным геополитическим последствиям. Один из ведущих британских историков этого периода даже считал, что «венесуэльский кризис 1895 г. был один из наиболее значимых эпизодов в истории англо-американских отношений в целом…»[4]. С ним согласны и его американские коллеги, которые отмечают, что американо-британские отношения кардинально сменили свой вектор развития и «приобрели тенденцию устойчивого улучшения со времени венесуэльского кризиса 1895 г.», став «знаковым событием времени»[5].

Краткая предыстория этого кризиса такова: в 1814 г., согласно Венскому договору с Голландией, Великобритания приобрела у неё небольшую территорию на севере Южной Америки, на которой была основана новая колония – Британская Гвиана (сейчас – Гайана). В 1831 г. Британская Гвиана была расширена за счёт земель бывшей Великой Колумбии. Венский договор не определил западную границу Гвианы, и тогда британцы обозначили её в одностороннем порядке, воспользовавшись материалами германского исследователя-географа Р. Шомбургка, который возглавил экспедицию Британского королевского географического общества и составил подробную географическую карту этого региона. Так появилась разграничительная «Шомбургкская линия» между Британской империей и Венесуэлой. В 1841 г. венесуэльское правительство оспорило британское одностороннее разграничение. Непростую ситуацию усугубило открытие на спорной территории богатых залежей золота, после чего Великобритания захватила дополнительные 33 тыс. миль венесуэльских земель. В 1876 г. в знак протеста против действий британской короны Венесуэла разорвала дипломатические отношения с Лондоном, в ультимативной форме потребовав ухода британцев со спорной территории. Одновременно Каракас обратился к США за помощью, сославшись на основные положения доктрины Монро в качестве оправдания для участия США в урегулировании этого территориального спора. Все эти годы Соединенные Штаты регулярно выражали обеспокоенность развитием событий в Венесуэле, но фактически самоустранились и ничего не сделали для того, чтобы реально поспособствовать его разрешению.

Понимая, что американское внешнеполитическое ведомство уклоняется от решения конфликта с могущественной европейской державой, правительство Венесуэлы решило пойти другим путём и усилить воздействие на американское общественное мнение. В 1893 г. оно наняла в качестве лоббиста

[4] Humphreys 1967, 133.
[5] Smith 1958, 18; Ferrell 1988, 123.

У. Л. Скраггса, бывшего дипломата, в прошлом посла США в Колумбии и Венесуэле[6]. Скраггс активно взялся за порученное ему дело. В октябре 1894 г. он опубликовал памфлет «Британская агрессия в Венесуэле: доктрина Монро под угрозой», в которой заклеймил империалистическое давление англичан на венесуэльцев. Особое внимание читателей акцентировалось на том факте, что одна из крупнейших европейских держав грубо попирает принципы доктрины Монро.

Возможно, что ещё несколько десятилетий назад в США никто бы не обратил внимания на опус бывшего дипломата, однако в конце 90-х гг. XIX в. во внешней политике страны произошли серьёзные изменения, связанные прежде всего со стремлением Вашингтона играть более значимую роль в экономической и политической жизни стран Латинской Америки. Нельзя отрицать и того, что Скраггс обладал данными хорошего пропагандиста. Памфлет немедленно был разослал членам палаты представителей и сенаторам, видным журналистам, судьям, в общественные библиотеки и клубы. Скраггс «вдохновил» известного американского сенатора Г. К. Лоджа на «изучение» англо-венесуэльского конфликта. Результатом этого стала филиппика Лоджа на вышеупомянутый памфлет, опубликованная в июне в авторитетном журнале «Норс американ ревью»[7]. И, наконец, дважды – в январе и мае – Скраггс встретился с президентом Г. Кливлендом[8]. Как бы то ни было, к весне 1895 г. и у официального Вашингтона, и в общественном мнении страны отчётливо укрепилось желание принять более активное участие в конфликте.

Ситуацию с англо-венесуэльским спором усугубил и внешнеполитический фактор. 27 апреля 1895 г. британский королевский флот оккупировал никарагуанский порт Коринто. В ходе беспорядков в этой центральноамериканской стране был нанесён существенный ущерб некоторым объектам британской короны и в качестве заложника был захвачен английский вице-консул и два американских гражданина, которые, впрочем, были быстро отпущены на свободу. В качестве компенсации за нанесённый ущерб Лондон потребовал у никарагуанского правительства 15 тыс. ф. ст. Официальный Вашингтон посчитал требования британцев неоправданно жёсткими, но всё же согласился с тем, что они должны быть удовлетворены латиноамериканской стороной. И хотя британские войска были вскоре эвакуированы из Никарагуа, многие видные представители американской общественности и даже официальные лица были крайне шокированы британской военной активностью в зоне непосредственных жизненных интересов Соединённых Штатов. Администрация прези-

[6] Humphreys 1967, 143.
[7] Lodge 1895, 651–658.
[8] Humphreys 1967, 144.

дента Кливленда в период событий в Никарагуа подверглась жёсткой критике со всех сторон за бездействие перед лицом британской агрессии в Центральной Америке. Думается, что мало кто из простых американцев имел представление о существовании доктрины Монро и основных её положениях, однако для общественного мнения страны было аксиомой понимание того, что европейское влияние в западном полушарии представляет собой угрозу не только для безопасности, но и самого существования США как независимого государства.

В конце мая 1895 г. внезапно умер государственный секретарь США У. К. Грэшем, а 8 июня 1895 г. на этот пост был назначен бывший генеральный прокурор Р. Олни, который внимательно прочитал памфлет Скраггса и был полностью согласен с его выводами. С первых же дней нахождения во главе внешнеполитического ведомства Олни лично занялся разрешением венесуэльского кризиса. Уже 20 июля 1895 г. он направил ноту правительству Великобритании. В научной литературе эта нота получила название «доктрины Олни». В ней развивались основные положения доктрины Монро, и вся вина за конфликт в Венесуэле возлагалась на Лондон. После этого госсекретарь потребовал созвать международный арбитраж для решения территориального спора между двумя государствами.

Демарш Олни не произвел на англичан должного впечатления. В те годы большинство членов правящей консервативной партии рассматривали Америку как парвеню с обществом, в котором господствовали самые грубые и вульгарные нравы с их невежеством и оправданием самых неприемлемых форм расизма[9]. Соответственно, британская политическая элита считала ниже своего достоинства прислушиваться к мнению, звучащему из своей бывшей колонии. Устами министра по делам колоний Дж. Чемберлена, впоследствии ставшего ярым поборником англо-американского военно-политического союза, Лондон заявил Белому дому, что он в этом споре не пойдёт на компромисс. Таким образом, одним из крупнейших европейских государств был брошен прямой вызов основополагающему принципу американской внешней политики, а это переводило англо-венесуэльский территориальный спор в иную плоскость.

Получив высокомерный отказ Лондона в удовлетворении требований Вашингтона, к июлю 1895 г. не только госсекретарь, но и президент пришли к выводу о том, что Белому дому необходимо напрямую вмешаться в конфликт и оказать на британцев более сильное давление. Ситуация в районе венесуэльско-гвианской границы одной из основных тем в послании президента Кливленда конгрессу от 17 декабря 1895 г. В нём президент попросил согласия депу-

[9] Boyle 1978, D1186.

татов на создание комиссии по пограничному спору в Венесуэле. Конгресс принял соответствующий закон и выделил 100 тыс. долл. для её работы[10]. По сути, это послание Конгрессу было ультиматумом в адрес Лондона. 20 декабря на нью-йоркской фондовой бирже началась паника, а в некоторых наиболее воинственных средствах массовой информации США даже стали циркулировать слухи о неизбежной войне с Великобританией и раздаваться призывы окончательно «освободить» от власти британских колонизаторов не только Центральную и Южную Америку, но и Канаду.

Президентское послание для англичан стало громом среди ясного неба. И это в то время, когда англо-американский конфликт грозил развиться в нечто большее в крайне неблагоприятной для Лондона внешнеполитической ситуации. В 1895 г. при негласной поддержке правительства Великобритании вооружённый отряд, принадлежавший частной британской горнорудной компании, пересёк границу южноафриканского Трансвааля со стороны британской колонии Родезии. Под предлогом помощи страдающим от притеснения буров соотечественникам, британские наёмники пытались захватить столицу Трансвааля Йоханнесбург, но через два дня отряд был окружён и пленён. Однако вскоре эти события вышли за рамки юга африканского континента и приобрели международное звучание: 3 января 1896 г. германский кайзер Вильгельм II послал президенту Трансвааля П. Крюгеру поздравительную телеграмму в связи с победой над англичанами. Телеграмма кайзера крайне возмутила Лондон, отношения между Великобританией и Вторым рейхом в те дни находились на грани разрыва. В этих обстоятельствах ещё один конфликт с крупнейшим американским государством мог бы иметь катастрофические последствия для британской короны.

В срочном порядке 11 января 1896 г. было созвано совещание британского кабинета по поводу реакции на американский демарш. Несмотря на то, что и Солсбери, и Чемберлен продолжали придерживаться мнения о том, что граница между Гвианой и Венесуэлой должна проходить к западу от линии Шомбургка, все остальные министры высказались за необходимость избежать конфронтации с США и дали согласие на международный арбитраж и переговоры. В правительстве Великобритании восторжествовала точка зрения, наиболее чётко высказанная заместителем министра иностранных дел сэром Э. Греем: венесуэльское дело следует рассматривать в более широком международном контексте и с точки зрения положения Великобритании в мире. Принимая это во внимание, Лондон решил, что не может допустить ещё один

[10] Nelson, Blake 1942, 259–277; Болховитинов (ред.) 1985, 138; Burr 1899, 470–477.

конфликт и дал согласие на переговоры по поводу границы Венесуэлы с американцами[11].

Вскоре начались двусторонние переговоры, которые со стороны США их вёл Олни, с британской стороны посол в Вашингтоне Дж. Паунсефот. Соглашение между ними было подписано 12 ноября 1896 г. и предусматривало создание англо-американского трибунала из пяти членов. Двое из них – М. В. Фулер и Д. Бревер – представляли интересы Венесуэлы, но были американскими юристами, выбранными Верховным судом США. Ещё двое были назначены британским правительством – сэр Р. Коллинс, лорд Херчел, а после его смерти Ч. Рассел. Пятый член трибунала был избран правительством Венесуэлы из числа независимых виднейших специалистов-юристов по международному праву, предложенных Великобританией по согласию с предыдущими четырьмя членами трибунала[12]. Этим независимым членом трибуна оказался Ф. Ф. Мартенс – российский юрист-международник, автор фундаментального труда в области международного права «Современное международное право цивилизованных народов» (1882), дипломат, член Совета Министерства иностранных дел России (с 1881 г.), один из организаторов созванных по инициативе императора Николая II Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг., вице-президент Европейского института международного права (1885), член Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Помимо этого, Мартенс был автором концепции мирного разрешения международных споров, не потерявшей своего значения и по нынешний день. Таким образом, сама «пострадавшая» сторона и инициатор арбитража – Венесуэла в трибунале была представлена не была, что не сулило Каракасу ничего хорошего и встретило критику со стороны глав правительств крупнейших латиноамериканских государств – Бразилии, Аргентины, Чили и других.

Международный трибунал по англо-венесуэльскому спору заседал в Париже несколько лет и озвучил своё решение 3 октября 1899 г. Большая часть спорных земель – почти 90 % – осталась за Великобританией. Венесуэла была вынуждена принять это решение, хотя и была крайне им разочарована. Но гораздо большее значение этот пограничный инцидент имел в геополитическом плане, показав, что США не допустят военно-политического вмешательство любой из европейских держав в Западном полушарии и нарушения принципов доктрины Монро. Отступив перед Белым домом, Великобритания молчаливо признала эту доктрину. А в феврале 1903 г. британский премьер А. Баль-

[11] Boyle 1978, D1186.
[12] Humphreys 1967, 160.

фур прямо заявил: «Мы приветствуем любое усиление влияния Соединённых Штатов Америки во всём Западном полушарии»[13].

С другой стороны, то, как за счёт интересов латиноамериканской страны в пользу Британской империи был решён этот пограничный конфликт, свидетельствует о том, что не только в лондонских, но и в вашингтонских властных кабинетах чиновники самых различных рангов начали приходить к выводу о необходимости налаживания более тесного двустороннего сотрудничества, призванного укрепить и согласовать позиции двух англосаксонских стран на международной арене.

Эта тенденция отчётливо проявилась в годы испано-американской войны, в ходе которой англичане заняли недвусмысленную проамериканскую позицию. Дело дошло до того, что 3 апреля 1898 г. уже упоминавшийся Чемберлен на встрече с послом США в Лондоне Хэем поставил вопрос о возможном англо-американском союзе. «Плечом к плечу мы могли бы руководить миром во всём мире», – заявил министр. Эту линию на военно-политическое сотрудничество с Вашингтоном поддерживала и британская оппозиция. Один из видных её представителей либерал сэр Грей, например, в начале апреля 1898 г. предложил тому же Хэю использовать в Карибском море британский флот.

Эта позиция Лондона во многом объясняется тем, что накануне испано-американской войны 1898 г. Великобритания находилась во враждебных или просто сложных отношениях практически со всеми крупнейшими державами мира: с Российской империей она вела бескомпромиссную «Большую игру» на Ближнем Востоке, в Средней Азии и других регионах, с Францией у неё были острые споры по колониальным вопросам, особенно в долине реки Нил, с Германией началась не только острейшая гонка вооружений и борьба за господство на море, но и назревал конфликт в Южной Африке[14]. Такой расклад на геополитической арене конца XIX в. поставил перед британским кабинетом вопрос о целесообразности сближения с Соединёнными Штатами и полюбовном решении всех спорных вопросов между двумя странами. Как бы то ни было, но именно установление сотрудничества между Вашингтоном и Лондоном, пусть даже пока не полного и весьма противоречивого, во многом определило международную обстановку периода кубинского кризиса, постепенно перетёкшего в испано-американскую войну. Фактор англо-американского сближения имел очень важное значение и для Вашингтона – только Великобритания со своим сверхмощным флотом и существенным влиянием на некоторые страны к югу от Рио-Гранде имела реальную возможность воспрепятствовать планам Белого дома развязать войну с достаточно крупной европейской страной

[13] Humphreys 1967, 163.
[14] Подробнее см.: Ерусалимский 1951; Сергеев 2012 и др.

Испанией и прибрать к рукам принадлежащие ранее ей обширные колониальные территории.

Исходя из этого, не приходится удивляться, что вслед за подписанием договора о разграничении границы между Британской Гайаной и Венесуэлой вскоре последовали и другие события, свидетельствующие о потеплении англо-американских отношений. Так в феврале 1897 г. в Вашингтоне была подписана конвенция о границе между Британской Колумбией и Аляской. В том же году американцы использовали празднование шестидесятилетия со дня вступления на престол британской королевы Виктории для демонстрации нового этапа в англо-американских отношениях. В те дни по прямому указанию президента У. Маккинли на берега Темзы на борту военного судна была отправлена многочисленная американская делегация для торжественно вручения королеве приветственного адреса хозяина Белого дома. Делегацию возглавлял специальный посол Рид, который был встречен в британской столице подчёркнуто торжественно[15].

Проамериканская позиция британской дипломатии в период испано-американской войны не была ни для кого секретом. Первый секретарь российской миссии в Вашингтоне Г. А. де Воллан, например, доносил министру иностранных дел графу М. Н. Муравьёву о том, что Англия всеми силами поощряет Соединённые Штаты к войне против Испании с тем, чтобы затем оказать американцам «добрую услугу» и побиться заключения союза с ними. Другой российский дипломат – генеральный консул в Нью-Йорке В. А. Теплов информировал российский МИД о том, что только на военную пропаганду в американской прессе Великобритания затратила не менее 1 млн ф. ст.[16]

В начале XX в. очень важным пунктом в эволюции американо-британских отношений стали события 1902–1903 гг. в той же Венесуэле[17]. В конце XIX в. в этой стране началась гражданская война, приведшая к полной анархии. В октябре 1899 г. там произошёл очередной переворот и власть захватил диктатор С. Кастро, который сразу же приостановил выплаты по внешним долгам. Протест против таких действий высказали Франция, Испания, Бельгия и Германия, вложившиеся в экономику страны, затем к ним присоединилась и Великобритания, которая имела наибольшую долю в венесуэльском долге[18]. Но венесуэльский диктатор проигнорировал требования европейцев, явно рассчитывая на поддержку со стороны США, надеясь, что доктрина Монро защитит его страну.

---

[15] Владимиров 1957, 112.
[16] Там же, 114–115.
[17] Morris 2002, 73–85; Forbes 1978, 317–331.
[18] Mitchell 1999, 91.

В Вашингтоне позиция по венесуэльскому вопросу европейцев на первых порах не вызывала отрицательных эмоций. Тогда Белый дом по морально-этическим соображениям никак не мог заступиться за нарушителя финансовых обязательств. 7 декабря 1901 г. президент Рузвельт выступил с посланием к Конгрессу, во внешнеполитической части которого заявил: «Мы не можем дать гарантию какому-либо государству от наказания, если оно плохо себя ведёт, но только в том случае, если это наказание не примет форму захвата территории каким-либо неамериканским правительством»[19].

Чтобы заставить Кастро заплатить, в начале 1902 г. в Берлине решили начать «мирную блокаду» побережья Венесуэлы. Когда оказалось, что и Лондон проявляет желание выбить долги у диктатора, немцы предложили английскому правительству предпринять эти действия совместно. Позднее к двум странам присоединилась Италия[20]. Ведущая роль в совместных действиях трёх стран по настоянию Вильгельма II была передана Лондону, который и разработал план совместной военно-морской интервенции. Характерно, что самым последовательным противником совместного вмешательства Англии и Германии в дела на латиноамериканском континенте оказался германский морской министр гросс-адмирал А. фон Тирпиц. Адмирал писал позднее в своих воспоминаниях: «Когда же в 1902 году английское правительство пригласило нас с согласия Рузвельта принять участие в совместном выступлении против президента Венесуэлы Кастро, отличавшегося разбойничьими замашками, то на соответствующем заседании в министерстве иностранных дел я посоветовал отклонить предложение англичан, основываясь на своем понимании характера американцев и английской политики… Я заявил, что, если дело дойдёт до вооружённого столкновения, доктрина Монро может возбудить страсти в Америке и в этом случае англичане, вероятно, бросят нас на произвол судьбы. К сожалению, так оно и случилось»[21].

Руководствуясь тезисом о сближении с Лондоном в пику России и Франции, в 1902 г. немцы окончательно одобрили план англичан, по которому должен был быть захвачен весь венесуэльский военно-морской флот, но без занятия портов и десантирования на территорию страны. 9 декабря 1902 г. небольшая англо-германская эскадра начала «мирную блокаду» побережья Венесуэлы, потопив при этом одну канонерку и захватив оставшиеся четыре. 16 декабря к двум странам присоединилась Италия. 13 декабря английский крейсер «Харибдис» и немецкий «Винета» обстреляли и затем захватили два форта, после чего Кастро сообщил Вашингтону о желании пойти на международный

[19] Foreign Relations of the United States 1902, 36–37.
[20] Fonzo 2020, 35–61.
[21] Тирпиц 1957, 210.

арбитраж. 17 декабря с этим предложением согласился Лондон, а ещё через два дня Берлин. После этого «мирная блокада» была трансформирована в официальную «военную», которая должна была соблюдаться вплоть до решения всех спорных вопросов гаагским международным арбитражным судом[22]. Проблема, казалось, была исчерпана, не вызвав никаких осложнений, но на этом венесуэльский кризис не закончился: 17 января 1903 г. при попытке войти в залив Макараибо была обстреляна немецкая канонерка «Пантера». В ответ четырьмя днями позже по приказу Вильгельма крейсер «Винета» разрушил форт Сан Карлос и находившуюся рядом деревню. Англичане принять участие в этой акции возмездия отказались.

В начале конфликта Вашингтон демонстративно занял позу стороннего наблюдателя. Однако, несомненно, что непосредственное вмешательство Берлина и Лондона в дела в Южной Америке никоим образом не соответствовало коренным интересам Соединённых Штатов. Рано или поздно это недовольство должно было приобрести конкретные формы. Первое предупреждение из Вашингтона поступило 12 декабря, когда государственный секретарь Дж. Хэй уведомил правительства в Лондоне и Берлине о том, что расширение доктрины «мирной блокады» не может быть принято в США, ибо сужает права не участвующих в конфликте стран и наносит ущерб торговле нейтралов[23]. Дискуссия по вопросу позиции США в венесуэльском кризисе к этому времени развернулась и в обеих палатах Конгресса. И сенаторы, и члены палаты представителей, независимо от партийной принадлежности, требовали покончить с позицией стороннего наблюдателя. С Капитолийского холма стали звучать предупреждения о возможном захвате американской территории европейскими державами[24]. Реальная угроза осложнений между Соединёнными Штатами и тремя европейскими странами на первом этапе венесуэльского кризиса исчезла лишь после того, как 17 и 19 декабря Англия и Германия согласились передать дело в международный арбитражный суд в Гааге. Тем не менее уже после того как, казалось, был найден выход из этой проблемы, 17 января 1903 г. немцы, как уже отмечалось, обстреляли форт Сан-Карлос. Эта акция, от которой открестились Англия и Италия, вызвала в Соединённых Штатах бурю негодования. «В Берлине что, сошли с ума? Неужели они не понимают, что они здесь всё больше и больше воспламеняют общественное мнение?» – гневно вопрошал президент Рузвельт в беседе с временным поверенным Германии в США графом Квадтом[25]. К этому времени американский президент понял, что

[22] Herwig 1976, 79.
[23] Fiebig-von Hase 1986, 1018.
[24] Angemann 1958, 49.
[25] Vagts 1935, 1595.

амбиции Вильгельма могут заставить его предпринять антиамериканские действия на юге американского континента[26].

Венесуэльский кризис закончился 31 января 1903 г., после того, как президент Рузвельт по договоренности с англичанами обратился к немецкому правительству и настоял на скорейшем урегулировании конфликта. 7 мая были подписаны протоколы между Венесуэлой и тремя европейскими державами о порядке удовлетворения их претензий. Блокада побережья была снята.

Несмотря на урегулирование конфликта, политические последствия венесуэльского кризиса оказались серьёзными. Эти события резко усилили подозрения Белого дома в отношении политики Берлина в регионе и укрепили позицию сторонников зарождавшегося британо-американского альянса. «Относительно тривиальное дело, в которое была втянута маленькая южноамериканская республика, вызвало диспропорционально большую бурю общественного осуждения в Англии и Соединённых Штатах», – отмечает австралийский историк[27]. Венесуэла стала явным просчётом германской дипломатии. Прямые и косвенные последствия венесуэльского конфликта долго продолжали омрачать германо-американские отношения. «Когда в Соединённых Штатах натравливают на Германию, то отсылают к немецким устремлениям в Южной Америке и для определённых членов конгресса и морских офицеров это любимый способ, с помощью которого они намекают о возможной войне с нами…», – сообщал в октябре 1903 г. посол Германии в США С. Штернбург[28]. Однако это так и не заставило Берлин признать правомочность доктрины Монро и пойти на уступки США на юге американского континента.

С другой стороны, упомянутые события конца XIX – начала XX в. наглядным образом подтвердили стремление Вашингтона и Лондона к более тесному военно-политическому сотрудничеству на международной арене, что имело далеко идущие геополитические последствия. В феврале 1903 г. британский премьер Бальфур прямо заявил: «Мы приветствуем любое усиление влияния Соединённых Штатов Америки во всём Западном полушарии». О былых проблемах в двусторонних отношениях и в Лондоне, и в Вашингтоне решили окончательно забыть.

[26] Greenville 1961, 10.
[27] Forbes 1978.
[28] PA AA/R17336: 10.10.1903.

Литература / References

Болховитинов 1959 = *Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959. 337 с.
Bolkhovitinov N. N. Doktrina Monro (proiskhozhdenie i kharakter) [The Monroe Doctrine (Origin and Character)]. Moscow, 1959. 337 p.

Болховитинов (ред.) 1983–1987 = История США: в 4 т. / под ред. *Н. Н. Болховитинова*. М., 1983–1987: Т. 1. М, 1983. 687 с.; Т. 2. М., 1985. 598 с.; Т. 3. М., 1985. 671 с.; Т. 4. М., 1987. 744 с.
Istoriya SSHA [History of the USA]: in 4 vols. / ed. by *N. N. Bolkhovitinov*. Moscow, 1983–1987: Vol. 1. Moscow, 1983. 687 p.; Vol. 2. Moscow, 1985. 598 p.; Vol. 3. Moscow, 1985. 671 p.; Vol. 4. Moscow, 1987. 744 p.

Владимиров 1957 = *Владимиров Л. С.* Дипломатия США в период американо-испанской войны. М., 1957. 255 с.
Vladimirov L. S. Diplomatiya SSHA v period amerikano-ispanskoy voyny [U.S. diplomacy during the American-Spanish War]. Moscow, 1957. 255 p.

Ерусалимский 1951 = *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951. 608 с.
Erusalimsky A. S. Vneshnyaya politika i diplomatiya germanskogo imperializma v kontse XIX v. [Foreign Policy and Diplomacy of German Imperialism at the End of the XIX Century]. Moscow, 1951. 608 p.

Сергеев 2012 = *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 453 с.
Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskih otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii [The Big Game, 1856-1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia.]. Moscow, 2012. 453 p.

Тирпиц 1957 = *Тирпиц А. фон.* Воспоминания / пер. с нем. и комм. В. Я. Голанта. М., 1957. 656 с.
Tirpitz A. von. Vospominaniya [Memoirs = Erinnerungen] / transl. from German by V. Ya. Golant. Moscow, 1957. 656 p.

Angemann 1958 = *Angemann E.* Ein Wendepunkt in der Geschichte der Monroe Doktrin und der deutsch-amerikanischen Beziehungen // Jahrbuch für Amerikastudien. Bd. 3. Heidelberg, 1958. 363 s.

Boyle 1978 = *Boyle T.* The Venezuela Crisis and the Liberal Opposition, 1895–1896 // The Journal of Modern History. 1978. Vol. 50, No. 3. P. D1185–D1212.

Burr 1899 = *Burr G. L.* The Search for the Venezuela-Guiana Boundary // The American Historical Review. 1899. Vol. 4, No. 3. P. 470–477.

Fiebig-von Hase 1986 = *Fiebig-von Hase R.* Lateinamerika als Konfliktherd der deutsch-amerikanischen Beziehungen. 1890–1913. Bd. 2. Göttingen, 1986. 698 s.

Fonzo 2020 = *Fonzo E.* Italia y el bloquero naval de Venezuela (1902–1903) // Cultura latinoamericana. Revista interculturuales. 2020. Vol. 21 (1). P. 35–61.

Forbes 1978 = *Forbes I.* The German Participation in the Allied Coercion of Venezuela 1902–1903 // Australian Journal of Politics & History. 1978. Vol. 24, iss. 3. P. 317–331. **DOI:** 10.1111/J.1467-8497.1978.TB00261.X

Foreign Relations 1902 = Foreign Relations of the United States. 1901. Wash., 1902. 574 p. + LXXX.

Greenville 1961 = *Greenville J.* Diplomacy and War Plans in the United States, 1890–1917 // Transactions of the Royal Historical Society. 1961. Vol. 11. P. 1–21. **DOI:** 10.2307/3678748

Herwig 1976 = *Herwig H.* Politics of Frustration. The United States in German Naval Planning, 1898–1941. Boston, 1976. 323 p. + XXI.

Hickey 2012 = *Hickey D. R.* The War of 1812: A Short History. Chicago, 2012. 160 p.

Humphreys 1967 = *Humphreys R.* Presidential Address: Anglo-American Rivalries and the Venezuela Crisis of 1895 // Transactions of the Royal Society. 1967. Vol. 17. P. 131–164. **DOI:** 10.2307/3678723

Lodge 1895 = *Lodge H. C.* England, Venezuela and the Monroe Doctrine // North American Review. 1895. Vol. 160, No. CCCCLXIII. P. 651–658.

Mitchell 1999 = *Mitchell N.* The Danger of Dreams: German and American Imperialism in Latin America. Chapel Hill, 1999. 312 p. + XI.

Morris 2002 = *Morris E.* «A Matter of Extreme Urgency». Theodore Roosevelt, Wilhelm II, and the Venezuela Crisis of 1902 // Naval War College Review. 2002. Vol. 55, No. 2. P. 73–85.

Nelson, Blake 1942 = *Nelson M., Blake N. M.* Background of Cleveland's Venezuelan Policy // The American Historical Review. 1942. Vol. 47, iss. 2. P. 259–277.

PA AA/R17336: 10.10.1903 = Politisches Archiv des Auswärtigen Amts. Vereinigten Staaten von Amerika 16. Beziehungen der Vereinigten Staaten von Amerika zu Deutschland. R17336. Штернбург – Бюлову. 10.10.1903.

Smith 1958 = *Smith D. M.* Robert Lansing and American Neutrality 1914–1917. LA, 1958. 241 p.

Vagts 1935 = *Vagts A.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik. Bd. 1–2. NY, 1935. 2030 s. + XXII.

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» В СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1923 г.[1]

Евгений Юрьевич Сергеев

Об авторе:

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0001-7834-5824
ScopusID: 000545335
ResearcherID: C-8571-2018
РИНЦ AuthorID: 433531

Аффилиация:

Институт всеобщей истории РАН;

Российский государственный гуманитарный университет;

Государственный академический университет гуманитарных наук

Электронная почта:
eugene.sergeev59@gmail.com

Феномен так называемых «военных тревог» в отношениях между Россией (СССР) и Великобританией исследован недостаточно. Между тем периоды обострения напряженности и шаги, которые предпринимали обе державы для ее смягчения с целью избежать прямого вооруженного противостояния, оказывали заметное влияние на характер и динамику развития двусторонних контактов в политической, экономической и социокультурной сферах последней трети XIX – первой четверти XX в. Статья раскрывает важнейшие особенности «военной тревоги» мая 1923 г., которая была вызвана жесткой дипломатической нотой министра иностранных дел лорда Дж. Н. Кёрзона, фактически временно исполнявшего обязанности главы Кабинета, в адрес советского правительства на фоне обострения ситуации как в Европе (Рурский кризис), так и на Ближнем Востоке (турецкий вопрос). Автор анализирует причины возникновения конфликта, его этапы и последствия, а также оценки, которые он получил в отечественной и зарубежной историографии. Статья написана на основе документов из российских и британских архивов с привлечением свидетельств современников, материалов прессы и парламентских дебатов.

Ключевые слова: советско-британские отношения, ультиматум Кёрзона, военная тревога 1923 г.

Для цитирования:
Сергеев Е. Ю. «Военная тревога» в советско-британских отношениях 1923 г. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 365–378. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.026

WAR SCARE IN SOVIET-BRITISH RELATIONS OF 1923[2]

Evgeny Yu. Sergeev

About the author:

Doctor of History, Professor

ORCID: 0000-0001-7834-5824
ScopusID: 000545335
ResearcherID: C-8571-2018
РИНЦ AuthorID: 433531

The phenomemon of the so-called “war scare” in the relationship between Russia (the USSR) and Great Britain has not been sufficiently studied. Meanwhile the period of exacerbation of international tension as well as steps taken by both powers to mitigate it in order to avoid direct armed confrontation had a noticeable impact on the nature and dynamics of the bilateral links in the political, economic and socio-cultural spheres of the last third of the nineteenth – early quarter of the twentieth century. The paper reveals some important features of the 1923 “war scare”, which was caused by a sturdy diplomatic note addressed to the Soviet gov-

[1] Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 22-18-00011 «Трансферты колониального порядка: модели внутренней безопасности поле Великой войны».
[2] The research has been carried out within the framework of the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00011 "Transfers of the colonial order: models of internal security field of the Great War".

Affiliation:

Russian Academy of Sciences
Institute of World History;

Russian State University
for the Humanities;

State Academic University
for the Humanities

Email:
eugene.sergeev59@gmail.com

ernment on behalf of the British Foreign Secretary Lord G. N. Curzon, the acting head of the Cabinet, against the background of the aggravation of international situation both in Europe (the Ruhr crisis) and in the Near East (the Turkish problem). The author analyzes the causes of the conflict, its stages and consequences, together with the assessments that it received in Russian and foreign scholarship. The study is based on Russian and British archival documents with the stipulation of contemporaries' evidences, press materials and parliamentary debates.

Keywords: Soviet-British relations, Curzon ultimatum, war scare of 1923.

For citation:
Sergeev E. Yu. War Scare in Soviet-British Relations of 1923 // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 365–378. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.026

Несмотря на высокую конфликтность международных отношений в Новое и Новейшее время, понятие «военная тревога» (war scare) не получило пока четкого определения в исследовательской литературе. Более того, попытки автора статьи отыскать эту дефиницию на страницах российских и британских справочно-энциклопедических изданий по соответствующей тематике оказались безуспешными[3]. Поэтому предлагается рассматривать «военную тревогу» как политическую ситуацию, несущую риски открытой вооруженной конфронтации вероятных противников, в нашем случае – России и Великобритании. Как известно, моменты кризисов в их отношениях возникали неоднократно на протяжении второй половины XIX – первой трети XX в., однако за все это время до военного столкновения дело дошло лишь дважды – в период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. и в ходе интервенции войск Антанты против Советской России на протяжении 1918–1920 гг.

В центре настоящего исследования – «военная тревога» мая – июня 1923 г., которая привлекала гораздо меньшее внимание как современников событий, так и последующих историков. Между тем именно она явилась причиной задержки полного дипломатического признания СССР со стороны Великобритании, а после того, как оно все же произошло в феврале 1924 г., предопределила краткосрочность периода смягчения напряженности между двумя странами, став прецедентным событием в их истории двух межвоенных десятилетий.

Сразу же отметим, что «критическая масса» недовольства политикой Москвы со стороны Лондона накапливалась в течение всего 1922 г., будучи вызвана отсутствием конструктивности в большевистском руководстве по отно-

[3] Заболотин 2000; Тютюнников 2018; Сетов 2019; Encyclopedia 2005.

шению к проектам возвращения Советской России в международное сообщество. Неудача представительных конференций в Генуе и Гааге, а также затягивание Лозаннской конференции 1922–1923 гг. находили у британских политиков именно такое объяснение.

Чашу терпения правительства и общественности Соединенного Королевства переполнило задержание 31 марта 1923 г. советской береговой охраной двух траулеров под британским флагом в территориальных водах РСФСР недалеко от Мурманска. Оно вызвало бурные парламентские дебаты, во время которых 9 апреля заместителю министра иностранных дел Р. Макнейллу пришлось выслушать жалобы членов Палаты общин на недостаточную, по их мнению, защиту Адмиралтейством британских торговых и рыболовецких судов[4]. В свою очередь Кремль высказывал недовольство отказом Форин офис согласиться с кандидатурой М. М. Литвинова в качестве главы советского торгового представительства на берегах Темзы[5].

Масла в огонь разгоравшегося конфликта также подлил запрос главы миссии в Москве Р. Ходжсона относительно правомочности судебного процесса над 17 католическими священниками, который проходил в столице с 21 по 26 марта 1923 г. Дело в том, что его сообщение главе Форин офис об организованном большевиками процессе по обвинению святых отцов в создании контрреволюционной организации, которая якобы действовала на берегах Невы с 1918 по 1922 гг., вызвало просьбу Кёрзона обратиться в НКИД за разъяснениями[6]. Резкий протест европейской общественности и соответственно британской стороны был связан с расстрелом прелата К. Будкевича и осуждение на десять лет тюремного заключения архиепископа Могилевской епархии (впоследствии Виленского митрополита) Я. Ф. Цепляка – широко известного в Европе своей миротворческой и благотворительной деятельностью[7].

Ответная нота НКИД, подготовленная заведующим подотделом стран Антанты Г. И. Вайнштейном, была выдержана в нарочито грубом тоне и сопровождалась ссылкой на репрессии в отношении деятелей ирландского национально-освободительного движения[8]. Будучи шокирован далеким от дипломатического этикета содержанием и стилем послания, Ходжсон отказался его принять, чем вызвал спустя три дня в свой адрес повторное обращение Вайнштейна, который напомнил британскому дипломату о преследовании революционеров администрацией вице-короля Индии[9].

---

[4] The National Archives of the United Kingdom (TNA). Parliamentary Archives (PA). Bonar Law Papers (BL). 111/12/65; Hansard 1923, 877–880.
[5] Medlicott, Dakin 1984, 52–53.
[6] TNA. Foreign Office (FO). 418/59.
[7] Ibid.; Англо-советские отношения 1927, 30.
[8] TNA. FO 418/59; Англо-советские отношения 1927, 30–31.
[9] Ibid.; Англо-советские отношения 1927, 31–32.

Таким образом, меморандум британского правительства, который Ходжсон 8 мая 1923 г. передал Литвинову, вошел в историю дипломатии как нота Кёрзона, названный журналистами «ультиматумом»[10]. Уайтхолл потребовал от Кремля прекращения содействия антибританским националистским движениям в Персии, Афганистане и Северо-Западной пограничной провинции Индии, отзыва советских полпредов – Б. З. Шумяцкого из Тегерана и Ф. Ф. Раскольникова – из Кабула, дезавуирования нот Вайнштейна, сокращения зоны территориальных вод вдоль побережья Баренцева и Белого морей, отказа от политики репрессий в отношении служителей культа и выплаты денежных компенсаций семьям британских подданных, подвергшихся преследованиям в Советской России. Демонстративное игнорирование Кремлем требований английской стороны в течение десяти дней открывало для Уайтхолла возможность разорвать торговый договор 1921 года[11].

О том, что в воздухе запахло открытым вооруженным конфликтом, свидетельствовала экстренная телеграмма наркому Г. В. Чичерину лидера лейбористской партии Дж. Р. Макдональда, полученная в Москве 10 мая. Ее отправитель просил советское руководство не предпринимать действия, угрожавшие войной[12].

Неожиданность английского «ультиматума» для советского правительства оказалась столь велика, что споры членов партийной верхушки в отсутствие тяжело больного Ленина продолжались до 11 мая[13]. В результате участники совместного заседания Политбюро ЦК РКП(б) и Совета народных комиссаров (СНК) пришли к следующим выводам: создать комиссию для подготовки ответа; срочно направить наркома внешней торговли Л. Б. Красина в Лондон, где он мог давать любые обещания Кёрзону, чтобы выиграть время; не менее экстренно командировать члена ЦК К. Б. Радека в Берлин для выяснения реакции на «ультиматум» со стороны западных правительств; наконец, сделать все необходимое для предотвращения разрыва, инициировав массовые протестные выступления левых сил в еропейских государствах при максимальной активизации местных компартий.

Тогда же началась подготовка встречной ноты, составленной председателем Реввоенсовета Л. Д. Троцким и Литвиновым[14]. Содержание ответного послания Москвы не оставляло сомнений в ее намерении свести претензии Лондона к «частностям и второстепенным недоразумениям». С одной стороны,

[10] Medlicott, Dakin (eds) 1984, 99–100.
[11] Известия, 11 мая 1923 г.; Medlicott, Dakin (eds) 1984, 88–98; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 329. Л. 5–7; Англо-советские отношения 1927, 32–39.
[12] Громыко 1962, 303.
[13] Medlicott, Dakin (eds) 1984, 118–119.
[14] Протоколы 1990, 177.

в ноте отвергались как несоответствующие действительности обвинения по поводу антибританской деятельности советских полпредов в странах Востока, а с другой – кроме дезавуирования всех провокационных заявлений Вайнштейна была сделана попытка выдвинуть контрпретензии, в частности по вопросу о денежной компенсации британского правительства семьям 26 бакинских комиссаров, казненных якобы англичанами в Закаспийской области осенью 1918 г. Более того, дежурные ссылки на недостоверность информации спецслужб Соединенного Королевства о деятельности агентов Коминтерна сопровождались контржалобами на «пренебрежение интересами советских республик, проявленное великобританским правительством при разрешении ряда международных проблем» (Черноморские проливы, Восточная Галиция, Мемель, Бессарабия и т. д.). Указав в заключение на то, что одной из главных причин англо-советских трений являлось создание Антантой Версальской системы, будто бы исключавшей из дипломатического взаимодействия принцип равноправия сторон, Москва предложила провести двустороннюю конференцию для урегулирования всех спорных вопросов[15].

Между тем свою главную задачу руководство Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) видело в том, чтобы выиграть время, используя противоречия между Англией, Францией и Германией в связи с кризисом вокруг немецкого Рура[16]. Одновременно советские власти развернули беспрецедентную антибританскую кампанию внутри страны, использовав в своих целях протестные выступления тех социальных кругов на берегах Альбиона, которые сочувствовали коммунистическому эксперименту в России. Как это ни выглядело циничным, но на руку большевикам сыграло даже убийство в Лозанне полпреда В. В. Воровского, что немедленно позволило кремлевскому руководству связать террористический акт с политическим демаршем Уайтхолла. «Очевидно, что нота английского правительства и убийство тов. Воровского, – писали, например, «Известия», – являются звеньями одной цепи наступления международной буржуазии и международных фашистов (?) на Республику Советов»[17].

По свидетельству большевистской прессы, в стране проходили многочленные митинги и демонстрации[18]. 12 мая «Известия» поместили редакционную статью под заголовком «Новый поход британского империализма». В ней вся вина за обострение двусторонних отношений возлагалась на Лондон, который, с точки зрения газеты, пользовался «однобокой и тенденциозной инфор-

[15] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 329. Л. 23–33; Англо-советские отношения 1927, 40–47; Громыко 1962, 288–296; TNA. FO 418/59.
[16] D'Abernon 1930, 172, 216.
[17] Известия, 12 мая 1923 г.
[18] Правда, 11 мая 1923 г.

мацией». В качестве ее источников назывались контрреволюционные эмигранты, шпионы и недовольные английские капиталисты из разряда бывших собственников в России. Автор статьи обвинял Уайтхолл в расстреле 26 бакинских комиссаров, зверствах во время оккупации Севера России и убийстве полпреда в Персии И. О. Коломийцева[19]. Показательно, что вся вторая полоса указанного номера «Известий» была отведена публикациям на тему «Советская Россия и Англия»[20].

Спешно готовясь к командировке, Красин дал интервью газете «Известия», в котором он высказался за переориентацию советского товарооборота на рынки других стран и даже ликвидацию коммерческого общества АРКОС в случае разрыва отношений с Лондоном[21]. 12 мая он вылетел из Москвы специальным авиарейсом, совершив промежуточную посадку в Берлине и проведя там пресс-конференцию для английских журналистов в очень примирительном духе[22].

Соответственно 15 мая под председательством Кёрзона состоялось заседание Кабинета, на котором одним из главных вопросов стало обсуждение ответной ноты Москвы, полученной в Лондоне двумя днями раньше. Заслушав пояснения исполняющего обязанности премьер-министра, который подверг анализу каждый пункт этого документа, показав, как отмечено в протоколе, «слабость аргументации и отсутствие оснований для контробвинений британского правительства», члены Кабинета согласились с доводом Кёрзона о том, что в ноте имелся всего лишь один параграф, демонстрировавший стремление противоположной стороны пойти навстречу пожеланиям Лондона. Речь шла об освобождении захваченных траулеров вместе с командами. В результате министры уполномочили Кёрзона принять Красина для беседы, предоставить Москве еще несколько дней для выполнения требований «ультиматума» и разъяснить позицию Кабинета с парламентской трибуны[23].

С небывалой оперативностью для двусторонних отношений 17 мая 1923 г. прошла встреча московского визитера и Кёрзона. Как зафиксировано в протоколе этой беседы, Красин сразу же заявил, что он явился «не только для того, чтобы ликвидировать все дела российской торговой делегации в случае разрыва отношений, но также и с целью разобраться в содержании ноты»[24]. Отвечая на слова руководителя Форин офис о недопустимости ведения антибританской пропаганды в странах Востока, подстрекательства племен к восста-

[19] Известия, 12 мая 1923 г.
[20] Там же.
[21] Юсупов 1988, 104–105.
[22] Громыко 1962, 309–311.
[23] TNA. Cabinet Papers (CAB) 23/45/27.
[24] Ibid. FO 418/59.

нию и направлению в Индию боевиков, обученных в специальном лагере под Ташкентом, Красин занял оборонительную позицию, стараясь убедить собеседника в том, что каждый случай требует отдельного разбирательства. Судя по телеграмме московского эмиссара в НКИД, ему удалось добиться выигрыша времени, назначив в качестве даты следующей встречи 22 мая, которая, однако, в связи с правительственным кризисом, вызванным неудачной попыткой Кёрзона занять пост главы правительства вместо смертельно больного Э. Бонар Лоу, была перенесена на следующий день[25].

Между тем еще 18 мая кремлевское руководство получило дополнительный меморандум Кёрзона, в котором он от имени правительства отказывался принять первую советскую ноту из-за расплывчатости обещаний Москвы выполнить, и то лишь часть, требований Лондона, хотя предоставлял отсрочку Кремлю для уточнения позиции[26]. Поэтому в проекте ответа главе Форин офис, составленном Чичериным, предлагались новые уступки, к примеру, согласие подписать Лозаннскую конвенцию о режиме судоходства через Босфор и Дарданеллы[27].

Во время второй беседы с Кёрзоном 23 мая Красин передал очередную ноту правительства РСФСР, составленную Троцким. Москва соглашалась снять арест с трех британских траулеров, предлагала заключить конвенцию о рыболовстве, а также денежные компенсации семьям пострадавших от репрессий британских подданных. Оскорбительные ноты Вайнштейна дезавуировались, а противоречия в странах Востока выносились на обсуждение англо-советской конференции, инициатива проведения которой, однако, не вызвала энтузиазма собеседника Красина[28].

Одновременно в направленной на имя Чичерина аналитической записке Красин представил свое видение сложившейся ситуации. Согласно его мнению, причинами меморандума явились антирелигиозная кампания в Советской России, болезнь Ленина и разногласия в партии, а также отставка Бонар Лоу и возможность занятия поста премьера Кёрзоном. Тем не менее, отмечал Красин, «лично мне кажется, что во время предъявления ультиматума Кёрзоном было принято твердое решение разорвать с нами во что бы то ни стало, каков бы ни был характер нашего ответа». Обобщая первые результаты своей миссии, Красин выразил уверенность в снижении опасности разрыва отношений по причине смены премьера, то есть занятия поста главы правительства С. Болдуином. Вместе с тем, упрекнув кремлевское руководство в отсылке

[25] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 184; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 24. Д. 332. Л. 18–32.
[26] Павлович 1924, 28.
[27] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 24. Д. 333. Л. 2–4.
[28] Англо-советские отношения 1927, 47–48; Громыко 1962, 325–327; TNA. CAB 24/160/50; Ibid. FO 418/59.

предыдущей ноты без предварительного уведомления, он подчеркнул: «Общее мое впечатление… состоит в том, что избегать разрыва можно было только уступкой по всем главнейшим пунктам, то есть новыми заверениями в вопросе о пропаганде, признанием впредь до международной конференции трехмильной полосы и взятием обратно нот Вайнштейна»[29].

Наблюдая все возраставшую уступчивость большевиков, члены Кабинета под председательством нового премьера Болдуина на заседании 24 мая обсудили перспективы урегулирования кризиса. Как гласили основные пункты меморандума Форин офис, нормализация советско-британских отношений серьезно беспокоила большевистское руководство, которое, несмотря на сильные англофобские настроения, опасалось разрыва и склонялось в пользу компромисса, затягивая время в надежде привлечь на свою сторону турок в Лозанне и наладить сотрудничество с немцами в целях урегулирования Рурского кризиса[30]. Ознакомившись с меморандумом, члены Кабинета отметили, что Советы продолжают блефовать и что они пойдут на дальнейшие уступки, только если оказать давление по вопросу отзыва их представителей из Тегерана и Кабула[31].

Между тем 28 мая состоялась третья беседа британского министра и советского представителя, которая позволила устранить большинство сохранявшихся противоречий[32]. На следующий день Красин получил очередной меморандум Уайтхолла, который разительно отличался по тональности от двух прежних, к примеру предложением о том, чтобы не накапливать взаимные претензии и отказаться от враждебной пропаганды с обеих сторон[33].

4 июня советское правительство направило в Лондон меморандум, который, по признанию Литвинова в телеграмме на имя Берзина, фактически означал «капитуляцию по всем пунктам». Москва была вынуждена принять требования, «абсолютно несовместимые с нашим [российским] суверенитетом». Характерно, что ниже в этом сообщении заместитель наркома, очевидно, сгущая краски, констатировал снижение престижа Советской России на Востоке, где «открыто говорят о прекращении ее существования в качестве независимого государства»[34]. Меморандум был составлен Чичериным и наряду с прежней инициативой проведения двусторонней конференции для обсуждения всех проблем содержал обязательство прекратить враждебную Британии пропаганду в азиатских странах, хотя и взамен отказа англичан от поддержки белогвардейских организаций в Европе[35].

[29] РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 185–193.
[30] TNA. British Library. Afro-Asian Studies (BLAAS). India Office Records (IOR) L/PJ/12/119.
[31] TNA. Cambridge University Churchill Archives Centre (CU CAC). Leo Amery Papers (AMEL) 7/17.
[32] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 331. Л. 39.
[33] Medlicott, Dakin (eds.) 1984, 137–142; Foreign Office 1923, 4–9.
[34] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 24. Д. 333. Л. 11–18.
[35] Англо-советские отношения 1927, 53–57; Громыко 1962, 334–338.

9 июня члены Политбюро на очередном заседании под председательством Троцкого одобрили дополнительные инструкции Красину. Они предполагали не только мобилизацию левых политических сил и рабочих организаций, но и воздействие на французские дипломатические круги, побуждая их к посредничеству между СССР и Великобританией. Чичерину поручалось немедленно заключить советско-персидский договор как контрмеру против усиления английского влияния на Среднем Востоке и продолжить укрепление связей с правительством М. Кемаля[36].

Соответственно нотой от 13 июня 1923 г. Кёрзон известил Красина об удовлетворении правительства Соединенного Королевства в связи с принятием на себя большевистским руководством обязательств по всем пунктам майского «ультиматума». Лишь добившись от Москвы принципиальных уступок, глава Форин офис позволил себе немного смягчить позицию касательно выплаты компенсации британским подданным, понесшим ущерб в Советской России от действий властей, а также в отношении оставления под гарантии Кремля Шумяцкого на своем посту в Тегеране, пока ему не будет найдена адекватная замена (Раскольников все же отзывался из Кабула)[37]. В свою очередь 18 июня Чичерин подтвердил согласие Москвы на предложение Форин офис считать конфликт урегулированным[38].

Очевидно, что это стало возможным благодаря сочетанию нескольких факторов. Свою роль сыграли, во-первых, упоминавшиеся массовые протестные выступления в городах Великобритании; во-вторых, интенсивная деятельность агентов Коминтерна в большинстве европейских стран, которая способствовала тому, что общественное мнение Старого Света не поддержало курс на обострение напряженности в отношениях с Советской Россией; и в-третьих, гибкая позиция, занятая Москвой, которая была вынуждена ценой уступок принять большинство требований Форин офис[39].

Что касается оценок советских руководителей, то уже 15 июня 1923 г. Радек заявил о стремлении лорда Кёрзона подчинить советскую политику британскому сценарию, удалив ее из списка «решающих факторов на Востоке» и пригрозив «войной», чтобы «ликвидировать большевистскую угрозу в зародыше»[40]. Стремясь сгладить негативное восприятие на Востоке чрезмерных, как казалось многим кремлевским руководителям, уступок Кёрзону, НКИД пером Чичерина 4 сентября инструктировал полпредов в азиатских странах: «Кризис обнаружил силу тех элементов английского правительства, которые дорожат

[36] TNA. BLAAS. IOR L/PJ/12/119.
[37] Foreign Office 1923, 13–14; Medlicott, Dakin (eds.) 1984, 172–173.
[38] Громыко 1962, 353–354; Medlicott, Dakin (eds.) 1984, 178–179.
[39] White 1979, 167–168.
[40] Joukoff-Eudin, Fischer (eds.) 1957, 188.

сношениями с Советской Республикой». Нарком призывал коллег не возвращаться к «методам 1919 года», а закреплять курс на «мирное сосуществование», избегая «мелкой борьбы русских агентов против английских агентов, хотя бы борьба и велась в оболочке революционной идеологии». Поистине, дорогого стоила его фраза о необходимости выполнять в Азии ранее взятые обязательства по отношению к Англии, чтобы служить мостом в «мирном посредничестве между Востоком и Западом»[41]. Хотя спустя несколько месяцев в обзоре внешней политики за 1923 г. глава НКИД счел возможным вновь констатировать, что «майский ультиматум Кёрзона был крупнейшей попыткой наших противников за истекший период расшатать наше международное положение, но он, наоборот, показал уже достигнутую нами прочность положения»[42].

По всей вероятности, именно эти оценки, не соответствовавшие реальному положению, легли в основу позднейших интерпретаций «военной тревоги» 1923 г., которые можно найти в трудах советских историков, демонизировавших политику Кёрзона. Типичным примером являлась следующая характеристика его позиции в отношении Страны Советов, изложенная видным большевистским историком и публицистом: «Не следует упускать случай унизить Советскую Россию в глазах всего Востока и одновременно обнаружить мощь Англии, заставив первую преклониться перед волей Великобритании; в интересах той же восточной политики необходимо окружить Россию барьером враждебных государств, и если невозможно сомкнуть все звенья этого кольца в виду тяготения некоторых восточных государств к России, нужно сделать все возможное, чтобы усилить государства, явно враждебные России, как, например, Румынию и Польшу, и, таким образом, перенести центр тяжести внимания России от ближне- и средневосточных границ к западным»[43].

В дальнейшем отечественные историки стали приписывать Кёрзону намерение чуть ли не «организовать новую интервенцию против СССР». С другой стороны, вслед за публицистами они изображали очевидное поражение кремлевского руководства как дипломатический триумф в противостоянии с Великобританией[44]. Образчиком такой, мягко говоря, далекой от реальности интерпретации служит фраза из брошюры, увидевшей свет еще в середине 1920-х гг.: «Фигурально выражаясь, наши уступки оценивались гривенниками, в то время как лорду Кёрзону (по сравнению с его первоначальными требованиями) пришлось расплачиваться рублями»[45]. Характерно, что некоторые советские авторы, особенно в 1940–1950-х гг., возлагали вину за «ультима-

[41] РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 160–161.
[42] Громыко 1965, 327.
[43] Павлович 1924, 18–19.
[44] Волков 1954, 320; он же 1980, 220–222; Выгодский 1963, 316–317; Кертман 1990, 411.
[45] Тайгин 1926, 22–23.

тум» не только на консерваторов во главе с Кёрзоном, но и на якобы целиком поддержавших их лейбористов (?)[46].

Однако, по мнению британских дипломатов, а впоследствии и историков, кризис сильно потряс все советское руководство, особенно НКИД[47]. Как писал, например, один американский журналист, лично знавший Чичерина и других большевистских лидеров, «они опасались политических и экономических последствий разрыва до такой степени, что решились на действия, несовместимые с правом и национальной гордостью, чтобы удовлетворить требования, которые, по их представлениям, не имели малейшего оправдания и которые, как они считали, являлись чрезмерными. Они вынуждены были склониться перед более сильной стороной в условиях крайней необходимости»[48].

Хотя главную лепту в урегулирование международного скандала внес Красин, его действия оценивались Кремлем как близкие к самоуправству. При таких обстоятельствах отозванного из Лондона наркома ждал в Москве холодный прием, хотя серьезного наказания он все же не понес. Зато «герой» начального этапа дипломатического скандала Вайнштейн после отказа Форин офис согласиться на его назначение в Лондон был заменен в НКИД шведским коммунистом А. Ф. Нуортевой (Сантери)[49], Карахан отправился полпредом в Китай, а Литвинова за «неправильное ведение англо-советских отношений» отстранили от занимаемой должности на два месяца, после чего ему удалось с превеликим трудом возвратить себе должность заместителя главы НКИД[50].

В меморандуме Форин офис, который подводил итоги политики Британии в отношении Советской России с июля 1921 по сентябрь 1923 г., констатировалась «полная капитуляция» большевистского правительства в ответ на «ультиматум» Кёрзона. Авторы меморандума подчеркивали: «Глубина этой капитуляции оказалась неожиданной, однако, возможно, даже более значимым явилось свидетельство изоляции советского правительства среди наций и обусловленная таким положением дел ценность, которой в его глазах обладают отношения с правительством Его Величества»[51].

Оценивая «военную тревогу» 1923 г., стоит отметить основные этапы дипломатического конфликта. Первый из них пришелся на апрель – начало мая и характеризовался возникновением кризисной ситуации, второй – на май, когда проходила ее эскалация, а третий – на конец мая – июнь, которые стали вре-

[46] Рубинштейн 1953, 421–448; Романов 1954, 7.
[47] Nicolson 1937, 356–360; White 1979, 168; Madeira 2014, 113–120; Quinlan 2014, 28–30.
[48] Fischer 1951, P. 445.
[49] Medlicott, Dakin (eds.) 1984, 190–191.
[50] Ibid., 214, 264.
[51] TNA. BLAAS. IOR L/PS/10/1108/1.

менем урегулирования конфликта, хотя его последствия проявлялись в двусторонних отношениях до окончания того же года.

Что касается оценки «военной тревоги» 1923 г. с позиции сегодняшнего дня, то, по нашему мнению, стоит обратить внимание на ряд немаловажных аспектов, которые ускользнули от внимания современников и последующих исследователей.

Мы имеем в виду, во-первых, принятие коалиционным правительством в 1919 г. так называемого «правила десяти лет» (Ten-Year Rule), согласно которому любой Кабинет вне зависимости от партийной принадлежности обязывался избегать начала «большой войны» в течение ближайшей декады, то есть всех 1920-х годов[52]. Далее, необходимо учитывать германский фактор, поскольку стремление Москвы воспользоваться Рурским кризисом 1923 г., чтобы «вбить клин» между Антантой и Берлином, встретило жесткое противодействие Лондона, которому удалось лишить кремлевское руководство всех «козырей» в дипломатическом торге вокруг проблемы репараций. В-третьих, стоит принять во внимание провал политики Кремля на черноморском направлении, связанный с принятием участниками Лозаннской конференции именно британского варианта конвенции относительно режима судоходства в Босфоре и Дарданеллах. Наконец, четко устанавливается взаимосвязь событий в Европе и странах Востока, где возобновилось традиционное геополитическое соперничество России и Англии.

Подводя итоги, укажем, что «военная тревога» 1923 г. предоставила властной элите Великобритании удобный повод всякий раз ссылаться на этот прецедент, когда требовалось выступить с разъяснениями перед общественностью относительно сложного процесса налаживания двустороннего сотрудничества. С другой стороны, советская пропаганда использовала описанные события, чтобы вызвать очередную волну англофобии среди населения при любом обострении международной ситуации в межвоенный период.

Литература / References

Англо-советские отношения 1927 = Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921–1927). Ноты и документы. М., 1927. 275 с.
Anglo-sovetskie otnosheniya so dnya podpisaniya torgovogo soglasheniya (1921–1927). Noty i dokumenty [Anglo-Soviet Relations since the Signing of the Trade Agreement until the Rupture (1921–1927)]. Moscow, 1927. 275 p.

Волков 1954 = *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917–1924). М., 1954. 320 с.
Volkov F. D. Krakh angliiskoi politiki interventsii i diplomaticheskoy isoliatsii Sovetskogo gosudarstva (1917–1924) [The Collapse of the English

[52] Kitching 1999, 20.

Policy of Intervention and the Diplomatic Isolation of the Soviet State (1917–1924)]. Moscow, 1954. 320 p.

Волков 1980 = *Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. 420 с.
Volkov F. D. Tayny Uaytholla i Dauning-strit [The Mysteries of Whitehall and Dawning-street]. Moscow, 1980. 420 p.

Выгодский 1963 = *Выгодский С. Я.* Внешняя политика СССР 1924–1929 гг. М., 1963. 450 с.
Vygodskii S. Ya. Vneshniya politika SSSR 1924–1929 gg. [The USSR Foreign Policy 1924–1929]. Moscow, 1963. 450 p.

Громыко 1962 = Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / отв. ред. *А. А. Громыко*. Т. 6. М., 1962.
Dokumenty vneshnei politiki SSSR (DVP SSSR) [Documents of the USSR Foreign Policy] / ed. by *A. A. Gromyko*. Vol. 6. Moscow, 1962.

Громыко 1965 = История дипломатии / отв. ред. *А. А. Громыко*. Т. 3. М., 1965.
Istoriiya diplomatii [History of Diplomacy] / ed. by *A. A. Gromyko*. Vol. 3. Moscow, 1965.

Заболотин 2000 = Словарь военных терминов / сост. *В. Д. Заболотин*. М., 2000. 360 с.
Slovar' voennykh terminov [Dictionary of Military Definitions] / comp. by *V. D. Zabolotin*. Moscow, 2000. 360 p.

Кертман 1990 = *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. 542 с.
Kertman L. E. Joseph Chamberlain i synov'ya [Joseph Chamberlain and Sons]. Moscow, 1990. 542 p.

Павлович 1924 = *Павлович М.* «Русский вопрос» в английской внешней политике (1922–1924). М., 1924. 210 с.
Pavlovich M. "Russkii vopros" v angliiskoi vneshnei politike (1922–1924) ['Russian Issue' in British Foreign Policy (1922–1924)]. Moscow, 1924. 210 p.

Протоколы 1990 = Протоколы заседаний ЦК РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 150–180.
Protokoly zasedanii TsK RKP(b) [Minutes of the RCP(b) Central Committee's Meetings] // Izvestiya TsK CPSU. 1990. No. 10. P. 150–180.

Романов 1954 = *Романов А. И.* Англо-советские отношения при первом лейбористском правительстве 1924 г.: автореф. дисс... к. и. н. М., 1954. 21 с.
Romanov A. I. Anglo-sovetskie otnosheniya pri pervom leiboristskom pravitel'stve 1924 g. [Anglo-Soviet Relations During the First Labour Government 1924]: PhD thesis. Moscow, 1954. 21 p.

Рубинштейн 1953 = *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М., 1953. 275 с.
Rubinstein N. L. Vneshniya politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–1925 gg. [Foreign Policy of the Soviet State in 1921–1925]. Moscow, 1953. 275 p.

Сетов 2019 = *Сетов Р. А.* Тектоника войны. 1939 год. М., 2019. 344 с.
Setov R. A. Tektonika voiny [War Tectonics]. Moscow, 2019. 344 p.

Тайгин 1926 = *Тайгин И.* Англия и СССР. Л., 1926. 85 с.
Taigin I. Angliya i SSSR [England and the USSR]. Leningrad, 1926. 85 p.

Тютюнников 2018 = Словарь военных терминов российского законодательства / сост. *Н. Н. Тютюнников*. Т. 1–2. М., 2018.

Slovar' voennykh terminov rossiiskogo zakonodatel'stva [Dictionary of the Russian Law Military Definitions] / comp. by *N. N. Tiutiunnikov*. Vol. 1–2. Moscow, 2018.

Юсупов 1988 = *Юсупов А. Ф.* Политика правительства Бонар Лоу в отношении англо-советского экономического партнерства (октябрь 1922 – май 1923 г.) // Общественно-политическое развитие стран в новейшее время: межвузовский сборник научных трудов. Владимир, 1988. С. 100–107.

Yusupov A. F. Politika pravitel'stva Bonar Lou v otnoshenii anglo-sovetskogo ekonomicheskogo partnerstva (Oktyabr' 1922 – May 1923 g.) [The Policy of Bonar Law's Government Regarding Anglo-Soviet Economic Collaboration (October 1922 – May 1923)] // Obstchestvenno-politicheskoe razvitie stran v noveyshee vremya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Public–Political Development of the Countries in Contemporary Period. Inter High School Collection of Studies]. Vladimir, 1988. P. 100–107.

D'Abernon 1930 = *D'Abernon E.* Ambassador of Peace. Lord D'Abernon's Diary. Vol. 2. London, 1930.

Encyclopedia 2005 = Encyclopedia Britannica. URL: https://www.britannica.com/dictionary/eb/spelling/War-scare (accessed: 16.11.2022).

Fischer 1951 = *Fischer L.* The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917–1929. Vol. 2. Princeton (N. J.), 1951.

Foreign Office 1923 = Foreign Office. Correspondence between His Majesty's government and the Soviet government // Russia. 1923. No. 3. 35 p.

Hansard 1923 = Hansard Parliamentary Debates. Fifth ser. Vol. CLXII. London, 1923.

Joukoff-Eudin, Fischer (eds.) 1957 = Soviet Russia and the West. 1920–1927. A Documentary Survey / ed. by *X. Eudin-Joukoff, H. H. Fischer*. Stanford (CA), 1957. 540 p.

Kitching 1999 = *Kitching C.* Britain and the Problem of International Disarmament 1919–1934. London; New York, 1999. 370 p.

Madeira 2014 = *Madeira V.* Britannia and the Bear. The Anglo–Russian Intelligence Wars 1917–1929. Woodbridge (Suffolk), 2014. 470 p.

Medlicott, Dakin (eds.) 1984 = Documents on British Foreign Policy (DBFP) / ed. by *W. N. Medlicott, D. Dakin*. First ser., Vol. XXV. London, 1984. 953 p.

Nicolson 1937 = *Nicolson H.* Curzon: The Last Phase, 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy. London, 1937. 420 p.

Quinlan 2014 = *Quinlan K.* The Secret War between the Wars. MI5 in the 1920's and 1930's. Wooldridge (Suffolk), 2014. 340 p.

White 1979 = *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplomacy, 1920–1924. London, 1979. 456 p.

КОНТРОЛИРУЕМАЯ ЭСКАЛАЦИЯ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ ИНТЕРБЕЛЛУМА[1]

Станислав Геннадьевич Малкин

Об авторе:

доктор исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0001-9522-7926
ScopusID: 57193670318
ResearcherID: F-1650-2016
РИНЦ AuthorID: 543965

Аффилиация:

Самарский государственный социально-педагогический университет

Электронная почта:
s.g.malkin@mail.ru

Эпоха Интербеллума сопровождалась непрекращавшимися спорами сторонников различных правовых режимов функционирования колониального порядка в условиях роста повстанческой активности в Британской империи после Великой войны. Дискуссии по этому вопросу отражали теоретические и доктринальные противоречия, а также споры военных и гражданских властей по поводу границ их ответственности в этом вопросе. В статье анализируются изменения в подходах военных к определению параметров обеспечения внутренней безопасности в империи после Великой войны в связи с ограничениями правового характера и новыми вызовами колониальному правлению, обусловленными ростом национально-освободительного движения. В фокусе исследования – взгляды военного класса на юридическую рамку механизма управления колониальными кризисами: цель, задачи, параметры и назначение введения военного и чрезвычайного положения. Такой ракурс исследования позволил по-новому поставить вопрос об эволюции управленческих практик на завершающем этапе развития Британской империи, в эпоху ее деколонизации и трансформации. Особенности развития имперской школы военной мысли Великобритании в условиях возраставшего значения вооруженных сил и одновременного сокращения возможностей использования других рычагов влияния на сохранение власти метрополии в колониях и на иных зависимых территориях также рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: контролируемая эскалация, колониальный контроль, военное положение, чрезвычайное положение, военная мысль, Британская империя.

Для цитирования:
Малкин С. Г. Контролируемая эскалация и колониальный контроль в Британской империи в эпоху интербеллума // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 379–385. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.027

ESCALATION AND COLONIAL CONTROL IN THE BRITISH EMPIRE DURING THE INTERBELLUM[2]

Stanislav G. Malkin

About the author:

Doctor of History, Associate Professor

The Interbellum era was accompanied by ongoing disputes between supporters of various legal regimes of the functioning of the colonial order amid the growth of rebel activity in the British Empire after the Great War. Discussions on this issue reflected theoretical and doctri-

[1] Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 22-18-00011 «Трансферты колониального порядка: модели внутренней безопасности поле Великой войны».
[2] The research has been carried out within the framework of the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00011 "Transfers of the colonial order: models of internal security field of the Great War".

ORCID: 0000-0001-9522-7926
ScopusID: 57193670318
ResearcherID: F-1650-2016
РИНЦ AuthorID: 543965

Affiliation:

Samara State University
of Social Sciences
and Education

Email:
s.g.malkin@mail.ru

nal contradictions, as well as disputes between the military and civilian authorities over the boundaries of their responsibility in this matter. The article analyzes changes in the military's approaches to determining the parameters of internal security in the empire after the Great War due to legal restrictions and new challenges to colonial rule due to the growth of the national liberation movement. The focus of the study is the views of the military class on the legal framework of the mechanism for managing colonial crises: the purpose, tasks, parameters and purpose of the introduction of martial law and emergency. This perspective of the study made it possible to raise the question of the evolution of management practices in a new way at the final stage of the development of the British Empire, in the era of its decolonization and transformation. The peculiarities of the development of the imperial school of military thought of Great Britain in the context of the increasing importance of the armed forces and the simultaneous reduction in the possibility of using other levers of influence on the preservation of the metropolis power in the colonies and other dependent territories are also considered in the article.

Keywords: escalation control, colonial control, martial law, emergency, military thought, British empire.

For citation:
Malkin S. G. Escalation and Colonial Control in the British Empire during the Interbellum // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 379–385. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.027

Спор о границах полномочий военных и гражданских властей в условиях роста национально-освободительных движений в Британской империи после Великой войны являлся основным для современников с точки зрения определения оптимальной правовой рамки урегулирования проблем, вызванных перманентным кризисом лояльности в межвоенный период. Особую остроту этой дискуссии придавало то обстоятельство, что ее участники хотя и оперировали одними и теми же терминами, вкладывали в них разные смыслы и, следовательно, по-разному представляли себе логический порядок их применения. При этом наибольшее количество копий было сломано вокруг юридических и политических аспектов введения режима военного положения в пределах империи.

На первый взгляд, достаточно ясно проступают основные черты той модели внутренней безопасности, за которую выступали представители военного класса: передача всей полноты власти в их руки, чтобы свести к приемлемому уровню политически мотивированное насилие и, таким образом, создать условия для переговорного процесса и возобновления функционирования гражданской администрации[3]. Однако такой поход к решению проблем антиколониального протеста в форме вооруженной подпольной борьбы имел ряд внут-

[3] Kautt 2014, 185.

ренних противоречий. С одной стороны, военные признавали, что это прежде всего политический конфликт и его урегулирование так же лежит в политической плоскости. С другой стороны, роль армии в этом процессе порой преувеличивалась. Эпоха Интербеллума знает только один пример объявления военного положения в общенациональном масштабе (в пределах Британской империи) – в Египте в 1919 г., и два случая на региональном уровне – в Ирландии в 1920–1921 гг. (Манстер и соседние графства) и в Индии в 1921 г. (Малабар). В остальном речь шла о применении тех или иных форм чрезвычайного законодательства, при котором вооруженные силы обеспечивали поддержку гражданских властей, а не наоборот – даже если в некоторых владениях ситуация, по оценкам самих же военных, де-факто развивалась по законам военного времени (как, например, в Палестине в 1929 и 1936–1939 гг.)[4].

Во властных кругах и публичном пространстве имела место дискуссия, в рамках которой реальной модели обеспечения колониального порядка, все чаще дававшей сбой в межвоенный период, противопоставлялась идеальная модель, которой еще предстояло пройти проверку на практике. Ускоренная деколонизация афро-азиатского мира после Второй мировой войны выявила несостоятельность обоих подходов в их буквальном понимании. Но насколько в этой связи оправданно предположить, что британские власти оказались неспособны понять насущные политические запросы колониальных народов и те перемены, которые Великая война привнесла в отношения между европейскими метрополиями, их заморскими владениями и внутренними окраинами? Применительно к вопросам внутренней безопасности Британской империи обращает на себя внимание обратно пропорциональный сокращению численности и финансирования армии рост участия военных в обеспечении колониального порядка – при относительной успешности этих мер для сохранения целостности империи, в эпоху Интербеллума находившейся на пике территориального роста.

Интерпретационная рамка, объясняющая стремительное расхождение этих графиков, включает такие активно разрабатываемые в последнее время аспекты этой проблемы, как роль (контр)разведки («недостающее измерение» истории Британской империи), эволюция подходов к колониальному антиповстанчеству (от малых войн «прекрасной эпохи» к герилье «особого рода»), новое понимание антиколониального протеста ответственными службами (социология, политэкономия, топография «современного мятежа»), правовые механизмы подавления восстаний (включая объявление военного положения в качестве крайнего средства)[5].

[4] Gwynn 1939, 250–252, 386–393.
[5] Thomas 2008; Hevia 2012; Malkin 2019, 660–678; Malkin 2022, 1421–1443; Hughes 2019; Gannon 2019.

Вместе с тем история изучения «колониальной роли»[6] британской армии после Великой войны содержит в себе один довольно любопытный парадокс. При обилии работ, составляющих весомую часть историографии Британской империи как таковой, исследования, посвященные представлениям самого военного класса о службе в заморских владениях и на окраинах метрополии пока единичны[7]. Эта же характеристика применима и к ситуации с изучением правового регулирования применения силовых мер по обеспечению колониального порядка. Зарубежные коллеги внесли весомый вклад в расширение научных представлений о юридических тонкостях подавления протестных движений с помощью армии в различных обстоятельствах (и правовых рамках) – от рабочих кварталов Ливерпуля и Глазго и мятежной Ирландии до возмущенной Индии и охваченной восстаниями Палестины[8]. Особое внимание в их работах уделено регулированию баланса властных полномочий между военным командованием и местными гражданскими администрациями, отражению этого спора в военной доктрине и практике. В то же время взгляды самих армейских чинов (как на действительной службе, так и в отставке) на законодательное оформление их полицейской службы в империи в качестве предмета академического интереса комплексно еще не представлены.

По меньшей мере дискуссионными остаются вопросы определения военными оптимальных границ применения законов военного времени (нормативных, административных, политических), их представления о функциональном назначении введения режима военного положения (с точки зрения эффективного применения вооруженных сил в рамках антиповстанческой деятельности) и идеальной модели управления зависимыми территориями в условиях партизанской войны. На каждом из этапов эволюции имперской школы военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума эти сюжеты собирались в новую комбинацию, с иной расстановкой акцентов, отражая процесс напряженного поиска не только *modus operandi* для служб безопасности, но и *modus vivendi* для империи в целом в условиях необходимости приспособления ее институтов и ведомств к новым условиям после Великой войны.

Из области внутри- и межведомственных дискуссий в сферу публичного обсуждения проблематика внутренней безопасности была, как известно, привнесена благодаря событиям в Индии и Ирландии сразу после Великой войны. Приказ бригадного генерала Реджинальда Дайера о расстреле безоружной де-

[6] Lyautey 1900.
[7] Waldie 1980; Jeffrey 2006; Shoul 2008, 120–139; Sheehan 2011; Johnson 2015, 570–589; Malkin 2020, 286–298.
[8] Townshend 1975; Jeffrey 1981, 377–397; Raghaven 2005, 253–279; Shoul 2006; Thomas 2008; Hughes 2019.

монстрации в Амритсаре 13 апреля 1919 г. положил начало длительным (растянувшимся на весь межвоенный период и возобновившимся сразу после Второй мировой войны) дебатам о соотношении роли и полномочий военных и гражданских властей в условиях объявления военного и/или чрезвычайного положения. Непродолжительный, но весьма противоречивый опыт британской армии по соответствующему законодательному регулированию на юге Ирландии (осень 1920 – лето 1921 гг.) в полный рост поставил перед правительством и обществом Великобритании вопрос о нормативных, административных и политических рамках этого правового режима.

Сринат Рэйхэвен указывает, что военные постепенно, хотя и неохотно, приняли к середине 1930-х гг. верховенство гражданских властей, а события в Амритсаре и другие случаи колониального насилия теперь оценивались главным образом с точки зрения их соответствия принципу минимума силы, предметно изложенному в знаменитом сочинении генерал-майора сэра Чарльза Уильяма Гвинна «Патрулирование империи» и одноименном армейском уставе (оба опубликованы в 1934 г.)[9]. Комментаторы единодушно соглашались с тем, что конечное решение проблем внутренней безопасности может быть только политическим[10]. Вместе с тем реакция властей и общественности в эпоху Интербеллума на поступок генерала Дайера породила такую распространенную среди британского военного класса фобию, как «дайеризм» – стремление избежать двусмысленной ситуации, при которой военное командование могут обвинить либо в бездействии, либо в превышении полномочий при обеспечении колониального порядка[11].

Именно эти опасения и побуждали военных к установлению большей ясности (в том числе, в рамках публичной полемики) там, где гражданские власти к этому совсем не стремились – в вопросе разграничения правовых режимов (а, значит, и меры ответственности) восстановления колониального контроля в империи после Великой войны. И эти попытки предпринимались бравшимися за перо представителями военного класса на протяжении всей межвоенной поры. Анализ развития имперской школы военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума показывает, что предпочтение, которое колониальные администрации и метрополия отдавали контролируемой эскалации в борьбе с «революционным» подпольем, вызывало большее беспокойство военных, чем выбор того или иного правового режима колониального антиповстанчества.

[9] Raghaven 2005, 258–261.
[10] Kautt (ed.) 2014, 185.
[11] Macready 1926, 428, 455.

Наиболее емким образом эта позиция военного класса была изложена в теоретических и доктринальных работах генерала Гвинна. Разбирая различные сценарии восстановления колониального порядка после Великой войны, он обращал внимание прежде всего на необходимость следования сформулированным им же принципам «патрулирования империи» (единоначалие, минимум силы, быстрое принятие решений, эффективная разведка), а не на юридическую рамку их применения. Военное положение в Палестине во время межобщинных столкновений 1929 г. существовало де-факто; в Бирме в 1932 г. выбор в пользу мер «по поддержке гражданских властей» объяснялся нехваткой ресурсов и местными обстоятельствами; на Кипре в 1931 г. не было необходимости объявлять военное положение, поскольку юридическая формула королевского «указа-в-совете» давала необходимую степень свободы для подавления антиколониальных протестов; а в Индии «гражданские власти полагались на военную поддержку в такой степени, что временами трудно различать, где ответственность одних начинается, а других – заканчивается»[12].

Таким образом, представители британского военного класса выступали не против верховенства гражданских властей в принципе. Начиная с «Ирландской войны», армейская корпорация сходилась на том, что конечное решение конфликтов этого рода может быть лишь политическим. Острое неприятие вызывал подход местных администраций и метрополии к преодолению множившихся кризисов лояльности в империи – контролируемой эскалации, на практике означавшей, что военное положение военному положению рознь. Британская правовая традиция различает законы военного времени по характеру их применения на ограниченные зафиксированными и публично анонсированными положениями и сводящиеся главным образом к воле командующего. Современники выделяли в этой связи, по крайней мере, три его разновидности: военное положение по праву меча (*real martial law*), на основе специального постановления (*statutory martial law*) и введенное фактически (*martial law de facto*), а также их вариации (ограниченное военное положение – как, например, на юге Ирландии, – и разные варианты чрезвычайного законодательства). Такое несоответствие объема полномочий и задач по восстановлению колониального порядка являлось, с точки зрения армейской корпорации, одной из основных проблем применения вооруженных сил в условиях колониального антиповстанчества.

Литература / References

Gwynn 1939 = *Gwynn C. W.* Imperial Policing. London, 2019. 427 p.

[12] Gwynn 1939, 57, 235, 312, 346–347.

Gannon 2019 = *Gannon S. W.* Irish Imperial Service. Policing Palestine and Administering the Empire, 1922–1966. Cambridge, 2019. 301 p.

Hevia 2012 = *Hevia J.* The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012. 313 p.

Hughes 2019 = *Hughes M.* Britain's Pacification of Palestine: The British Army, the Colonial State and the Arab Revolt, 1936–39. Cambridge, 2019. 504 p.

Jeffrey 1981 = *Jeffrey K.* The British Army and Internal Security 1919–1939 // The Historical Journal. 1981. Vol. 24. Issue 2. P. 377–397

Jeffrey 2006 = *Jeffrey K.* Field Marshal Henry Wilson: A Political Soldier. Oxford, 2006. 344 p.

Johnson 2015 = *Johnson R.* Command of the Army, Charles Gwynn and Imperial Policing: The British Doctrinal Approach to Internal Security in Palestine 1919–29 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2015. Vol. 43. Issue 4. P. 570–589.

Kautt (ed.) 2014 = Ground Truths: British Army Operations in the Irish War of Independence / Ed. by *W. Kautt*. Newbridge, 2014. 268 p.

Lyautey 1900 = *Lyautey H.* Du Role Colonial de L'Armee. Paris, 1900. 52 p.

Macready 1926 = *Macready N.* Annals of an Active Life. Vol. II. London, 1926. 370 p.

Malkin 2019 = *Malkin S. G.* From small wars to counterinsurgency: C. W. Gwynn, 'Imperial Policing' and trans-formation of doctrine // Small Wars & Insurgencies. 2019. Vol. 30. Issue 3. P. 660–678.

Malkin 2020 = *Malkin S. G.* 'Lessons learned' during the Interbellum: 'Irish war' and British counterinsurgency // Small Wars & Insurgencies. 2020. Vol. 45. Issue 6. P. 286–298.

Malkin 2022 = *Malkin S. G.* Transfers of Colonial (dis)Order: Guerrilla Warfare and the British Military Thought after the Great War // Small Wars & Insurgencies. 2022. Vol. 33. Issue 8. P. 1421–1443

Raghaven 2005 = *Raghaven S.* Protecting the Raj: The Army in India and Internal Security, c. 1919–39 // Small Wars & Insurgencies. 2005. Vol. 16. Issue 3. P. 253–279.

Sheehan 2011 = *Sheehan W.* A Hard Local War. The British Army and the Guerrilla War in Cork, 1919–1921. Stroud, 2011. 256 p.

Shoul 1900 = *Shoul S.* Soldiers, Riot Control, and Aid to the Civil Power in India, Egypt and Palestine 1919–1939. PhD thesis. University College London, 2006.

Thomas 2008 = *Thomas M.* Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley and Los Angeles, 2008. 442 p.

Townshend 1975 = *Townshend C.* The British Campaign in Ireland, 1919–21: Development of Political and Military Policies. Oxford, 1975. 242 p.

Waldie 1980 = *Waldie D. J. P.* Relations between the Army and the Royal Air Force, 1918–1939. PhD thesis. London University, 1980. 329 p.

БРИТАНСКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВВС В АНТИПОВСТАНЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ КОРПОРАЦИИ РЭНД[1]

Дмитрий Александрович Нестеров

Об авторе:

старший преподаватель

ORCID: 0000-0002-7431-4673
РИНЦ AuthorID: 809938

Аффилиация:

Самарский государственный социально-педагогический университет

Электронная почта:
dmitriynesterov1994@gmail.com

В статье рассматривается экспертная деятельность корпорации РЭНД по рецепции британского опыта использования ВВС в антиповстанческих операциях межвоенного периода. Показывается, что американские аналитики идеализировали подобный опыт с целью того, чтобы убедить политические элиты США в увеличении финансирования военно-воздушных сил. По мнению корпорации РЭНД, британским ВВС в межвоенный период удалось успешно проводить сбор разведывательных данных, аэрофотосъемку, быстро перемещаться с одной территории на другую, проводить бомбардировку противника, перевозить боеприпасы и продовольствие, уничтожать повстанческие поселения и посевы, запугивать население. Помимо этого, эксперты указывали на то, что расходы на проведение антиповстанческих операций с применением ВВС были ниже, чем при осуществлении сухопутных операций. При этом сократились и потери среди личного состава. Такой подход получил наименование доктрины «воздушного контроля». Главной ее целью было успешное проведение психологической операции по отношению к местным жителям, чтобы они находились под постоянным страхом потенциальных бомбардировок и не присоединялись к мятежникам. Однако эксперты РЭНД отнеслись к британскому опыту некритически. Практически не отмечался тот факт, что ВВС были эффективны лишь в условиях равнинной местности и против повстанческих элементов среди сельских жителей, у которых не имелись эффективные средства противовоздушной обороны. Делается вывод о том, что корпорация РЭНД осуществляла не независимую экспертизу, а информационную поддержку, сбор доказательной базы для аргументирования позиции своего заказчика. При этом эксперты были тесно связаны своей карьерой и образованием как с США, так и с Британией.

Ключевые слова: военно-воздушные силы, колониальный опыт, корпорация РЭНД, антиповстанчество, межвоенный период.

Для цитирования:
Нестеров Д. А. Британский опыт использования ВВС в антиповстанческих операциях межвоенного периода в оценках экспертов корпорации РЭНД // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 386–395. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.028

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00011.

THE BRITISH EXPERIENCE OF USING THE AIR FORCE IN COUNTERINSURGENCY OPERATIONS OF THE INTERWAR PERIOD IN THE ESTIMATES OF EXPERTS OF THE RAND CORPORATION[2]

Dmitry A. Nesterov

About the author:

Senior lecturer

ORCID: 0000-0002-7431-4673
РИНЦ AuthorID: 809938

Affiliation:

Samara State University
of Social Sciences
and Education

Email:
dmitriynesterov1994@gmail.com

The article examines the expert activity of the RAND Corporation on the reception of the British experience of using the Air Force in anti-insurgency operations of the interwar period. It is shown that American analysts idealized such an experience in order to convince the US political elites to increase funding for the air force. According to the RAND Corporation, the British Air Force in the interwar period managed to successfully collect intelligence data, aerial photography, quickly move from one territory to another, bombard the enemy, transport ammunition and food, destroy rebel settlements and crops, intimidate the population. In addition, experts pointed out that the costs of conducting anti-insurgency operations with the use of the Air Force were lower than when carrying out land operations. At the same time, the losses among the personnel also decreased. This approach has received the name of the doctrine of "aerial control". Its main goal was to successfully conduct a psychological operation against local residents so that they would be under constant fear of potential bombing and would not join the rebels. However, RAND experts reacted to the British experience not critically. There was practically no mention of the fact that the Air Force was effective only in conditions of flat terrain and against insurgent elements among rural residents who did not have effective means of air defense. It is concluded that the RAND Corporation did not perform an independent examination, but information support, collection of evidence to substantiate the position of its customer. At the same time, the experts were closely connected by their careers and education both with the United States and Britain.

Keywords: air force, colonial experience, RAND corporation, counterinsurgency, interwar period.

For citation:
Nesterov D. A. The British Experience of Using the Air Force in Counterinsurgency Operations of the Interwar Period in the Estimates of Experts of the RAND Corporation // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 386–395. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.028

В период между Версальским договором 1919 года и началом Второй мировой войны наиболее важной ролью Королевских ВВС стала охрана порядка в империи. Присутствие военно-воздушных сил было зафиксировано почти на каждой территории, находившейся под британским влиянием: в колониях, подмандатных территориях и протекторатах от Ирландии до Африки,

[2] The research has been carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00011.

прежде всего в Индии и на Ближнем Востоке. Королевские военно-воздушные силы стремились запугивать, бомбить и расстреливать несогласных подданных, чтобы заставить их подчиниться имперской власти.

Подобное использование ВВС в антиповстанческих операциях получило название «воздушного контроля» или «полицейских бомбардировок»[3]. Возникло оно по следующим причинам. Во-первых, возникла острая необходимость подавить восстания на окраинах империи. Особые неприятности доставлял мятеж в Сомалиленде под руководством исламистского вождя Саида Мохаммеда Абдуллы Хасана. Во-вторых, после Первой мировой войны министерство финансов взяло курс на максимальное сокращение бюджетных расходов. В-третьих, над королевскими ВВС нависла угроза ликвидации и Хью Тренчарду было необходимо показать, что авиация способна выполнять полицейские функции эффективнее и экономичнее, чем сухопутные войска[4].

А. Бортон в 1920 г. в своей лекции для Королевского объединённого института оборонных исследований выделил восемь тактических задач, которые выполняют ВВС в рамках «воздушного контроля»: 1) сбор разведывательных данных о расположении противника, его численности и направления движения; 2) аэрофотосъемка местности для составления более точных карт; 3) быстрое перемещение сил с одной территории на другую; 4) бомбардировка противника; 5) перевозка боеприпасов и продовольствия; 6) уничтожение повстанческих поселений и их посевов; 7) поддержка артиллерии; 8) защита местного политического руководства[5].

Другой апологет доктрины «воздушного контроля» писал, что «обычного авиационного патрулирования должно быть достаточно, чтобы напомнить местным жителям о силе»[6]. Таким образом, основной целью использования ВВС в антиповстанческих операциях межвоенного периода, по мнению сторонников доктрины «воздушного контроля» из числа представителей британской авиации, было успешное проведение психологической операции по отношению к местным жителям, чтобы они находились под постоянным страхом потенциальных бомбардировок и не присоединялись к мятежникам.

Однако уже в 1920-е годы многим в военной среде британских колониальных войск стало понятно, что абсолютизировать эффективность доктрины «воздушного контроля» в корне неверно. Так, Г. Маклеллан на страницах журнала Королевского объединённого института оборонных исследований отмечал, что действия ВВС могут быть полезны лишь в условиях Ближнего и Сред-

[3] Renfrew 2015, 12.
[4] Omissi 2017, 2–17.
[5] Borton 1920, 313–315.
[6] Mackay 1922, 301.

него Востока, в равнинной местности и только против повстанческих элементов среди сельских жителей или кочевых племен. В горной местности, в городских условиях действия авиации неэффективны и, более того, могут принести больше вреда, чем пользы[7].

К подобному выводу пришел и современный британский историк Д. Омиси, отмечавший, что «воздушный контроль» был эффективен только против кочевников, населявших ближневосточные пустыни, но даже они быстро адаптировались к атакам с воздуха – строили бомбоубежища, укрытия. Более того, нередки были случаи, когда повстанцам удавалось сбивать самолеты точным винтовочным огнем. Помимо этого, британские власти не могли себе позволить политические издержки, возникавшие от чрезмерного насилия, сопровождающего бомбардировки[8].

Внимание экспертов корпорации РЭНД к британскому опыту использования ВВС в антиповстанческих операциях межвоенного периода объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, данный аналитический центр с момента своего основания в 1946 г. изначально был тесно связан с американскими ВВС. Первоначальные исследования корпорации касались вопросов создания, развития и использования космических спутников, а патроном организации выступал командующий Стратегическими силами ВВС США генерал Кертис Лемей[9].

Основными функциями корпорации РЭНД к началу 60-х гг. стали создание межконтинентальных баллистических ракет, разработки десятков новшеств в военной области, проведение экспертиз для творцов внешней политики США, анализ ядерной политики и разработка политики сдерживания, прогнозирование будущих военных конфликтов и разработка системы финансирования оборонных программ, метода анализа сравнительной эффективности и системного анализа[10].

Во-вторых, корпорация РЭНД еще во время войны во Вьетнаме занималась исследованиями, посвященными рецепции колониального опыта использования ВВС при подавлении мятежей. Правда, в тех аналитических докладах рассматривался лишь опыт «холодной войны», поскольку, по мнению экспертов РЭНД, он в большей степени соответствовал ситуации в Юго-Восточной Азии[11]. Однако в 1989 г. ситуация стала принципиально иной и аналитикам потребовалось актуализировать опыт антиповстанческих операций на Ближ-

[7] MacClellan 1927, 325–326.
[8] Omissi 2017, 208-209.
[9] Amadae 2003, 33.
[10] Dickson 1971, 64.
[11] Нестеров 2018, 203–208.

нем и Среднем Востоке, тем самым показав, что в условиях асимметричного конфликта в этих регионах ВВС могут сыграть решающую роль.

Доклад «Британские военно-воздушные силы в периферических конфликтах в 1919–1976 годах» был подготовлен одним из ведущих американских экспертов в сфере контртеррористической деятельности Брюсом Хоффманом. В нем сотрудник корпорации РЭНД рассмотрел третью англо-афганскую войну 1919 г., антиповстанческие операции в Ираке, Северной Ирландии, Трансиордании, Палестине и Адене, а также на северо-западной границе Индии[12].

Для понимания особенностей трактовок доктрины «воздушного контроля» корпорацией РЭНД, необходимо кратко обратиться к биографии Б. Хоффмана, поскольку многие факты из нее позволят лучше понять отношение эксперта к историческому опыту Британской империи. В частности, Б. Хоффман в 1986 г. в университете Оксфорда защитил докторскую диссертацию по теме «Еврейская террористическая деятельность и британское правительство в Палестине, 1939–1947 гг.»[13]. С 1981 г. являлся штатным сотрудником корпорации РЭНД в Санта-Монике. Таким образом, один из ведущих американских экспертов в сфере противодействия терроризму получил образование в одном из ведущих британских университетов. И именно с пробританских позиций и был написан его доклад, посвященный колониальному опыту Королевских ВВС в подавлении мятежей.

В своем экспертном заключении Б. Хоффман сосредоточил внимание на последовательном аргументировании эффективности метода «воздушного контроля», согласно которому именно ВВС, а не пехота должны осуществлять контрпартизанскую деятельность, поскольку именно так удастся избежать серьезных финансовых и человеческих потерь[14]. В частности, эксперт РЭНД отмечал, что «общая стоимость операций Королевских ВВС в Ираке составила 8 миллионов фунтов стерлингов, в отличие от 20 миллионов фунтов стерлингов, выделенных военным министерством на сухопутные операции. Более того, к 1930 году расходы на содержание гарнизона в Ираке сократились примерно до 650 000 фунтов стерлингов в год»[15].

Здесь следует заметить, что Б. Хоффман в своих статистических выкладках ссылается не на официальные документы, а научную статью М. Смита, опубликованную в 1984 г. Во-вторых, обращается он с этими данными довольно вольно. В частности, сравниваются данные за одну операцию, в которой

[12] Hoffman 1989.
[13] Hoffman 1985.
[14] Hoffman 1989, 10–11.
[15] Ibid., 34.

участвовали ВВС, с общими затратами на содержание сухопутных войск во всех районах империи.

Вызывают вопросы и данные Б. Хоффмана по потерям. Он пишет, что «за один шестимесячный период Третьей афганской войны было убито 1800 военнослужащих, 3675 ранены и 40 000 выведены из строя из-за болезней. В свою очередь, только три летчика были убиты при подавлении восстания 1923 года в Вазиристане. Аналогичным образом, только один офицер Королевских ВВС погиб во время воздушных операций в Йемене в 1928 году. <…> Королевские ВВС на самом деле потеряли всего 26 человек»[16].

Подобные выводы также представляются некорректными. Во-первых, в отличии от сухопутных войск авиация действовала в более благоприятных условиях, поскольку у мятежников отсутствовали ВВС и эффективные средства противовоздушной обороны. Во-вторых, данные о потерях имеют смысл только тогда, когда приводится общая численность контингента войск, чтобы понимать процентное соотношение. В случае с экспертным докладом Б. Хоффмана это сделано не было.

Ангажированность эксперта РЭНД проявилось и в том, что довольно объемные фрагменты текста он посветил описанию противостояния сторонников «воздушного контроля» с представителями Имперского Генерального штаба, при этом ни разу не упомянув доводы противников использования ВВС в антиповстанческих операциях, обвинив лишь представителей сухопутных войск в корысти, нежелании делиться финансированием с ВВС[17].

Помимо этого, Б. Хоффман довольно подробно описывает то, как сторонникам доктрины «воздушного контроля» удалось найти влиятельных союзников – Уинстона Черчилля и полковника Т. Э. Лоуренса, известного как Лоуренс Аравийский[18]. Таким образом, из доклада эксперта РЭНД делается недвусмысленный вывод, что конфликт между сухопутными войсками и ВВС в контексте проведения антиповстанческой операции неизбежен, так как они ведут борьбу за финансовое положение. В этой связи Б. Хоффман рекомендует представителям ВВС США искать для себя покровителей в высших эшелонах власти, которые смогут лоббировать их интересы.

Несмотря на то, что эксперт корпорации РЭНД одной фразой упоминает тот факт, что эффективность авиации в подавлении мятежей фиксировалась лишь в пустынях Ирака, он тут же подробно излагает участие ВВС в контрпартизанских операциях на густонаселенных территориях. Таким образом, Б. Хоффман попытался выставить британский колониальный опыт в более вы-

[16] Hoffman 1989, 34.
[17] Ibid., 4, 7, 10.
[18] Ibid., 10, 13.

годном свете, показать возможность применения авиации в подавлении мятежей и в городской местности.

Хотя, как справедливо отмечает С. Г. Малкин, «недопущения и/или подавления восстаний, все чаще означавших подпольную деятельность в сочетании с распространением влияния не только в сельской местности, но и в городах, – этот подход не оправдал ожиданий, хотя в отношении племенных образований Ближнего и Среднего Востока он приносил определенный результат, позволявший до поры до времени говорить о его состоятельности»[19].

И тут следует отметить, что Б. Хоффман решил предостеречься от возможной критики в свой адрес путем использования иной терминологии, чем было принято в экспертном сообществе. Так, вместо терминов «антиповстанчество» (“counterinsurgency”) и «конфликт низкой интенсивности» он использует дефиницию «периферийный конфликт», объясняя это тем, что колониальный опыт использования ВВС происходил преимущественной в сельской местности[20].

Особый интерес представляют конкретные рекомендации эксперта корпорации РЭНД, выведенные им из доктрины «воздушного контроля». К ним он отнес разведку территории с помощью авиации, запугивание населения постоянным воздушным патрулированием, бомбардировку лагерей повстанцев, экстренную эвакуацию иностранных граждан и беженцев, доставку продовольствия и боеприпасов. При этом ВВС должны играть в антиповстанческих операциях главенствующую роль, а пехота вспомогательную[21].

Таким образом, можно отметить, что в конце 1980-х годов в корпорации РЭНД вновь фиксируется интерес к колониальному опыту использования ВВС в подавлении мятежей на периферии империи. Характер доклада Б. Хоффмана позволяет сделать вывод об ангажированности эксперта, его симпатиях к Британской империи, что подтверждается и фактами, изложенным в экспертном заключении, так и биографией Б. Хоффмана – его обучением в Оксфордском университете.

Доклад эксперта РЭНД также показывает, что его главной целью было обоснование усиление роли ВВС США в конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке, так как Б. Хоффман указывал, что аналогичный подход Британской империи позволил существенно снизить финансовые затраты и количество потерь в армии.

В 2000 г. корпорация РЭНД выпускает доклад известного военного историка Джеффри Макгрегора «Предпоследняя армия: британская военная поли-

[19] Малкин 2021, 28.
[20] Hoffman 1989, 1.
[21] Ibid., 17, 22, 31.

тика в 1919–1939 гг. и ее актуальность для современной армии США»[22]. Данная работа представляет интерес из-за нескольких важных обстоятельств. Во-первых, ее автором являлся профессиональный военный историк, специалист по Второй мировой войне, который также имел и опыт службы в вооруженных силах США, но при этом Джеффри Макгрегор не был штатным экспертом корпорации РЭНД, не сотрудничал с ней ни до, ни после написания доклада. Он был приглашен аналитическим центром для написания конкретно данного доклада.

В начале анализа доклада Дж. Макгрегора следует отметить, что автор на протяжении всего своего экспертного заключения полемизирует с концепцией Ф. Фукуямы о «конце истории», при этом прямо не ссылаясь на его работу. С одной стороны, Дж. Макгрегор соглашается с тем, что после окончания «холодной войны» и формирования однополярного мира «сохранится высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве»[23], но при этом автор доклада полностью отвергает тезис о том, что серьезные конфликты уйдут с исторической сцены. Так Дж. Макгрегор пишет, что Великобритания в 1919 г. чувствовала себя победителем и отвергала мысли о возможности нового тотального конфликта. В итоге именно эта убежденность привела к поражениям в начале Второй мировой войны[24].

Опасность такого подхода, по мнению Дж. Макгрегора, состоит в том, что правительства начинают снижать расходы на оборону. Несмотря на то, что после окончания мировых конфликтов (а к ним автор относит и «холодную войну») увеличивается количество периферийных конфликтов, в которых державе-победительнице приходится принимать участие. Так, Британской империи приходилось контролировать колониальные владения на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Карибском бассейне с целью предотвращения и умиротворения мятежей[25]. Таким образом, в период усиления одной державы, по мнению эксперта, происходит рост мятежей и повстанческих движений на ее периферии.

Несмотря на то, что доклад Дж. Макгрегора был посвящен всем родам войск Британии межвоенного периода, коснулся он подробно и проблемы использования ВВС. В частности, он пишет, что доктрина «воздушного контроля» возникла по причине экономии бюджетных средств. Однако финансирование ВВС наоборот было увеличено. Вторая причина заключалась в том, что авиация воспринималась как средство сдерживания, а не агрессии, в отличие от пе-

[22] McGregory 2000.
[23] Фукуяма 1990, 148.
[24] McGregory 2000, 1.
[25] Ibid., 1–4.

хоты[26]. Дж. Макгрегор пишет, что представители военной элиты Британии верили в то, что именно превосходство на море и в воздухе позволит им сохранить империю[27].

Из доклада корпорации РЭНД можно сделать вывод о необходимости рационального подхода к расходованию бюджетных средств на оборону в условиях послевоенного периода. Преимущество на воздухе и море, как видит Дж. Макгрегор, играет важную роль в обеспечении безопасности государства и предотвращении конфликтов, особенно на периферии.

Таким образом, экспертная деятельность корпорации РЭНД по анализу британского опыта использования ВВС в антиповстанческих операциях межвоенного периода была направлена на решение утилитарных задач. С помощью докладов аналитический центр пытался доказать, что доктрина «воздушного контроля» позволит эффективно подавлять партизанские движения на Ближнем и Среднем Востоке. При этом использование ВВС позволит сократить бюджетные расходы на антиповстанческие операции, увеличив финансирование самих ВВС. Для этой цели британский опыт идеализировался и не подвергался критике экспертами корпорации РЭНД. Таким образом, корпорация РЭНД осуществляла не независимую экспертизу, а информационную поддержку, сбор доказательной базы для аргументирования позиции своего заказчика.

Литература / References

Малкин 2021 = *Малкин С. Г.* От малых войн к герилье: имперская школа военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 22–30. **DOI:** 10.31857/S013038640017166-0

Malkin S. G. Ot malyh voyn k geril'e: imperskaya shkola voennoy mysli Velikobritanii v epohu Interbelluma [From Small Wars to Guerrilla Warfare: Imperial School of British Military Thought During the Interbellum] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. No. 6. P. 22–30. **DOI:** 10.31857/S013038640017166-0

Нестеров 2018 = *Нестеров Д. А.* Колониальный опыт и теория контрпартизанской борьбы в США: источниковедческий анализ материалов корпорации РЭНД первой половины 1960-х годов // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 203–208.

Nesterov D. A. Kolonial'nyy opyt i teoriya kontrpartizanskoy bor'by v SSHA: istochnikovedcheskiy analiz materialov korporatsii REND pervoy poloviny 1960-h godov [Colonial Experience and the Theory of Counter-Guerrilla Warfare in the USA: A Source Study of Materials from the RAND Corporation in the First Half of the 1960s] // Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]. 2018. Vol. 7, No. 2 (23). P. 203–208.

[26] McGregory 2000, 4, 10.
[27] Ibid., 22.

Фукуяма 1990 = *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
Fukuyama F. Konets istorii? [The End of History and the Last Man] // Voprosy filosofii. 1990. No. 3. P. 134–148.

Amadae 2003 = *Amadae S. M.* Rationalizing capitalist democracy: The cold war origins of rational choice liberalism. Chicago, 2003. 408 p.

Borton 1920 = *Borton A. E.* The Use of Aircraft in Small Wars // Royal United Services Institution. Journal. 1920. Vol. 65, No. 458. P. 310–319. **DOI:** 10.1080/03071842009421889

Dickson 1971 = *Dickson P.* Think tanks. New York, 1971. 369 p.

Hoffman 1989 = *Hoffman B.* British Air Power in Peripheral Conflict, 1919–1976. Santa Monica, 1989. 133 p.

Hoffman 1985 = *Hoffmann B.* Jewish Terrorist Activities and the British Government in Palestine, 1939–1947 (ph. d.-avhandling). Oxford, 1985. 391 p.

MacClellan 1927 = *MacClellan G. P.* Air Co-Operation in Hill Fighting: Kurdistan, 1923 // Royal United Services Institution. Journal. 1927. Vol. 72, No. 486. P. 318–326.

Mackay 1922 = *Mackay C. J.* The Influence in the Future of Aircraft upon problems of Imperial Defence // Royal United Services Institution. Journal. 1922. Vol. 67, No. 466. P. 274–310.

McGregory 2000 = *McGregory G.* The Army Before Last: British Military Policy, 1919–1939, and Its Relevance for the U. S. Army Today. Santa Monica, 2000. 22 p.

Omissi 2017 = *Omissi D.* Air power and colonial control: the Royal Air Force 1919–1939. Manchester, 2017. 260 p. + XVI.

Renfrew 2015 = *Renfrew B.* Wings of Empire: The Forgotten Wars of the Royal Air Force, 1919–1939. Cheltenham, 2015. 288 p.

После империй: политические процессы XX–XXI вв.	*After Empires: Political Processes of the XX–XXI Centuries*

О ПРАВОВОМ СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ИМПЕРИЯ»

Александр Николаевич Сквозников

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-1543-0375
РИНЦ AuthorID: 624215

Аффилиация:

Тольяттинский государственный университет

Электронная почта:
skvoznikov2003@mail.ru

В статье рассматривается многовариативное государственно-правовое понятие империи через призму его восприятия в современной теоретико-правовой науке и государствоведении. Раскрываются категориально-понятийные особенности империи и её базисные характеристики как самостоятельной комплексной формы государства. Автор приходит к выводу о том, что империя – это особая политико-правовая форма государства, которая, как правило, включает в себя монархическую форму правления, форму территориального устройства, при которой в состав государства входят регионы, обладающие признаками государственности (ограниченным суверенитетом), а также особую форму внешней политики, направленную на постоянное расширение своего влияния, присоединение новых территорий (колоний, сателлитов) и создание протекторатов, системы зависимых территорий, постоянное включение новых территорий в сферу своего влияния и интеграция этих территорий на основе общих ценностей (идеологии).

Ключевые слова: форма государства, империя, централизация, децентрализация.

Для цитирования:
Сквозников А. Н. О правовом содержании понятия «империя» // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 396–402. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.029

ON THE LEGAL CONTENT OF THE CONCEPT “EMPIRE”

Aleksandr N. Skvoznikov

About the author:

PhD in History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0002-1543-0375
РИНЦ AuthorID: 624215

Affiliation:

Togliatti State University

Email:
skvoznikov2003@mail.ru

The article examines the multivariate state-legal concept of empire through the prism of its perception in modern theoretical and legal science and state studies. The categorical and conceptual features of the empire and its basic characteristics as an independent complex form of the state are revealed. The author comes to the conclusion that the empire is a special political and legal form of the state, which, as a rule, includes a monarchical form of government, a form of territorial structure in which the state includes regions with signs of statehood (limited sovereignty), as well as a special form of foreign policy aimed at the permanent expansion of its influence, the annexation of new territories (colonies, sattelites) and the creation of protectorates, a system of dependent territories, the permanent inclusion of new territories in its sphere of influence and the integration of these territories on the basis of common values (ideology).

Keywords: form of state, empire, centralization, decentralization.

For citation:
Skvoznikov A. N. On the Legal Content of the Concept "Empire" // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 396–402. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.029

В отечественных и зарубежных общественных науках сохраняется устойчивый интерес к феномену империи как формы национально-государственного устройства. Это во многом связано с доминированием данной формы политической организации общества на протяжении длительного времени мировой истории и той ролью, которую играли ведущие империи (Римская, Монгольская, Османская, Британская, Российская и др.) в судьбе всего человечества.

Империя – это многозначное понятие, которое использовалось в разные эпохи в различных контекстах и значениях: историческом, культурологическом, геополитическом и, наконец, юридическом. Называя какое-либо государство империей, мы в определенной мере навешиваем на него ярлык, причем как в положительном, так и в отрицательном смысле[1]. Как справедливо отмечает исследователь А. Миллер, понятие империя всегда было политизированным, политически нагруженным[2]. При этом историческое, политологическое и правовое содержание понятия империи зачастую не разграничивались. Кроме того, исследование империи как формы государственного устройства не получило должного развития в отечественной науке.

Разные исследователи вкладывают в понятие «империя» различное политико-правовое содержание, называя империю и формой государства, и типом государства, и государственным союзом, состоящим из нескольких стран и народов (доминионы, колонии), объединенных вокруг единого политического центра (метрополии) и находящихся, как правило, под властью единого монарха[3]. Империю как форму государства иногда называют «страной стран» во главе с монархом (императором).

При исследовании государств-империй в современной науке все чаще используется термин «композитарная монархия» как крупноразмерное государство со сложной структурой управления[4].

Ряд ученых справедливо полагают, что империя как особый тип государства восходит к Античности, затем приобретает специфическое выражение в Средние века и в эпоху Нового времени становится традиционной формой

[1] Ливен 2007, 39.
[2] Миллер 2008, 118.
[3] Антонов 2023.
[4] Паламарчук, Федоров 2022, 34.

территориально-политической организации общества[5]. Империи как особые формы государственного устройства сходят с политической сцены после окончания Первой мировой войны. Заслуживает внимание точка зрения о том, что в Новейшее время происходит трансформации бывших империй в федерации. Например, трансформация Российской империи в федеративное советское государство (СССР), Германской империи в ФРГ или федерализация Британской империи[6].

Н. И. Грачев полагает, что империя является политико-правовой формой локальной цивилизации, сочетающей в своей территориальной организации различные принципы государственного устройства (децентрализацию, автономию, федерализм, конфедерализм) при стойкой тенденции к унитаризму, использующего непрямые способы контроля по отношению к входящим в его состав этнополитическим образованиям и основанного на безусловном духовно-идеологическом авторитете верховной имперской власти[7].

Непрямое правление выражается в том, что центральная власть осуществляет фискальный и военный контроль над подчиненными областями, действуя через посредников, то есть местную элиту, которая пользуется существенной автономией в своих владениях, предоставляя в ответ центральной власти послушание, дань и военное сотрудничество[8].

Ряд ученых относят империю наряду с федерацией, конфедерацией и унией к сложной форме государственного устройства, для которой характерно наличие в составе государства других государственных образований[9]. Это утверждение в целом является справедливым, но остается неясным, чем в таком случае империя принципиально отличается от федерации или конфедерации, которые, по сути, также являются союзом государств, но с разной степенью централизации? Другие авторы, наоборот, полагают, что империя – это разновидность унитарного (простого) государства, то есть такая форма государственного устройства, при которой административно-территориальные образования не имеют политической (государственно-правовой) самостоятельности. Империя допускает существование частей общего государства только в статусе провинций, создаваемых по смешанному национально-территориальному признаку, с назначаемой сверху администрацией, функционирующих в режиме их жёсткого подчинения центральной власти[10].

[5] Шишков 2019, 163.
[6] Бахлов 2005, 3.
[7] Грачёв 2012, 18.
[8] Солодова 2019, 363.
[9] Протасов 2023, 114.
[10] Скорик 2019, 16.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы исследовать понятие империи с позиции теоретико-правовой науки, применив соответствующий терминологический аппарат и существующую классификацию форм государства. Исходя из того, что одним из условий научной результативности является терминологическая определенность и понятийная согласованность, попытаемся выявить существенные признаки, присущие империи как государству, а также сформулировать государственно-правовую сущность данного феномена.

В правовой науке под формой государства принято понимать совокупность признаков, характеризующих государство в трех измерениях: 1) с точки зрения способа организации и объема компетенции высших органов государственной власти (форма правления); 2) административно-территориального деления пространства государственной юрисдикции (форма административно-территориального устройства); 3) с точки зрения средств и методов, используемых государственным механизмом для осуществления управленческой деятельности (политический режим)[11].

Форма государственного (территориально-политического) устройства характеризует структуру территориального деления, порядок формирования центральных и региональных органов власти и распределения между ними ключевых полномочий государственной власти. Это деление зависит от политических форм государств, которые распространены в ту или иную эпоху.

Форма государственного (административно-территориального) устройства как элемент формы государства характеризует управленческую (административную) систему государства, раскрывает характер взаимоотношений между административно-территориальными образованиями – единицами, в совокупности составляющими территорию государства, а также между центральными и региональными органами государственной власти.

Традиционно в теории права и государственном праве большинство исследователей выделяют две формы государственного устройства – унитарное государство и федеративное государство. Некоторые исследователи добавляют третью форму устройства – конфедерацию, отмечая, что она является переходной формой государственного устройства, в которой сочетаются признаки единого государства и союза суверенных государств.

На наш взгляд, данная классификация применима лишь к государствам Новейшего времени, но не отражает сущности административно-территориального устройства государств в предшествующие исторические эпохи.

[11] Ромашов 2023, 114.

Мы полагаем, что империя – это не просто форма административно-территориального устройства государства. Империя – это особая политико-правовая форма государства, которая, как правило, включает в себя монархическую форму правления, форму территориального устройства, при которой в состав государства входят регионы, обладающие признаками государственности (ограниченным суверенитетом), а также особую форму внешней политики, направленную на постоянное расширение своего влияния, присоединение новых территорий (колоний, сателлитов) и создание протекторатов, системы зависимых территорий, постоянное включение новых территорий в сферу своего влияния и интеграция этих территорий на основе общих ценностей (идеологии).

Империя может иметь «подвижные» границы, то есть помимо собственно государственной территории, существует еще имперское пространство – соседние страны и народы, либо отдельные части света и континенты, которые входят в сферу влияния имперского государства, для которых империя становится центром притяжения, например, Испания, Британия.

Таким образом, одним из ключевых признаков империи как государства является ее внешнеполитическая деятельность. Империя – это государство с постоянно активной и даже агрессивной внешней политикой, направленной на присоединение новых территорий, которые ранее имели статус независимых государств, но ослабли и потеряли своей суверенитет.

Неслучайно некоторые исследователи подчеркивают, что империи создаются и существуют с целью захвата и удержания в своем составе суверенных соседних государств[12]. Империи обычно создаются насильственным путем, но возможно и добровольное вхождение государств в состав империи[13].

Империя не может долгое время находиться в статике, ей нужно движение вперед, а движение вперед – это война. Как только империя перестает расширяться, начинается ее упадок, она начинает терять контроль над своей территорией.

Таким образом, в рамках науки теории права империю можно рассматривать в узком смысле как сложную форму государственного устройства, предусматривающую деление территории государства на административные единицы с различным правовым статусом и различной степенью самостоятельности во внутренних делах.

В широком смысле империю можно рассматривать как самостоятельную форму государства с одной из существующих в теории права форм правления: монархия, республика, смешанная форма правления. Например, Рим-

[12] Головастикова, Дмитриев 2005, 287.
[13] Протасов 2023, 114.

ская империя в период принципата Августа или Французская империя в период правления Наполеона I Бонапарта и Наполеона III как государства имперского типа с формой правления, сочетающей в себе монархические и республиканские черты. Кроме того, для формы государства-империи характерны следующие атрибуты: гибридная форма территориального устройства, сочетающая элементы централизации и децентрализации; различный правовой режим в отдельных регионах и различный правовой статус подданных; особая форма внешнеполитической деятельности; многонациональный и многоконфессиональный состав населения. Причем данные признаки могут быть не закреплены в законодательстве государства-империи, они характеризуют фактически сложившиеся отношения. К таковым формам государства можно отнести и Российскую империю.

Литература / References

Антонов 2023 = *Антонов М. В.* Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. М., 2023. 497 с.
Antonov M. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Theory of State and Law: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow, 2003. 497 p.

Бахлов 2005 = *Бахлов И. В.* От империи к федерации: процессы и механизмы трансформации Российского государства: автореферат дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. М., 2005. 44 с.
Bahlov I. V. Ot imperii k federatsii: protsessy i mehanizmy transformatsii Rossiyskogo gosudarstva [From Empire to Federation: Processes and Mechanisms of Transformation of the Russian State]: Grand PhD Thesis. Moscow, 2005. 44 p.

Головастикова, Дмитриев 2005 = *Головастикова А. Н., Дмитриев Ю. А.* Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2005. 832 с.
Golovastikova A. N., Dmitriev Yu. A. Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the Theory of State and Law]: Textbook. Moscow, 2005. 832 p.

Грачёв 2012 = *Грачёв Н. И.* Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 18–28.
Grachev N. I. Imperiya kak forma gosudarstva: ponyatie i priznaki [Empire as a Form of State: Concept and Features] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya [Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence]. 2012. No. 2 (17). P. 18–28.

Ливен 2007 = *Ливен Д.* Российская империя и ее враги. М., 2007. 688 с.
Liven D. Rossiyskaya imperiya i ee vragi [The Russian Empire and Its Enemies]. Moscow, 2007. 688 p.

Миллер 2008 = *Миллер А.* История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 118–134.
Miller A. Istoriya imperij i politika pamyati [The History of Empires and the Politics of Memory] // Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Poli-

tics]. 2008. T. 6. No. 4. P. 118–134.

Паламарчук 2022 = *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 34–45.

Palamarchuk A. A., Fedorov S. E. Britanskaya kompozitarnaya monarhiya: verhovnaya vlast' i etnokul'turnye processy [The British Composite Monarchy: Supreme Power and Ethno-cultural Processes] // Novaya i noveyshaya istoriya. [Modern and Contemporary History]. 2022. No. 5. P. 34–45.

Протасов 2023 = *Протасов В. Н.* Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. М., 2023. 455 с.

Protasov V. N. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik i praktikum dlya vuzov [Theory of State and Law]: Textbook and Workshop for Universities. Moscow, 2003. 455 p.

Ромашов 2023 = *Ромашов Р. А.* Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. М., 2023. 443 с.

Romashov R. A. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik i praktikum dlya vuzov [Theory of State and Law: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow, 2003. 443 p.

Скорик, Невеселов 2019 = *Скорик А. П., Невеселов А. А.* Империя как форма государства: концепт и российский дискурс // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 15–28.

Skorik A. P., Neveselov A. A. Imperiya kak forma gosudarstva: kontsept i rossiyskiy diskurs [Empire as a Form of State: Concept and Russian Discourse] // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik [North Caucasian Legal Bulletin]. 2019. No. 2. P. 15–28.

Солодова 2019 = *Солодова Г. С.* Форма государственного устройства: терминологический аспект понятия империя // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4, № 4. С. 361–366.

Solodova G. S. Forma gosudarstvennogo ustroystva: terminologicheskiy aspekt ponyatiya imperiya [The Form of Government: The Terminological Aspect of the Concept of Empire] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. 2019. T. 4, No. 4. P. 361–366.

Шишков 2019 = *Шишков В. В.* Империя в представлении теории нации и национализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 163–172.

Shishkov V. V. Imperiya v predstavlenii teorii natsii i natsionalizma [Empire in the Representation of the Theory of Nation and Nationalism] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2019. No. 48. P. 163–172.

ОТ ИМПЕРИИ К ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. Н. САВИЦКОГО

Владимир Юрьевич Быстрюков

Об авторе:
кандидат исторических наук, доцент

РИНЦ AuthorID: 283971

Аффилиация:
Самарский государственный социально-педагогический университет

Электронная почта:
bystryukov@pgsga.ru

Представители евразийского движения подошли к созданию новой идеологии с определенным багажом знаний, накопленных еще до эмиграции. Сопоставление дореволюционных и евразийских работ позволяет определить особенности эволюции взглядов представителей евразийского движения, а также связать евразийство с развитием русской историко-философской мысли.

Ключевые слова: евразийство, евразийская идеология, П. Н. Савицкий, Российская империя, месторазвитие.

Для цитирования:
Быстрюков В. Ю. От империи к Евразии: исторические взгляды П. Н. Савицкого // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 403–411. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.030

FROM EMPIRE TO EURASIA: HISTORICAL VIEWS OF P. N. SAVITSKY

Vladimir Yu. Bystryukov

About the author:
PhD in History,
Associate Professor

РИНЦ AuthorID: 283971

Affiliation:
Samara State University of Social Sciences and Education

Email:
bystryukov@pgsga.ru

Representatives of the Eurasian movement approached the creation of a new ideology with a certain amount of knowledge accumulated even before emigration. The comparison of pre-revolutionary and Eurasian works will allow us to determine the features of the evolution of the views of representatives of the Eurasian movement, as well as to link Eurasianism with the development of Russian historical and philosophical thought.

Keywords: Eurasianism, Eurasian ideology, P. N. Savitsky, Russian Empire, local development.

For citation:
Bystryukov V. Yu. From empire to Eurasia: historical views of P. N. Savitsky // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 403–411. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.030

Евразийство – идейное и общественно-политическое течение первой волны эмиграции – возникло в начале 20-х гг. XX века. Катастрофические события начала XX века, распад Российской империи, приход к власти большевиков заставили его представителей по-новому взглянуть на всю историю

страны. Евразийцы дали свое понимание прошлого и настоящего России, свое видение ее будущего. Евразийство уникально тем, что в его рамках сотрудничали многие выдающиеся деятели российской науки и культуры. В разное время к движению примыкали Г. В. Флоровский, Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, Р. О. Якобсон. Все они внесли значительный вклад в развитие различных отраслей науки. Глубокий патриотизм, искренняя любовь к Родине, вера в ее великое будущее, а также высокий интеллектуальный уровень самих участников движения, сделали евразийство одним из интереснейших явлений русского зарубежья.

Концепт «Евразия» являлся ключевым понятием для всех представителей нового движения. В своих работах евразийцы исходили из реальности нового континента. Объект исследования оказывал влияние и предполагал определенную логику объяснения как исторических фактов, так и современных политических событий.

Интеллектуальная генеалогия Евразии имеет свои закономерности развития. Каждый из евразийцев подошел к созданию нового континента со своим запасом идей, которые формировались еще до революции, то есть в рамках русской академической традиции, которая до 1917 г., несомненно, развивалась в русле европейской науки. Попробуем определить противоречия между «логикой концепта», то есть смыслами, которые диктовались «реальностью» Евразии, ее онтологией и теми установками, которые были заложены во взглядах П. Н. Савицкого в силу его принадлежности к этой традиции.

Концепт «Евразия» представлял собой особый культурный внутренне единый в бесконечном многообразии проявлений мир, своеобразную «культуро-личность»[1]. Этот термин вошел во все манифесты движения: «Евразийство (опыт систематического изложения)», «Евразийство (формулировка 1927 г.)» и «Евразийство: декларация, формулировка, тезисы». В последнем указывалось, что географические особенности, особое мироощущение, особенности наречий языкового союза (здесь сказалось влияние работ Р. О. Якобсона) народов России – Евразии являются признаками своеобразия евразийской культуры[2]. Народы и люди, проживающие в Евразии, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии[3]. Подобный набор цитат можно привести из работ всех основных евразийских авторов. Каждый из них должен был исходить из предсозданности Евразии – «объект реально предшествует его изучению, и исследователю остается только под-

[1] Евразийство [1926] 1997, 43.
[2] Евразийство 1932, 30.
[3] Евразийство 1927, 3.

тверждать существование этой гармоничной целостности поиском соответствий»[4]. Так или иначе все евразийские работы были посвящены доказательству ее реальности и раскрытию ее свойств, зримо и незримо новый континент присутствовал во всех их работах, иначе они не были бы «евразийскими».

Попробуем определить то понимание, которое вкладывал П. Н. Савицкий в концепт «Евразия», и понять, как он влиял на его историческую концепцию, на объяснение событий русской истории. Отметим, что именно П. Н. Савицкий выдвинул этот термин в своей рецензии на брошюру Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». Для обозначения специфики нашей страны он предложил термин, которым назывался весь континент, как совокупность Европы и Азии, к его срединной части.

Для начала необходимо определить прообраз модели России – Евразии, тот интеллектуальный и личный опыт, с которым П. Н. Савицкий подошел к ее созданию. В 1928 г. П. Н. Савицкий писал Ф. И. Успенскому: «Что касается меня лично, то, как это ни странно, к евразийской концепции России я пришел от экономической географии и вопроса о развитии производительных сил… Еще на первом курсе Политехникума (в 1913 г.) я пришел к убеждению (в каковом остаюсь и поныне), что экономическое будущее России есть евразийское будущее»[5].

Рассмотрим ранние работы П. Н. Савицкого, проанализируем те постулаты, которые там выдвинуты, и сравним с послереволюционными исследованиями. Если мы будем вести линию от дореволюционных к евразийским работам, мы будем сопоставлять две модели – Российской империи, как она была представлена в дореволюционных текстах, и России – Евразии. При этом некоторые моменты имели только внешнее сходство. Например, его мысль о том, что «возможно, лишь татарское владычество могло привести северную Русь к национальному объединению – и тем создать фундамент Русской империи», соседствует с мыслью, что «континентально-политические» империи Тамерлана и Чингисхана чужды империализму в «нашем понимании этого слова». Несмотря на то, что П. Н. Савицкий сформулировал гипотезу относительно влияния монголов на объединение Руси, его отношение к империи Чингисхана было однозначно отрицательным. Оно и не могло быть другим, так как эта империя, по мнению П. Н. Савицкого, не представляла собой настоящей «империалистической цельности», поскольку объединяла народы лишь военной силой и была ниже их по культурному уровню. Позже, когда П. Н. Савицкий пришел к концепции «России – Евразии», обратился к культуре кочевников, империя Чингисхана наполнилась смыслом и значением. А пока в его схеме

[4] Серио 2001, 27.
[5] Робинсон 1992, 84.

«Московия выработала сильную и крепкую государственность; но, окаменев в рамках своего сословного расслоения, она не имела живой действенной культуры»[6]. Терминология П. Н. Савицкого, схемы, которые он выдвигал в своих работах свидетельствуют о том, что в русской научной среде были знакомы с современными западными геополитическими концепциями и тема развития мировой цивилизации была близка российским ученым и общественным деятелям.

При построении модели империализма в ранних работах П. Н. Савицкий отталкивался от другой модели – «национальной цельности», которая, как и образуемое из нее «империалистическое единство», существует в трех формах: культурном, политическом и хозяйственном. Национальное хозяйство – это хозяйство нации, экономически независимой от других народов, но не властвующей над ними. Такое хозяйство П. Н. Савицкий считал «замкнутым в себе», то есть сочетающем и промышленность, и сельское хозяйство. Национальное государство обнимает лиц только одной нации, зато в их полном составе. Национальная культура должна быть независимой от других культур, одной из равных, и в то же время она чужда властвованию над другими культурами.

Национальная цельность – это некий прообраз империи, такой же законченный в своих проявлениях – экономике, политике, культуре, но отличающийся от нее количественно. Это то, что потом Н. С. Трубецкой назовет «нижними этажами» культуры[7]. Категория границы имеет здесь инструментальное значение – как территория проживания людей, принадлежащих к одной нации. Она легко преодолевается, если из «национальной цельности» начинает строиться «империалистическая», причем принадлежность народов к Европе или Азии критического значения в этом процессе не имеет. Национальная цельность становится ядром для образования империи – многонационального единства, которое создается всегда под эгидой национальной идеи одной «империализующей» нации. Совершенно необходимым условием для существования этого единства, «империи» является органический характер объединения. Империя – законченное многонациональное образование, характеризующееся наличием внутренних политических, хозяйственных и культурных связей. В случае если империалистическое образование основано на одностороннем объединении нескольких наций (то есть или политическое, или экономическое, или культурное), оно приобретает нестабильный характер и является переходной ступенью. В этих построениях анализируется опыт европейских империй Нового времени – английской, французской, германской, русской. Очевидно, что в истории именно Европы нельзя выделить «империа-

[6] Савицкий 1915, 68.
[7] Бассин 2007, 8.

лизующую» нацию, англичане, французы, немцы соответствовали «империи» только по отношению к своим колониям, соответственно принципы структурирования у них были одинаковые.

В работе «Борьба за империю. Империализм в политике и экономике» была обозначена модель России как империи. П. Н. Савицкий указывал, что внутренняя структура империи – это отношения между составляющими ее нациями.

В истории становления империи были обозначены два главных момента: это выработка империализующей нации и образование самой империи. В случае России первый момент состоялся благодаря слиянию Москвы и Украины в XVII в. «Московия была способна стать творцом «империи», только восприняв от Украины дух живой культуры». Второй состоялся в конце XVIII в. в эпоху завоевания Крыма и присоединения Грузии, то есть, по мнению П. Н. Савицкого, здесь проходила граница, перешагнув которую, Россия стала империей. Россия представляла собой «континентально-политический» тип империализма, который может привести к созданию грандиозных органических цельностей, сверхнациональных культур, таких как эллинистическая. «Но в силу недовыработанности многих отраслей русской культуры, например, культуры политической, Россия еще надолго обречена ограничивать круг своих империалистических достижений овладением проливами – гарантией своего экономического существования – и вовлечением в сферу своего влияния грузин, армян, персов, сартов да, пожалуй, монголов»[8].

«Россия обращена на Восток», – считал П. Н. Савицкий и, в соответствии с этим тезисом, призывал обратить самое пристальное внимание на ресурсы и возможности окраинно-европейских и восточных регионов. Иных границ страны, как существующие границы империи, – писал он, – установить невозможно, поэтому «…развитие «русских производительных сил», несомненно, охватывает не только Европейскую Россию, но всю Российскую империю»[9]. П. Н. Савицкий не соглашался с весьма распространенным тезисом: Азия – синоним некультурности, а путь в Азию – путь к одичанию. «По этому поводу могут быть различные мнения; есть основание думать, что не только в Европе, но и в Азии открывается простор для культурно-хозяйственного творчества России и что, по существу, еще неизвестно, где эти просторы шире и возможности крупнее». Он придавал большое значение месторождениям Восточной Сибири, киргизских степей, Кавказа, считал, что «…в горах Азии может обрести русская промышленность богатство естественных ресурсов»[10].

[8] Савицкий 1915, 76–77.
[9] Савицкий 1916, 42.
[10] Ibid., 43.

В целом Российская империя развивалась по тем же правилам, что и другие империи, в первую очередь европейские. Процесс создания органической цельности – это процесс «империализации» великой нацией окрестных народов экономически, политически и культурно. Это понятие негеографично по своему смыслу, поскольку «империализация» не должна останавливаться в своих «естественных границах». П. Н. Савицкий говорил, что предельными «империалистическими заданиями для России является образование органического империалистического единство из всех народов и земель старой культуры от Константинополя через Дели до Пекина». Он отмечал, что Польша может быть так же «империализующим» ядром по отношению к Украине, как и Россия. Это говорит об открытости границ Российской империи и российского общества западным странам и культуре.

Молодой ученый предлагал обратить внимание на хозяйственные возможности Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, но в своих теоретических построениях не отделял ни Россию, ни русскую культуру от Европы.

Таким образом, дореволюционные работы П. Н. Савицкого были написаны в академическом стиле и отражали определенный уровень русской науки в начале XX в., безусловно развивавшейся в русле европейской науки. Проблема империализма рассматривалась с позиции общечеловеческой цивилизации и европоцентристского подхода. П. Н. Савицкий цитировал известного немецкого экономиста XIX в. Ф. Листа: «Доказательством, что задачей человечества является цивилизация всех наций, культура всего земного шара, служит тот неизменный закон природы, что цивилизованные народы с непреодолимой силой побуждаются природой перенести свои производительные силы на менее культурные страны»[11]. Расширение России в XVIII и XIX вв. на северо-запад, считал П. Н. Савицкий, определялось тяготением к Европе, к культуре Запада. В этих мыслях даже отдаленно еще не звучит тема «России – Евразии». Но есть определенные построения, опора на которые позволила перейти к этой концепции. П. Н. Савицкий писал о том, что основным процессом в новейшем мировом хозяйстве является «процесс создания и спайки таможенно-политических образований, обширных и разнообразных по характеру объединенных в них хозяйственно-производственных областей»[12]. То есть остов конструкции был готов еще в дореволюционных работах.

Революция 1917 г. стала переломным моментом не только между двумя группами текстов, но и двумя смыслами концепта «Евразия». В послереволюционных работах П. Н. Савицкого империя европейского типа выросла в особый культурно-исторический мир с гораздо более замкнутыми границами.

[11] Савицкий 1915, 71.
[12] Ibid., 77.

Историософское осмысление событий русской революции 1917 г. было краеугольным камнем евразийской концепции в целом. «Осмысление русской революции есть осмысление русской истории, и обратно: уясняя смысл революции, мы уясняем смысл истории»[13], – сказано в коллективном манифесте евразийцев. Она не является мятежом, бунтом, переворотом группы немецких шпионов. Революция – глубокий и существенный процесс преодоления европеизации страны. «Революция прежде всего саморазложение императорской России, гибель старой России, как особой симфонической личности, индивидуировавшей русско-евразийскую культуру, и смерть ее в муках рождения России новой, новой индивидуации Евразии». В силу близости революции, ее значимости для развития страны, для личных судеб, о ней писали многие евразийцы. Конечно, их взгляды носили индивидуальный характер, но общим было именно понимание глубокого смысла революции, осознание ее, как важнейшей переломной эпохи в истории России-Евразии.

Революция 1917 г. стала причиной появления евразийства и модели России – Евразии», переосмысления роли России в мире. Однако в рамках самой модели она не обладала столь катастрофичным смыслом, как в действительности. Революция в принципе приобретала положительное значение, расчищая дорогу в «евразийское будущее». Таким образом, евразийская мысль последовательно парадоксальна. Европейское влияние привело к революции, которая наконец то высвободила Евразию из-под «романо-германского ига». Евразия, возникшая благодаря революции 1917 г. ее значение дезавуировала. Предопределенность и системность исторического развития в трудах евразийцев не оставляла альтернативу будущему Евразии. В этом смысле любое историческое событие, в том числе и революция, были всего лишь этапом, эпизодом на пути ее самораскрытия. Разрыв эпохи породил новую цивилизацию-реальность, в рамках которой он стал эпизодом.

У П. Н. Савицкого в дореволюционной модели империи главным моментом было объединение наций, то есть движение общества, в Евразии существовали элементы, предопределявшие общественное развитие и движение. Этот путь являлся неизбежно евразийским. Необходимость отстаивания своей концепции, в том числе и политическом пространстве русского зарубежья, вводила в исторический дискурс константы. В империи такие константы возникали при сравнении России с другими империями в политическом (Англия, Франция) и в историческом смыслах (Рим, Карфаген) – тип империализма и его составные части.

[13] Евразийство [1926] 1997, 267.

Евразия сама порождала константы своей географией, и они имели практически вечный характер. Влияние концепта Евразии имело ключевой характер для всей концепции евразийства и взглядов его отдельных представителей. Реальность существования нового континента детерминировала тексты евразийцев, заставляла искать систему во множестве признаков, а в самой системе видеть упорядоченность, которая не могла быть связана ни с чем иным, как с новым континентом. Антиевропеизм являлся главным идеологическим вектором, поскольку давал шанс на новое развитие Евразии, на смысл самой жизни и деятельности русских эмигрантов. Однако отталкивание от Европы было невозможно без самой Европы. В «неидеологических» текстах у П. Н. Савицкого влияние концепта Евразии прослеживается не столь четко и определенно, как в программных документах. Не столь жестко и безапелляционно оценивается имперский период истории страны.

Таким образом, евразийцы, писавшие об особом культурном мире и русской науке, творили в русле традиции, неразрывно связанной с европейской, в рамках современного им политического европейского спектра, поисков европейских интеллектуалов. Это противоречие отражало место евразийства в русской историко-философской мысли. С одной стороны, оно было итогом развития национальной школы, с другой – активным участником современных европейских и мировых споров и дискуссий.

Литература / References

Бассин 2007 = *Бассин М.* Общность по Трубецкому или этнос по Гумилеву? Два взгляда на Евразию // Вестник Евразии. 2007. № 4. С. 5–24.
Bassin M. Obshchnost' po Trubetskomu ili etnos po Gumelevu? Dva vzglyada na Evraziyu [Community according to Trubetskoy or ethnos according to Gumilev? Two views on Eurasia] // Vestnik Evrazii [Bulletin of Eurasia]. 2007. No. 4. P. 5–24.

Евразийство [1926] 1997 = Евразийство (опыт систематического изложения) // Континент Евразия. М., 1997. С. 13–78.
Evraziystvo (opyt sistematicheskogo izlozheniya) [Eurasianism (experience of systematic presentation)] // Kontinent Evraziya [Continent Eurasia]. Moscow, 1997. P. 13–78.

Евразийство 1927 = Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 9. С. 3–14.
Evraziystvo (formulirovka 1927 g.) [Eurasianism (Formulation of 1927)] // Evraziyskaya hronika [Eurasian Chronicle]. Paris, 1927. Iss. 9. P. 3–14.

Евразийство 1932 = Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. 30 с.
Evraziystvo: deklaratsiya, formulirovka, tezisy [Eurasianism: Declaration, formulation, theses]. Prague, 1932. 30 p.

Робинсон 1992 = *Робинсон М. А.* Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому // Славяноведение. 1992. № 4. С. 83–85.

Robinson M. A. Pis'mo P. N. Savitskogo F. I. Uspenskomu [The Letter of P. N. Savitsky to F. I. Uspensky] // Slavyanovedenie [Slavonic Studies]. 1992. No. 4. P. 83–85.

Савицкий 1915 = *Савицкий П. Н.* Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // Русская мысль. 1915. № 2. С. 56–77.

Savitskiy P. N. Bor'ba za imperiyu. Imperializm v politike i ekonomike [The Struggle for the Empire. Imperialism in Politics and Economics] // Russkaya mysl' [Russian Thought]. 1915. No. 2. P. 56–77.

Савицкий 1916 = *Савицкий П. Н.* К вопросу о развитии производительных сил // Русская мысль. 1916. № 3. С. 41–46.

Savitskiy P. N. K voprosu o razvitii proizvoditel'nyh sil [On the Question of the Development of Productive Forces] // Russkaya mysl' [Russian Thought]. 1916. No. 3. P. 41–46.

Серио 2001 = *Серио П.* Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М., 2001. 354 с.

Serio P. Struktura i tselostnost': ob intellektual'nyh istokah strukturalizma v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope. 1920–30-e gg. [Structure and Integrity: On the Intellectual Origins of Structuralism in Central and Eastern Europe. 1920s–30s]. Moscow, 2001. 354 p.

АВСТРИЯ 1918–1920 гг.: ОТ ИМПЕРИИ К ФЕДЕРАЦИИ

Ирина Анатольевна Кукушкина

Об авторе:

кандидат исторических наук,
доцент

РИНЦ AuthorID: 650436

Аффилиация:

Институт всеобщей истории РАН;

Государственный академический университет гуманитарных наук

Электронная почта:
irinafriasina@mail.ru

В статье анализируется становление австрийского федеративного государства в 1918–1920 гг. В течение этого времени Австрия прошла путь от классической империи с монархической формой правления к федеративной республике. Государство возникло на части территории Австро-Венгрии в результате ее распада осенью 1918 г., причиной которого стал рост национально-освободительных движений населявших ее народов. Становление австрийского государства происходило двумя путями: «сверху», через взаимодействие политических партий, и «снизу», благодаря инициативе земель. Законами от 30.10 и 12.11.1918 провозглашалось создание республики Немецкая Австрия как части немецкого государства. В 1920 г. была принята демократическая конституция, закрепившая федеративное государственное устройство. Поскольку принятию Конституции предшествовали переговоры между представителями политических партий и земель, ее можно характеризовать как договор. Важнейшим источником австрийской конституции стал Сен-Жерменский мирный договор, которым утверждалась независимость Австрии. В соответствии с ним государство стало называться «Республика Австрия». Автор приходит к выводу об успешности создания австрийского федеративного государства в годы Первой республики. Федерализм как принцип государственного устройства предотвратил дезинтеграцию собственно австрийских земель и заложил основы государственности Австрии. Одновременно он способствовал развитию самостоятельности, инициативы и культурного многообразия австрийских земель. Социал-демократы, придя к власти в Вене, получили возможности проведения там социальных реформ «Красной Вены».

Ключевые слова: Австрийская империя, распад Австро-Венгрии, Немецкая Австрия, Сен-Жерменский мирный договор 1919, федерация, Конституция Австрийской Республики 1920 г.

Для цитирования:
Кукушкина И. А. Австрия 1918–1920 гг.: от империи к федерации // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 412–425. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.031

AUSTRIA 1918–1920: FROM EMPIRE TO FEDERATION

Irina A. Kukushkina

About the author:

PhD in History,
Associate Professor

РИНЦ AuthorID: 650436

Affiliation:

Russian Academy of Sci-

The article analyzes the formation of the Austrian federal state in 1918-1920. During this time, Austria went from a classical empire with a monarchical form of government to a federal republic. The state was created on a part of the territory of Austria-Hungary, which disintegrated in the autumn of 1918, due to the growth of national liberation movements of the peoples dwelling in the empire. The formation of the Austrian state took place in two ways: through the interaction of political parties, and thanks to the initiative of the lands (Länder). The acts of 30.10 and 12.11.1918 proclaimed the foundation of the republic of German Austria as part of the German state. In 1920 a democratic constitution was

ences
Institute of World History;

State Academic
University
for the Humanities

adopted, which created the Austrian Federation. The Constitution can be characterized as a contract, because its adoption was preceded by negotiations between representatives of political parties and lands. An important source of the Austrian constitution was the Saint-Germain Peace Treaty, which consolidated the independence of Austria. In accordance with it, the state became known as the "Republic of Austria". The author comes to the conclusion about the success of the creation of the Austrian federation in the years of the First Republic. Federalism as a principle of state structure prevented the disintegration of the Austrian lands and laid the foundations of Austrian statehood. At the same time, it promoted the development of autonomy, initiative and cultural diversity of the Austrian lands. The Social Democrats who came to power in Vienna were given the opportunity to carry out social reforms of the "Red Vienna" there.

Email:
irinafriasina@mail.ru

Keywords: Austrian Empire, disintegration of Austria-Hungary, Germain Austria, Treaty of St. Gemain, Federation, Constitution of Austria of 1920.

For citation:
Kukushkina I. A. Austria 1918–1920: From Empire to Federation // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 412–425. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.031

В конце Первой мировой войны прекратило свое существование одно из крупнейших государств того времени – Австро-Венгрия, на развалинах которой возник ряд новых национальных государств, народы которых не желали иметь ничего общего со страной, в которой они раньше жили. Современные историки называют это государство «монархия Габсбургов», «австрийская монархия», «двуединая монархия» (*Doppelmonarchie*), «империя Габсбургов» (*Habsburgerreich*).

Однако официальное название государства, как и используемое в исторической науке, мало что может сказать о его сущности – формах государства, к которым относятся форма правления, форма территориально-государственного (государственного) устройства и политический режим. Кроме того, употребление их в произвольном порядке создает лишь путаницу, отнюдь не способствующую научным исследованиям. Следовательно, возникает необходимость приведения понятийного аппарата к общему знаменателю. Необходимо четко представлять себе, что монархия (абсолютная или конституционная) и республика являются формами правления, а империя и федерация – формами территориально-государственного устройства и смешение их недопустимо. Демократия же – это один из существовавших и существующих политических режимов. Одна из форм за редким исключением необязательно предполагает или исключает другую. Иными словами, империя не обязательно предполагает монархическую форму правления и вовсе не исключает наличия демократического политического режима.

Деление империй на колониальные и континентальные[1] не принципиально. Хотя обоснованность такой классификации нельзя отрицать, но империя – колониальная или континентальная – остается империей и не превращается в федерацию (по примеру США). Способ создания империи – мирное или насильственное присоединение территорий – не играет никакой роли. Крупнейшая империя древности – Римская – формировалась именно этими двумя путями. Размеры территории как неопределенная и неопределяемая величина вообще не должны, на наш взгляд, приниматься во внимание. Что же остается? Мы предлагаем считать империей форму территориально-государственного устройства, в которой административные единицы объединены под жесткой центральной властью и полностью контролируются ею. При этом провинции империи в политическом отношении неравноправны[2]. Австро-Венгрия в XIX – начале XX в. была классической империей, правда с элементами унии[3], по форме правления – конституционной (дуалистической[4]) монархией, политический режим приближался к демократическому[5]. «В канун революции 1848 г., – пишут авторы коллективной монографии «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.», – в составе этой державы находились Верхняя, Нижняя, Внутренняя (Штирия, Каринтия, Крайна), Передняя (Форальберг), земли короны Св. Вацлава и земли короны Св. Стефана (включая королевство Хорватия…), королевство Ломбардия-Венеция, австрийское Приморье… Как и все континентальные империи ее отличала обширная территория, этническое и конфессиональное многообразие, различия в правовом статусе отдельных земель, вытекавшие из исторически обусловленных отношений центра и периферии…»[6] Казалось, что такая ситуация будет вечной.

«Все в этой обширной империи прочно и незыблемо стояло на своих местах, а над всем – старый кайзер, – писал Стефан Цвейг, – и все знали (или надеялись): если ему суждено умереть, то придет другой и ничего не изменится в благоустроенном порядке»[7]. Однако история распорядилась иначе. 26 сентября 1918 г. в Париже было провозглашено создание независимой Чехословакии, 6 октября в Загребе был создан Национальный совет хорватов, сербов и словенцев. Манифест Карла I, ставшего австрийским императором после

[1] См. Исламов 2001, 11.
[2] Кукушкина 2002, 46–47.
[3] Уния – объединение двух (или нескольких) государств, возглавляемых одним монархом.
[4] Дуалистической не в смысле Doppelmonarchie (данный термин лучше переводить как «двуединая монархия»), а в смысле одной из форм правления, при которой монарх делит исполнительную власть с правительством.
[5] См. Механизмы власти 2009, 235.
[6] Политические партии 2018, 11.
[7] Цвейг 1999, 412.

смерти Франца Иосифа в ноябре 1916 г., объявленный 16 октября 1918 г., в котором провозглашалось преобразование империи в федеративное государство, основанное на самоопределении каждого из населявшего ее народов, запоздал. Не помог даже разрыв союзнических отношений с Германией. Империя прекратила свое существование. Земли, некогда входившие в ее состав на правах самостоятельных территориальных единиц[8], получили право свободного выбора своей судьбы.

Становление австрийского государства в 1918–1920 гг. происходило двумя путями: «сверху», через взаимодействие политических партий, и «снизу», благодаря инициативе земель. Уже 13 октября на собрании депутатов Южной Австрии в Клагенфурте (Каринтия) было выдвинуто требование скорейшего созыва Национального собрания для представительства интересов немецкоязычной части Австрии[9]. К разрыву со старым государством и образованию Немецкой Австрии призывали в середине октября газеты Штирии[10]. 21 октября 1918 г. депутаты немецкой части бывшего рейхсрата объявили о создании Временного национального собрания Немецкой Австрии, а 22 октября в правительственном здании земли Нижняя Австрия собрались представители Нижней и Верхней Австрии, Штирии, Тироля, Зальцбурга, Каринтии и Форальберга.

30 октября Временное национальное собрание приняло решение о создании нового государства – Немецкой Австрии, а 12 ноября Австрия была провозглашена республикой. Оба этих закона создавали «централистское унитарное государство» (Einheitssataat)[11], однако фактическая конституция[12] была совсем иной.

Становление новой государственной власти во многих землях началось раньше, чем на общеавстрийском уровне. Сформированный 21 октября в Граце Комитет благосостояния 26 октября отстранил от власти земельного наместника Штирии и взял в свои руки управление экономикой земли. В Клагенфурте 26 октября в результате соглашения политических партий был создан временный исполнительный комитет, занявшийся подготовкой созыва Временного земельного собрания. В Тироле 26 октября бывшие депутаты рейхсрата и тирольского ландтага объявили о конституировании Тирольского

[8] Melichar 1978, 151–152.
[9] См. Jedlicka 1969, 66.
[10] Ibid., 63.
[11] Hoor 1966, 93.
[12] Фактической конституцией в науке конституционного права считается «реальный порядок осуществления государственной власти» в отличие от юридической конституции, которая представляет собой «документ, предписывающий то, что должно быть» (Мишин 2000, 17). В немецком языке есть более емкий термин – конституционная действительность (Konstitutionswiklichkeit).

национального собрания, а та следующий день было создано земельное правительство – народный совет.

Одновременно с созданием Временных земельных собраний земли, через своих представителей, объявляли о признании Немецкой Австрии и вхождении в ее состав. Такие заявления были сделаны Форальбергом (3 ноября), Штирией (6 ноября), Зальцбургом (7 ноября), Каринтией (11 ноября), Верхней Австрией (18 ноября). Как отмечает австрийский историк Эрмакора, общим в этих декларациях, отличавшихся друг от друга по форме, были ссылки на право самоопределения немецкого народа, на самостоятельность земель и их равноправие, признание сформированного в Вене Временного национального собрания[13].

14 ноября Временное национальное собрание приняло «Закон, касающийся установления власти в землях», согласно которому вместо прежних ландтагов, сформированных по куриям, создавались временные национальные собрания. Хотя по форме это выглядело как передача полномочий центральной власти на места, в действительности закон являлся логическим продолжением решения от 12 ноября, которым Временное национальное собрание «принимало к сведению» декларации о вступлении земель в новое государство. В основе же последнего решения лежало «представление об образовании государства путем договора»[14]. Таким образом, законом от 14 ноября центральная власть лишь признала уже существовавшие временные земельные собрания.

Дальнейший процесс становления федерации носил противоречивый характер: наряду с центростремительными тенденциями стали проявляться и центробежные. 21 ноября, ссылаясь на окончание действия «Прагматической санкции»[15], о своей независимости объявил Тироль. 25 апреля 1919 г. земельное собрание Форальберга приняло решение о проведении референдума по вопросу о присоединении земли к Швейцарии, сам референдум состоялся 11 мая. Ситуация осложнялась неясностью политического положения Немецкой Австрии, государственные представители которой выступали за присоединение к Германии, и тем, что государственные границы не были еще установлены.

Вопрос о том, какой характер имеет австрийская федерация – конституционный или договорный – является дискуссионным. На наш взгляд, несмотря на то, что документа под названием «Договор об образовании Австрийской

[13] Föderalismus in Österreich 1970, 37.
[14] Цит. по: Hoor 1966, 93.
[15] Прагматическая санкция 1713 г. провозглашала принцип неделимости наследственных земель Габсбургов.

Республики» никогда не существовало, в пользу договорного характера австрийской федерации свидетельствуют следующие факты:

– добровольные заявления земель о вхождении в состав нового государства,

– многократные обсуждения вопросов о конституционном устройстве Австрии на земельных конференциях,

– большое число проектов конституции, в том числе, имеющих характер соглашения.

Особенностью договора является то, что в нем принимали участие не только земли, но и политические партии (Христианско-социальная и Социал-демократическая), а также то, что юридически он был оформлен в виде конституции и принят Конституционным национальным собранием. Конституция 1920 г. – это и есть договор!

Работа над проектом конституции велась по поручению канцлера К. Реннера профессором Хансом Кельзеном в то время, когда сам Реннер возглавлял австрийскую делегацию на мирных переговорах в Сен-Жермене. Между Сен-Жерменом и Веной поддерживалась постоянная связь курьерской почтой. Когда после заключения мирного договора делегация вернулась в Вену, оказалось, что в государственной канцелярии находится пять различных законопроектов[16]. Так как полномочия кабинета Реннера истекли 17 октября, работа над конституцией поручалась новому коалиционному правительству. Во втором коалиционном соглашении между ХСП и социал-демократами были заложены основы будущего государственного устройства Австрийской Республики как федеративного государства, перечислены полномочия, которые должны были относиться к исключительной компетенции союза (Bund), причем из этой сферы изымалось школьное и аграрное законодательство, предполагалось, что в рамках конституции будут урегулированы взаимоотношения между церковью и государством. Наряду с Национальным собранием (Nationalversammlung) соглашение упоминало Федеральный совет (Bundesrat), который должен был быть построен по образцу немецкого рейхсрата и иметь сходные функции. Специально подчеркивалось, что перед принятием конституции Национальным собранием правительство должно обсудить проект с партиями-партнерами по коалиции и правительствами земель, а подкомитет по конституционной реформе при подготовке проекта – привлечь представителей земель в качестве экспертов[17].

Госсекретарь без портфеля проф. Майэр, назначенный на эту должность специально для проведения конституционной реформы, выбрал из всех име-

[16] Das Ergebnis der Verhandlungen 1920, I.
[17] Соглашение опубликовано в газете "Arbeiterzeitung", 18. Okt. 1919.

ющихся законопроектов проект Кельзена и после существенной переработки направил его на обсуждение представителям земель, собравшимся на конференции в Зальцбурге (февраль 1920 г.) и Линце (апрель 1920 г.). Если в Зальцурге разброс мнений был очень широк, то на Линцской конференции удалось достичь сближения мнений внутри каждой из партийных фракций: представители ХСП объединились вокруг проекта Майэра, социал-демократы – вокруг проекта, представленного Р. Даннебергом.

Социал-демократический проект отличался от официального по многим пунктам конституционно-правового характера:

- Так как вопрос о федеративном устройстве считался согласованным, социал-демократы предлагали дополнить федерацию иным содержанием, расширив права общин (Gemeinde) и предоставив право компактно проживающему населению области через референдум решать вопрос о присоединении к другой земле или об образовании новой, самостоятельной земли. В последнем случае население области должно было составлять не менее 140 000 человек.
- Предлагалось существенно расширить сферу компетенции федерации, включив в него вопросы трудового законодательства для всех категорий рабочих и служащих, школьную реформу и руководство всем народным образованием, энергетику, жандармерию, вооруженные силы, право экспроприации частной собственности.
- Руководство полицией предлагалось передать общинам.
- Отдавая предпочтение однопалатному парламенту, социал-демократы соглашались на создание Федерального совета только в том случае, если он будет иметь право лишь отлагательного вето и будет сформирован в соответствии с численностью населения земель, согласно принципу пропорционального представительства.
- Конституция, по мнению социал-демократов, должна включать обширный каталог не только политических, но и социально-экономических прав и свобод человека и гражданина.

Конференция не ставила перед собой задачи выработки окончательного проекта конституции и его принятия. Была принята резолюция, внесенная от имени Христианско-социальной партии Л. Куншаком: «Призвать правительство как можно скорее, учитывая мнение конференций в Зальцбурге и Линце, разработать и представить проект конституции государства»[18]. После завершения конференции были проведены консультации между канцлером, вице-канцлером и госсекретарем Майэром при участии Кельзена. В результате этих

[18] Arbeiterzeitung, 24. Apr. 1920.

консультаций был выработан компромиссный вариант, изданный социал-демократами в качестве отдельной брошюры. Во вступительной статье отмечалось, что поскольку коалиция прекратила свое существование, данный проект «не связывает ни ту, ни другую партию»[19], но наглядно показывает, насколько далеко продвинулась работа и какие вопросы остались открытыми. Пункты, по которым соглашение к тому времени не было достигнуто, были опубликованы параллельным текстом.

Если не считать комплекса вопросов, касавшихся прав человека и гражданина, одним из самых спорных являлся вопрос о компетенции общин в системе конституционно-правовых отношений федерации. Социал-демократы продолжали настаивать на возможности изменения границ земель путем референдума, который могли бы инициировать общины (ст. 4) – проект Майэра такой возможности не предусматривал. В ст. 10 (об осуществлении народного суверенитета и 14 (о государственном управлении) социал-демократы также включали общины – в проекте Майэра назывались лишь федеральный и земельный уровень. Ст. 19 социал-демократического проекта (отсутствовавшая у Майэра) гласила: «Общины самостоятельно осуществляют управление делами, которые по своему характеру имеют местное значение». Раздел об общинах (ст. 116–126, предлагавшиеся социал-демократами), регулирующий их образование, выборы органов самоуправления, полномочия и взаимоотношения с федерацией и ее субъектами целиком отсутствовал в проекте Майэра. Между тем именно трехступенчатая модель федерализма[20], представляющая собой «триединство: федерация, земля, коммуна»[21] дает возможность раскрыться преимуществам федеративного государственного устройства, делегируя часть полномочий на места и расширяя возможность участия граждан в управлении.

Не был до конца согласован вопрос разграничения компетенций. Социал-демократы настаивали на включении в сферу исключительных полномочий федерации (ст. 25) руководство всеобщим и специальным высшим и средним образованием, надзор за всеми вопросами воспитания и школьного дела (п. 7), право на водные источники (п. 8), руководство промышленностью (п. 9), социальное обеспечение, продовольствие, здравоохранение, жилищные вопросы, трудовое право в целом (п. 11). Ст. 32 в социал-демократическом проекте подчеркивала, что федерация может создавать предприятия на всей территории страны. Проект Майэра, исключая многие вопросы из данной сферы, в то же

[19] Das Ergebnis der Verhandlungen 1920, III.
[20] Федерализм – принцип, на котором основано федеративное государственное устройство, а также комплекс идей, обосновывающий его преимущество и необходимость.
[21] Рыкин 1999, 56.

время усиливал полицейские функции государства: полиция безопасности Вены и столиц земель отдавалась в управлении федерации.

Определенного сближения позиций удалось добиться по вопросу о составе и функциях Федерального совета, который рассматривался как вторая палата Федерального собрания (ст. 11). Проект Майэра уже не предусматривал одинакового представительства земель в бундесрате, хотя и отмечалось, что «земля ни в коем случае не может иметь более одной пятой от общего числа мандатов» (ст. 46, п. 2). В обоих проектах бундесрату предоставлялось право отлагательного вето на законы, принятые нижней палатой – бундестагом (с. 53).

По многим вопросам принципиального характера: республиканская форма правления, федеративное территориально-государственное устройство, единство валютного, экономического и таможенного пространства (ст. 5), осуществление законодательного процесса на федеральном уровне (ст. 50–63), статус депутатов бундестага и бундесрата (ст. 64–66), осуществление судопроизводства (ст. 93–104), законодательство и управление в землях (раздел VI) – разногласия практически были сняты.

Конституция Австрии, принятая 1 октября 1920 г., стала одной из самых демократических в Европе. Австрия объявлялась демократической республикой, федеративным государством (Bundesstaat), состоящим из самостоятельных земель: Бургенланда, Каринтии, Нижней Австрии, Верхней Австрии, Зальцбурга, Штирии, Тироля, Форальберга (ст. 2)[22]. Вопрос о правах Вены оставался открытым: он должен был быть решен ландтагом земли Нижняя Австрия совместно с венским муниципалитетом[23].

Конституция Австрии различает четыре сферы компетенции:

1. К сфере исключительной компетенции федерации (ст. 10) относились такие важнейшие вопросы законодательства и управления, как конституционное право, внешняя политика, федеральные финансы, денежное обращение, юстиция, печать, правовое регулирование объединений и собраний, ремесла и промышленность, транспорт, почта, телеграф и телефон, горное дело, трудовое право, здравоохранение, продовольственное дело, архивная и библиотечная служба, охрана памятников, федеральная полиция, военное дело.

2. Вопросы, по которым законодательные решения принимала федерация, а управление (исполнительная деятельность) отдавалось землям: гражданство, профессиональные представительства, народное жилищное обеспечение, агентства Дунайской пароходной кампании, налоговое законодатель-

[22] Австрийская Республика 1985, 21.
[23] Вена получила права самостоятельной земли с 1 января 1922 г.

ство (не относящееся к исключительной компетенции федерации), боеприпасы, порядок производства дел административными учреждениями.

3. Вопросы, по которым федерации принадлежало право принятия рамочных законов, а землям – право издавания конкретизирующих законов и исполнительное производство (ст. 12): организация управления в землях, призрение бедных, демографическая политика, народные попечительские учреждения, социальное обеспечение матери и ребенка, обеспечение молодежи, лечебные заведения и учреждения социального обеспечения, земельная реформа, лесное дело и защита растений, элетроэнергетика, строительство, трудовое право (для сельскохозяйственных рабочих и рабочих лесной промышленности, а также служащих земельных органов власти).

4. Сферу собственной компетенции земель (ст. 13, п. 2 и ст. 15), к которой относились все остальные вопросы, в том числе урегулирование отношений (управленческих и финансовых) с общинами[24].

Участие земель в законодательстве федерации предусматривалось через специально созданный для этого орган – Федеральный совет (Bundesrat). Состав его определялся в зависимости от численности населения и от соотношения сил в парламенте каждой отдельной земли (ст. 34 и 35) – здесь победила точка зрения социал-демократов. Земля, численность населения которой была наибольшей, направляла в бундесрат двенадцать представителей, остальные земли – пропорционально количеству их жителей, при этом каждой из них гарантировалось не менее чем три места. Численность представителей от отдельной земли не должна была оставаться неизменной: она устанавливалась федеральным президентом после каждой переписи населения (ст. 35, п. 4).

Члены Федерального совета избирались ландтагами земель в соответствии с принципом пропорционального представительства, при этом партии, имевшей вторую по численности фракцию, гарантировалось по крайней мере одно место (ст. 35 п. 1). Таким образом, состав бундесрата по своей партийно-политической направленности примерно соответствовал составу Национального совета – законодательному органу Австрийской Республики, избираемому гражданами Австрии на основе равного и прямого избирательного права в соответствии с принципами пропорционального представительства (ст. 26).

Хотя Конституция детально устанавливала основы конституционного порядка в землях (ст. 95–120), это было направлено не на ограничение, а на развитие демократии и самоуправления. Так, Конституция предписывала выборы депутатов ландтагов на основе равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, запрещалось вводить более высокий возрастной избира-

[24] В нынешней реакции текст ст. 13 полностью изменен.

тельный ценз, чем на федеральном уровне. Депутаты ландтагов имели одинаковый с депутатами Национального совета иммунитет, каждая земля получала право на свою конституцию, свои органы законодательства и управления.

Для разрешения спорных вопросов создавался (первый в мировой истории) специальный орган – Конституционный суд, который должен был разрешать конфликтные ситуации, возникавшие как между землями, так и между субъектами федерации и федеральной властью (ст. 138).

Наряду с Федеральным конституционным законом 1920 г. основы конституционного порядка Австрии регулировались «Конституционным законом переходного периода» (1920 г.) и Финансовым конституционным законом 1922 г. Позднее были приняты конституционные новеллы 1925 г. и 1925 г. Особое значение имел конституционный закон 1922 г., который разграничивал права федерации и земель в области финансов и создавал экономическую основу местного самоуправления. Земли получили право вводить местные и добавленные налоги, которые использовались по усмотрению самих земель.

Несмотря на кажущуюся ограниченность полномочий субъектов федерации, Конституция 1920 г. дала землям возможность развиваться самостоятельно, а некоторым из них – добиться существенных успехов. Особенно впечатляет пример «Красной Вены», где у руля в 1919–1934 гг. находились социал-демократы[25].

Государствообразующую роль сыграл и Сен-Жерменский мирный договор 1919 г., установивший австрийские государственные границы со Швейцарией и Лихтенштейном, с Италией, Венгрией, с Сербо-Хорвато-Словенским государством и Германией. Ст. 88 договора гарантировала неотчуждаемость независимости Австрии. В то время это трактовалось как запрет аншлюса (присоединения к Германии) и оценивалось австрийцами крайне негативно. На самом деле договор заложил основу австрийского национального государства и стал одной из вех формирования австрийской нации[26]. В соответствии с мирным договором 21 ноября 1919 г. был принят закон «О форме государства», закреплявший новое официальное название – Республика Австрия[27].

По мнению российского исследователя А. А. Блохина, рассматривающего роль Христианско-социальной партии в создании федеративного австрийского государства, «создать федерализм после падении империи Габсбургов так и не удалось»[28]. С данным утверждением сложно согласиться, тем более что автор не дает четкого определения понятию «федерализм» и путает термины

[25] См. подробнее: Кукушкина 2015, 89–103.
[26] Кукушкина 2019.
[27] Chronik Österreich 2011, 238.
[28] Блохин 2022, 228.

«федеративный» (относящийся к территориально-государственному устройству) и «федеральный» (относящийся к органам власти и законам). Федерализм как принцип, на котором основывается федеративного государственное устройство, предотвратил распад собственно австрийских земель (земель с немецкоговорящим населением) и способствовал становлению государственности Австрии, развитию демократии, экономики и культуры. Как отмечает австрийский историк Г. Висфлекер, «многообразие австрийской палитры – в том, что есть не только австрийцы как нация, но и венцы, жители Нижней и Верхней Австрии, штирийцы, каринтийцы и т. д. … Наше богатство в том, что наряду с общегосударственной историей Австрии у нас есть история земель Штирии, Каринтии, Тироля… Это «многообразие в единстве», одна из самых больших австрийских ценностей[29]. Федеративное государственное устройство межвоенной Австрии дало возможность самостоятельного развития ее территориям и способствовало осуществлению беспрецедентного социального эксперимента «Красной Вены».

Подведем итоги. Австро-Венгрия, будучи в начале XX в. классической империей по форме территориально-государственного устройства и конституционной монархией по форме правления, распалась в результате национально-освободительных движений населявших ее народов. Народы империи больше не видели смысла в существовании единого государства, а центральные власти оказались неспособными сдержать центробежные силы. Возникшая на части территории бывшей империи Республика Австрия сформировалась как федеративное государство в результате договора земель и политических партией, оформленного в виде Конституции 1920 г. Одним из источников Конституции стал Сен-Жерменский мирный договор 1919 г., не только определивший границы австрийского государства, но и утвердивший его независимость.

Литература / References

Австрийская Республика 1985 = Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты: пер. с нем. М., 1985. 429 с.
Avstriyskaya Respublika. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty. [The Austrian Republik. Constitution and Legislative Acts]. Transl. from Germ. Moscow, 1985. 429 p.

Блохин 2022 = *Блохин А. А.* Развитие федерализма Развитие федерализма в первой австрийской Республике и роль Христианско-социальной партии Австрии // Известия Смоленского Государственного университета. 2022. № 3 (59). С. 219–229.
Blohin A. A. Razvitie federalizma v pervoy avstriyskoy respublike i rol' Hristiansko-sotsial'noy partii Avstrii [The Development of Federalism in the First Austrian Republic and the Role of Christian Social

[29] Wiesflecker 1977, 23

Party of Austria] // Izvestiya Smolenskogo Gosudarstvennogo universiteta [News of Smolensky State University]. 2022. No. 3 (59). P. 219–229.

Исламов 2001 = *Исламов Т. М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40.

Islamov T. M. Imperiya Gabsburgov. Stanovlenie i razvitie. XVI–XIX vv. [The Habsburg Empire. Formation and development. XVI–XIX Centuries] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2001. No. 2. P. 11–40.

Кукушкина 2002 = *Кукушкина И. А.* Конституционное право зарубежных стран: история и современность. Курс лекций. М., 2002. 81 с.

Kukushkina I. A. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran: istoriya i sovremennost' [Constitutional Law of Foreign Countries: History and Modernity]. Course of lectures. Moscow, 2002. 81 p.

Кукушкина 2015 = *Кукушкина И. А.* Социальная политика «Красной Вены» (1920–1934 гг.) // Социальные движения и социальная политика в XX в. Сборник статей. М., 2015. С. 89–103.

Kukushkina I. A. Sotsial'naya politika «Krasnoy Veny» (1920–1934 gg.) // [Social Policy of the Red Vienna (1920–1934)] // Sotsial'nye dvizheniya i sotsial'naya politika v XX v. [Social Movements and Social Policy in the XXth century]. Moscow, 2015. P. 89–103.

Кукушкина 2019 = *Кукушкина И. А.* Версаль и Сен-Жермен: политические последствия мирных договоров 1919 г. // История: электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10, вып. 6 (80). **DOI:** 10.18254/S2079878400059 78-4

Kukushkina I. A. Versal' i Sen-Zhermen: politicheskie posledstviya mirnyh dogovorov 1919 g.[Versailles and Saint-Germain: Political Effects of Reace Treaties of 1919 // Istoriya. [History: Electronic scientific and educational journal]. 2019. Vol. 10, No. 6 (80). **DOI:** 10.18254/S2079878400059 78-4

Мишин 2000 = *Мишин А. А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2000. 445 с.

Mishin A. A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran [Constitutional (State) Law of Foreign Countries]. Moscow, 2000. 445 p.

Механизмы власти 2009 = Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.: материалы международной конференции, 15–18 мая 2007 г. Москва, 2009. 422 с.

Mekhanizmy vlasti. Transformatsii politicheskoy kul'tury v Rossii i Avstro-Vengrii na rubezhe XIX–XX vv. [Mechanisms of Power. Transformations of Political Culture in Russia and Austria-Hungary at the Turn of the XIX–XX centuries]: Materials of the international conference, May 15–18, 2007. Moscow, 2009. 422 p.

Политические партии 2018 = Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1911 гг. Очерки. М., 2018. 408 с.

Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniya v monarhii Gabsburgov, 1848–1911 gg. Ocherki [Political Parties and Social Movements in the the Habsburgs Monarchy, 1848–1911. Essays]. Moscow, 2018. 408 p.

Рыкин 1999 = *Рыкин В. С.* Австрийский федерализм: история и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 56–71.
Rykin V. S. Avstriyskiy federalizm: istoriya i sovremennost' [Austrian Federalism: History and Modernity] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 1999. No. 3. P. 56–71.

Цвейг 1993 = *Цвейг С.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М., 1993. 795 с.
Zweig S. Vcherashniy mir. Vospominaniya evropeyca [Yesterday's World. Memoirs of an European] // Sobranie sochineniy [Collection of Works]: in 10 vols. Vol. 8. Moscow, 1993. 795 p.

Chronik Österreich 2011 = Chronik Österreich von den Anfängen bis Heute / Hg. Von Dr. *Christian Zentner*. München, 2011. 416 s.

Das Ergebnis der Verhandlungen 1920 = Das Ergebnis der Vereinbarungen über die österreichische Bundesverfassung // IISG Amsterdam, Liste des Archives Friedrich W. Adler. [o. O.], [o. J.].

Hoor 1966 = *Hoor E.* Österreich 1918–1938. Staat ohne Nation. Republik ohne Republikaner. Wien; München, 1966. 162 s.

Wieaflecker 1977 = *Wiesflecker H.* Der Föderalismus in der österreichischen Geschichte// Historische und aktuelle Probleme des Föderalismus in Österreich. Böhlau, 1977. 113 s.

Jedlicka 1969 = *Jedlicka L.* Ende und Anfang Österreich 1918/19. Wien und die Bundesländer. Salzburg, 1969. 130 s.

Melichar 1978 = *Melichar E.* Die Lokalverwaltung in Österreich // Prawo LXXVIII. Wrocław, 1978. S. 151–167.

США В БОРЬБЕ С «ВНУТРЕННИМ ВРАГОМ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ФБР, 1941–1945 гг.)[1]

Ярослав Александрович Левин

Об авторе:

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0001-8805-8220
ScopusID: 57200331611
ResearcherID: F-2728-2016
РИНЦ AuthorID: 755500

Аффилиация:

Самарский государственный технический университет

Электронная почта:
yaroslavlevin1992@mail.ru

Годы Второй мировой войны знают множество примеров различных по своей сложности и исполнению разведывательных / контрразведывательных операций. Однако близко связанная с этим тема надзора и противодействия деятельности пронемецких и прояпонских общественных организаций в США достаточно мало изучена в отечественной историографии. В рамках данной статьи на нескольких конкретных примерах рассмотрено как действовали федеральные агенты в отношении общественных организаций немецкой диаспоры («Бунд»), сочувствовавших Германии объединений («Христианский фронт») и организаций японцев в США («Хеймуша Каи» и др.). Данные примеры показывают особенности и крупные недостатки работы ФБР на этих направлениях, а также дают понять, как действовали спецслужбы США в условиях войны и существующей в Америке судебной системе, а также насколько на деятельность по обеспечению внутренней безопасности влияли мотивы политической борьбы в стране. Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что помимо продиктованных войной контрразведывательных мотивов деятельность ФБР на данном направлении имела ярко выраженную политическую окраску и была связана с борьбой администрации президента Ф. Д. Рузвельта с критикой «справа». Тем не менее результаты расследований агентов не выдержали испытаний судебным процессом и за исключением дел связанных с активностью японских организаций в США оканчивались оправдательными приговорами. Также обращает на себя внимание роль прессы в данных делах. СМИ в большинстве своём работали на обоснование деятельности Бюро и его агентов. Методологически исследование опирается на принципы историзма, проблемно-хронологический метод и методы исторической компаративистики. Статья базируется на архивных материалах Бюро и литературе по теме исследования.

Ключевые слова: США, ФБР, Вторая мировая война, контрразведка, политический сыск.

Для цитирования:
Левин Я. А. США в борьбе с «внутренним врагом» (по материалам ФБР, 1941–1945 гг.) // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 426–434. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.032

THE USA IN THE FIGHT AGAINST THE "INTERNAL ENEMY" (BASED ON THE FBI MATERIALS, 1941–1945)[2]

Yaroslav A. Levin

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00355.
[2] The research has been supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00355.

About the author:

PhD in History,
Associate Professor

ORCID: 0000-0001-8805-8220
ScopusID: 57200331611
ResearcherID: F-2728-2016
РИНЦ AuthorID: 755500

Affiliation:

Samara State
Technical University

Email:
yaroslavlevin1992@mail.ru

The years of World War II know many examples of various intelligence / counterintelligence operations in their complexity and execution. However, the closely related topic of supervision and opposition to the activities of pro-German and pro-Japanese public organizations in the United States is quite little studied in domestic historiography. Within the framework of this article, several specific examples examined how federal agents acted in relation to public organizations of the German diaspora ("Bund"), associations sympathetic to Germany ("Christian Front") and Japanese organizations in the United States ("Heimusha Kai" and others). These examples show the features and major shortcomings of the FBI's work in these areas, and also make it clear how the US intelligence services acted in the conditions of war and the existing judicial system in America, as well as how much the motives of the political struggle in the country influenced the activities to ensure internal security. The considered examples allow us to draw a conclusion that in addition to the counterintelligence motives dictated by the war, the FBI's activities in this direction had a pronounced political color and were associated with the struggle of the presidential administration F. D. Roosevelt with criticism "on the right." However, the results of the investigations of the agents did not stand the test of the trial and, with the exception of cases related to the activity of Japanese organizations in the United States, ended in acquittals. Also, the role of the press in these cases is noteworthy. The media for the most part worked to substantiate the activities of the Bureau and its agents. Methodologically, the study relies on the principles of historicism, problem-chronological method and methods of historical comparative studies. The article is based on archival materials from the Bureau and literature on the topic of research.

Keywords: USA, FBI, World War II, counterintelligence, political investigation.

For citation:
Levin Ya. A. The USA in the Fight against the "Internal Enemy" (Based on the FBI Materials, 1941–1945) // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 426–434. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.032

Вступление США во Вторую мировую войну потребовало активности, в том числе и на таком направлении, как контроль и противодействие шпионажу со стороны стран Агрессивного блока в США. Одним из векторов этой работы стало противодействие общественным организациям, связанным с диаспорами немцев и японцев в Штатах или по своим идеологическим воззрениям лояльно настроенным к Германии и Японской империи. Прологом к активной работе Федерального бюро расследований против крупнейшей пронемецкой организации в штатах – «Германо-американского Бунда» (нем. союза) – стала провальная операция абвера под кодовым названием «Пасториус».

Куда более важным итогом этого дела, в контексте нашего исследования, стало наличие доказательств для плотного надзора за организациями немецкой диаспоры в Америке, поскольку Дэш и другие пойманные шпионы под-

твердили, что активисты разных пронемецких сообществ должны были всячески содействовать диверсантам, помогать с внедрением, документами, материальной базой и т. д.[3] В данном случае очень показательна публикация в *New York Times* о начале суда над участниками операции «Пасториус». Из восьми абзацев заметки шпионам посвящено лишь два первых, остальные сконцентрированы на критике недавно распущенного «Бунда» и наличию у ФБР доказательств подрывной деятельности этой организации[4]. История наблюдения за этим обществом отсчитывается с 1936 г., когда ФБР, получив от Рузвельта необходимое разрешение и полноценно вернувшись в качестве контрразведывательной организации, начало ограниченное наблюдение за этим сообществом[5].

Усиленное наблюдение и появление полноценного дела началось уже в 1939 г. по запросу госсекретаря Корделла Халла к министерству юстиции[6]. На примере этой организации и работы ФБР по ней можно увидеть, как методы контрразведывательной работы в условиях военного времени и особенностей американской правовой системы тесно переплетались с политическим сыском.

Даже с вступлением США в войну по закону не было явных оснований для полного запрета такой организации, как «Бунд», поскольку её лидеры декларировали, что это в первую очередь «сообщество американцев немецкого происхождения желающих изучать родную культуру, язык и традиции»[7]. Вместе с тем ФБР достаточно быстро собрало информацию о теснейших связях «Бунда» с высшими кругами нацистской Германии. Основательный удар по этой организации был нанесён ещё до вступления в войну, когда 28 ноября 1939 г. её лидер Фриц Кун был осуждён за растрату кассы организации. В 1943 г. как немецкий агент был лишён гражданства и интернирован из тюрьмы Синг-Синг в лагерь в г. Кристал-Сити (шт. Техас), вместе с тем работа «Бунда» продолжалась, его возглавил ближайший сподвижник Куна – Герхард Кунце[8].

Впрочем, как показывает само дело Фрица Куна, осуждение за растрату стало, по сути, лишь предлогом. ФБР долго и тщательно собирало доказательства его связей с нацисткой Германией. В документах ведомства содержится много информации о помощи со стороны Куна немцам по въезду в Соединённые Штаты, оформлению вида на жительство и гражданства. Ряд близких знакомых и помощников Куна в разное время считались в Бюро возможными связными лидера «Бунда» с абвером. В частности, один из его ближайших помощников Чарльз Харман неоднократно допрашивался федеральными аген-

[3] National Archives and Records Administration (далее – NARA). Report for D. M. Ladd. 29 June 1942. P. 4.
[4] The New York Times. 1942. 07.08.
[5] Левин 2015, 97–99.
[6] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 61-7590 (German American Fed-eration/Bund). Part 1. Hull to Attorney General. 13 March 1939.
[7] Van Ells 2007, 47.
[8] Ibid., 47–48.

тами. Ещё одним важным свидетелем стала Хелена Рубинштейн, секретарь-референт, которая и выступила одним из основных свидетелей по делу о растрате[9]. Хотя большая часть архива в части связей Куна с разведкой Германии подверглась цензурированию, из доступной части можно узнать, что агенты не сомневались, что Кун использовал «Бунд» для сбора и передачи Германии различных сведений о состоянии дел в США, в том числе в политике, культуре, промышленности и т. д. После ареста огромное количество близких к лидеру «Германо-американского союза» людей просто исчезло, что, по мнению федеральных агентов, связано с их уходом в подполье или эвакуацией в Германию из-за страха ареста по делам о шпионаже[10].

Информация о незаконных операциях Куна была собрана с помощью введённых в состав «Бунда» агентов и информаторов. Вступление США в войну ускорило сбор данных и их запуск в делопроизводство. Всем агентам, многие из которых смогли занять место близкое к верхушке «Бунда», было дано указание активно провоцировать членов на незаконные действия, наиболее успешным на данном направлении стал сбор доказательств о стремлении членов «Бунда» убедить как можно большее количество граждан США немецкого происхождения игнорировать призыв в армию[11].

Эти действия агентов позволили привлечь «Бунд» за нарушение закона «О призыве в армию». Таким образом, формально «Германо-американский союз» прекратил своё существование в 1941 г., однако руководство Третьего рейха не было готово терять такой ресурс, как различные лояльные организации внутри США. В итоге многие местные ячейки «Бунда» регистрировались как новые организации, помимо этого, существовало множество более мелких сообществ ультраправого толка, пропагандировавших идеи нацизма и фашизма в США[12]. Вместе с тем разбирательство против верхушки «Бунда» затянувшееся до 1945 г., закончилось поражением стороны обвинения. Адвокатам Кунце и оставшегося в США руководства этого общества удалось убедить Верховный суд в политической подоплёке дела, незаконном сборе улик и необоснованности обвинений, базировавшихся большей частью на рапортах федеральных агентов и провокациях введённых в состав «Бунда» осведомителей[13].

В итоге работа по пронемецким организациям затянулась до сер. 1944 – нач. 1945 г. Главной сложностью, с которой столкнулось ФБР в работе по таким

[9] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 61-7594 (Fritz Julius Kuhn). Undeveloped Leads. 9 March 1942.
[10] Ibid.
[11] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 61-7590 (German American Federation/Bund). Part 9. Hoover to Tamm. 29 April 1941.
[12] MacDonnell 1995, 141.
[13] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 61-7590 (German American Federation/Bund). Part 10–11.; Canedy 1990, 220.

сообществам, стала практически полная невозможность привлечь их к ответственности по существующему законодательству, особенно в части законов о шпионаже, а также частая «политическая окрашенность» судебных процессов.

Так, ещё в 1941 г. прошёл судебный процесс над 17 членами прогермански настроенного «Христианского фронта», обвинявшимися в похищении оружия из арсенала национальной гвардии, что, по мнению ФБР, являлось частью подготовки «Фронта» к заговору с целью свержения правительства. Историк Фрэнсис Макдоннелл назвал этот процесс «упражнениями в пиаре» со стороны ФБР и минюста[14], поскольку, например, всё оружие, украденное «заговорщиками», представляло собой саблю времён Гражданской войны и винтовку Спрингфилда модели 1873 г., тем не менее с подачи отдела регистрации преступлений пресса писала о большом количестве стрелкового и холодного оружия, выкраденного из арсенала. Судебный процесс окончательно развалился, когда в ходе заседания выяснилось, что главный свидетель обвинения Дэннис Хили был информатором ФБР[15].

Ещё более ярким примером подобных сложностей стал процесс против 26 видных американских нацистов и фашистов. 21 июля 1942 г. началось судебное заседание, на котором подсудимым были предъявлены обвинения в нарушении «закона Смита», а также подготовке заговора с целью вызвать неподчинение военных, что, с учётом военного времени, трактовалось как заговор с целью свержения правительства. Большинство из подсудимых были ультраправыми интеллектуалами, активными сторонниками изоляционизма, антисемитизма и возможности укрепления отношений с Германией[16]. Среди них можно отметить Джеральда Уинрода, христианского проповедника и политического активиста, Элизабет Диллинг, писателя и публициста, Джеральда Л. К. Смита, политика, основавшего политическую партию «Америка превыше всего» (по названию знаменитого довоенного изоляционистского «комитета»)[17] и в прошлом активного соратника такой видной фигуры, как губернатор Луизианы Хьюи Лонг[18]. В ходе судебного заседания, завершившегося в январе 1943 г., адвокатами подсудимых было убедительно доказано, что обвинения базировались на умозрительных мнениях и предположениях федеральных агентов, а немногочисленные улики против подсудимых были добыты незаконным путём. Тем не менее министерство юстиции не отступилось и в январе 1943 г. подготовило новое обвинение, расширив список до 30 человек, в число которых попал, например, Лоуренс Деннис, политик и дипломат, в 1930-х активно

[14] MacDonnell 1995, 38.
[15] Ibid., 39.
[16] Ribuffo 1983, 178.
[17] Jeansonne 1988, 46.
[18] Dethloff 1976, 110.

пропагандировавший идею перехода Америки к фашистской диктатуре на фоне Великой депрессии. Новый судебный процесс закончился снятием всех обвинений в декабре 1944 г.[19] Впоследствии генеральный прокурор Фрэнсис Биддл в своих мемуарах назвал этот процесс «тоскливым фарсом»[20].

Вместе с тем будет неправильно говорить, что у федеральных агентов не было каких-то заметных успехов в деле противодействия шпионам Японии. Одним из первых документов, указывающих на активную работу ведомства Гувера по противодействию японскому влиянию в США, является большой рапорт от отделения в Сан-Франциско о факте отправки в США около 10 000 благодарственных сертификатов от правительства Японии и императорского флота. Каждый такой сертификат давал право его подателю получить денежное вознаграждение в любом консульстве или посольстве Японской империи. Большое количество подобных документов привлекло внимание таможенной службы США, которая и передала сигнал в ФБР. Агенты совместно с таможенниками задержали груз, согласно декларации, из консульства в Сан-Франциско сертификаты должны были отправиться в различные города Америки, в основном в штате Калифорния. Часть сертификатов уже была подписана и предназначалась различным обществам и организациям латиноамериканцев в США, что вызвало особую тревогу у федеральных агентов. Также агенты обратили внимание на настойчивые просьбы консульства Японии как можно скорее вернуть им груз. Вместе с сертификатами был перехвачен груз книг на английском, все из которых были после проверки классифицированы как японская пропаганда и предназначались для рассылки различным организациям японцев в США. Больше всего книг предназначалось для общества «Хеймуша Каи», организации молодых американцев японского происхождения, имевших право и желание поступить на военную службу. Согласно выводам рапорта, ФБР конфисковало груз, все организации и лица, которым предназначались книги и сертификаты, должны были понести ответственность, согласно принятому в 1940 г. закону «О регистрации иностранцев» (более известен как «закон Смита»)[21]. Общество «Хеймуша Каи», как и многие другие японские организации в США, было подвергнуто многочисленным проверкам и находилось под жёстким надзором[22].

Данный эпизод показывает, что ещё до трагедии в Пёрл-Харборе Федеральное бюро расследований активно работало по «жёлтой угрозе», хоть и вы-

[19] Ribuffo 1983, 225.
[20] Biddle 1967, 332.
[21] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 58-HQ-1548 FBI Case Report, Agents of Foreign Principals. 23 January 1940.
[22] NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100-4657 (Heimusha Kai). FBI Report on Heimusha Kai and other organizations. 3 July 1941.

брало для себя второстепенную роль, предпочтя перенести основную нагрузку по работе с японцами в США на коллег из РУ ВМС. Лидирующая роль РУ ВМС подчёркивается документом от 4 декабря 1941 г., в котором сотрудники военно-морской разведки охотно делятся с бюро своими обширными сведениями о японской пропаганде в США[23].

Ещё один интересный документ – рапорт заместителя директора ФБР Д. М. Лэдда своему начальнику относительно сразу нескольких организаций японцев в США[24], расследованием деятельности которых занималось Бюро. В рапорте, в частности, Лэдд сообщает, что работа по изучению документации этих обществ затягивается в силу нехватки у ФБР кадров, способных хорошо и быстро переводить с японского. На документе стоит резолюция Гувера, тон которой явно выдаёт раздражение директора, он интересуется, может ли эта проблема быть решена в скорейшие сроки и уведомляет своего подчинённого, что «отмечает общую тенденцию к сотрудничеству со стороны простых американцев, знающих японский» и интересуется, может ли Бюро использовать этот ресурс[25]. Данный документ вполне явно показывает, что федеральные агенты не были в полной мере подготовлены для контрразведывательной работы на японском направлении и подчас оказывались беспомощными перед поставленными перед ними задачами.

Как показала практика, ФБР и правда начало привлекать «гражданских специалистов» из числа американцев со знанием японского языка (в основном активистов из «Американского легиона»), давая им на перевод отдельные фрагменты конфискованных документов. Как отмечают специалисты, часто эти переводы были низкого качества[26], а поскольку приглашённым переводчикам давали лишь отдельные страницы без общего контекста и их квалификация никак не проверялась, подобные переводы порождали массу коллизий, которые почти всегда истолковывались в Бюро не в пользу тех организаций, с документами которых работали агенты[27].

Данный подход существенно отличается от стратегии, выбранной Госдепартаментом США, который, наоборот, стремился активно привлекать нисэев (второе поколение японцев в США, те, кто родился уже в Америке)[28] к работе, в том числе и к изучению возможной активности японской разведки в этнических обществах, что по мнению экспертов внешнеполитического ведомства

[23] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 61-10556 (Japa-nese Association of San Diego). Report from ONI. Japanese in-telligence and propaganda in the United States during 1941. 4 December 1941.
[24] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 67-561. Section 2 (J. Edgar Hoover Official and Confidential (O&C) Files). Memorandum for the Director, FBI from D. M. Ladd, FBI. 1 January 1941. P. 2.
[25] Ibid.
[26] Muller 2007, 7–8; Hayashi 2004, 111; Leonard 1990, 463–482.
[27] Muller 2007, 10–12.
[28] Patterson 2008, 167.

США, дало бы больший практический эффект и смогло бы снизить напряжённость в среде американских граждан японского происхождения. Например, подобные идеи были озвучены Кёртисом Мансоном, бизнесменом, который совместно с журналистом Джоном Картером по личной просьбе Рузвельта подготовил доклад о японских иммигрантах в США[29].

Ещё одна тема, занимавшая ведомство Гувера в период до Пёрл-Харбора, – это содержание под стражей «опасных элементов» в случае войны. Все эти идеи вылились в подготовку программы «Списки задерживаемых в превентивных целях» (англ. *Custodial Detention Index*, *CDI*). Работа по сбору сведений для этой программы началась ещё в 1938, а активная подготовка списков происходила в 1939–1941 гг. Федеральных агентов интересовали выходцы из Японии, Германии и Италии, а также других стран-союзников агрессивного блока и СССР[30]. Суммирование сведений и подготовка к реализации программы начались в мае 1941 г.[31] Последним звеном в подготовительных мероприятиях по этой программе стало письмо от руководителя отделения Бюро в Гонолулу Роберта Шиверса, где он сообщал директору, что в случае начала войны его отделение имеет на руках 338 имён японцев, которые будут арестованы в первые же дни[32]. Всего, по сведениям Шиверса, в подконтрольных его отделению районах находится до 430 000 японцев, из них почти на 150 000 составлены досье, около 43 000 внесены в «Списки задерживаемых в превентивных целях»[33].

Литература / References

Левин 2015 = *Левин Я. А.* Деятельность ФБР по противодействию внешним и внутренним угрозам в США в 1934–1941 гг. // Проблемы изучения военной истории: сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. *А. И. Репинецкий*. Самара, 2015. 546 с.

Levin Ya. A. Deyatel'nost' FBR po protivodejstviyu vneshnim i vnutrennim ugrozam v SSHA v 1934–1941 gg. [FBI Activities to Counter External and Internal Threats in the United States in 1934–1941] // Problemy izucheniya voennoy istorii [Problems of Studying War History] / Ed. by *A. I. Repinetsky*. Samara, 2015. 546 p.

Biddle 1967 = *Biddle F.* In Brief Authority. NY, 1967. 514 p.

[29] Sundquist 1988, 532–533; Items 19481.
[30] Gentry 1991, 231.
[31] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 100-358086 (Custodial Detention Security Index). Telegram [Decoded] from Nathan to San Diego FBI. Planning for Custodial Detention, East Coast. 6 May 1941.
[32] NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 100-358086 (Custodial Detention Security Index). Letter SAC Honolulu to Director, FBI outlining plans for plans for custodial detention in the event of war. 4 December 1941. P. 2.
[33] Ibid., 3–4.

Canedy 1990 = *Canedy S.* America's Nazis: A Democratic Dilemma a History of the German American Bund. Chicago (IL), 1990. 251 p.

Dethloff 1976 = *Dethloff H. C.* Huey P. Long: Southern Demagogue or American Democrat? Lafayette (LA), 1976. 128 p.

Gentry 1991 = *Gentry C.* J. Edgar Hoover: The Man and the Secrets. NY, 1991. 848 p.

Hayashi 2004 = *Hayashi B. M.* Democratizing the Enemy: The Japanese American Internment. Princeton (NJ), 2004. 352 p.

Items 19481 = University of Washington Libraries. Microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

Jeansonne 1988 = *Jeansonne G.* Gerald L. K. Smith: Minister of Hate. New Heaven (CT), 1988. 284 p.

Leonard 1990 = *Leonard K. A.* 'Is That What We Fought For'? Japanese Americans and Racism in California, the Impact of World War II // Western Historical Quarterly. 1990. № 21(4). P. 463–482.

MacDonnell 1995 = *MacDonnell F.* Insidious Foes: The Axis Fifth Column and the American Home Front. NY, 1995. 264 p.

Muller 2007 = *Muller E. L.* American Inquisition: The Hunt for Japanese American Disloyalty in World War II. Chapel Hill (NC), 2007. 214 p.

Patterson 2008 = *Patterson B. J.* Ethnic Groups USA. NY, 2008. 356 p.

Ribuffo 1983 = *Ribuffo L. P.* Old Christian Right: The Protestant Far Right from the Great Depression to the Cold War. Temple (PA), 1983. 396 p.

Sundquist 1988 = *Sundquist E.* The Japanese-American Internment: A Reappraisal // The American Scholar. 1988. Vol. 57, No. 4. P. 529–547.

Van Ells 2007 = *Van Ells M. D.* Americans for Hitler // America in WW2 №3. Iss. 2 (August 2007). P. 47–48.

КРИМИНАЛ В АМЕРИКАНСКОЙ ГЛУБИНКЕ В ПЕРИОД СУХОГО ЗАКОНА

Анастасия Олеговна Водякова

Об авторе:

магистрант

Аффилиация:

Самарский государственный социально-педагогический университет

Электронная почта:
vodyakova.an@gmail.com

В статье рассматривается деятельность организованных преступных группировок в нескольких американских периферийах в период сухого закона. Опираясь на следственные дела ФБР, автор освещает методы работы рэкетиров в отношении производителей винограда, а также психологическое воздействие на местное население и его последствия. С опорой на источники, проанализировано социально-экономическое состояние американской глубинки, основные тенденции развития в сфере производства винограда. Рассмотрены предпринятые действия со стороны Федерального бюро расследований с целью предотвращения деятельности организованной преступности как на периферии, так и в местах сосредоточения поставок продовольствия, необходимого для бутлегерства. Подведены итоги сухого закона в сельской местности, его особенности.

Ключевые слова: организованная преступность, следственные дела, ФБР, американская глубинка, сухой закон.

Для цитирования:
Водякова А. О. Криминал в американской глубинке в период сухого закона // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 435–438. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.033

CRIMINAL IN THE AMERICAN OUTBACK DURING THE PROHIBITION PERIOD

Anastasia O. Vodyakova

About author:

Master's degree student

Affiliation:

Samara State University of Social Sciences and Education

Email:
vodyakova.an@gmail.com

The article examines the activities of organized criminal groups in several American peripheries during the Prohibition period. Based on the FBI investigative cases, the methods of work of racketeers in relation to grape producers, as well as the psychological impact on the local population and its consequences, are covered. Based on the sources, the socio-economic state of the American outback, the main development trends in the field of grape production, were analyzed. The actions taken by the Federal Bureau of Investigation to prevent the activities of organized crime, both on the periphery and in places of concentration of food supplies necessary for bootlegging were considered. The results of Prohibition in rural areas, its austerity, have been summed up.

Keywords: organized crime, investigative cases, the FBI, the American hinterland, Prohibition.

For citation:
Vodyakova A. O. Criminal in the American Outback during the Prohibition Period // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 435–438. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.033

Предметом анализа является деятельность преступных группировок в нескольких американских периферийных в период сухого закона. Само понятие «криминал» является многогранным и неоднозначным. В рамках данного анализа его следует рассматривать как уголовное преступление.

Феномен криминала неразрывно связан с понятием мафии, представляющей собой обширную организацию, обладающую большей силой, чем правительство и закон. Это проявлялось в стремлении к вмешательству в политическую сферу. Началом противостояния ФБР и мафии принято считать 1920-е годы, когда начинается активнейшая деятельность преступных группировок на территории США, а на должность директора ФБР вступает Джон Эдгар Гувер.

Основополагающее событие 1920 года – введение восемнадцатой поправкой к Конституции США сухого закона – общенационального запрета на продажу, производство и транспортировку алкоголя, действующего на федеральном уровне. Посредством принятия данного законодательного акта сформировалась платформа для реализации многосторонних действий организованных преступных группировок, в первую очередь бутлегерства, процветавшего не только в крупных городах США, но и в глубинке. Согласно следственным делам ФБР, именно американская глубинка играла ведущую роль в поставках винограда для подпольного производства алкогольной продукции.

Основные документальные сведения о деятельности итальянской организованной преступности в США в 1920–1930-е гг. содержатся в двух комплексах источников: 1) в материалах специальной комиссии сената США[1]; 2) в следственных делах ФБР[2]. По мнению комиссии, существовала преступная организация (мафия), оперировавшая на всей территории Соединенных Штатов, поддерживавшая связи с преступниками в других странах.

В следственных делах ФБР фигурирует следующая информация:

1) гангстеры из Чикаго и Нью-Йорка, в частности, вымогали деньги у местных производителей винограда и поставщиков виноградного сока в форме оценки каждой партии винограда, прибывавшей в Чикаго;

2) местные жители пытались бороться с деструктивной практикой, которая привела к упадку в данной индустрии, являвшейся ведущим источником дохода для многих представителей местного населения. Федеральный агент, пытаясь точно выяснить, что происходит, обнаружил гангстера по имени Джо Феррера[3], одного из членов криминальной группировки. Установив факты в отношении рэкета предназначенного для свободной покупки винограда ганг-

[1] Никифоров 1953, 109.
[2] National Archives and Records Administration. Record Group 65. Feder-al Bureau of Investigation. Alphonse Capone. Part 1 of 36.
[3] Ibid., 3.

стерами, прибывающую в Чикаго партию приобретали практически по себестоимости, таким образом уничтожая рынок винограда. Он заявил, что полиция Чикаго находится под абсолютным господством банд, так как полиция не предпринимала никаких действий;

3) во время сезона отгрузки винограда, когда вагоны с виноградом были на рельсах в пунктах назначения, полиция неизменно проводила многочисленные рейды, особенно в иностранной части Чикаго (сельской местности), захватывая и разрушая небольшие участки домов, где производили вино. В качестве психологического воздействия применяли запугивание местного населения, так что люди не ходили на склады, чтобы покупать сырье и производить вино для собственного потребления;

4) по данным допроса человека, сотрудничавшего с гангстерами, было упомянуто, что в рэкете, связанном с бутлегерской деятельностью, полиция и суды оказывали помощь организованной преступной группировке (организация Капоне)[4]. Эта помощь выражалась в многочисленных рейдах, для того чтобы население не скупало виноград для собственного потребления, так как данный продукт – сырье для производства алкогольной продукции;

5) в период сухого закона требовалось выстраивание новой тактики для транспортировки алкогольной продукции. Потребовалось устанавливать действенные связи с моряками, которые рискнули бы войти в пай с мафией и заняться транспортировкой алкогольных напитков из-за границы. Необходимы были самые тесные контакты со службой береговой охраны, без содействия которой трудно было рассчитывать на благополучный исход операций по ввозу в страну спиртных напитков. В пределах США спиртное транспортировалось в основном на грузовиках. Для этого надо было искать надежных и достаточно решительных владельцев грузовых автомашин, которые взялись бы за прибыльное, но очень рискованное дело. Причем риск был двойным: угроза исходила не только со стороны полиции, нередки были случаи, когда конкурирующие гангстерские группировки не только избивали, но и убивали водителей, контрабандно перевозивших спиртные напитки. Не меньшие трудности были связаны с созданием широко разветвленной и тщательно законспирированной сети по реализации товара.

Закон сурово карал за нелегальное изготовление и торговлю спиртным, но сразу же было пущено в ход такое безотказное оружие, как взятка. Преступный мир оказался в состоянии взять на содержание практически весь правоохранительный аппарат, наблюдавший за исполнением сухого закона[5]. Аль Капоне мог безнаказанно действовать только при условии полного невмеша-

[4] Ibid., 45.
[5] Иванов 1996, 13.

тельства полиции[6]. И для такой позиции правоохранительных органов были серьезные основания. Согласно материалам специальной комиссии Сената США, было установлено, что полиция и суды оказывали помощь гангстерам и рэкетирам, следовательно, помогали удержать монополию в определенных отраслях[7]. При гигантских прибылях его организации Аль Капоне мог позволить себе купить не только всю полицию, но и большинство политических деятелей города. Аль Капоне имел обыкновение расширять связи с влиятельными людьми, так как период сухого закона благоприятствовал тайному сговору между мафией и политическими деятелями (в том числе и в глубинке). Федеральное бюро расследований как орган внутренней разведки и одновременно федеральная правоохранительная структура не могло не знать об этом.

Таким образом, активная деятельность чикагской мафии начинается с 1920 года, однако дело было заведено только в 1928 году, не встречается ни одного документа с более ранней датой, более того, документы не несут информации значительного характера. Процветало бутлегерство, и власти содействовали развитию данного бизнеса, а скорее всего и сами прибегали к его услугам. Это наталкивает на вывод, что Бюро закрывало глаза на происходящие события, деятельность организованных преступных группировок и коррупцию.

Литература / References

Иванов 1996 = *Иванов Р. Ф.* Мафия в США. М., 1996. 414 с.
Ivanov R. F. Mafiya v SSHA [Mafia in the USA]. Moscow, 1996. 414 p.

Никифоров 1953 = *Никифоров Б. С.* США: Организованная преступность в Соединенных Штатах Америки: сборник материалов, опубликованных в США. М., 1953. 268 с.
Nikiforov B. S. SSHA: Organizovannaya prestupnost' v Soedinennyh Shtatah Ameriki: sbornik materialov, opublikovannyh v SSHA [USA: Organized crime in the United States of America: A collection of materials published in the USA]. Moscow, 1953. 268 p.

[6] Иванов 1996, 13.
[7] Никифоров 1953, 110.

КРИТИКА ИМПЕРСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПОСТПОЗИТИВИСТСКОЙ И ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX в.

Иван Викторович Степанов

Об авторе:

кандидат исторических наук,
доцент

Аффилиация:

Самарский государственный медицинский университет

Электронная почта:
stivan1981@mail.ru

Двумя ведущими направлениями западной философии второй половины XX – начала XXI в. выступают постпозитивизм и постструктурализм. В рамках постструктурализма по сей день достаточно популярной остается концепция французских философов Жиля Делёза и Феликса Гваттари о различиях философии и религии. Они объясняют данное различие через противопоставление имперского и полисного способов организации социально-политического пространства. При этом четкой демаркации между философией и религией не проводится. Религия выступает одновременно и как равноправный конкурент философии, и как «предфилософия». Тем самым ей приписывается более низкий статус среди видов культурной деятельности по сравнению с философией. Соответственно, и оценка имперского способа организации пространства отличается двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, империя выступает альтернативой полису, с другой стороны, все же следует предпочесть полис с его свободой мышления и демократическими политическими институтами. Основоположник постпозитивизма Карл Раймонд Поппер является автором концепций открытого общества и антиисторицизма. Под историцизмом Поппер понимает попытки научного обоснования закономерностей в развитии общества, опираясь на опыт прошлого. Такие попытки, согласно Попперу, не могут быть фальсифицированы, то есть опровергнуты эксперементально, а следовательно, носят ненаучный характер. Англо-австрийский философ усматривает прямую связь между имперским социально-политическим универсализмом, историцизмом и тоталитаризмом. При этом Поппер игнорирует тот факт, что предложенная им самим концепция открытого общества так же не может быть фальсифицирована, следовательно, не соответствует им же самим введенному критерию научности.

Ключевые слова: постструктурализм, постпозитивизм, империя, антиисторицизм, открытое общество, закрытое общество.

Для цитирования:
Степанов И. В. Критика имперского мировоззрения в постпозитивистской и постструктуралистской философии XX в. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 439–448. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.034

CRITICISM OF THE IMPERIAL WORLDVIEW IN THE POST-POSITIVIST AND POST-STRUCTURALIST PHILOSOPHY OF THE XXth CENTURY

Ivan V. Stepanov

About the author:

PhD in History,
Associate Professor

Affiliation:

Samara State
Medical University

Email:
stivan1981@mail.ru

The two leading trends of Western philosophy of the second half of the XXth – early XXIth century are postpositivism and poststructuralism. Within the framework of poststructuralism, the concept of the French philosophers Gilles Deleuze and Felix Guattari about the differences between philosophy and religion remains quite popular to this day. Deleuze and Guattari explain this difference through the opposition of imperial and polis ways of organizing socio-political space. At the same time, there is no clear demarcation between philosophy and religion. Religion acts both as an equal competitor to philosophy and as "pre-philosophy". Thus, it is attributed a lower status among the types of cultural activities, compared with philosophy. Accordingly, the assessment of the imperial way of organizing space is characterized by duality and inconsistency. On the one hand, the empire is an alternative to the policy, on the other hand, one should still prefer the policy with its freedom of thought and democratic political institutes. The founder of postpositivism, Karl Raymond Popper, is the author of the concepts of open society and anti-historicism. By historicism, Popper understands attempts to scientifically substantiate patterns in the development of society, based on the experience of the past. Such attempts, according to Popper, cannot be falsified, that is, refuted, and, therefore, are not scientific in nature. The Anglo-Austrian philosopher sees a direct connection between imperial socio-political universalism, historicism and totalitarianism. At the same time, Popper ignores the fact that the concept of an open society proposed by himself cannot also be falsified, and therefore does not correspond to the criterion of scientific character introduced by himself.

Keywords: poststructuralism, postpositivism, empire, anti-historicism, open society, closed society.

For citation:
Stepanov I. V. Criticism of the Imperial Worldview in the Post-Positivist and Post-Structuralist Philosophy of the XXth Century // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 439–448. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.034

Приблизительно с 60-х г. XX в. западная философия окончательно разделилась на континентальную, представленную преимущественно постструктурализмом, и англо-саксонскую, представленную аналитической философией и постпозитивизмом. Между ними существует масса фундаментальных различий, главным из которых остается борьба с наукоцентризмом в континентальной традиции и попытками сохранить за наукой привилегированное место среди других видов культурной деятельности в англо-саксонской традиции. Тем не менее в области социальной философии между этими традициями можно усмотреть ряд сходств. Одним из них остается защита западных демократий посредством установления преемственности между европейскими политическими институтами XX в. и Афинской республикой V в. до н. э., с одной стороны, и не всегда последовательной критикой того, что в концепциях постструктуралистов и постпозитививистов выступает в качестве противника этих институтов и обозначается терминами «империя», «религиозное мировоззрение», «закрытое общество», «тоталитаризм». В данной статье на примере анализа концепции крупнейших представителей французского постструктура-

лизма Жиля Делёза и Феликса Гваттари, а также на примере анализа концепций открытого общества и антиисторицизма, разработанных основоположником постпозитивизма Карлом Поппером, мне бы хотелось показать, каким образом критика «имперского мировоззрения» приводит к образованию клубков концептуальной путаницы.

Начнем с работы Делёза и Гваттари «Что такое философия?», в которой французские философы широко используют термин «геофилософия», метафорически раскрывая его смысл следующим образом: «Мысль – это не нить, натянутая между субъектом и объектом, и не вращение первого вокруг второго. Мысль осуществляется скорее через соотношение территории и земли»[1]. Под «землей» понимается способ организации пространства мысли и социально-политических отношений, под «территорией» – внутренняя и внешняя экспансия способов мышления и социально-политических отношений. «Детерриториализация» обозначает освоение территорий, открывающихся вовне, а «ретерриториализация» представляет собой восстановление территориальной целостности осваиваемого пространства.

Делёз и Гваттари различают два способа детерриториализации и ретерриториализации – имперский и полисный. Сущность имперского способа может быть названа «вертикальной трансценденцией», а сущность полисного способа – «фрактальной имманенцией»: «В имперских государствах детерриториализация трансцендентна; она имеет тенденцию осуществляться вверх, вертикально, следуя небесной составляющей земли. Территория стала пустынной землей, однако приходит небесный Чужеземец, который заново основывает территорию, то есть ретерриториализует землю. Напротив того, в полисе детерриториализация имманентна: в ней высвобождается Коренной житель, то есть потенция земли, следуя морской составляющей, которая сама приходит по морскому дну, чтобы заново основать территории»[2].

Имперский способ способствует развитию религиозного мышления: «В обоих случаях – имперского единства или духовного царства – трансцендентность, проецируясь на план имманенции, покрывает или же заселяет его Фигурами. Неважно, как это называется – мудростью или религией, но только с этой точки зрения можно поставить в один ряд китайские гексаграммы, индуистские мандалы, еврейские сефироты, исламские «имагиналы», христианские иконы; все это мышление фигурами»[3].

[1] Делёз, Гваттари 2009, 98.
[2] Там же, 99.
[3] Там же, 103.

Афинская республика в концепции Делёза и Гваттари предстает открытым свободным рынком, в который вливаются люди, порвавшие с империями. Предпосылками философии выступают три элемента:

1) общительность, не предполагающая никакого предзаданного интереса;

2) удовольствие от ассоциации, порождающее как дружество, так и соперничество;

3) немыслимая в империи любовь к обмену мнениями[4].

Французские философы, рассуждая о событиях Греко-персидской войны V в. до н. э., включают международные отношения в геофилософский контекст борьбы разных способов организации пространства мысли: «Греческим чудом стал Саламин, где Греция спаслась от власти Персидской империи, где коренной народ, потеряв свою территорию, победил на море, ретерриториализовался в море. Делосская лига – это как бы фрактализация Греции. На протяжении сравнительно короткого периода существовала глубочайшая связь между демократическим полисом, колонизацией, морем и новым империализмом, видящим в море уже не границу своей территории или препятствие для своих замыслов, а еще более широкий бассейн имманентности»[5].

Насколько же концептуальная модель, предложенная Делёзом и Гваттари способна прояснить проблемы, касающиеся связи способов организации мышления и социально-политических отношений? Начнем с исторического контекста. Применение термина «фрактализация», понимаемого французскими философами как вовлеченность населения в систему отношений, связанных с морским пространством, не принадлежавшим ни одному государству, при ближайшем рассмотрении не проясняет ничего. Главными конкурентами греков в процессе колонизации Средиземноморья выступали финикийцы. Более того, в V в. до н. э. финикийский путешественник Ганнон, вероятно занимавший в Карфагенской республике высшую должность суффета, организовал экспедицию в Атлантику. Используя терминологию Делёза и Гваттари, финикийцы преуспели в расширении пространства имманентности, не меньше, а, возможно, больше греков. Однако ни о какой финикийской философии на занятиях по истории философии речь не ведется, ввиду отсутствия таковой. В целом же условиям фрактальной ретерриториализации и деретерриториализации в наибольшей степени отвечают пиратские сообщества Карибского и Средиземноморского бассейнов XVI–XVII вв. Было бы любопытно услышать о «пиратской философии», но, увы, нас ждет разочарование.

[4] Делёз, Гваттари 2009, 101.
[5] Там же, 101–102.

Стоит также обратить внимание и на систему управления Делосской симмахией, взглянув на неё с позиций «свободной ассоциации». Фукидид (Книга I), по сей день считающийся наиболее авторитетным греческим историком, отмечает следующее:

1. Союз заключался между всеми его членами «на вечные времена». На практике это означало, что в союз можно было свободно войти, но Афинское государство военным путем пресекало любые попытки выхода.

2. Союз имел общую казну. Заведование казной осуществляли десять ежегодно избираемых экклесией чиновников – элинотамиев.

3. Основой симмахии являлись единая налоговая (форос) и военная система. Величина фороса пересматривалась каждые четыре года на заседаниях афинского народного собрания, а суммы расходовались не только на нужды союза, но и на нужды Афинского государства. Неаккуратная выплата фороса каралась штрафом. Кроме того, афиняне получили возможность держать гарнизоны в союзных полисах.

4. Для взимания фороса и укрепления военной организации в симмахии водилась единая система пяти военных и финансовых округов. В каждый округ афинское руководство назначало чиновника (епископа), следившего за выплатой военного налога и состоянием вооруженных сил союзников.

5. Судебная система Афинской республики распространилась на всю территорию союза. Судебные власти Афин принимали апелляции, касающиеся внутренних дел союзных полисов.

6. Формально все государства, вошедшие в союз, имели равное право голоса. Фактически же Афины контролировали представителей малых полисов, тем самым обеспечивая принятие выгодного для себя решения.

Перед нами разворачивается картина жестко централизованной социально-политической и военной организации. Как подобное устройство соотносится со свободой мысли и ассоциации, которая так восхищает Делёза и Гваттари, остается неясным.

В более широкой ретроспективе, касающейся истории философии, возникает и ряд других вопросов: «Каким образом греческая философия интегрировалась в рамки социально-политической системы Римской империи?», «Можно ли христианскую мысль поздней Античности и Средних веков называть философией?», «Как расцвет европейской философии в XVII–XIX вв. соотносился с централизованной бюрократической системой управления национальных государств?» и т. д. Однако, опираясь на концептуальную модель Делёза и Гваттари, вряд ли получится прояснить поднятые проблемы, поскольку при ближайшем рассмотрении французские философы просто не могут провести удовлетворительную демаркацию между философией и религией. Фи-

лософия трактуется ими как изобретение концептов, а религия – как изобретение фигур: «Философские концепты – это фрагментарные единства, не пригнанные друг к другу… Тем не менее они перекликаются, и творящая их философия всегда представляет собой могучее Единство – нефрагментированное, хотя и открытое; это беспредельная Всецелость, *Omnitudo*, вбирающая их все в одном и том же плане. Это как бы стол, поднос, чаша. Это и есть план консистенции или, точнее, план имманенции концептов, планомен»[6]. Более внятного определения термина «концепт» читатель в работах Делёза и Гваттари не найдет, а из предложенного абсолютно не ясно, чем концепты отличаются от фигур. Отсюда проистекает два противоречивых утверждения:

1. Религия, начиная изобретать концепты, изменяет самой себе и превращается в философию; философия, начиная изобретать фигуры, изменяет самой себе и превращается в религию. Полноценный синтез между ними невозможен.

2. В Италии и Испании XV–XVII вв. процветал «кончеттизм» – компромисс между фигурой и концептом.

В одной из своих статей я указал, что данное противоречие связано с концептуальной путаницей, в которой религия предстает одновременно то в качестве альтернативы философскому творчеству, то в качестве «предфилософии». Между религией и философией Делёз и Гваттари усматривают «странные сближения», природа которых остается неясной[7].

В целом во всей концепции французских философов прослеживается тенденция, в которой имперское мировоззрение выступает в качестве нежелательной и не вполне равноправной антитезы полисному мировоззрению, давшему начало философскому творчеству. Полисное мировоззрение, в свою очередь, понимается исключительно как афинское мировоззрение V в. до н. э. Данная тенденция игнорирует коренное различие между религиозным и философским восприятием мира, состоящее в попытках греческих философов ограничить антропоморфизм и сакрализацию. Приняв это различие, Делёзу и Гваттари пришлось бы признать, что историю греческой философии следует начинать с милетской школы, то есть с постепенного утверждения принципа тождества бытия и мышления в государстве с тиранической формой правления, а не с истории Афинской республики периода Греко-персидской и Пелопоннесской войн.

Перейдем к анализу социальной философии Карла Поппера, а именно к рассмотрению концепций открытого общества и антиисторицизма. В целом основные положения данных концепций можно свести к следующим пунктам:

[6] Делёз, Гваттари 2009, 43.
[7] Степанов 2020, 23.

1) исторические науки, по мнению Поппера, принципиально отличаются от обобщающих наук, к которым англо-австрийский философ относит естественные, математические и социологические науки. История интересуется единичными и неповторимыми событиями, а не всеобщими закономерностями. Методологическим фундаментом истории является репрезентация (уточнение события, которое невозможно в точности повторить, поскольку оно принадлежит прошлому). Исходя из последнего соображения, Поппер выступает последовательным противником историцизма. Под историцизмом австрийский философ понимает попытки научного обоснования закономерностей в развитии общества, опираясь на опыт прошлого. По мнению Поппера, историцисты пытаются открыть истину, используя при этом два антинаучных приема;

2) первый прием состоит в том, что репрезентация исторических событий подгоняется историцистами под общие схемы. При этом большая часть исторических фактов, не вписывающихся в схемы, либо отбрасывается, либо упоминается лишь вскользь. Второй прием состоит в сокрытии того, что законы истории носят либо произвольный, либо тривиальный характер. Поппер утверждает, что тривиальные социологические закономерности, в рамках добросовестного исторического исследования включены в репрезентацию по умолчанию. Историцист же пытается превратить очевидность в креативный вывод. Например, раздел Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией свидетельствует о том, что в определенных условиях более сильные государственные образования поглощают более слабые, что является закономерностью. Однако эта закономерность настолько очевидна, что не требует наличия дополнительной констатации[8];

3) Поппер выделяет лишь одну «тенденцию» в развитии человеческого общества – борьбу свободы и несвободы мысли, которая в рамках политики сводилась к борьбе двух различных общественных типов – открытого и закрытого. Для их различия Поппер предлагает начать с постановки вопроса: «Ведь с самого начала мы, кажется, интересовались сравнением форм правления, а не так называемыми хорошими или плохими личностями, классами, расами и, возможно, даже религиями! Потому я предлагаю заменить платоновский вопрос «Кто должен править?» совершенно другим, а именно: существуют ли формы правления, которые отвергаются по моральным соображениям? И наоборот: существуют ли формы правления, позволяющие избавиться нам от неприемлемого или даже некомпетентного правительства, которое приносит один только вред?»[9] Открытое общество – общество демократического типа, с

[8] Поппер 2019, 43–44.
[9] Поппер 2019, 90.

характерными чертами экономической, политической и культурной свободы, с идеей власти закона и механизмами смены власти посредством выборов, без кровопролития: «Мы можем выбирать политическую свободу не потому, что нам обещают комфортную жизнь, а потому, что она сама есть предельная (абсолютная) ценность, несводимая к ценности материальной»[10]. Любой человек в открытом обществе может реально влиять на жизнь государственных институтов и участвовать в управлении общественной жизнью, если сам в полной мере осознает такую возможность. Закрытое общество – общество тоталитарного или авторитарного типа с экономическим, политическим, идеологическим и культурным диктатом государства, с идеей власти бюрократии. Человек в закрытом обществе нивелируется как личность, поскольку коллективные интересы становятся в таком обществе приоритетными по отношению к интересам субъекта. Образчиками закрытых обществ в Античную эпоху для Поппера выступают Персидская империя и Спарта, а образчиком открытого общества – Афинское государство. Закрытые общества строятся на синтезе внешнеполитического универсализма (принцип всемирной империи) и государственного патернализма, в то время как открытые общества придерживаются принципа минимального вмешательства государства в сферу личных интересов.

Поппер, защищающий открытое общество, пытается применить принцип фальсификации к социальной сфере. Он полагает, что проверку фальсификацией на научность не могут пройти ни платонизм, ни гегельянство, ни марксизм. Сторонники этих концепций, пытаясь подстроить реальность под свои положения, плодят несбывающиеся прогнозы, не допуская при этом возможности опровержения собственных идей. При этом Поппер прослеживает преемственность между расистской, националистической, марксистской и циничной интерпретацией истории: «Весьма пессимистичной является идея о том, что это всегда было так и, видимо, всегда так и будет; в обществе очевидного изобилия все еще основную роль играют голод, изгнания, войны и нищета, поскольку власти предержащие, золотопромышленники, нефтепромышленники и военные промышленники господствуют в социальном мире»[11]. Против исторического цинизма Поппер выдвигает исторический оптимизм, призывая верить в то, что «политический мир западных демократий является лучшим из всех миров»[12].

Несмотря на меньшее количество метафор и приверженность более строгой терминологии, при ближайшем рассмотрении синтез «открытого об-

[10] Там же, 32.
[11] Там же, 149.
[12] Поппер 2019, 31.

щества» и «антиисторицизма» представляет собой образчик не меньшей концептуальной путаницы, чем концепция Делёза и Гваттари:

1. Попперовская критика историцизма и защита открытого общества опираются на веру во всеобщую абстрактную мораль, по сути на кантовский «категорический императив». Такая вера вполне допустима и даже желательна, но в правилах игры, установленных самим Поппером, она не может быть фальсифицирована, следовательно, не соответствует им же самим введенному критерию научности. При этом австрийский философ игнорирует то, что пресловутая надежда на лучшее будущее заложена в платонизме, гегельянстве и марксизме, отвечая принципу исторического оптимизма.

2. Когда Поппер рассуждает о западных демократиях, он сам нередко возвращается к постановке вопроса «Кто должен править?» Приведу лишь один пример: «Затем Гитлер развязал вторую мировую войну – и проиграл её благодаря одному человеку – Уинстону Черчиллю. Ему мы обязаны укреплением коалиции между западными демократиями и Россией, которая одержала окончательную победу над Гитлером и его союзниками»[13]. Столь смелое заявление невозможно фальсифицировать. Читателю предлагается просто поверить, что выдающиеся свойства личности британского премьер-министра сыграли решающую роль в победе антигитлеровской коалиции.

3. Сама попытка разделения конкретных общественно-политических образований на открытые и закрытые (Афинская республика, с одной стороны, Спарта и Персидская империя – с другой; США, с одной стороны, и СССР – с другой) у Поппера отличается схематизмом и предвзятостью. Общество может быть открытым в одном важном аспекте и закрытым в другом. Например, демократические Афины V в. до н. э. наделяли собственных граждан широкими политическими правами и экономическими возможностями, установив жесткий контроль над союзными полисами и делая невозможным их выход из состава Первого афинского морского союза. В тот же период закрытое спартанское государство в области международных отношений проводило политику равноправия и открытого свободного выхода из состава Пелопонесского союза.

В целом – и в концепции французских философов и в концепциях Поппера – прослеживается следующая схема: «империя = тоталитаризм = религиозное мировоззрение», «полис = демократия = философское и научное мировоззрение». На мой взгляд, на сегодня такое упрощенное и предвзятое понимание связи мировоззрения и социально-политических институтов не может и не должно служить в качестве концептуального инструмента при решении острых мировоззренческих и социально-политических проблем.

[13] Там же, 183.

Литература / References

Делёз, Гваттари 2009 = *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М., 2009. 261 с.
Deleuze J., Guattari F. Chto takoe filosofiya? [What is Philosophy?] Moscow, 2011. 261 p.

Поппер 1993 = *Поппер К.Р.* Нищета историцизма. М., 1993. 187 с.
Popper K.R. Nishcheta istoritsizma [The Poverty of Historicism]. Moscow, 1993. 187 p.

Поппер 2019 = *Поппер К. Р.* Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике. Ч. II: Мысли об истории и политике. М., 2019. 232 с.
Popper K. R. Vsya zhizn – reshenie problem. O poznanii, istorii i politike [The Whole Life is a Solution to Problems. On Cognition, History and Politics]. Part II: Mysli ob istorii i politike [Thoughts on History and Politics]. Moscow, 2019. 232 p.

Степанов 2020 = *Степанов И. В.* Методологические и социально-философские аспекты номадологии: критический взгляд через призму философии обыденного языка // Аспирантский вестник Поволжья. 2020. Вып. 7-8. С. 19–25.
Stepanov I. V. Metodologicheskie i sotsial'no-filosofskie aspekty nomadologii: kriticheskiy vzglyad cherez prizmu filosofii obydennogo yazyka [Methodological and Socio-philosophical Aspects of Nomadology: A Critical View through the Prism of Philosophy of Everyday Language] // Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya. 2020. Vol. 7-8. P. 19–25.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ГОРОДСКИХ МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ (1969–1998 гг.)

Дарья Андреевна Афанасьева

Об авторе:

аспирант

ORCID: 0000-0001-5970-1168
РИНЦ AuthorID: 1195321

Аффилиация:

Самарский национальный исследовательский университет
имени акад. С. П. Королева

Электронная почта:
afanasyevm98@gmail.com

В статье подвергаются критическому анализу существующие в исторической науке и музейной практике подходы к классификации городских мемориальных объектов Северной Ирландии, созданных в период конфликта 1969–1998 гг. Актуальность исследования определяется ключевой ролью мемориальных объектов шести графств Ольстера как исторических источников, позволяющих реконструировать динамику изменения доминирующих в североирландском обществе мемориальных дискурсов и изучить способы идеологической коммуникации радикальных республиканских и юнионистских групп (вооруженных формирований, политических партий) с представителями этноконфессиональных общин. Работа основывается на принципе многофакторности истории и социальных процессов. При рассмотрении предложенных исследователями систем классификации автор применяет аксиологический, компаративный и историко-типологический методы. Особое внимание уделяется аспектам проблемы существования отдельных условно нетипичных памятников, которые по различным признакам не могут быть включены ни в одну из выделенных в рамках различных подходов категорий. На основе сопоставления выделенных исследователем достоинств и недостатков подходов к классификации мемориальных объектов формулируется вывод о нецелесообразности прямого совмещения разработанных схем группировки памятников в качестве уровней единой системы ввиду противоречивости отдельных концепций и их теоретической неупорядоченности. В качестве способа преодоления существующих методологических противоречий предлагается создание универсального способа классификации мемориальных объектов на основе разработки многоуровневой гипертекстовой системы, отображающей единство политических, социальных, культурных процессов, протекавших в Северной Ирландии в период Ольстерского конфликта и после его окончания и минимизирующей вероятность акцидентального исключения определенных памятников из оптики исследователей.

Ключевые слова: Североирландский конфликт, мемориальная культура, мемориализация, историческая память, классификация.

Для цитирования:
Афанасьева Д. А. Проблема классификации городских мемориальных объектов Северной Ирландии (1969–1998 гг.) // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 449–456. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.035

THE CLASSIFICATION PROBLEM OF URBAN MEMORIAL OBJECTS IN NORTHERN IRELAND (1969–1998)

Daria A. Afanasieva

About the author:

Postgraduate student

ORCID: 0000-0001-5970-1168
РИНЦ AuthorID: 1195321

Affiliation:

Samara National Research University

Email:
afanasyevm98@gmail.com

This article critically analyses the existing approaches in historical studies and museum practices for classifying urban memorial sites created during the conflict in Northern Ireland which lasted from 1969 to 1998. The research significance lies in the primary role of Ulster's six counties' memorial sites as primary sources that enable the reconstruction of the dynamic patterns of dominant memorial discourses in Northern Irish society. Additionally, they allow to study the methods of ideological communication employed by radical republican and unionist groups (militant groups and political parties) with representatives of ethno-religious communities. The research is based on the multifactorial nature of history and social processes. In examining the proposed classification systems put forth by researchers, this study employs axiological, comparative, and typological historical approaches. Special attention is given to the issue of certain conditionally atypical memorials that cannot be categorized within the identified frameworks of different approaches for various reasons. By comparing the advantages and disadvantages of the highlighted approaches to classifying memorial objects, the author concludes that directly combining existing monument grouping schemes as levels of a uniform system is ill-advised due to the inconsistency of their individual concepts and theoretical disarray. To overcome these methodological contradictions, the article proposes the development of a universal classification system for memorial objects. This system would be based on a multi-level hypertextual structure that, on the one hand, reflects the unity of political, social, and cultural processes occurring in Northern Ireland during and after the Ulster conflict, and on the other hand, minimises the likelihood of excluding certain memorials from the researchers' purview.

Keywords: Northern Ireland conflict, memorial culture, memorialisation, historical memory, classification.

For citation:
Afanasieva D. A. The Classification Problem of Urban Memorial Objects in Northern Ireland (1969–1998) // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 449–456. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.035

Важнейшими историческими источниками для изучения аспектов Ольстерского конфликта (1969–1998) являются городские мемориальные объекты Северной Ирландии. В условиях конфронтации между католической и протестантской общинами, поддерживавшимися радикальными политическими и военизированными группами юнионистов и республиканцев, эти памятники оказывались теми медиумами, которые не только отражали основные идеологические нарративы, транслируемые заинтересованными силами, но и демонстрировали эволюцию настроений жителей региона. Сюжеты муралей, памятных досок, монументальных композиций декларировали характер запросов участников конфликта, и милитантов, и нонкомбатантов. Обращаясь к категориям триумфа и травмы, они и фиксировали, и ретранслировали важнейшие для населения региона дискурсы исторической памяти, производили виктимизацию одной стороны и обосновывали легитимность насилия в отно-

шении другой. Находясь в местах, постоянно наблюдаемых жителями городов, мемориальные объекты маркировали территорию, «закрепленную» за католической или протестантской общинами в сегрегированном пространстве, а также постоянно воздействовали на эмоциональные процессы местного населения, оказывая влияние на его идентичность, представление о своем месте в мире и глобальной роли «своего» сообщества.

Несмотря на то, что изучение мемориальной культуры Северной Ирландии конфликтного и постконфликтного периодов остается одним из центральных направлений в контексте исследования явлений и процессов новейшей истории Ирландии и Великобритании, до сих пор не был преодолен ряд методологических проблем. В частности, не были выработаны принципы комплексной классификации мемориальных объектов, относящихся к периоду активного межобщинного противостояния в шести графствах Ольстера. Отсутствие универсальной системы разделения памятников не позволяет исследователям отразить коммеморативные нарративы без их дробления и упущения отдельных аномалий, объектов, которые можно назвать исключительными. Тем не менее были предприняты отдельные попытки систематизации мемориальных объектов и, для понимания того, почему предложенные схемы не стали повсеместно используемыми и не решили проблему неупорядоченности в описании и учете городских памятников Северной Ирландии, предполагается необходимым произвести детальное их рассмотрение.

Закономерно, что одним из наиболее распространенных способов классификации памятников Северной Ирландии стало разделение их на группы в соответствии с физической формой мемориальных объектов. Подобный подход потенциально мог бы гарантировать минимальное число разночтений ввиду устойчивости существующих скульптурных и архитектурных канонов, однако в действительности противоречия между концепциями исследователей, обращавшихся к нему, оказались весьма существенными. Во многом причиной этого стала расплывчатость понятия «мемориальный объект» как такового. Это ярко проявляется, к примеру, при сопоставлении систем классификации, предложенных Элизабеттой Виганни[1] и коллективом участников академического проекта Ольстерского Университета *Conflict Archive on the Internet* (*CAIN*) под руководством Мартина Мело[2]. В то время как Э. Виганни отнесла к памятникам мурали, памятные доски и сложносоставные мемориальные композиции, группа исследователей, участвующих в инициативе *CAIN*, разделила мемориальные объекты на кресты, огороженные мемориальные участки, мемориальные доски, камни, парки или сады памяти, мурали, обелиски, респуб-

[1] Viggiani 2006.
[2] Melaugh (ed.) 2003.

ликанские массовые захоронения, скульптуры, витражи и «прочие памятники». То есть они включили в категорию памятников не только крупные объекты, но и все, так или иначе относящиеся к коммеморативным практикам населения, включая декоративные элементы городских строений. Данный пример также дополнительно иллюстрирует определенную сложность, связанную с использованием указанного подхода. Разнообразие и обилие форм памятников затрудняет их объединение в крупные группы без упрощения или, наоборот, усложнения схем. Так, научный коллектив *CAIN* был вынужден выделить категорию «прочее» для включения в нее мемориальных объектов, представляющих собой произведения художественного литья, инсталляции, ассамбляж.

В связи с неугасаемым интересом исследователей к аспектам деятельности радикальных республиканских и юнионистских организаций в период 1969–1998 годов на территории Северной Ирландии, частым является обращение к классификации мемориальных объектов путем разделения их в соответствии с идеологическим содержанием сюжетов и символов на юнионистские, республиканские и «нейтральные». Данный подход, к примеру, использовался Джонатаном МакКормиком при описании зафиксированных им на фото североирландских памятников[3], а также Биллом Ролстоном в его монографии, посвященной муралям городских и пригородных пространств шести графств Ольстера[4]. В данных работах отчетливо проявились основные достоинства и недостатки указанной системы классификации. С одной стороны, объединение городских мемориальных объектов в группы по признаку идеологической принадлежности фиксируемых ими ценностей позволяет воссоздать комплекс нарративов, которые транслировали лоялистские и радикальные республиканские группы. Однако в то же время использование подобной классификации практически неизменно сочетается с определенным упрощением, которое, в частности, проявляется в отнесении к «нейтральным» памятникам всех мемориальных объектов, которые не являются республиканскими или юнионистскими или вызывают у исследователей затруднения в контексте определения их принадлежности к той или иной традиции. К примеру, к «нейтральным» памятникам были отнесены и мураль, посвященная ирландским кочевникам – «пейви»[5], и инсталляция, не содержащая символики, которая однозначно указывала бы на определенные ветви республиканизма или отдельные организации, но затрагивающая, очевидно, республиканский дискурс о Великом голоде как спланированном англичанами геноциде ирландского населения[6]. Это со-

[3] McCormick 2006.
[4] Rolston 1992.
[5] McCormick 2006, album 6, obj. 189.
[6] Ibid., obj. 203.

здает определенную путаницу при выявлении общих для категорий памятников моментов на основе их группировки, а также приводит к искусственному исключению некоторых объектов из традиций, к которым они, с большой вероятностью, относятся. Также следует отметить, что глобальное разделение памятников на юнионистские и республиканские не учитывает тех отличий, которые существовали в установках отдельных организаций, составлявших противоборствующие блоки в Северной Ирландии.

Практика определения общности памятников на основе информации о том, какая организация напрямую или косвенно выступила инициатором их создания и, соответственно, определила сюжетную, символическую направленность объектов, также встречается в специальной литературе и академических базах данных. Например, данная классификация выступает одним из уровней определения «статуса» мемориальных объектов в уже упомянутом ранее цифровом комплексе данных, созданном в рамках проекта *CAIN*[7]. Исследователи распределили памятники, внесенные в базу данных на относящиеся к коммеморативным практикам мирных граждан, британских военнослужащих, республиканских вооруженных и политических формирований (Ирландской республиканской армии (ИРА), Официальной ирландской республиканской армии (ОИРА), Ирландской национальной освободительной армии (ИНОА) и неопределенных организаций республиканского толка), юнионистских и лоялистских организаций, (Ассоциации обороны Ольстера (АОО), Ольстерских добровольческих сил (ОДС), Оранжистского ордена), а также политических активистов. Подобное комплексное разделение позволило обозначить различия в традициях различных организаций, а также, ввиду наличия достаточно широких обобщающих категорий, преодолеть проблему классификации мемориальных объектов, установка которых была заказана сразу несколькими партиями или вооруженными формированиями. Тем не менее слабые стороны указанного подхода также оказались существенными. В частности, исследователями не был учтен весь спектр радикальных организаций, действовавших на территории Северной Ирландии в период конфликта. Безусловно, список получился бы весьма обширным, так как различных малых объединений, отделявшихся от более крупных формирований или возникающих самостоятельно существовало достаточно много, однако, несмотря на сравнительно меньшее количество участников, данные группы также оказывали влияние на обстановку в регионе и вносили свой особый вклад в мемориальную культуру шести графств Ольстера. Кроме того, не был произведен анализ, направленный на отделение памятников, относящихся к коммеморатив-

[7] Melaugh (ed.) 2003.

ным практикам политических и военизированных сил, однако «маскирующихся» под объекты частного поминовения от мемориальных объектов, действительно являющихся «персональными», установленными семьей или друзьями усопшего. Последнее затрудняет работу исследователей при использовании подхода, предполагающего разделение памятников по их направленности на частную или публичную коммеморацию, что встречается, например, в работах Кирка Симпсона[8] и Сесилии МакДоуэлл[9].

Научными сотрудниками Ольстерского музея также была предпринята попытка классификации городских памятников Северной Ирландии по хронологическому принципу[10]. В ходе определения точной даты создания мемориальных объектов они столкнулись с рядом трудностей, которые привели к выделению охватывающих от 2 до 4 лет в хронологическом аспекте групп источников. К факторам, которые зачастую снижают точность определения конкретного года, месяца создания памятников, относятся такие аспекты, как отсутствие заметок в СМИ, указывающих на появление тех или иных объектов в городском пространстве, расхождение показателей непосредственных свидетелей конфликта, или их отсутствие, ошибки, допущенные фотографами при первичной фиксации мемориальных сооружений, изображений, а также существование тенденции к неоднократному обновлению их содержания или же вандализму. В связи с этим часто экспертиза возраста памятников опирается на их сюжеты, тексты, сохранность материалов и сведения СМИ, воспоминания местных жителей. Получаемые данные позволяют примерно датировать время установки объектов или нанесения муралей на стены городских строений, однако не отличаются исключительной точностью.

Пожалуй, наиболее точным является способ объединения памятников в группы в соответствии с их географическим расположением. Данный подход, встречающийся, к примеру, в работе Уны Вудс, практически исключает разночтения и ошибки, за редким исключением, когда памятники оказываются уничтожены или перемещены, причем последнее не является распространенной практикой[11]. Несмотря на это достоинство подобное распределение мемориальных объектов в отдельные категории оказывается сравнительно менее информативным, когда выступает средством построения самостоятельной системы, не являющейся частью более глобальной конструкции, направленной на классификацию источников, ввиду высокой степени общения.

[8] Simpson 2008.
[9] McDowell 2014.
[10] Northern Ireland Troubles Collection 2012.
[11] Woods 1995.

Существуют также способы классификации мемориальных объектов, решающие узкие задачи конкретных исследований, например в одной из статей, посвященных женскому вопросу в контексте Ольстерского конфликта, Биллом Ролстоном была предложена система, предполагающая разделение памятников по гендерному дискурсу, который они затрагивают, однако, их результаты не могут рассматриваться как универсальные ввиду ограниченного тематически массива данных, представленных в работах[12].

На основе вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что на текущий момент было предложено множество способов классификации городских мемориальных объектов Северной Ирландии, созданных в период Ольстерского конфликта 1969–1998 годов, которым присущи как положительные, так и отрицательные в плане точности, репрезентативности, однозначности трактовки моменты. При этом механическое совмещение уже выделенных исследователями групп в текущем виде в качестве уровней единой системы на данный момент не представляется возможным и из-за большого количества противоречий между оценками характеристик памятников, и из-за опасности усиления не только положительных, но и отрицательных качеств существующих подходов. Это свидетельствует не только о том, что проблема изучения коммеморативных практик населения шести графств Ольстера является чрезвычайно сложной, комплексной, но и о необходимости создания глобальной системы классификации североирландских мемориальных объектов, использование которой помогло бы исследователям в разрешении ряда вопросов связанных с идеологией радикальных групп, исторической памятью представителей этноконфессиональных общин, конфликтным опытом комбатантов и некомбатантов. Подобная универсальная система должна учитывать имеющийся опыт классификации мемориальных объектов и являться многоуровневой, построенной по принципу гипертекстовой структуры для отражения целостности актуальных для социальных групп нарративов, дискусов, культурных, политических и иных процессов, отражавшихся в сюжетах и текстах городских памятников.

Литература / References

McCormick 2006 = *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service – Conflict and Politics in Northern Ireland. URL: https://cain.ulster.ac.uk/mccormick/intro.htm (accessed: 05.05.2023).

McDowell 2014 = *McDowell S.* Commemorating dead “men”: gendering the past and present in post-conflict Northern Ireland // Gender, Place & Culture. 2014. Vol. 15 (4). P. 335–354. **DOI:** 10.1080/09663690802155546

[12] Rolston 2018.

Northern Ireland Troubles Collection 2012 = Northern Ireland Troubles Collection // National Museums Northern Ireland. URL: https://www.nmni.com/collections/history/troubles/ (accessed: 05.05.2023).

Melaugh (ed.) 2003 = Physical Memorials to the conflict in Northern Ireland // Ed. by *M. Melaugh*. CAIN Web Service – Conflict and Politics in Northern Ireland. URL: https://cain.ulster.ac.uk/victims/memorials/search.html (accessed: 05.05.2023).

Rolston 1992 = *Rolston B.* Drawing Support: Murals in the North of Ireland. Belfast, 1992. 60 p. **DOI:** 10.1177/1741659017718037

Rolston 2018 = *Rolston B.* Women on the walls: Representations of women in political murals in Northern Ireland // Crime, Media, Culture. 2018. No. 14 (3).

Simpson 2008 = *Simpson K.* Untold Stories: Unionist Remembrance of Political Violence and Suffering in Northern Ireland // British Politics. 2008. No. 3. P. 80–96. **DOI:** 0.1057/9780230244894_4

Viggiani 2006 = *Viggiani E.* Public Forms of Memorialization to the Victims of the Northern Irish Troubles in the City of Belfast // CAIN Web Service – Conflict and Politics in Northern Ireland. URL: https://cain.ulster.ac.uk/viggiani/menu.html (accessed: 05.05.2023).

Woods 1995 = *Woods O.* Seeing is Believing: Murals in Derry. Londonderry, 1995. 56 p.

ВЛИЯНИЕ Б. ДЖОНСОНА НА БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

Елена Владимировна Ананьева

Об авторе:

кандидат философских наук

ORCID: 0000-0002-2154-3413
ScopusID: 57163475300
ResearcherID: AAA-3284-2019
РИНЦ AuthorID: 498981

Аффилиация:

Центр британских исследований
Института Европы РАН

Электронная почта:
e-ananieva@yandex.ru

Британский парламентаризм претерпел существенные трансформации в связи с вопросом о членстве Британии в ЕС. «Европейский вопрос» разрывал Консервативную партию изнутри с первых шагов европейской интеграции, но в преддверии и особенно после референдума 2016 г. затронул способы и методы функционирования парламента, острая борьба в котором, отражая раскол в обществе, прошла сквозь линии меж- и внутрипартийного размежевания. Противоборствующие силы сторонников и противников членства Британии в Европейском союзе использовали лазейки в руководстве по парламентской деятельности и процедуре (Erskine May), превышали должностные полномочия и нарушали правила, обычаи и конвенциональные установления неписаной конституции Соединенного Королевства, особенно в правление Б. Джонсона. Политическое поведение бывшего лидера тори и премьер-министра уже после отставки в связи с парламентским расследованием в отношении его заявлений Палате общин относительно вечеринок в период локдауна углубило раскол в правящей партии, снова дало стимул противостоянию низового и высшего звеньев партии, что окажет воздействие на выдвижение кандидатур от тори к всеобщим выборам и ее электоральные перспективы на фоне тяжелого экономического положения Британии. Злоупотребления властью, недовольство брекзитом и методами правлением тори позволяет сделать прогноз о реформах в парламенте, вероятности реформы избирательной системы в случае победы лейбористов на следующих всеобщих выборах.

Ключевые слова: Британия, Б. Джонсон, Консервативная партия, парламент, выборы.

Для цитирования:
Ананьева Е. В. Влияние Б. Джонсона на британский парламентаризм после отставки // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 457–468. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.036

IMPACT OF BORIS JOHNSON ON UK PARLIAMENTARISM AFTER HIS RESIGNATION

Elena V. Ananieva

About the author:

PhD in Philosophy

ORCID: 0000-0002-2154-3413
ScopusID: 57163475300
ResearcherID: AAA-3284-2019
РИНЦ AuthorID: 498981

British parliamentarianism has undergone significant transformations due to the issue of UK EU membership. The “European issue” tore apart the Conservative Party since the first steps of European integration, but on the eve and especially after the 2016 UK EU referendum, it affected the ways and methods the parliament functions, a sharp struggle in which, reflecting the split in society, passed through the lines of inter- and intra-party divisions. The opposing forces of supporters and opponents of Britain's membership in the EU used loop-

holes in the Erskine May manual of parliamentary activity and procedure, exceeded official powers and violated the rules, customs and conventions of the unwritten constitution of the UK, especially during the government of B. Johnson. The political behavior of the former Tory leader and PM, after his resignation as MP in connection with a parliamentary investigation into his statements to the House of Commons regarding parties during the lockdown, deepened the split in the ruling party, gave fresh impetus to the opposition of the lower and higher levels of the Conservative party, which will have an impact on the Tory nominations for the general election and its electoral prospects against the background of the difficult economic situation in Britain. Abuses of power, dissatisfaction with Brexit and the methods of Tory rule allow to make a forecast about reforms in parliament, the likelihood of reforming the electoral system if the Labor party wins the next general election.

Affiliation:

British Studies Centre,
Institute of Europe

Email:
e-ananieva@yandex.ru

Keywords: UK, Boris Johnson, Conservative party, parliament, elections.

For citation:
Ananieva E. V. Impact of Boris Johnson on UK Parliamentarism after His Resignation // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies in Foreign History]. 2023. Vol. 3. P. 457–468. **DOI:** 10.55000/SemConf.2023.3.3.036

Британский парламентаризм претерпел существенные изменения в связи с вопросом о членстве Британии в ЕС. «Европейский вопрос» разрывал Консервативную партию изнутри с первых шагов европейской интеграции, но в преддверии и особенно после референдума 2016 г. затронул способы и методы функционирования парламента, острая борьба в котором отражала раскол в обществе[1]. Противостояние шло не только внутри партий, но и пересекало линии межпартийного размежевания: противники членства Британии в ЕС (брекзитеры) и его сторонники (бремейнеры) вносили раскол в свои партии и объединялись с единомышленниками из партии-соперника. Противоборствующие силы использовали лазейки в руководстве по парламентской деятельности и процедуре (*Erskine May*), злоупотребляли парламентскими привилегиями. В результате парламентские комитеты не только проводили расследования нарушений, но и намерены провести реформы.

Всплеск активности в этом направлении был вызван неблаговидными действиями и злоупотреблениями со стороны бывшего премьер-министра Б. Джонсона. Эпатажное личное поведение, которым Б. Джонсон привлекал к себе внимание ради продвижения своей политической карьеры, на посту лидера партии и главы правительства вылилось в нарушение им парламентских установлений и конвенций – некодифицированных правил, обычаев и тради-

[1] Итог референдума 2016 г. (52:48) за выход Британии из ЕС фактически лишь незначительно превышал рамки статистической погрешности.

ций, на которых ранее держалась неписаная конституция Соединенного Королевства[2].

Казалось бы, уход Б. Джонсона с руководящих постов в сентябре 2022 г. должен был означать завершение его политической карьеры и прекращение его влияния на парламентскую деятельность. Однако и свой уход он сопроводил политическими скандалами в парламенте.

Одной из причин смещения его с политического олимпа стало расследование парламентского Комитета по привилегиям, который расследовал заявления Джонсона (в бытность его премьер-министром) по поводу вечеринок государственных чиновников в период локдауна[3]. Глава Кабинета утверждал, что «вечеринок не было», как и «не было нарушения правил». Предыдущие расследования (одним занималась Сью Грей, чиновница госслужбы, другим – полиция) уже установили вину участников вечеринок. В результате полиция выписала свыше 100 штрафов 86 служащим аппарата главы правительства, в том числе и самому Джонсону. Иными словами, он стал первым действующим премьер-министром, совершившим правонарушение. Факт вечеринок госслужащих в период локдауна вызвал широкое недовольство британцев, которые соблюдали жесткие ограничения, не имея возможности проститься с погибшими близкими. Даже Елизавета II, соблюдая требование социальной дистанции, в одиночестве прощалась с супругом, принцем Эдинбургским, накануне его похорон, в то время как на Даунинг-стрит, 10 собирались целые компании с употреблением спиртных напитков на рабочих местах.

Однако Комитет занимался более серьезным вопросом: изучал материалы, чтобы выяснить, сознательно или непреднамеренно Джонсон «вводил парламент в заблуждение», то есть лгал, что вечеринок не было. Ложь чревата обвинением в «неуважении к парламенту» в случае лжи сознательной / преднамеренной. Наказание может быть различным: от устного извинения виновника вплоть до лишения его депутатского мандата.

Согласно правилам, возглавляет Комитет депутат от оппозиции, лейборист (без права голоса), но большинство в нем составляют депутаты-консерваторы[4]. Комитет направил Джонсону свое заключение с выводом, что он именно преднамеренно «вводил парламент в заблуждение» (эвфемизм

[2] Ананьева 2022, 35–50.
[3] Lilly 2023.
[4] О расследовании см.: Privileges Committee inquiry into Rt Hon Boris Johnson MP – Frequently Asked Questions. URL: https://committees.parliament.uk/committee/289/committee-of-privileges/news/172818/privileges-committee-inquiry-into-rt-hon-boris-johnson-mp-frequently-asked-questions/ (accessed: 10.07.2023); Privileges Committee progress inquiry as they call for documents from Mr Johnson and No 10. URL: https://committees.parliament.uk/committee/289/committee-of-privileges/news/172139/privileges-committee-progress-inquiry-as-they-call-for-documents-from-mr-johnson-and-no-10/ (accessed: 10.07.2023).

лжи), и предполагал приостановить его депутатские полномочия на 10 рабочих дней. Фактически это означает, что в его избирательном округе могли провести процедуру отзыва депутата и дополнительные выборы, а округ Джонсона, что называется, маргинальный, то есть для консерваторов ненадежный.

8 июня Джонсон получил распечатанную в единственном экземпляре предварительную версию доклада. Джонсону предоставлялось право прокомментировать доклад в конфиденциальном порядке – Комитету.

Упреждая обнародование заключения Комитета, Джонсон 9 июня 2023 г. добровольно сложил с себя депутатские полномочия, чтобы не подвергаться процедуре приостановления мандата и дополнительных выборов, за что оппоненты обвинили его в трусости. Как и следовало ожидать, в заявлении об уходе из парламента Джонсон возложил вину на всех, кроме себя. Он полагает, что пал жертвой «охоты на ведьм». Свое устранение он считает «первым шагом» законодателей по обращению брекзита вспять и предотвращению его содействия консерваторам на следующих выборах. Комитет он назвал «Шемякиным судом» (*kangaroo court*), а его выводы «предвзятыми» и «бездоказательными», причем назвал еще до публикации итогов расследования, что представляет собой нарушение[5]. Нарушение было тем более недопустимым, что Комитет направил Джонсону свое предварительное заключение в строго конфиденциальном порядке, причем предоставлял ему последнюю возможность оспорить выводы и рекомендации доклада о расследовании. К тому же, согласно правилам, не допускается публичная оценка доклада Комитета.

Даже поддерживающий консерваторов журнал *The Spectator* (главным редактором которого Джонсон был в 1999–2005 гг.) назвал его действия «расчетливым гамбитом, замаскированным под самопожертвование»: Джонсон «ускользает, возбуждая ярость и недовольство в рядах тори»[6].

Джонсон не был бы Джонсоном, если бы не оставил дверь открытой для возвращения в парламент. Уходя с поста премьера, он свое прощальное обращение завершил словами "*Hasta la vista, baby*" («Я вернусь»). Так и в заявлении о сложении депутатского мандата он отметил, что ему жаль покидать парламент, «во всяком случае, сейчас»[7]. По всей видимости, он делает расчет на участие в следующих парламентских выборах, которые должны состояться не позднее конца января 2025 г. Появились слухи, что он намерен создать собственную партию.

---

[5] Boris Johnson's statement in full as ex-PM announces he's quitting as an MP. URL: https://www.express.co.uk/news/politics/1779272/boris-johnson-statement-in-full-quits (accessed: 09.06.2023).
[6] O'Flynn 2023.
[7] Boris Johnson's statement in full as ex-PM announces he's quitting as an MP. URL: https://www.express.co.uk/news/politics/1779272/boris-johnson-statement-in-full-quits (accessed: 09.06.2023).

В результате поведения Б. Джонсона Комитет в окончательном варианте доклада предложил весьма суровое взыскание – приостановить его депутатские полномочия на 90 рабочих дней (строже только исключение из депутатского корпуса) и отказать в пропуске в парламент. Поясним, что приостановка депутатских полномочий на срок свыше 9 дней – практически означает отзыв депутата и, соответственно, дополнительные выборы в его избирательном округе. Что касается пропуска в парламент, это право сохраняют бывшим депутатам, то есть по отношению к Джонсону это было унижением.

9 июня Джонсон сложил депутатские полномочия. Казалось бы, наказание его уже не касалось, но, согласно правилам, Палата общин должна была ознакомиться с итогами расследования и утвердить (или не утвердить) их.

19 июня в Палате общин состоялось голосование по докладу Комитета. Лидер партии и премьер-министр Р. Сунак, как и предполагали обозреватели, предпочел отговориться неотложными делами и не стал участвовать в голосовании. Таким образом, он продемонстрировал, что не контролирует партию. Среди противников Джонсона четко в пользу доклада высказалась Пенелопа Мордонт, ныне лидер Палаты общин. Она проиграла на выборах лидера консерваторов Л. Трасс, а затем ей пришлось снять свою кандидатуру при фактической «коронации» Р. Сунака. Сейчас ее считают возможной преемницей действующего премьера от левого крыла партии.

Итог голосования после 5 часов дебатов 354:7. Конечно, за доклад проголосовала вся оппозиция. 118 депутатов-тори, из них 15 членов правительства, также проголосовали за доклад, включая бывшего премьер-министра Т. Мэй, а также Г. Брейди, председателя влиятельного «Комитета 1922 г.», который проводит выборы лидера консерваторов. 225 депутатов-тори голосование бойкотировали. Таким образом, стала очевидной расстановка сил в парламентской фракции тори.

Сторонники Джонсона

Накануне голосования бывший премьер призвал своих сторонников «не умирать в канаве», т. е. не голосовать против доклада с предложенными в нем взысканиями. В партии тори скандал разгорелся с новой силой. Сторонники Джонсона обвинили Комитет в предвзятости, в заговоре бремейнеров против главного пропонента брекзита и, тем самым в стремлении обратить брекзит вспять – отменить его. Учитывая вероятность победы Лейбористской партии или формирования коалиции лейбористов и либеральных демократов на предстоящих в 2024 г. выборах (не позже января 2025 г.), консерваторы-брекзитеры имеют основания для беспокойства, поскольку в этих партиях

сильны позиции бремейнеров. Конечно, Британия не станет вновь вступать в Евросоюз, но тесное сотрудничество с Брюсселем не исключено.

Сторонники Джонсона представляют собой брекзитеров, причем не только идейных противников евроинтеграции в верхних эшелонах партии, но и группу рядовых депутатов-тори, избранных на внеочередных выборах в парламент 2019 г. в ранее надежных лейбористских округах на севере Англии – промышленных районах так называемой «красной стены» (*Red wall*). На референдуме 2016 г. и на выборах 2019 г. ЛПВ под руководством Дж. Корбина занимала межеумочную позицию, пытаясь удержать политическую лояльность и бремейнеров, и брекзитеров. Однако популистский лозунг Джонсона «Завершим брекзит» (*Get Brexit Done*) привлек избирателей, которые устали от длительной неопределенности из-за паралича парламента, в котором стороны не могли прийти к согласию. К тому же, лидер лейбористов Дж. Корбин занимал слишком левые позиции, чтобы средний британец мог допустить его приход к власти.

Страсти вокруг Джонсона касаются не только внутрипартийной борьбы. Уход Джонсона из парламента чреват распадом электоральной коалиции, которую ему удалось создать к выборам 2019 г., а именно утратой симпатий в округах «красной стены» на севере Англии. Депутаты-консерваторы от этих округов опасаются утратить места в парламенте.

Еще одна группа приверженцев Джонсона состоит из консерваторов низового звена партии. Раскол в партии уже получил организационное оформление. Сторонники Джонсона и приверженцы созданной после его отставки Организации за демократизацию Консервативной партии (*Conservative Democratic Organisation*) выступают за предоставление рядовым членам партии более широких прав. Конференция организации прошла на фоне поражения тори 4 мая на местных выборах (потеряли свыше 1000 депутатов).

Они считают, что Р. Сунак «предал» Джонсона, подав в отставку и спровоцировав падение его правительства. Правила выборов лидера партии таковы, что именно парламентская фракция тори определяет последовательным голосованием двух кандидатов, из которых уже рядовые ее члены избирают лидера. Рядовые члены партии предпочли Л. Трасс, а не Р. Сунака, но ее недолгое скандальное правление закончилось очередными выборами лидера тори. Верхушка партии изменила правила таким образом, что преемника Л. Трасс фактически «короновали» – низовое звено не получило возможности голосовать.

Требования CDO показательны для страны, которая считается образцовой западной демократией:

– участие низового звена в разработке правил выборов лидера (ныне прерогатива «Комитета 1922 г.» – объединения заднескамеечников, то есть депутатов парламентской фракции тори);

– участие в голосовании уже на первых этапах отбора кандидатов в лидеры партии;

– участие в избрании председателя партии (то есть против его назначения лидером партии);

– расширение полномочий местных отделений партии в выдвижении кандидатур на выборах всех уровней и др.

Сторонники Джонсона требуют подобрать ему надежный избирательный округ на предстоящих парламентских выборах, а противников Джонсона они, соответственно, обещали забаллотировать при отборе кандидатов от Консервативной партии. Многие из них опасаются потерять депутатский мандат на следующих выборах, учитывая непопулярность Консервативной партии. Джонсона они считают единственным лидером партии, который способен обеспечить ее победу на выборах. Отметим, что их не убеждает тот факт, что снижение рейтингов партии началось летом 2022 г. еще при правлении Джонсона.

Однако и противники Джонсона, считающие, что он дискредитирует партию, активизируются. Один из членов Комитета заявил, что приостановление депутатского мандата вновь вступит в силу, если Джонсон будет избран в Палату общин в будущем. Все же подобных прецедентов еще не было.

Учитывая низкий рейтинг правящей партии среди избирателей, можно было предположить, что большинство у консерваторов в Палате общин снизится. В связи с уходом из Палаты общин нескольких депутатов-тори (одни сложили полномочия, как Джонсон, другие назначены в Палату лордов) в июле прошли дополнительные выборы в трех округах, и в двух округах тори проиграли либерал-демократам и лейбористам, а в округе Джонсона все же выиграли, но с минимальным преимуществом (всего в 500 голосов)[8].

Список Джонсона

Премьер-министр перед выборами или в случае отставки обладает прерогативой наградить своих сподвижников за заслуги перед Соединенным Королевством титулами и орденами или провести в Палату лордов (то есть назначить в верхнюю палату пожизненно). Эта конвенция появилась относительно недавно, при Т. Блэре, когда количество наследственных пэров в верхней палате было значительно сокращено. Список утверждает действующий

[8] New MPs elected at July by-elections. URL: https://www.parliament.uk/business/news/2023/july-2023/new-mps-elected-at-july-by-elections/ (accessed: 25.07.2023).

премьер-министр, а затем его рассматривает Комисссия Палаты лордов по назначениям (*House of Lords Appointments Commission*).

Джонсон включил в список своих сподвижников даже тех, кто также получил штрафы за участие в вечеринках в период локдауна. Естественно, противники Джонсона отозвались о списке как о «фарсе», «тошнотворном оскорблении», «наградой за провалы» и стремлении провести своих сторонников в верхнюю палату, чтобы снизить влияние в ней бремейнеров.

Еще в 2019 г. по случаю роспуска Палаты общин в преддверии внеочередных парламентских выборов Джонсон назначил в Палату лордов своего младшего брата, но отца ему сейчас пришлось из списка вычеркнуть ввиду общественного возмущения и возражений Р. Сунака.

Все же Р. Сунак утвердил список Джонсона с весьма сомнительными лицами в нем, поскольку опасался обострения раздора в партии[9]. Ныне большинство Консервативной партии в Палате общин по разным причинам сократилось с 80 до 64 депутатов. Из списка Джонсона Комитет Палаты лордов по назначениям вычеркнул восемь кандидатур, из них четыре кандидатуры депутатов-тори[10]. Сунак не стал по просьбе Джонсона ни преодолевать вето Комиссии, ни обещать включить их в свой список к следующим выборам. Два парламентария из списка Джонсона в знак протеста сложили с себя депутатские полномочия. Скандал в партии набирал обороты. Под угрозой дисциплинарного взыскания Сунак запретил депутатам-тори выражать публичные негативные оценки в адрес Комитета по привилегиям.

Между тем скандальный список Джонсона по назначениям в Палату лордов привлек внимание межпартийного Комитета по государственным счетам (*Public Accounts Committee*), который намерен проверить, отвечает ли нынешняя система назначений в Палату лордов критериям формирования «эффективной» и «пользующейся доверием» верхней палаты. В проверке Комиссии по назначениям будет участвовать и Комитет по конституционным делам (*Constitutional Affairs Committee*). Они займутся также вопросами численности и роли Палаты лордов, введения срока полномочий пэров (ныне пожизненные),

[9] Еще в феврале 2022 г. Венди Чемберлен, главный партийный организатор Партии либерал-демократов, направила в Палату лордов письмо с просьбой наложить вето на любой список Джонсона, поскольку он предлагал титулы депутатам-тори нижней палаты, чтобы они ради перспективы пожизненного назначения в Палату лордов воздержались от вынесения ему вотума недоверия. Woodcock 2022.

[10] Скандал принял столь острый характер, что вопреки принятой практике, Комиссия опубликовала заявление, снимая обвинения сторонников Джонсона в адрес Сунака, которого они обвинили в том, что именно он сделал изъятия из списка. Депутаты из списка Джонсона утверждают, что Сунак не разъяснил им правило, согласно которому они должны были сложить мандат немедленно, чтобы войти в Палату лордов через 6 месяцев. 2023.06.12 – HOLAC Statement. URL: https://lordsappointments.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2023/06/2023-06-12-HOLAC-Statement.pdf (accessed: 15.06.2023).

ее взаимоотношениями с Палатой общин[11]. Рекомендации сократить численность и изменить процедуру назначений в нее были представлены еще пять лет назад, но правительство консерваторов никаких мер не предприняло.

Эксцентричный Джонсон намеренно эпатировал публику нарушением внешних правил поведения, чтобы привлечь внимание с целью политической карьеры. Однако, нарушая «правила игры» в политике, что позволяла неписаная конституция Британии (опирающаяся на некодифицированные традиции и конвенции), он зашел слишком далеко. Система решила защищать себя от злоупотреблений, которые дискредитируют «образцовую» западную демократию.

Речь о реформе Палаты лордов идет уже десятилетиями после незавершенной ее реформе при Т. Блэре, когда количество наследственных пэров было резко сокращено и возникла нынешняя система назначений по «партийным спискам». Лейбористы собираются в случае победы на выборах упразднить верхнюю палату.

Следует учесть, что еще не закончилось отдельное расследование под председательством баронессы Халлетт действий правительства Джонсона по борьбе с COVID-19 (смертность в Британии превышала средние значения по Европе).

Последствия для расстановки сил в преддверии парламентских выборов

В этой обстановке активизировался Н. Фарадж, который возглавлял Партию независимости Соединенного Королевства (ПНСК), а затем партию «Брекзит», и оказал немалое влияние на решение Д. Кэмерона все же провести референдум о членстве Британии в ЕС (2016 г.). Кэмерон тогда опасался, что партия Фараджа отберет голоса у консерваторов на выборах 2015 г., а потому еще в 2013 г. дал обещание провести референдум. С выходом Британии из ЕС партии Фараджа практически сошли с политической арены. Однако Н. Фарадж намекает на вероятность своего возвращения в политику, хотя предпочитает дождаться победы лейбористов и либерал-демократов на следующих выборах. Они намерены, как сообщают СМИ, все же изменить мажоритарную избирательную систему на близкую к пропорциональной, чтобы предоставить малым партиям шансы справедливого представительства в парламенте. Интерес лейбористов – обеспечить в союзе с либерал-демократами формирование правительства.

[11] House of Lords membership probe in wake of Boris Johnson peerages. URL: https://www.express.co.uk/news/politics/1782826/House-of-Lords-membership-probe-Boris-Johnson-peerages (accessed: 25.07.2023).

Следует обратить внимание на положение в Шотландской национальной партии (ШНП), переживающей кризис. Он связан с коррупционным скандалом, в котором замешан супруг Н. Стерджен, лидера партии и первого министра Шотландии, ушедшей в феврале 2023 г. в отставку. Новый лидер ШНП Х. Юсаф не пользуется достаточным авторитетом, чтобы поддерживать единство партии. Шотландские националисты предполагали добиться со стороны ЛПВ поддержки повторного референдума о независимости в случае формирования «подвешенного парламента», то есть в обмен на свою поддержку лейбористам в Вестминстере. Однако ЛПВ заявила, что не станет вступать в союз с ШНП, которая стремится разрушить Соединенное Королевство. Перспективы ШНП на следующих парламентских выборах, как и дело независимости Шотландии, выглядят слабо, и лейбористы в регионе рассчитывают отобрать часть избирателей у ШНП. К лету 2023 г. опросы уже длительное время показывали огромное преимущество ведущей оппозиционной партии. Так, видный британский политолог профессор Р. Роуз полагал на основании данных по избирательным округам, что ЛПВ получат более 400 мест в парламенте (из 650)[12]. Соответственно, не только принципиальный отказ ЛПВ от сотрудничества с ШНП, но и электоральная расстановка сил уже не вынуждала лейбористов устанавливать какой-либо союз ни с шотландскими националистами, ни с либерал-демократами.

Проблем у правительства Р. Сунака много: снижение уровня жизни населения; растущие счета за энергопотребление домохозяйств; инфляция, достигавшая 10 %; государственный долг свыше 100 % ВВП; забастовки работников социальной сферы объясняют причины, по которым консерваторы попрежнему существенно отстают от лейбористов по опросам[13]. Верхушкой недовольны и рядовые консерваторы[14], причем сильно. 4 июля 2023 г. был опубликован ежемесячный опрос рядовых консерваторов. Девять министров Кабинета располагались по популярности в минусовой зоне, что само по себе скандально, а глава правительства Р. Сунак перешел в минусовую зону (-2,7 %). Первое место стабильно занимал министр обороны Б. Уоллес, но и его поддержка снизилась (с 84,5 до 77 %). Сунак был намерен провести перестановки в правительстве в конце лета, ближе к ежегодной партийной конференции в октябре, уже расставшись с тремя министрами из-за отставок или увольнения. Председатель партии Н. Захави был уволен за налоговые нарушения, совершенные еще в бытность министром финансов (!). Ушли с постов после обвине-

[12] Rose 2023.
[13] Voting Intention: Con 25 %, Lab 44 % (19–20 Jul 2023). URL: https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2023/07/26/voting-intention-con-25-lab-44-19-20-jul-2023 (accessed: 26.07.2023).
[14] Goodman, Hill 2023.

ний в грубости по отношению к подчиненным министр образования Г. Уильмсон (тот самый, который на посту министра обороны в правительстве Т. Мэй заявлял, что «Россия должна уйти и заткнуться»), а также заместитель премьер-министра и министр юстиции Д. Рааб.

На этом фоне Джонсон не теряет надежды вернуться в большую политику. Однако помимо вечеринок начато расследование мер правительства Джонсона в период пандемии COVID-19. По запросу баронессы Халлетт, возглавляющей расследование, действующее правительство вынуждено было предоставить неотредактированные сообщения Б. Джонсона в WhatsApp за тот период в дополнение к журналам учета посещений и личным записным книжкам. К выборам расследование может еще не закончиться, но парламентские перспективы бывшего премьера могут осложниться.

***

В правление Джонсона были предприняты действия, подрывающие систему сдержек и противовесов, а также законы, укрепляющие исполнительную власть в ущерб законодательной и судебной[15]. Что касается функционирования парламента, то речь идет об отмене Закона о фиксированном сроке полномочий парламента 2011 г. и возврате премьер-министру права распускать парламент и назначать дату всеобщих выборов, что усиливает «административный ресурс» правящей партии (*Dissolution and Calling of Parliament Act 2022*).

В случае победы лейбористов вероятно введение избирательной системы, близкой к пропорциональной, по инициативе ЛПВ и ПЛД при поддержке малых партий, в том числе партии «Реформировать Соединенное Королевство» (*Reform UK*), к которой Н. Фарадж ныне относится.

Возможно, в случае победы лейбористов будет проведена реформа палаты лордов: лейбористы заявили о намерении вообще упразднить верхнюю невыборную палату парламента. Претворят ли они в жизнь свое намерение – вопрос открытый. Однако в самой палате лордов по инициативе Комиссии по назначениям и Комитета по конституционным делам пройдут реформы, которые не состоялись бы, если бы не злоупотребления Б. Джонсона.

За год-полтора до выборов в политической жизни Британии, где нестабильность стала стабильной, могут произойти разные события. Безусловно, политический процесс не теряет управляемости, но негативные последствия правления Консервативной партии могут иметь для британского парламентаризма отложенный и кумулятивный эффект.

[15] White 2022.

Литература / References

Ананьева 2022 = *Ананьева Е. В.* Британия: новые премьеры, новый монарх через призму политической культуры // Современная Европа. 2022. № 6. С. 35–50. **DOI:** 10.31857/S0201708322060031; **EDN:** GOOYJT

Ananieva E. V. Britanija: novye prem'ery, novyy monarh cherez prizmu politicheskoy kul'tury [The UK: New Prime Ministers, a New Monarch Through the Prism of Political Culture] // Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2022. No. 6. P. 35–50. **DOI:** 10.31857/S0201708322060031; **EDN:** GOOYJT

Goodman, Hill 2023 = *Goodman P., Hill H.* Our Cabinet League Table. A record nine Ministers are in negative ratings – including Sunak. URL: https://conservativehome.com/2023/07/04/our-cabinet-league-table-a-record-nine-ministers-are-in-negative-ratings-including-sunak/ (accessed: 04.07.2023).

Lilly 2023 = *Lilly A.* Privileges Committee investigation into Boris Johnson. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/explainer/privileges-committee-investigation-boris-johnson (accessed: 05.07.2023).

O'Flynn 2023 = *O'Flynn P.* The truth about Boris Johnson's 'betrayal' myth. URL: https://www.spectator.co.uk/article/boriss-betrayal-myth-is-hard-to-believe/ (accessed: 15.07.2023).

Rose 2023 = *Rose R.* Labour still in the 400 Club. URL: https://www.electoralcalculus.co.uk/blogs/ec_rrose_20230630.html (accessed: 02.07.2023).

White 2022 = *White H.* What Boris Johnson taught us about the UK constitution. 17.08.2022. https://www.prospectmagazine.co.uk/politics/what-boris-johnson-taught-us-about-the-uk-constitution-parliament (accessed: 03.07.2023).

Woodcock 2022 = *Woodcock A.* Watchdog urged to stop Boris Johnson using honours to win back Partygate rebels. URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/partygate-honours-knighthoods-boris-b2013807.html (accessed: 25.07.2023).

Научное издание

Исследования зарубежной истории

Выпуск 3

Самарский филиал ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
443081, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Формат 60x90 1/8.
Усл. печ. л. 58,75. Тираж 100 экз.
Заказ № 214 от 14.09.2023